

С. Т. МАХЛИНА

Знаки, символы и коды культур Востока и Запада

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

С. Т. МАХЛИНА

Знаки, символы
и коды культур
Востока
и Запада

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ

УДК 7.01
ББК 71.0
М 363

Махлина С. Т.

М 363 Знаки, символы и коды культур Востока и Запада
/ С. Т. Махлина. – СПб.: Алетейя, 2019. – 474 с.

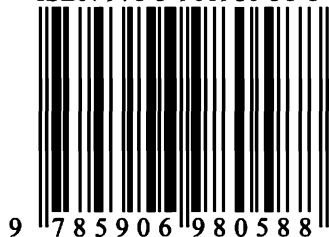
ISBN 978-5-906980-58-8

В новую книгу известного российского философа и культуролога вошли избранные исследования по семиотике и компаративистике культуры Запада и Востока: семиотика смерти и скандала, семиотика свадьбы и материнской любви, семиотика тюрьмы, войны, революции и терроризма. Особое место занимают исследования телесных практик и ритуалов индейцев древней Мезоамерики и Калифорнии, мистики чисел и масонских символов в русской культуре.

Книга может быть интересна ученым гуманитарных специальностей, а также студентам и аспирантам по специальностям: «Лингвистика и семиотика», «Семиотика культуры», «Теория и история культуры», «Культурология», «История мировой культуры».

УДК 7.01
ББК 71.0

ISBN 978-5-906980-58-8

© С. Т. Махлина, 2017
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

*Моей прелестной дочери —
единственной и неповторимой*

Предисловие

Каждый преподаватель высшего учебного заведения, помимо чтения лекций, обязан выполнять вторую половину нагрузки — публикацию теоретических работ. И это вполне резонно. Ибо читать лекции должен специалист, работающий в научной сфере, так как только это способствует повышению его интеллектуального потенциала и способствует его престижу перед студентами. Как правило, преподаватели серьезно относятся к этой стороне своей профессиональной деятельности. Во всяком случае, для меня это всегда было интересным и значимым аспектом моей работы. Именно поэтому я всегда стремилась участвовать в разных научных конференциях, симпозиумах. Многие из опубликованных работ потом оказались включенными в книги. Но большинство статей остались за их пределами. Очень часто такие сборники статей становятся так называемыми «братскими могилами». Их в большинстве случаев не читают, не знают, не обращают на них внимания. А между тем там много интересных идей и серьезных размышлений. Зачастую это связано с тем, что такие сборники труднодоступны для широкого читателя. И известны они лишь тем, кто публиковался в этих сборниках.

К сожалению, восстановить все статьи за долгие годы преподавания оказалось довольно сложно. Дело в том, что начинала я публиковаться в те времена, когда еще не было компьютеров и статьи у меня не сохранились. Кроме того, довольно часто бывало, что отданные в печать работы по разным причинам так и не были опубликованы, но безвозвратно оказались утраченными. Так, чрезвычайно жалко, что таким образом пропала статья «Духовность в искусстве и духовное искусство». Но самым большим огорчением для меня оказалось то, что таким образом оказалась потерянной статья о Клаусе Манне. Дело в том, что, по моему мнению, этот писатель оказался в тени своего великого отца. И остался в истории литературы недооцененным. По телевидению на канале «Культура» несколько раз был показан сериал «Семья Манн». В этом фильме Клаус Манн выведен как наркоман и человек нетрадиционной сексуальной ориентации. А вот что он был выдающимся писателем ничего не говорится. Во всяком случае, его роман «Мефисто» без-

условно шедевр, показывающий тлетворное влияние тоталитаризма на творческую личность. Именно этот роман был положен в основу одноименного произведения Иштвана Сабо, экранизация которого была воспринята с восторгом и большинство его зрителей считало, что режиссер довел до высшего уровня первоисточник. На самом деле это совсем не так. Конечно, Иштван Сабо — выдающийся кинорежиссер. Но пафос статьи был направлен на восстановление исторической справедливости. Увы, сегодня мне уже не написать столь заинтересованное исследование об этом замечательном и талантливом писателе.

Возникает вопрос: а зачем публиковать статьи, которые были написаны ранее? Дело в том, что, несмотря на сетования о том, что сегодняшняя молодежь, увы, нелюбознательна, ничем не интересуется, на самом деле это не так. И если студенты интересуются какой-либо темой, очень хочется, чтобы они имели возможность ознакомиться с теми наработками, которые были сделаны преподавателем. А искать в сборниках — это сложно. Поэтому отослать их к опубликованной книге — будет для них полезным и удобным.

Предлагаемая книга построена следующим образом: В ней несколько разделов. Один из них посвящен семиотическим проблемам. У меня несколько книг посвящено семиотике. Но не все статьи вошли в них. И многие считают, что моя специальность — семиотика. Между тем мною написано много работ и по культурологии. Поэтому далее следуют культурологические темы. Заключают книгу работы, посвященные проблемам образования в области культуры.

СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ

Семиотика животных в мифах Ближнего Востока

(Опубликовано: «Вестник Санкт–Петербургского государственного университета культуры и искусств № 4 (17), декабрь 2013, с. 105–111)

Животные — важная часть действительности, окружающая человека. Уже в первые этапы становления человеческой культуры животные занимали огромную сферу внимания людей, ибо от того, насколько освоен мир животных, зависело существование сообщества. Не случайно поэтому во всех мифах народов мира присутствуют животные. Есть они, конечно, и в мифология Ближнего Востока. Однако в разных регионах они интерпретировались по–разному, семантика их была различной.

«Миф — это продукт человеческого воображения, порождаемый определенной ситуацией и предназначенный для какой–то цели»¹.

Г.С. Хук различает мифы ритуальные, обеспечивавшие действенность ритуалов; этиологические, объяснявшие происхождение того или иного обычая, имени или даже предмета; культовые мифы возникают в ходе становления религии Израиля, когда ритуал сопровождался мифом, описывавшим событие в терминах, заимствованных из вавилонских и ханаанейских мифов; возвеличивающие, группирующиеся вокруг наименований известных богов; эсхатологические, восходящие к эсхатологии зороастризма, но особенно характерные для иудейской и христианской мысли. К эсхатологическим мифам он относит евангельские повествования, подчеркивая при этом, что их «историческая достоверность не подвергается сомнению», но при этом «функция мифа заключается в выражении на языке символов и посредством образов того, что невозможно передать словами. Здесь миф придает символике расширительное значение»². Эсхатологическое применение мифа, по Г.С. Хуку, пришло в христианство из иудаизма и в полной мере проявилось в Откровении святого Иоанна Богослова.

---

¹ Хук Г.С. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 4.

² Там же, с. 9.

Наиболее древние мифы, повлиявшие во многом на мифы Древнего Востока — это шумерские мифы. В них много персонификаций животных. Птица грома Имдугуд идентифицируется с изначальным обликом бога, лишенного человеческих черт³. Первоначально внешний облик Нингурсу представлялся «как грозная туча, которая рисовалась мифотворческому восприятию громадной птицей, парящей в небе с распростертыми крыльями. Так как громовые раскаты могли исходить не иначе как из львиной пасти, птица издревле была наделена головой льва»⁴.

В снах Гудеа, правителя Лагаша, записанных в шумерских клинописных текстах, множество животных, имеющих семиотическое значение: львы, птицы Тибу, молодой осел, бык, козленок⁵.

Миф о потопе существует у многих народов. В связи с этим мифом ассириолог-самоучка Джордж Смит (работал гравером и изготовлял медные доски с иллюстративными таблицами) первым разобрал в поврежденной клинописной табличке л всемирном потопе, который очень напоминал библейский. «так для человечества вновь был открыт эпос о Гильгамеше»⁶.

В шумерской мифологии боги создали людей для того, чтобы они возделывали землю и освободили богов от необходимости добывать себе трудом пропитание. У шумеров богини создали людей из глины, находящейся над «бездной», у вавилонян — из крови мятежника Кингу, но люди не оправдывают ожидания богов и тогда боги решают уничтожить человечество с помощью потопа. Однако Энки сообщает благочестивому царю Шуруппака Зиусидре как построить ковчег и тем самым спасает людей и животных.

У вавилонян эта версия мифа она получает более объемные формы. Здесь уже Эйя, а не Энки, рассказал Утнапиштиму как построить ковчег, в котором должно поместиться все живое. После бури ковчег остановился у горы Ницар. Подождав 7 дней, Утнапиштим выпустил сначала голубя, который вернулся, не найдя пристанища, затем ласточку, которая тоже возвращается. И лишь когда он послал ворона, тот нашел

³ Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. — М.: Восточная литература, 1995, с. 29.

⁴ Там же, с. 150.

⁵ См. об этом: Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). — СПб., Алетейя, 1998. — 540с., с. 199–217.

⁶ Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). — СПб., Алетейя, 1998. — 540с., с. 220.

пищу и не возвратился. Сравним с Библией, где совсем иная последовательность и иные семиотические значения этих пернатых.

Вавилонский эквивалент Зиусидры — Утнапиштим, получивший за спасение человечества бессмертие, рассказывает Гильгамешу о растении, которое может омолодить старика. Это растение Гильгамеш сумел достать. Но на обратном пути в Урук, когда он остановился у водоема, чтобы омыться и сменить одежду, змея утащила чудодейственное растение. С тех пор змея сбрасывает кожу и может обновляться.

Так, в мифе об Этане и орле Этана — царь, которому боги передали знаки царской власти. Но для того, чтобы обеспечить преемственность царской власти, ему нужен был наследник, которого не было. Шамаш велел Этану перейти через гору, где он найдет плененного орла. Освобожденный орел покажет ему траву рождения. Оказывается, с начала времен змея и орел договорились о том, что будут охранять и снабжать пищей детенышей друг друга. Но по прошествии времени орел затаил обиду на змею. Когда она была на охоте, орел пожрал ее детенышей. Шамаш — бог правосудия и блюститель порядка научил змею, как обломать орлу крылья, заманив орла в яму и там оставить. Конец вполне оказывается оптимистичным. Все получают то, чего хотели.

В ассирийской мифологии голубь почитался как священная птица. Как известно, Ассирия славилась своей жестокостью: привычными были сдирание кожи с пленных, отрубание рук, ног, выдавливание глаз и т.п.. не случайно запечатлевали они на рельефах сцены охоты на животных, со всеми подробностями мучительной агонии зверей⁷. Интересно, что австрийский этнолог Конрад Лоренц «считал голубей одними из самых жестоких представителей животного мира»⁸.

Древнеегипетские мифы отличаются от месопотамских, так как здесь совсем другие условия жизни, более комфортные и приятные для людей. И все же в них много общего: «Между египетской и шумеро-аккадской мифологиями имеется известное сходство, однако гораздо важнее их бросающееся в глаза различие... Обе страны расположены в долинах рек... Но как конфигурации великой египетской реки, так и ее поведение кардинально отличают ее от речной системы Тигр — Евфрат»⁹. Да и в самом Египте юг и север отличаются друг

⁷ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. — Ростов н/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО издательство «Северо-Запад», 2006. — 463 с., с. 327.

⁸ Там же, с. 307.

⁹ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 55.

от друга. «Различие между этими «двумя землями», как их называют египтяне, достаточно велико, чтобы оказать значительное влияние на мифологическую и человеческую историю страны»¹⁰.

Правда, здесь много змей. Скорпионы, укусы которых смертельны. Поэтому защищают от них священные зверьки — еж и мангуст, а также Хемсут и Ка — «воплощение покровительства и спасения от бед»¹¹.

Несомненно, что в египетских мифах множество животных, ибо без них человек не может существовать. При этом надо помнить, что человек, по представлениям древних египтян имел двойника «Ка» и «Ба», который, по мнению А.Л. Вассоевича, представляет собой «душу»¹². Эту душу древние египтяне изображали в виде птицы с головой человека, так как по их представлениям, душа — это то, что вылетает из человека¹³. Ка — это, по мнению Ю.Я. Перепелкина — полнота жизненных сил. Поэтому это «Ка» — могучий бык.¹⁴ При этом, как указывает Ю.Я. Перепелкин: «Боги могли обратиться друг в друга или оказаться частью тела или «именем» один другого»¹⁵. У Солнца «Ба» — черный бык, а у вечернего Солнца — сфинкс. А.Л. Вассоевич сетует о неопубликованном суждении Ю.Я. Перепелкина о том, что все всевозможные гибриды египетского пантеона — человекольвы, человеколошади, и т.п. — плод измененного состояния в условиях длительной изоляции человека¹⁶. Кроме «Ка» и «Ба», у богов и людей есть другие души-сущности. «Рен» — имя. Поэтому имя обязательно писалось на могиле. Если имя стиралось, значит это было страшным деянием, за которое наказывали смертью. «Ах» — сияние (Просветленный, Блаженный) — изображался в виде хохлатого ибиса. Кроме того, были еще «Шуит» — тень и «Сах» — тело. Омытое тело Сах было основой для создания мумии. Причинявшие телу уве-

¹⁰ Moret A. The Nile and Egyptian Civilization. L., 1927, p. 27.

¹¹ Рак И.В. Мифы древнего Египта. — СПб.: «Петро-РИФ!», 1993. — 270 с., с. 156–157.

¹² Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). — СПб., Алетейя, 1998. — 540 с., с. 175.

¹³ Там же, с. 177.

¹⁴ См. об этом: Перепелкин Ю.Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства // Палестинский сборник. Вып. 16. — М., Л., Наука, 1966, с. 9.

¹⁵ Перепелкин Ю.Я. Древний Египет // история Древнего Востока. Зарождение древнейших классов общества и первые шаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. — М.: наука, 1988, с. 379.

¹⁶ См. об этом: Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). — СПб., Алетейя, 1998. — 540 с., с.254.

чья, даже парасхиты (вскрываютели трупов перед мумификацией) подлежали презрению. Поэтому парасхит, сделав надрез кремневым ножом, сразу же убежал. А все присутствующие осыпали его проклятиями и швыряли в него камни¹⁷. Связанные с ними обряды и верования практически неизвестны¹⁸.

Сами боги могли быть в облике животных, причем «один и тот же бог мог представлять в разных обликах. Его изображали то в виде животного, то в виде человека со звериной головой, либо просто ставили символ–иероглиф. У некоторых богов имена менялись согласно время суток. Так, утреннее солнце воплощал бог Хепра: он принимал облик жука–скарабея и катил солнечный диск до зенита. Дневное солнце воплощал бог Ра — человек с головой сокола. А вечернее. «умирающее» солнце — бог Атум»¹⁹. В долгих боях с исчадиями мрака бог Ра состарился. Силы его стали убывать, ум притупился. Люди, смертные, узнав об этом, решили свергнуть его с престола и самим управлять миром. Совет богов решил, что с бунтовщиками расправится богиня Хатхор, дочь Ра. Она превратилась в львицу Сохмет и стала пожирать людей. Тогда боги быстро растолкли красный камень диди в порошок, насыпали его в крепкое пиво и разлили в долине. Львица Сохмет приняла жидкость за кровь и стала ее лакать. Захмелев, она крепко заснула. Проснувшись она в образе Хатхор — богини любви, которую изображали в облике юной девушки с короной в виде золотого диска и коровьих рогов²⁰. Но у египтян «Хатхор сливается с образом львицы Сохмет, а иногда с ними обеими отождествляется львица–Тефнут»²¹. Баст — богиня–кока, дочь Ра и помощница в борьбе с Апопом. Кроме того, она богиня веселья и любви²². Бог–крокодил Себека покровительствовал охоте и рыбной ловле²³, бык Апис — душа Ка мемфисского Птаха, олицетворение плодородия. Многим богам сопутствовали животные. Так, ибис — священная птица Тота. И.В. Рак приводит развернутый указатель имен и их семантическое наполнение в своей книге²⁴.

¹⁷ Рак И.В. Мифы древнего Египта. — СПб.: «Петро–РИФ!», 1993. — 270 с., с. 155.

¹⁸ Там же, с. 153.

¹⁹ Мифы и сказки Древнего Египта / сост. Г.А. Мачинцев. — СПб.: ПКФ «ОЮ–92», 1993. — 208 с., с. 5.

²⁰ Там же, с. 37.

²¹ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. — Ростов н/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО издательство «Северо–Запад», 2006. — 463 с., с. 27.

²² Рак И.В. Мифы древнего Египта. — СПб.: «Петро–РИФ!», 1993. — 270 с., с. 160.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 187–240.

Когда роженица начинает рожать, ей на помощь спешат Хатхор, Исида и Мешенит. У этой Мешенит в облике молодой красивой женщины в уборе из разноцветных перьев есть мохнатые уродцы–карлики Бэсы и их жены — Бэсит — женщина с головой львицы и Таурт — беременная самка гиппопотама с женскими грудями, руками и волосами и с зубами крокодила²⁵.

Богиня справедливости Маат окружила мир высокими горами, поддерживавшими небесную реку. Для плавания по ней она построила две ладьи — Манджет — дневную, Мектет — ночную. Дневная ладья перевозила Солнце с востока на запад, ночная доставляла Ра по подземной реке через царство мертвых Дуат обратно на восток. Головной убор Маат украшает пушистое перо, являющееся символом справедливости. Крылатый Гор в образе сокола летит впереди Ладьи. Крокодилы, гиппопотамы и ползучие ядовитые твари пытаются напасть на Ладью врасплох. Увидев приближающуюся ладью, павианы поют:

Великий Ра!
Ты сотворил птиц, зверей и растения,
Мы воздаем тебе хвалу!
Мы услаждаем твой слух
Мелодичным пением
И пляшем для тебя...²⁶

Когда ладья приближается в каменным воротам подземного царства, все перемещаются в новую ладью Месектет. К ним присоединяется змей Нехен, грозный Акер, Нехебкау. Этот Нехебкау имеет человеческое тело и змеиную голову. Вместе богом–волком Упуату они являются привратниками и охраняют Загробный Мир. Кроме того, только Упуат знает тайные заклинания и поэтому этого бога–волка называют «Открывателем Путей»²⁷.

В мифах об Апопе, враге Ра, повествуется об его низвержении и полном уничтожении. Апоп предстает в мифе в виде змея, символизирующего «мрак, который солнце ежедневно побеждает, начиная путь по небу в своей божественной ладье, и особенно в утро Нового года»²⁸.

²⁵ Рак И.В. Мифы древнего Египта. — СПб.: «Петро–РИФ», 1993. — 270 с., с. 145.

²⁶ Мифы и сказки Древнего Египта / сост. Г.А. Мачинцев. — СПб.: ПКФ «ОЮ–92», 1993. — 208 с., с. 46–47.

²⁷ Там же, с. 47.

²⁸ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 64.

Он иногда одерживает победу над Ра. Тогда на Египет налетает буря. Иногда Апоп ухитряется проглотить небесную ладью — тогда на земле наступает затмение. В Подземном Дуате Апоп опять напал на Ра. Но Ра обратился в кошку²⁹ и, вооружившись мечом, отсек голову Апопу, который проглотил подземную реку и таким образом образовал мель, на которой застряла ладья. Вылившаяся вода дает возможность продолжить путь. В конце концов Апоп обращается в бегство, потому его заклинания в прозе, и вдохновенные гимны Маат — богини справедливости — имеют большую силу³⁰.

В додинастический период Тот был богом нома ибиса, затем он стал богом луны, замещающим бога Ра в подземном мире. А ибис таким образом оказался символом Тота. Тот помогал Осирису в его делах. Он дал людям письменность, научил их знаниям в области астрономии, медицины, математики. В некоторых мифах Тот обращается в павиана, сумев обуздать лестью своенравную богиню Тефнут, превратившаяся из дикой львицы в кроткую газель, увидевшую красоту страны, о которой ей рассказывал Тот³¹. Омыв свое тело в озере священного острова, она превратилась в прекрасную девушку. Тефнут стала богиней добра и зла. На голове у нее диадема — круг со змеей — символом божественного ока — Уджат³². Покровительницей сера была богиня-кобра — Уаджет, что соответствовало слову «зелена» по цвету папируса³³.

Бог ночи — Анубис — с головой шакала. Он — неумолимый страж загробного мира. Навлекающий ужас на осквернителей могил.

В целом весь мир предстал для древнего египтянина множеством символов. Так, богиня Неба представлялось в виде коровы.

Гор — сын Исиды и Осириса — в виде сокола или человека с головой сокола. Когда сет вырвал глаза Гора и тот ослеп, Хатхор подоила газель и, влив в незрячие глаза свежее молоко, вернула зрение Гору. Разъярен-

²⁹ Кошка — священное животное. Поэтому они пользовались особым почетом и уважением в Древнем Египте. Они считались самыми красивыми животными и красавицы стремились перенимать их грациозные движения. Современные ученые даже обнаружили священный город, где жили несколько тысяч кошек, за которыми ухаживали специальные слуги.

³⁰ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. — Ростов н/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО издательство «Северо-Запад», 2006. — 463 с., с. 35.

³¹ Мифы и сказки Древнего Египта / сост. Г.А. Мачинцев. — СПб.: ПКФ «ОЮ-92», 1993. — 208 с., с. 30.

³² Там же, с. 30, 31.

³³ Там же, с. 32.

ный Сет превратился в гиппопотама, но победить Гора даже в таком облике не сумел.

Исида, защищая Гора, превращается в коршуна. Но чаще всего она изображается в головном уборе с коровьими рогами, между которыми помещается солнечный диск.

Людей же сотворили боги. Первых людей бараноголовый бог Хнум вылепил из глины. По другой легенде бог Ра от радости, что так прекрасно сотворил мир, заплакал, и слезы, упавшие на землю, превратились в людей.

В Угаритской мифологии, представляющей собой промежуточный регион между цивилизациями Вавилона и Египта — в районе Ханаана, где люди говорили на семитских языках, мифы и легенды делятся на три группы: Самая большая группа — о приключениях и деяниях бога Баала и его отношениях с другими представителями пантеона. Вторая группа посвящена царю Хубура, Керету. Третья — Акхату, сыну Даниэля, легендарного царя.

Высший бог угаритской мифологии — Эл, часто именуемый Бык Эл. Он — отец богов, обитает в поле у источника рек. Его сын Баал, бог плодородия. С ним враждует бог морей и рек Йам–Нахар — любимец Эла. Бог ремесленников Котар–и–Хасис, богиня солнца Шапаш (как похоже на бога солнца Шамаша в аккадской мифологии!). Жена Эла — Ашторет, мать богов, повелительница моря — Ашера, ее сын Аштар, для которого она добивается трона Баала, бога молнии и грома, сестра Баала — Анат.

В некоторых сказаниях Угарита грифы — символы бесплодия земли. Баал убивает грифов и их мать Сумул.

В целом в угаритской мифологии явно ощущается влияние вавилонской и египетской мифологии. Доминирующей становится вавилонская мифология. Однако для нас важно, что ханаанская, т.е. угаритская мифология оставила заметные следы в еврейской мифологии.

Интересен миф о боге Телепине, сыне бога грозы, повествующий о возвращении исчезнувшего бога. Телепин ушел, так как оказался в ярости — из-за отсутствия табличек, отчего это произошло — неизвестно. Но, уйдя в степь, Телепин остается там и засыпает. В его отсутствие страну покрывает туман, наступает засуха и голод и многие другие несчастья. Естественно, что отец, бог грозы, начинает поиски сына. Он посылает быстрокрылого орла, но он возвращается ни с чем. Богиня Ханнаханна посылает Пчелу, которая должна ужалить Телепина, смазать ему воском глаза и ноги и привести к богам. Пчела выполняет все

повеления богини, но Телепин еще больше рассвирепел, пробужденный от сна. Богиня Камрусепа производит обряд очищения и Телепин возвращается на крыле орла. Камрусепа укрощает гнев Телепина. И его гнев изгнан в преисподнюю.

Одно из главных животных в хеттской мифологии — Лев.

Таким образом, и в хеттских мифах мы видим большое влияние вавилонских мифов. Но при этом многое из хеттских мифов восходит к греческому и европейскому фольклору.

Говоря о древнееврейской словесности, следует иметь в виду, что Ветхий Завет в изобилии содержит мифологический материал. В Книге Бытия можно проследить традицию двух ранних переселений народа в Ханаан. Первые поселенцы во главе с Авраамом появились в Ханаане из Ура Халдейского примерно в середине XVIII в. до н.э. и осели в окрестностях Хеврона. Позднее кочевые и полукочевые переселенцы арамейских племен пришли во главе с Иаковом и поселились вокруг Сихема. Третья волна евреев вышла из рабства в Египте в конце XIII в. в Ханаан, где жили семиты, как и они, но занимались земледелием, а пришельцы были скотоводами. Так как Ветхий завет — продукт многовековой работы редакторов, то здесь модно найти разночтения. Сложно выявлять источники и первоначальные формы мифов, здесь содержащихся, изменения, внесенные еврейскими авторами, их собственные мифы. Как утверждает С.Г. Хук, «В окончательной редакции Ветхого Завета большая часть мифологического материала собрана в первых одиннадцати главах Книги Бытия, а другие мифы, разбросанные в фрагментарных формах по еврейским сказаниям и поэзии...»³⁴. Он считает, что основой здесь служит палестинская, выражающая раннеханаанейские представления, а не месопотамская или египетская мифологии, хотя источник, которым пользовались палестинские мифы — месопотамский³⁵.

Представление о рае в Книге бытия, где первый человек наделен мудростью и способностью слышать советы Бога, очень близко представлению о божественном саде шумерских мифов, где нет болезней, смерти и дикие звери не охотятся друг на друга. Это описание рая можно найти в шумерской поэме. Крамер назвал ее Эпосом об Энмеркаре.

³⁴ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 92–93.

³⁵ Там же, с. 98–99.

А там, в Дильмуне, ворон не каркает.
 Птица «смерти» криков смерти не накрикивает.
 Там лев не бьет.
 Волк ягненка не рвет.
 Там собака сторожевая, как козлят стерегут, не знает.
 Там свинья зерна не пожирает.
 Вдова на крыше солод не расстиляет
 Птица небесная тот солод не склевывает.
 Там голубь головою не вертит
 Там хворь глазная «я хворь глазная» не говорит.
 Там старый «я старый» не говорит.
 Там девушка не умывается, водой из океана не плещется.
 Там перевозчик «навались» не кричит.
 Там страж вокруг зубцов не кружит.
 Там певец песнопений не распевает,
 Плачей за городом не заводит³⁶.

Как видим, в рае нет воды. В семитском варианте шумерских мифов место Дильмун, место рая, располагалось в устье Персидского залива. В шумерском мифе богиня–мать Нинхурсаг посадила в саду богов 8 растений. Но Энки, проголодавшись, съел их все. Нинхурсаг, разгневавшись, прокляла его и ниспослала на него смерть. Энки заболел и стал умирать. Никто не мог ему помочь, даже Энлиль. Боги заставили Нинхурсаг исправить положение. Она создала 8 богинь–целительниц. Одной из них была богиня, созданная из ребра Энки и она получила имя Нинти, что означает «госпожа ребра». При этом шумерское слово «ти» означает и «ребро», и «давать жизнь». И в древнееврейском мифе женщина была создана из ребра Адама, и имя ее Ева означает «жизнь». Близость этих мифов обусловлена и тем, что и там, и здесь, тема смерти и болезней, поиски бессмертия стали основой мифов о рае, творении, потопе, ставшие традиционными в мифах народов, испытавших на себе влияние месопотамской культуры.

Как верно пишет С.Г. Хук: «Такие образы и символы мифа, как убиение дракона, сад, древо познания добра и зла, змий, стали языком, дающим возможность выразить то, что иным путем выразить невозможно»³⁷.

³⁶ Цит. по: Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 101–102.

³⁷ Там же, с. 104.

Один из важных мифов — миф о Каине и Авеле Оба они — дети Адама и Евы. Рождены они были после изгнания родителей из рая. Каин — земледелец. Авель — скотовод. Оба приносят жертвы богу Яхве, но жертвы Каина отвергнуты. Охваченный завистью Каин убивает Авеля. Это было выражение вражды между оседлыми земледельцами и скотоводческими полукочевыми народами.

Любопытно, что еврейский Новый год праздновался в течение 7 дней и в какой-то мере напоминал вавилонский новогодний праздник и в целом новогодние торжества в городах Месопотамии с древних времен, а также афинский ритуал Буфония.

Во время вавилонских новогодних празднеств, связанных с земледелием, жрец, приносивший жертвоприношение, и заклинатель, изгонявший зло, забивали овцу, ее кровью обмазывали стены храма и затем убегали в пустыню. В еврейском празднике Судного Дня забивают козла, но вместо людей в пустыню отпускают второго козла, «козла отпущения» грехов. Считается, что бегство Каина сначала имело ритуальное значение. После убийства, которое, вероятно, было ритуальным, и Каин, по всей видимости, относился к священному сословию. Если у египтян не было мифа о потопе, хотя и существовал миф об уничтожении человечества. У вавилонян причина потопа — люди слишком шумели и мешали богам. Можно сравнить с индейскими верованиями, где также люди мешали богам. Для еврейских авторов потоп стал предзнаменованием катастрофы, вызванной бунтом человека против Бога. Ясно прослеживается связь между библейским потопом и его месопотамском происхождении. Как отмечает С.Г. Хук, «процесс трансформации носил гораздо более радикальный характер и мифы приобретали более глубокий религиозный подтекст...»³⁸.

Надо подчеркнуть, что мифы об уничтожении человечества по-разному претворялись в Египте, Месопотамии. В Книге Бытия к этому сюжету примыкает история о разрушении Содома и Гоморры и спасении Лота. Разрушение этих городов было сделано ниспосланным с небес дождем из серы и огня. Причина — порочность жителей этих городов. Так же потоп был ниспослан богами из-за порочности людей. Интересно отметить, что, описывая разрушение порочных городов, автор использует слово «ниспровергнуть». На иврите это слово обозначает последствия землетрясения.

³⁸ Там же, с. 127.

Еврейские пророки пользовались вавилонскими мифологическим образами для описания освобождения еврейского народа из Египта. В их описаниях Египет превратился в дракона, которого Яхве мощной дланью поверг мечом. Таких обращений к семиотике животных мы находим в еврейской мифологии в значительной мере.

После совершения древнего ритуала рассечения заколотых животных, Авраам видит, как Яхве проходит между рассеченными животными в виде «дыма, как бы из печи и пламени огня» (Книга Бытия, 15, 17). Миф стал формой мышления символами. Так, Дракон, поверженный Яхве, чтобы привести в порядок хаос, потом снова будет им повержен, чтобы восстановить порядок.

При завоевании Иерихона воинство Израиля несло перед Ковчегом Завета 7 юбилейных труб из бараньих рогов. После 7 дней жители должны были протрубить в бараний рог, народ должен был закричать при этом и стены Иерихона должны были пасть. После того, как народ Израиля сделал золотого тельца, Моисей разбил первые каменные скрижали откровения, Яхве повелел сделать деревянный ковчег, куда надо было положить вторые скрижали. Ковчег этот возили из одного города в другой. После 7 месяцев бедствий, жрецы и прорицатели велели отправить Ковчег «в свое место» с искупительной жертвой. Ковчег поставили на колесницы, запряженную двумя первородившими коровами. Если коровы повезут колесницу в верном направлении — это будет знак того, что филистимляне будут поражены рукой Бога Израиля. Коровы пошли в правильном направлении. Этот миф прославлял неприкосновенность и святость Ковчега Завета.

В шестой главе Четвертой книги Царств рассказывается о том, что Давид перевозил Ковчег в Иерусалим на колеснице, запряженной волами. Когда волы оступились, один из сопровождавших, желая поддержать Ковчег, чтобы он не опрокинулся, протянул руку. Немедленно он был повержен, что вызвало печаль окружающих.

В мифах об Илии Елисее также присутствует множество животных, имеющих символическое значение. Так, Илия сооружает алтарь Яхвею из 12 камней — по числу колен Израилевых. На дрова он кладет тушу убитого тельца и велит вылить на жертву 12 кувшинов воды. Яхве, после взываний Илии, посылает с небес пламя, которое поглотило и жертву, и дрова, и камни алтаря и даже воду. После этого народ признал Яхве своим Господом. Слуга Илии Елисей отправляется со своим господином в Вефиль. Здесь Илия совершает множество чудес — оживил сына сонминынки, малое количество елея у вдовы по воле Илии пре-

умножилось, его кости в гробу оживили умершего. (Четвертая книга Царств 13, 21).

В целом древнееврейские авторы черпали мифологический материал из месопотамских и ханаанейских источников, обогащая их из персидских источников.

В книге пророка Даниила мы опять встречаем семиотическое значение животных. Когда Навуходоносор за гордыню был на 7 лет отлучен от людей, он питался «наподобие быка, травую». Когда Дарий повелел бросить Даниила в ров со львами, по мнению Даниила, Бог послал ангела и загородил пасть львам. Тогда Дарий велел поднять Даниила изо рва и бросить туда с женами и детьми тех, кто донес на Даниила.

Семиотика смерти в мифах Ближнего Востока

(Опубликовано: Клуб Касталия. Сексуальность и смерть в символическом измерении: материалы конференции. — М.: Клуб Касталия. 2013.— 240 с., с. 70–89)

«Миф — это продукт человеческого воображения, порождаемый определенной ситуацией и предназначенный для какой-то цели»³⁹.

Г.С. Хук различает мифы ритуальные, обеспечивавшие действенность ритуалов; этиологические, объяснявшие происхождение того или иного обычая, имени или даже предмета; культовые мифы возникают в ходе становления религии Израиля, когда ритуал сопровождался мифом, описывавшим событие в терминах, заимствованных из вавилонских и ханаанейских мифов; возвеличивающие, группирующиеся вокруг наименований известных богов; эсхатологические, восходящие к эсхатологии зороастризма, но особенно характерные для иудейской и христианской мысли. К эсхатологическим мифам он относит евангельские повествования, подчеркивая при этом, что их «историческая достоверность не подвергается сомнению», но при этом «функция мифа заключается в выражении на языке символов и посредством образов того, что невозможно передать словами. Здесь миф придает символике расширительное значение»⁴⁰. Эсхатологическое применение мифа, по Г.С. Хуку, пришло в христианство из иудаизма и в полной мере проявилось в Откровении святого Иоанна Богослова.

Внимание к смерти характерно для всех мифов древнего мира. По мнению И.Р. Шафаревича, «среди основных сил, под действием которых разворачивается история, имеется стремление к самоуничтожению, инстинкт смерти человечества»⁴¹.

---

³⁹ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 4.

⁴⁰ Там же, с. 9.

⁴¹ Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории // «Кубань». 1991, № 2, с. 63.

Наиболее древние мифы, повлиявшие во многом на мифы Древнего Востока — это шумерские мифы⁴². Шумеры — черноголовые, круглолицые, большеухие люди (считалось, что большие уши — признак ума) создали уникальную мифологию. Бог Энлиль, поднимающий своим дыханием буйный ветер, сотрясающий могучей поступью всемирную гору, влюбился в Нинлиль и изнасиловал ее. Боги постановили отправить его за это в подземный мир. Но Нинлиль уже ждала ребенка — будущего бога Луны Нанну. И она последовала за отцом ребенка туда, откуда нет возврата даже богам. Но хитроумный Энлиль придумал оставить вместо себя, своего первенца и Нинлиль трех следующих детей и сумел вырвать всех из Страны без Возврата.

В отличие от Древнего Египта, где прекрасный климат, замечательные условия жизни в плодородной долине Нила породили мифы, в которых проявилось неприятие смерти, невозможность поверить в то, что все заканчивается со смертью человека, в мифах древнего Шумера проявляется ужас перед смертью, который испытывали люди. И один из таких мифов — миф об Инанне, — хозяйке войны, любви и плодородия. Любопытная богиня Инанна решила спуститься в страну, откуда нет возврата». Однако понимая, что она может тоже не вернуться, она просит своего советника Ниншубура, если не вернется через 3 дня, обратиться к трем высшим богам — Энлилю (придумал мотыгу и подарил черноголовому народу, кроме того — он бог воды, хотя именно он придумал уничтожить суетливый черноголовый человеческий род), Нанне (богу Луны), Энки (богу мудрости, сотворившему людей и научившему женщин прясть и ткать, а мужчин — скотоводству). Внизу, в соответствии с законами подземного мира, с нее снимают какую-то часть одеяния при прохождении 7 врат. Представ после этого перед судьями подземного царства, которые смотрят на нее «смертоносным взглядом» — их изображения всегда имеют глаза в пол-лица, она превращается в бездыханный труп, который подвешивают на крюке. Энки, единственный из богов, откликнувшийся на просьбу Инанны, выковыривает грязь из-под ногтей и создает два бесполох существа — кургарру и калатурру, снабдив их пищей жизни и водой жизни. Они должны 60 раз посыпать тело пищей и окропить его водой. Тогда ее

⁴² Интересно, что термин «шумеры» ввели в обиход не историки, а французский лингвист Жюль Опперт, объявивший на заседании Французского общества нумизматики в 1869 году, что непонятный язык многих месопотамских клинописных табличек — шумерский. См. Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. — Ростов н/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО издательство «Северо-Запад», 2006. — 463 с., с. 158.

отпускают из подземного мира, но требуют взамен прислать кого-либо другого. Как оказалось, Думузи, вместо того, чтобы горевать о погибшей жене, в светлой одежде восседал на троне, забавлялся игрой на флейте и вдобавок водрузил на голову корону Инанны. В гневе Инанна посылает своего мужа Думузи в подземный мир. Но там, в преисподней, его сестра, богиня растительности Гештинанна, по полгода замещает его, символизируя смену времен года. Позднее, в вавилонский период этот миф связан с богиней Иштар (шумерская Инанна), а Думузи превращается в Таммуза. Эти изменения в названиях связаны с тем, что боги носят семитские имена. В вавилонском варианте мифа когда Иштар спускается под землю, Однако причина иная. Ее горячо любимый муж Таммуз внезапно умер. Она спускается в подземный мир и требует возвратить ее мужа. Ее яростный крик тревожил безмолвное царство Эрешкигаль. На земле меж тем возникает всеобщее сексуальное бессилие. Но все происходит по тем же канонам. Так же на нее смотрят «взглядом смерти», так же в виде выкупа она отдает мужа Таммуза, но только на шесть месяцев. Т.е., смерть не может быть полностью отменена. Обязателен выкуп. Как считают исследователи, и этот миф связан с временами года. Несмотря на то, что никто не может уйти из подземного мира, но бог войны Эрра сумел обойти этот закон.

Людей боги создали для того, чтобы они возделывали землю и освободили богов от необходимости добывать себе трудом пропитание. У шумеров людей создали богини создали из глины, находящейся над «бездной», у вавилонян — из крови мятежника Кингу, Но люди не оправдывают ожидания богов и тогда боги решают уничтожить человечество с помощью потопа. Однако Энки сообщает благочестивому царю Шуруппака Зиусидре как построить ковчег и тем самым спасает людей. Миф о потопе существует у многих народов. В связи с этим мифом ассиролог-самоучка Джордж Смит (работал гравером и изготовлял медные доски с иллюстративными таблицами) первым разобрал в поврежденной клинописной табличке л всемирном потопе, который очень напоминал библейский. «так для человечества вновь был открыт эпос о Гильгамеше»⁴³.

Боги, когда сотворили человека,
Смерть установили они для человека,

⁴³ Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). — СПб., Алетейя, 1998. — 540 с., с. 220.

Жизнь же в руки свои забрали.
Ты, Гильгамеш, наполняй свое чрево, денно и ночью
радуйся ты⁴⁴».

Здесь дан перевод А.Л. Вассоевича. К сожалению, по свидетельству многих, прекрасный художественный перевод выдающегося ассириолога В.К.Шилейко, созданный в 20–х годах прошлого века, утерян⁴⁵.

Миф о потопе существует у многих народов. У вавилонян она получает более объемные формы. Здесь уже Эйя, а не Энки, рассказал Утнапиштиму как построить ковчег, в котором должно поместиться все живое. После бури ковчег остановился у горы Ницар. Подождав 7 дней, Утнапиштим выпустил сначала голубя, который вернулся, не найдя пристанища, затем ласточку, которая тоже возвращается. И лишь когда он послал ворона, тот нашел пищу и не возвратился. Сравним с Библией, где совсем иная последовательность и иные семиотические значения этих пернатых.

Оправдываясь, что спас людей и обличая Энлиля, бог мудрости и пресных вод Эйя считает:

Чем бы потоп тебе делать,
Лучше лев бы явился, людей поубивал!
Чем бы потоп тебе делать
Лучше бы волк явился, людей поубивал!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше голод наслал бы, разорил бы землю!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше мор наслал бы. Людей поразил бы!⁴⁶

Но для древних тема смерти была особенно значимой. «Судьба человека была записана клинописью у богов в «таблице судеб»; в час смерти за ним приходил а олицетворенная Судьба — бог Намтар, или Эккему — Похититель, и человек был обречен на жалкое существование в вечной темноте города преисподней, где правят бог Нергал (Эргаль) и богиня Эрешкигаль вместе с советом богов земли Анунаков. При мысли о безрадостном посмертном существовании человек мог утешить себя только тем, что в зависимости от рода смерти он

⁴⁴ Там же, с. 222.

⁴⁵ Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем»). Пер. с аккадского И.М. Дьяконова. — М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, с.133.

⁴⁶ Перевод И.М. Дьяконова. См.: Campbell Thompson R. The Epic of Gilgamesh. Oxford, 1930, p. 50.

получит более или менее милостивый приговор от суда Анунаков и сможет пользоваться едой и питьем от жертв, приносимых оставшимися на земле родичами и потомками»⁴⁷.

Касается этой проблемы смерти и миф о Гильгамеше. — на две трети бога, на одну треть — человека, ибо тема эта становится все более актуальной. В вавилонской версии о Гильгамеше он вплотную оказывается лицом к лицу в связи со смертью своего друга Энкиду. Именно этот миф в первую очередь связан с погребальным ритуалом и поисками бессмертия. В нем, например, рассказывается о том, что «в преисподней участь тех, кто удостоился надлежащих погребальных ритуалов, отличается от жалкой доли тех, над кем они не были совершены»⁴⁸. Смерть — «неведомое и ужасное переживание»⁴⁹.

Реальность смерти, несмотря на ее неприятие, доказывалась повторяемостью вех человеческой жизни: (рождение, брак, смерть).

Во многих мифах аккадских мифах лежит тема скорби человеческого духа, вызванная фактом смерти и утратой бессмертия»⁵⁰.

Мертвый и спящий друг с другом схожи,
Оба не знают лика смерти⁵¹.

Вавилонский эквивалент Зиусидры — Утнапиштим, получивший за спасение человечества бессмертие, рассказывает Гильгамешу о растении, которое может омолодить старика. Это растение Гильгамеш сумел достать. Но на обратном пути в Урук, когда он остановился у водоема, чтобы омыться и сменить одежду, змея утащила чудодейственное растение. С тех пор змея сбрасывает кожу и может обновляться.

В вавилонском мифе об Адапе (некоторые ученые, например, Эбеллинг, отождествляют его с древнееврейским именем Адам), который был создан Эйей как образец человека, но не дал ему бессмертия, его призывают к богам за то, что он сломал крыло богу ветра. Однако, отправляясь туда, он получил напутствие отца: если ему предложат хлеб смерти и воду смерти — не брать их. Так и сделал Адап. Оказа-

⁴⁷ Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»). Пер. с аккадского И.М. Дьяконова. — М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, с. 101.

⁴⁸ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 47.

⁴⁹ Там же, с. 44.

⁵⁰ Там же, с. 48.

⁵¹ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. — Ростов н/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО Издательство «Северо-Запад», 2006. — 463 с., с. 369.

лось, что он отказался от хлеба жизни и воды жизни. Таким образом человечество утратило бессмертие.

Ассирия славилась своей жестокостью: привычными были сдирание кожи с пленных, отрубание рук, ног, выдавливание глаз и т.п., не случайно запечатлевали они на рельефах сцены охоты на животных, со всеми подробностями мучительной агонии зверей⁵². Именно здесь привился прием расправы с врагами — сажать на кол, что было привлекательным зрелищем. Придумали такую казнь хетты, но там это не привилось, но «это новшество с энтузиазмом подхватили ассирийцы и стали проводить в жизнь со свойственным им размахом»⁵³.

В отличие от Шумера и Аккада, где цари назначались богами, в Египте царь сам был богом. Поэтому многие мифы в Египте связаны с богами, где главными были с циклом Гора–Осириса. Поэтому интерес египтян к смерти и загробной жизни оказался превалирующим. Как и в месопотамских мифах, боги создали людей для того, чтобы они им помогали. Но люди не оправдали их ожидания. Тогда богиня любви Хатхор превратилась в львицу Сохмет и стала рвать в клочья людей, с наслаждением пожирая их: «недаром у египтян образ Хатхор то и дело сливается с образом Сохмет, а иногда с ними обеими отождествляется львица–Тэфнут»⁵⁴. Хитроумный Тот придумал, как усмирить львицу–людоеда. Истолкли красный камень диди в порошок, смешали его с пивом, которое окрасилось в красный цвет и стало похоже на кровь. Сохмет приняла эту жидкость за кровь людей и стала жадно лакать ее. Вскоре она захмелела и заснула. А проснулась уже в образе Хатхор.

Как видим, в мифах отразилось стремление преодолеть всеобщее уничтожение людей, ибо смерть прерывала жизнь. Да и сама жизнь на земле не располагала расставаться с ее прелестями, поэтому очень хотелось продолжить их и после смерти. При этом надо помнить, что человек, по представлениям древних египтян имел двойника «Ка» и «Ба», который, по мнению А.Л. Вассоевича, представляет собой «душу»⁵⁵. Эту душу древние египтяне изображали в виде птицы с головой человека., так как по их представлениям, душа — это то, что вылетает из

⁵² Там же, с. 327.

⁵³ Там же, с. 387.

⁵⁴ Там же, с. 27.

⁵⁵ Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко–психологический метод в историко–философском исследовании). — СПб., Алетейя, 1998. — 540 с., с. 175.

человека⁵⁶. Об этих представлениях о «Ка» и «Ба» пространно писал Ю.Я. Перепелкин: «При этом у одного и того же лица могло быть по нескольку душ одно и того же рода («двойники», «проявления», «привидения»). И воспринималась та или иная душа то как единство, то как множество, и не только тогда, когда принадлежала такому «сверхъестественному» существу, как царь; по меньшей мере «двойником» обладали даже простые смертные. Души были, с одной стороны, тождественны с человеком или заключены в нем; с другой стороны, те же души были существами, находившимися вне его. Сделать что-нибудь «двойнику» значило сделать это человеку, «привидением» мог быть назван он сам по смерти, «проявление» или «мощь» могли быть внутри его. Тем не менее «двойник», «появление», «привидение», «мощь» могли находиться позади человека, умирая, он «отходил» к «двойнику» или «привидению», умершего препровождали к его «проявлению», собственные «двойники» брали его за руку, «двойник» докладывал о нем, отличал его от врагов и т.д.»⁵⁷. Кроме «Ка» и «Ба», существовало также представление об «Ах» — некая сущность, в которой появляется человек. И на небо отходит «Ах», а труп — на землю⁵⁸. Важное значение имело и имя «Ран». Имя обозначало личность. И сохранение имени означало сохранение личности. Вот почему на захоронениях обязательным было изображение надписи с именем умершего⁵⁹.

Широкое распространение культа Осириса было связано с представлениями и загробном мире. И как умерший мог обернуться другим существом, так и боги могли обратиться друг в друга. Осирис возглавляет суд над судьбами умерших. Да и сам миф об Осирисе связан со смертью. Сет, брат Осириса, убивает его. Но жена Осириса, Исида, сумела вернуть его к жизни с помощью своей сестры Нефтиды. При этом Сет разрубил тело Осириса на 12 частей. Исида, Нефтида и Анубис нашли все части, кроме фаллоса, который сожрали рыбы. Исида вылепила фаллос из глины и прирастила его к собранному телу. Превратив-

⁵⁶ Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). — СПб., Алетейя, 1998. — 540 с., с. 177.

⁵⁷ Перепелкин Ю.Я. Древний Египет // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые шаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. — М.: Наука, 1988, с. 178–379.

⁵⁸ Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). — СПб., Алетейя, 1998. — 540 с., с. 180–181.

⁵⁹ Там же, с. 183–184.

шись в птицу Хат, Исида обняла крыльями забальзамированное тело и сумела зачать сына Гора. Однако восставший из мертвых Осирис не остался на земле, а стал царем мира, где пребывали души умерших. Но при этом Осирис все же оказался соединенным с богом Ра. Т.е., смерть, мир душ умерших не являются совсем отделенными от благ, которые дает бог солнца Ра. В этом серьезное отличие египетских мифов от месопотамских, где загробный мир — страшный. И возврата из него не может быть. Чтобы там, в загробном мире было не так ужасно, бог Ра посылает туда Тота, чтобы он сохранял там порядок, а бог Ра будет следить, чтобы и там сиял свет, а Тот будет называться «Тот, замещающий Ра». В Дуате, загробном мире, умерших подстерегали многие опасности. Там были крокодилы, змеи, скорпионы, львы. Стражи ворот задавали покойникам коварные вопросы. Правда, существовали путеводители по загробному миру: «Тексты пирамид», «Тексты саркофагов», «Книга мертвых», «Книга о вратах», «Книга о том, что есть в подземном мире», по которым усопший мог быстро найти подсказку. Чтобы усопший не задохнулся в гробу, там наряду с едой, питьем, изображением слуг — ушебти, оставляли статуэтку бога воздуха Шу. После многочисленных испытаний, покойника ждал главный экзамен, чтобы попасть в заветный чертог Обеих истин, чтобы жить такой же жизнью, как и на земле. Однако надо было пройти столько испытаний, которые простому человеку были не под силу. В конце концов он должен был произнести «Истину отрицания»:

Я не чинил зла людям.

Я не нанес ущерба скоту...

Я не убивал⁶⁰.

При помощи весов истины проверялась правдивость этих показаний: на одну чашу весов клали сердце покойного, на другую — страусовое перо богини Маат.

Богиня справедливости Маат окружила мир высокими горами, поддерживавшими небесную реку. Для плавания по ней она построила две ладьи — Манджет — дневную, Мектет — ночную. Дневная ладья перевозила Солнце с востока на запад, ночная доставляла Ра по подземной реке через царство мертвых Дуат обратно на восток. Головной убор Маат украшает пушистое перо, являющееся символом справедли-

⁶⁰ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. — Ростов н/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО Издательство «Северо-Запад, 2006. — 463 с., с. 61.

восте. Крылатый Гор в образе сокола летит впереди Ладьи. Крокодилы, гиппопотамы и ползучие ядовитые твари пытаются напасть на Ладью врасплох. Увидев приближающуюся Ладью, павианы поют:

Великий Ра!
Ты сотворил птиц, зверей и растения,
Мы воздаем тебе хвалу!
Мы услаждаем твой слух
Мелодичным пением
И пляшем для тебя...⁶¹

Когда ладья приближается в каменным воротам подземного царства, Все перемещаются в новую ладью Месектет. К ним присоединяется змей Нехен, грозный Акер, Нехебкау. Этот Нехебкау имеет человеческое тело и змеиную голову. Вместе богом–волком Упуауту они являются привратниками и охраняют Загробный Мир. Кроме того, только Упуат знает тайные заклинания и поэтому этого бога–волка называют «Открывателем Путей»⁶².

Когда Ра сел в дневную ладью, в середине пути из небесной реки вынырнул змей Апоп и с шипением вцепился зубами в борт. Апопа удалось победить силами богов, находившихся в ладье и он снова уплыл в реку. Достигнув запада, надо было пересечь в ночную ладью. Но тут Ра встретили павианы, издавая многоголосый вопль. Пересев в ночную ладью, врата Загробного мира закрылись за кормой, и хор павианов стих. В Дуате царил бóльший порядок, чем на небесах: «вся подземная река была перегороджена воротами...»⁶³. Мертвецы стали приветствовать солнечного владыку.

Слава тебе Ра!
Почитают тебя обитатели Дуата,
Поклоняются тебе обитатели Преисподней.
Восхваляют они тебя, грядущего в мире.
Ликуют сердца подземных,
Когда ты приносишь свет обитающим на западе.
Полны радости их сердца,

⁶¹ Мифы и сказки Древнего Египта. /сост. Г.А. Мачинцев. — СПб.: ПКФ «ОЮ–92», 1993. — 208 с., с. 46–47.

⁶² Там же, с. 47.

⁶³ Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. — Ростов н/Д: Издательство «Феникс»; СПб.: ООО Издательство «Северо–Запад, 2006. — 463 с., с. 31.

Когда они смотрят на тебя.
Все спящие поклоняются твоей красоте,
Когда твой свет озаряет их лица.
Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,
И каждый ложится в свой гроб...⁶⁴

Их крики оказались еще более кошмарными по сравнению с павианьими. Перевод стихов этих разнится у разных авторов. Приведем пример:.

Все спящие поклоняются твоей красоте,
Когда свет озаряет ил лица.
Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,
И каждый вновь ложится в свой гроб!..⁶⁵

Все умершие имеют свою покровительницу — богиню Нефтиду, будущую жену Сета.

В Подземном Дуате опять Апоп напал на Ра. Но Ра обратился в кошку⁶⁶ и, вооружившись мечом, отсек голову Апопу, который проглотил подземную реку и таким образом образовал мель, на которой застряла ладья. Вылившаяся вода дает возможность продолжить путь.

Силен Ра! —
Слабы враги!
Высок Ра —
Низки враги!
Жив Ра —
Мертвы враги!
Велик Ра —
Малы враги!
Вознесся Ра —

---

⁶⁴ Перевод стихов М.Э. Матье. Цит. по: Мифы и сказки Древнего Египта. / сост. Г.А. Мачинцев. — СПб.: ПКФ «ОЮ-92», 1993. — 208 с., с. 48.

⁶⁵ Цит. по: Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. — Ростов на/Д: Издательство «Феникс; СПб.: ООО Издательство «Северо-Запад, 2006. — 463 с., с. 32. «... так плыли они долго, и лишь после четвертой долины Дуата после звучания сводного хора мумий, воцарилась блаженная тишина. Но когда ладью окружили оставшиеся без погребения и лишенные скудных радостей загробной жизни утопленники, Ра даровал им погребение.»

⁶⁶ Кошка — священное животное. Поэтому они пользовались особенным почетом и уважением в Древнем Египте. Они считались самыми красивыми животными и красавицы стремились перенимать их грациозные движения. Современные ученые даже обнаружили священный город, где жили несколько тысяч кошек, за которыми ухаживали специальные слуги.

Пали враги!
 Есть Ра —
 Нет тебя, Апоп!⁶⁷

В угаритской мифологии, представляющей собой промежуточный регион между цивилизациями Вавилона и Египта — в районе Ханаана, где люди говорили на семитских языках, мифы и легенды делятся на три группы: Самая большая группа — о приключениях и деяниях бога Баала и его отношениях с другими представителями пантеона. Вторая группа посвящена царю Хубура, Керету. Третья — Акхату, сыну Даниэля, легендарного царя.

Высший бог угаритской мифологии — Эл, часто именуемый Бык Эл. Он — отец богов, обитает в поле у источника рек. Его сын Баал, бог плодородия. С ним враждует бог морей и рек Йам–Нахар — любимец Эла. Бог ремесленников Котар–и–Хасис, богиня солнца Шапаш (как похоже на бога солнца Шамаша в аккадской мифологии!). Жена Эла — Ашторет, мать богов, повелительница моря — Ашера, ее сын Аштар, для которого она добивается трона Баала, бога молнии и грома, сестра Баала — Анат. .

В мифах о Баале есть легенда об Анат, сестре Баала, которая уничтожила всех врагов на пиру, где праздновалась победа над Йам–Нахаром. Анат покрывает кожу хной и румянами для пира, затем закрывает все двери дворца и убивает всех врагов Баала, привешивая к поясу головы и руки убитых. В связи с этим она оказывается по пояс в крови. Некоторые усматривают в этом мифе связь с египетским мифом о Хатхор, убившей врагов Ра⁶⁸.

Баал отказывается посылать дань Моту — богу бесплодия и преисподней. Но Мот — фаворит Эла. Любопытно, что «мот» по древнееврейски означает «смерть». Баал отправил гонцов к Моту, что он перестает платить ему дань. Но Мот прислал в ответ угрожающее послание, которое ввергло Баала в страх. Эти же гонцы объявили Элу, что Баал мертв. Эл оплакивает сына, посыпает голову пеплом, надевает грубую одежду, бьет себя камнями по щекам. Оказывается, что чудовища захватили Баала и он оказался в трясине, из которой не мог выбраться 7 лет. Это один из вариантов рассказа о смерти Баала. По другой

⁶⁷ Мифы и сказки Древнего Египта. / сост. Г.А. Мачинцев. — СПб.: ПКФ «ОЮ–92», 1993. — 208 с., с. 52–53.

⁶⁸ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 71.

легенде Анат находит тело брата, хоронит его, устраивает тризну. Но через 7 лет Баал снова появляется на земле. А Анат рассекает мечом тело Мота, развеивает своим опахалом. Сжигает на огне, перемалывает на ручной мельнице, и сеет в землю. Как видим, все эти действия Анат похожи на обработку зерна.

В угаритской мифологии много сюжетов, связанных со смертью, так Керет, царь хубура, потерял жену, детей и дворец. Естественно, что он оплакивает трагическую потерю. Но во сне ему является Эл, и просит принести ему жертву.

В целом в угаритской мифологии явно ощущается влияние вавилонской и египетской мифологии. Доминирующей становится вавилонская мифология. Однако для нас важно, что ханаанская, т.е. угаритская мифология оставила заметные следы в еврейской мифологии.

Один из хеттских мифов повествует о смерти дракона Иллуянке. Богиня Инара приготовила для дракона ловушку. Она наполнила сосуды вином, надевает красивые уборы и выманивает дракона из его логова. Дракон вместе с детьми выпивает до дна содержимое всех сосудов и не может вернуться в свое логово. Тогда Человек по имени Хупасия, который согласился помочь Инаре, связывает дракона веревкой, а Бог грозы является сюда и убивает дракона Иллуянку. Один из вариантов этого мифа: дракон одержал победу над Богом грозы и унес его сердце и глаза. Но его сын вырос и отобрал у дракона глаза и сердце отца и вернул их ему. Тогда Бог грозы убил дракона Иллуянку. Итак, воскрешение умершего бога — довольно распространенный миф. Часто эти сюжеты связаны с Новым годом. Здесь мы видим влияние вавилонского мифа об убиении дракона Тиамат, оказавшего воздействие на хеттский ритуальный миф.

Интересен миф о боге Телепине, сыне бога грозы, повествующий о возвращении исчезнувшего бога. Телепин ушел, так как оказался в ярости — из-за отсутствия табличек, отчего это произошло — неизвестно. Но, уйдя в степь, Телепин остается там и засыпает. В его отсутствие страну покрывает туман, наступает засуха и голод и многие другие несчастья. Естественно, что отец, бог грозы, начинает поиски сына. Он посылает быстрокрылого орла, но он возвращается ни с чем. Богиня Ханнаханна посылает Пчелу, которая должна ужалить Телепина и смазать ему воском глаза и ноги и привести к богам. Пчела выполняет все повеления богини, но Телепин еще больше рассвирепел, пробужденный от сна. Богиня Камрусепса производит обряд очищения и Телепин возвращается на крыле орла. Камрусепса укрощает гнев Телепина. И его

гнев изгнан в преисподнюю. Вот как представляется преисподняя: «Привратник отворил семь дверей, отпер семь затворов. Внизу в земле мрака стоят бронзовые котлы, их крышки сделаны из металла абару, их ручки из железа. То, что в них попадает, обратно не выходит, а погибает там. Пусть они примут в себя гнев, свирепость и злобу от Телепина. Пусть они никогда на выходят оттуда!»⁶⁹.

Таким образом, и в хеттских мифах мы видим большое влияние вавилонских мифов. Но при этом многое из хеттских мифов восходит к греческому и европейскому фольклору.

Говоря о древнееврейской словесности, следует иметь в виду, что Ветхий Завет в изобилии содержит мифологический материал. В Книге Бытия можно проследить традицию двух ранних переселений народа в Ханаан. Первые поселенцы во главе с Авраамом появились в Ханаане из Ура Халдейского примерно в середине XVIII в. до н.э. и осели в окрестностях Хеврона. Позднее кочевые и полукочевые переселенцы арамейских племен пришли во главе с Иаковом и поселились вокруг Сихема. Третья волна евреев вышла из рабства в Египте в конце XIII в. в Ханаан, где жили семиты, как и они, но занимались земледелием, а пришельцы были скотоводами. Так как Ветхий завет — продукт многовековой работы редакторов, то здесь можно найти разночтения. Сложно выявлять источники и первоначальные формы мифов, здесь содержащихся, изменения, внесенные еврейскими авторами, их собственные мифы. Как утверждает С.Г. Хук, «В окончательной редакции Ветхого Завета большая часть мифологического материала собрана в первых одиннадцати главах Книги Бытия, а другие мифы, разбросанные в фрагментарных формах по еврейским сказаниям и поэзии...»⁷⁰. Он считает, что основой здесь служит палестинская, выражающая раннеханаанейские представления, а не месопотамская или египетская мифологии, хотя источник, которым пользовались палестинские мифы — месопотамский⁷¹.

Представление о рае в Книге бытия, где первый человек наделен мудростью и способностью слышать советы Бога, очень близко представлению о божественном саде шумерских мифов, где нет

⁶⁹ Pritchard J.V. The Ancient Near Eastern texts relating to the Old testament. Princeton, 1950, p. 128.

⁷⁰ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 92–93.

⁷¹ Там же, с. 98–99.

болезней, смерти и дикие звери не охотятся друг на друга. Это описание рая можно найти в шумерской поэме. Крамер назвал ее Эпосом об Энмеркаре.

А там, в Дильмуне, ворон не каркает.
Птица «смерти» криков смерти не накрикивает.
Там лев не бьет.
Волк ягненка не рвет.
Там собака сторожевая, как козлят стерегут, не знает.
Там свинья зерна не пожирает.
Вдова на крыше солод не расстиляет
Птица небесная тот солод не склевывает.
Там голубь головою не вертит
Там хворь глазная «я хворь глазная» не говорит.
Там старый «я старый» не говорит.
Там девушка не умывается, водой из океана не плещется.
Там перевозчик «навались» не кричит.
Там страж вокруг зубцов не кружит.
Там певец песнопений не распевает,
Плачей за городом не заводит⁷².

Как видим, в рае нет воды. В семитском варианте шумерских мифов место Дильмун, место рая, располагалось в устье Персидского залива. В шумерском мифе богиня–мать Нинхурсаг посадила в саду богов 8 растений. Но Энки, проголодавшись, съел их все. Нинхурсаг, разгневавшись, прокляла его и ниспослала на него смерть. Энки заболел и стал умирать. Никто не мог ему помочь, даже Энлиль. Боги заставили Нинхурсаг исправить положение. Она создала 8 богинь–целительниц. Одной из них была богиня, созданная из ребра Энки и она получила имя Нинти, что означает «госпожа ребра». При этом шумерское слово «ти» означает и «ребро», и «давать жизнь». И в древнееврейском мифе женщина была создана из ребра Адама, и имя ее Ева означает «жизнь». Близость этих мифов обусловлена и тем, что и там, и здесь, тема смерти и болезней, поиски бессмертия стали основой мифов о рае, творении, потопе, ставшие традиционными в мифах народов, испытавших на себе влияние месопотамской культуры.

⁷² Цит. по: Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 101–102.

Как верно пишет С.Г. Хук: «Такие образы и символы мифа, как убийство дракона, сад, древо познания добра и зла, змий, стали языком, дающим возможность выразить то, что иным путем выразить невозможно»⁷³.

Один из важных мифов — миф о Каине и Авеле. Оба они — дети Адама и Евы. Рождены они были после изгнания родителей из рая. Каин — земледelec. Авель — скотовод. Оба приносят жертвы богу Яхве, но жертвы Каина отвергнуты. Охваченный завистью Каин убивает Авеля. Это было выражение вражды между оседлыми земледельцами и скотоводческими полукочевыми народами.

Любопытно, что еврейский Новый год праздновался в течение 7 дней и в какой-то мере напоминал вавилонский новогодний праздник и в целом новогодние торжества в городах Месопотамии с древних времен, а также афинский ритуал Буфония.

Во время вавилонских новогодних празднеств, связанных с земледелием, жрец, приносивший жертвоприношение, и заклинатель, изгонявший зло, забивали овцу, ее кровью обмазывали стены храма и затем убегали в пустыню. В еврейском празднике Судного Дня забивают козла, но вместо людей в пустыню отпускают второго козла, «козла отпущения» грехов. Считается, что бегство Каина сначала имело ритуальное значение. После убийства, которое, вероятно, было ритуальным, и Каин, по всей видимости, относился к священному сословию. Если у египтян не было мифа о потопе, хотя и существовал миф об уничтожении человечества. У вавилонян причина потопа — люди слишком шумели и мешали богам. Можно сравнить с индейскими верованиями, где также люди мешали богам. Для еврейских авторов потоп стал предзнаменованием катастрофы, вызванной бунтом человека против Бога. Ясно прослеживается связь между библейским потопом и его месопотамском происхождении. Как отмечает С.Г. Хук, «процесс трансформации носил гораздо более радикальный характер и мифы приобретали более глубокий религиозный подтекст...»⁷⁴.

Надо подчеркнуть, что мифы об уничтожении человечества по-разному претворялись в Египте, Месопотамии. В Книге Бытия к этому сюжету примыкает история о разрушении Содома и Гоморры и спасении Лота. Разрушение этих городов было сделано ниспосланным с небес дождем из серы и огня. Причина — порочность жителей этих

73 Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В.А. Якобсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 104.

⁷⁴ Там же, с. 127.

городов. Так же потоп был ниспослан богами из-за порочности людей. Интересно отметить, что, описывая разрушение порочных городов, автор использует слово «ниспровергнуть». На иврите это слово обозначает последствия землетрясения. Любопытно, что еврейский Новый год праздновался в течение 7 дней и в какой-то мере напоминал вавилонский новогодний праздник и в целом новогодние торжества в городах Месопотамии с древних времен, а также афинский ритуал Буфония.

Не только в Ветхом завете мы видим претворение древних мифов. Есть они и в Новом Завете. Одним из наиболее важных элементов древних мифов был сюжет об умирающем и воскрешающем боге. Евангельские рассказы о страстях и воскресении Иисуса были смоделированы по образцу вавилонского ритуального мифа искупительная смерть божества, свидетельствующая о неблагополучии в нравственном миропорядке получает оправдание в страстях и воскресении сына Божьего. Древнееврейские авторы пользовались шумерскими и вавилонскими мифами. Но теперь возникла новая функция мифа, который стал средством выражения истины откровения. Перед смертью Иисуса в течение трех часов на всей земле была тьма, имевшая символическое значение. Верно пишет С.Г. Хук: «В религии, и особенно в такой ее форме, как христианство, мы оказываемся перед лицом реальностей, о которых невозможно говорить, не прибегая к языку аналогии, человеческое сознание нуждается в образах и символах, в том, из чего состоит миф»⁷⁵, Иисус был наречен ангелом, который сказал Иосифу дать это имя, означающее по-еврейски «Спаситель». Смерть Иисуса — начало Нового завета, который устанавливает новые отношения между Богом и человеком.

Для древних, как и для современных людей, полное небытие — не только непредставимая абстракция, но и эмоционально неприемлемое явление. Поэтому представления о загробном мире было неизбежно. Загробная жизнь представлялась как продолжение земной и посмертном воздаянии за земные дела. В мифах главное — не передача исторического содержания, а этические представления.

Сегодня мы видим частое обращение к прошлому. «Обращение к прошлому — характерная черта эпох, когда перспективы на будущее становятся неясными или мрачными»⁷⁶.

⁷⁵ Там же, с. 154.

⁷⁶ Яковсон В.А. Послесловие // Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. Пер. с англ. В. А. Яковсон. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 184 с. (По следам исчезнувших цивилизаций), с. 181.

Знаковость вещей

(Опубликовано: «Креативная экономика и социальные инновации»,
№ 2 (7), 2014. Вып. 4)

Нас окружает в жизни множество вещей. Каждая из них — ценность, в которую мы вкладываем огромное количество смыслов. Уже в древней Месопотамии вещи, составлявшие богатство человека, высоко ценились. В «Поучениях Шуруппака» отец наставляет сына:

С хорошо устроенным имуществом.

Сынок, ничего не сравнится (Цит. по: Клочков, 1983: 148).

Как писал И.С. Клочков, человека и вещи «связывали, можно сказать, *личностные* отношения» (Клочков, 1983: 7 (курсив И.С. Клочкова)). И в дальнейшем мы видим такую же привязанность к вещам. Так, в эпоху Средневековья вещи воплощали качества их обладателей. Они имели собственную душу, имя, судьбу, жизнь. «Вещи вообще могли воплощать качества их обладателей». (Гуревич, 1972: 7). Однако при этом одни и те же вещи могли менять свою статусность. Так, когда в бронзовом веке освоили литье легкоплавких металлов, ценились золото и серебро или электр (сплав из них). Однако, когда было освоено литье тугоплавких металлов, железо их заменило. Когда было открыто производство алюминия, ложечки из этого, тогда дорого металла, были сервированы для именитых гостей на приеме французского короля, несмотря на их непрезентабельный вид. Однако впоследствии, когда был найден дешевый способ производства, вилки и ложки из него стали распространенными в общепите (многие помнят их вид и неприятный запах).

История культуры показывает, что, несмотря на возрастание количества вещей, они продолжали оставаться важной характеристикой человека. В еврейском народном фольклоре есть такая притча. Народный герой, как всегда народный герой — бедный, плохо одетый, явился на богатую свадьбу. Естественно, увидев оборванца, его тут же выгнали. Тогда он достал себе одежду богатого вельможи. И теперь уже в таком виде явился все на ту же свадьбу. Вот теперь его посадили во

главе стола, воздавая разного рода почести. А он стал класть еду и лить вино на одежду, приговаривая:

— Ешь, мой костюм, пей, мой халат.

— Что же вы делаете, господин? — вопрошали окружавшие его люди.

На что он отвечал: «Но ведь в моей одежде вы меня не пустили. Значит, пустили не меня, а ту одежду, в которую я переоделся. Вот я ее и потчую».

Притча эта хорошо корреспондирует с русской пословицей «По одежке встречают, по уму провожают». Одежда всегда была знаковым элементом, характеризующим человека.

Уже в Древнем Египте фараон носил урей и клафт как знак его связи с богами, а схенти у него и его приближенных был из тонкой ткани, часто плиссированный, длиннее, чем у простого земледельца, а у раба вообще представлял собой кожаную повязку. В античности одежда также была знаковой для разных сословий. И продолжалась знаковость одежды и в Средние века, и в эпоху Возрождения и в Новое и Новейшее время. До сих пор одежда — определенный знак, показывающий, как человек себя репрезентирует. Сегодня у уважающего себя бизнесмена должны быть «пиджаки и от Кардена, и от Босса, и от Гуччи. Таковы опознавательные знаки системы...» (Рой О., 2013: 111). В 2011 и 2012 году на канале «Культура» демонстрировались телепередачи «Мост над бездной» Паолы Дмитриевны Волковой. В память о ней в марте 2014 года они повторились. Каждую программу Паола Дмитриевна вела в костюме, соответствовавшем теме: аксессуары — кольца, браслеты, колье подчеркивали тонкость, чуткость художественного восприятия, глубину, эрудицию и изысканность ведущей.

Вещь — феномен культуры, который, благодаря своей способности аккумулировать в себе традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы, приобретает аксиологическое звучание. В период становления национальных культур в первую очередь появляется нечто неповторимое, индивидуальное. На сегодняшнем этапе ясно видны тенденции сближения национальных культур. Диалог культур ощутим на каждом шагу. Важно, что вещи отражают образ жизни, который становится во всех странах похожим. Если раньше совершенно по-разному осмыслялась форма предметов в западной и восточной культурах, то в настоящее время между Западом и Востоком во многом начинают стираться различия. Раздаются даже предложения выделить науку о вещах — реологию. В любой вещи, как бы ни было подчеркнуто ее назначение, наряду с ее практической функцией есть и иная, аксио-

логическая, отражающая отношение материально—предметного бытия к духовным запросам человека.

Г.В. Плеханов показал, что вещь может быть ценной, если только она символизирует значимые общественные отношения. Это обстоятельство позволяет выявить еще одну важную характеристику вещи в системе культуры: с древности она начинает служить в качестве знака, символа социального положения человека.

Однако в истории значение вещи меняется. Если в древности — вещь — выражение сущности человека, то уже в XX веке вещь — средство утвердить свое преимущество перед другими, но сама вещь при этом ничего не значит. Как писал И.С. Клочков, «между человеком и вещью, по существу, нет подлинной связи. Действительно, человек общества потребления стремится к вещам и высоко ценит их, но ценит как обеспечивающие комфорт средства или как знаки социального престижа. Настоящую привязанность к той или иной вещи он испытывает редко» (Клочков, 1983: 7). В 60–е гг. XX в. вещь становится подлинным воспитателем чувств, мерой значимости человека. Человек превращается в «вожделенный глаз», жадно вбирающий блага цивилизации, в ненасытного Потребителя. Эта мысль получила отражение в таких романах, как «Вещи. Одна из историй шестидесятих годов» Ж. Перека, «Игрушки» и «Печальные похождения мойщика витрин» Ж. Мишеля, «Прелестные картинки» С. де Бовуар, «Внуки века» К. Рошфор, «Нейлоновый век» Э. Триоле и др. Во многих романах показывается, как люди приобретают вещи, отнюдь не используя их. При этом они с удовольствием посещают магазины, закупаая груды вещей и забывая ими свое жилище. Неслучайно, после смерти Энди Уорхола было обнаружено огромное количество прекрасных вещей, которыми он отнюдь не собирался пользоваться, хотя это и были предметы, которые приобретаются именно для непосредственного употребления — например, флаконы с дорогими духами.

Приблизительно в эти же годы обозначенные в книгах явления наблюдаются и в СССР. Показателен рассказ Екатерины Максимовой и Владимира Васильева, как на заре своих зарубежных гастролей они были приняты американским магнатом. Он повез их на свой остров в машине, вызывавшей восторг: там всюду были кнопки, с помощью которых можно было наблюдать диковинные для советского человека того времени превращения. В своем замке он показал им огромный подвал с напитками и подарил им две бутылки 200–летней давности. Они были покрыты паутиной, которую Екатерина принялась тут же счищать. Магнат остановил ее. Это был знак их высокой стоимости —

много выше бриллиантов. Когда они вернулись домой, они получили квартиру, в которую в первую очередь купили весьма дефицитный по тем временам румынский сервант. В него—то и поставили диковинные привезенные бутылки. По случаю новоселья были приглашены гости. Наутро драгоценные бутылки были опустошены, но никто не запомнил, каков же был вкус их содержимого. При советской власти, когда большинство жило в коммунальных квартирах, вещей было не так много. Как правило, все нужно было «доставать». И чаще всего доступны были изделия из хрусталя, которые загружали в вожделенный сервант. Это была престижная выставка достатка данного интерьера. Но в то время «вещизм» порицался во всех средствах массовой информации. Впрочем, отказ от обилия вещей был характерен и на Западе. Характерен роман Элиаса Канетти, где герой, профессор, подбирает себе квартиру на последнем этаже для того, чтобы по все стенам, закрывая окна, поставить стеллажи для книг. Окно же для света он пробивает на крыше. Внутри же стоит только стол и кровать. Надо понимать, что не все советские люди были столь ущербны во вкусах. Многие представители интеллигенции старались назло окружающей обстановке, сделать свой дом изысканным и изящным. Особенно это было характерно для артистической среды. Известно по воспоминаниям современников, такой прекрасный интерьер был характерен для дома Марии Бабановой, где мебель была стильной, классицистической. Ей соответствовали посуда и приборы. И не беда, что на прекрасных тарелках могла подаваться обычная картошка в мундире.

Совсем иные представления стали характерны для периода после перестройки. Теперь многие получили доступ к частной собственности. Увы, многие были не подготовлены к обладанию большими средствами ни образованием, ни эстетическим воспитанием. В описании Оксаной Робски такого гламурного дома нуворишей не нашлось места ни для библиотеки, ни для места для интеллектуальной деятельности (Робски, 2006). А как же? Зачем нужны книги, если есть Интернет? А работать надо не дома, а на работе. Дома надо отдыхать. В 90—е годы XX века многие стали приобретать квартиры и устраивать интерьеры соответственно мексиканскому сериалу, который транслировался тогда по телевидению и многие прилипли к нему. Поэтому новые квартиры того времени устраивали с обязательной аркой Санта Барбара, которая воспринималась как знак евроремонта. Многие художники зарабатывали при этом, так как у новых нуворишей не было подготовки к созданию индивидуального интерьера. Один из наших друзей как раз

и зарабатывал таким образом. И я попросила показать сделанный интерьер. Каково же было мое удивление, когда я обнаружила соединенную кухню со столовой, шикарную спальню, гостиную, кабинет, где стоял бильярдный стол. «А где же книги? — спросила я. — А это квартира любовницы бандита. Ни она, ни он читать не будут». Зато здесь были атрибуты богатства, понимаемые в то время как знак шикарной жизни. Нашло это отражение и в современной художественной литературе. Описывая интерьер современного удачливого бизнесмена, автор пишет, что «библиотеки в квартире не предполагалось. Это квартира для интернета, в котором все уже есть. Все необходимые книжки благополучно перекачены в сеть, а новые все прибывают» (Рой О., 2013: 80), что, конечно же, не соответствует действительности. Таким образом, как это уже показал Жан Бодрийяр, «современная домашняя обстановка целиком включается в знаковую систему «среды» (Бодрийяр, 1999: 45).

Итак, вещь олицетворяет богатство. Уже с древнейших времен. Но постепенно вещь получает в понятиях общества совсем иную нагрузку. Все больше осознается знаковость вещи. В работе М. П. Фуко «Это не трубка» (1973), посвященной картинам Магритта, автор говорит о разрушении самотождественности, идентичности вещи. Игра подобию, геометрически аналогичных форм уничтожает сходство вещей, сходство с первоначальной идеей. Только мысль, по его мнению, может быть наделена сходством. И только мысль оставляет вещам их истинное место в мире человека.

Каждая эпоха и социальная группа накладывают отпечаток на все вещи, в ней существующие и ее создающие. Исходя из этого, вещи можно рассматривать как носителей определенных значений. Если взять какой-нибудь предмет быта — скажем, стул — и проследить его изменения и модификации синхронно (по странам) и диахронно (по временам), то мы получим обширные представления и об образе жизни людей, и о развитии техники, и о причудах и разнообразии моды. Таким образом, в нем, в этом предмете, отразятся все особенности определенной культуры. Вещи, используемые в домашнем быту, приобретают, помимо и сверх их утилитарного назначения, функцию выражения определенного космологически цельного мировоззрения, в котором все предметы, их расположение в пространстве представляют собой непростую систему. В зависимости от контекста вещь может восприниматься и как знак совершенно далеких от нее явлений. Вот как, например, поэтично говорит о женской туфле Тимур Зульфикаров в своей притче «Евразийская чайхана»:

«— О мудрец, ты знаешь все тайны бытия и смерти! Да! Но! Как родилась обувь? Как родилась женская соблазнительная, бесовская, похотливая, змеиная, похожая на голову кобры, туфля? А?

Тогда Ходжа Насреддин улыбнулся и сказал:

— А что такое женская извилистая хищная туфля? Это союз! Это сладкая связь каблука и стреловидного носка! И каблук — это зебб-фаллос мужа, а змеиный узкий носок — это устье, это лоно, это эль кесс жены! И тут вечная погоня фаллоса мужа за лоном жены! И чем уже носок — тем выше, дольше каблук! А может, тут и вся разгадка земного бытия? А?..

И еще мудрец тихо шепнул:

— Говорят, что Адам, наш первоотец, соблазнил Еву, первомасть, только тогда, когда она встала на каблуки, как на два вздыбленных фаллоса-зебба!.. И те первокаблуки были так высоки и тонки, что Ева не смогла удержаться на них и закачалась, замаялась, и оттого стала бешено желанной, и рухнула переспело в объятия Адама. С той поры так любят грешные блудные мужи высокие шаткие змеиные каблуки! Да! Айхха!.. Так что обувь родилась не для хождения, а для соблазнения!..» (Зульфикаров, 2001: 8).

Любая вещь со временем приобретает свою значимость и повышенную стоимость. Так, например, образцы мужской и женской обуви второй половины XVII века, сделанные из дерева, но декорированные ажурной резьбой и лаковой росписью, были приобретены на аукционе 26 июня 2012 года за 8000 фунтов (Блюмин, 2013: 7). Ясно, что помимо их старины, они были значимы и как художественная ценность. В целом, одежда, украшения, дают представление о том, что представляет собой та или иная личность. И можно сказать даже больше: внешний облик, создаваемый с помощью костюма, может дать представление об эпохе (Упине, 2013: 66). В костюме выражается не только индивидуальное самоощущение, но и эмоциональное отношение к действительности.

Вещь вплетена в сложную систему разнообразных символических связей. Так, в славянской культуре печная утварь выполняла в обрядах стихию огня. Дом — один из наиболее значимых и символически нагруженных объектов человеческого окружения, место многочисленных ритуалов. Наиболее важная символическая функция — защитная. Красный угол в доме — наиболее парадное и значимое место. Стол — сакральный центр жилища. Печь наделена серией диффузных и противоречивых значений. Порог — элемент дома, играющий роль его символической границы с внешним миром, окно (произведено от

«око») — источник света. Ложка играла заметную роль в обрядах восточных славян, олицетворяя собой конкретного члена семьи, использовалась в различных обрядах и символизировала многие явления, как и нож и решето. Место у печи — женское пространство, в красном углу — наиболее почетное. Противопоставление печь — красный угол было материальным воплощением двоеверия в структуре русского жилища: религиозно-мифологический способ видения с четко разработанной дихотомией закрепил второй центр, красный угол, в противопоставлении языческому — печи.

Наиболее значимыми элементами жилища в семиотическом плане являются его границы — стены, крыша, пол. В качестве границ в русском жилище выступают также локативы (печь, стол и др.). Однако выделяются в семиотическом плане в первую очередь входы и окна. Регламентированную связь с внешним миром представляют двери. Вот почему так много ритуалов, загадок, присказок, связанных с дверью. Нерегламентированную связь с внешним миром отождествляют с входом через окно, дымоход и т.д. Двери, ворота отождествляются также с утробой, вульвой, почему возникает актуализация порога, например, при болезни — с помощью манипуляций в двери лечили радикулит, детский испуг и т.д. Символика окон представляет собой оппозицию внешний — внутренний, как и двери. Но несет также оппозицию видимый/невидимый. Вот почему проницаемость окон для человека, птиц, животных считалась нежелательной. Отсюда считается дурным предзнаменованием, если птица залетает в окно. Окно, как правило, связано с идеей смерти, ибо, оставаясь во внутреннем пространстве, оно представляет собой проникновение во внешнее пространство.

Значимым в доме является семантическая роль матицы, сегментирующей внутреннее пространство жилища на три части — красный угол под образами, главный, собственно изба; подпорожье — задний угол, кут (у входа) и печной — перед печью, середина.

В красном углу находились объекты, которым придавалась высшая культурная ценность: стол, библия, молитвенные книги, крест, свечи. Все пространство в красном углу имеет знаковый характер. В зависимости от места в нем измеряется ценность находящихся там вещей и людей. Наибольшую ценность представляют образа и соответственно место под ними. Наиболее высокий знаковый статус имеют иконы. Но столь же значительна и сакраментальна роль стола, которому отводится важнейшая роль в ритуале свадебного ритуала.

Печь имеет многозначное семиотическое осмысление: приготовление пищи как обрядовой, так и обыденной; связь ее с социальной интерпретацией: тот, кто сидит на печи — свой. Кроме того, маркировано женское пространство, в отличие от красного угла, где доминирующее значение принадлежит мужчине. Рядом с печью — бабий угол. Эта часть избы исключительно женская.

Помимо горизонтального членения, семиотическое пространство избы имеет и вертикальную структуру. Пол и потолок делят его на три зоны — чердак, жилое пространство и подполье. Крыша определяет связь, является границей между небом и миром людей, хотя и осмыслялась в числе женских элементов жилища (в этот ряд входили все элементы жилища, имеющие отверстия — стены, печь и т.п.). Связь крыши с солярной тематикой, как правило, подчеркивается солярной семантикой.

Внутренние границы вертикального среза жилища представляют собой пол и потолок. Сами половицы имеют ярко выраженный знаковый характер: половица связана с идеей пути, вдоль них кладут покойника и никогда не стелят постель. Потолок составляет парность к полу, почему иногда его называют верхний пол. Пол входит в комплекс представлений о низе, потолок — о верхе. Соответственно чердак и подпол — выходят за границы жилого пространства и находятся на его периферии. Но внешнее и внутренне пространство взаимопроницаемы.

Наибольшей степенью семиотичности жилого пространства обладает его горизонтальная плоскость. Вертикальная же плоскость в этом плане — менее характерна.

Важным элементом в жилище является орнамент, нередко нанесенный на элементы жилища — оконные резные украшения, украшения на коньке крыши и т.д. Кроме того, обычно бытовая утварь сплошь связана с орнаментикой. Но орнамент представляет собой также знаковую систему, репрезентирующую эстетическую и мифопоэтическую информации этнической целостности. Орнамент как язык предстает в виде кода, передающего основные специфические особенности этноса. В структуре керамического орнамента, как и в объемной форме сосуда, смоделированы не только эстетические, но и этнопсихологические стереотипы. Сами объемы, их геометрические параметры, орнамент, тонкостенность керамики — все вместе выражают психологические характеристики людей, пользующихся этими вещами.

Народная мелкая пластика также дает возможность эстетической расшифровки семантики предметов, пространственные и временные границы распространения той или иной культуры. В разных ареалах

проявляются типологические черты украшений, укладываемых в следующую триаду: функция — канон — украшение. Сопоставляя особенности разных ареалов, в силу различных условий порождающих различные типы ментальности и отражающих ее в художественных средствах выразительности, можно декодировать структурные типы художественного отражения мира в сознании людей, создавших тот или иной орнамент. Причем, нередко художественный тип структуры орнамента схож с типами языковых структур. Антропоморфные мотивы в орнаменте часто являются проявлением древних сакральных представлений, послуживших возникновению и осмыслению таких отвлеченных категорий, как, например, смерть/бессмертие.

В наше время происходит все большее убыстрение смены вещей. И даже если старинные вещи приобретают все большую ценность, очень часто они выбрасываются. Так, в современной Англии сохранилось большое число старинных домов, наполненных мебелью, которую выкидывают на помойку, так как их реставрация стоит дорого. А средств у их обладателей нет.

Точно так же мы видим отношение к машине. Если раньше — обладание машиной представлялось роскошью, то сегодня уже важно, на какой машине ты едешь. В Америке машина — не роскошь, а средство передвижения уже давно. И советским людям было удивительно, когда безработные там ехали на своей машине для случайно подвернувшейся работы. Однако в поисках работы очень важно, на какой машине ты ищешь эту работу. Недавно одна актриса рассказывала, что она ездила наниматься на работу на своей машине. И везде ей отказывали. Но однажды у нее в машине что-то сломалось, и подруга дала ей свой «Ягуар». Когда она приехала на нем, работа сразу же нашлась.

Время приносит новые формы, новые материалы. Иногда они удачны. Иногда — нет. Ролан Барт писал, например, о пластмассе: «Её строение характеризуется чисто негативно — она не обладает ни твердостью, ни глубиной и вынуждена довольствоваться лишь сугубо нейтральным (хотя и полезным на практике) свойством, а именно прочностью, то есть способностью не сразу поддаваться внешней силе. В поэтике материалов это материал — неудачник» (Барт, 1996: 213). И все же новые вещи часто способствуют комфорту и находят все большее применение. Отчасти потому, что становятся более дешевыми благодаря усовершенствованию технологии, отчасти благодаря широкому распространению. Вспомним, как раньше наличие мобильного телефона говорило о значимости его владельца. Теперь — это обычный

предмет любого мало–мальски обеспеченного человека. Компьютер также изменил жизнь людей. И хотя сегодня есть профессора, которые с гордостью говорят о том, что они не пользуются компьютером, но новые модификации, наличие айфонов и других гаджетов совершенно изменяет жизнь людей, которые видят в этих новых вещах не только их сущность, но и знаковое наполнение.

Каждый предмет в квартире имеет определенную утилитарную форму, но несет на себе и груз подчас довольно трудно расшифровываемой семантики. Однако постепенно вещь приобретает статус знака, становясь элементом «совсем иного пространства — не материально–вещественного, но идеально–духовного» (Топоров, 1995: 11). Вещь может выступать в качестве этнического индикатора власти, показателя социальной или кастовой принадлежности владельца, даже может выражать его конфессиональную принадлежность. «действительно, вся жизнь человека связана с вещами. Каждое поколение создает свой предметный мир. Вещи создаются для человека и во имя человека. И поэтому у всякой вещи есть свое человеческое измерение. Вещи как зеркало культуры отражают насущные запросы повседневной жизни человека, его чаяния и завоевания, поиски красоты и радость самоутверждения» (Бирюков, Ионесов, 2012: 24). В культурологии сложилось несколько различных подходов к изучению семантики предметной среды: метод «этнографических аналогий» Дж. Фрезера, разработанный Г.Г. Шпетом и разделяемый новой этнографической школой; метод структурного анализа, предложенный К. Леви–Стросом; феноменологический метод Э. Гуссерля, который дает возможность познания вещи в ее историческом контексте; герменевтический метод, разработанный Дильтеем — Хайдеггером — Гадамером, разделяемый экзистенциалистами и позволяющий рассматривать вещь как целостный текст в контексте культуры. Все эти подходы при изучении семантики вещи могут быть использованы в современном анализе, однако следует помнить, что сама вещь выступает как культурный текст определенной, исторически обусловленной знаковой системы. При этом, по меткому замечанию Бодрийяра, «всякая вещь в глубине своей антропоморфна» (Бодрийяр, 1999: 33). Но если раньше она демонстрировала свою работу, (Бодрийяр дает такой пример: «Заступ или кувшин», «эти живые воплощения мужского и женского полового органа, своей "непристойностью" делают символический внятной динамику человеческих влечений», то теперь она отводит человеку «роль стороннего наблюдателя» (Бодрийяр, 1999: 63)).

Известный культуролог Г.С. Кнабе выделяет следующие свойства знаковости бытовых вещей:

1) историчность их семантики (помимо синхронных оппозиций, он выделяет диахроничность семантики бытовых вещей);

2) способность распознать эту знаковость лишь определенной социально–культурной группой, которая объединена пережитым общественным опытом;

3) эмоциональность вещи (помимо ее рационального смысла), актуализирующая те обертоны памяти, которые коренятся в социальном подсознании и часто самим человеком не осознаются. (Кнабе, 1982: № 9).

Образ вещи характеризуется, по Кнабе, тремя гранями, которым соответствуют три способа его восприятия: социальный, духовный и социологический. Социальный аспект характеризует обладателя вещи по признакам, определяющим его место в общественной структуре. Духовный аспект передает атмосферу чувств и переживаний, связанных с данным предметом, независимо от его денежной или эстетической значимости, вне четкой знаковой роли вещи. Социологический же образ дает «зонд, опущенный глубоко в общественное подсознание, в те глубины повседневного бытия, где раскрывается непосредственно человеческая текстура исторических процессов». (Кнабе, 1985, № 1; Кнабе, 1986).

Вещь не существует отдельно, как нечто изолированное в контексте времени. «Вещи связаны между собой. В одних случаях мы имеем в виду функциональную связь и тогда говорим о «единстве стиля». С другой стороны вещи имеют память» (Лотман, 1995: 10). Вещи навязывают нам манеру поведения, тем самым создавая вокруг себя определенный культурный контекст. Верно пишут А.В. Бирюков и В.И. Ионесов: «Именно вещи при помощи человека формируют предметный ландшафт социальных связей и визуально проецируют во внешний мир смыслы и образы человеческих исканий, материальных и духовных запросов общества» (Бирюков, Ионесов, 2012: 22).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барт Р. Мифологии. М.: 1996. — 213 с.
2. Бодрийяр Жан. Система вещей. — М.: Рудомино, 1999. — 231 с.
3. Бирюков А.В. . Ионесов В.И. Люди и вещи: новые возможности интеграции культуры и экономики в эпоху глобализации // Вещи и коммуникация: экономические и культурные взаимодействия в меняющемся обществе. — Самара: ООО «Изд–во ВЕК#21», 2012. — 514 с.

4. Блюмин М.А. Старинная обувь на международных аукционах // *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии / Материалы XVI международной научной конференции* — СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2013. — 620 с.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М, Искусство, 1972. — 318, с.
6. Зульфикаров Тимур. Евразийская чайхана // «Литературная газета», № 30, 25–31 июля 2001 г., с. 8.
7. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и нравы русского дворянства XVIII–XIX вв. М.: Искусство, 1995, с. 10.
8. Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983. — 207 с.
9. Кнабе Г.С. Внутренние формы культуры // *Декоративное искусство СССР*; 1982, № 9.
10. Кнабе Г.С. Быт как предмет истории // *Декоративное искусство СССР*. — 1982, № 9.
11. Кнабе Г.С. Язык бытовых вещей // *Декоративное искусство СССР*, 1985, № 1.
12. Кнабе Г.С. Древний Рим — история повседневности. Очерки. — М. 1986 — 206 с.
13. Робски Оксана. GLAMУРНЫЙ ДОМ; ИНТЕРЬЕР&ДЕКОР. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. — 239 с.
14. Рой О. Шаль: роман. — М.: Эксмо, 2013. — 352 с.
15. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. — М.: Прогресс, 1995. — 634 с.
16. Упине А. М. Выявление композиционно — конструктивных параметров исторической одежды, влияющих на имиджевые характеристики эпохи // *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии / Материалы XVI международной научной конференции* — СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2013. — 620 с.

Сады и парки как коды культуры

(Опубликовано: Вестник Санкт–Петербургского государственного университета культуры и искусств, № 1, 2017, с. 48–58)

Сады и парки тесно связаны с историей государств, их бытом, повседневностью, мировоззренческими представлениями — науками, искусствами и вообще всеми формами жизни. «Пять континентов мира: Европа (34 страны), Азия (43 страны), Африка (55 стран), Америка (49 стран), Австралия и Океания (26 стран) и везде человечество (несмотря на сложные климатические и иные условия) создавало, создает и будет создавать чудесные сады и парки»⁷⁷.

История их создания уходит в глубь веков. Уже Платон считал, что в Атлантиде, которая существовала по его представлениям более 12 тысяч лет назад, было множество садов. «Видимо, начала устройства садов совпадает с началом оседлости, и целью этой деятельности было выращивание около жилья полезных растений»⁷⁸. Б.И. Кохно так определяет садово–парковое искусство: «садово–парковое искусство можно определить как искусство создания садов, парков и других озелененных территорий. Они основываются на двухтысячелетнем опыте деятельности людей по выращиванию растений и устройству среди них мест обитания, отдыха и развлечений»⁷⁹. И далее он верно утверждает: «рельеф, вода, растения, организованное ими пространство создают своеобразный язык, воздействующий на эмоции и характер поведения человека»⁸⁰.

На самом деле в древних цивилизациях — Древнего Египта, Месопотамии, на Ближнем и Дальнем Востоке уже существовали сады и парки, описание которых дошло до нашего времени.

Сегодня в рамках ООН существует Комитет по историческим садам (ИКОМОС), в который входит 1666 объектов 34 стран мира; Международ-

---

⁷⁷ Пронин А.М. Сады и парки народов мира. Культурологический справочник. — Пенза, 2001, 182 с., с. 99.

⁷⁸ Кохно Б.И. Садово–парковое искусство. — Л., Знание, 1980, 36 с., с. 5.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же., с. 6.

ная федерация ландшафтных архитекторов (ИФЛА), которая в 1977 году провела в Киото совещание по охране не только памятников, но и исторических ландшафтов. Кроме того, в течение многих лет ИФЛА проводила разные симпозиумы по охране исторических памятников⁸¹.

Считается, что сады и парки возникли в Древнем Египте. В Древнем и Среднем царстве существовали фруктовые сады, виноградники, огороды. В Новом царстве при храмах существовали сады, а кроме того, появились священные рощи. Древняя столица Фивы изобиловала пышными садами. Важное место в садах Древнего Египта занимали ирригационные устройства водоемов и каналов, что диктовалось климатическими условиями. А вот роль архитектурных построек была вторичной. Главными были эффекты перспективы и контраст пространства. «Анализируя красивый симметричный план, тщательно продуманное чередование различных видов деревьев, изысканную форму углубленного бассейна, следует признать, что уже здесь, на пороге истории садового искусства, наблюдается высокая степень развития рационально распланированного сада. Симметрия, сочетание изящества и утилитарности — требования, которые впоследствии считались обязательными в садовом искусстве в ранние годы его развития, уже успешно применялись»⁸².

Совсем иным был климат в Месопотамии. Но и здесь сады были широко распространены. Известно, что шумерский царь Гудеа создавал виноградники и рыбные пруды, окаймленные садами. До нашего времени дошли сведения о многочисленных садах Ассирии, Вавилона. Саргон II заложил над Ниневией, столицей Ассирии, город Дар–Шарукин, в котором был разбит парк. В этом парке были посажены все растения хеттской флоры и разные горные травы. Сын Саргона в Ниневии воздвиг себе дворец, при котором был разбит обширный парк с фруктовыми деревьями и виноградом. В Вавилоне были особенно знамениты «висячие сады» Семирамиды, в которых под поддерживающими террасами–сводами находились роскошные покои, из которых можно было подняться на террасу через широкие проходы. Длина сторон основания террас — «висячих садов» — равнялась 48 м. На этом основании подымались ступенчатые террасы. Главный сад был разбит на верхней террасе⁸³.

Богато оснащены были и сады Иудеи. Известно, что при дворце Соломона были украшенные сады с бассейнами.

⁸¹ Горохов В.А., Лунц Л.Б. Парки мира. М.: Стройиздат, 1985. С. 9.

⁸² Там же, с. 10.

⁸³ Там же, с. 11.

В Персии парки назывались «парадиз». Впоследствии в это понятие стали входить не только сад, но относилось оно и к дворцам и резиденциям персидских царей. Парадиз воспроизводит образ горнего рая. К нам это слово пришло через греческий и французский языки⁸⁴.

Парки использовались для народных празднеств, смотров огромных армий. В них также заселялись звери для охоты. Персидские ковры дают нам представление о планировке этих садов и парков. Считается, что Персия — родина розы. Поэтому Персию нередко называли Гюлистан — Сад роз. Росли там не только розы, но и сирень, тюльпаны, лилии и нарциссы. Не случайно столица древней Персии называлась Суза — Лилия. И многие сады мира возникали под воздействием именно персидских садов.

Сады так ценились, что для того, чтобы досадить врагу, египтяне вырубали фиговые деревья и виноградные лозы в войнах со странами Азии, а финикийцы вырубали все деревья в парке в Сидоне, в котором отдыхал персидский царь⁸⁵.

В Индии при буддийских монастырях обязательно разбивались сады, так как поклонение деревьям с древности входило в обычаи индусов.

Когда мусульмане захватили Северную Индию, здесь получили распространение мусульманские сады. Иранская культура стремилась освоить индийскую традицию. Главные особенности такого сада — «регулярная планировка и наличие текущей по саду воды»⁸⁶. Сад стал олицетворением рая на земле. Воды четырех рек жизни встречаются в центре. Фруктовые деревья и кипарисы символизируют бессмертие и возрождение, олицетворяя четырехчастную структуру райского сада. По мусульманским представлениям Аллах создал свое Творение за 4 дня, существует 4 точки горизонта и 4 первостихии — земля, вода, воздух, огонь, что непосредственно отразилось на композиции мусульманского сада. Не менее значим и 5-частный символ, наиболее полно воплощаемый в образе чинары, пятиконечные листья которой подобны рукам молящихся, воздевающимся к небу. Вместе с тем сад может метафорически сопоставляться с красавицей. В связи с тем, что в мусульманской культуре доминирующее значение имеет орнамен-

⁸⁴ Шептунова И. Закладка садов Бабуром как аналог космогонического акта. // *Искусствознание*, 2001, № 1/01, с. 205. См. Об этом также; Giamatti A.D. *The Earthly Paradise and the Renaissance Epic*. Princeton, 1966; Armstrong G. *The Paradise Myth*. London, 1969.

⁸⁵ Горохов В.А., Лунц Л.Б. *Парки мира*. — М., Стройиздат, 1985, с. 10, 12.

⁸⁶ Шептунова И. *Цит. изд.*, с. 204.

тика, в мусульманских садах главенствует принцип единства рации и фантазии, статики и движения.

Наиболее известный памятник могольской архитектуры — Тадж-Махал — «образец гармонии сада и усыпальницы»⁸⁷, в которой проявляется структурное единство всех составляющих художественной культуры ислама.

Однако примеров мусульманских садов можно привести множество. Например, много садов было в столице государства Тимуридов — Самарканде. Они носили различные названия: «сад, радующий сердце», «сад очарования», «сад откровения», «сад роз», «сад надежд». Закономерно влияние арабского Востока на искусство итальянского Возрождения. «Леонардо да Винчи в своей книге «Божественные пропорции» ссылается на Авиценну, а комментатор Витрувия Д. Барбаро — на арабского ученого ал-Кинди»⁸⁸.

Для мусульманской культуры характерно стремление к приобретению знания. Известное мусульманское пророчество гласит: «высшее служение Богу есть поиски знания»⁸⁹. Образ сада в мышлении мусульман занимает важное место. В Коране сказано: «Поистине богобоязненные — среди садов и источников» (Коран. 15, 45)⁹⁰. Сад традиционно служил местом сбора мудрецов и поэтов. Сад для мусульманина — земное воплощение райских кущ, поэтому за любым реальным садом скрывается образ райского сада. «В мусульманской культуре образ сада всегда воспринимался в неразрывности с идеальным Садам Жизни»⁹¹. Он «олицетворял собой мир, вбирая в себя всю тайнопись прошедшего, настоящего и будущего»⁹².

В саду, естественно, существовали деревья, каждое из которых наделено знаковостью. И обязательно есть виноград, дающий представление об опьянении, но отнюдь не бытовом, а опьянении любовью к Абсолюту. Столь же значимо присутствие птиц, также имеющих символическое значение в мусульманском саду: соловей — символ любви, утка — символ сакрально омовения, сокол — символ проникновения из земного мира в небесные сферы и т.д. «Язык птиц»

⁸⁷ Шептунова И. Цит. изд, с. 206.

⁸⁸ Горохов В.А., Лунц Л.Б. Парки мира. Цит. изд., с. 27.

⁸⁹ Шукуров Шариф. «Охота за смыслом» в искусстве Ирана // Сад одного цветка. Сборник статей и эссе. — М. Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991. — 294 с., с. 93.

⁹⁰ Там же, с. 97.

⁹¹ Там же, с. 102.

⁹² Там же, с. 97.

стал обозначать таинственный, эзотерический или просто непонятный язык»⁹³.

Коран вобрал в себя ортодоксальные и мистические представления, основанные на семитской традиции, разработав при этом богатую чувственную образность. Известно, что Платон бывал в Конии и отнюдь не случайно, что его знаменитая Академия располагалась в саду, в котором он и жил.

В Греции многое было взято из восточной садово–парковой культуры, во многом благодаря и походам Александра Македонского. Там культивировались священные рощи, города украшались садами, философы проводили занятия с учениками в садах, получивших наименование Академий, возникших на основе гимнасий, где юноши занимались физическими упражнениями. Сады украшались беседками, фонтанами, лестницами. Здесь было много типов садов. Нимфеи были местом обитания богов, нимф, муз. Как правило, это были дубовые, кедровые или оливковые священные рощи. Рощи, посвященные героям, служившие местом их захоронения и носившим мемориальный характер, назывались героонами. Широко были распространены сады общественного значения, появившись в V–IV вв. до н.э. Кроме того, на площадях города, перед храмами, у фонтанов устраивались небольшие общественные сады. Существовали сады и при жилых домах⁹⁴. «Новое в садах Греции по сравнению с Египтом — их террасообразное, уступчатое решение, более свободная композиция, декоративность, нагромождение зеленых масс, обилие украшений, витые лестницы. На террасах — посадки больших деревьев, цветы и фонтаны, приводимые в действие сложными гидравлическими машинами»⁹⁵.

В Риме сады были также в большом почете. Они сочетали в себе греческие архитектурные формы и этрусские атриум, эллинистический перистиль и виридарий — озелененный участок с бассейном и фонтанами. В эпоху империи в I–IV вв. для римской архитектуры характерно было стремление к геометризированной линии планов, что отразилось на садовых сооружениях, входивших в термы, в садах загородных вилл. Существовали городские сады, служившие для прогулок или перед театром как своеобразное фойе под открытым небом. В придворных садах были фонтаны, скульптуры, искусственные водоемы. Были рас-

⁹³ Шукуров Ш. Цит. изд, с. 103.

⁹⁴ Кохно Б.И. Цит. изд., с. 15.

⁹⁵ Горохов В.А., Лунц Л.Б. Парки мира. Цит. изд, с. 15.

пространены сады и парки загородных вилл. Здесь был распространен плоский сад — ксист, в котором была регулярная планировка, четкое осевое построение квадратов или прямоугольников, на которые он был разделен. Главный элемент — газон, окаймленный бордюром. Характерной частью загородных вилл был сад — ипподром⁹⁶. Загородные виллы всегда имели огромные сады или парки. Например, загородная вилла императора Адриана, построенная около Рима в Тибуре в 114–138 гг. была расположена у подножия гор и представляла собой грандиозный дворцово–парковый ансамбль, ставший впоследствии примером для подражания, о чем будет сказано позднее.

Для стран Дальнего Востока в садово–парковом искусстве характерно утверждение первичности красоты естественной природы, подчиненности ей всего, создаваемого человеком, абсолютизация эстетических качеств природы: земли, воды, скал, холмов, растений.

В Китае сады возникли довольно давно. Известны сады по дошедшим до нас памятникам, относящимся к XII в. до н.э. Уже в древнем эпосе «Книга песней» говорится о «Саде знаний».

В Китае были распространены как монументальные, так и миниатюрные сады, так называемые «лоб кошки». В этих садах использовали бамбук, сливу и сосну. В садах устраивали беседки, галереи, пагоды, мосты, крытые дорожки с огромными круглыми окнами в стенах для восприятия сада как бы в раме.

Особенно ярким проявлением садового искусства Китая является парк Ихэюань (парк Безмятежного отдыха), считающийся одним из величайших шедевров наряду с Версалем и садами Царского Села. «Художественный образ Ихэюаня в целом, его структура и семантика могут быть восприняты и осознаны лишь в контексте китайской духовной культуры...»⁹⁷. Символическая семантика этого парка включает в себя разные пласты духовной культуры Китая — в первую очередь философские учения — конфуцианство, даосизм и буддизм. Значительную роль в нем играют также мифологические и фольклорные образы и особенности художественной культуры — поэзии, прозы и т.п. Именно этот парк повлиял на модное направление в Европе шинуазри и послужил образцом для мастеров садово–паркового искусства Англии, Франции и России. Образ китайского сада получил отражение в «Игре

⁹⁶ Кохно Б.И. Цит. изд., с. 16–17.

⁹⁷ Завадская Е.В. Ихэюань — сад, творящий гармонию // Сад одного цветка. Сборник статей и эссе. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. — М. 1991, с. 225.

в бисер» Г. Гессе и в рассказе Х.Л. Борхеса «Сад расходящихся тропок». «Если у Гессе китайский сад — это образ идеального мира, то у Борхеса — идеального сознания. И в реальной истории садового искусства в Китае парк (или сад) выступал в той или другой роли, а порой, как, например, в Ихэюане, стал воплощением их обеих»⁹⁸.

Здесь весьма многообразно и искусно воплощены взаимоотношения *ян* и *инь*, основанные на триграммах и гексаграммах «Ицзин» («Книги перемен»). Этот парковый ансамбль представляет собой «сады в саду», напоминая всем хорошо известные «шары в шаре». Он предстает как картина мира, разворачивающаяся в чередующихся временах года, для чего цветы подобраны таким образом, что их цветение знаменует новый этап, символизируя весну, лето, осень, зиму. «В сложный архитектурный ансамбль парка Ихэюань входит тридцать шесть рукотворных элементов (это число — результат умножения 4 на 9: первое четное число является символом Земли и женского, темного начала *инь*, второе — нечетное, олицетворяет силы Неба и мужское, солнечное начало *ян*)»⁹⁹. Архитектура, скульптура, надписи, дорожки, даже характер теней, отбрасываемых строениями и деревьями — все направлено на выявление идеальной картины мира. «Парк Ихэюань — это своеобразная архитектурная утопия, поскольку в ней запечатлелась древнейшая китайская традиция, просуществовавшая всю историю Китая, уподоблять саду (или парку) идеально устроенный мир»¹⁰⁰.

Интерес также представляют парки Бейхай (Северное море) в Пекине — в прошлом императорский сад, располагавшийся на о. Цюндао и Лю в Сучжоу, состоящий из трех прилегающих друг к другу садов с подчеркнутой планировкой.

В Японии сады предназначались для созерцания красоты, тихого уединения и раздумий. В этих садах часты и речки, и водопады, и скалы разной формы и величины. Обычно здесь использовались разного рода символы, которые человек этой культуры легко декодирует: гладкий песок символизирует воду, а камни — горы. Осознать скрытый смысл и многозначную содержательность для неподготовленного человека, не выросшего в этой культуре — сложно. Использовались хвойные деревья, чаще всего сосна, ирисы, пионы, хризантемы, на прудах — лотосы. Камни здесь играют роль важного выразительного средства.

⁹⁸ Завадская Е.В. Цит. изд., с. 236.

⁹⁹ Там же, с. 237.

¹⁰⁰ Там же, с. 242.

Сформировались японские сады в средневековый период. В Киото, древней столице Японии в VIII в., были красивые сады, некоторые из которых сохранились до нашего времени. Связано это с тем, что в Японии каждые 20 лет реконструируют памятники. Но окончательно японский сад сформировался в X–XII вв. Безусловно, с одной стороны японские сады менялись на протяжении времени. С другой стороны, они оказались вневременным явлением. Вся суть японской культуры раскрывается через отношение к природе. «Образы природы определили и закрепили устойчивый круг ассоциаций и иносказаний, создав сложную и развитую знаковую систему, особое семиотическое пространство японской культуры»¹⁰¹. Многообразие садов Японии в наибольшей степени представлено в Киото. В Японии сад — синтетическое искусство, наделенное разнообразной символикой. Наталья Николаева подчеркивает, что «сад открывал возможность для человека постичь бесконечное и выразить его в осязаемой, зрительной форме»¹⁰². Составные элементы японского сада — камни, вода, песок, галька, сосны, бамбук и т.п. были все теми же — и в XII, и в XV, и даже в XX веках. Но «всякий раз жили в условиях иной пространственно–пластической системы, характерной для культуры эпохи, ее идеалов и эстетических представлений»¹⁰³, при этом всегда воплощая мировоззрение, его самые общие и главные законы. Сад становится моделью мира.

Около семи веков назад в Японии стали распространены миниатюрные парки «бонсай», уместающиеся в керамической вазе. Многие японцы могут только так иметь возможность ежедневного контакта с живой природой. «На Западе «японские карлики» приобрели известность после того, как на международной Парижской выставке 1937 г. Они получили Золотой приз»¹⁰⁴.

В Корее история садов начинается в I–VII веках н.э., когда появляются придворные сады. Кроме придворных садов, здесь были распространены государственные, храмовые и частные сады, каждые из которых имели свои разные назначения. Например, придворные сады предназначались для дипломатических аудиенций, для уединенных занятий, для женского «запретного» комплекса. Государственные сады использовались при правительственных учреждениях и при придворных академиях. Храмовые сады были при буддийских

¹⁰¹ Николаева Н. Сад в японской культуре // Искусствознание, 2001, № 1/01, с. 163.

¹⁰² Там же, с. 164.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Горохов В.А., Лунц Л.Б. Парки мира. Цит. изд., с. 18.

монастырях, при «чайных садах», при шаманских алтарях. В частных садах их пространства предназначались для приема гостей на мужской половине усадьбы, для интеллектуальных бесед на женской половине усадьбы.

Корейские сады оказали влияние на становление японского садового искусства. «Главная особенность корейского сада любого типа заключается в раздвоенности программы его культурных кодов»¹⁰⁵. В основе этих садов лежит китайская модель сада, которая является для нее донорской культурой. Но если для китайской культуры характерна диалогическая связь человека и природы, то для корейской — слияние человека с природными стихиями. Связано это с тем, что, в отличие от китайских мировоззренческих представлений космологические представления сформировались здесь на основе архаической шаманской культуры древних корейцев. Корейские сады невелики по размерам. Кроме того, в корейском саду — камень просто камень, а не подобие облака или ряби воды как в Китае, ветер — просто ветер. Здесь нет размерности китайских метаморфоз. В корейских садах превалирует натуральность и они носят позитивный эмоциональный настрой в отличие от японских садов, в которых воплощаются нюансы поэтической грусти. Примеры корейских садов подробно рассмотрены в цитированной статье В. Белозёровой. В корейских садах чаще всего используются вишневые деревья. Это национальная специфика корейских садов, не встречающаяся в садах Китая, зато вишневые деревья полюбились в Японии.

Как мы видим, при всем различии дальневосточных садов, очень многое их сближает. «Собственно говоря, осознание единства бытия придает общие черты формально разным по типу культурам средневекового Востока. Специфика каждой из них диктуется не в последнюю очередь лежащими в ее основах религиозными представлениями о целях бытия и существовании после смерти, запечатленными в священных книгах и сакральных текстах культуры»¹⁰⁶.

Все же, когда мы говорим о садах Востока, то в каждой культуре есть своя специфика, отражающаяся в садах. «Как философски, так и практически и по своей семантике эти особенности включены в контекст культуры, формируют ее специфику. То же можно сказать и об арабес-

¹⁰⁵ Белозёрова В. Сады Кореи и взаимодействие дальневосточных культур / Искусствознание, 2001, № 1/01, с. 145.

¹⁰⁶ Пригарина Н.И. Введение // Сад одного цветка. Сборник статей и эссе. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991. — 294 с., с. 4.

ках, и об особой декоративной функции арабской графики и прикладном искусстве мусульманского Востока»¹⁰⁷.

Европейская средневековая культура также широко использовала сады. Как правило, это были небольшие сады с регулярной разбивкой на квадраты и прямоугольники. В первую очередь это касается монастырских садов, расположенных в клуатрах. Здесь могли выращиваться лекарственные растения, плодовые деревья. Нередко в монастырских садах использовались лабиринты, символизировавшие с одной стороны жизненный путь с заблуждениями и победами, с другой — путь Христа.

При замках устраивались сады разного назначения — непосредственно для утилитарного использования и для отдыха. Они по размерам больше других, рассчитаны не только для утилитарного назначения, но и для отдыха. В них используются трельяжи, цветники, перголы. «В XIII в. в Италии строят роскошные загородные виллы, окруженные стенами, уже с довольно большими садами. Семья Данте строит виллу в Комерете, семья Гамболоти — в Пизе, Висконти — в Милане»¹⁰⁸.

В эпоху Средневековья на садово-парковое искусство Испании оказало влияние восточное, арабское воздействие мавров, превративших эту территорию в цветущий край. Наиболее знамениты сады Альгамбры в Гранадском эмирате. Альгамбра — это дворец, в котором выделяются Миртовый и Львиный дворы. Здесь использованы водоемы, фонтаны, совмещенные с геометрическими формами плана.

В Европе в эпоху Возрождения на виллах обязательно был парк. Примером такого сада может служить вилла д'Эсте в Тиволи. Понятно, что для этого времени характерно тяготение к закономерностям античности. Вилла в Тиволи стремится воспроизвести особенности виллы Адриана. «Платоновская роща, населенная музами, — необходимая особенность загородной резиденции. Так что ассоциация ренессансной виллы с платоновской Академией, расположившейся в тени платанов, где имеется алтарь муз, очевидна»¹⁰⁹. Нередко поэты непосредственно занимались устройством садов. Известна вилла Петрарки в Воклюзе. Расположенная в гористой местности, она окружена двумя садами, посвященными Аполлону и музам. Рядом — обязательный грот для сада этого времени. Почему в гористой местности? А она отождествляется с горой Парнас, имеющей две вершины.

¹⁰⁷ Пригарина Н.И. Цит. изд., с. 5.

¹⁰⁸ Горохов В.А., Лунц Л.Б. Парки мира. Цит. изд., с. 19.

¹⁰⁹ Тучков И. От приюта охотников — к загородной резиденции // Искусствознание, М. 2001, № 1/01, с. 219.

В эпоху Возрождения «в противовес Средневековью сакральный объект перестает играть определяющую роль, уступая ее воспринимающему субъекту. Средоточием пространства сада с присущими ему смысловыми и эмоциональными значениями становится его созерцатель»¹¹⁰, являя гармонию макро– и микрокосмоса и фокусируется на человеке, который становится центром мира Природы. Организованное пространство сада претворяется в его центрированности и симметрии построения. В наибольшей степени ренессансная модель сада в Италии получила претворение в середине чинквеченто.

В ренессансной концепции сада можно выделить место интеллектуального времяпрепровождения, как сад любви и пространство античного мифа и истории. При этом понятие рай утрачивает, в отличие от Средневековья, религиозную окраску. Это пространство, в котором человек стремится достичь духовной гармонии. В картине Боттичелли «Весна» воплощен светский вариант сада. Ключевую роль здесь играют цветы, имеющие разветвленную семантику. Цветы невесты — гвоздики, васильки, флердоранж. Цветы, олицетворяющие брак, любовь — жасмин, ромашки, маргаритки. Цветок чистоты — лилия.

Семантика сада многопланова. Он мог мыслиться раем. Но мог представляться и царством Венеры. Кроме того, он репрезентирует Вселенную, хотя в данном случае здесь преобладают личностные элементы. Сад был предназначен для частной жизни, поэтому это место для возвышенных мечтаний, способствующих творчеству — вот почему создание сада так привлекало поэтов и живописцев. Фонтан в саду связывался с местом обитания муз. Важным элементом сада была и архитектура. При этом современные идеи связывались с классической античной культурой.

«Сады Италии XVI в. являются системами пространств, расположенных на разных уровнях — террасах. Сад казино виллы Фарнезе имеет три террасы, виллы Ланте — пять, виллы Д'Эсте — восемь, сады Боболи — три, сад Изола Белла — десять»¹¹¹. Сады Италии эпохи Возрождения применяли все типы открыто пространства, но наиболее часто использовались обращенные пространства «в пределах ясно организованного замкнутого пространства всего сада. Выразительность этих произведений искусства усиливается в результате всегда присут-

¹¹⁰ Козлова С. Ренессансный сад Италии и его созерцатель // Искусствознание, М., 2001, № 1/01, с. 204.

¹¹¹ Кохно Б.И. Цит. изд., с. 19.

ствующего и тонко найденного эффекта контраста широких статичных партеров и узких лестниц и каналов с бегущей водой»¹¹².

Франсуа Бероальд да Вервиль — один из самых известных романистов Франции конца XVI — первой четверти XVII веков. Центральным элементом его романа «Приключения Флориды» — самого популярного при его жизни является описание кабинета Минервы. Это отнюдь не случайно. Кабинет Минервы «имеет квадратную форму и разделен на четыре «клетки», отграничиваемые друг от друга аллеями»¹¹³. Кабинет этот размещен в саду, окружающем великолепный дворец. И описание кабинета соответствует представлениям этого времени об идеальном саде. Кабинет этого времени — не просто кабинет. Это метафора, которую Френсис Бэкон назвал «*teatrum mundi*»¹¹⁴. Закономерно, что такой кабинет привлек внимание Монтеня, когда он посетил виллу Кастелло в 1580 году.

Французский естествоиспытатель, художник–керамист Бернар Палисси (1510–1589?), когда оказался в бордоской тюрьме (1550–е гг.), создал книгу «Истинный рецепт», где изложил описание идеального сада¹¹⁵.

В этом саду помещено 8 «кабинетов», представляющих собой керамический грот, являющийся важным элементом ренессансного и маньеристического сада. Как считает Кирилл Чекалов, «кабинет является воплощением Искусства, бросающего вызов Природе и стремящегося слиться с ней в нерасторжимое целое»¹¹⁶. И кабинет Минервы соответствует тому, что описал Палисси. Символика сада многообразна, включая нумерологические представления, ассоциации воды с лимфой, как воплощение «души мира», непременно фонтан как символ неистанного неукротимого движения, статуи, разного рода окаменелости и многое другое. «Кабинет соединял в себе приметы художественной галереи, естественнонаучного музея и «малого театра памяти» (*memoria mater musarum*)»¹¹⁷, соединяя в себе единство и разнообразие. Кирилл Чекалов подчеркивает, что в одном из эпизодов романа присутствует лукавый парафраз боттичеллевской «Примаверы»¹¹⁸. Описание

¹¹² Кохно Б.И. Цит. изд., с. 20.

¹¹³ Чекалов К. «Кабинет в саду» в интерпретации Ф. Бероальда де Вервиля. // Искусствоведение, М., 2001, № 1/01, с. 236.

¹¹⁴ Цит. по: Чекалов К. Указ. изд., с. 242.

¹¹⁵ Там же, с. 236.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же, с. 239.

¹¹⁸ Там же, с. 240.

кабинета и сада — описание маньеристического и уже барочного стиля, получившего распространение во Франции вслед за Ренессансом.

В XVII веке получает развитие стиль барокко. Классовым гегемоном становится земельная аристократия. Границы садового искусства расширяются. Примером садово-паркового искусства этого времени становится вилла Медичи на Пинчио. Вилла Людовици, повторяя мотивы садов Колона, обратила внимание Ленотра своим дворцом, расположенным ниже сада с сильно раскинутой песчаной площадкой и фонтаном. Считается, что именно этой виллой Ленотр вдохновился при создании водяного партера Версаля.

Если для ренессансного парка характерны ясные, осязательные линейные границы, планировка определенно очерчена, то для барокко мотивы начинают переплетаться друг с другом, порядок частей охватить значительно труднее.

Во Франции в XVII в. были созданы высочайшие образцы садово-паркового искусства. Классические образцы этого периода были созданы Андре Ленотром. Это парк Во-ле-Виконт в г. Мен, Версаль, Тюильри в Париже, Марли недалеко от Версаля. В Версале поражают пространства — 1738 га вместе с лесными массивами. «Боскетам, называемым в зависимости от их размеров залами, гостиными и кабинетами под открытым небом, придаются определенные функции: пространство для танцев, музыкальных концертов, театральных представлений просто для тихого отдыха. Замкнутые пространства боскетов связаны между собой аллеями»¹¹⁹. История Версальского дворца и парка является непосредственным отражением французского абсолютизма, достигшего во второй половине XVII века, когда он был задуман и осуществлен, высшего своего могущества. Успехи экономики Франции, передовой страны того времени, отразились на технике строительства Версаля. Например, Зеркальная галерея Версальского дворца демонстрировала достижения французской стекольной промышленности; три версальских проспекта — памятник дорожного строительства; фонтаны и бассейны Версальского парка — технические достижения эпохи. Это был новый центр нового стиля жизни централизованного государства над сепаратизмом феодальной аристократии, провозглашавшего идею единства, порядка, системы, классицистического мировоззрения. План Версаля прекрасно обозрим благодаря открытой планировке. В отличие от парков барокко, панорама парка просматривается со всех сто-

¹¹⁹ Кохно Б.И. Цит. изд., с. 22.

рон, раскрывая заманчивые дали. Широкие и длинные перспективы, декоративные водоемы, растения в кадках, буленгрины (пониженные партерные участки), вердюгардены (повышенные) — основные приемы органического художественного единства.

В Германии примером классицистического парка является Нимфенбург в Мюнхене. В Вене — знаменитый Шенбрун, в Варшаве — комплекс Вилянув.

В истории выделяются два основных стиля в садово-парковом искусстве: регулярный, наиболее ярким проявлением его является Версаль, и пейзажный. «Высоким образцом пейзажного стиля является Павловский парк...»¹²⁰.

В России выдающимися памятниками регулярного сада являются Летний сад и Петергоф.

Деревья и кустарники в Летнем саду формировали «зеленые стены», после реставрации мы видим «крытые аллеи», созданные при его становлении. На самом большом участке сада был создан лабиринт с фонтанами на темы басен Эзопа — стены из стриженных растений, в нишах которых опять же было установлено 32 фонтана.

Петергоф был создан по личным указаниям Петра I.

В Западной Европе XVIII — начала XIX вв. получают развитие пейзажные, ландшафтные парки в Англии, затем во Франции, Германии. В них сохраняли рельеф местности, дорожки строили с извилистыми контурами, водоемы характеризовались свободными очертаниями. Главным в этих парках становится прогулочный маршрут. Наиболее крупными элементами таких парков являются поляны и водоемы. За пределами парка насаждаются деревья или строятся сооружения. Это создает впечатление единства паркового пространства с естественным пейзажем.

Садоводство в Голландии началось с освоением далеких земель. Укрепившись в Ост-Индии, на Цейлоне и в Индии, они стали обращать внимание на растительный мир своих колоний. Вот почему самый ранний сад был основан ими в Кейптауне, который был важным портом, и был центром поставки свежих фруктов и овощей. Губернатор Малабара в Индии собрал огромную коллекцию растений, на основе которой Карл Линней составил систематику индийских растений.

Можно утверждать, что голландцы являются пионерами в жанре пейзажа. Многие выдающиеся голландские художники обращались к пейзажу — даже те, кто непосредственно не стремился воспроиз-

¹²⁰ Кохно Б.И. Цит. изд., с. 10.

дить только пейзажи, а писал картины на библейские темы и портреты, и те создали прекрасные пейзажи, например, Рембрандт и Рубенс. Много времени спустя Винсент ван Гог опять обратился к пейзажу, но уже не только голландскому.

Начинается история садоводства в Голландии с Ботанического сада в Лейдене при университете, который был основан в 1587 году. Считается, что основой голландского садоводства стал сад в Лейдене. Там работал садовод по имени Барль дель Эклю, но знают его по имени Клюзиус. Он был великий ботаник и садовод. Именно он привез из Турции луковицу тюльпана¹²¹. «Сады имели симметричную, прямоугольную планировку, их окружала живая изгородь, в каждом из них были летние домики»¹²². Сады в Голландии были очень популярны в XVII веке. В середине сада обычно помещали муляж, изображавший турка, курящего кальян, или садовника с корзиной цветов, либо голландца в бочке. Любимые цветы в садах — тюльпаны и гиацинты. «Зимой, когда не было цветов, для оформления сада использовалась подкрашенная почва, раковины, камни, стеклянная крошка. Тисы были подстрижены в форме колонн и пирамид»¹²³.

На территории России еще в глубокой древности существовали сады. Тому есть множество свидетельств¹²⁴. Однако для истории развития садов в России имеют значение сады в Измайлове XVII века, повлиявшие на дальнейшее развитие искусства садов и парков в России.

В России XVIII века изменения в садово-парковом искусстве связаны с петровскими преобразованиями хозяйственной и культурной жизни. В это время получили развитие регулярные сады. Наиболее известный регулярный парк — Петергофский, задуманный как парк победы над шведами. Скульптурная композиция исполинской фигуры Самсона, раздирающего пасть льва, по замыслу Петра символизировала победу русских войск в Полтавской битве, которая произошла 27 июня 1709 года — в день святого Самсона. «Петергоф, даже по мнению иностранцев, значительно превосходит французские памятники. В Петродворце фонтаны бьют в летнее время ежедневно и все без исключения, а фонтаны Версаля — только несколько часов в месяц»¹²⁵.

¹²¹ См. об этом: Рандхава М. Сады через века. — М.: Знание, 1981, 320 с., с. 277.

¹²² Там же, с. 278.

¹²³ Там же.

¹²⁴ См. об этом: Горохов В.А., Лунц Л.Б. Парки мира. Цит. изд., с. 29.

¹²⁵ Там же, с. 44.

«Петр I, став государем, получил в наследство более 50 царских садов»¹²⁶. Поразительно, как Петр уделял серьезное внимание и активно работал над созданием садов. Объясняется это тем, что с детства он проводил время в комнатном саду и Потешной площадке, оборудованной как военный лагерь. Кроме того, в Кремле, где обитал маленький Петр, было много садов, которые при нем обустроивались. В Верхнем саду для царевича сделали игрушечное море с лодками. Эти воспоминания детства стали впоследствии моделью его жизненного пространства — сады и освоение морского пространства. Затем сады Измайлова повлияли на вкусы юного царевича. И когда он взшел на престол, сначала усадьбы царя были невелики. Потом появилось желание построить свой Версаль. Он постоянно руководил строительством садов, желая при этом, чтобы они были местом развлечения и разного рода увеселений. И проявлял при этом невероятную активность и недюжинные познания в закладке садов. Впрочем, исследователи, изучающие Петровское время, констатируют широкую образованность русского царя. Детские впечатления и знания отразились на всей его будущей деятельности. После «Петровского времени русское общество поступало сообразно тем моделям светского обихода, ставшим привычками, которые были заложены Петром. Среди них развлекательные сады заняли одно из главных мест»¹²⁷.

Во второй половине XVIII века в России на смену регулярным паркам приходит пейзажные. Наиболее известный и знаменитый — Павловский парк.

Следует напомнить о парках вельмож в Кусково, Останкино, Архангельском.

Таврический сад и парк в Санкт–Петербурге был создан садовником Вильямом Гульдодом одновременно с постройкой дворца по проекту архитектора И.Е. Старова в 1783–1789 гг. Это был подарок Екатерины II князю Г.А. Потемкину. «Сын Екатерины II Павел I ненавидел Г.А. Потемкина–Таврического и после смерти матери предал поруганию Таврический дворец, где в 1799 году по его указу разместились казармы лейб–гвардии Конного полка, а в 1801 году сюда перевели лейб–гвардии гусарский полк. В Екатерининском зале была устроена конюшня»¹²⁸.

¹²⁶ Аронова А. Сады Петра Великого: личная страсть и государственная целесообразность // Искусствознание. – М., 2001, № 1/01, с. 263.

¹²⁷ Там же, с. 272.

¹²⁸ Пронин А.М. Сады и парки в культуре народов мира. Культурологический справочник. — Пермь, 2001. — 192 с., с.118.

В дворянских усадьбах происходил поворот во взглядах и в реальной градостроительной практике. Город и усадьба тесно соприкасались. Однако во второй половине XVIII — первой трети XIX веков в дворянских усадьбах парки носили пейзажный характер, в то время как в городе доминировало регулярное начало. С середины XIX века в усадьбах наступает период, «характеризующийся неуклонным ростом неклассических тенденций»¹²⁹. В парках наблюдается переход от регулярности к живописности и многостилью, причем сначала в пейзажной части парка. Сам пейзажный парк поначалу лишь часть усадьбы, причем по значению всего лишь вторичная.

Эти загородные дворянские поместья легли в основу городских общественных парков, городов-курортов и дачных поселений. Так строились парки курортов Крыма и Кавказа. Такая концепция садов сохранилась вплоть до XX века. Так как начавшаяся Первая мировая война сделала недоступными для русской публики европейские курорты (а надо было лечить большое количество раненых), российские курорты стали интенсивно развиваться. «При разработке планов курортных мест рекомендовалось исходить из концепции города-сада, с малоэтажной застройкой, рассредоточенной среди зеленых массивов... Города-курорты начала XX столетия мыслятся и проектируются как города-сады, которые смогли стать подлинной альтернативой регулярному градостроительству»¹³⁰.

Родственные городам-садам стали дачные поселки, возникшие на исходе классицизма в окрестностях российских столиц — в 1830-е годы. Кроме того, следует учитывать, что одновременно с появлением новой столицы — Петербургом, возникли города-резиденции в 1820–1830-х годах. Теперь парк как самостоятельный тип вступает в полосу кризиса. Дело в том, что при Николае I императорский дворец превращается в частное жилище. Когда меняется назначение императорского дворца, меняется и тип города. В Павловске и Царском селе сооружены вокзалы — в то время они понимались как «здание для музыкальных вечеров, балов, маскарадов, концертов в общедоступном парке. Парк Павловска из императорского превратился в общедоступный, в место особенно популярных у петербуржцев массовых гуляний»¹³¹.

¹²⁹ Кириченко Е. Усадебное начало в градостроительстве России 1830–1910 годов // Искусствознание. — М., 2001, № 1/01, с. 282.

¹³⁰ Там же, с. 289–290.

¹³¹ Там же, с. 291–292.

Во второй половине XIX века в России происходят серьезные изменения в построении паркового ландшафта. Парк стал «растворяться» в окружающем пейзаже. Изменился и состав посетителей парков. Теперь они стали доступными не только для придворных, но и для широкой публики. «Николай I придает новый блеск и размах массовым празднествам, проводившимся в Петергофе»¹³².

Возникает бум дачного строительства. Владельцы дач воспроизводят образы императорских имений. «Царские павильоны окружаются деревьями, парки перемежаются кварталами мещанских дач и казенных заведений, как если бы главный герой хотел затеряться среди массы других действующих лиц. И происходит это не стихийно, а в соответствии того же главного героя — императора»¹³³.

Естественный парк сложился в эпоху Просвещения. В искусствоведении он получил название английский парк. В эпоху романтизма садовое искусство сохранило эту идею. И таким образом соотношение садово-паркового искусства осложняется его взаимоотношением с культурными стилями и эпохами. В эпоху Просвещения сады были предметом заинтересованного внимания, так как связаны были с важной категорией XVIII века — естественностью, ставшей мерилем всех вещей. При этом понимание естественности отличалось от эпохи барокко. Теперь мерилем естественности становится неиспорченная природа, тогда как в эпоху барокко природа — это ее субстанциональная сущность, почему геометризм регулярного сада соответствовал ее внутренней сущности¹³⁴. Нерегулярный английский парк выражал внешние, видимые формы природы. «Идея естественности определила его поэтику, морально-философскую и эклектичную программы, образ идеального обитателя, садовый быт; она придала системную цельность этому культурному феномену в общеевропейском масштабе при всех его особенностях в отдельных странах и на различных этапах»¹³⁵. Если до этого естественность представляла собой второстепенный композиционный прием, теперь он приобрел оценочный характер и «семантизировался и превратился в главный принцип...»¹³⁶, отражая идеалы

¹³² Лосева А. Частные лица и императорские парки // Искусствоведение. — М., 2001, № 1/01, с. 276.

¹³³ Там же, с. 280.

¹³⁴ Свирида И. Естественный парк: от Просвещения к Романтизму и бидермайеру // Искусствоведение, М., 2001, № 1/01, с. 244–245.

¹³⁵ Там же, с. 245.

¹³⁶ Там же.

естественной свободы и равенства. При этом классицистическая архитектура вписывалась в такого рода сады в виде визуального контраста, хотя пространство просвещенческого сада было открыто и неклассическим тенденциям — например, всякого рода реминисценциям египетского, готического, ренессансного стилей и, конечно, эротического рококо. «При этом возникал некий изоморфизм; далекое в пространстве отождествлялось с далеким по времени — культура всегда свободно распоряжалась и временем, и пространством»¹³⁷.

На развитие пейзажных приемов влияли произведения живописцев. Отметим наиболее известные естественные парки: парк Стоу в районе Букингема (около 100 км от Лондона), парк Стоурхейд, Ричмонд–парк в Лондоне, Сан–Суси (Sanssouci, в переводе — беззаботность!?) в Потсдаме, Малый Трианон в Версале, парк Монсо во Франции, сад Богатель в районе Булонского леса в Париже. В России — Павловский парк, дворцово–парковый ансамбль Царицыно, на Украине — парк Александрия, парк Софиевка, Сокиринский и Тростенецкий парки. В Крыму — Алупкинский парк, один из лучших на Черноморском побережье Крыма и Кавказа. На Балтике — парк в Паланге.

Естественный парк постоянно менялся, не был завершенным произведением. В соответствии с модой переделывались сады и парки. Тогда, когда получил распространение стиль историзма, переделываемые регулярные парки в естественные обязательно сохраняли регулярную, историческую их часть.

Романтические парки выросли на основе естественных. Между парками Просвещения и Романтизма не оказалось заметной границы. «Концепция мыслителей» (Н. Певзнер) стала руководством для ландшафтных архитекторов. Постепенно парк перестал нести в себе просвещенческую концепцию, иконографическую программу и превращался из «надстилевого во внестилевое явление»¹³⁸. В эпоху романтизма вновь актуализировались регулярные парки, которые никогда не уходили из практики. Связано это было с тем, что барокко оказалось близко романтизму. Характерно, что русские романтики с удовольствием проводили время в Летнем саду — ярком воспроизведении именно типа регулярного парка. Особенно ценилась ими решетка Летнего сада.

Если естественные парки Просвещения развивались вширь, то в эпоху романтизма картина мира имела вертикальную ось. «Философ–прос-

¹³⁷ Свирида И. Цит. изд., с. 246.

¹³⁸ Там же, с. 249.

ветитель чувствовал себя космополитом, человеком всей земли — ее пространство осваивал естественный парк, наполненный китайскими, турецкими, мавританскими, швейцарскими и прочими павильонами (И.Г. Громан рекомендовал включать в их число и русские)»¹³⁹. Картина же мира романтиков «устремлялась вверх, в Космос, к Богу, и вглубь, в историю. Если же по горизонтали — то вдаль, ибо, как писал Новалис, «в отдалении <...> все становится романтическим»¹⁴⁰.

Романтизм плавно переходит в бидермейер. Стиль этот долгое время третируется как мещанский. Д.В. Сарабьянов очень хорошо показал, что этот стиль был без имен и шедевров¹⁴¹, но достаточно ярким и выразительным. Сады его отличались скромностью, хотя такого типа сад получил распространение не только в буржуазной, но и в дворянской, интеллигентской и даже придворной среде. Если в романтизме — Мир — это дом, то в бидермейере дом — это мир. Жилище и сад перетекают друг в друга. Таким образом, естественный сад заключал в себе две тенденции: одна — к созданию масштабных парков, другая — к сужению в ограду домашнего сада. «Сад как символ замкнутости и огороженности, казалось бы, по определению не соответствовал менталитету романтиков. Однако именно в их эпоху он возвратился к дорогой романтикам барочной традиции — были восстановлены в правах принципы сада регулярного и огражденного, с которыми так боролась эпоха Просвещения»¹⁴².

В Западной Европе и Америке в середине и конце XIX века садово-парковое искусство развивается в условиях многолюдного города. Новые задачи повлекли новые планировочные и объемные элементы в нем. Появились спортивные зоны, зрелищные комплексы, транспортные устройства. Здесь размещаются музеи, оранжереи, небольшие зоосады, музыкальные павильоны, аквариумы, рестораны и т.п. Возник городской общественный парк, потеряв романтическую окраску.

В XX веке появляются сады и парки, которые можно подразделить на три группы. Это частные сады и парки при жилых домах в городах и загородных виллах, общественные сады и парки в городах и других поселениях и загородные парки.

В первой трети XIX века появляются наряду с усадьбами, крестьянскими поселениями, крестьянские промышленные села — фабричные

¹³⁹ Там же, с. 252.

¹⁴⁰ Там же, с. 252–253.

¹⁴¹ Сарабьянов Д.В. Стиль без имен и шедевров // Пинакотека, 1998, № 4.

¹⁴² Свирида И. Цит. изд., с. 258.

села. Они становятся российской версией города–сада. Правда, это они не соответствуют социально–утопической идее города–сада, родившейся в Европе и пришедшей в Россию много позже. Однако в Европе города–сады (придуманные как противовес большим городам) оказались нежизнеспособными. Таким городам принадлежало будущее. Датируется появление городов–садов в начале XX века. «Город–сад как архитектурно–градостроительная идея, где одновременно с жильем предусматривается комплекс социально–, культурно–бытовых и обслуживающих зданий и общественного парка, где вместо традиционной сплошной застройки применяются свободно стоящие объемы, где допускается живописная планировка, — все это родилось в фабричных селах и промышленных поселках»¹⁴³. Практически города–сады родились из усадебной архитектуры второй половины XVIII — начала XX века. Эти идеи получили претворение «при строительстве Магнитогорска, Новокузнецка, Запорожья, Иванова. Новые города рассматриваются в качестве зримого символа социалистической идеи, но в ее марксистско–ленинской версии, хотя именно ее реализацию и стремились предотвратить, насаждая мысль о повсеместном распространении городов–садов... По мере удаления от начала XX века все решительнее рвутся нити, связывавшие город–сад с пейзажным парком усадьбы»¹⁴⁴. По сути города–сады будущего превратились в города–спальни. «От традиционного города город–сад наследует комфорт, интенсивность культурной и общественной жизни. От усадьбы — эстетическое и духовное наслаждение, даваемое жизнью на лоне природы (Д.С. Лихачев: усадьба, связанная с жизнью на лоне природы — феномен эстетический)¹⁴⁵».

Нельзя не упомянуть ботанические сады. Есть ботанические сады, экспонирующие преимущественно лекарственные растения. Они продолжают традиции средневековых аптекарских садов. Некоторые ботанические сады коллекционируют только декоративные растения. Распространены ботанические сады, являющиеся учебно–вспомогательными при университетах. Ботанические сады отличаются содержанием своих экспозиций. «Некоторые ботанические сады, преимущественно зарубежные, демонстрируют на своих экспозиционных участках и различные элементы исторических садово–парковых композиций:

¹⁴³ Свирида И. Цит. изд., с. 302.

¹⁴⁴ Там же, с. 308.

¹⁴⁵ Там же, с. 306–307.

сады Плиния, итальянские и т.д. (в Берлине — Далеме, Глезневине — Ирландия). К подобным экспозициям можно отнести и так называемый Шекспировский сад в Бруклинском ботаническом саду (США), воспроизводящий планировку декоративного сада эпохи Шекспира (вторая половина XVI в.)»¹⁴⁶.

В целом ботанические сады весьма «многообразны и слагаются из изучения вопросов акклиматизации, систематики, географии, физиологии растений и т.д.»¹⁴⁷.

Национальные парки также широко распространены в мире и в разных странах мира отличаются друг от друга. Например, в Калифорнийском национальном парке Йосемити (Yosemite) природа отражает естественные проявления флоры этого края. Здесь есть водопады. Что поражает в этом парке — широкие асфальтовые магистрали для проезда машин, места для их парковки. Особенность парка в том, что он находится на месте расселения индейцев. И здесь есть вигвам, где проводятся сакральные ритуалы. Кроме того, здесь есть огромный валун — когда-то индейские женщины сидели на этом камне (считается, что сидение здесь придает женскую силу). Сохранилась лунка, где толки зерна. А вот в Сингапурском парке орхидей можно увидеть огромное количество детских площадок. В Сингапуре в каждом музее есть залы для детей, где они могут валяться на выставленных экспонатах, есть даже специальный детский музей. А вот в Финляндии в национальных парках — совсем иная природа. Иные формы взаимодействия с посетителями. Выделены места для пикников, где специально сооружены приспособления для разведения костров, приготовления еды и т.п.

Понятно, что описать все типы садов во всех регионах мира невозможно, однако и из приведенных описаний видно, что в создании садов всегда и везде превалировала целесообразность. «Целесообразное определяется не только соответствием техническим и экономическим возможностям, оно предполагает полноценное разрешение в производстве экологических, идеологических, художественных и утилитарных задач. Эти задачи меняются в зависимости от экономических и социальных условий, господствующего мировоззрения эпохи»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Соколов М.П. Ботанические сады. Основа их устройства и планировка. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР (Ленингр. отд-ние), 1959, 199 с., с. 15.

¹⁴⁷ Там же, с. 7.

¹⁴⁸ Кохно Б.И. Цит. изд., с. 7.

Всем известна книга Д.С. Лихачева, выдержавшая несколько изданий¹⁴⁹. Это энциклопедическое издание, в котором приведен обширный библиографический материал. Поэтому мы старались приводить в основном литературу помимо той, что дана в этой книге. В своей работе Д.С. Лихачев подчеркивает: «Но понятие маньеризма и его отличия от Барокко остались, тем не менее, неясными и до сих пор. Выделить маньеризм в садовом искусстве не удастся. Неясными остаются в садовом искусстве и границы между Рококо, Предромантизмом, Сентиментализмом. Такими же неясными они остаются, впрочем, и во многих других искусствах»¹⁵⁰. Дело в том, что Лихачев рассматривал отличия только в европейском садово–парковом искусстве определенного периода. Если рассматривать проблему более объемно, мы увидим, что сады кодируют свою эпоху в целом.

Как известно, код — совокупность знаков и правил, по которым информация представлена для хранения и передачи, а также обработки. Таким образом сады становятся ярким выражением кодов культуры той или иной страны того или иного периода, позволяя «стать свидетелем неожиданного эффекта: простое соположение различных фактов создает представление о самом «тексте» культуры, его словаре, грамматике, его самобытной стилистике»¹⁵¹.

---

¹⁴⁹ Лихачев Д.С. Поэзия садов. К поэтике садово–парковых стилей. Сад как текст. — М.: «Согласие», ОАО «Типография «Новости», 1998. — 356 с.

¹⁵⁰ Там же, с. 44.

¹⁵¹ Пригарина Н.И. Цит. изд., с. 5.

Семиотика материнской любви

Любовь — одно из самых важных чувств человека. Однако мало кто понимает, что это отнюдь не только спонтанное чувство, которое приходит инстинктивно и никаких усилий для его проявления не нужно. Например, Сати Спивакова так и утверждала в очередном выпуске передачи «Наблюдатель» по каналу «Культура», говоря о подготовке в октябре 2016 года программы «Большая опера». Безусловно, инстинкт лежит в основе появления чувства любви. И это инстинктивное чувство заложено уже в природе животных. Их привязанность диктуется в первую очередь инстинктами. Как правило, у животных, как и у человека, ребенок зарождается в чреве у матери, что рождает особые чувства и эмоции по отношению к своему потомству. Правда, не у всех живых существ. Например, у морских коньков самцы, а не самки вынашивают икринки. И, соответственно, они испытывают именно те чувства, которые становятся основой материнской любви. Но это очень редкий случай в мире живых существ. Впрочем, и человек, который «вышел из царства животных, из инстинктивной адаптации»¹⁵², также испытывает инстинктивное чувство любви.

Всегда, во всех обществах процессы, связанные с деторождением, сопровождались разного рода ритуалами. Как правило, они носили мистический характер. Д.К. Зеленин, описывая процесс рождения у восточных славян, подчеркивал, что тайна окружала весь процесс рождения, чтобы никто не сглазил — ни старые девы, ни незамужние девушки, ни просто злые люди¹⁵³. Это влияло и на выбор места рождения — чаще всего в бане, хлеву или просто в поле. «Так роженица оказывается за порогом этого мира, символически и онтологически исключается из него, погружаясь в результате обращенного внутрь—себя—существования в мир иного, неявного, порядка, существования, которое создает необходимость прислушивания к себе самой и к тому существу, которое получит статус самостояния по

---

¹⁵² Фромм, Эрих. Искусство любить. — М.: Издательство АСТ, 2015. — 256 с., с. 23.

¹⁵³ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. — М., 1991, с. 119.

окончании совершенного перехода»¹⁵⁴. Основным помощником женщины была повитуха. Ее деятельность носила также мистический и духовный характер¹⁵⁵.

Мирча Элиаде, комментируя эту особенность ритуалов рождения, повторяющих некоторые особенности рождения у животных, которые для этого ищут укромное место, прячут детенышей, считает, что «мистический экстаз является возвращением в рай, то есть он выражается аннулированием времени и истории (Падения) и возвращением состояния изначального человека»¹⁵⁶.

Как мы видим, в древней культуре существовала система запретов и обрядов, связанных с материнством, которые представляли собой «в определенном смысле условный код, систему знаков, продиктованных этнографически данной средой и соответствующим историко-культурным пластом, который гарантирует стабильность данного социума, самой культуры»¹⁵⁷.

Эрих Фромм подчеркивал: «Первый шаг на этом пути (осознании и изучения смысла любви — *С.М.*) — осознать, что любовь — это искусство, как и сама жизнь. Если мы хотим научиться любить, мы должны действовать так же, как мы действуем, если хотим обучиться любому другому искусству...»¹⁵⁸. И далее он продолжает: «Однако помимо изучения теории и практики существует третий фактор, необходимый для того, чтобы стать мастером в любом искусстве: овладение им должно быть главным делом жизни, в мире не должно быть для вас ничего важнее искусства»¹⁵⁹.

Каждый человек в своей жизни начинает ощущать чувство одиночества, отъединенность, отчуждение от окружающего мира. И на помощь приходит чувство любви, помогающее преодолеть это страшное и тягостное состояние. Чувство любви помогает присоединиться к какой-либо группе, снимающей эту оторванность от мира. Причем,

¹⁵⁴ Борисов О.С. Глобальные ценности утилитаризма и уклад // Центр — провинция: историко-психологические проблемы. Материалы Всероссийской научной конференции. — СПб, «Нестор», 2001. — 250 с., с. 188.

¹⁵⁵ Рыжикова С.В. Родильная обрядность: от повитухи к домашней акушерке // Пол. Политика. Политкультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. Цит. изд., Т. 1, с. 129–131.

¹⁵⁶ Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996, с. 75.

¹⁵⁷ Рамих В.А. Материнство и культура. (Философско-культурологический анализ). — Ростов-на-Дону. Издательский центр ДГТУ, 1997. 145 с., с. 21.

¹⁵⁸ Фромм, Эрих. Искусство любить. Цит. изд., с. 18.

¹⁵⁹ Там же, с. 19.

в разных культурах и в разные эпохи, в разных этнических сообществах это происходит по-разному.

До сих пор речь шла лишь о преодолении человеческой разобщенности. Но люди делятся на мужчин и женщин, создавая необходимость искать единства в соединении с противоположным полом. Однако наука давно уже доказала, что каждый индивид обладает гормонами противоположного пола, правда, с преобладанием тех наборов характеристик, которые свойственны мужскому или женскому полу. И тяготение к противоположному полу несет в себе созидательную функцию. Встречающийся гомосексуализм представляет собой неудачу в достижении этого единства.

В демократических обществах превалирует нонконформизм, в тоталитарных режимах — такое поведение — привилегия лишь немногих героев или мучеников. И все же, «несмотря на это различие, демократические общества демонстрируют всеобъемлющий конформизм. Причина этого состоит в том, что стремление людей к единению требует удовлетворения, и если не находится другого и лучшего пути, тогда стадное послушание делается преобладающим»¹⁶⁰. Понятно, что каждый все же хочет быть индивидуальной личностью. Это очень хорошо подметил Эрих Фромм. «Большинство людей даже не осознают своей потребности в подчинении. Они питают иллюзию, будто следуют собственным идеям и склонностям, будто они — индивидуальности и сформировали свои мнения в результате собственных размышлений, и просто случайно получилось так, что их мысли совпадают с мыслями большинства»¹⁶¹. Вспоминается пресловутое выступление Нины Андреевой «Не могу поступиться своими принципами». Она протестовала против новых идей, захлестнувших общество в годы перестройки. И выступала с позиций партийной охранительной системы, принимая ее постулаты за проявление своей собственной индивидуальности.

При этом все ратуют за равенство людей. Это яснее всего сформулировал Кант: «...ни один человек не должен служить средством достижения цели для другого человека: все люди равны в том, что они — цель, и только цель, и никакие не средства друг для друга»¹⁶². Это особенно ярко проявляется в противопоставлении мужчин и женщин в современном обществе. Как показывал Э. Фромм, «Мужчины и женщины

¹⁶⁰ Фромм, Эрих. Искусство любить. — М.: Издательство АСТ, 2015. — 256 с., с. 33.

¹⁶¹ Там же, с. 34.

¹⁶² Там же, с. 36.

делаются *одинаковыми*, а не *равными* как противоположные полюса»¹⁶³. Неудачи в проявлении своей свободы в современном обществе оборачиваются разного рода негативными последствиями. «Распространенность алкоголизма, наркомании, самоубийств и одержимости сексом в современном западном обществе является симптомом относительной неудачи стадного конформизма»¹⁶⁴.

Дело в том, что поиски своей индивидуальности могут получить непосредственное воплощение во всепоглощающей силе любви. «Единение, достигаемое в ходе созидательной деятельности, не является межличностным; единение, достигаемое при оргиастическом слиянии, преходяще; единение, достигаемое благодаря конформизму, является псевдоединением. Таким образом, во всех этих случаях мы находим только частичное решение экзистенциальной проблемы. Полное ее решение заключается в достижении межличностного единения — в слиянии с другим человеком, в любви»¹⁶⁵.

Так что же такое чувство любви?

Возможны незрелые формы любви, которые Э. Фромм называет «симбиотическим союзом»¹⁶⁶. Таким симбиотическим союзом являются взаимоотношения между матерью и плодом. Мать и плод взаимосвязаны друг с другом, зависят друг от друга и питают друг друга.

Возможен и психологический симбиоз, когда два тела не связаны друг с другом физически, но именно психологически привязаны друг к другу. В такой взаимосвязи могут быть два типа — пассивный, который приводит к мазохизму, и активный, который приводит к садизму. И в первом, и во втором случае слияние происходит без целостности¹⁶⁷.

Возможно достижение зрелой любви. «В отличие от симбиотического союза зрелая любовь — это союз, при котором сохраняется целостность, личность индивидуумов. Это активная сила, действующая в человеке»¹⁶⁸. При этом надо иметь в виду, что зависть, ревность, амбиции, алчность — все это не имеет отношения к любви, так как «любовь может проявляться только в условиях свободы и никогда — в результате принуждения»¹⁶⁹.

¹⁶³ Фромм, Эрих. Искусство любить. — М.: Издательство АСТ, 2015. — 256 с., с. 37.

¹⁶⁴ Там же, с. 39.

¹⁶⁵ Там же, с. 42.

¹⁶⁶ Там же, с. 43.

¹⁶⁷ Там же, с. 46.

¹⁶⁸ Там же, с. 47.

¹⁶⁹ Там же, с. 49.

Эрих Фромм выделяет разные типы любви. Он делит их в зависимости от объекта. Это может быть братская любовь, эротическая любовь, в которой обязательно присутствует избирательность, которой в материнской любви нет. Однако в современном мире мы наблюдаем, что такая любовь — «редкий феномен, и ее место заняло множество форм псевдолюбви, являющихся в действительности формами распада и деградации любви»¹⁷⁰. И взамен любви приходит жажда получения разного рода удовольствий, развлечений и максимального потребления всевозможных материальных и духовных ценностей.

И в братской, и в эротической любви обязательно присутствует нежность как знаковый характер такой любви. В то же время эротическая любовь может быть неполноценной, когда люди «прекрасно замечают даже незначительные недостатки других и самодовольно не замечают собственных — они всегда заняты тем, чтобы обвинить или исправить кого-то другого»¹⁷¹.

Источником любой любви является любовь к себе, в которой знаковыми чертами также являются забота, уважение, ответственность и знание. Без любви к себе невозможна никакая любовь. Однако эгоизм (любовь только к себе) не дает возможности любить других и в итоге приводит к тому, что эгоист оказывается несчастным, лишенным поддержки окружающих. «Эгоизм и любовь к себе не только не идентичны, они на самом деле взаимно противоположны»¹⁷².

Конечно же, среди людей распространена любовь к Богу. Здесь следует иметь в виду, что на ранних ступенях развития цивилизации верховными богами были высшие существа, олицетворявшие женскими ипостасями. Например, в эпосе о Гильгамеше говорится о богине Аруре, создавшей первого человека, которую называли «Сияющая мать пустоты». В мифах других народов был культ единого женского божества — Великой богини Праматери. Это могли быть шумерская Мирина (шумерская форма Мариенна — «Плодоносящая»), Изида, Иштар¹⁷³. Это могли быть «Гея, породившая Урана, или Мать Богов Адити, или Кибела, Астарта или просто Ма, Ма-Дивия — мать всего живого, согласно Крито-Микенским надписям»¹⁷⁴. То же мы видим

¹⁷⁰ Фромм, Эрих. Цит. изд., с. 159.

¹⁷¹ Там же, с. 192–193.

¹⁷² Там же, с. 121.

¹⁷³ См. об этом: Рамих В.А. Материнство и культура. (Философско-культурологический анализ). — Ростов-на-Дону. Издательский центр ДГТУ, 1997. 145 с., с. 28.

¹⁷⁴ Там же, с. 20.

в мифах Китая, Африки. Культы поклонения божественной женщине существовали у ацтеков в доколумбовую эпоху. Божественная мать по их представлениям рождала сына, и это находило отражение в ритуале праздников, посвященных урожаю. В книге японского этнографа Исида Эйитиро «Мать Момотаро» показаны предания и сказки, показывающие культ верований в мать и ребенка божественного происхождения. Такой же мотив божественной матери и ребенка отразился и в религиозных практиках индийских этнических групп, а также в древнеегипетском культе Исида и ее сына Гора. Культ матери отразился и в верованиях этрусков¹⁷⁵.

Это было проявление матриархата. «Есть основания предполагать, что первоначально богини выполняли функции творения (они были матерями всему космосу, всему миру) задолго до того, как роль создателя приняли на себя боги—мужчины»¹⁷⁶. Правда, красота женских мифологических персонажей имела и обратную сторону — их устрашающий образ. «Подобная инверсия в сознании — результат механизма компенсации страха и ужаса перед магической силой женских чар»¹⁷⁷. Т.И. Борко объясняет это тем, что «что создателями мифов являлись мужчины»¹⁷⁸. Кроме того, женщина наделена от природы магическими возможностями. Она обладает природной возможностью к порождению, являясь добытчиком культурных благ из природы, в то время как мужчины вынуждены создавать культуру сами. «Женщины наделены ею (магической силой — *С.М.*) изначально, по факту своей принадлежности миру природы, а не человеческому миру культуры... То, чем женщина обладает изначально, «от природы», достается мужчинам с большими трудом, героическими усилиями и через преодоление множества препятствий. В компенсацию своей биологической «неполноты», неспособности к производству потомства, из страха перед женщиной и зависти к ней герои мужчины начинают свою созидательную деятельность в культуре. Мифологическое прочтение позволяет предположить существование этих семантических значений образов богини

¹⁷⁵ См. об этом: Моравицкий Ян. Культ божественных женщин и динамика культа Пресвятой девы Марии в католической традиции // Ритуальное пространство культуры / Материалы Международного форума 26 февраля — 7 марта 2001 г. — СПб., 2001 — 453 с., с. 227.

¹⁷⁶ Борко Т.И. Мифология «мужского—женского» в сюжетах о происхождении культуры // «Человек», № 3, 2016, с. 74.

¹⁷⁷ Там же, с. 78.

¹⁷⁸ Там же, с. 80.

в ощущениях и сознании древнего человека»¹⁷⁹. И с появлением патриархата верховными божествами стали мужчины. Ф. Энгельс это назвал «всемирно–историческим поражением женского пола»¹⁸⁰. Но при этом патриархат, «начавшись в столь давние времена, сохранял и сохраняет поныне много культурных реликтов матриархата»¹⁸¹.

Одним из показательных и убедительных примеров — известный ученым обряд жертвоприношения богам правителями майя. Во время этого обряда они надрезали пенис и собирали кровь. Эту кровь и подносили небожителям. Процедура эта имела смысл как имитация женской менструальной крови. А сам правитель в то время носил имя «матерь богов». Этим как бы подчеркивалась его женская сущность¹⁸².

Многие исследователи шаманизма пишут о том, что нередко мужчины–шаманы одевались в женское платье, приобретая женский облик — отращивали волосы, меняли голос, выполняли женские работы¹⁸³. Такие же формы характерны были и для скифо–сарматов. Там прорицатели–энареи имитировали женское поведение¹⁸⁴. Такой ритуальный травестизм Т. Бортко обосновывает тем, что «женщина воспринималась как существо природное, связанное со стихийными неупорядоченными силами хаоса. Мифология свидетельствует о безграничном ужасе перед природой, которая мыслится как стихийная, необузданная магическая сила. Женщины наделены ею изначально, по факту своей принадлежности миру природы, а не человеческому миру культуры»¹⁸⁵.

Женские культы Средиземноморья получили в дальнейшем отражение в христианском культе Пресвятой Девы Марии. В ее культе в настоящее время особое внимание уделяется материнскому аспекту ее личности¹⁸⁶. Следует все же знать, что при «современном религиозном

¹⁷⁹ Борко Т.И. Цит. изд., с. 85.

¹⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 60.

¹⁸¹ Драгунская Л.С. Психоаналитические мотивы в культурологии // «Человек», № 3, 2016, с. 37.

¹⁸² См. об этом: Карраско Д. Религия Мезоамерики. Космовидение и ритуальные центры // Религиозные традиции мира. В 2–х т. Т. 1. М., 1996, с. 197. Цит. по: Борко Т. Мифология..., с. 83.

¹⁸³ Башилов В.Н. Глазами этнографа. — М.: ИЭА РАН. 1982, с. 157–179; Башилов В.Н. Избранники духов. М., Политиздат, 1984, 206 с.

¹⁸⁴ Троицкая Т.Н. Явления травестизма в скифо–сибирском мире // Скифо–сибирский мир. Новосибирск, 1987, с. 59–63.

¹⁸⁵ Борко Т.И. Цит. изд., с. 84–85.

¹⁸⁶ Моравицкий Ян. Культ божественных женщин и динамика культа Пресвятой Девы Марии в католической традиции. Цит. изд., с. 228.

брожении вера в Бога трансформировалась в психологическое приспособление, помогающее лучше преуспеть в конкурентной борьбе»¹⁸⁷.

Как бы то ни было, многие ученые сегодня настаивают на том, что патриархатные формы культуры себя исчерпали. В современном мире заметна тенденция к формированию биархатной культуры, где главенствуют оба пола¹⁸⁸. Проявлением этой биархатной модели может служить тот факт, что сегодня оба родителя включаются в воспитание ребенка, даже если они развелись. «В том, какие ролевые модели предлагают родители детям — можно увидеть новые реалии: выборность ролей, их гибкость. Немало примеров и традиционного распределения ролей — но как результат сознательного выбора матери и отца, при существенном сближении и взаимном дополнении материнских и отцовских ролей вплоть до их взаимозаменяемости»¹⁸⁹.

Во всех религиях заложена идея выбора правильного пути, правильных поступков. А это ведет к **терпимости**, стремлению завоевать любовь Бога–отца. Правда, женские аспекты не исключаются полностью из пантеона Богов. И в этом заложена необходимость в материнской любви.

Любить — это, прежде всего, давать, а не брать. Мы же часто считаем наоборот. «Отдавать — значит в высшей степени проявлять свою состоятельность. В самом этом акте я проявляю свою силу, свое богатство, свою власть... "Давать" приносит больше радости, чем "получать", не потому, что это — лишение, а потому, что этим актом я подтверждаю тот факт, что я жив»¹⁹⁰.

Давать может только тот, кто богат. Тот, кто много отдает, тот богат. А вот скупец, который не может расстаться ни с чем, оказывается в итоге бедным. Возможность отдавать в конечном итоге может приносить радость (и приносит ее тем, кто любит людей, кто по натуре широк и щедр).

Все эти особенности и нюансы любви приводят Эриха Фромма к выводу о том, что для любви во всех ее формах присущи забота,

¹⁸⁷ Фромм, Эрих. Искусство любить. Цит. изд., с. 200.

¹⁸⁸ Рюриков Ю.Б. По закону Тезея // Новый мир, 1986, № 7, с. 180.

¹⁸⁹ Золотухина М.В. Материнство vs отцовство: семейные установки и практики в США // Женская истории и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА и РАН. 1–3 ноября 2010 г., Череповец. — М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2. — 476 с., с. 377.

¹⁹⁰ Фромм, Эрих. Искусство любить. Цит. изд., с. 51, 52.

ответственность, уважение и понимание. Он считает эти качества базовыми элементами для всех видов и форм любви¹⁹¹. И они становятся знаковыми характеристиками любви, ее семантическими проявлениями.

Мы показали разные формы любви. Но главное ее проявление — **материнская любовь**. И именно в материнской любви наиболее наглядно проявляются все ее семиотические, знаковые проявления. Вот почему уже в античности возник День почитания матери, который был связан с древнегреческим культом матери и проводились официальные мистерии с обрядами в честь Кибелы, или Реи, Великой матери богов. Именно тогда устраивались Мартовские иды. И в дальнейшем чествование женщины–матери получило распространение. В Великобритании с XVII по XIX века отмечалось «Материнское воскресенье», которое праздновалось во второе воскресенье Великого поста по всей стране. В США возникла традиция отмечать День матери в 1872 году. В 1914 году Вудро Вильсон — президент США объявил второе воскресенье мая национальным праздником всех матерей Америки. Вскоре этот праздник объявили еще 23 страны. В этот день принято носить на одежде цветок гвоздики — цветной, если мать жива, белой — если ушла из жизни. День матери отмечают во многих странах мира. У нас в стране День матери был учрежден в 1998 году и отмечается в последнее ноябрьское воскресенье. Следует также упомянуть о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года, в канун 20-летия Победы в Великой Отечественной войне, Международный день 8 марта был объявлен нерабочим днем «в ознаменование выдающихся заслуг советских женщин в коммунистическом строительстве, в защите Родины в годы Великой Отечественной войны, их героизма и самоотверженности на фронте и в тылу, а также отмечая большой вклад женщин в укрепление дружбы между народами и борьбу за мир»¹⁹². Правда, результат оказался прямо противоположным ожидаемому. Верно пишет об этом Н.Н. Козлова: «Девальвация политического содержания праздника укрепила его популярность в советском обществе. Можно согласиться с М.М. Жванецким, что 8 марта стал днем «мужской расплаты». В этот день мужчины как частные лица и мужчины как правящий класс «извинялись» за те формы гендерной дискриминации, которое породило советское

¹⁹¹ Там же, с. 57.

¹⁹² Ведомости Верховного Совета СССР. 28 апреля. 1965. № 17 (1260).

государство... 8 марта является и выражением гендерного убожества, и протестом против этого убожества»¹⁹³.

Забота как форма проявления любви наиболее очевидна, видна по отношению матери к ребенку. Любая мать понимает, что для ребенка важна ее забота, в противном случае он погибнет. Эта материнская любовь заложена «в реальных биологических условиях беременности, вынашивания, родов и кормления грудью, что только сложные социальные условия могут подавить их»¹⁹⁴. Поэтому между новорожденным и матерью существует физиологическая связь. Однако в дальнейшем забота становится долгом. Маргарет Мид изучала три папуасских племени и обнаружила, что, в зависимости от социального структурирования общества, половые роли мужчины и женщины могут быть изменены: мужчины ведут себя как женщины, а женщины — как мужчины¹⁹⁵. И мужчины в состоянии проявлять материнские особенности любви, в то время как женщины могут быть их лишены. «Никакие заверения в любви не покажутся нам искренними, если мы заметим недостаток заботы...»¹⁹⁶. Действительно, Эрих Фромм прав, когда пишет: «Любовь есть активная озабоченность жизнью и благополучием того, кого мы любим»¹⁹⁷. Заботиться о ближних — задача любящего их. В картине В. Хотиненко «Поп» (2010) попадья (которую блестяще сыграла Нина Усатова) с неохотой принимает лишившихся опеки детей, которых приводит в дом ее муж во время войны. Но мы понимаем, что это связано именно с ее стремлением к заботе о них. Во время войны прокормить такую ораву детей — задача отнюдь не легкая. И движет ею любовь к ним. Когда она почувствовала, что заразилась тифом, она уходит в лес, бросая детей. И это тоже проявление материнской любви, чтобы не дать детям заболеть. Эта забота превышает все остальные: «забота как неоплаченный "труд любви" — может быть адресована детям, больным членам семьи, животным, людям с ограниченными возможностями. Такая забота делает ее исполнителя неконкурентоспособным в современной рыночной ситуации по сравнению с теми, кто

¹⁹³ Козлова Н. Н. Международный женский день 8 марта как фактор конструирования советской гендерной системы // Женская истории и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА и РАН. 1–3 ноября 2010 г., Череповец. — М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2. — 476 с., с. 315, 316.

¹⁹⁴ Мид М. Культура и мир детства. — М., Наука, 1988, с. 314.

¹⁹⁵ Кон И. Маргарет Мид и этнография детства // Культура и мир детства. С. 411.

¹⁹⁶ Фромм, Эрих. Искусство любить. Цит. изд., с. 57.

¹⁹⁷ Там же, с. 58.

не выполняет обязанности по заботе... пенальти заботы приходится именно на матерей»¹⁹⁸.

Когда мы говорим о женщине–матери в современную эпоху, то ученые выделяют 4 типа таких женщин: «домашние женщины», «труженицы», «карьеристки» и «отчаявшиеся»¹⁹⁹. Понятно, что в каждом конкретном случае проявить любовь по отношению к ребенку возможности у всех неодинаковы. При этом «дети для россиянок — это не только неотъемлемая часть жизни самой женщины, но и необходимое «связующее звено» отношений мужчины и женщины в семье в целом»²⁰⁰. Как правило, они стремятся дать детям в первую очередь хорошее образование и уберечь от наркотиков²⁰¹. Любопытно, что в трудах женщин на эту тему взгляды расходятся со взглядами мужчин, которые считают, что потребность в детях — основная черта личности женщины²⁰², истинное предназначение женщины ограничено семьей и домом. В качестве примеров можно привести публицистику В. Крупина, В. Беляева, В. Распутина, который писал: «Окормление семьи, оприятие мужа, воспитание детей, добрососедствование — вот круг ее забот»²⁰³. На самом деле это, конечно не так. В статье Н.Л. Пушкаревой приводится пример русских колыбельных песен с пожеланием смерти своим детям. Она приводит слова Р.П. Нарциссова: «Материнство эволюционирует с развитием человечества. Материнство женщины имеет меньше общего с материнским инстинктом, чем любовь — с половым»... Тем самым даже он, медик, подчеркивал большее значение социальных, а не природных и физиологических связей»²⁰⁴. Современ-

¹⁹⁸ Здравомыслова Е. Пенальти заботы и гендерные конфликты хорошего родительства // Пол. Политика. Политкультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., г. Рязань: в 2 –томах, М.: ИЭА РАН, 2014. Т. 2. — 706 с., с.400.

¹⁹⁹ Женщина новой России. Какая она? Как живет? К чему стремится? — М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 168 с., с. 13.

²⁰⁰ Там же, с. 52.

²⁰¹ Там же, с. 58.

²⁰² Пушкарева Н.Л. Изучение истории русского материнства в отечественной историографии советского и постсоветского времени // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв.: Сборник научных статей. В 2–х ч. , ГОУВПО «МГУС», — М., 2006. — Ч. II. — 248 с., с. 116.

²⁰³ Рамих В.А. Материнство и культура. (Философско–культурологический анализ). — Ростов–на–Дону. Издательский центр ДГТУ, 1997. 145 с., с. 9.

²⁰⁴ Пушкарева Н.Л. Изучение истории русского материнства в отечественной историографии советского и постсоветского времени, Цит. изд., с. 118.

ные ученые подчеркивают социальную детерминанту в проявлении материнской любви, которая все больше возрастает. Вот откуда мы видим довольно частый отказ современных женщин от материнства.

Интересный анализ отношения матери к своему ребенку предприняла Т.О. Новикова на основе изучения изображений младенцев в современных глянцевах журналах. Мальчики становятся героями фотографий в два раза чаще, чем девочки. Младенцы изображаются старше полугодя. По мере взросления его чаще фотографируют, и он меньше требует заботы. Одежда становится определенным знаком, в котором кодируется роль и место ребенка в социуме. Забота о нем возлагается на плечи матери. Он — как живая кукла, которая украшает жизнь. В итоге автор приходит к выводу, «что «глянцевый» младенец выступает в них как некий идеал, лишенный какой бы то ни было индивидуальности, не включенный в какой-либо контекст, существующий параллельно социальной реальности, но сулящий безусловную радость и счастье»²⁰⁵.

Эрих Фромм подчеркивает, что любовь и труд неразделимы. «Человек любит то, ради чего трудится, и трудится для того, кого любит»²⁰⁶. Однако в советском обществе это имело довольно негативные последствия: «власть женщин в публичной сфере имела тесную связь с властью приватной, ее полномочия были связаны с функцией заботы, ухода, то есть ролью матери или хозяйки. Несмотря на декларируемое равенство, для женщин получение награды главным образом увеличивало нагрузку — новых обязанностей оказывалось больше, чем реальных привилегий. В отличие от мужчин, у женщин практически не происходит "продвижения" по партийной линии»²⁰⁷.

Следующая составляющая характеристика любви и ее семиотическое проявление — **ответственность**. Вместе с тем ответственность может помешать самореализации родителей: «ответственность за благополучие детей заставляет родителей принимать решения по поводу места жительства, проведения досуга, вида занятости. Родители игнорируют определенные возможности самореализации,

²⁰⁵ Новикова Т.О. «Глянцевый» младенец // «Человек», № 3, 2016, с. 137–144.

²⁰⁶ Фромм, Эрих. Искусство любить. Цит. изд., с. 59.

²⁰⁷ Степина М.С. Гендерный контракт «работающая мать» в позднесоветский период в биографиях Героинь Социалистического Труда и на страницах журнала «Работница» 1976–1985 гг. // Пол. Политика. Политкультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., г. Рязань: в 2 –томах, М.: ИЭА РАН, 2014. Т. 2. — 706 с., с. 598.

делая выбор в пользу детей, и эти решения также являются частью «пенальти заботы»²⁰⁸.

В фильме Клинта Иствуда «Подмена» (2008) матери возвращают вместо пропавшего сына другого мальчика. Так как она доказывает, что это не ее сын, ее отправляют в психиатрическую больницу. Там ее заставляют признать сыном приведенного ей ребенка. Увидев, что такое электрический шок, она идет на то, чтобы ее таким образом истязали, но из любви к ребенку не предаст его ложным признанием. В другом фильме — «Филомена», также на основе реальных событий, мать ищет отобранного у нее ребенка в течение 50 лет.

Вместе с тем, все мы понимаем, что сродство со своим ребенком женщина начинает чувствовать уже в процессе беременности — когда «закладывается чувство «сродненности» с собственным ребенком»²⁰⁹.

Ответственность и уважение — неразделимы. В случае материнской любви это уважение заключается в том, чтобы дать своему ребенку развиваться так, чтобы он смог добиться независимости, и когда он сможет быть самостоятельным, не мешать ему, не заставлять подчиняться или чувствовать себя обязанным по отношению к матери. В этом истинная любовь матери. К сожалению, очень часто мы видим, что довольно широко распространено мнение, что человек обязан своим родителям. Между тем, любовь — это дитя свободы. Дитя, даже если оно уже великовозрастное, нельзя заставлять делать что-либо в благодарность за любовь матери. «Уважать человека невозможно, не понимая его, забота и ответственность слепы, когда нет понимания, а понимание невозможно, когда нет искренней заботы»²¹⁰. Как-то мне пришлось разговориться с одной очень мудрой матерью подростка. В то время очень модно было среди них стремление выразить себя в образе панка, как бы протестуя против существующего истеблишмента на советский лад. И вот сын этой женщины, отнюдь не обремененной широким образованием, объявил матери, что он должен сделать себе «ирокез». И мать, несмотря на отсутствие широких знаний (она работала рабочей на фабрике), но обладая широтой понимания своего ребенка, зная, что ему надо быть в среде своих сверстником не изгоем, выполняя все требования его референтной группы, предложила мальчику следующее. Она принесла ему лак для

²⁰⁸ Здравомыслова Е. Пенальти заботы и гендерные конфликты хорошего родительства... Цит. изд., с. 401.

²⁰⁹ Пушкарева Н.Л. Изучение истории русского материнства в отечественной историографии советского и постсоветского времени. Цит. изд., с. 120.

²¹⁰ Фромм, Эрих. Искусство любить. Цит. изд., с. 62.

волос и посоветовала сделать этот гребень из волос не тем, чтобы срезать необходимое их количество, а сформировать с помощью лака. Когда же надо будет идти в школу, где такая прическа могла вызвать неприятные последствия, смыть лак и привести свой вид в принятые нормы советской школы. Мальчик был в восторге. Да и я тоже восхитилась этим поступком женщины, ее тактом и пониманием того, что в данной ситуации мать с уважением отнеслась к потребностям своего сына.

Далее, Э. Фромм связывает понимание и уважение с желанием узнать «секрет человека», **проникнуть в его сокровенное ядро**. Это жгучее желание узнать сущность личности нередко заставляет любимое существо страдать, вынуждая выдать свой секрет. Но истинная любовь никогда не пойдет на это. «Любовь — единственный способ познания, который в процессе соединения дает ответ на поставленный вопрос. Только любя, отдавая себя, проникая в другого человека, я нахожу себя, открываю себя и нас обоих, открываю человека»²¹¹. Такое открытие связано с интеллектуальными усилиями и психологическими **знаниями**.

«Забота, ответственность, уважение и знание взаимно независимы. Они представляют собой комплекс установок, которые обнаруживаются у зрелой личности — личности, плодотворно развивающей свои способности, желающей иметь то, ради чего она трудится, отказавшейся от нарциссических мечтаний о всеведении и всемогуществе, обретшей смирение, основанное на внутренней силе, которую может даровать только истинно созидательная активность»²¹².

Эрих Фромм выделяет любовь между родителями и детьми. С раннего детства ребенок привыкает, что его любят, заботятся о нем. «Материнская любовь безусловна по своей сути. Мать любит новорожденного, потому что это ее дитя, а не потому, что младенец отвечает каким-то требованиям или оправдывает какие-то ее надежды»²¹³. При этом надо помнить, что в материнской любви есть и негативная сторона. Эту любовь не нужно заслуживать. Ребенка любят, потому что он есть. И у ребенка еще нет необходимости давать любовь. Постепенно человек начинает постигать, что любить важнее, чем быть любимым. «Давать — более приятно и радостно, чем получать, любить — важнее, чем быть любимым»²¹⁴. Отношение ребенка к матери иное, нежели к отцу. «Мать — наш родной дом, она — природа, почва, океан, отец не

²¹¹ Фромм, Эрих. Искусство любить. Цит. изд., с. 65–66.

²¹² Там же, с. 68.

²¹³ Там же, с. 84.

²¹⁴ Там же, с. 82.

представляет собой такого рода естественный дом»²¹⁵. Отсюда разное отношение к родителям. Первая привязанность — к матери, в дальнейшем развивается привязанность к отцу. В «их последующем слиянии заключается секрет психического здоровья и достижения полной зрелости. А в неудаче такого развития кроется причина неврозов»²¹⁶. В зависимости от отношения матери к ребенку закладываются особенности личности. Мать может оказаться властной. Мать может быть холодной. А отец может быть авторитарным. Тогда возникают разного рода изъязны психики — истерия, алкоголизм, депрессии и т.п. Часто дети, выросшие без отца, имеют пониженный уровень притязаний, повышен уровень тревожности. А когда мать, растящая ребенка без мужа, чрезмерно опекает свое чадо, вырастают пассивные, физически или морально слабые люди, а часто они начинают бунтовать и, в конце концов, ненавидят свою мать, чувствуя по отношению к ней враждебность²¹⁷.

В западной науке недавно зародилось новое направление *Motherhood Studies*, когда в 1976 году вышла в свет книга А. Рич «Рожденная женщиной». Затем в 1978 году появилась книга Н. Чодороу «Воспроизводство материнства», а в 1980–е годы работы французской исследовательницы Э. Бадинтер. Во всей этой литературе культивировалась «сладость материнской любви» и «материнской ответственности»²¹⁸. Если в XIX веке материнство считалось важнейшей социальной ролью женщины, то с развитием общества и наук о нем материнство стало подвергаться более пристальному анализу. В работе Дж. Баулби «Материнство и психическое здоровье» доказательно показано на большом количестве примеров, что связь между матерью и ребенком становится доминирующей в его последующей жизни, а разлука с матерью приводит к негативным последствиям в дальнейшей жизни человека²¹⁹.

²¹⁵ Фромм, Эрих. Искусство любить. Цит. изд., с. 86.

²¹⁶ Там же., с. 90.

²¹⁷ Рамих В.А. Материнство и культура. (Философско–культурологический анализ). — Ростов–на–Дону. Издательский центр ДГТУ, 1997. 145 с., с. 91. См. также: Попова П. Современный мЗужчина в зеркале семейной жизни. Пер. с болг. М., 1989, с. 35.

²¹⁸ Мицюк Н.А. Институализация *Motherhood Studies* в зарубежной историографии // Пол. Политика. Политкультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., г. Рязань: в 2 –томах, М.: ИЭА РАН, 2014. Т. 1. – 560 с., с. 65.

²¹⁹ Bowlby J. *Maternal cave' and mental health /Word health organization. Geneva. 1951.* Цит. по: Рамих В.А. Материнство и культура. (Философско–культурологический анализ). — Ростов–на–Дону. Издательский центр ДГТУ, 1997. 145 с., с. 10.

Во взаимодействии ребенка до одного года с матерью формируется потребность в общении с другими людьми. От года до трех лет возникает предметно–манипулятивная деятельность. И роль матери остается доминирующей, осуществляя первичную социализацию ребенка, формируя его жизненный сценарий, закладывается духовно–эмоциональный фундамент личности. Через материнскую любовь происходит процесс созидания личности. Это отразилось в искусстве, в котором всегда воспевается материнская любовь. Мать и дитя — тема в искусстве вечная. Когда изображается женщина с ребенком — это всегда гимн материнской любви, самой сильной любви на свете.

Когда мы обращаемся к изучению материнства в сфере искусства, то оказывается, что у художниц материнство трансформирует их занятия творчеством, которое вытесняется на долгое время материнскими практиками. Известно, что многие матери прерывают свою работу в связи с рождением ребенка и до тех пор, пока он нуждается в интенсивном уходе, не работают — даже дольше, чем длится отпуск по рождению ребенка. Известно, что у актрисы Л. Целиковской родился больной мальчик. Диагноз был неутешительный. Но она на несколько лет оставила артистическую деятельность и выходила ребенка так, что он вырос здоровым и достойным членом общества. Все же в патриархатном обществе мать–художница сталкивается с двойной дискриминацией²²⁰. Особенно ярко это проявлялось в институте материнства у многих народов. В пример можно привести практику представителей кочевых обществ Северного Кавказа, где «женщина... ценилась значительно ниже мужчины, поэтому питание и развитие ее шло по остаточному принципу, что в итоге приводило к воспроизводству больного и слабого потомства»²²¹.

Материнство — самая значимая ценность культуры. «С момента возникновения оно имеет социокультурный характер и служит в качестве модели для всех последующих отношений. Именно в общении с матерью, в процессе совместной деятельностью с нею ребенок усваивает первые понятия о мире, об обществе, и социальность для него представ-

---

²²⁰ Годованная М.В. Материнство и художественное творчество: гендерный баланс ролей. // Пол. Политика. Политкультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. Цит. изд., Т. 1, с. 266–267.

²²¹ Марченко Е.М. особенности бытования института материнства у народов Северного Кавказа во второй половине XIX — 20–х годов XX века // Пол. Политика. Политкультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. Цит. изд., Т. 1. с. 481–482.

лена первоначально главным образом матерью. Образ мира он отождествляет с матерью»²²².

Вот почему самая главная любовь, высочайший ее тип — материнская, **альтруистическая** по своему характеру. «Именно из-за своего альтруистического бескорыстного характера материнская любовь всегда рассматривалась как высочайший тип любви, самая священная из эмоциональных уз»²²³. Мать в большинстве случаев заботится о ребенке. Но, кроме того, она стремится заботиться о том, чтобы дать ребенку чувство жизнелюбия, стать счастливым человеком. Достигается это не всегда, увы! Вот почему материнскую любовь нередко сопровождает **тревожность**. А это также ведет к разного рода негативным последствиям для ребенка, сопровождая всю его последующую жизнь стремлением освободиться от давления матери.

Нередко материнская любовь перерастает в деспотизм. Пока ребенок маленький — любить его несложно. Но как только он вырастает, ему необходимо отделиться от матери. И вот тут начинается серия конфликтов, которые выражают недостаточность материнской любви. В жизни такое встречается довольно часто. Матери недовольны выбором своих детей спутников жизни — они всегда не соответствуют их идеалу для своего ненаглядного дитя, хоть ему уже много лет и он стал самостоятельной личностью. И только тогда, когда мать способна к любви — мужа, других людей, — вынести отделение ребенка от себя может только та, которая обладает истинной материнской любовью: «искренняя любовь несет в себе созидательное начало и предполагает заботу, уважение, ответственность и знание»²²⁴. Именно такая любовь способствует нашей жизнеспособности, счастью, развитию и свободе.

На материнскую любовь влияет атмосфера в семье. Если отец и мать не любят друг друга, а живут вместе ради ребенка, то это накладывает на ребенка более мучительные состояния, нежели разрыв между ними. Один из вариантов воспитания детей — одинокие матери, что нашло отражение в советском кинематографе. «В кинопроизведениях проявляется культура одиночного материнства, основанная на социальных отношениях и соответствующих символических кодах»²²⁵. В этих кар-

²²² Рамих В.А. Материнство и культура. (Философско-культурологический анализ). — Ростов-на-Дону. Издательский центр ДГТУ, 1997. 145 с., с. 8.

²²³ Фромм, Эрих. Искусство любить. Цит. изд., с. 102.

²²⁴ Там же, с. 119.

²²⁵ Любимова А.Д. Жизненные сценарии одиноких матерей в кинематографе позднего СССР // Пол. Политика. Политкультурность. Гендерные отношения и гендерные сис-

тинах утверждалась мысль, что работающая женщина может вырастить полноценного ребенка, восполняя недостаток отсутствия отца любовью. «Контракт "работающая мать" продолжал быть нормативным для советских женщин»²²⁶. Отца же заменяло государство «В кино государство показано как главный благодетель, помогающий одинокой матери преодолевать многие препятствия»²²⁷. Советская женщина, выйдя из подчиненного положения в обществе, попала в достаточно сложную ситуацию. «Благодаря интенсивной государственной политике по работе с женским населением в период 1920–1930 гг. из аморфной женской массы получился адресный сегмент подконтрольного псевдогражданского общества в тоталитарной системе»²²⁸. Следует помнить, что именно в советский период женщина превратилась из маргинального социального объекта в активного строителя общества. Именно «женский удел демонстрировал мощный разрыв с традицией. Советская женщина освоила все виды и сферы деятельности, которые ранее занимали мужчины — экономику, науку, спорт, а впоследствии и космос. Можно утверждать, что именно советская женщина, а не советский мужчина представлял новый тип советского человека»²²⁹.

Нередко материнская любовь сродни эгоистическому чувству. Ее чрезмерная забота продиктована отнюдь не любовью к ребенку, а стремлением доказать свою любовь. Такая материнская любовь неискренна и зачастую приводит к результатам, не предполагаемым матерью — излишней нервозностью, тревожностью и напряженностью ее чада. В целом — в зависимости от любви матери зависит вся жизнь человека. Если материнская любовь была чрезмерно обильной и непростительно навязчивой до зрелого возраста, когда человек должен приобрести самостоятельность. Или материнская любовь оказалась недостаточной, эгоистичной, показной или чересчур тревожной — человек становится неуверенным в себе, инфантильным, беспомощным и т.п. «Эта особенность деструктивной и поглощающей материнской любви — изначальная сторона образа матери. Мать дает жизнь, и она может забрать

темы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., г. Рязань: в 2 –т., М.: ИЭА РАН, 2014. Т. 2. — 706 с., с. 393.

²²⁶ Любимова А.Д. Цит. изд., с. 394.

²²⁷ Любимова А.Д. Цит. изд., с. 396.

²²⁸ Козлова Н.Н. Международный женский день 8 марта как фактор конструирования советской гендерной системы. Цит. изд., с. 311.

²²⁹ Там же, с. 313.

жизнь. Она — та, которая оживляет, и та, что уничтожает: ради любви она способна творить чудеса — и одновременно никто не может причинить большего вреда, чем она»²³⁰.

Как же подготовить себя к материнской любви?

Так как любовь — искусство, то она требует дисциплины и самодисциплины, сосредоточенности, терпения, страстной заинтересованности и обучения. Это также семантические проявления материнской любви. Довольно парадоксально утверждение Э. Фромма, что способность любить — «это способность оставаться в одиночестве»²³¹. И в этом тоже проявляется материнская любовь — уметь отделить себя от своего ребенка, давая ему свободу самостоятельной жизни.

При этом следует помнить, что материнство «имплицитно содержит в себе генезис всей человеческой культуры и цивилизации, всего общественно–исторического, нравственного и семейного опыта человечества»²³².

Материнская любовь связана с развитием культуры и выступает одним из трансляторов культурных ценностей.

---

²³⁰ Фромм, Эрих. Цит. изд., с. 184.

²³¹ Там же, с.214.

²³² Рамих В.А. Материнство и культура. (Философско–культурологический анализ). — Ростов–на–Дону. Издательский центр ДГТУ, 1997. 145 с., с. 8.

Семиотика свадьбы в диалоге культур

(Опубликовано в соавторстве с С.Э. Бокариус :Диалог культур и культура диалога: Сб. статей — СПб, СПбГУ, 2010. — 406 с., с. 94–110).

Свадьба — наиболее значимый ритуал в жизни людей. От других разновидностей поведения его отличает, по справедливому мнению А.К. Байбурина, ярко выраженная семиотичность. Эта семиотическая составляющая изменяет привычный облик мира²³³.

Свадьба — парад всех знаковых систем. Он включает с неизбежностью естественный язык, т.е. вербальную семиотику. В то же время большое значение придается невербальной семиотике — языку жестов, мимике, пантомимике, хореографии. Кроме того, свадьба всегда включает пение, музыку. Сюда входят и такие важные семиотические элементы, как цвет, запах, еда, соединяясь в такое единство, которое никогда больше не образуется. Таким образом, свадьба — это комплекс актов, обрядовых действий, каждое из которых имеет свою семантику, но, сопоставляясь в определенном порядке, они образуют группы с новым значением, общим для всех актов. Как определил Арнольд ван Геннеп, свадьба обладает свойствами и особенностями *rites de passage* — «лиминальной фазы»²³⁴, относясь к обрядам, которые сопровождают перемену места, состояния, социальной позиции и возраста.

Эти обряды перехода, по мнению Геннепа, обладают тремя фазами: разделение, грань, соединение. Исходя из Геннепа, В. Тэрнер так их характеризует: «первая фаза (разделение) включает в себя символическое поведение, означающее открепление личности от группы или группы от занимаемого ранее места в социальной структуре или от определенных культурных обстоятельств («состояния»), либо от того и другого сразу. Во время промежуточного «лиминального» периода особенности ритуального субъекта («переходящего») двойственны: он

---

²³³ Байбурин А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры //Этнознаковые функции культуры. — М, 1991, с. 39–41.

²³⁴ Genep A.van. The Rites of Passage. — London, 1960.

проходит через ту область культуры, у которой очень мало или вовсе нет свойств прошлого или будущего состояния. В третьей фазе (восстановления, или воссоединения) переход завершается. Ритуальный субъект — личность или группа — опять обретает сравнительно стабильное состояние и благодаря этому получает *vis-a-vis* к другим, права и обязанности четко определенного и «структурного типа»²³⁵.

Свадебный обряд может рассматриваться как текст, состоящий из двух элементов — текста жениха и текста невесты. Они различаются не только формально, но и содержательно — в системе оценок, точек зрения, отдельными мотивами. Но оба текста — это тексты «на одном языке».

В доритуальный период доминируют два нравственно-этических мотива — прекрасной, светлой любви, к которой надо стремиться, и мотивы практической предусмотрительности при выборе и жениха, и невесты. С развитием капитализма именно этот, второй мотив выходит на первый план при породнении семей, ибо капитализм требовал аккумуляции денежных средств. Таким образом, материальные соображения становятся главным фактором.

Во многих регионах мира мужчины и женщины, не вступившие в брак в установленное обычаем время, как правило, вызывали осуждение окружающих. В России неженатых мужчин называли «бобылями», «трутнями», «непутевыми», «пустыми». Женщин называли «старыми девами», «вековушками», «пустоцветами», обойденными²³⁶.

Вступление в брак у русского населения проходило в основном двумя способами: по договоренности (со сватовством, сговором и свадьбой) и «самокруткой» («убегом»). Но «умыкание» не было похищением. Как правило, ему предшествовала предварительная договоренность жениха и невесты. Тайна была по отношению к родителям или одного из них. Такие браки «убегом» не сопровождалась соблюдением традиционных обычаев. Венчались в таком случае в будни, поздним вечером или ночью. После венчания молодые отправлялись в дом жениха, где сообщали о вступлении в брак и просили прощения за совершенный поступок. Как правило, родители прощали сына, так как такой брак обходился значительно дешевле, чем традиционная свадьба.

При выборе невесты на Руси обращали внимание на умение вести крестьянское хозяйство, размеры приданого. На втором месте стояли

²³⁵ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 277 с., с. 168–169.

²³⁶ Чистов К.В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов Русского Севера // Фольклор и этнография. — Л., 1974, с. 16; Земцовский И.И. К проблеме взаимосвязи календарной и свадебной обрядности славян. // Там же, с. 147 и др.

такие качества невесты, как кротость и послушливость, уважительность. Определенное значение придавалось и красоте невесты, но она не имела решающего значения.

Где знакомились? Молодые люди предбрачного или брачного возраста обычно в весеннее и летнее время знакомились на улице во время случайных встреч, при выполнении домашних работ, на уборке урожая, на сенокосе и общественных работах. (В первую очередь это касается сельской молодежи, где традиционные формы обрядов сохранялись дольше, чем в городе). В свободное от работы время молодежь собиралась около домов, на лавочках, бревнах, завалинках. Здесь рассказывали различные истории, грызли орехи и семечки, пели и плясали под балалайку или гармошку. Молодые люди выражали свои симпатии девушкам, пытаясь «силой обнять» или посадить рядом с собой толчками, ударами. В праздничные дни водили хороводы, собираясь на месте массовых гуляний. В осеннее или зимнее время основным местом встреч были посиделки, где девушки пряли, шили, вязали, вышивали, рассказывали сказки, небылицы, пели песни. Такие посиделки были основным местом выбора невест и предбрачных знакомств. Парни приходили с гармошкой или балалайкой, подсаживались к девушкам, угощали их орехами, конфетами, семечками. Симпатизировавших друг другу молодых людей называли дружками или подружками, или зазнобами. Кроме посиделок, распространены были «капустники», когда девушки уговаривались у кого-либо рубить капусту в назначенный день с проведением вечеринки. Аналогичный характер имели «холки» (бедные крестьяне, у которых не было овец, варили пиво и приглашали молодежь на «холки» — каждый приносил определенное количество шерсти). Кроме того, устраивались «супрядки» или «супряжки», на которых девушки пряли, на всех таких встречах проводились вечеринки²³⁷. Как правило, разница в возрасте собравшихся не превышала 2–3 лет. Нередко при этом привлекались парни и девушки из соседних деревень.

Интересно сопоставить свадебную обрядность русских со славянским населением в Германии — у серболужичан. «Лужичане — сорбы, венды, лужицкие сербы (самоназв. — сербья, сербски люд)... Относятся к большой европеоидной расе... Л, — потомки некогда многочисл. Полабских славян, земли к-рых к кон.10 в. Были захвачены нем. феодалами и со временем заселены нем. колонистами... Л. населяли

²³⁷ Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. — Казань, изд-во Казанского университета, 1981, с. 32.

2 изолированных р-на, отделенных друг от друга и от этнич. территорий поляков и чехов немецкими поселениями: Нижняя Лужица (с центром в г. Котбус) и Верхняя Лужица (с центром в г. Баутцен)...»²³⁸.

Основным местом знакомства у серболужичан были также посиделки. Обычно они проводились у серболужичан не ранее 11 октября и заканчивались к великому посту. На посиделках девушки пряли, во время посиделок обязательно пели — как девушки, так и парни. Парни приходили на посиделки два, три раза в течение вечера.

То же характерно и для немецких посиделок, где собирались группы из 4 — 8 девушек. Когда приходили парни, начинались различные игры.

После окончания посиделок многие девушки получали предложение о браке. При этом приоритетными были экономические мотивы, которые были очень важны для родителей молодых. Широко бытовало мнение, что браки, заключенные по желанию и любви брачующихся, всегда несчастливые. Но уже в конце XIX — начале XX веков роль родителей в брачном выборе ослабевает. К этому времени получили распространение отхожие промыслы, что давало определенную экономическую свободу молодежи, ослабляя традиционную власть, тем самым экономическую зависимость от главы семьи.

Если в XVIII веке брачный возраст мужчин в России был 15 лет, у женщин — в 13, то во второй половине XIX — начале XX веков возраст становился большим — от 20 до 25 лет. Обычно вступление в брак заканчивалось к 25 годам. Нередко было, что муж был значительно моложе своей жены. Существовало предубеждение против браков однофамильцев.

У монголов браки были в 15–18 лет. Там большое значение придавалось годам рождения партнеров. Некоторые годы относились по 12-летнему календарю к разряду так называемых «твердых», другие — к «мягким». Считалось удачным, если год рождения жениха относился к «твердым», а у невесты — к «мягким». Наоборот считалось неудачным вариантом свадьбы.

Одним из важных элементов брачного комплекса было сватовство. В русском Поволжье, например, сватовство сопровождалось рядом предупредительных мер, направленных на предотвращение «порчи» со стороны разного рода недоброжелателей. Как правило, сваха уходила на сватовство из дома жениха из-за стола, на котором были каравай хлеба

²³⁸ Народы мира: историко-этнографический справочник. — М.: Сов. Энциклопедия, 1988. — 624с., с. 260..., 261.

и солонка с солью, почему считалось, что сваха выходила из дома «из—за хлеба и соли», Как правило, сваха старалась войти в дом невесты незаметно, вечером или даже ночью. Следовало в дороге ни с кем не разговаривать, а лучше никого не встретить на своем пути. Сваты должны были быть людьми, обладающими красноречием (краснобаи), обладавшие умением уговорить, «уталалакать» родителей невесты. Свои обязанности эти женщины выполняли за особое вознаграждение. Они пользовались уважением у населения. Одежда их отличалась определенными знаковыми отличиями. В Среднем Поволжье иногда сваха надевала разные валенки, часто непременной принадлежностью ее была палка²³⁹. Иногда — сковородник, иногда — кочерга, чтобы «выгрести девку»²⁴⁰. Сваха стремилась поймать невесту за косу, чтобы родителям было трудно ей отказать. Считалось, что в противном случае девушка вообще не выйдет замуж. Войдя в дом, сваха садилась на лавку под матицу, и это тоже было знаковым признаком, что она пришла сватать дочь хозяев. Разговор прямо начинался с того, что сваха или сват объявлял о цели прихода. Наиболее распространенной формулой было: «у вас курочка — у нас петушок...». Первый приход — оповещение родителей о намерениях родителей жениха. Сразу давать положительный ответ считалось неприличным. Второй раз сваха приходила в дом невесты с женихом и его родителями. Если решение родителей невесты было положительным, «били со сватами по рукам». В некоторых селах в знак согласия на брак свахе выдавали платок невесты для передачи жениху. В других — сваха получала краюшку хлеба, завернутую в лучший платок невесты. Сваха оповещала односельчан о предстоящей свадьбе, неся через деревню это подношение в поднятой правой руке. Об интересном обычае в с. Соколка Бугульминского уезда пишет Н.В. Зорин: «когда сваты уходили из дома, бросали на них кошку, чтобы невеста «вцарапалась» в жениха, как кошка в сватов и держалась за него»²⁴¹.

Для большинства районов обеих Лужиц также было характерно обращение будущего жениха к своему поверенному, выполнявшему роль свата.

Началом предсвадебного периода считалось посещение поверенного жениха (брашки) дома невесты. Он должен был прийти, как и у русских, незамеченным односельчанами, поэтому посещение было после

²³⁹ Можаровский А.Ф. Свадебный порядок у крестьян Свияжского уезда — «Волжско—Камское слово», 1882, № 122.

²⁴⁰ Зорин Н.В. Цит. изд., с. 70.

²⁴¹ Зорин Н.В. Цит. изд., с. 73.

наступление темноты. Однако сватовство сохранялось примерно до 20-х годов XX века, сегодня этот момент предсвадебной обрядности существует только в памяти старших поколений.

Сватовство — важный элемент свадебной обрядности у многих народов мира. Так, в Китае сватовство было чрезвычайно важным делом, которое затрагивало посредников. Именовали сватов «бин жень» («человек льда»). Обычно в деревнях роль сватов выполняли в основном мужчины, а в городах имелись профессиональные свахи, особенно часто женщины выполняли миссию свахи на юге страны. С этим поверенным в семью невесты семья жениха высылала «цао те узы» — «предварительную записку», в которой указывались «8 иероглифов жизни» с указанием фамилии жениха, датой и часом его рождения. По этим данным гадали по гороскопу о возможности заключения брака. Если данные оказывались благоприятными, семья невесты высылала столь же развернутые данные о невесте. Теперь уже семья жениха справлялась у гадалки о возможности и сроках удачного бракосочетания. Положительный ответ нельзя было посылать с ответом сразу (это считалось неприличным) — надо было прождать хотя бы три дня.

Далее в русских поселениях после сватовства проводились осмотр хозяйства жениха и смотрины невесты. Родители невесты и ее ближайшие родственники после получения согласия на брак приходили обычно на смотрение хозяйства через 2–3 дня. Это давало возможность занимать у соседей или знакомых сельскохозяйственный инвентарь, чужой скот и т.п., чтобы произвести наиболее выгодное впечатление. Впоследствии этот структурный элемент свадебного комплекса имел не столько экономическое значение, но служил поводом для первого предсвадебного знакомства двух семейных коллективов, вступающих в семейное родство.

Через несколько дней после этого устраивались смотрины невесты. В дом к невесте приходили жених и сопровождавшие его лица — родители, сваха, родственники. Считалось неприличным, чтобы невеста сразу выходила к гостям. Иногда сначала выходила какая-либо некрасивая старушка, чтобы контрастом увеличить красоту невесты, которая в конце концов появлялась в лучшем своем наряде. Если невеста жениху нравилась, существовал обычай, например, в деревне Поспелово Елабужского уезда, он выпивал несколько чашек чая. В противном случае — только одну и ставил ее кверху дном. Однако обычно жених давал согласие на брак до смотрин, ибо невесту подбирали родители

сыну заранее и, выходя в сени, жених оставлял шапку в избе, что означало, что невеста ему нравится и он своих намерений не изменит.

После смотрин при их положительном исходе устраивался сговор. У бедных он совмещался со смотринами. Участниками сговора были члены вступающих в родство семей. На сговоре договаривались о том, кому, когда и какие подарки должны вручать жених и невеста, решались все материальные вопросы брака, объявляли приданое невесты и какой должна была быть кладка жениха. После того, как все вопросы были улажены, проводилось рукобитие. После рукобития проводилось домашнее обручение помолвленных. Проходило оно по-разному. Это мог быть обмен кольцами между женихом и невестой, в некоторых селах молодым подавали по стакану пива, куда они опускали свои кольца, затем они обменивались стаканами, выпивали пиво и одевали кольца, в других местах жених и невеста садились за стол, перед ними ставились две тарелки с гостинцами — пряниками, конфетами, орехами. Жених и невеста клали на них кольца и передвигали тарелки, чтобы жених мог надеть кольцо невесты, а невеста — кольцо жениха.

Заключительный этап рукобития — пиршество. В Поволжье оно называлось «запой», «пропой», «запойка» и т.п. Это был первый свадебный пир.

Итак, следующий этап — помолвка. У серболужичан — обязательный обмен кольцами, знакомство родителей между собой, обсуждение приготовления к свадьбе, экономических и других условий начала совместной жизни.

У немцев за сватовством также следовала помолвка, обручение. Помолвка — это та грань, за которой юноша и девушка начинали отходить от своего социума. В одежде помолвленной девушки у серболужичан исчезал красный цвет, который раньше обязательно присутствовал, главным образом среди лент. За три недели до свадьбы помолвка оглашалась в церкви.

В немецких деревнях оглашение происходило не только в церкви, но и в ратуше. На здании вывешивалось объявление о состоявшейся помолвке и времени венчания. Подруги невесты на объявление прикрепляли венок из цветов: если были сомнения в целомудренности невесты, то к нему тайно прикрепляли соломенный венок²⁴².

²⁴² Филимонова Т.Д. Немцы. // Брак у народов Западной и Южной Европы. — М., 1989. С. 5–44, с. 17.

После сговора, рукобития и запоя у русских начиналась подготовка к свадьбе. Как правило, весь период от запоя до свадьбы назывался девичником. Период этот мог длиться от одной до трех недель: заготавливались продукты, убирали помещения, принимали родителей сговоренных, угощали родственников и знакомых. После запоя у невесты собирались 7–8 девушек, шили сарафаны, рубашки, юбки для невесты, рубашку и штаны для ее будущего мужа, вышивали полотенца, платки, скатерти. Сундук, «коробья» невесты нередко содержали 10–15 рубашек и нижних юбок, многие из которых шились во время подготовки к свадьбе. Невеста должна была оплакивать свою судьбу и каждый день она просыпалась раньше всех, садилась в простенок между окнами и начинала причитания. Считалось, что чем больше и сильнее она «воет», тем легче ей будет жить в доме мужа. В этот период жених регулярно посещал невесту.

Столь же интересные знаковые закономерности мы видим и у других народов. Например, для районов Нижней Лужицы характерно достаточно свободное общение молодежи уже в XVIII веке. Молодой человек, желающий вступить в брак, ходил в дом к своей избраннице, в деревенском трактире торжественно поднимал тост за ее здоровье и усаживал за общий стол рядом с собой. Это совсем не было характерно для Верхних Лужиц, так как процессы ассимиляции в нижнелужицких деревнях шли активнее, а в немецких деревнях существовал обычай приглашать девушку в трактир тому парню, которому по жребью досталась та, которую разыгрывали.

В этот доритуальный период существовали разные способы возбуждения любви. Например, считалось, что «незаметный перенос на (или в) тело желанного крови, пота, волос — обязательно приведут к благосклонности. Для этих целей прокалывали себе палец и три капли вливали в напиток, предназначенный любимому, или пользовались менструальной кровью, которую давали тайно, с яблоком (символом плодородия). Особая роль в любовной магии отводилась рыбам, лягушкам, летучим мышам. Обычно «игловые» кости и конечности, а также «порошок» из них «скармливали» возлюбленным в сладостях и напитках или использовали живых / мертвых животных по-другому. Различные манипуляции с лягушкой могли способствовать как любви, так и отвороту. Для уничтожения любви производились и определенные действия с ртутью.

Широко были распространены гаданья, связанные с календарными датами.

Например, с днем св. Андрея, Рождеством были связаны гадания серболужских девушек о любви и суженом: под три тарелки или шапки клали различные предметы и наугад поднимали одну из них. Если под ней оказывалась ветка руты, это означало скорое замужество. Также наугад доставали разноцветные ленты из фартука. Зеленая лента сулила скорое замужество. Немецкие девушки также гадали в день св. Андреаса, Томаса, Иванов день и др.

Одним из важных действий накануне русской свадьбы была баня, которая была для невесты ритуальным прощанием ее с девичеством. Обрядовая баня была характерна и для жениха. Этот ритуал связан с омовением — водным крещением новорожденных и обмыванием покойников перед похоронами. «Свадебная баня занимала одно из важных мест в традиционном свадебном обрядовом комплексе и представляла собой демонстрацию столь же традиционного народного мировоззрения»²⁴³.

Невеста получала магические знания как совет или наказ для того, чтобы привлечь будущего мужа и закрепить свои женские чары над ним. Чтобы задобрить духов бани, невеста ставила «сладкой пирожок на окошечко на блюдецко» или отрезала кусок каравая, как бы приглашая их на свадьбу²⁴⁴.

Ей нельзя было во время свадебной бани громко говорить, кричать и шуметь, хлопать по воде, а то «вода осердится», да и «банника прогневить»²⁴⁵ можно. Нельзя было допустить кого-либо из девушек-подруг сделать что-нибудь «вперед» или раньше себя — «тому счастье вперед»; существовал заговор: «не давай девушкам с последней воды своей омыться — счастье потеряешь»²⁴⁶.

Баня становилась местом, где проходила передача магической силы от колдуна или ворожеи.

Советы жениху накануне свадьбы давали старшие, владевшие магическим или житейским знанием. Такие советы должны были благоприятствовать закреплению брака. Характерна при этом банно-эротическая символика. Для свадебной бани жених должен был произносить заговор, способствовавший повышению мужской силы: «Стой конем!»

²⁴³ Балашова О.Б. Магия свадебной бани жениха/невесты. Фольклор и современность (Савушкинские чтения) IV–V: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — М., 2007, 272 с., с. 36.

²⁴⁴ Там же, с. 44.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Там же, с. 45.

или: «Как конь стоит, так бы и ... стоял у раба божьего Василия»²⁴⁷. Заговор мог сказать, рассказать, передать жениху сват из числа родных. Приведем отрывок из заговора, показывающий, какое значение придавалось мужской силе для будущего мужа и что при этом говорилось: «...Как веник березовой стоит—дёржится, чтоб у раба божьего Митрия, чтоб у ево стоял—дёржился ... ево. Аминь...»²⁴⁸. В Суздальском районе Владимирской области жених брал в баню плетку. Он стегал ею три раза потолок, «чтобы жена после свадьбы подчинялась»²⁴⁹. Таких символических действий в разных районах можно найти множество.

Баенная магия и ритуалы имели широкий спектр, связаны они были с культом воды. Ритуальное омовение служило символическим обыгрыванием потери девственности и последующие эротические отношения, ему приписывалась приворотная и обережная сила. «Смешение воды и пота, по поверью, способствовало привлечению любви жениха—мужа (невесты—жениха)или хорошего отношения со стороны его (ее) родни»²⁵⁰.

В доме невесты проводились предсвадебные вечеринки — «девишники». В доме жениха устраивался «мальчишник». Они рассматривались как последний вечер молодежи, после которого молодые переводились уже в другую социально—возрастную группу.

Следующий этап — приглашение на свадьбу в других регионах имеет свои знаковые особенности. Здесь значительным лицом становится в серболужицкой обрядности брашка. Это занятие считается почетным. Костюм брашки постепенно эволюционировал, но всегда имел определенные знаковые отличия — лента, бант, посох, букет в петлице и т.п. За неделю до свадьбы в Верхней Лужице и за две недели в Нижней Лужице звали на kwas (Верхняя Лужица), swazbu (Нижняя Лужица). Заключение брака в речах брашки представлялось как жертвенный момент²⁵¹

Невеста у серболужичан покупала подарки для жениха и его родственников, шила и вышивала для жениха жилет, черный галстук и рубашку. Подарки, предназначенные для жениха, она ему посылала за

²⁴⁷ Там же, с. 41.

²⁴⁸ Там же, с. 42.

²⁴⁹ Там же, с. 43.

²⁵⁰ Там же, с. 52.

²⁵¹ Ср. брак как жертвоприношение в индуизме: Альбедиль М.Ф. Модель брачного поведения в южноиндийской мифологии // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. — СПб., 1991, с. 92–109, с. 106–107.

день до свадьбы через брата или сестру. Жених для невесты покупал туфли, платок, чулки, чепцы, ленты, передники.

Накануне свадьбы в Нижних Лужицах перевозили приданое невесты в дом жениха. Мать жениха с помощниками готовила красивую постель будущим молодоженам. После окончания работы хозяин и хозяйка звали всех, участвовавших в приготовлении постели «на курицу», но при этом следили, чтобы все хлебные крошки остались в доме на столе, чтобы благословение не ушло от детей. В некоторых областях Германии женщины набивали матрац не соломой, а камнями и деревяшками. Жених должен был на нем спать накануне свадьбы. За день до свадьбы ворота дома невесты и двери, ведущие к жилью жениха, украшали гирляндами в знак того, что невеста покинет свой дом и перейдет в дом жениха. Вечером перед свадьбой парни стреляли, шумели и били горшки о дверь дома невесты, что преследовало апотропеические цели. Чем больше черепков, считалось, тем больше будет в браке счастья²⁵².

У немцев накануне свадьбы проводился польтерабенд (вечер шума, грохота), представлявший собой прощание молодежи с женихом и невестой, на котором обязательным было битье посуды «на счастье» — чем больше черепков, тем больше счастья образующейся семье.

В Китае, когда был установлен день свадьбы, невесте не полагалось до свадебного обряда покидать женскую половину своего дома. Ей надо было причитать и плакать, показывая скорбь по поводу расставания с родными. В некоторых районах ей и ее подружкам даже предписывалось петь песни, в которых содержалась брань по поводу семьи жениха и будущего мужа. Накануне свадьбы устраивалось пиршество, в котором главной обрядовой едой была просяная каша с мясом. Для невесты главной обрядовой едой было мясо высланных женихом для нее свиньи и петуха. За день до переезда в дом жениха невеста начинала наряжаться. По обычаю, все волосы на лице выщипывались, лицо густо пудрилось и румянилось, губы красились помадой. Все это делалось в соответствии с китайскими представлениями о женской красоте. Свадебное одеяние было традиционно таким: красный короткий халат. Украшенный цветами и помпонами из шелка и платья красного или зеленого цвета. Кроме того, невеста надевала специальный головной убор с металлическим каркасом с накладкой из птичьих перьев и с шелковыми помпонами и медальонами, кото-

²⁵² Филимонова Т.Д. Лужичане // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — М., 1988, С. 68–82, с. 71.

рые прикреплялись к каркасу пружин. Лицо покрывалось красной вуалью, чтобы «спрятать стыд» накануне свадьбы невеста совершала ритуальное омовение, отвешивала поклоны перед семейным алтарем. Девичью прическу меняли на прическу замужней женщины. То же происходило и в доме жениха, на голову которому его отец надевал шапку взрослого мужчины.

Время свадьбы у русских было тесно связано с земледельческим календарем. Так, религиозные требования исключали возможность браков в марте и декабре, которые были временем постов²⁵³. Вступление в брак в весеннее и летнее время также осуждалось, ибо это было время полевых работ.

Считалось, что нельзя назначать свадьбу накануне новолуния, потому что такой брак мог оказаться бесплодным.

В день вступления в брак невеста вставала раньше всех и начинала причитать. Затем начинались сборы невесты «к венцу».

Чтобы оградить невесту от порчи, во время одевания ее нередко опоясывали рыболовной сетью (мережкой), специальным поясом или ниткой со множеством узлов. Кроме того, в одежду втыкали иголки и булавки. В обувь насыпали просо, рябиновый лист, деньги. Когда невеста была одета, подруги начинали укладывать приданое невесты, при этом клали в сундук или коробью пряники, сдобные лепешки и т.п. — подарки и гостинцы. Поверх их мать невесты бросала мелкие деньги и запирала сундук на замок. Пол под столом устилался сеном. Скамья, на которой должны были сидеть жених и невеста, покрывался овчиной шубой с мехом наверх, чтобы голые предметы не вызывали в дальнейшем нежелательные последствия — прежде всего бедность создающейся семьи. В это время в доме жениха готовился свадебный поезд — запрягали лошадей, украшали их лентами и полотенцами, к дугам привязывали колокольчики и бубенцы. Для украшения лошадей использовали цветы, репы, платки, веники, венки, которые носили обереговый характер и должны были отпугивать «нечистую силу». После того, как были закончены приготовления к свадебному поезду, начинался ритуальный обед, где сигнальную роль играла лапша — сигнал для окончания обеда. После этого вставали из-за стола и родители благословляли жениха на брак. Затем выходили на улицу и рассаживались по саням. Во время движения «поезда» никому нельзя было уступать дорогу и ни перед кем снимать шапки. Возвращение с пути

²⁵³ Зорин Н.В. Цит. изд., с. 48.

предвещало несчастье. Когда «поезд» приезжал во двор невесты, дружка сообщал родителям невесты — «княгини нареченной» о прибытии «князя молодого». При этом он хлестал крестообразно кнутом, чтобы «изгонять ведьму из избы» перед входом жениха и поезжан. Приезд поезжан сопровождался целой серией выкупов, достигавших иной раз 8–10, чаще всего связанных с устранением противодействий со стороны родственников невесты. После этого начинался обед. Во время обеда жених и невеста сидели за столом, но участия в нем не принимали, так как есть они не должны были до венчания и переезда в дом мужа. В это время проходило расплетение косы невесты, что служило символом ее перехода из группы девушек в группу замужних женщин. Иногда расплетение косы происходило в церкви во время венчания или даже в доме мужа. Затем невесту одевали к венцу в привезенные женихом или дружкой шубу, валенки, шаль. Она садилась за стол и некоторое время плакала, после чего выходила из-за него, потянув за собой скатерть, чтобы подружки не засиживались в «девках». Из-за стола жених и невеста шли под благословение родителей — иконой и хлебом. После благословения жених и невеста шли к свадебному поезду. Чтобы предотвратить «порчу», перед ними разметали дорожку веником или посыпали ее золой. По дороге невеста выбрасывала репчатый лук, чтобы выбросить все слезы, выплаканные перед свадьбой, а жених выбрасывал все мелкие предметы, подаренные ему девушками на посиделках, во время гуляний и игр. Церковное венчание было обязательным для свадебного комплекса в конце XIX—начале XX века. Чтобы не было бедной жизни, под ноги брачующимся расстилали платок или полотнище. Кто первый на него вступит, тот имел «верх» в семейной жизни. Поэтому стремились вступить на него одновременно. Стоять надо было так, чтобы между ними не мог встать кто-либо третий — это обеспечивало верность в супружеской жизни. Из церкви направлялись в дом мужа. Здесь их встречали родители мужа, благословляя новобрачных: отец — иконой, мать — хлебом, который она надламывала над головой сына и разламывая над головой невесты. Половинки эти они должны были хранить до конца жизни. Широко было распространено осыпание молодых хмелем, овсом, рожью для обеспечения богатства и любви. Затем новобрачных приглашали в избу, где их встречали хлебом–солью. Перед порогом дома и в избе в некоторых районах расстилали шубу или посыпали сено, а скамья, на которой должны были сидеть молодые, покрывалась мехом или войлоком.

Чтобы отогнать неудачу, на еврейской свадьбе следует бить стеклянную посуду²⁵⁴. У евреев брак «представлял собой социальный и деловой договор, целью которого было укрепление сплоченности общества; поэтому соответствующий контракт, или кетубба, зачитывался на церемонии бракосочетания, а затем подписывался подобно договору о партнерстве, дабы избежать в дальнейшем споров, особенно при разводе»²⁵⁵.

В Китае в день свадьбы невеста наряжалась для переезда в дом жениха, будущего мужа. Перед свадьбой невеста не должна была есть. А вот жених съедал утром полную чашку мяса, что было знаком достатка в будущей семье. Люди жениха обязательно в сопровождении музыкантов и слуг отправлялись за невестой, неся красный паланкин, разукрашенный счастливыми символами, в который сажали мальчика, чтобы родился сын. Невеста не должна была ходить в это время по земле, чтобы «не принести грязь в дом жениха». Обычно муж старшей сестры переносил сидящую на стуле невесту в паланкин. Невесте необходимо было только плакать и ничего не говорить. Невесту таким образом переносили в дом жениха. Свадебная процессия выглядела таким образом: сначала шли два представителя жениха с факелами, за ними — два представителя невесты с красным зонтом, далее паланкин с невестой и затем — женщина в помощь невесте в зеленом паланкине. Свадебный кортеж сопровождался оглушительными разрывами хлопушек и петард.

В русской обрядности после свадебного стола молодых провожали на брачное ложе — как правило, — дружки или свахи. Иногда у брачного ложа клали топор, молоток, хомут, вожжи, чтобы рождались сыновья и чтобы они были хорошими работниками. Довольно широко был распространен обычай раздевания мужа женой, что отмечено еще в «Повести временных лет». Во многих населенных пунктах принято было демонстрировать рубашку новобрачной как свидетельство ее непорочности или бесчестия. Если она оказывалась непорочной, ее проводили по «красной дорожке», прикалывали красные банты. Так же встречали родителей, сумевших «соблюсти» дочь. В противном случае били посуду, родителям подавали пиво в решете или в дырявых стаканах, надевали на них рваные рубахи.

Такое отношение к девичьей невинности существует у многих народов мира. У юртовских татар, например, если «обнаруживалась невинность невесты, она получала право называть мать жениха мамой, он

²⁵⁴ Джонсон Пол. История евреев. — М.: «Вече», 2007. — 400 с., с. 218.

²⁵⁵ Там же, с. 165–166.

оставлял под подушкой деньги — дань за девичью честь. В противном случае ее выгоняли обратно к родителям. Что было для ее семьи большим позором»²⁵⁶. Как указывает Б. Рассел, «главным мотивом появления моральных норм в отношении между полами в западной цивилизации еще до принятия христианства была необходимость обеспечить такую степень добродетельности женщины, без которой существование патриархальной семьи становится невозможным, так как становится невозможным определить, кто отец ребенка»²⁵⁷.

Однако такое отношение характерно не для всех народов. Например, в отличие от христианской традиции, в монгольской традиции характерна центрация на репродуктивной плодородности сексуальных практик. Так, ребенок незамужней девушки считался ребенком ее матери. Но такая девушка, уже продемонстрировавшая свою репродуктивность, становилась более привлекательной для брачных предложений.

Одним из важных структурных элементов свадьбы у русских была обрядовая баня для новобрачных, которую устраивали утром второго дня свадьбы. Это был очистительный обряд.

В случае «слабости» жениха, чтобы исправить «позор», в баню звали знахаря поправить это дело, ибо «Мужик без этого — не мужик»²⁵⁸.

После бани, а там, где ее не было, после брачной ночи молодые катались по селу на лошадях. Это было оповещением односельчан о вступлении молодых в брачные отношения и о предстоящем свадебном пире. На второй день свадьбы важное место занимал «сырный стол», где гостям — это, как правило, родственники с обеих сторон, «разносились сыры». Каждый из гостей получал рюмку водки и закуску, но должен был класть на поднос деньги или подарки, которые становились собственностью молодоженов, в первую очередь для формирования женского имущества. Этот обряд разнесения сыров представлял собой акт признания родства молодой со стороной мужа и помощь новому члену этого семейно-родственного коллектива. Такая материальная помощь новобрачным была обязательным структурным элементом русской свадьбы²⁵⁹.

На второй день свадьбы необходимо было хождение новобрачной за водой к источнику или колодцу. Это было знаком приобщения молодой

²⁵⁶ Азизова Н.Р. Послесвадебная обрядность юртовских татар // Вопросы культурологии, 2009, №9, с. 53–56.

²⁵⁷ Рассел Б. Брак и семья. М., 2004, с. 37.

²⁵⁸ Балашова О.Б. Цит. изд., с. 42.

²⁵⁹ Рабинович М.Г. Свадьба в русском городе в XVI веке / Русский народный свадебный обряд. — М., 1978, с. 25.

к родовым культам мужа. В прошлом такой обряд имел широкое распространение у всех групп русского населения и других славянских народов, а также тех, кто жил рядом — татар, чувашей, удмуртов и т.д.

Заключительный этап свадьбы включал испытания молодой — носить дрова, разжигать печь, мести пол, «сучить лапшу», печь блины и т.д. В конце XIX — начале XX века такие испытания приобрели развлекательный характер.

Для этого заключительного периода свадьбы были характерны ряжения: надевали старые одежды, вывороченные шубы, наряжались монахами, солдатами и т.д. Часто такие переодевания служили «символом брачных отношений, плодovitости и продолжения рода»²⁶⁰.

В последний день свадьбы обязательным было посещение тещи зятем. Здесь теща угощала зятя блинами или яичницей. В зависимости от целомудрия ее дочери жених брал яичницу или ел блин с краю, что свидетельствовало о ее целомудрии, в противном случае он проедал блин в середине или переворачивал яичницу. После этого посуда — тарелка, горшок из-под масла, плошка из-под яичницы — разбивалась о матицу. В случае, если невеста не сохранила до свадьбы целомудрие, посуда о матицу не разбивалась. Заканчивалась свадьба в доме жениха, где подавался специальный «разгонный пирог».

Послесвадебные обряды характеризуются локальными отличиями.

Понятно, что после революции многое из обряда ушло в небытие. Повысилась роль брачащихся при вступлении в брак — не всегда спрашивают согласия родителей. Изменились формы юридического оформления брака. Изменилось календарное распределение браков. Некоторые традиционные элементы свадьбы сохранились до нашего времени, но они не носят целостный комплексный характер.

В XVIII в. у серболужичан невеста и все гости-женщины были одеты в черные платья. Позднее свадебный наряд варьировался в разных областях. В Нижних Лужицах невеста носила светлую рубашку и темную юбку, на талии — черная лента в зеленый горошек, косынка и передник украшены обилием шитья. В головном уборе также использовалось шитье. В руках — длинный до земли платок. В Шайфе — сочетание белого и черного цветов, плиссированная юбка. Справа к переднику прикреплялся белый платок. В Верхнелужицкой свадебной одежде невесты украшения из кружев, на черную юбку надевается широкий белый передник, поверх черной рубашки повязывают специальным образом белую

²⁶⁰ Русский народный свадебный обряд. — Л., Наука, 1978, с. 4.

косынку, украшенную кружевами и вышитую цветами. По талии — широкая лента, завязанная спереди бантом. Костюм невесты почти полностью повторяет костюм дружки, но у него обязательно присутствует красный цвет, у невесты его быть не должно. На голове специальный головной убор — борта, из-под которой видна зеленая лента. Борту изготавливали специальные мастерицы, носить ее могла только девиственница, украшают его зеленой рутой. Борту носили только в Верхней Лужице. В Нижней Лужице головной убор невесты полностью отличается от борты. Невеста носила черный жакет с длинными рукавами.

Соотношение цветов в наряде невесты подтверждает прохождение невестой второй фазы, «переходного состояния», лиминальной стадии. Зеленый цвет характеризует природу, «нетронутые» ландшафты. Красный цвет присутствует только в нарядах состоящих в браке женщин и мужчин, символизируя огонь, жилище, очаг, кровь животных, идущих в пищу. Черное и белое в наряде невесты — основные дохроматические фазы цветообразования, которые задают основной суточный цикл жизни человека.

Жених одет на свадьбе в черный костюм, на пиджаке — букет искусственных цветов, украшенный зелеными лентами, на голове — цилиндр, на правую сторону которого прикреплялся веночек. С веночка свисала зеленая лента. Если веночек упадет — можно сомневаться в девиственности жениха.

Белое платье невесты проникло к серболужицанам к концу XIX — началу XX в. Но относилось это только к девушкам протестантского вероисповедания. Невесты, потерявшие девиственность до свадьбы, венчались без венка, позднее в венке, но не замкнутом. На свадьбе присутствует слонка — женщина, которая заботится о солонках во время праздничного стола. Это нужно для того, чтобы благополучие сопровождало будущему хозяйству.

В Нижних Лужицах обычно мать сопровождала невесту к свадьбе. Но в костел на последнее сиденье в невестиной повозке занимала бабка, которая не покидала повозки вплоть до застолья. Она должна была заботиться о том, чтобы сноп соломы, на котором сидели невеста с женихом, попал на постель молодых.

Мужская часть молодежи была одета сходно с женихом, только в лентах мог быть красный цвет, наряду с зеленым. Веночек крепился на правую сторону цилиндра, как у жениха, а у брашки — слева.

Невеста имела подружек. К тем невестам, которым было не разрешено быть в борте, девушки в подружки не шли. У католиков — по три под-

ружки со стороны жениха и невесты. Одеты они были как невеста, но в венке цветы и бисер красного, синего и желтого цвета В Верхних Лужичах на подружках, как и на невесте — украшение из жемчужин и монет.

Костюм невесты больше похож на костюм замужней женщины — переходом от одежды девушки является борта и нагрудное украшение из жемчуга и монет.

В день свадьбы жених и невеста, каждый в своем доме, должны были проснуться раньше всех; считалось, что тот кто проснется раньше — будет главой в доме (Диссертация — с. 97). В доме невесты подружки наряжали ее, а она должна была сидеть на квашне — кадке с тестом. Уже одетая, она должна была выпрыгнуть из кадки — если ей это не удалось, в будущем должны были быть трудные роды. Мать должна была положить в чулок и туфлю талер, чтобы дочь никогда не терпела нужду. Иногда невеста сама клала в одну туфлю талер, а в другую — по зернышку от всех полевых культур, чтобы хозяйство было счастливым (диссертация, с. 98). В карман клался хлеб и соль, а в туфли — тысячелистник и укроп, что должно было предохранить от колдовства. Иногда и жених клал себе в обувь деньги, перец и соль, чтобы иметь власть в браке. Невеста же для этой цели несла под мышкой ломтик хлеба, который потом она во время пира незаметно крошила в еду своего жениха. По дороге в костел невеста также должна была взять с собой какую-либо часть рукоделия, горсть вареного гороха или чечевицы, краюху хлеба и цедилку для молока, чтобы было счастье и благословение в ее будущем хозяйстве.

Таким образом, эти элементы символизма были «направлением» будущего, как определенная программа на всю жизнь: пространственные, поведенческие, цветовые, погодные и другие факторы не только учитывались, но и сулили удачу или неудачу. Пространственные запреты или пожелания могли касаться как самих участников или неодушевленных элементов обряда. Когда жених и невеста садились в повозку, никто не должен был пройти между ними. Это могло означать их разлуку или скорую смерть одного из них. При выезде из двора повозка не должна была задеть ворота, что свидетельствовало бы о неустойчивости брака. По дороге в костел нельзя было останавливаться, так как это также означало, что кто-то из супругов рано умрет или в молодом хозяйстве все не будет идти живо и споро. В свадебной процессии не должно было быть белого коня, ибо он предвещает смерть. По дороге жених и невеста должны были каждого приветствовать, в противном случае у них родятся немые дети. Если по дороге

в костел шел дождь или гроза — это был знак, что невеста будет часто плакать. А из костела дождь означал благословение и поэтому капли дождя на борте невесты — добрый знак.

У немцев же капли дождя, попавшие на венок — предвестье несчастья в браке.

Кто перед алтарем раньше устанет стоять и переступит ногами — тот раньше умрет. Если букет у жениха разветвлен — значит, у супругов будет много детей. Жених и невеста должны перед алтарем стать очень близко, соприкасаясь друг с другом — тогда их взаимная склонность не охладает за время супружества. Если жениху удавалось, когда они вставали на колени, наступить на платье невесты, то он будет главой в доме. Если же невеста наступит на край его одежды, то она будет руководить в доме. Когда после церковного обряда участники свадьбы обходили вокруг алтаря, невеста должна была уронить несколько яблок, чтобы не остаться бездетной.

В тех случаях, когда свадьба справлялась в доме жениха или специально предназначенном для молодых, прежде, чем гости войдут, пускали черную курицу, чтобы «молодая была хорошей наседкой». В обеих Лужицах, по приезду в дом невеста шла в хлев, где она должна была перевернуть ногой приготовленный кувшин с водой, чтобы ее коровы хорошо доились. Кроме того, она должна была выпить там кувшинчик теплого молока, чтобы коровы всегда давали много молока. Сегодня новобрачных сажают рядом в середину стола — раньше невесту с женихом сажали в почетный угол, где они сидели по обе стороны угла стола. С ними рядом сажали священника и учителя. Перед молодыми ставили по горящей свечке — считалось, что раньше умрет тот, чья свеча скорее догорит. Невесте в самом начале застолья вручали горбушку хлеба, которую она потом прятала в сундук, чтобы он употреблялся как лекарство для своих детей, когда резались зубки и при некоторых других болезнях.

Меню свадебного угощения было разветвленным и многообразным, в нем много обязательных блюд. Особенно важно было подать жаркое с кислой капустой. В немецкой свадебной обрядности капуста считалась символом невесты. Несмотря на то, что перечень блюд варьировался, в него обязательно входили традиционные блюда, чаще всего — гречневая каша с различными соусами. В перерывах между блюдами играли и пели свадебные песни. Молодые во время пира не могли встать из-за стола и должны были как можно меньше есть, а невеста должна была мало говорить, а еще лучше — молчать. В конце застолья

пели песни и читали молитвы. Невеста в некоторых районах должна была пройти по столу или под ним. Перед концом угощения брашка приносил одну тарелку с солью, другую с водой, в них гости бросала свадебные подарки, а чаще деньги для кухарки и посудомойки. Продолжение свадебного празднества еще недавно существовало и во второй день. Еще в середине XIX века свадьба праздновалась до 8 дней.

Придя в новый дом, невеста должна была пустить в ворота дома курицу — если она бежала прямо во двор, то считалось, что молодая останется в доме, если нет — в ее жизни могут случиться перемены. Обычно через неделю после венчания проводилась «молодая свадьба» — к молодоженам приходила молодежь из числа друзей и родственников.

В переходные моменты обряда брашка произносил разнообразные речи.

Жених после благословения в отцовском доме отправлялся с брашкой в дом невесты. У лужичан католического вероисповедания жених и невеста, каждый со своим сопровождением, прибывали к церкви отдельно и только там встречались. Но у католиков отсутствовали такие элементы лютеранской свадьбы, как вход в дом невесты, с обходом три раза невестой жениха, передачи ему палки с цветными лентами и маленького платочка. У немцев развитие свадьбы имело несколько иную последовательность: все гости собирались еще до венчания в одном доме — чаще в доме отца невесты или в трактире, где будет проходить свадебный обед на утренний суп.

Музыка являлась важным компонентом свадебного обряда. Пели с музыкальным сопровождением. По дороге в костел и из него музыканты играли сопровождение, базирующееся на народной лужицкой музыке. Когда жених отправлялся с брашкой в дом невесты, брашка пел песню, после которой три раза стучал в дверь. Долгие переговоры приводили к тому, что отец открывал дверь. Брашка долго ищет невесту, но сначала за нее надо отдать выкуп. Сначала выводили бабку, потом другую девушку, и лишь затем появлялась невеста.

Перед отправлением свадебной процессии перед походом в костел в Нижней Лужице танцевали так называемый «танец невесты», с которой танцевали все мужчины кроме жениха. В немецкой свадебной обрядности в шествии на венчание шла маленькая девочка перед невестой и женихом. В костеле женщины с невестой садятся в его правой стороне. Мужчины с женихом — в левой. Когда жених и невеста становились на колени у алтаря, брашка клал на голову жениха зеленый венок, у невесты такой же венок был на борте. По окончании церковных обрядов брашка менял эти венки местами.

Свадьба представляет собой систему различных функций. Свадьба выполняет юридическую функцию, экономическую, религиозно–магическую, игровую, символическую. Например, Ю.Ю. Сурхаско, исследуя карельскую свадьбу, выделил не только юридическую, экономическую, религиозно–магические функции, но и демонстративно–символическую, развлекательно–игровую²⁶¹. Юридическая, экономическая, религиозно–магические функции элементов свадьбы — являются целевыми в осуществлении свадебного цикла. Так, юридическая функция проявляется в советах родственников жениха и невесты, благословении родителей (это семейный круг), переговоры о приданом, дарах, рукобיתье, признании данного брака обществом (за пределами рода). Экономическая функция представлена дарами и различного рода выкупами со стороны жениха (например, плата матери и или родителям невесты), дары со стороны невесты, приготовление и перевоз приданого.

Личное имущество выходящей замуж женщины в России складывалось из приданого и кладки. «Кладка — материальное обеспечение женихом невесты. Называлась она также *запрос, припросы, проплата, на стол, на стол класть, столовые деньги, вывод, выкуп, калым* и состояла из одних денег, из денег и одежды, из денег, одежды и продуктов»²⁶². Одно из условий брака — выплата женихом кладки, которая состояла из определенного количества денег, обуви, одежды для невесты и продуктов свадебного стола. Кроме того, в личное имущество женщины входило наследство по женской линии, «сыры», свадебные подарки и др. В дальнейшем личное имущество женщины пополнялось из побочных заработков, продажи излишков женского хозяйства — молока, яиц, овощей и т.п. Приданое невесты включало сундук или лыковый короб, икону, верхнюю одежду, обувь, головные уборы. В приданое входили также белье, постель, скатерти, полотенца, полога, холсты, скот.

Говоря о приданом, следует признать, что в нем, помимо доминирующей экономической функции, присутствуют и ряд других. Религиозно–магическая функция присутствует не только во всех элементах обряда, но и непосредственно в самой свадьбе в целом. Поэтому здесь присутствуют продуцирующие, апотропеические функции, а также элементы любовной магии.

²⁶¹ Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). — Л., 1977, 237 с.

²⁶² Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX–XX в. — М.: наука, 1984. — 216 с., с. 20–21.

В серболужицкой свадьбе символика, связанная с продолжением рода почти отсутствует, в отличие от немецкой, где такая символика явно выражена — например, утром в день свадьбы вся деревня, просыпаясь, видела детскую одежду уменьшенного размера на длинных веревках, натянутых между крышами домов²⁶³.

Говоря о серболужичанах, следует отметить, что проведение свадьбы с использованием традиционных вещественных и отчасти вербальных атрибутов более всего заметно в тех районах Верхней Лужицы — Баутцен, Каменц, Хойерсверда, — где большое влияние сохранил католицизм; в то время как большинство серболужичан по своей религиозной принадлежности являются лютеранами.

Е.Г. Кагаров считает, что религиозно–магические элементы свадебной обрядности наиболее полно выражают функциональный смысл всего ритуала. В его работе «Состав и происхождение свадебной обрядности» рассматривается синтагматика типологических структур данных элементов²⁶⁴. Он убедительно показывает, что помимо элементов продуцирующей, апотропеической и любовной магии, религиозно–магическая функция в христианских обрядах наиболее полно представлена в ритуале венчания и многочисленных молитвах и благословениях. Действительно, продуцирующая и любовная магия должны были обеспечить жениху и невесте благополучие в рождении здоровых детей. Следует отметить, что приемы любовной магии преобладали в предсвадебный период, а продуцирующей — во время свадьбы. Апотропеическая магия была необходима для оберегания вступающих в брак не только для благополучия будущего потомства, но это было связано с тем, что жених и невеста, проходя лиминальную стадию, как бы заново рождались — правда, не в физическом смысле, а в социальном и приобретая право дарения новой жизни. Религиозно–магическая функция проявляется в разного рода соединениях, обходах, кормлениях, осыпаниях, стрельбе, шуме, прикасаниях, переодеваниях и т.п. Средствами для этого могли служить хлеб, пироги, зерна различных злаков, огонь, вода, икона, соль, монеты, курица, особые кушанья и т.п.

В данной работе нас в первую очередь интересует семиотико–символическая функция свадьбы. Это в первую очередь разного рода укра-

²⁶³ Бокариус С.Э. Свадебная обрядность серболужичан: этнокультурные аспекты ассимиляции. — Автореферат дис. ... кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 07 — этнография. — СПб., 1993) — рукопись диссертации, с. 131.

²⁶⁴ Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности /Сборник музея Антропологии и Этнографии. 1929, Т. VIII. С. 152–195.

шения, которые необходимы для свадебного ритуала, наряды невесты, жениха и основных участников, украшения свадебной процессии, домов невесты и жениха, само символическое угощение, различные символы целомудрия вступающих в брак.

В славянских крестьянских свадьбах употребляли покупные и домашние косметические средства. Это были румяна и белила. Так, в селениях г. Сольвычегодска белились свинцовыми белилами и румянились сандаловой настойкой до бани, а в бане поддавали пару, чтобы белила и румяна скорее «впарились» в лицо. В Пинеге жених давал деньги на белила.

Одежда невесты резко различалась в досвадебный период и после венца. Это отражало деление русской свадьбы на первую — печальную часть и вторую — веселую. Например, в рязанской губернии невеста надевала «горемычную» поневу с белой холщовой прошвой. После венца она меняла «горемычную» поневу на праздничную. В Калужской губернии невеста отправлялась под венец в «бабской одежде», во всем печальном — не разукрашенную поневу, белую без красной отделки рубаху, белый платок. После свадебного стола она меняла «печальную» одежду на украшенную кумачом, лентами, блестками. В тамбовской губернии невеста ходила в простой поньке и рубашке без кумачовых вставок с черными рукавчиками. Такие рубахи в разных местах назывались убивальница, рукава назывались плакальными, платок назывался ревун. После венца невеста переодевалась. В обувь клали серебряные деньги, чтоб богато жила, за пазуху — кусочек мыльца, рябиновые и яблоневые листья — чтоб не испортили молодую.

Парни до женитьбы ходили в одних длинных рубахах. Платок был важным отличием костюма жениха (его часто дарила ему невеста). Основная одежда жениха на свадьбе шилась невестой. Особое значение отводилось шапке жениха. Одевание жениха, как и невесты, было особым ритуалом, связанным с апотропейными (охранительными) действиями: частая перемена платья в течение свадьбы, одевание одежды наизнанку, надевание к венцу верхней одежды, часто меховой — независимо от времени года, изготовление новой одежды для молодых, сочетание модной одежды с традиционной.

В отличие от русских, в украинской, белорусской свадьбах невесту одевали в досвадебный период нарядно, празднично. Украинская невеста надевала красную юбку, повязывалась рушником, за пазуху клала хлебчик с солью, под хустку — два колоска жита и шла скликать родных и друзей на свадьбу.

Для того, чтобы охранить молодых от порчи, использовались разного рода обереги. Их клали в обувь, в карманы, втыкали в одежду, обвязывали вокруг тела, подпоясывались, носили на шнурке, на шее, клали за пазуху, в рукав и т.д. Амулетами часто становились зубы и когти животных. На севере амулетами считались волчьи и медвежьи зубы, челюсти щуки, коготь с пятого большого пальца рыси. Их носили на шнурке или цепочке. В Онежском уезде щучью челюсть клали над дверью, «чтоб не вошла болезнь»²⁶⁵. В карман невесте клали ножницы, жениху — нож (в Ярославской губ.). Повсеместно оберегом на свадьбе были булавки, иголки без ушей, воткнутые в одежду, в швы. У дверей у порога вбивали скобы и подковы, «чтобы болезнь не входила в дом и оставалась на скобе или подкове». А вот у белорусов брачащиеся, стоя под венцом, не должны были иметь ничего металлического, даже крестов. Широко было распространено использование рыболовной сети как охранительное средство для жениха и невесты, которую опоясывали на нагое тело. В качестве оберега использовали лук и чеснок, которые обычно клали в карманы. Использовали также полынь и мяту, репья, веник, хлеб, соль, которые также имели апотропейную функцию.

Соединяли брачащихся друг с другом через платок (хустку), ширинку, полотенце, полу одежды, ибо касание голой рукой могло сулить бедность. Поэтому понятно, почему в конце XIX— начале XX в. бытовали рубахи с рукавами длиннее рук.

Важное значение приобретал цвет одежды. В досвадебный период преобладали белый и черный цвета: черный шушпан, черный платок, белые рукава рубахи, белая прошва к поневе. Белый цвет символизировал чистоту, невинность, черный — печаль. На свадьбе превалировал красный цвет: красная понева после венца, красная фата, красная юбка невесты, красная шуба и т.д. Красный цвет отражал символику любви, брака, брачной ночи.

Прическа невесты менялась в течение свадьбы не один раз. В девичестве и у русских, и у украинцев, и у белорусов, были косы: у русских одна коса, у украинок — две. Накануне свадьбы расплетали косу, которую она не заплетала до самого венца. Прощание с косой занимало большое место в свадьбе. После этого изменялась прическа и головной убор. Девичьи головные уборы не полностью закрывали волосы, верхушка оставалась открытой. Просватанная девушка уже носила иной головной убор. Особый свадебный венчальный головной убор корона

²⁶⁵ Маслова Г.С. Народная одежда ... Цит. изд., с. 36.

(конура) надевался поверх девичьей повязки. К концу XIX — началу XX века детали, отражавшие возрастные различия девушек, стирались. Девичьи уборы заменялись платками. Важная часть головного убора невесты — покрывало, которое могло не только закрывать лицо невесты, но нередко окутывало ее с головы до ног.

В серболужицком обряде брачная символика выражалась в перемене головного убора невесты на головной убор замужней женщины, совместной еде и питье, различных способов соединения вступающих в брак.

Любопытно, что «в песнях, сопровождающих один из главных переходных актов свадебного обряда — отъезд к венцу, образы диких водоплавающих птиц заменялся домашними; самый яркий фольклорный пример у русских: «Отставала лебедь белая от стада лебединого... приставала ко серым гусям». Символом будущей молодой являлась живая курица, синонимом образов водоплавающих птиц «в свадебном фольклоре обусловлен плавный, органический переход диких птиц в домашние, которые символизируют брачное состояние»²⁶⁶. Она показывает, что «образы домашних птиц — кур, гусей — символизируют молодую после бракосочетания и сохраняются в дальнейшем за категорией женщин семейных, причем в брачной символике на первый план выступают мотивы, связанные с культом плодородия»²⁶⁷. У серболужичан символика такого рода связана с курицей, которая представляет собой символическое тождество этой домашней птицы с семейным статусом невесты. В восточнославянских культурах — богатство птичьих обрядов. Символика этих образов проанализирована Т.А. Бернштам²⁶⁸.

Какой бы элемент свадьбы мы бы ни рассматривали, в свадьбе он наполняется совершенно новым качеством — будь то природные стихии, погода, растения, животные — все они символизируют некую данность, либо прогнозируют будущее, либо с ними что-либо делают. Так, огонь может гаситься и зажигаться, что символизирует в доме благополучие, незамкнутый венок может символизировать вступление в брачные отношения до свадьбы, направление бега курицы перед входом молодой в дом жениха — предсказание на будущую жизнь и т.п.

Свадьба состоит из основных этапов, характерных для многих народностей. Это, как правило, сватовство, помолвка, свадебное торжество и затем «молодая свадьба». Конечно, в современную эпоху

²⁶⁶ Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография, 1982, № 1, с. 25.

²⁶⁷ Там же, с. 24.

²⁶⁸ Там же, с. 22–34.

многие элементы свадьбы исчезают и группируются непосредственно в свадебном торжестве.

Свадьба обладает внутренней и внешней формой. Категория внутренней формы была впервые введена Гегелем, который разделил форму явлений на внешнюю, т.е. собственно форму, и внутреннюю, которая представляла в его интерпретации собственно форму. Внутренняя же форма понималась им как закон явлений. Эти понятия формы были развиты А.А. Потебней, занимавшемся, в первую очередь, проблемами лингвистики. Особенно приложимы его положения по отношению к произведениям искусства²⁶⁹. Он писал: «... в поэтическом, следовательно, вообще в художественном произведении есть те же самые стихии, что и в слове: содержание (или идея), соответствующее чувственному образу; внутренняя форма, образ, который указывает на это содержание, соответствующее представлению, и, наконец, внешняя форма, в которой объективируется художественный образ»²⁷⁰.

В серболужицкой обрядности, например, внутренняя форма представляется определенным кодом — например, невеста должна пить молоко, ее сажают на тесто или в квашню, на колени ей сажают детей — все это делается для усиления природных функций женщины, чтобы у нее рождались здоровые дети.

Содержательный пласт также пронизан семиотическими элементами, но они выражаются лишь во внутреннем и внешнем слоях формы. Во внешнем слое формы отличается меньшей устойчивостью.

В серболужицкой свадьбе отразились ассимиляционные процессы довольно ярко, так как на них воздействовало тысячелетнее иноэтничное окружение немцев. В итоге в свадьбе лужичан были включены или заменены части элементов обрядности, которые функционировали в свадьбе немцев, а у лужичан отсутствовали. Так, возник обмен кольцами вместо веночков во время венчания, появился польтерабенд вместо отдельных вечеринок или отдельные вечеринки дополняли его, появилась девочка с корзинкой и цветами впереди идущих на венчание жениха и невесты, возникло троекратное оглашение о помолвке в церкви, поход на кладбище после венчания.

А внутренняя форма изменяется в зависимости от сложности кода — чем выше сложность наполнения кода, тем элемент, выражаемый этим кодом, менее подвержен трансформации. Семантические значимые

²⁶⁹ Махлина С.Т. Словарь по семиотике культуры. — СПб., 2009, с. 584–585.

²⁷⁰ Потебня А.А. Мысль и язык. Полное собр. соч.: в 4 т. — М., 1926. Т.1, с. 112.

элементы, магический слой обрядности даже там, где не сохранилась традиционная свадьба, не утратили своей этнической специфики. Но из всех обрядов свадьба обладает гораздо большей проницаемостью для иноязычных влияний, так как в основе ее — диалогическая природа.

У лужичан композиция свадьбы, несмотря на различия в некоторых компонентах и последовательности отдельных действий едина, особенно в XIX — начале XX века, что сохранилось во многом и в современную эпоху. Правда, наиболее традиционными элементами характеризуется современная свадьба в католических приходах в Верхних Лужицах — в районах Баутцена, Каменца, Хойерсверды. В Нижней Лужице наиболее полно сохраняются элементы традиционной свадьбы в Шпреевальде.

Свадьба начинается с момента сватовства. Статус просватанных юноши и девушки менялся.

В серболужицкой свадьбе молодые люди, которых просватали, уже именуются «slubenc» и «slubeca». Теперь изменяются правила поведения и цветовые детали одежды. С этого момента в одежде девушки не должен был присутствовать красный цвет.

Следующий этап — снова повышающий статус молодых, — церковное оглашение, во время которого жених называется «*cesny mlody holc*», а невеста — «*cesna mloda holca*» или «*knezna*». Величание жениха и невесты князем и княгиней отнюдь не случайно. А.К. Байбурин и Г.А. Левинтон связывают такое величание с социальным переходом в свадьбе. Они полагают, что «... смысл этого величания в перекодировании возрастного перехода: высший в возрастной иерархии обозначается термином, называющим высшего в государственной иерархии, т.е. устанавливаются отношения эквивалентности между возрастным и «государственным» кодами. Это стоит в связи с самой сущностью оппозиции «старший — младший», которая выступает в двух вариантах: возрастном и социальном (т.е. связанным с не-возрастной иерархией в социальной структуре)²⁷¹.

В день свершения свадебного ритуала у серболужичан невесту и жениха называют соответственно — «*njevesta*» и «*novozenja*», что также отражает переход в новый статус.

Прохождение «лиминальной» стадии во время совершения свадебного ритуала в серболужицкой свадьбе подчеркивается пассивностью

---

²⁷¹ Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Тезисы к проблеме «волшебная сказка и свадьба». *Quinguagenario*. Сб. Статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю.М. Лотмана — Тарту, 1972, с. 67–85.

жениха и невесты, что отражено в речах брашки о невозможности самостоятельных действий с их стороны. Довольно отчетливо видна связь многочисленных элементов свадьбы с похоронами, также переходе, пути из одного статуса в другой, ибо похороны — это переход через смерть к воскресению в потусторонней жизни. Надо заметить, что в русской традиции для невесты эти мотивы во многих элементах обряда весьма актуальны.

У серболужичан символика «смерти» девушки и «рождения» женщины проявляется в знаковости многих элементов: невеста брала с собой из родного дома в костел часть своего рукоделия, горсть гороха или чечевицы, краюшку хлеба, цедилку для молока, которые должны были помочь «войти» в новый мир, обрета новый статус замужней женщины.

XX век в значительной мере упростил свадебную обрядность, но некоторые ее закономерности остаются сегодня во всем мире. Так, в Израиле под давлением ортодоксов вынуждены были отказаться от института гражданского брака. «Согласно разделам 1 и 2 закона о юрисдикции раввинистских судов (вопросы бракосочетания и развода) 1953 г. под действием ортодоксальных правил подпадают даже светские союзы»²⁷².

---

²⁷² Джонсон Пол. История евреев. — М.: «Вече», 2007. — 400с., с. 447.

Семиотика скандала в культуре Востока и Запада

(Опубликовано в соавторстве с С.Э. Бокариус: Современная культурология: научная школа профессора Л.М. Мосоловой
Учебное пособие для магистрантов и аспирантов. —
СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. — 499с., с .304–316)

Кто из нас, хотя бы раз в жизни, не был участником скандала, или, на худой конец, не был свидетелем скандала? Показателен рассказ одной женщины. Подавая ужин мужу, она что-то сказала, что-то столь незначительное, что это тут же испарилось из памяти. Но у мужа сказанное вызвало столь бурную реакцию, что он так ударил по столу кулаком, что макароны, находившиеся в тарелке, стремительно взметнулись вверх и прилипли к потолку. Нервно жестикулируя и бегая в ярости вокруг стола, он орал, а макароны сыпались на его голову. Картинка оказалась смешной и ужасной. В итоге выяснилось, что у него на стороне появилась возлюбленная, к которой он вскоре и ушел, оставив свою жену после 20 лет совместной жизни и бросив двух родных дочерей 19 и 16 лет. Как понятно из описанного, скандал стал знаком чего-то совсем иного, что, на первый взгляд, его вызвало. Вадим Петрович Руднев очень точно объясняет: «то, что должно быть скрыто, было вынесено ... наружу». Как правило, в скандале «тайное становится явным, скрытое, подавленное, раскрывается». И самыми яркими проявлениями скандала становятся «любовь, страсть, секс...»²⁷³. Руднев убедительно показывает, что «в скандале происходит вторичная семиотизация (в частности, символизация или индексализация) вещей»²⁷⁴. Скандал, который устроил муж, был связан с его чувством вины, которую как-то нужно было загладить в собственном внутреннем душевном состоянии. Как правило, «...с психологической точки зрения феномен скандала в принципе носит защитный характер»²⁷⁵. Таким образом,

²⁷³ Руднев В. Метафизика скандала // Семиотика скандала. Сборник статей. — М.: Изд-во «Европа», 2008. — 584 с., с. 40.

²⁷⁴ Там же, с. 33.

²⁷⁵ Там же.

«скандал акцентирует, искажает рутинную бытовую, нормальную семиотичность...»²⁷⁶.

К знаковым особенностям скандала можно отнести «эксцентрическую речь, жестикуляцию, поведение и костюм, т.е. скандал редуцирует вербальное в пользу возрастающей визуальности. Все это превращает скандал в настоящее зрелище и сообщает ему свойства театральности»²⁷⁷.

В словаре В.И. Даля скандал описывается так: «срам, стыд, позор; соблазн, поношение, непристойный случай, поступок». Мария Виролайнен видит в этом определении скандала то, что он — «дальний родственник высокого архаического дионисова действия, младший брат вакханалий, их отдаленный потомок, утративший первоначальную мощь и сакральную природу, но все же сохранивший некоторые фамильные черты»²⁷⁸.

«Скандал традиционно связывается с сакральным. Произошло слово скандал из теологического употребления, обыгрывавшего древний греческий смысл слова скандалон, обозначающее западню, устроенную на тропе, но так же обозначает камень преткновения. Греческое слово скандалон в основе имеет протоиндоевропейское *skand* — прыгать. В санскрите помимо основного значения прыгать имеется также такой смысл, как «изливать», «бить струей», вот почему Сканды — предводители воинства богов, борющихся с демонами, родившийся от семени Шивы, излившемуся благодаря обману»²⁷⁹. Впервые слово скандалон встречается в греческом переводе Ветхого Завета — Септуагинте, передавая точно древнееврейское слово, обозначающее препятствие. Как указывает Михаил Евзлин, в Септуагинте скандалон встречается 13 раз и передает 6 еврейских слов, имеющих значение препятствия, ловушки, потрясения, глупости, а также позора и срама. Кроме того, в Книге пророка Осии это слово во множественном числе обозначается разного рода мерзости: поклонение идолам, пьянство, блуд, бесстыдство. «В этом перечислении даны все основные компоненты скандала как в религиозном, так и моральном смысле»²⁸⁰. Но для всех этих значений характерно подчеркивание момента внезапности, неожиданности, неправильность, которая останавливает правильное непрерывное дви-

²⁷⁶ Там же, с. 32.

²⁷⁷ Букс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 11.

²⁷⁸ Виролайнен М. Хоровое начало, принцип множественности и пафос соборности как основания «скандалных» сюжетов // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 44.

²⁷⁹ Топоров В.Н. Сканды // Мифы народов мира. Т. 2, М, 1988, с. 444–445.

²⁸⁰ Евзлин М. Обман и скандал в мифе о Прометее // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 69..

жение. Даже разговорное — скандалить обозначает публично шуметь, ссориться. Зачастую поведение художников воспринимается как скандальное, но важно также и скандальное проявление в их творчестве — в форме, стиле, теме.

Макс Фасмер характеризует слово «скандал» через немецкое *Skandal* или французское *scandale*²⁸¹. Церковно-славянское значение слова «скандал» — «соблазн, искушение». Древнерусское, старославянское слово «сканьдаль» — ловушка, сеть, соблазн». Лингвистическая реконструкция греческого слова «skandalon» буквально означает: «крючок в западне, к которому прикрепляется приманка»²⁸². Такое значение функционировало в библейских текстах с переносным (по терминологии Михаила Одесского) — «вертикальным» значением. Но, начиная с XVIII века, через студенческую латынь слово скандал попало в европейские языки, приобретя «горизонтальный» современный смысл²⁸³. Так Михаил Одесский объясняет, что «концепт "скандал" в социальной модели выражался словом "скандал", а в мистериальной модели — при установке на встречу "скандалящего" с метафизической реальностью — скорее словом "соблазн"»²⁸⁴. Но это не два типа скандала, но один, «на который смотрят под разными углами зрения»²⁸⁵.

В словаре С.И. Ожегова скандал определяется следующим образом: «1. Случай, происшествие, позорящее его участников; 2. Происшествие, ссора, нарушающие порядок (руганью, дракой и т.д.)». Игорь Сухих различает в скандале некоторое событие бытия — случай, происшествие, ядром которого становится ссора — по его представлению — недоразвитый скандал²⁸⁶.

Понятно, что бытовой скандал — это нечто иное, нежели скандал в культуре. Но быт — основа бытия. «Созидаемый нами быт побуждает, по Юму, к ложным умозаключениям по аналогии, но вместе с тем являет собой исполненный значимости материал, от которого не вправе отвлекаться философствование... Бытие диалектически проникает собой быт». Именно скандалы являются примером сочленения бытия и быта²⁸⁷.

²⁸¹ Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. — М., Прогресс, 1987. Т. III, с. 632.

²⁸² Там же.

²⁸³ Одесский М. Концепт «скандал»/«соблазн» в русской культуре // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 105.

²⁸⁴ Там же, с. 106.

²⁸⁵ Там же, с. 107.

²⁸⁶ Сухих И. Два скандала: Достоевский и Чехов // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 254.

²⁸⁷ Смирнов И. Изнанка чуда // Семиотика скандала... Цит. изд.. С. 21–22.

Возникли скандалы на заре развития человечества. Так, в Эпосе о Гильгамеше Гильгамеш и Энкиду убивают быка не в соответствии с ритуалом²⁸⁸. К тому же, отказ Гильгамеша соединиться с богиней Иштар вызывает ярость богини плодородия, скандал. Вместо Гильгамеша умирает Энкиду, знаменуя собой смертное состояние человечества²⁸⁹. Многие считают, что первый скандал в истории человечества связан с первой женщиной Лилит, с которой Адам стал немедленно ссориться. Следующий скандал — изгнание Адама и Евы из Эдема. Таким ранним описанием скандала может быть осмыслено похищение огня Прометеем. Очень нетрадиционное прочтение этого мифа дает М. Евзлин. Прометей, желая оправдать обман богов и пытаясь представить себя, тайного слугителя демонов, как «благодетеля человечества», «героя», злостно обманул богов. «Этим же самым способом подмены и клеветы пользуются современные потомки Прометея. Они, устроившие невиданные в истории бойни, оказываются благодетелями человечества, а люди, остановившие это страшное кровопролитие, объявляются его злейшими врагами»²⁹⁰.

Как бы то ни было, мифы описывают разного рода скандалы. «Под углом зрения мифа скандал случается из-за прорыва бытийного в инобытийное (вкусение Адамом и Евой запретных плодов с древа познания) или в обратной направленности (передача Прометеем божественного огня людям). Первоскандалы... тесно граничат с чудом»... а через них в «быте вскрывается бытие»²⁹¹. И. Смирнов подчеркивает: «Скандал, знаменующий собой вторжение бытия в застывший быт, а не черпающий свое содержание из потустороннего мира, противостоит чуду и профанирует магию.»²⁹². Это понимание скандала как только оформление бытийного поддерживает и А.М. Пятигорский, который считал, что «...для не-философа скандал — это способ выразить себя философски, то есть предельно»²⁹³. Однако это не совсем так — скандал может быть как на бытовом уровне (что мы видим довольно часто), так и вырастать в бытийное начало, соперничая с карнавалом, сопутствуя чудотворению. «Домашний скандал, актуальный для сюжетов Толстого

²⁸⁸ См.: Евзлин М. Обман и скандал в мифе о Прометее // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 75.

²⁸⁹ Токарев С.А. Смерть // Мифы народов мира. — М., Сов. Энциклопедия, 1992.

²⁹⁰ Евзлин М. Обман и скандал в мифе о Прометее // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 80.

²⁹¹ Смирнов И. Изнанка чуда // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 23.

²⁹² Там же, с. 24.

²⁹³ Новое литературное обозрение, 1966, № 21, с. 330–332.

и Достоевского, уже у них перерастает рамки частной семейно истории. У Белого скандал возвращается к космическим масштабам древнего дионисийства»²⁹⁴. Не случайно В. Руднев считает, что «скандальное родственно карнавальному в бахтинском понимании этого слова»²⁹⁵. Как бы то ни было, скандал — нечто, присущее только человеку. «Скандал неизменно сопутствует человеческому социуму, он один из феноменов, фактически разделяющих людей и животный мир»²⁹⁶.

Различные скандалы характерны для традиционной культуры как в бытовой форме, так и в обрядовой. Знаковые формы скандала в народной среде — драки, побои, словесные инвективы, разного рода магические средства. Однако Александр Гура считает, что понятие скандала неприменимо «к традиционной культуре, в которой все предопределено заранее и регламентировано целой системой предписаний и запретов. Применительно к народной традиции можно говорить лишь о различных типах конфликтного взаимодействия, которые в значительной своей степени ритуализованы и наполнены символическим смыслом. Скандал, скандальное поведение — явление другой культурной парадигмы, в которой важное значение имеет психологическое моделирование конфликта... В культурно-коммуникативном отношении конфликтные ситуации служат одним из регулирующих механизмов функционирования культуры в целом, средством поддержания и регуляции ее жизнедеятельности»²⁹⁷.

Роджерс Вилкс написал историю скандалов в течение 300 лет, проанализировав их взаимовлияние, взаимообмен и типологию²⁹⁸. Майрик Лэнд в книге «Искусство литературного скандала»²⁹⁹ показал, что в большинстве случаев скандалы вызваны определенными причинами.

Так, важной причиной литературных скандалов является зависть. Например, Уильям Мейклис Теккерей с трудом переносил популярность Диккенса, в отличие от Теккерей, влачившего нищенское существование, получавшего огромные гонорары, из-за чего их взаимное неприятие стало неизбежным и приводило к многочисленным скандалам.

²⁹⁴ Виролайнен М. Цит. изд., с. 54.

²⁹⁵ Руднев В. Метафизика скандала. Цит. изд., с. 32.

²⁹⁶ Букс Нора. Скандал как механизм... Цит. изд., с. 12.

²⁹⁷ Гура А. О конфликтных ситуациях в традиционной крестьянской культуре // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 98.

²⁹⁸ Wilkes Roger. Scandal: a scurrilous history of gossip: (1700–2000). London: Atlantic, 2002.

²⁹⁹ Land Myrick. The Fine Art of Literary Mayhem. Lexicons. San Francisco, 1983.

Скандалы могут быть вызваны ревностью. Например, творчество Бернарда Девото получало лишь отрицательные рецензии. В отместку он стал поучать как писать романы тех писателей, которые получили популярность среди читателей и критиков — Эрнеста Хемингуэя, Джона Дос Пассоса, Уильяма Фолкнера, Томаса Вулфа, Синклера Льюиса.

Источником скандала может стать гордость. Так, Хемингуэй в своих первых публикациях получил поддержку многих известных, в том числе и в мировом масштабе, писателей. Но он решил доказать, что всего достиг в одиночку и публично отрекся от тех, кто провозгласил его гением.

Источником скандала может стать также личный антагонизм. Такое неприятие друг друга было характерно для Д.Г. Лоуренса и Д.М. Марри, ссоры между которыми длились 17 лет до самой смерти.

Кроме того, скандал может возникнуть из-за противостояния художника и власть предержащих. До сих пор памятен скандал, произошедший 7 марта 1963 года на встрече руководства КПСС с представителями творческой интеллигенции, когда Н.С. Хрущев орал на Андрея Вознесенского из-за того, что Вознесенский признался, что он не член партии. Хрущев же, брызгая слюной, обвинил поэта чуть ли не в государственной измене.

Серьезные литературные разногласия — основа многих скандалов. Так, Генри Джеймс считал Г.Дж. Уэллса своим перспективным учеником после его первых опытов. Но вскоре Уэллс стал отдавать в печать неотработанные, наспех написанные рукописи, что, безусловно, вызвало гнев Джеймса. Молодой Уэллс отвечал дерзкими насмешками.

Описанию литературных скандалов посвящено множество исследований. Например, изучению подоплеки разных явлений литературной жизни посвящена книга О.А. Проскурина «Литературные скандалы пушкинской поры»³⁰⁰. Скандал — сюжетная основа многих литературных произведений: скандал в «Борисе Годунове» Пушкина, скандал в «Ревизоре» Гоголя, скандал в «Герое нашего времени» Лермонтова. Скандально поведение Наташи Ростовской, чуть не сбежавшей с Куракиным, Анны Карениной Л.Н. Толстого. Но наиболее знаменитые скандалы характерны для романов Ф. Достоевского. Анализу скандала в творчестве Достоевского посвящены многие работы³⁰¹. Столь же мно-

³⁰⁰ Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской поры. — М., 2000.

³⁰¹ См., например, статьи: Тороп Пеетер. Достоевский, Бахтин и семиотика скандала // Семиотика скандала. Цит. изд., с. 185–208; Сегал Д., Сегал–Рудник Н. Типологические заметки к теме скандала у Достоевского // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 209–226;

гочисленны скандалы в творчестве и жизни представителей Серебряного века. Скандальна история отношений Людмилы и Саши в «Мелком бесе» Ф. Сологуба, скандален сюжет в «Петербурге» Андрея Белого. Установка на скандал была свойственна многим проявлениям литературной жизни первых десятилетий XX века³⁰².

Следует иметь в виду, что скандал в литературном произведении отличается от скандала в жизни художника, хотя они и взаимосвязаны³⁰³. Скандальное поведение было характерно, например, для Радищева³⁰⁴. Однако автор статьи о скандальности поведения Радищева не во всем оказывается убедительным, делая вывод о том, «он (Радищев — С.М.) сумел поставить скандальность своей натуры на службу своему произведению, обеспечивая тому славу — богатую, потому как неоднозначную»³⁰⁵. Так, очень много автор уделяет внимание сексуальному насилию, которое, по мнению автора, «выдает нездоровое влечение» Радищева³⁰⁶, «сексуальная распущенность, упомянутая со скрытым и нездоровым удовольствием»³⁰⁷. Радищев обвиняется также в инцесте, но на самом деле связь его с сестрой жены отнюдь не является инцестом. «Сделав из невестки любовницу, Радищев символическим образом разбивает табу, сокращая амплитуду экзогамии, свойственной той общественной группе, которой он принадлежал. Совершив это, он, по всей вероятности, реализовал тайное желание, подразумевавшееся в его главном литературном произведении, «Путешествие из Петербурга в Москву», действительно содержит картины, которые выявляют его навязчивую идею инцеста»³⁰⁸.

Здесь мы сталкиваемся с тем, что в зависимости от времени, социальной группы одни и те же формы поведения могут быть восприняты как скандальные и наоборот, не имеющие никакого отношения к скандалу.

Фаустов А. Об источниках и составных частях скандала у Ф.М. Достоевского: «Дядюшкин сон» и др. // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 227–239; Кантор В. Скандал как *ultima ratio* героев Достоевского // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 240–253; Сухих И. Два скандала: Достоевский и Чехов // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 254–259.

³⁰² Аверин Б. Скандальный успех. Анатолий Мариенгоф и Мишка Титичкин // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 406–415; Кобринский А. Обэриуты: между эстетическим вызовом и скандалом // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 416–427 и др.

³⁰³ См., например, статью Нике Мишель. Скандал как горение (Есенин–скандалист) // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 397–401.

³⁰⁴ См. об этом подробно в статье Родольфа Бодэна «Семиотика скандала в жизни и творчестве Радищева» // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 156–178.

³⁰⁵ Бодэн Родольф. Семиотика скандала... Цит. изд., 176.

³⁰⁶ Там же, с. 163.

³⁰⁷ Там же, с. 165.

³⁰⁸ Там же, с. 172.

Непосредственное введение скандала в реальной жизни в ткань художественного произведения достаточно ярко характеризует творчество Антона Сорокина (1884–1928)³⁰⁹. Любопытно, что даже после смерти поэта могут возникать связанные с его именем скандалы³¹⁰. Весьма любопытно, что Егор Лигачев, один из ортодоксов советской власти, собирал стихи Гумилева и пропустил в печать его стихи. Тот же Егор Лигачев сыграл положительную роль в становлении творчества художника–новатора Владимира Цывина. Очень важно иметь в виду, что часто скандал может возникнуть не только из–за публичного столкновения разных литературных партий или отдельных писателей, но и «скрытая форма литературного противоборства — замалчивание художественного явления, не вписывающегося в преобладающую литературную парадигму эпохи»³¹¹.

Однако скандал характерен не только для литературной среды, но занимает более широкое пространство в культуре³¹². В 1789 году во Франции разразился скандал, когда обнаружилась кража ожерелья, якобы купленного от имени королевы. Этот скандал стал преддверием к революции 1789 года «Скандал здесь имеет функцию знака, делая явным то, что ранее было скрыто»³¹³. Мария Виролайнен показывает, «что в русском театре скандал проложил себе путь на сцену именно тогда, когда началась борьба с рампой и были предприняты попытки восстановления хорового начала. Именно тогда были созданы две великие немые сцены — одна трагическая, другая комическая, и обе, несомненно, имели скандальный характер. Речь, разумеется, идет о финалах «Бориса Годунова» и «Ревизора»³¹⁴.

В наше время скандалы довольно часто устраивают журналисты. Как правило, скандальная статья придает вес написавшему ее. Так, Елена Клепикова пишет о самых ярких «телезвездах» американского телевидения — Майке Уоллесе и Барбаре Уолтерс: «С тех пор Майк Уоллес вывел на чистую воду — путем наводящих вопросов — тьму казно-

³⁰⁹ См. публикацию: Лоцилов И., Раппопорт А. Омский писатель и скандалист Антон Сорокин: «Это не литература, это вне литературы. Тем хуже для нее...» // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 428–504.

³¹⁰ Тименчик Р. Николай Гумилев: посмертные скандалы // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 368–385.

³¹¹ Журавлева А. Скандал по умолчанию. Конфликтность русской литературы: тенденциозная лирика и объективный роман // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 505.

³¹² См. об этом: Почепцов Г. Теория скандала. — М., 2007.

³¹³ Евзлин М. Обман и скандал в мифе о Прометее // Семиотика скандала, с. 76.

³¹⁴ Виролайнен М. Цит. изд., с. 45.

крадов, просто воров, взяточников и вообще людей, пренебрегающих так или иначе законов. ... Это когда из двух–трех умело направленных интервью возникает четкий психологический портрет собеседника. То, что Барбара Уолтерс называет «вытрясти скандал из человека»³¹⁵. Довольно часто в среде художников возникают скандалы³¹⁶. Здесь можно выделить несколько типов скандалов: скандал, связанный с условиями жизни творца; скандал, связанный с его произведениями; и скандал, вызванный по каким–либо причинам наследием художника. Нередко творчество художника вызывает скандал. Вспомним хотя бы скандалы, связанные с творчеством импрессионистов («Салон отверженных»), скандалы, которые организовывал Сальвадор Дали, выставки нон–конформистов в советское время. Этот ряд можно продолжать и продолжать. Часто такой скандал может стать источником оглушительного успеха. Во всяком случае, такой скандал вызывает интерес публики, впрочем, как и скандал в жизни художника, к чему нередко прибегают звезды шоу–бизнеса и которые широко распространены в актерской среде. Морис Бежар писал: «Я вовсе не сторонник скандала во что бы то ни стало, за которым слишком часто скрывается отсутствие изобретательности, но я не прочь шокировать зрителя: во всяком случае, это его пробуждает! Если зрители шокированы, значит, они смотрели»³¹⁷. После смерти нередко возникают скандалы, связанные с подделкой произведений известных авторов. Один из последних скандалов — подделка произведений Эндрю Уорхола, созданный через три года после его смерти³¹⁸.

Итак, скандал может быть в различной профессиональной среде, но чаще всего — в художественной.

Не может это явление миновать и ученых. Татьяна Владимировна Артемьева подробно описывает скандалы в петербургской академии XVIII века³¹⁹. Особенно ярко проявил себя по части скандалов в Академии М. Ломоносов. Татьяна Артемьева во многом приписывает это тому, что «характер его был чрезвычайно тяжел»³²⁰. Но она же пишет,

³¹⁵ Клепикова Е. Отсрочка казни. — М.: РИПОЛ классик, 2008. — 720с.. с. 279.

³¹⁶ См., например, статью: Ичин К. Искусство вторгается в жизнь со скандалом: неопрimitивизм Ларионова // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 386–394.

³¹⁷ Бежар М. Мгновения в жизни другого. Мемуары. — М., В/О Союзтеатр, СТД СССР, 1989, 239 с., с. 150.

³¹⁸ Kinsella Eileen. The Brillo–Box scandal // ART news — Warhol Inc. The Brand, the Market, and the Brillo–Box Scandal, 2009, november, p. 94–99.

³¹⁹ Артемьева Т. Скандалы в Academia // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 115–125.

³²⁰ Там же, с. 120.

«что Ломоносов болел за дело своей жизни»³²¹. Обида, несправедливость во многом провоцировали не только его, но и другие многочисленные скандалы, возникавшие из-за того, что: «Конфликт между реалиями бюрократической статусности, попытка оградить внутреннюю свободу творчества замедляла формирование академического этоса и искажала его нормы»³²². Артемьева пишет довольно мягко и интеллигентно об этом, хотя и сегодня скандалы в научной среде не всегда соответствуют высоким моральным нормам и довольно часто за ними стоят отнюдь не академические причины.

Разный подход к предмету анализа порождает восприятие того или иного проявления в общественной жизни как скандал. Так, часто возникают скандальные отношения между историками и теоретиками искусства и художниками, которые считают их не умеющими создать художественное произведение, а потому часто совсем не понимают закономерностей творчества. В том иногда есть доля правды, но часто это несправедливо.

Об особенностях подхода, порождающего скандалы на примере критики и академической науки XIX века пишет Галина Зыкова³²³.

Для отечественной аудитории, русского общества характерно постоянное стремление к восприятию скандала. О постоянном запросе на скандал писал еще Н.С. Лесков в очерке «Русские общественные заметки» (1869). Елена Пенская убедительно показывает, как по-разному относились к фигуре поэта у нас и в Англии³²⁴. Но особенно ярко характерны скандалы для постсоветского периода. В интересной статье Сергея Чуприна показано, как жертвами скандала становятся наиболее знаменитые деятели с утвердившимися репутациями — такие, как Юрий Бондарев, Тимур Пулатов, Анатолий Приставкин, Владимир Богомолов, Александр Солженицын, Виктор Астафьев и др.³²⁵. «Одно из наиболее страшных обвинений — подозрения в антисемитизме и вообще в ксенофобии, а нет, наверное, надобности напоминать, что эти подозрения по своей тяжести и по своим репутационным последствиям сопоставим только

³²¹ Там же.

³²² Там же, с. 125.

³²³ Зыкова Г. Критика и академическая наука в XIX веке как противоположные способы интерпретации литературы // Семиотика скандала. с. 179–182.

³²⁴ Пенская Е. «Журнальное безобразие»: анатомия скандала в литературно-публицистических интерпретациях 1850–1860-х годов // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 517–536.

³²⁵ Чупринин С. Покушение на репутацию // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 555–569.

с характерными для советской эпохи обвинениями в соотрудничестве с органами госбезопасности»³²⁶.

Сегодня Интернет дает обильную пищу для скандалов и широко их анонсирует в сетевых скандалах, в войне блоггеров, нередко массовый успех создается именно телевидением, куда сегодня прорваться достаточно сложно без денег или связей. Но можно попасть и путем скандала. В наше время скандал «становится «брендом», товаром, необходимой экономической стратегией продвижения продукта на рынок»³²⁷.

Скандал всегда — знак каких-то важных для людей коллизий. «Внешняя спонтанность скандала никак не соотносится с его сутью. Скандал структурен, и всегда семиотически организован, и представляет собой некий осколок одной системы, который врезается в другую. Главная его цель — разрушение или хотя бы нарушение принятых в обществе норм или функционирующих ритуалов, что позволяет определить скандал как антиритуал»³²⁸.

Проистекает это от того, что в жизни каждый человек ищет подтверждения своей значимости и положительной оценки в глазах других. Он постоянно хочет убедить себя в своей привлекательности для окружающих, будь то родные и близкие, или совсем незнакомые люди. Причем, по-разному это проявляется в отношении родственников — и по отношению к тем, кто его окружает. Т.е., стремление отразиться в окружающих может быть по отношению к вертикали — к родителям или детям. Или по горизонтали — к современникам. Не случайно скандал описывается с помощью зеркал. Например, М. Виролайнен пишет о том, скандал в «Борисе Годунове» — «множественная система зеркал, в которых отражаются все поступки центральных действующих лиц»³²⁹, а в эпиграфе ко второй редакции «Ревизора» Гоголь «прямо указал зрителям, что глядя на сцену, они смотрятся в зеркало»³³⁰. Далее она показывает, «Хорошо известное качество романного мира Достоевского — взаимоналожение и взаимоотражение друг в друге его персонажей — должно быть поставлено в связь с ситуацией скандала...»³³¹. ...И скандал возникает, когда ожидаемое восприятие не соответствует желаемому. При этом скандал может быть как в семейной сфере, так

³²⁶ Чупринин Сергей. Цит. изд., с. 561.

³²⁷ Пенская Е. Скандал — междисциплинарный хэппенинг // Семиотика скандала..., с. 16.

³²⁸ Букс Н. Скандал как механизм культуры... Цит. изд., с. 9

³²⁹ Виролайнен М. Хоровое начало..., с. 46.

³³⁰ Там же, с. 47.

³³¹ Там же, с. 50.

и за ее пределами, выходя за узкие рамки и становясь важным знаком культуры. Люди стремятся оберегать свою репутацию, так как она — зеркало человека в общественном мнении: репутация — вещь более реальная, чем человек...»³³². Юрий Михайлович Лотман в своей последней книге «Культура и взрыв» показал, что развитие культуры обусловлено ее отношением к окружающей реальности. Эта внешняя реальность имеет свою систему языка. А культура, погруженная в нее, обладает собственной языковой системой. При столкновении этих двух языков происходит взрыв, зачастую именно в виде скандала. Как пишет Нора Букс, скандал предстает «как некая пауза в культурном процессе, обусловленная попыткой взрыва утвердившихся норм»³³³.

Для скандала характерны узкие темпоральные рамки, он, как правило, непродолжителен. «Время скандала — только настоящее. Драматизм скандала прямо пропорционален охвату аудитории и обратно пропорционален продолжительности во времени»³³⁴.

Многие предполагают, что для скандала необходима зрелищность. «Покушение на Линкольна и Столыпина были совершены в театре»³³⁵. На самом деле очень часто бытовой скандал отнюдь не предполагает участия зрителей. Однако для скандала характерно «нечто умышленное, сознательное, во всяком случае, если речь идет о бытовом скандале, а не о культурном скандале. Его участники сознают, что скандалят»³³⁶. С семиотической точки зрения скандал «представляет собой целостную языковую игру»³³⁷, которая предстает как нарушение нормы.

Скандал сродни террористическому акту. Ломая ценностные структуры сознания, он делает гнусность и непотребство дозволенными. «Разумеется, к террору прибегают лишь в ответ на нестерпимое поведение адресата, причем объектом (жертвой) могут стать как сами адресаты, так и третьи лица...»³³⁸. Виктор Топоров показывает, что зачастую литературная критика — «поле перманентного скандала. И перманентного террора»³³⁹. Более того, Виктор Топоров сравнивает литературную критику с рэкетом — явлением, сегодня широко распространенном³⁴⁰.

³³² Кустарев А. Репутация как живое существо. «Дружба народов», 1995, № 4.

³³³ Букс Н. Скандал как механизм культуры..., с. 7.

³³⁴ Там же, с. 12.

³³⁵ Смирнов И. Цит. изд., с. 23.

³³⁶ Руднев В. Метафизика скандала ..., с. 30.

³³⁷ Там же, с. 36.

³³⁸ Топоров В. Литературная «Аль-Каида» // Семиотика скандала... Цит. изд., с. 571.

³³⁹ Там же, с. 573.

³⁴⁰ Там же.

Семиотика тюрьмы

(Опубликовано: «Нева», 2010, № 7, с. 178–191).

Тюрьма (или исправительная колония, как ее называют в России) — страшное явление, и любой нормальный человек считает, что тюрьма — это для преступников, а вот его она никогда не коснется. На самом деле это совсем не так. Мудрый русский народ даже придумал поговорку: «от сумы и от тюрьмы — не зарекайся». Именно об этом писал Лев Самойлов (псевдоним известного ученого Л.С. Клейна), обращаясь к своему читателю, чтобы он не думал, что с ним это случиться не может.

«Решетки, заборы, сетки, прогулочные дворики, колючая проволока — все эти неотъемлемые атрибуты любой исправительной колонии... Кровати и кровати, тоже напоминающие решетки, внутренне убранство тюремных помещений — жизнь, разлитая в сто мисок, в сто тазов, нарезанная на сто кусков, уложенная в сто «шконок». Толпа, ставшая образом жизни. Строй, фабрика, общая спальня, общая столовая, ничего своего, интимного приватного»³⁴¹.

В каждой стране, в каждую эпоху всегда находятся люди, выступающие против несправедливости власть предержащих, против оккупационных захватчиков, против насилия над массами, чаще всего беднейшими. И понятно, что такие люди попадают в тюрьму. Это, как правило, так называемые политические заключенные. Правда, лишь история рассудит, действительно ли эти люди выступали за правое дело. В современной Южной Корее опубликован справочник с биографиями тех, кто сотрудничал с японскими властями в колониальный период (1910–1945 годы). Среди данных о 4389 корейцах много известных деятелей, в том числе таких, как бывший президент Пак Чон Хи³⁴². И не всегда это оказывается справедливым по отношению к их потомкам, работающим сегодня в стране.

---

³⁴¹ Альперн Л. Сон и явь женской тюрьмы. — СПб.: Алетейя, 2004. — 446 с., с. 433.

³⁴² Штефан Е. Опубликован справочник с биографиями коллаборационистов / Сеульский вестник, № 127, декабрь, 2009.

В Сеуле есть музей тюрьмы, открытый 5 ноября 1998 года в качестве формирования патриотизма населения Кореи, боровшегося против оккупации Японии. В ней демонстрируются разного рода пытки, специфика проведения смертной казни через повешение, разного рода камеры, где отбывали наказание заключенные в период японской оккупации. Сделано это очень натуралистически, воспроизводя с помощью муляжей сценки насилия над людьми. При этом можно включить звуковое сопровождение, услышав душераздирающие крики истязаемых.

Однако все мы понимаем, что помимо политических заключенных, есть большая группа уголовных элементов, нарушителей разного рода законов данной страны, образующих контингент тюрем. Увы, попадают в тюрьму не всегда виновные, ибо судебная машина не всегда бывает безупречной. Показателен кинофильм «Прыжок», основанный на реальных фактах фашистского расистского суда в Австрии, когда совершенно незаслуженно, только из-за национальной принадлежности был осужден талантливый фотограф, впоследствии прославившийся своими работами во всем мире. Кроме того, в зависимости от конкретных обстоятельств, в тюрьму могут попасть и за талант. Так, в годы советской власти встречались начальники тюрем — яростные футбольные болельщики. И чтобы команда этой тюрьмы выигрывала, старались под любым предлогом посадить в тюрьму талантливого спортсмена. То же случалось и с актерами, ибо в тюрьмах был в советское время театр, нередко высокого уровня. О советских тюрьмах ярко и убедительно писали Варлам Шаламов, Александр Солженицын, в юмористическом свете — Сергей Довлатов, работавший во время несения воинской службы конвоиром.

Естественно, что тюрьма рождает свои знаковые отличия. Одним из важных является речь. Такая речь помогала и продолжает помогать отъединиться от остальных людей, образуя определенную особенную группу. «Д.С. Лихачев, специально изучавший в 30-е годы воровской жаргон, заметил, что и в вывернутом наизнанку обычном русском слове, и в таинственном звучании чужого слова проглядывало желание скрыться, хотя бы на время исчезнуть из вида и со слуха»³⁴³. Такая речь формировалась из разных источников. «Словарь русской фени ... содержит лексику, употребляемую представителями различных группировок асоциальных элементов... Специфика речи проявляется как

³⁴³ Колесов В.В. Язык города. Изд. 3-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2006. — 192 с., с. 73.

синтагматике, так и в парадигматике»³⁴⁴. Вот что пишет о воровском жаргоне Петербурга известный ученый Владимир Викторович Колесов: «источником их были слова финские, татарские, цыганские, турецкие, даже неведома как попавшие к нам китайские, но больше всего слов немецких и еврейских. Сравнение с воровскими «языками» других народов показывает общий тип мышления уголовников»³⁴⁵.

Эта речь нередко переходит в просторечие, а иногда из нее и образуется. Например: «До революции только в речи купцов, мещан да бедного городского люда встречалось простое слово *ладно*, известное издавна... *Ладно* в значении «хорошо» (и усеченная форма *лады!*) возникло в воровском жаргоне столицы XIX века. Его восприняли близкие к деклассированным элементам слои городского населения и понесли дальше. Слово казалось выразительным, не в пример заменяемым им *изрядно* и *хорошо*»³⁴⁶. Так как в советское время в тюрьме было огромное количество людей, родственники которых приобщались к этой речи, да и сотрудники тюрем с неизбежностью должны были овладеть ею, огромное количество людей неосознанно используют этот жаргон. Вспомним хотя бы Льва Гумилева, даже в публичных лекциях использовавшего элементы «фени» — знак его пребывания в тюрьме. «Блатная музыка», «рыбий язык», «стук по блату», «акцент», «уголовный жаргон» есть органичная составная часть национального русского языка»³⁴⁷. Действительно, сегодня наши газеты «ботают по фене». Язык коммунальной кухни и блатная лексика наводнили собой пространство аудио – и видеoinформации, циркулирующей в нашем обществе. Объяснение этому явлению дает В.В. Колесов: «Магия слова. Слово — сигнал, с помощью которого можно воздействовать на этот мир. Кроме того, воровская речь очень экспрессивна. Она вся рассчитана на непосредственность чувства, на эмоцию, с помощью особого слова пытается внушить нечто важное для воровской среды. Отсюда и игра словом, на первый взгляд невинная. В почете особые клички, запретные слова или слова, заменяющие одно другим. Подобная речь, воздействуя на эмоции, не рассчитана на длительное существование. В каждом новом употреблении она как бы рождается вновь, обновляясь в формах и знаках, чтобы хотя таким образом сохранить таинственную привлекательность»³⁴⁸.

³⁴⁴ Быков В. Русская феня. — Смоленск, ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994, 222 с., с. 8.

³⁴⁵ Колесов В.В. Язык города. Цит. изд., с. 72.

³⁴⁶ Там же, с. 75.

³⁴⁷ Быков В. Русская феня. Цит. изд., с. 3.

³⁴⁸ Колесов В.В. Язык города. Цит. изд., с. 73–74.

Другая распространенная знаковая особенность тюрьмы — татуировка. Существует особый язык, по которому определенные изображения свидетельствуют о личности, которая носит те или иные наколки.

Тюрьма — это страшно, не только потому, что это выпадение из нормальной жизни. Но это и принудительное взаимодействие с людьми, которые нежелательны для общения. Одна из заключенных написала: «Зона не страшна, страшны люди в ней. Есть люди — полностью моральные уроды, деградированы настолько, что их людьми трудно назвать... я уверена, что не жизнь на воле их сделала такими, а многократное пребывание в зоне, которая калечит людей, особенно женщин. Не для тюрьмы создана женщина. Но и не для пропойц, которые уродуют ее внешность, превращая в страшилище красивых женщин. От этого ломается их жизнь, общество их отвергает, и они идут в низшие слои. За то мстят и убивают женщины, за внешность свою, за дитя, за поломанную жизнь»³⁴⁹. Другая считает, что «женщина в тюрьме лишается и прошлого, и настоящего, и будущего»³⁵⁰.

Самое страшное в тюрьме — попадание в нее снова. В тюрьме существует определенная зависимость попадания в нее снова. Самые опасные первые три месяца — именно в этот период в тюрьму возвращается 13 %, в первый год — 25 %, в первые три года — 40 %.

В тюрьму попадают люди, иногда отнюдь не законсервированные преступники, часто бывают несправедливые приговоры, причем как у нас в стране, так и за рубежом. Достаточно вспомнить модный бестселлер «Чтец»³⁵¹, где героиня была осуждена за то, что подготовила документ, изобличающий ее в деле против человечности, в то время как уже в тюрьме выяснилось, что она была неграмотной и выполнить эту работу не могла. А у нас всем хорошо памятно знаменитое дело Чикатило, когда несколько человек были подвергнуты смертной казни, и лишь потом выяснилось, что они к тем убийствам, за которые были осуждены — не имеют отношения. Вот одно из признаний одной из заключенных: «Просто не могла понять, за что меня судят, ведь он мог меня убить»³⁵². А случилось вот что: сожитель пришел пьяный и с ножом набросился на нее. В порыве самообороны она отняла этот нож и стала наносить удары. Таких примеров огромное количество.

³⁴⁹ Альперн Л. Цит. изд., с. 303.

³⁵⁰ Там же, с. 329.

³⁵¹ Шлинк Бернхард. Чтец. — СПб., Издательский дом «Азбука—классика», 2009. — 224 с.

³⁵² Альперн Л. Цит. изд., с. 271.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов, что существуют люди, с самого рождения приспособленные именно к преступлениям. При этом огромное множество их имеют привлекательную внешность, которая часто спасает от тюрьмы. Интересен в этом отношении рассказ Сомерсета Моэма, который описывал совершенно благообразного старичка, столь безобидного и прелестного в своей доброжелательности и благосклонности к людям, что в нем трудно было заподозрить хладнокровного убийцу, пославшего за деньги молодого человека поплыть к маяку, где был смертельный водоворот и возвратиться оттуда было невозможно.

В конце XIX века в Европе было 2 млн. заключенных и примерно столько же заключенных в конце XX века в 42 странах, входящих в Совет Европы. Но если в XIX веке в России было всего 10% от этого числа, то через сто лет российский вклад составил половину тюремного населения Европы³⁵³. Правда, количество женщин в составе тюремного населения одинаково в России и в странах западного мира, включая США³⁵⁴. Женщины составляли тюремное меньшинство в XIX веке: в Британии — 20%, во Франции — 14–20%, в США — 9–14% от общего числа тюремного населения. Сначала женщины содержались в тех же тюрьмах, что и мужчины, подвергаясь жесточайшей сексуальной эксплуатации со стороны заключенных и охраны. Впоследствии тюрьмы были разделены: с 1820 года — во Франции, с 1823 года — в Великобритании, в 1828 году — в США³⁵⁵. В XIX веке цели тюремного режима для мужчин и для женщин отличались. В мужских тюрьмах — изоляция, полная анонимность (заключенные вместо имен имели номера), полная тишина (заключенные должны были молчать). И мужчины, и женщины должны были работать, но мужчины направлялись на тяжелую работу вне учреждений, женщины — только внутри тюрьмы. Женщины получали маленькие привилегии за хорошее поведение — например, могли надеть платье, которое говорило о более высоком статусе, получать три раза в неделю чай вместо киселя. Начиная с 20-х годов XIX века в женские тюрьмы стали набирать женский персонал. Продолжительность работы сотрудницы составляла 12–15 часов. С начала XIX века в тюрьмах были запрещены порки для женщин. Общее женское тюремное население заметно сокращалось — в Великобритании с 1050 человек в 1869 году до 95 в 1890 году, во Франции — наполовину.

³⁵³ См. об этом Альперн Л. Цит. изд., с. 14–15.

³⁵⁴ Там же, с. 17.

³⁵⁵ Альперн Л. Цит. изд., с. 74.

В начале XX века в Америке увеличилось количество проституток в тюрьмах, алкоголичек и цветных женщин, буйно расцветало лесбиянство. Множество женщин в южных и западных странах содержались в тюремных зданиях, расположенных на одной территории с мужскими тюрьмами. В Великобритании отказались от реформаториев для алкоголичек, которые были открыты в конце XIX века.

Вот некоторые данные о современных тюрьмах в Европе.

В Соединенном Королевстве Великобритании и Ирландии население составляет 59,4 млн чел., валовый нац. доход на душу населения — 21 400 долларов США. На 100 тыс населения — в среднем 110 чел. (данные на 7 апреля 2000 года), общее количество заключенных — 65 244 чел. Между тюрьмами, в суды и больницы заключенных возят в старых, изношенных тюремных фургонах. В фургоне каждый заключенный заперт в очень маленькой одиночной камере, в которой можно ехать только сидя, нет возможности встать и размяться³⁵⁶.

Во Франции валовый доход на душу населения составляет 24 940 долларов США, население — 59 100 000 человек, в тюрьме — 53 926 чел. (по данным на 1999 год). На 100 000 населения — 89,9 чел. Несмотря на цивилизованность и гуманизм, удручающие виды жестокого обращения с заключенными встречаются и в этой стране. Вот как описывает Л. Альперн случай с заключенной Ирен Лопес Риано 7 сентября 1996 года: «В гинекологическом кабинете врач потребовал, чтобы полицейские сняли с пациентки наручники, иначе она не сможет раздеться. Две сотрудницы тюрьмы, которые остались в кабинете, освободили только одну из ее рук, а другую приковали к ножке кровати. Женщина чувствовала себя оскорбленной, когда две сотрудницы полиции снимали с нее брюки и трусы, чтобы она могла помочиться в таз, так как они не разрешали ей пройти в гигиеническую комнату. Дверь все время открывалась, и полицейские, стоящие при входе, заглядывали в кабинет, имея полную возможность созерцать раздетую донага женщину»³⁵⁷. Женщины–заключенные могут принимать душ по 10 мин. три раза в неделю.

Есть, правда, и интересные послабления. Так, в Рене благодаря соглашению между труппой местного театра и пенитенциарным учреждением, женщины могут посещать курсы актерского мастерства.

Пенитенциарный центр Флери–Мирожис считается самым крупным в Европе. Он находится под Парижем. В нем три тюрьмы — мужская,

³⁵⁶ Там же, с. 97.

³⁵⁷ Альперн Л. Цит. изд., с. 93.

женская, для подростков. Там все чисто, красиво. Окна без «ресничек», в женской тюрьме в отделении для матери и ребенка есть кухня, куда продукты завозят регулярно и женщины могут готовить, прачечная, игровые комнаты, комнаты отдыха, прогулочные площадки, не говоря о камерах, где есть все что надо для матери и ребенка. Но когда там была Людмила Альперн, никого там не оказалось. Это было связано с тем, что женщин стараются не держать, отпускают досрочно, как только можно³⁵⁸. В 2001 году тюремное население Франции сократилось по сравнению с 1999 годом на 10%.

В Испании национальный валовой доход на душу населения составляет 14 080 долларов США. Население — 39 400 000 человек. Общее количество заключенных — 45 400 чел. (по данным на 25 февраля 2000 г.). Количество заключенных на 100 тысяч человек — 115 чел. (по данным на 25 февраля 2000 г.).

В Польше национальный доход на душу населения составляет 3 900 долларов США, на 100 тысяч населения 150 чел. Заключенных (по данным на 1997 год). Смертная казнь отменена. Все население составляет 38,7 млн чел, в тюрьмах — около 60 тыс. чел. (данные на 1997 год). Польское законодательство требует, чтобы каждый задержанный предстал перед судом в течение 48 часов, суд должен контролировать законность изоляции человека. После суда задержанный должен быть освобожден не позднее чем через 24 часа, если суд посчитает обвинения несправедливыми. Довольно широко распространены в женских тюрьмах Польши гомосексуальные связи. Некоторые вступают в них, чтобы получить финансовые выгоды — сигареты, дополнительное питание, но как только у подруги кончаются деньги, без сожаления ее покидают. «Большинство женщин, вступающих в гомосексуальные контакты в тюрьме, никогда не делали этого до заключения и вряд ли предпочтут такого рода контакты после освобождения»³⁵⁹.

Минимальная площадь, которая по закону должна быть предоставлена заключенному — 3 кв. м. Женщины имеют право носить домашнюю одежду, иметь косметику, собственные гигиенические принадлежности, держать при себе личные вещи, книги, фотографии, а вот на ношение драгоценностей необходимо разрешение от тюремной администрации. Личная почта перлюстрируется только в закрытых тюрьмах, в остальных — полуоткрытых и открытых тайна переписки

³⁵⁸ Альперн Л. Цит. изд., с. 156.

³⁵⁹ Там же, с. 85.

соблюдается. Заключение имеют право на получение образования или профессии, хотя возможности тюрьмы ограничены: женщины могут окончить начальную школу, ПТУ — чаще всего они приобретают профессии ткачихи или швеи.

Отдых — просмотр телевизора, чтение книг и газет, спортивные игры в настольный теннис, баскетбол, волейбол. Кроме того, женщины имеют право посещать церковные службы..

В Грошеве — район Варшавы, окраина столицы находится следственный изолятор. Здесь светло, много места, и место это отнюдь не напоминает тюрьму, «которая умело, профессионально давит на человека своими интерьерами»³⁶⁰. Здесь выдают женщинам прокладки, еда — нормальная, человеческая «В наших тюрьмах так не кормят»³⁶¹. Даже в карцере нет кормушек — персонал в польских тюрьмах не общается с заключенными через отверстие в дверях»³⁶². Впрочем, такие же карцеры и во Франции, в Британии, а вот у нас в Крестах — нет. В медицинском изоляторе комната на 4 кровати, светлая, уютная, хотя она запирается, в дверях — необходимые устройства, глазок.

Ювенальная юстиция охватывает в Польше несовершеннолетних до 17 лет. Считается, что пребывание молодого человека, совершившего с особой жестокостью преступление, среди его деликвентных ровесников может оказать на них еще более губительное воздействие. Поэтому после 15 лет в таких случаях дело передают в обычный уголовный суд, где такой заключенный окажется среди взрослых. Для девочек в тюрьме есть профессиональное образование — традиционные парикмахерское дело, кулинария, шитье.

Пожалуй, наиболее благоприятные условия содержания в Финляндии. Валовой доход на душу населения здесь 24 110 долларов США. Население — 5 200 000 чел (данные на 16 апреля 1999 года) Общее количество заключенных — 2869 чел. Смертная казнь отменена. При этом количество заключенных падает: от 5 000 чел в 1874 году до 3 400 чел в 1992 г.

В течение трех дней после задержания суд должен принять решение о мере пресечения. Средний срок предварительного заключения — 2,25 месяца. Мужчины и женщины содержатся отдельно. Адвокат должен принимать участие в судьбе заключенного с самого начала следственных действий. Площадь камеры предварительного заключе-

³⁶⁰ Там же, с. 189.

³⁶¹ Там же.

³⁶² Там же, с. 190.

ния — 7 кв. м. В каждой камере есть кровать, стул, стол. Для работы в закрытых тюрьмах выдают униформу. Решетки на окнах не препятствуют попаданию воздуха и света в камеру. заключенным позволено иметь радио, телевизор, кофеварку. В камерах есть душевая или ванна. Личные вещи можно стирать в стиральных машинах внутри тюрьмы. Медицинский штат в тюрьме состоит из 138 человек — дантиста, 67 медсестер, 11 докторов, 5 из них — психиатры. Существуют специальные камеры для матерей с детьми. В изоляторе есть кровать, раковина и туалет. Переписка не ограничена, но заключенные должны иметь собственные почтовые марки. Заключенные могут получать среднее, высшее или профессиональное образование, заниматься спортом. Альтернативой тюремному заключению могут служить общественные работы, штрафы, условно-досрочное освобождение. Один день тюремного заключения эквивалентен 4 часам общественных работ, два месяца тюрьмы — 60 часам работы. Но общественные работы предлагаются только тем, кто первоначально был приговорен к сроку тюремного заключения. Не имеющие взысканий после достижения половины срока заключения могут проводить 6 дней каждые 4 месяца вне тюрьмы с семьей и эти дни засчитываются в сроки тюремного заключения. По медицинским показаниям заключенные могут быть освобождены от тюремного заключения.

Столь же показательны и тюрьмы в Норвегии. Норвегия — дорогая страна. Но при этом образование и медицина здесь бесплатны, нет элитарных и частных школ. Здесь для заключенных проводят уриновый тест, который стоит очень дорого, но это позволяет выявить тех, кто проносит и принимает наркотики. «При положительном результате ничего особенного с заключенным не происходит: ему снижают денежное довольствие за нарушение правил и запирают в его собственной камере... такому человеку трудно рассчитывать на взаимопонимание с системой, мучить и унижать его, конечно, не будут, но и смягчение режима в его случае будет происходить гораздо медленней»³⁶³. Есть в Норвегии и новомодный когнитивный тренинг для заключенных. Называется он «Искусство жизни». Он представляет собой персональное консультирование заключенных в анализе типичных жизненных ситуаций, чтобы научить заключенного обдумывать свои поступки и снять определенный риск в действиях и поступках. Метод этот пришел из Англии, используют его и в США.

³⁶³ Альперн Л. Цит. изд., с. 209.

Что касается США, то и здесь есть многое, чему можно поучиться, но и сложностей так же хватает. Современных американские картины вполне широко и многоаспектно показывают их пентациарную систему. Так, на тюремном острове Райкерс–Айленд содержится 80% из почти 15 тыс. подсудимых и подсудимых штата Нью–Йорк. Здесь 9 тюрем для мужчин и одна для женщин. Сюда входят Норт Инфермари Команд (North Infirmariy Command), Джеймс Томас Сентер (James A. Thomas Center), где сидят чернокожие и чернокожие же их сторожат, Эрик Тейлор Сентер (Eric M. Taylor Center), названный так по имени Эрика Тейлора, который сделал здесь хорошую карьеру и продвинул тюремное дело в смысле безопасности, эффективности и безопасности, Джордж Мотчан Детешн Сентер (George Motchan Detention Center) в честь Джорджа Мотчана, служившего здесь 17 лет и сраженного бандитской пулей, Адолесент Ресепшн энд Детешн Сентер (Adolescent Reception and Detention center) для малолетних заключенных. Здесь, — решетки, замки, накопители, есть школа с пятью классами. В каждом классе два окошка, чтобы следить за учениками. Здесь работают женщины, хотя они одеты по форме и вооружены до зубов, тюремщики — чернокожие. Здесь индивидуальные парты с прикрепленным столиком. В отделении для нарушителей — невыносимый, знакомый запах тюремной еды. Камера маленькая, метров 5, за окном асфальт и колючая проволока. В столовой еда размещается на подносах, тарелок нет, раздаточное окно забрано серебристым металлом, так что личного контакта с кухней нет.

Анна Кросс Сентер (Anna M. Kross Center) в честь Анны М. Кросс, первой женщины, которая возглавила Исправительный департамент штата и 12 лет руководившей тюрьмами Нью–Йорка — в этой тюрьме 40 домиков по 60 человек в каждом. По впечатлению Альперн, здесь властвует «голый, пустой прагматизм, утилитаризм, дегуманизация. В этом современная американская тюрьма по бездушной функциональности архитектуры действительно приближается к ГУЛАГу. В этих коридорах, камерах, блоках ничего не радовало глаз, не давало расслабиться, рассмеяться, порадоваться. Все было тусклым, простым, одинаковым — одинаково безразличным к человеку»³⁶⁴. Все эти здания навевали «атмосферу страдания»³⁶⁵. В мужском блоке психиатрической больницы в каждой палате–камере — кровати в три ряда, возле каждой из них у изголовья — металлическая тумбочка высотой в пол человеческого роста.

³⁶⁴ Там же, с. 166.

³⁶⁵ Там же, с. 167.

Отис Бантум Коррекшнл Сентер (Otis Bantum Correctional Center), названный в честь второго директора, который умер на работе, Роуз Сингер Сентер (Rose M. Singer Center) — для женщин, где был открыт первый в стране блок для матерей с новорожденными младенцами и названный в честь Роуз М. Сингер, в свои 90 лет продолжающую профессиональную деятельность — посещает все торжественные мероприятия, входит в Городскую комиссию по положению женщин, в женскую тюремную ассоциацию и т.д., Уэст Фасилити (West Facility), открытую в 1991 году и где современные конструкции позволяют контролировать температуру и другие климатические факторы в помещениях, в хорошо проветриваемых помещениях размещены 140 заключенных женского и мужского пола, больных разными инфекционными заболеваниями.

В тюрьме можно заработать мытьем коридоров, другими хозяйственными делами по 100 долларов в неделю (звонок домой стоит 25 центов) Есть здесь кресло–металлоискатель, каждый арестант за день подвергается трем разным обыскам — обыск помещения, полный (strip–search) и обыск на металл, для чего и служит кресло, которое взвояет, если у севшего в него есть что–то металлическое.

Каждый блок имеет свой отдельный выход в тюремный дворик, где можно гулять 2 часа. Перед входом в блок — душевая. Перед душевой — пост дежурного. В материнском блоке ничего не напоминает тюрьму, кроме камер и людей в униформе³⁶⁶. В Олбани — столице штата Нью–Йорк на повестке дня один из вопросов — о включении женщин, которые совершили убийства своих мужей и сожителей в программу по досрочному освобождению, так как они сами жертвы насилия и выбор у них было либо убить, либо погибнуть.

В современных ученых кругах существует представление о вредности тюрьмы с точки зрения ее воздействия на человеческую личность и бессмысленность ее с точки зрения защиты общества. Многие писали об этом, но, пожалуй, наиболее полно и точно дает этому объяснение Л. Альперн, которая посвятила жизнь изучению тюрьмы: «власть имущие нуждаются в тюрьме, чтобы жить без головной боли, не думая о том, как устраивать жизнь тех, у кого нет ни власти, ни средств, ни образования. Да еще как дополнительной возможности открыто наживаться на тюремной промышленности»³⁶⁷. Но революция не может привести к хорошим результатам. «Результаты борьбы

³⁶⁶ Альперн Л. Цит. изд., с. 171.

³⁶⁷ Там же, с. 176.

бывают такими неожиданными — общество от активного вмешательства может не улучшиться, а стать еще кошмарней. Вот, например, у нас — те же причины: рабство, униженное положение большинства населения (у них все же не большинства), борьба же за права и свободы привела к тому, что рабство приняло немного другие формы, а права и свободы вообще были отменены»³⁶⁸. Далее она уточняет: «Тюрьма, как смертельная болезнь, как война, как любое состояние на грани жизни смерти, а потому — как квинтэссенция жизни дает исследователям огромный материал и уникальную возможность для познания самой этой жизни, ее проявлений, ее законов»³⁶⁹. Как пишет Л. Альперн, «женщины, подвергавшиеся в детстве насилию или не имевшие нормальной семьи, в два раза чаще, чем, представительницы контрольной группы... имеют судимости. Среди мужчин тоже существуют различия, но не такие разительные»³⁷⁰. Однако девочки чаще, чем мальчики, становятся жертвами сексуального насилия в своей семье. Между тем, можно согласиться и с уверенностью подтвердить, «что наличие любви — главный компонент правильного развития человека, главная составляющая его счастливой и продуктивной взрослой жизни»³⁷¹. Любопытно, что в царской России женам евреев дозволялось на общем основании следовать в Сибирь за ссылаемым туда мужем. При ссылке же в Сибирь евреек мужа следовать за ними не могут³⁷². Считается, что «Свердловская область — самый тюремный регион самой тюремной страны мира»³⁷³. Почему? Интересный и неожиданный ответ дает Людмила Альперн: «Русские — это народ, имеющий скудную материальную культуру и очень богатое воображение. Я бы даже сказала — дух. Русский дух с наслаждением приемлет муку, потому страдание считается нормой существования. В силу иррациональности жизни русские очень эмоциональны, но при такой необыкновенной чувствительности не очень добры и дружелюбны, а к тому же нетерпимы, завистливы, всегда ждут чуда, а потому — ленивы. Потому русские и мистики, что не умеют жить материальной жизнью. Все главные достижения русских

³⁶⁸ Там же, с. 176.

³⁶⁹ Там же, с. 185.

³⁷⁰ Там же, с. 111.

³⁷¹ Там же, с. 152.

³⁷² См. «Устав о ссыльных (по изданию на 1909 г.) с разъяснением правительствующего сената. Составил член Иркутского окружного суда Л.И. Марколля. Иркутск, паровая типо-литография П. Макушина и В. Посохина. 1911 г. Цит. по Альперн Л., с. 128.

³⁷³ Альперн Л. Цит. изд., с. 133.

лежат в духовной сфере — это язык, и по причине необыкновенного языка — литература. Русская литература, подобно Библии, описывает кошмары бытия. Гордость русской литературы — не благополучный, рассудительный Толстой, а одолеваемый тайными страстями Достоевский — диссидент, ставший поборником тирании, арестант, карточный игрок, сексуальный маньяк, русский гений... это ужасная жизнь, но, попадая из нее в любую другую, ощущаешь скуку и пустоту... Русские живут группами, единица измерения нации — не человек, а группа, человек — меньше единицы, поэтому он — ничто. Трудно развивать индивидуальность в таких условиях, поэтому русские очень инфантильны, особенно мужчины, многие из них нуждаются в няньке всю свою жизнь — так устрашает их ледяной холод жизни, а тем более смерти. Чаще всего русский мужчина воспитывает чужих детей, не совсем понимая, что происходит с его собственными, иногда даже не зная, кто их воспитывает. В этом тоже просматриваются элементы групповой психологии»³⁷⁴.

Главная профессия российских зэчек — швейное дело.

Еда, как правило, становится в тюремных котлах серой и невкусной, дурно пахнущей и не случайно называется баландой.

Не редкость — весьма суровые приговоры, не соответствующие степени преступления. Так, в фильме об американской тюрьме заключенная из женской тюрьмы в Чаучилле рассказывает, что муж пил и в состоянии опьянения грозил всех убить, в том числе детей. И вот в роковой момент он сел в машину и намеревался задавить детей. Заключенная рассказывает: «Мать всегда остается матерью, и чтобы предотвратить убийство детей, я его застрелила». Женщина эта получила пожизненный срок, но не раскаивается и считает, что поступила правильно.

Именно женская тюрьма — особенно тяжелое явление. «Тюрьма — неразбавленный концентрат жизни — рассказывает о том, что женщин бесконечно унижают, давят морально и физически, используют для услады и обогащения, ограничивают в свободе воли и передвижения, не дают развиваться, а потом тычут в нос: где ваши писатели, где ваши художники, где ваши музыканты, где ваши ученые, где ваши банкиры, где ваши начальники? Нет? Значит, вы — существа низшего порядка и должны жить так, как велят вам ваши надсмотрщики»³⁷⁵. Людмила Альперн объясняет то, почему женщины садятся в тюрьму тем, что в обществе существует «...понимание несимметричности нашей жизни:

³⁷⁴ Альперн Л. Цит. изд., с. 200–201.

³⁷⁵ Там же, с. 186.

она устроена так, что женщина является не одним из двух основных, а дополнительным компонентом. Это смешно, это кажется абсурдом, но это правда. Женщина — это материал для строительства мужского общества. Поэтому ее с детства приспособливают к реалиям этого общества, «натаскивают» на него, указывая ее место — важное, бесспорно, но второстепенное. Если она окажется недостаточно понятливой, прилежной в постижении правил или слишком много о себе вообразит, если учили ее не слишком настойчиво или, наоборот, слишком жестоко, если учителя ее были никудышными и она не усвоит истины, необходимые для ее успешной жизни на вторых ролях, то место ей, вполне может так случиться, уготовлено именно в тюрьме. И здесь она ощутит в полной мере всю предназначенную ей боль. С нею перестанут обращаться как с представительницей «прекрасного пола», а будут одевать, содержать, кормить, наказывать как существо без признаков пола: разлучать с детьми, не признавать физиологических потребностей, водить строем, заставлять работать как дюжего мужика, но без «мужских» преимуществ... »³⁷⁶.

В настоящее время у нас в стране женская преступность вносит 11–15% в общую копилку преступлений, в то время как количество женщин–заключенных в Европе и США — в среднем — 5%³⁷⁷. Однако, если раньше вместо 51% убийств, сегодня женская преступность этого типа составляет не более 15–20%. Вероятно, здесь большую роль играет женское образование, которое в современной России, в полтора раза выше мужчин³⁷⁸.

Довольно широко в женской тюрьме процветает лесбийская любовь. При этом «женские сексуальные отношения ни для какой стороны не становятся унижением»³⁷⁹ в отличие от мужской. Мужской секс — «это всегда боль, мука, унижение для одной стороны, грубое превосходство — для другой»³⁸⁰.

В советскую эпоху, особенно в 30–40 годы прошлого столетия все люди ходили под страхом неминуемого попадания в тюрьму. Достаточно памятен эпизод, рассказанный моим тестем, 40 лет проработавшем инженером–конструктором на Кировском заводе, о котором он

³⁷⁶ Там же, с. 11.

³⁷⁷ Гишинский Я.И. Криминология. Курс лекций. — СПб., 2002, цит. по: Альперн Л., с. 34.

³⁷⁸ Ломброзо Ч., Ферреро Г. Женщина — преступница и проститутка. — Чебоксары, 1994, цит. по Альперн Л., с. 35.

³⁷⁹ Альперн Л. Цит. изд., с. 185.

³⁸⁰ Там же, с. 186.

вспоминал часто и с ужасом много лет спустя. Именно в те годы в один довольно для него несчастливый день в конце рабочего дня его вызвали в отдел кадров. «Следуйте за нами», — сказали ему незнакомые люди, оказавшиеся там. Они провели его к черному воронку и повезли, ничего не объясняя. По пути он судорожно вспоминал, что говорил, с кем, о чем были беседы, что могло привести к таким серьезным последствиям. Но в щелях машины он видел улицы и никак не мог сообразить, почему его везут отнюдь не к «Большому дому» (так ленинградцы называли Управление комитета госбезопасности). Каково же было его удивление, когда он оказался в Кировском театре. Выяснилось, что на премьере оперного театра надо было, чтобы выступил представитель от прославленного завода, где все хорошо знали его любовь к музыке и умение ярко и красочно о ней рассказывать. Облегчение было невероятным, но время поездки съело несколько лет жизни.

Как это ни прискорбно. у нас в стране «... современная нам тюрьма... является прямой наследницей ГУЛАГа, который, в свою очередь, есть порождение XX века — что-то совсем новое, отдельное, почти ничем не связанное с социальным опытом предыдущей эпохи»³⁸¹.

В 60-е годы XX века политических заключенных арестовывали под западное Рождество, когда корреспонденты разъезжаются и потому можно избежать международного скандала. Как правило, именно в военные годы и годы суровых идеологических испытаний — суровые зимы.

Так арестовывали Сергея Ковалева, Наталью Горбаневскую и многих других, и именно в это время были жестокие холода. Особенно страшны были психиатрические больницы специального типа, психиатрические тюрьмы. Славился своим суровым отношением институт Сербского.

В российской тюрьме, в отличие от западных, порой совершенно ужасающие условия существования. В знаменитых «Крестах» — которые были построены в Петербурге в 1894 году в стиле модерн — при входе попадаешь в центральную башню, от которой крестом ответвляются четыре трехэтажных рукава (отчего название кресты), в которых находятся камеры, рассчитанные на одиночное заключение. Увы, в них часто содержится по 6–8 человек, к тому же зимой они без отопления, без горячей воды, даже без стекол, почему окна закрыты всеми имеющимися тряпками, которые смогли собрать заключенные³⁸². «В нашей тюрьме примерно с конца тридцатых — начала сороковых

³⁸¹ Альперн Л. Цит. изд., с. 13.

³⁸² Там же, с. 213.

годов прошлого столетия жизнь людей — и заключенных и тюремщиков — протекает по искаженным законам зазеркалья и королевства кривых зеркал»³⁸³. У нас коллективное существование рассчитано на совместное проживание десятков, а иногда и сотен людей. При этом человек располагает спальным местом, и встает и ложится по приказу. Нет даже собственной тумбочки, т.е. это жизнь, лишенная приватности, что очень тяжело. Женщинам детородного возраста не выдают гигиенические принадлежности, которые необходимы им по физиологическим причинам, т.е. они не получают гигроскопические материалы или прокладки во время менструаций. Однако спальни в женских общежитиях блистают белизной кроватей. Это особый способ создания лагерной красоты в переполненных дортуарах, всегда готовых к приему разного рода комиссий. Правда, осужденным в таких спальнях не место, они даже не хозяева своим кроватям — дабы не нарушать чистоту своими не первой свежести одеждой и телами. До отбоя даже присесть на такую кровать женщины не имеют права. А сами спальни часто настолько переполнены, что используются двухъярусные кровати, и на втором ярусе между кроватями укладывают деревянные щиты, которые тоже служат спальным местом. Но самое тяжелое испытание для женщин то, что они разлучены со своими детьми. Точно так же, как и для детей, содержащихся в колониях — отрыв от матери — тяжелое испытание.

В наших пенитенциарных учреждениях до сих пор существуют групповые наказания. Так, если кто-то провинился, то весь отряд должен будет маршировать на плацу, хотя все имеют право отдыхать после работы, смотреть телевизор, написать письмо или же заняться хозяйственными заботами — постирать, помыться.

Тюремные служители, как правило, становятся черствыми и одинаково суровыми во всех наших тюрьмах, как будто «надевшие мундир, потеряли что-то в своей сущности, естестве... », «это просто болезнь, называется она профессиональной деформацией»³⁸⁴, хотя и встречаются добросердечные люди. Например, Наталью Горбаневскую при аресте специально посадили на холодную неотопливаемую сторону. Милиционер, дежурный на коридоре, всю ночь отпаивал ее горячим чаем³⁸⁵. Но такие случаи не так уж и часты. Горбаневская вспоминала: «...я встретила столько мимолетно или не мимолетно добрых людей! Только

³⁸³ Там же, с. 151.

³⁸⁴ Там же, с. 153.

³⁸⁵ Там же, с. 386.

среди врачей не встретила. Врачи были даже доброжелательные, но выполнявшие свой офицерский долг. А добрые люди были, начиная с этого милиционера и кончая этими ребятами из обслуги в Казани»³⁸⁶. Ольга Иоффе, политзаключенная вспоминала: «... в какой-то тюрьме американские заключенные объявили голодовку, потому что им давали шоколад в разломанном виде. Они считали, что это оскорбление их достоинства»³⁸⁷. У нас не так. Правда, в тюрьме книги дают, «там очень хорошая библиотека» (имеется в виду Лефортовская тюрьма)³⁸⁸. Встречаются и забавные истории. Ольга Иоффе рассказывала: «Утром открылась кормушка, всунулся человек и сказал: «резать будем?» Я очень растерялась, я не знала, что ему ответить на этот вопрос, потом только я узнала, что до завтрака приходит человек и, если у вас есть что-то резать (передача), он вам режет сыр, колбасу»³⁸⁹.

Так, запрет использовать кровать, где постелены белые простыни оправдывается везде тем, что преступницы здесь впервые увидели такое, что трехразовое питание им не было известно на воле и т.п. Это относится даже к психологам, как это ни удивительно. Как пишет Людмила Альперн, «... психолог в тюрьме вовсе не служит человеку, он служит тюрьме. Тюрьма его кормит, она ему платит, и он отвечает ей взаимностью»³⁹⁰. Конечно, бывают и исключения. Так, та же Альперн отмечает в некоторых случаях отсутствие «излишнего формализма: бирки арестанты не носят, их одежда выглядит повеселее, отношения между заключенными и персоналом ненапряженные»³⁹¹. Так, например Людмила Альперн с восторгом пишет об Алевтине Степановне Новоселовой, родоначальнице так называемой пермской школы психологов. На ее сеансах пациентки приходят поверх фирменных полосатых платьев в голубых халатиках и тапочка. Правда, как она считает, «с мужчинами работать гораздо сложнее, так как у них своя субкультура и они менее внушаемы, но работать все-таки можно, просто занимать это будет больше времени и сил...»³⁹². В колонии, где много лет прослужила Новоселова, заключенные внешним видом напоминали монашек: в черных робах с сапогами, в черных суконных платках, из-под которых проглядывают беленькие косынки.

³⁸⁶ Альперн Л. Цит. изд., с. 402.

³⁸⁷ Там же, с. 411.

³⁸⁸ Там же, с. 412.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Там же, с. 140.

³⁹¹ Там же.

³⁹² Там же, с. 149.

Однако не все преданные делу люди, старающиеся помочь заключенным, всегда находят верные меры по отношению к своим подопечным. Например, с восторгом пишет об энтузиасте и гуманном защитнике заключенных Нильсе Кристи, профессоре криминологии университета в Осло. Так вот, этот Нильс Кристи, поборник прав заключенных, считает, и с его подачи во многих тюрьмах Норвегии отменены правила, по которым заключенный может запросить себе телевизор в камеру, так как, по мнению Нильса Кристи, это ведет к полной изоляции. «Пусть все желающие выползут из своих нор и посмотрят телевизор вместе, а заодно побеседуют, обсудят проблемы, а там, гляди, и какие-нибудь полезные мысли появятся»³⁹³. Между тем, понятно, что люди, находящиеся в тюрьме — с разными запросами, и то, что интересно одним, может быть совсем неинтересно другим. А может быть и такое, что кто-то обладает уникальным вкусом и общие просмотры для него скучны и даже неприятны.

В целом же для тюрьмы характерны скудость одежды — как правило, серо-черные робы. И особенно досаждают невыносимый запах, в котором смешались вонь канализации, хлорки, невымытых тел и нестиранных тканей. Даже в больничных палатах здесь палаты душные, без форточек — еще дополнительный знак несвободы.

При этом в тюрьме процветает творчество. Нередко заключенные пишут стихи, создают драматургические произведения, скульптуру и часто одобряются серьезными экспертами и артритиками.

В любой тюрьме есть своя тюрьма — ШИЗО, ПКТ, СУС. Сроки пребывания в них ограничены законом, здесь особенно безнадежно и тяжело пребывание, атмосфера крайне мрачная и суровая.

Особое место — ШИЗО (штрафная изоляция) или ПКТ. В него попадают за невыполнение плана, отказ от работы, за грубость с персоналом или осужденными .за курение в неположенном месте, за мужеложство или лесбйские связи (что довольно распространено в женских тюрьмах). Обычно это камера на двух или четырех человек. Зачастую здесь нет даже скамеек. Просто стоят прикованные к стене полки и пол, да еще санузел с шлангом вместо крана. В некоторых колониях вместо скамеек подобие круглых пеньков диаметром 15–20 см. На них будет опираться полка, когда ее отстегнут от стенки. Сидеть на них невозможно, от них на ягодицах остаются синяки. Иногда все же есть и скамейки. Но сделаны они изуверски. Железный каркас выступает над сиденьями —

³⁹³ См. там же, с. 209.

на 1–2 см. Сидеть на них также невозможно. Кроме того, наказанную женщину раздевают до трусов и надевают черный или темно-серый балахон, на котором вышито или намазано белой краской ШИЗО. Так проводят в ШИЗО 15 суток — это максимальный срок, но, как правило, он и минимальный. При этом во многих местах не выдают ни матраса, ни постельного белья, а спать можно 6 часов ночного времени. Для сравнения в странах западной Европы ШИЗО предполагает отдельную камеру, с кроватью, матрасом, постельным бельем. Наказание заключается в том, что невозможно общаться с другими заключенными и в плохой перспективе на досрочное освобождение³⁹⁴. Другая форма наказания — СУС — строгие условия содержания. Как гласит статья 87 УИК: «В пределах одной исправительной колонии осужденные к лишению свободы могут находиться в обычных, облегченных и строгих условиях отбывания наказания, предусмотренных видом режима данной колонии». Основание для регрессивного перевода являются злостные нарушения, в числе которых опять-таки мужеложство и лесбиянство, грубое поведение, сквернословие, скандалы, драки и т.п.

В лагере есть «ларек» — так называется магазин на его территории, где можно приобрести «продукты питания и предметы первой необходимости по безналичному расчету за счет средств, заработанных в период отбывания наказания, а также за счет получаемых пенсий и социальных пособий»³⁹⁵. Альтернатива ларька — посылки и передачи от родных и близких.

УДО — условно-досрочное освобождение. О нем мечтают все заключенные.

80% заключенных женщин — матери, небольшая часть — примерно 1% попадают в тюрьму на каком-то сроке беременности и становятся матерями в тюрьме. Довольно часто ребенка передают в Дом матери и ребенка — ДМР, куда мать пускают только на пару часов в день. В этом отношении в Польше положение более человечное по отношению к детям, которым необходима мать, ее ласка и присутствие.

Как мы видим, семиотика тюрьмы весьма многообразна. В данной работе речь шла в основном о женской тюрьме, которая наиболее репрезентативна по отношению к семиотике такого рода учреждений. Однако понять специфику семиотики тюрьмы на примере женского заключения в местах проведения уголовного наказания вполне возможно.

³⁹⁴ См. об этом — Альперн Л. Цит. изд., с. 58–59.

³⁹⁵ Статья 88 УИК.

«Чтец» Бернхарда Шлинка как отражение знаковости войны

(Опубликовано: «Клио», СПб, 2012, № 4 (64), с. 12–14).

С началом развития человеческого общества уже в палеолите возникают войны. И с развитием цивилизации их частота возрастает. Причем, чем позже, тем войны становятся все более разрушительными и все с более тяжелыми последствиями.

XX век оказался весьма урожайным на войны. Ужасы Второй мировой войны до сих пор остаются в памяти людей. Вот поэтому роман Бернхарда Шлинка «Чтец», написанный и изданный в Цюрихе в 1995 году, стал международным бестселлером и был переведен на тридцать девять языков мира. Вскоре роман «Чтец» вошел в учебную программу немецких гимназий. У нас в стране он был издан в 2009 году в переводе Бориса Хлебникова.

Герой романа оказывается на процессе, где судят Ханну Шмиц с группой таких же надзирательниц. Описание этого процесса отражает действительные процессы во Франкфурте над эсесовцами, служившими в концлагере Аушвиц (пол. — Освенцим). Они шли в 1963 — 1965, 1964–1966, 1967–1968, 1973–1976 гг. Затем в 1975–1981 гг. в Дюссельдорфе проходил процесс над эсесовцами из концлагеря Майданек, где среди обвиняемых были пять надзирательниц. Однако в описываемое в романе время — в 1966 году реальных процессов такого рода не было. Так что события в романе — лишь знак того, что было на самом деле, ибо роман автобиографический и отражает реальность в полном объеме. «Суд шел над целым поколением, которое востребовало этих охранников и палачей или, по крайней мере, не предотвратило их преступлений и уж во всяком случае не отвергло их хотя бы после 1945 года; мы судили это поколение и приговаривали его к тому, чтобы оно хотя бы устыдилось своего прошлого»³⁹⁶.

---

³⁹⁶ Шлинка Б. Чтец. — СПб., 2009, с. 87.

История вместе с тем вымышлена. В Дюссельдорфе были осуждены 5 женщин надзирательниц, которые по обвинениям были причастны к смерти 250 тысяч узников концлагеря. Часть из них была оправдана, 8 из 15 обвиняемых были осуждены на различные сроки заключения (до 12 лет), и лишь одна — Хермина Браунштайнер, имевшая прозвище Кобыла, получила пожизненное заключение, но отсидела в тюрьме 15 лет — была помилована. Это был единственный суд, который приговорил к пожизненному заключению женщину.

Сам Бернхард Шлинк родился 6 июля 1944 года в семье профессора теологии Эдмунда Шлинка. Детство и юность Бернхарда прошло в Гейдельберге. Окончив юридический факультет, он защитил кандидатскую и докторскую диссертации и стал в 1982 году профессором Боннского университета. В 1988 году он стал членом Конституционного суда земли Северный Рейн–Вестфалия. К этому времени относятся его первые литературные опыты. С 1990 года он — профессор Восточно-берлинского Гумбольдтовского университета. Роман появился летом, в год 50-летия со дня окончания Второй мировой войны.

Итак, каковы же основные знаки войны? Во-первых, крайне сложная экономическая обстановка в обществе, толкающая на объявление войны. Как правило, самые обездоленные и нищие, а часто и наименее образованные, воспринимают такое решение власть предержащих с восторгом и одобрением.

Основной персонаж романа, вызывающий жгучий интерес, смешанные чувства негодования и сострадания — Ханна Шмиц оказалась надзирательницей женского концлагеря под Краковом, который являлся одним из филиалов Аушвица (Освенцима). Большинство охранников и надзирательниц погибли при ночной бомбежке. А вот из заключенных остались в живых только мать и дочь, которые оказались главными свидетелями на суде.

Сюда, в концлагерь, каждый месяц привозили из Аушвица около 600 женщин. Примерно столько же отправлялось обратно на верную смерть, и все это знали. Работали женщины на оружейном заводе. Когда был совершен бомбовый налет, охранники и надзирательницы закрыли несколько сот женщин заключенных в церкви. Одна из бомб упала на церковную колокольню, и от этого загорелась колокольня и затем церковь. Но тяжелые двери были заперты, и женщины, не сумев выбраться, сгорели. За исключением матери и дочери, которые укрылись на хорах. Впоследствии дочь написала об этом книгу, которая была одним из обвинительных документов на суде.

Как получилось, что Ханна Шмиц, по своей сути добрая женщина, оказалась среди пяти осуждаемых надзирательниц страшного лагеря? В романе показывается, что знакомство с гимназистом состоялось тогда, когда он почувствовал недомогание, и в подворотне его вырвало. Он не мог двинуться и никто, кроме нее, не пришел ему на помощь.

Уже на суде показано, что Ханна не могла прочитать книгу, которую написала дочь спасшейся женщины, которая находилась тогда вместе с ней. Это вытекает из того, что рукопись книги была дана всем участникам процесса, но именно Ханна, которая была не согласна с некоторыми положениями книги, показать эти места не смогла.

Считалось, что ключ от церкви находился у нее. Но она утверждала, что ключа вообще ни у кого не было, потому что все ключи от разных дверей торчали в дверных замках снаружи.

В отличие от других обвиняемых, она призналась, что участвовала в селекции заключенных. Но что ей было делать? Этот каверзный вопрос она задала судье. По понятным причинам, ответить на него невозможно. Ведь она пошла на эту работу, потому что никакой другой для нее не было. И в этом опять знаковое отражение войны. Во время нее люди вынуждены часто делать то, к чему душа их совершенно не подготовлена, но что необходимо совершать, чтобы выжить.

На суде выяснилось, что она отбирала самых слабых, нежных, устраивала им место получше, освобождала от работы, а по вечерам заставляла читать ей вслух. Их потом высылали в Аушвиц для ликвидации, так как они больше не могли работать. И Ханна как бы устраивала им последние дни, чтобы немного облегчить им жизнь в этот последний месяц.

Когда началась бомбежка, о церкви не вспомнили, потому что бомба попала в дом, где находились охранники и надзиратели. В донесении были перечислены все убитые в доме священника, куда попала бомба, все раненые, все занятые отправкой больных в лазарет. Оставшиеся надзирательницы должны были воспрепятствовать попыткам побега заключенных. Из этого донесения вытекало, что именно оставшиеся надзирательницы — это и есть обвиняемые. Но все они уверяли, что донесение искажает факты. И они показали, что донесение написала Ханна. Конечно, это не могло быть так. Но «никто не мог представить себе той растерянности, беспомощности, о которой говорила Ханна. Ночь, холод, снег, пожар, крики женщин в церкви, исчезновение тех, кто отдавал приказы надзирательницам, — конечно, ситуация была сложной. Но может ли сложность ситуации хотя бы

отчасти оправдать ужас случившегося, всего того, что было сделано или не было сделано обвиняемыми?»³⁹⁷.

В итоге Ханна признала, что донесение написано ею. Тайна заключалась в том, что «Ханна не умела читать и писать»³⁹⁸. Из-за своей неграмотности она отказалась от повышения на заводе Сименса и сделалась надзирательницей. Вот почему получилось, что Ханну, единственную из пяти обвиняемых женщин – надзирательниц, осудили на пожизненное заключение.

Не является ли это обвинением войне? Как могло случиться в высокоинтеллектуальной Германии, где были яркие философы, писатели, художники, что выросла девочка, оказавшаяся неграмотной? Видимо, это было связано с крайней бедностью семьи аутсайдеров, которые не могли дать хотя бы начальное образование своему ребенку. Это знак вопиющей кризисной ситуации, существовавшей в стране до войны и заставившей людей заниматься делом, которое для них отнюдь не является естественным.

Михаэль Берг, нарратор, стал посылать посылки в тюрьму Ханне Шмиц с начитанными на магнитофон записями от Чехова и Шницлера до Гомера, — некий «базисный репертуар интеллигентского чтения»³⁹⁹. Делал он это с 8-го по 18 год ее заключения, когда ее прошение о помиловании было удовлетворено. Благодаря этим кассетам Ханна научилась читать и писать. До выхода из тюрьмы часть из них она потом передала во временное пользование службе помощи слепым заключенным. «Набравшись мужества, чтобы научиться читать и писать, Ханна сделала шаг к тому, чтобы стать полноценной, ответственной личностью»⁴⁰⁰. Затем она стала сама читать книги о концлагерях, автобиографические записки Рудольфа Хёсса, отчет Анны Арендт о процессе над Эйхманом, книги о женщинах в концлагерях — как заключенных, так и надзирательницах.

Опять это знак войны. Каждый участник, выживший в боине, старается как-то осмыслить происшедшее. И нередко только самые глубокие натуры не в состоянии примириться с тем злом, что они творили в это сложное время.

Война, как правило, многих лишает работы. А это, в свою очередь, обрекает людей на разного рода лишения. Так, в романе рассказывается

³⁹⁷ Шлинк Б. Чтец. — СПб., 2009, с. 120.

³⁹⁸ Там же, с. 123.

³⁹⁹ Там же, с. 170–171.

⁴⁰⁰ Там же, с. 173.

об отце главного героя — чтеце. Его отец «лишился должности доцента философии за объявленную лекцию о Спинозе, после чего пережил войну, кормя себя и нас тем, что работал редактором в издательстве, выпускавшем карты и книги для любителей пешего туризма»⁴⁰¹. И это тоже знак войны.

Самый главный знак войны — убийство людей друг другом. «На войне как на войне». Не ты убьешь — тебя убьют. Понятно, что при этом важно, с какой стороны ты воюешь. Оправданно, когда человек защищает свою страну от зловещей силы, захватившей твою Родину, когда люди оказывают сопротивление грозным, страшным силам завоевателей. Но и с этой стороны убийство оказывается страшным испытанием для нормальных людей, ибо убийство — отнюдь не человеческая доблесть. Но и те, кто выступал со стороны фашистов, не все с таким уж энтузиазмом занимались этим мерзким делом. Ведь это так противостоит естественности — убивать людей. И не каждый может с этим свыкнуться.

Помимо смерти на полях войны, что как бы закономерно в такое время, убивают и в тылу, мирное население. События войны вопиющи и устрашающи. «Наша фантазия освоила мир концлагерей, а с тех пор как по телевидению прошел сериал «Холокост», в кинотеатрах были показаны «Выбор Софи» и особенно «Список Шиндлера», мы не только освоились в нем, но даже начали кое-что присочинять и разукрашивать»⁴⁰².

Здесь можно даже посочувствовать исполнителям приказов: «Палач не исполняет приказы. Он делает свою работу — безо всякой ненависти к тем, кого казнит, без чувства мести, он убивает их не потому, что они стоят у него на пути или чем-то угрожают ему. Он к ним абсолютно равнодушен. Настолько равнодушен, что ему все равно — убивать их или нет»⁴⁰³.

Можно ли было отказаться от такой работы? Не всегда. Это отнюдь не означает, что надо проникнуться пониманием участи палачей, что их работа трудна и их надо жалеть. Увы, очень многие были довольны такой участью. А многие выполняли ее с азартом и увлечением. И чем человек мельче, тем ярче проявляются его агрессивность и варварское упоение властью над беззащитными людьми. Что еще страшней, многие из них совсем не поплатились за свои злодеяния. А уж очень многие до конца жизни жили припеваючи, в душе посмеиваясь над дискуссиями в мировой прессе о наказании преступников.

⁴⁰¹ Там же, с. 88.

⁴⁰² Там же, с. 138.

⁴⁰³ Там же. С. 141.

То, что Ханна Шмиц, эта зрелая женщина связала свою жизнь с 15-летним мальчиком из профессорской семьи — знак того, что после войны остро ощущается нехватка мужского населения, выбитого не только на полях сражений, но и тяготами военного времени, которые мужчины переживают намного труднее, чем женщины. Да и сам мальчик оказался покалечен этим романом на всю жизнь. Семейная жизнь его так и не сложилась. Ибо война катком проходит и по побежденным, и по победителям, что очень хорошо почувствовали люди в СССР.

Любая война требует осмысления. После войны люди начинают доискиваться, почему она возникла, кто виноват, какова степень виновности тех или других, чему она может научить. Вот почему автор пишет, что «история, выстраивая мосты между прошлым и будущим, видит, что происходит на обоих берегах, а потому деятельно причастна к происходящему и тут и там»⁴⁰⁴.

Когда Михаэль Берг узнал о выходе Ханны из тюрьмы, он снял ей квартиру и «позаботился обо всех государственных, церковных и социальных учреждениях, которые могли ей понадобиться»⁴⁰⁵. Перед освобождением они встретились. Но все это было напрасно. Ханна Шмиц повесилась. Она оставила письмо, в котором было написано: «В лиловой банке для чая лежат деньги. Отдайте Михаэлю Бергу. Вместе с семью тысячами марок, которые есть на моем счете в сберкассе, их нужно переслать той женщине, что спаслась с матерью от пожара в церкви. Пусть она решит, что с ними делать. И передайте ему от меня привет»⁴⁰⁶.

При встрече Михаэля Берга с той девочкой, ставшей к этому времени уже зрелой женщиной, явно живущей в достатке, которая написала книгу, ставшую основным документом для суда, выяснилось: у нее в детстве была похожая банка для чая (правда, с русскими буквами), которую украли в лагере. Она решила банку оставить себе. А деньги Михаэль Берг перевел на счет Еврейской лиги борьбы с неграмотностью от имени Ханны Шмиц. И тут мы снова видим знак войны. Да, победители могут быть довольны, что одолели такого страшного врага. Но, увы, война перекорежила и их жизнь, и удовлетворение от победы — «со слезами на глазах».

По этому роману в 2007 году был создан фильм (режиссер Стивен Долдра). Однако перевод из одного вида в искусства в другой —

⁴⁰⁴ Шлинк Б. Чтец. — СПб., 2009, с. 167.

⁴⁰⁵ Там же, с. 178.

⁴⁰⁶ Там же, с. 190.

всегда сложная проблема, ибо это перевод с одного языка на другой. Потери здесь неизбежны.

И все же — и роман, и кинофильм достаточно ярко и тонко показывают все отрицательные стороны войны, выявляя основные особенности ее знаковости. И, конечно же, и роман, и кинофильм убедительно показывают, что все возникающие конфликты лучше решать с помощью разного рода дипломатических переговоров, нежели прибегать к военным действиям, всегда деструктивным и опасным как для тех, кто ощущает справедливость своей позиции, так и для тех, кому в будущем придется каяться за совершенные преступления. Ибо, как показывает история войн, каждая следующая становится все более разорительной и разрушительной и, в конце концов, эта гонка вооружений и агрессии может привести к окончательному уничтожению не только отдельных регионов, но и всей планеты в целом. Так что сегодня наиболее здраво рассуждающие люди, обеспокоенные такой перспективой, бьют в набат. И одним из таких предупреждений является роман «Чтец» Б. Шлинка.

Семиотика кризиса

(Опубликовано: Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры. X Международные Лихачевские научные чтения, 13–14 мая 2010. СПб.: СПГУПБ 2010, с. 340–342)

Кризисы, с которыми столкнулось мировое сообщество в конце 2000 годов, обратили на себя внимание современных ученых. Известно, что кризисы бывают не только денежные, финансовые, с чем столкнулось современное человечество, но и экономические, затрудняющие развитие всего общества в целом, проявляющиеся в первую очередь в кризисе идей, затрагивая при этом культуру и искусство.

К. Маркс одним из первых обратил внимание на кризисы. В своем знаменитом «Манифесте Коммунистической партии» он писал: «Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая предшествующим эпохам показалась бы нелепостью, — эпидемия перепроизводства. Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, — и почему? Потому, что общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей... Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство»⁴⁰⁷. К. Маркс показал, что каждый последующий кризис выше предыдущего. Кризис — это движение к прогрессу. Кризисы полезны, т.к. они стимулируют поиски правильного пути развития. При этом кризисы неизбежны. Они расчищают устаревшее в культуре и отмирающее в обществе. Кризисы постоянны. Свергая что-то негативное, ненужное в обществе, возникают новые заторы, которые порождают новые кризисы.

---

⁴⁰⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. Т. 4. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955, с. 422.

Николай Дмитриевич Кондратьев дополнил К. Маркса. Он считал, что кризисы порождают энергию открытия. Таких открытий в эпохи кризиса много, но они, как правило, ложатся под сукно. По Кондратьеву, который выдвинул теорию длинных циклов кризисов, известные в науке как «циклы (волны) Кондратьева, накладывающихся на все стороны жизни, каждые 48–55 лет возникают системные кризисы, определяющие застой в науке, в культуре. При этом надо иметь в виду, что временная дистанция смены поколений по представлению Ортеги-и-Гассета — 30 лет: 15 лет становления и 15 лет правления⁴⁰⁸.

Длинные волны кризисов имеют повышательную и понижающую форму. Именно Кондратьев выдвинул два типа циклов — понижающиеся и повышающиеся. Он выделил повышательную волну: с конца 80-х — начала 90х годов XVIII в. до 1810–1817гг. Понижательная волна: с 1810–1817 до 1844–1851гг. Следующая повышательная волна: с 1844–1851 до 1870–1875 гг. Понижательная волна: с 1870–1875 до 1890–1896 гг. Наконец, следующая повышательная волна: с 1890–1896 до 1914–1920 гг. Далее он считал вероятную понижающую волну с 1914–1920 гг. Причем, периоды колебаний отдельных данных совпадают между собой весьма близко. Расхождение точек перелома по отдельным кривым лишь в единичных случаях превосходит 5 лет. При повышающихся циклах появляется множество открытий, порождается энергия, но при этом появляются войны, революции. При понижающихся циклах внедряются открытия, которые при повышающихся циклах ложатся под сукно, но нет войн, характерны скачки производительности труда, повышение уровня жизни. В своем докладе в Институте экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук в 1926 году он говорил: «Начало подъема совпадает с моментом, когда накопление и аккумуляция капитала достигают такого напряжения, при котором становится возможным рентабельное инвестирование капитала у целях создания основных производительных сил и радикального переоборудования техники... Понижение темпа хозяйственной жизни обуславливает, с одной стороны, усиление поисков в области усовершенствования техники, с другой — восстановление процесса аккумуляции капитала у руках про-

⁴⁰⁸ Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея // Избранные труды. — М, Весь мир, 1997, с. 233–403, с. 275.

мышленно–финансовых и других групп в значительной мере за счет сельского хозяйства»⁴⁰⁹.

Вот почему, каким быть культуре XXI века решается уже сейчас. Следующее развитие кризиса — 40–60–е годы XXI века.

До недавнего времени считалось, что каждое поколение должно пройти войну. Однако можно таким образом воздействовать на общество, что именно кризисы могут заменить войны. Кризисы — расплата детей за грехи отцов. Чем меньше ошибок отцов, тем меньше кризисов испытывают дети.

И все же кризисы в культуре достаточно полезны. Не случайно Н. Тишунина писала: «диалектика каждого кризиса заключается в том, что он знаменует собой переход от одной изжившей себя формы развития культуры, к другой нарождающейся»⁴¹⁰.

Кризис порубежья XIX–XX веков породил ситуацию, очень схожую с современной. Тогда так же, как и сейчас, передовая интеллигенция ужасалась упадку культуры, возвестив о грядущем Хаме. Да, симптомы кризиса были всеобъемлющи. Но сегодня–то мы восхищаемся достижениями Серебряного века, с придыханием повторяем многие из имен того времени.

Любопытно, что в середине XX века экзистенциализм, возникший в то время, констатировал, что современное общество тогдашних представителей экзистенциализма можно рассматривать как кризис цивилизации, кризис разума и кризис гуманности. Но они выступали против капитуляции личности перед этим кризисом.

Сегодня не случайно мы видим большое количество римейков, апгрейтов, симулякров.

Римейк (англ. *remake*) — это произведение, использующее сюжет ранее созданного произведения. Чаще всего римейк — произведение киноискусства, когда ранее зарекомендовавший себя фильм вновь использует его сюжет, но уже с новыми актерами, новыми техническими средствами и т.п. Любопытно, что «Золушка» ставилась 100 раз,

---

⁴⁰⁹ Доклад Н.Д. Кондратьева в феврале 1926 года в Институте экономики Российской ассоциации научно–исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) // Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики. — М.: 1928. Цит. по тексту книги: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989, с. 172–226.

⁴¹⁰ Тишунина Н.В. Современные Глобализационные процессы: вызов, рефлексии, стратегии // Глобализация и культура: аналитический подход. Сборник научных трудов. — СПб.: Янус, 2003, с. 11.

«Гамлет» — 74 раза, «Доктор Джекилл и мистер Хайд» — 52 раза, «Робинзон Крузо» — 44 раза. Этот ряд можно продолжить⁴¹¹.

Апгрейт — сегодня весьма распространенное явление. Если раньше появился только жанр минимальной пародии — дословно пересказывая известный текст, но придавая ему при этом новый, не предполагавшийся смысл, в апгрейте, например, классический текст повторяется на фоне общего сокращения сюжетных поворотов, хотя при этом минимально изменяются обстоятельства, изменяются имена, профессии героев. Используют в современном искусстве обилие жаргонизмов, уничтожают из первоисточника приметы его стиля. Отсюда часто сегодня раздаются возгласы о «смерти автора»⁴¹². Однако это иллюзия. И автор всегда осознает свою ответственность. Об этом писал уже М.М. Бахтин: «Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных подходов. Личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг в друга в единстве вины и ответственности»⁴¹³. Ибо те, кто создает художественные произведения, отдают себе отчет, а иногда и неосознанно понимают, что воздействие их произведений достаточно высоко. Попутно отметим, что еще в конце XIX века известный психолог и педагог П. Каптерев разделил читателей на две категории: на «идиотов подражателей» и «гениев подражательности». Гении, подражая, начинают новое творчество, «идиоты» подражают буквально, вплоть до внешности. Подражают прочитанному. Ценность же искусства, по Каптереву, «не в прямой демонстрации положительного примера, но в преображенном и укрупненном отражении противоречивой реальности. Если же произведения искусства превратить в иллюстрацию к правилам поведения, то оно тем самым перестанет выполнять свои социальные обязанности — средствами, доступными только искусству, подвигать человека к размышлению о самом себе»⁴¹⁴.

⁴¹¹ <http://slovari.yandex.ru/dict/economic/article/ses2/ses-5705.htm>

⁴¹² Волкова П.С. Реинтерпретация художественного текста (на материале искусства XX века). — Краснодар: Хорс. 2008, 200 с.

⁴¹³ Бахтин М.М. Искусство и ответственность // Бахтин М.М. Работы 1920–х годов. — Киев, 1994, с. 7.

⁴¹⁴ Левшина И.С. Кино–телематограф, мы и наши дети // Кино — юным. — М.: искусство, 1985, с. 216–228.

Именно поэтому роль базового текста первоисточников становится как никогда значимой. Привлекают в прошлом — высокий нравственный идеал классических произведений, стремление увеличить коммуникативную направленность художественного текста.

Симулякр — слово, пестреющее в современной культуре. Слово *simulacrum* в латинском языке имеет три значения: 1) подобие, видимость; 2) образ, изображение, статуя; 3) тень, призрак, привидение. Термин этот Бодрийяр позаимствовал у Эпикура. Эпикур рассматривал это понятие как копию, образ вещи. Бодрийяр вводит это понятие для обозначения соотношения образа и реальности в современном постиндустриальном мире, который проходит четыре исторические фазы: 1) образ отражает реальность; 2) образ маскирует и искажает реальность; 3) образ указывает на отсутствие реальности; 4) образ не имеет никакого отношения к реальности. Причем, первые два этапа относятся к классической эпохе существования картины, в то время как третий связан с массовым репродуцированием образов в индустриальную эпоху и, соответственно, современный, четвертый, период, описанный через понятие симулякр.

Симулякр — знак без денотата, знак того, чего нет. Симулякр очень точно выражает ряд позиций культуры второй пол. XX в. Ж. Бодрийяр писал: «Понятие симулякра («видимости», «подобия») существовало еще в философии Платона: имеется идеальная модель—оригинал (эйдос), по отношению к которой возможны верные или неверные подражания. Верные подражания — копии характеризуются сходством (с моделью), а неверные подражания — симулякры — своим отличием (от модели и друг от друга)»⁴¹⁵. Понятие широко используется многими исследователями современной культуры. Однако Ж. Делез утверждает: «Симулякр — вовсе не деградированная копия. В нем таится позитивная сила, отрицающая, как оригинал, так и копию, так и модель, и репродукцию»⁴¹⁶.

Поэтому Ален Бадью, один из первых исследователей творчества Ж. Делеза, определил мир делезовских сущностей как «театр симулякров Бытия»⁴¹⁷. Связано это с тем, что бытие предстает для Ж. Делеза как некая игра парадоксов: мысль — не внешнее и не внутреннее, она — внешнее внутреннего или внутреннее внешнего; смысл — атри-

⁴¹⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2006, с. 8.

⁴¹⁶ Бадью А. Делез. Шум бытия. — М., 2004, с. 61.

⁴¹⁷ Там же.

бут вещей и одновременно выражаемое в предложении; симулякр — ни оригинал, ни копия; события — ни активные, ни пассивные, ни внутренние, ни внешние, ни воображаемые, ни реальные.

Не случайно Ж. Бодрийяр, например, использует понятие симулякр и для анализа культуры, и для анализа искусства. Симулякры создают иллюзию заполненности мига, расширения пространства человеческих возможностей, иллюзию насыщенной и интенсивной жизни, характеризующая особенности современной потребительской цивилизации. Если в культурах прошлых веков существовали элементы иллюзорного расширения пространства, удвоение предметов (вспомним широко распространенные обманки в XVIII в.), то в современной культуре такого рода симуляции характеризуются всеобщностью и постоянством. «Мы вступили в эру симуляции, наступление которой знаменует полная заменяемость некогда противоречивых или диалектически противоположных терминов: взаимозаменяемость красивого и уродливого в моде, правого и левого в политике, истинного и ложного в масс-медиа, полезного и бесполезного на уровне объектов, природы и культуры на любом смысловом уровне. Все становится «неразрешимым» — эффект, вызванный повсеместным господством кода, основанного на принципе нейтрализации индифферентности»⁴¹⁸. Симулякр снижает эксперимент до эмпирического уровня, в нем утрачиваются цели преобразования, но сохраняется преобразование как бесконечный акт. Таким образом, симулируется сам эксперимент. Симуляторы отбрасывают человека за пределы реального мира, вытесняют его, оказывая парализующее действие приемом насыщения. Это иллюзорное образование, создающее иллюзию новизны при полной зависимости от традиционных вкусов и творческих методов прошлого. Экспериментальное мышление преобразуется в симулякр.

Понятие симулякр особенно важно при рассмотрении и понимании постмодернизма. В симулякре знак претерпевает ряд модификаций, симулируя реальность, маскирует ее отсутствие и, в конце концов, становится тем, что не означает ничего. Не отражая ничего, знаки-симулякры все же приобретают смысл, полученный ими из их эстетического облика, образованного из породившей их реальности, неся черты этой реальности и впечатлений от нее. Таким образом, знак, не имеющий связи с реальностью, утративший ее, становится компонентом художественной структуры, выражая ассоциации автора от реальности, выражая целостность видения автора. Несмотря на то, что этот знак, видимо,

⁴¹⁸ Бодрийяр Ж. О совращении // Ежегодник Ad marginem'93. — М., 1993, с. 330.

бессмыслен по своим реальным корням, он наполнен субъективным авторским содержанием. Примеры симулякров в современном искусстве — серия «Менин» Пикассо, где серийный экспериментальный анализ служит изучению знаменитого полотна Веласкеса. По мнению многих исследователей современной культуры, симулякр в дальнейшем будет все больше занимать место в «массовой культуре». Вот что писал Ж. Делез по этому поводу: «Бог сотворил человека по своему образу и подобию, но в результате грехопадения человек утратил подобие. Сохранив, однако, образ, мы стали симулякрами, мы утратили моральное существование, чтобы вступить в существование эстетическое...»⁴¹⁹.

Кроме того, Ж. Бодрийяр выдвинул понятие «промышленный симулякр». При серийном производстве вещи без конца становятся симулякрами друг друга, а вместе с ними и люди, которые их производят. Но по сравнению с эрой подделки, двойников, зеркал, театра, игры масок и видимостей, эра серийно–технической репродукции невелика по размаху. Первым последствием этого сформулировал Вальтер Беньямин. Он показал в своем произведении, ставшем классическим — «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», что именно в XX веке открылись новые территории, свободные от «классических» производительных традиций и изначально расположенные под знаком воспроизводства. Сегодня в эту сферу попадает все материальное производство. Вот почему Ж. Бодрийяр считает: «Как нам известно, сегодня именно в плане воспроизводства — моды, масс–медиа, шоу, рекламы, информационно–коммуникативных сетей — в сфере того, что Маркс пренебрежительно именовал непроизводительными издержками (какова ирония истории!), то есть в сфере симулякров и кодов обретают свое единство общие процессы капитала»⁴²⁰.

И действительно, как верно указывает А.И. Извеков, ни один из предшествующих постмодернизму кризисов культуры не выразил столь ярко социально–психологический фон кризисной ментальности, усиливающийся феноменом, с которым человечество столкнулось фактически впервые — обезличиванием культуры. «Обезличивание культуры обнаруживает себя в примитивизации запросов «среднестатистического человека»⁴²¹. При этом А.И. Извеков приводит обширный ряд характеристик личности постмодернизма. Это и нигилист, пыта-

⁴¹⁹ Делез Ж. Платон и симулякр. — М.: Ад Маргинем, 2007, 244 с, с. 49.

⁴²⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2006, с. 123.

⁴²¹ Извеков А.И. Проблема личности постмодерна: кризис культурной идентификации. — СПб.: С.–Петербургский университет, 2008, с. 24.

ющийся скрыться от нигилизма, и свободолюбивый человек, не способный справиться со своей свободой, и человек, уверенный в своем превосходстве над людьми любых прежних эпох, но не способный определить сущность превосходства, и не верующий ни во что, но жаждущий веры. «Словом, это человек, который на вопрос о смысле жизни, скажет, что смысл только в том, чтобы ее прожить, включая в прагматический расчет жизни все ее составляющие — от профессии до семьи. Наконец, черты новой личности приобретают глобальный, распространяющийся повсеместно характер»⁴²².

Любопытно, что уже Е. Готовский так охарактеризовал такую ситуацию: «Сегодня не только каждая традиционная общность людей стала Вавилоном, где смешались языки и исчезли общие верования, но в равной степени каждый человек сегодня — Вавилонское столпотворение, потому что в основе его существа уже нет монолитной системы ценностей»⁴²³.

Сегодня кино и телевидение, создавая стереотипы своего искусства, сами подпадают под их власть и становятся рабами зрительских пристрастий. Чем обширнее аудитория, тем легче это происходит. Губительность коммерциализации ощущают все. Становясь на поток, искусство теряет свою духовную значимость.

Итак, можно без конца повторять, что мы видим ужасающую пропасть, куда проваливается современная культура. Мы можем даже указать на основные знаки этого угрожающего явления. Однако вместе с тем в этой культуре уже зарождаются многочисленные элементы того будущего расцвета, который обязательно последует за современным этапом.

Довольно показателен пример, произошедший на фестивале современной драматургии «Новая драма». Обозреватель «Новой газеты» Марина Токарева пишет: «Один итальянский коллега, расспрашивая меня о процессе, как-то обронил фразу: как же повезло в вашей стране режиссерам и драматургам — сколько можно извлечь интересного из русской бурно меняющейся реальности... И мне трудно было объяснить ему, почему самый постановочный автор российской сцены по-прежнему Чехов. «Не может быть — возразил мне коллега. Переходные эпохи всегда рожают новых авторов, чтобы было кому описать перемены!»⁴²⁴.

Характерный пример современного искусства — петербургский дуэт «IN-TEMPORALIS» классической пианистки Полины Фрадки-

⁴²² Там же, с. 23.

⁴²³ Готовский Е. От Бедного Театра — к искусству-проводнику // Искусство режиссуры. XX век. — М.: Артист. Режиссер. Театр, 2008 с. 553.

⁴²⁴ Токарева М. Фестиваль «Новая драма» // Новая газета — от 22 апреля 2009 г.

ной и кубинского перкуссиониста Йоеля Гонсалеса, хорошо известного в джазовых кругах и среди любителей этнической музыки. Петербургскому дуэту недавно исполнилось два года. Родилась рискованная идея построить «мост через пропасть» между эстетическими и психологическими мирами. Творческий эксперимент увлек как самих музыкантов, так и публику. 11 июня 2009 года в Смольном соборе проходил их концерт, где были представлены произведения Баха, Бетховена, Грига, Мусоргского, Равеля, Россини и Де Фальи. На этом концерте был записан диск, изданный при участии известной фирмы «Бомба Питер».

Мы знаем множество транскрипций академических музыкальных произведений, исполняемых в различных интерпретациях «ритмических субкультур» — джаза, рока, этномузыки. Чаще всего такие транскрипции имеют цель приблизить академическую музыку к массовой аудитории. У дуэта «IN-TEMPORALIS» иная задача — создать новую звуковую реальность, совместить в общем звуковом пространстве две музыкальные цивилизации — фундаментальную европейскую и по преимуществу афро-кубинскую, обладающую своей, тоже фундаментальной, культурной традицией. Это чрезвычайно актуально и своевременно в условиях глобализации. Сами исходные произведения европейской классики, взятые дуэтом «IN-TEMPORALIS», в новой интерпретации отнюдь не теряют своего глубинного смысла и содержания. Разумеется, благодаря тонкости, эстетическому чувству меры и вкуса музыкантов, и незаурядному музыкантскому мастерству.

Безусловно, творчество этих музыкантов отражает сущностные черты нашего времени. То, что предлагает публике дуэт Полины Фрадкиной и Йоеля Гонсалеса вполне вписывается в эти глобальные проблемы. Художественное событие, происходившее 20 января 2010 года, рассматриваемое в его интеллектуальном аспекте как яркое и смелое проявление нового взгляда на мир и культуру, обращено в будущее, еще неведомое, но уже угадываемое. Не случайно их альбомы называются OWN VIEW — СВОЙ ВЗГЛЯД.

Столь же показательна выставка произведений Даши Намдакова, открывшаяся в Государственном Эрмитаже 26 февраля 2010 года.

Таких примеров можно приводить множество, и не только в музыке, но во всех видах искусства, и не только в художественном творчестве, но и в культуре в целом. Как правило, в периферийных отделах культуры накапливаются новые элементы, которые впоследствии становятся все более значимыми и значительными. И так в истории культуры — постоянно.

Семиотика революции

Сто лет отделяет нас от русских революций 1917 года. Это было «столь мощным, столь трагическим и столь сильно потрясшим основы существования страны событием» (29, с. 194), что до сих пор мы чувствуем последствия этих катастрофических катаклизмов. Революция — это переворот, когда то, что было наверху, становится низом и наоборот. При этом нельзя утверждать, что то, что появляется наверху, лучше того, что оказалось внизу. Всякое творчество представляет собой революционный переворот, но и контрреволюция, являющаяся ответом на революцию, тоже несет с собой революцию. Революция в своей основе имеет хаос. Генетически революции закономерны. Если мы остановимся на изучении истории человечества, мы увидим, что сначала появляется «новый человек». Это рождает переворот. При этом всякая революция приводит к катастрофам: сексуальная революция порождает СПИД, НТР — экологические катастрофы, духовная революция порождает такое явление как Гитлер и т.п.

История революций имеет длительную временную дистанцию. Возникновение революций можно считать переход из стадных приматов выделение первобытного социума, в естественном отборе оставившего нашего пращура — кроманьонца. Эта эволюция привела к расколу классового общества — на родовую аристократию и демос, предклассовому обществу, к азиатскому способу производства. В.В. Колбановский называет это Первой Великой социальной революцией (11, с.41). Далее, по В.В. Колбановскому из азиатской формы собственности, когда коллективная земля больше индивидуальной, возникает античное рабство, когда коллективная земля становится равной индивидуальной, затем формируется феодализм и крепостничество — германская форма собственности, когда коллективная земля меньше индивидуальной. Возникают крепостные крестьяне и свободные йомены, свободные ремесленники, люди свободных профессий. И это уже пролегомены ко Второй Великой социальной революции. Возрождение становится прологом такой революции. Капиталистическая форма частной собственности

гибка, подвижна, но вместе с тем очень неустойчива и кризисна. Здесь следует иметь в виду, что эволюция социальных систем вписывается в эволюцию Всего, т.н. гранд-теорию, которую физик-теоретик Стивен Хокинг определил как «Теорию Всего», М-Теорию, когда теория эволюции социальной материи зиждется на микроуровне теории акторов, субъектов процессов, на мезоуровне — теории социальных институтов и на макроуровне — теории функционирования и развития общества. Из них складывается научная картина мира (32, с. 134). Понятие «динамический хаос», «неустойчивость», пришедшие в гуманитарные науки из синергетики Г. Хагена и теории самоорганизующихся систем И. Пригожина, приложимы к социальным системам. Из глобальных кризисов, постоянно сотрясающих человеческие сообщества, особенно в XX–XXI веках В.В. Колбановский видит два выхода: 1) либеральный — налог на сверхбогачей и политика социальной защиты «низов» и 2) тоталитарный — военно-бюрократическая олигархия (11, с. 41). Последствия Великой Октябрьской революции по В.В. Колбановскому привели к следующему: «Государственная собственность в СССР стала частной собственностью сталинской бюрократии, т.е. политарной собственностью» (11, с. 43). В итоге социальная структура такого общества восстанавливает кастовость и сословность, против которых и возникла эта революция. Именно Великая Социалистическая революция породила десятки социальных революций по всему миру. И стала первенцем Третьей Великой социальной революции, дав импульс китайской революции, революциям в Индии, Южно-восточной Азии, Латинской Америке и т.д. Итоги: развал СССР, социальные преобразования, внесшие положительные перемены в жизнь людей: бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, обеспечение прав женщин, охрана материнства, ликвидация беспризорничества. Вместе с тем — владельцами общественной силы стал «партийно-бюрократический олигархат или политарнат», когда беспредельная прибавочная стоимость выжималась такая, «какая не снилась самым алчным и безжалостным владыкам Капитала» (11, с. 47).

Любопытно, что термин «революция» был введен отнюдь не авторами трудов по социальным дисциплинам. Впервые слово «революция» Николай Коперник ввел в заглавие своей классической работе «О вращении небесных тел — «On the Revolution of Celestial Bodies». Термин этот у него обозначал вращательное движение по кругу (24, с. 9).

Один из героев романа Ч. Паланика «Бойцовский клуб» — Тайлер Дёрден, раздавая задания членам организованного им клуба, использует

старые политические приемы организованного хаоса и анархической бюрократии. Основные идеи экстремистских организаций — от анархизма, который пропагандировал тактику индивидуального террора, призывы и методы китайской культурной революции, современный исламский радикализма в основе имеют одно и то же. В социальной жизни общества «революция при всей ее иррациональности представляет собой явление вполне естественное для стран, находящихся в состоянии модернизации...

Модернизация — это не просто триумфальное шествие отсталых обществ к развитой рыночной экономике и демократической политической системе. Модернизация — это переход от традиционного общества к современному, в ходе которого меняется весь образ жизни человека. И смена эта зачастую бывает чрезвычайно мучительной, поскольку человек не может больше жить так, как привык с детства (29, с. 196).

Революция — перемена в культуре, которую можно по М. Бахтину рассматривать как переход из хронотопа порога «кризиса жизненного перелома» в хронотоп дороги. М.М. Бахтин писал: «На дороге... пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути много различнейших людей — представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы. Здесь своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь социальными дистанциями, которые здесь преодолеваются» (3, с. 392).

Для всех революций неизбежно одно — они неизбежны. Как правило, революция дает возможность одним достигать своих личных интересов за счет других. При этом в рядах сознательных борцов в Англии XVII века было не более одного процента населения, а во Франции они представляли не более двух–трех процентов (8, с. 21). Происходит передел власти. Одной из первых революций была революция в Англии 1640–х — 1660–х гг., споры о рамках и особенностях которой не затихают в работах исследователей до сих пор. XVII век в истории Англии стал рубежом между средневековьем и современностью. По сути, он определил проблемы самоощущения и картины мира современного британца. Опосредованно это влияние расширилось до глобальных масштабов мира и человечества. Это, а также переломность эпохи XVII столетия представляют наибольший инте-

рес и для России сегодня. При этом влияние Английской революции намного шире либеральной политики и проблем парламентаризма. Она ярко показала изменчивость жизни в зависимости от происходивших событий, породивших новые этические и эстетические идеалы эпохи. А Французская революция до сих пор для Франции и французов является одним из главных исторических событий, к тому же многие символы той революции до сих пор сохранились и почитаются населением. Опыт Великой Французской революции 1789 года породил революции 1830, 1848, 1870 гг. Затем в 1918 году произошла революция в Германии, разрушившая Германию и Австро–Венгрию. Повлияли революции и на Испанию (последствия революции проявились через сто лет — гражданская война в 1930–гг.), и на Италию. «В плане напряженности гражданского противостояния ситуация в России напоминала ситуацию, сложившуюся в Испании через два десятилетия. Только в России внутреннее противостояние завершилось победой левых сил, тогда как в Испании — правых (практически столь же деструктивных). В плане распада империи ситуация в России напоминала ситуацию в Австро–Венгрии» (29, с. 207). Революции 1789, 1830 годов во Франции, наши революции в 1917 году не могли не сказаться на современной жизни. Правда, во Франции не оказалось тех ран, которые сопровождали нашу революцию.

В XVIII веке — пик революций. Так, в Америке в 1775–1783 году в ходе Войны за независимость происходит революция, отменившая колониализм и создавшая суверенитет государства на севере страны. Революция во Франции 1789 года установила демократическое республиканское правление. В 1848 году во Франции происходит национальная революция, которая стала катализатором революций в Европе, приведших к падению империй — Австро–Венгерской и Российской. «Цветные революции» конца XX–XXI веков в основе своей в большинстве — бескровные. Таковы, например, «бархатные» революции в Восточной Европе. В Чехословакии — в 1989 г.; в Германии — в 1989 г., когда упала Берлинская стена и ФРГ прекратила свое существование; в Венгрии, в Польше — в 1989 г. В Румынии революцию «бархатной» можно назвать условно, т.к. она стала наиболее жесткой (25 декабря 1989 г. были расстреляны Чаушеску с женой). Все это привело к глобальным политическим изменениям. Исторические процессы в СССР повлияли на революции в Украине, Грузии, Киргизии, ставшими независимыми государствами в ходе цветных революций. Украинская революция 2004 года носила название «оранжевой», цвет которой

стал основой ее символики. В 2005 г. — «тюльпановая» революция в Киргизстане. Такие же революции — в Узбекистане и Белоруссии — («васильковая» или «джинсовая» революция). К ним примыкают революции в арабских странах. В 2010 — «жасминовая» революция в Тунисе, в 2011 году — революционные изменения в Ливане. Схожие ситуации в Иордании и Омане, Марокко и Кувейте. Сменились правительства в Сирии и Бахрейне. В Алжире и Ираке — волна протестов. В Египте, Йемене, Ливии правительства были свергнуты. Но в арабских странах революции положили начало хаосу и разного рода конфликтам, в отличие от европейских «бархатных» революций (33). После «бархатных» революций происходит переход в новое состояние. Там же, где произошли «цветные» революции, страны «утратили стабильность в экономической и социальной сферах (Грузия, Украина), если не оказались в критическом положении (арабские страны)» (23, с. 24).

Прав Дмитрий Травин, утверждающий, что «все несчастливые страны несчастливы по-своему». А революция — это трагическое событие, потрясающее основы существования страны. И, конечно же, во всех революциях можно найти общие закономерности, которые становятся их знаковыми, кодовыми характеристиками. «В общем, можно сказать, подводя итоги, что русская революция в целом складывалась из тех же «кирпичиков», что и революции в других странах. Однако последствия ее оказались иными» (29, с. 207).

Следует все же констатировать, что все революции имеют общие закономерности и общие черты.

«Общим является лишь то, что она становится следствием накапливающихся в ходе модернизации противоречий. Не следствием отсталости общества и не следствием заговора его врагов. Любая революция эпохи модернизации — это промежуточный итог объективного процесса развития. Этот рубеж надо преодолеть для того, чтобы двигаться дальше» (29, с. 202).

Понятно, что революции влияют на эволюцию развития страны.

Каковы же эти знаковые особенности революции?

Как правило, революции сопровождаются боевыми действиями, вызванными гражданской войной из-за по-разному ориентированных к новому масс людей. Поэтому появляются разного рода повстанческие и партизанские движения. Революция несет с собой массовый террор против несогласных с устанавливающимся порядком, когда физически уничтожаются все недовольные изменениями. Причем, террор и с одной, и с другой стороны. Как «красный» террор, так и «белый» тер-

рор в России привели к уничтожению большого числа людей. Помимо «белого» террора, был также «зеленый» террор, включавший представителей уголовно–бандитских элементов, «розовый» террор, «черный», анархо–коммунистический террор. Убийства и грабежи сопутствовали им. «Расказачивание», массовое уничтожение военно–крестьянского сословия, мясорубка ВЧК с одной стороны, да и белый террор — с другой создали условия для создания в СССР военно–полицейского аппарата. Последствия отразились на следующих этапах развития страны. «Отказ последующих советских руководителей от политики массового внутреннего государственного террора, в конечном итоге, в немалой степени способствовал падению коммунистического режима в СССР в августе 1991 г. Тем не менее до сих пор в Российской Федерации сохранился огромный, самый крупный в мире военно–полицейский аппарат (от 4 до 5 млн.), способный выполнять военно–охранные и репрессивно–карательные функции по охране режима, но не способный защитить население от преступности и произвола властей» (26, с.207). Для поддержания нового порядка производятся репрессивно–карательные мероприятия. Война несет с собой массовый голод и болезни. Революционные массы активно участвовали в терроре. При этом на первых порах отсутствовали морально–этические нормы. Классовое чутье в ненависти позволяли выбивать из «буржуев», «контриков», «врагов народа» признательные показания. Этому способствовала тысячетлетняя история изощренных телесных наказаний, существовавшая в России. В итоге гибнут самые лучшие, наиболее активные и дееспособные, а также работоспособные люди. Причем, например, в России в революционные годы произошла демографическая катастрофа. Вместо ожидаемых 207,5 млн. населения в 1923 гг. на территории СССР насчитывалось 137,5 млн. людей (26, с. 203). Но часть людей выбирает политическую и экономическую эмиграцию. Впрочем, и они терпят ужасающие бедствия. Это приводит к тому, что «те элементы российского общества, которые составляли основу нарождающейся полиэтнической, российской нации» были уничтожены (26, с. 210).

Все эти явления порождали политические анекдоты, в основе которых был исторический факт. Вот почему «на всем протяжении советской истории» политический анекдот «приравнивался к государственным преступлениям» (26, с. 211). А.И. Степанов приводит подборку политических анекдотов. Вот один из них, касающийся символов революции: «Вот он наш советский герб, справа молот, слева серп, хочешь жни, а хочешь куй, все равно получишь ...» (26, с. 215). В результате

революции возникают территориальные изменения — как правило, отход окраинных регионов.

В.П. Булдаков показывает, что о революции мы узнаем, в первую очередь из дневников. Они рисуют непосредственное восприятие событий людей этого времени. Источником знаний о революции может служить переписка граждан, сохранившаяся в архивах. Важным материалом для восстановления особенностей революции могут служить произведения эпистолярного жанра — разного рода «слезницы и хуления», которые адресовались властям. К сожалению, всегда, и во время революции, существовали доносы. И они также репрезентируют знаковые черты революции. Характерны также сочинения детей, особенно крестьянских, непосредственно описывавших происходящее. Огромный материал предоставляют мемуары. Эти документы дают возможность исследовать язык революционной эпохи, демонстрируя «знаковые ряды трансформации старого в новое», демонстрируя страстифицированность общества (5, с. 15–17).

Как правило, встречают революцию с восторгом. Она сопровождается эйфорией, опьянением свободой. Так, Февральскую революцию «вся творческая интеллигенция встретила с энтузиазмом, особенно футуристы и имажинисты, которые сочли совпадение революции социальной и культурной актом одномоментным, а А.Ф. Керенского — первым вождем футуристического государства» (27, с. 122). Но потом политические симпатии резко разделились. Многие, встретившись с хаосом, массовыми смертями, разочаровались в революции, о чем ярко написал Аверченко в своем памфлете «Дюжина ножей в спину революции». Эйфория сменяется апатией, разочарованием. Жизнь многих после революции сложилась трагически: расстрелян был Н. Гумилев, покончил с собой В. Маяковский, погиб в застенках В. Мейерхольд, И. Бабель, О. Мандельштам. Скорбный этот список можно продолжить. Многие эмигрировали — но и там жизнь оказалась для большинства связанной с невыносимыми страданиями. Гражданская война, массовый террор — массовые репрессии — это еще одни знаковые свойства революции.

Революционеры стремятся построить новый мир на новый лад. Поэтому в первую очередь стремятся упразднить религию. Так было во время Великой Французской революции, когда ее лидеры предприняли отчаянную попытку запретить католические богослужения, а парижские церкви «стали превращаться в храмы Разума — и, увы, попутно разграбляться» (7, с. 36). У нас в стране всем известно, как стали после революции притеснять представителей религии и как истоиво разрушали церкви.

Внешний облик и приметы революции отличались новизной образа. Так, красный цвет на протяжении всего 1917 года стал очень популярным. Носили красные банты, шарфы, повязки почти все. Эти алые банты воспринимались так же, как трехцветные кокарды во Франции во время революций XVIII века. Красные косынки, завязанные на затылке, которые были не просто головным убором, а частью партийной униформы, напоминали женский вариант фригийского колпака. До I мировой войны царское правительство подготовило спецодежду для авиаторов. Это были кожаные куртки, которые в свое время не были использованы. После революции их стали выдавать активистам и они стали одним из отличительных знаков большевистских комиссаров. То же можно сказать и о буденовках, которые были подготовлены для парада царских войск после победы в войне. Они были созданы по образцу русских шлемов специальной комиссией, в которую входили Виктор Васнецов и Борис Кустодиев. Большевики реквизировали их и пришили сверху красные звезды с серпом и молотом (7, с. 46).

Во Франции короткие куртки, которые носили моряки, стали символом революции. Третье сословие носило кокарды и трехцветные шарфы и ленты. Аристократки и женщины из буржуазии стремились подражать крестьянкам, наряды стали использовать красно–сине–белые цвета. Противники революции — инкруаябли тоже носили особую одежду, которая воспринималась как манифест — серьга в ухе, монокль, треуголка, палка вместо трости, яркий жилет, обувь с узкими носами (7, с. 17, 16). Вспомним, что во время Французской революции Жак–Луи Давид разрабатывал эскизы республиканских костюмов. Ему было поручено разработать «типовые» костюмы. Он разработал женские белые платья как национальный костюм с большим количеством античных аксессуаров. Костюм этот вобрал в себя элементы шемиза, платья–сорочки, модный до революции. Он занимался также организацией революционных праздников (7, с. 19).

Революция воспринималась как тотальное разрушение всего прошлого, когда отсекалось старое от нового на манер «хирургической операции», когда заменялось старое на новое, хотя этого нового еще и не было. Революцию К.С. Станиславский воспринял как катастрофу. Не случайно в книге «Моя жизнь в искусстве» глава, посвященная революции, называется «Катастрофа». Любая революция связана «со страшными жертвами, террором и авторитарным правлением» (19, с. 195). Иван Бунин писал: «вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарилось какое–то недоуменное существование, беспричин-

ная праздность и протivoестественная свобода от всего, чем живо человеческое общество» (6, с. 106).

Одним из знаковых характеристик революции стал отказ от ценностей предыдущей эпохи, выразившийся в теории «вещизма». Эту идеологию отразила программа журнала *Вещь*», который был основан И.Г. Эренбургом и Л.М. Лисицким в Берлине в 1922 г. Теория «вещизма как жизнестроения была обусловлена попыткой преодоления кризиса буржуазного искусства, ограниченности буржуазной эстетики» (22, с. 65).

У нас в стране большая часть интеллигенции относилась к революции как к бедствию. Несомненно, что любая революция влияет на психику людей. Не случайно П. Сорокин писал, что «в революции в человеке просыпается не только зверь, но и дурак» (5, с. 6).

В России с начала XX века наблюдалось большое распространение девиантных образцов поведения, связанных с тем, что разрушением привычной социальной иерархии из-за быстрой модернизации, когда «новое» и «старое» становится для масс, особенно маргинальных слоев, сложным выбором. Возникает взаимоотчуждение все более европеизирующихся элит и все более склонного к общинной замкнутости крестьянства» (5, с. 9). Несомненно также, что на возникновение революции повлияла и мировая война, как пишет В.П. Булдаков — «этого слишком очевидного коллективного безумия XX века» (5, с. 10). Все это формирует новый тип человека. Как писала Ханна Арендт: «Идеальный человек тоталитарного режима — не убежденный нацист или коммунист, а тот, для которого различие между фактом и вымыслом, правдой и ложью больше не существует» (36, цит. по: 26, с. 221).

Революция влияет на изменение нравственных установок, изменяются поведенческие мотивы, что зачастую приводит к массовым самоубийствам среди интеллигенции. Разгул преступности никак не может быть приостановлен, так как разрушена прежняя правоохранительная система. Вооруженные солдаты, толпы народа громят полицейские участки, сжигают архивы полиции, убивая жандармов, городских и сыщиков. Громят винные погреба, пьют и бесчинствуют. Распространено мародерство. Нередки самосуды. Получают распространение слухи, «телефонное радио», мифы о старом порядке и мифы об освобождении. В этих мифах отражаются как языческая, дохристианская мифология; так и христианская мифология. Но при этом реанимируются мифы Французской революции и формируются непосредственно появившиеся во время революции. Возникает специфическая бытовая культура, включающая в себя элементы «прежней "высокой", элитар-

ной культуры и культуры народной» (28, с. 116). Исчезает понятие чести и благородства, уступая понятию долга перед страной, революцией, что провоцирует на «самопожертвование и преданность идеалам революции» (28, с. 119).

Революция в России привела к практике «квартирного передела». Захват помещений происходил еще со времен Февральской революции. Потом появились «дома коммун», в которых не должны были быть кухни, мест общего пользования и даже отдельных квартир. Самый простой способ добиться таких домов коммун — разного рода «уплотнения». Таким видом «дома коммуны», по форме — фаланстер был в Доме Искусств («Диска») на Мойке, хотя сами жители его — например, В.Ф. Ходасевич называли его «общежитием». В.И. Ленин такую коллективизацию жилья только приветствовал, так как это давало возможность вселить рабочих в богатые квартиры (19, с. 371). Он считал, что богатые граждане должны потесниться. Правда, на время, «пока мы ... не построим хороших квартир на всех... Ваш телефон будет служить на 10 семей» (20, с. 88). Часто разрешалось добровольное уплотнение, чтобы можно было выбрать себе людей, с которыми придется жить. Обобщалась не только площадь, но и обстановка — мебель, все убранство, даже белье. Нередко на растопку уходили богатые библиотеки. Нормы быта были очень тяжелыми. Так, считалось, что коммунары должны посещать баню три раза в месяц. Так как жилищная проблема была трудноразрешимой, появились коммунальные квартиры. Иногда случалось так, что хозяйка должна была жить вместе со своей прислугой в одной комнате. И это было нормой организации жилищного дела — причем, не только в годы «военного коммунизма», но и на всем протяжении советской власти.

Любая революция порождает конфликт политических символов, которые становятся важнейшим инструментом политической мобилизации. «В эпохи социальных революций идут поиски новых форм социальных связей, обеспечения социального единства на иной основе. Сознание этих периодов тяготеет к повышенной семиотичности, «знакомании» (12, с. 9). Символы становятся индикатором влияния властных структур, разнообразных субъектов политического процесса. Такие символы возникают еще до революции — в виде традиций, ритуалов, и непосредственно символов в революционном подполье. Это, в первую очередь, флаги, знамена, гимны, наградная система военной символики, язык. Во время Февральской революции старших по званию надо было называть с приставкой «господин». Постепенно это слово стало табуи-

роваться. Вместо него основным обращением стало слово «гражданин». Но в ходе революции становится слово «товарищ», которое противопоставлялось «буржуям», врагам. Возникает «игра языков и дискурсивных практик». Сюда же в систему символов входят предметы, тексты, музыкальные произведения, жесты и др. Так, «буквы алфавита в разные периоды приобретали роль политических символов». Такие символы, как правило, многозначны и становятся «неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой политической общности» (12, с. 7), выполняя разные функции. Это — идентификационная функция, демонстративная функция, олицетворяющая иерархическую систему власти. Это также функция мобилизации и легитимации тех субъектов, которые их используют. Это также компенсаторная функция, проявляющаяся например, в переименовании улиц и городов. К ним присоединяется коммуникативная функция, в которой фотографии, кино, звукозапись и политические ритуалы становятся символами идеологической информации, которую знают и декодируют их адресаты (12, с. 8).

Возникают такие символы в преддверии революции. Так, в России была создана развитая система политических символов в революционном подполье. «Марсельеза была изменена П.Л. Лавровым в 1875 году и эта «Новая Марсельеза», стала гимном революционного движения. Во многих революционных манифестациях использовали и песню «Смело, товарищи, в ногу». Впоследствии «Рабочая Марсельеза» стала восприниматься как гимн России. Но многие социалисты противопоставляли этот гимн как символ буржуазной революции пролетарскому «Интернационалу». «Марсельеза» все же оставалась общереволюционным гимном. Вместе с ней было выработано множество ритуалов и символов, которые стали широко известны в революционном подполье. Они стали широко использоваться во время Февральской революции как акты массового политического движения.

Именно во время Февральской революции складывается советская геральдическая система. Государственные гербы царской власти в этот период уничтожались как «символы старого режима». Изображение двуглавого орла теперь воспринималось как новый государственный герб и появилось на денежных знаках. Трехцветный флаг воспринимался как «старорежимный», императорский гимн был отменен. Следует отметить, что моряки, присоединившись к отрицанию старых символов, остались верны Андреевскому флагу, хотя сигналом к революции был поднятый на мачтах красный флаг.

Во время Февральской революции красный флаг рассматривался как государственный символ. Он имел множество значений — как «символ жизни», «символ свободы», «символ нового строя» и даже как интернациональный символ. Такое его прочтение отразилось во многих песнях и стихотворных текстах. В 1918 году красный флаг стал флагом Российской республики с надписью «Российская Советская Федеративная республика». Широко получило распространение на ношение красных бантов. Образ Свободы воплощался в виде прекрасной женщины. Герои революции изображались с разорванными цепями, развевающимися знаменами, со щитами и мечами под восходящим солнцем (28, с. 118).

Революционная символика повлияла на массовую культуру. Политизировались досуг, театр, когда обычные спектакли превращались в манифестации, кинематограф, в котором названия фильмов цитировали революционные песни. Хоры пели «Памяти павших», «Эй, ухнем», «Марсельезу». Широкой популярностью пользовались митинги–концерты. Весна 1917 года стала временем «порнографического взрыва»: в карикатурах и низкопробной литературе получает распространение «распутиниада», в которой обыгрываются любовные утехи Гришки Распутина (31).

Революция предполагает наличие «праздников свободы». Эти «праздники революции» и «дни свободы» сменяли стихийные демонстрации. Одним из важных элементов таких праздников были панихиды о павших, похороны жертв революции, пение революционных песен. Выступая против старой власти, демонстрации свергали центры этой власти и символы старого режима. Мобилизующую роль играла «Марсельеза», красные флаги. Истоки празднеств усматривали в традициях русских балаганов и народного театра, а также западноевропейского карнавального празднества. К. Шлегель видел в советских празднествах революционно поры «совместное детище и творение «философа — символиста, революционного рабочего и Петрушки» (21, с. 13). При этом использовался опыт празднеств Великой Французской революции. Возникла новая кодировка окружающего мира после Октябрьских событий, стремясь легитимизировать власть большевиков. Возникла новая мифология празднеств, зачастую не соответствовавшая реальным историческим событиям — как, например, «Штурм Зимнего дворца». Создавались пособия по проведению массовых праздников и демонстрации. Во многом они повторяли опыт рабочих маевек, сходок и демонстраций 90–х гг. XIX в. Эти демонстрации вызывали ассоци-

ации с крестными ходами, хотя не всегда учитывали вкусы простых людей. Впоследствии такие демонстрации были забыты. Но потом появились демонстрации с портретами вождей вместо икон. Венгерский автор Рене Фюлеп–Миллер писал, что искусство Октября, в особенности театр, носило агитационный характер и «если бы большевики не прибежали в своей пропаганде» к искусству, «то распространение коммунизма не было бы столь масштабно» (37, цит. по: 21, с. 4). Однако вскоре возникла жесткость оценок и репрессивные меры. Еще А.И. Мазаев в книге «Праздник как социально–художественное явление» (М., 1978), показал, что на первом этапе советской культуры праздники 1917 — 1919 гг. «рассматривались по преимуществу как средство социальной манипуляции» (21, с. 5). Праздники стали формой самовыражения нового режима. Как показал Р. Стайс, «большевики, хорошо понявшие систему символов в новом революционном порядке, в течение года создали новую символику и систему ритуалов» (39, цит. по: 21, с. 7). Использовалась «символика света и огня, цвета, слова, символические действия, символика тела и другие» (21, с. 7). Праздники были связаны с мировоззрением русской интеллигенции и с мировосприятием русского крестьянства.

Праздники, праздничное убранство и декор в Москве и Петрограде отличались. В Москве, как национальном центре, превалировали черты национального мистицизма и, по мнению некоторых исследователей, здесь стал формироваться культ Ленина. В Петрограде же доминировали эклектизм и космополитизм. К концу 20–х гг. массовые празднества сходят на нет, вытесняясь митингами и демонстрациями.

После Февральской революции борьба против старых символов становилась борьбой за власть. Снимались портеры царя, памятники им были демонтированы — в Екатеринославле, Нахичевани, в Екатеринбургe. Уничтожались статуи Александра II. Все они назывались «идолами свободы». При этом одни представители интеллигенции выступали против охраны памятников — например, писатели Ф.К. Сологуб, А.В. Амфитеатров. Но были и защитники старых памятников — М. Горький, А. Бенуа. Но когда к власти пришли большевики, борьба с памятниками царизма стала государственным актом.

Повлияла революция и на ономастику. Переименовывались города, названия кораблей. Кроме того, неблагозвучные фамилии изменялись. Таким образом и антропонимика также получила новый революционный импульс. Хорошо известно, что появились новые имена — Отябрина, Ноябрьрина, Мюда, Нинель, Ким, Эльмар, и даже еще более удивительные.

Закономерно, что изменилась и наградная система. «Царские» ордена и медали постепенно заменялись, знаменуя собой демократизацию наградной системы. Возникали конфликты вокруг погон, которые часто воспринимались как отрицание равенства, как «знак принадлежности к буржуазии» (12, с. 23). Особенно ярко это проявилось в дни Октября. В итоге революционные символы получили официальный статус.

Как это ни покажется парадоксальным, символы революции проникли в России и в церковь. Там оказались приверженцы революции, которые стремились к обновлению церкви. Нередко священники избирались в состав Советов и комитетов. Многие считали, что революция — богоугодное дело. Революция нередко сопоставлялась с Пасхой.

Заключая свое исследование о политических символах революции, Б.И. Колоницкий верно пишет: «Основная линия символических изменений представляла собой программу радикального преодоления прошлого, имела место экспансии подпольной субкультуры с ее претензией на всеобщность при полном отрицании дореволюционной символики. Радикальная символическая революция создавала условия для «углубления революции» (12, с. 37).

Политические символы получили наглядное выражение в советской символике, в которой были ярковыраженные типы: рабочих, крестьян, красногвардейцев, чекистов — положительных героев и отрицательных — буржуев, контрреволюционеров, белобандитов.

В революции участвуют разные психологические типы, некоторые из которых описаны В.В. Журавлевым. Это убежденные революционеры, убежденные защитники старого строя, оборотни революционных эпох, старающихся остаться на гребне власти независимо от ее метаморфоз. К типам, олицетворяющим революцию, относятся также специалисты, готовые работать при любом режиме. К представителям таких бурных эпох можно отнести мучеников, страстотерпцев революции. К ним сегодня относят Николая II. Но нельзя забывать об обывателях революционной поры, которые стараются сохранить то, что у них было. В.В. Журавлев выделяет также среднеактивного субъекта революции, чуждого новаций, но склонного к переменам (8, с. 22–27).

Как во время великой Французской революции, так и в России женщины сыграли значительную роль. Вспомним поход женщин на Версаль, который сыграл большую роль в активизации Великой Французской революции. Повышенная эмоциональность женщин повлияла и на развитие революции. В.Н. Кулик пишет, что «Февральская революция начиналась с «хлебных бунтов» петроградских работниц» (18, с. 76).

Женщины даже стали занимать общественные должности. Так, «гр. С. Панина стала первой женщиной, занявшей официальный пост во временном правительстве» (18 с. 77). Открывались образовательные учреждения для женщин — в Харькове — высшие женские курсы по сельскому хозяйству и лесоводству, в Твери — педагогический институт для подготовки учительниц и учителей высших начальных училищ и младших классов средних учебных заведений. Женщины — представительницы буржуазных кругов призывали к защите Родины на фронте и в тылу. Достаточно знаменитыми были женские «батальоны смерти». Они принимали участие и в устройстве митингов, написании петиций и воззваний. Позднее А. Коллонтай возглавила забастовку, которая превратилась в явление общероссийского масштаба. Правда, столкнувшись с неудачами батальона смерти на фронте, ироничным отношением мужчин, вскоре они перешли от патетики к испугу и разочарованию (18, с. 79). Большевики сумели использовать тягу женщин, особенно пролетарского происхождения, к борьбе, привлекали их с помощью разного рода «зрелищ». Как писала «Правда», на выборах голос «каждой работницы, каждой кухарки, прачки, судомойки будет равен голосу капиталиста, профессора, чиновника» (25). При этом труженицы с упоением участвовали также вместе с солдатами в погромах, занимались мародерством. Во время Великой Французской революции множество женщин из простонародья принимали активное участие в погромах. «Среди них даже возникла особая мода: пропитывать кровью казненных платки и сохранять их на память» (См. об этом: 7, с. 22).

Распределение благ, несмотря на провозглашение равенства, отнюдь не проводилось. Так, «на фоне массового голода товарищ Л. Рейснер регулярно принимала «шампанские ванны», лидер петроградских большевиков Зиновьев отъелся на «классовом пайке» в «ромовую бабу», другой вождь революции Троцкий «едал и пивал» на царских сервизах, сохранив в своей обслуге царских поваров; скромнейший Ленин скрупулезно калькулировал нормы «лечебного питания» для работников Совнаркома, в соответствии с номенклатурными списками должностей» (27, с. 114). Вспомним, что во время Великой французской революции Робеспьер, бледневший от вида крови, залил кровью всю страну. Он был ценителем поэзии и мог заплакать над проникновенными словами. Но ему принадлежит фраза: «Революция не нуждается в ученых!», произнесенная им, когда он приговорил талантливого ученого-химика Лавуазье к смерти. Зато, не пожелав лишиться талантливого модельера Вивана Делона, делавшего эскизы республиканских

костюмов, он вычеркнул его имя из списков эмигрантов и даже вернул отобранное имущество. Но сам он был также обезглавлен, как и его жертвы и его тело вместе с телами его сподвижников сбросили в яму с негашеной известью, как это делалось с жертвами его террора. В Англии и Франции во время войны — в 1914–1922 гг. — была введена «распределительно–уравнительная карточная система, суть которой заключалась в праве потребителя на получение продуктов в случае их наличия». В Германии и Австро–Венгрии «ограничительно–нормированная карточная система не смогла предотвратить социальные потрясения (27, с. 118, 119). А вот в России в июне 1918 года был введен «классовый паек», распределявший население по 4 категориям. Таким образом, основная масса интеллигенции, получившая 4 категорию, превратилась в люмпен–пролетариев (27, с. 121). Это отразилось в личных дневниках интеллигентов — М.М. Пришвина, Ю.П. Анненкова, А. Аверченко, Л. Андреева, И. Бунина, З. Гиппиус и многих других, на собственном опыте почувствовавших античеловеческие проявления перехода от старого к новому. Проведя такое исследование, А.Н. Степанов делает следующий вывод: «Итак, система кнута («красного террора») и пряника («классового пайка»), доведенная до определенного совершенства в последующие эпохи, ... позволила создать из дворянско–буржуазной творческой интеллигенции ее антипод — номенклатурно–бюрократическую интеллигенцию... Новый, весьма мощный по численности, но крайне слабый в творческом отношении, слой советских «пролетариев умственного труда», прошел весьма сложный путь неоднократной «перековки» в соответствии с зигзагами политики «власть предержащих», оставаясь на гребне зыбкого личного успеха и перманентных художественных неудач» (27, с. 123–124).

В итоге реальным результатом Октябрьской революции становится «царство буржуазной ограниченности, буржуазного чистогана и буржуазного лицемерия ..., царство коммунистического чванства, коммунистического насилия и коммунистического лицемерия, генеральным конструктором которого явился Сталин и его свита» (11, с. 48).

Последствия революции нередко порождают национализм, в свою очередь становясь источником новых революций. Так, в Венгрии революция 1848 года стремилась активно воздействовать на живших там поляков, чехов, венгров. Особо остро проявил себя еврейский вопрос в России, Австро–Венгрии и Германии. Евреи, испытывавшие давление властей, активно стали вливаться в ряды социал–демократии для переустройства старого режима. Революционные события дали им воз-

возможность включиться в политическую борьбу. В ответ, как следствие борьбы за власть, получили распространение еврейские погромы. Широко были распространены также многочисленные армянские, тюрко–татарские и прочие погромы на националистической основе. В конце концов национальный вопрос привел к разного рода конфликтам. В СССР на смену имперскому интернационализму пришел «узкоэгоистический подход этнократических элит титульных народов бывших советских республик, готовых на все ради сохранения своей монополии на власть и собственность» (26, с. 210).

Один из характерных признаков XX века — психоделическая революция, когда наркотические средства стали пользоваться спросом не только среди обездоленных, но и в творческой, часто довольно обеспеченной среде голливудских актеров, что способствовало расцвету там наркобизнеса.

Индивидуальный революционный порыв нашел отражение в «Исповедях» Августина Блаженного, Жан–Жака Руссо, Л.Н. Толстого.

Советская эпоха имеет три этапа соотношения культуры с рынком. Сначала она носит антагонистический характер взаимоотношений культуры и рынка (культура *versus* рынок), затем рынок как культура, когда формируются культурные традиции в процессе развития социально–экономического института рынка, и, наконец, культура как рынок, когда проявляется глобальное влияние рынка на характер общественных отношений и культуру (4, с. 104–105). В постсоветский период «размывается смысловая граница не только между тоталитарным и анти тоталитарным началами в русской культуре XX века, но и между высоким и низким, серьезным и смеховым, вымыслом и реальностью, религией и атеизмом, искусством и китчем, элитарным и массовым, культурой и социальной действительностью» (14, с. 170–171). В наше время деформирован механизм производства и бытования духовных ценностей. «Если ранее ценность того или иного произведения определялась, прежде всего, его художественными достоинствами и соответствием идеологическим императивам, то ныне значимость продуктов духовного производства определяется тем, в какой мере они дают возможность возместить издержки и получить прибыль» (34, с. 481).

Постмодернизм, по мнению М. Эпштейна, «соприроден» русской почве. Более того, он — «высшая и последняя стадия коммунизма», так как оба они отказываются от метафизики (коммунизм — в пользу диалектики, постмодернизм — в пользу деконструкции) (35, с. 64).

Объяснить это можно тем, что «русский постмодернизм», в отличие от западного — интеллектуальной игры свободной творческой личности, представляет собой «социокультурный срез несовместимых общественных интересов в досоветской, советской и постсоветской России, трагикомических в своей исторической неизбежности и неразрешимости» (15, с. 328).

Однако надо иметь в виду, что прав О.А. Кривцун, считающий что понятие «постмодернизм», не может быть применено ко всему многообразию культурных явлений рубежа XX–XXI веков (16, с. 447).

Революционные преобразования получили отражение в искусстве. «Если признать, что «монументальная пропаганда» не только визуализировала определенные идеологемы, но еще и внедряла в подсознание определенные образы, то наличие в Парке фигур обнаженных людей может быть интерпретировано как настойчивое внушение образа открытости советского человека, его инфантилизма... отсутствие у него масок, интимных тайн и задних мыслей... В результате телесная нагота и доступность для осмотра оказывается метафорой духовной распаханности: у советского человека от власти, от коллектива нет и не может быть секретов, тело со всех сторон и во всех подробностях доступно, ничем не защищено, и так должен быть доступен «внутренний человек» (9, с. 34–35). Полуобнаженная фигура рабочего повторяла зачастую в плакатах иконографические традиции Французской революции, символизируя стихийность революционного движения.

В советской пропаганде первых плакатов буржуи изображались в образе толстого человека в цилиндре и с сигарой. Это было повторением типа капиталиста во французской графике Великой Французской революции. Вот как писал об этом Э. Хобсбаум: «Если бы капиталиста в социалистических карикатурах Belle Epoque стали регулярно изображать не в виде толстого мужчины в цилиндре, курящего сигару, а в виде толстой женщины, допустимые пределы правдоподобия были бы превышены, и карикатуры были бы менее эффективны» (38, р. 122).

Стереотипный образ паука–капиталиста, так часто использовавшийся в советской пропаганде революционных лет, также пришел из брошюры Вильгельма Либкнехта «Паук и мухи», где он писал: «Пауки — это господа, сребролюбцы, эксплуататоры, дворяне, богачи, попы, сводники, дармоеды всех родов! ... Муха — это несчастный рабочий, который должен подчиняться всем законам, какие только вздумает создать капиталист — должен подчиняться, ибо у бедняка нет и куска хлеба» (13, с. 189).

«В комплекс "советскости" обязательно входит победа над болью как первичное, фундаментальное условие всех остальных побед» (17, с. 47). Советский человек — пролетарий, независимо от фактического рода занятий. В.С. Барулин пишет о «социологизации человеческой сущности в марксизме–ленинизме» (2, с. 60). При этом весьма показательно отсутствие признаков интеллектуальности в такого рода образах, воспеваемых в искусстве. Как считал Э. Хобсбаум, художественно искусство ориентируется на античного атлета и педалирует исторически на том, что физически крепкие рабочие, ориентированные на неквалифицированный труд, должны исторически отвечать запросам времени. Т.е., выраженный антиинтеллектуализм, неприятие рефлексии и сомнений — вот черты, которые выражают идеал после революции. Сами большевики признавали, что по отношению к старой культуре пролетарская революция может показаться нашествием гуннов (30, с. 337, цит. по: 1, с. 279).

Революция во многом предопределила тип личности в стране, пережившей революцию. Э.В. Ильенков писал: «Индивидуальность, лишенная возможности проявлять себя в действительно важных, значимых не только для нее одной, а и для другого (для других, для всех) действиях, поскольку формы таких действий заранее заданы ей, ритуализованы и охраняются всей мощью социальных механизмов, поневоле начинает искать выхода для себя в пустяках, в ничего не значащих (для другого, для всех) причудах и странностях» (10, с. 412).

Таким образом, семиотика революции проявляется не только в общественной жизни, быте людей, но и в нравственных качествах людей, переживших столь сложное потрясение.

Список литературы:

1. Асоян Ю. Понятие и идеологема культурности в Советской России 1920–х годов // Европейские судьбы концепта культуры. — Москва, 2011. — 350 с.
2. Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. — Санкт–Петербург, Алетейя, 2000. — 431 с.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — Москва, Худож. лит. 1975, 502 с.
4. Булавка Л.А. Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // Альтернативы. — 2012. — С. 97–111.
5. Булдаков В.П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (Методологический аспект) // Революция и человек. Социально–психологический аспект: Материалы Всерос. науч. конф,

- 28–30 нояб. 1994 г., Москва / РАН, Отд–ние истории. Науч. совет «История революций в России», Ин–т рос. истории; Редкол.: П.В. Волобуев (отв. ред.) и др. — Москва, Ин–т Российской истории РАН, 1996. — 223 с. , 20 с. библиогр. в подстроч. прим., с. 4–17.
6. Бунин Иван. Окаянные дни. — Москва, РИПОЛ классик, 2012. —240 с.
7. Великая французская революция. Мода как политическое оружие. «История моды», №21, 2017, 47с.
8. Журавлев В.В. Революция как способ реализации личного интереса (к постановке проблемы) // Революция и человек. Социально–психологический аспект: Материалы Всерос. науч. конф, 28–30 нояб. 1994 г., Москва / РАН, Отд–ние истории. Науч. совет «История революций в России», Ин–т рос. истории; Редкол.: П.В. Волобуев (отв. ред.) и др. — М. Ин–т Российской истории РАН, 1996. — 223 с. , 20 с. Библиогр в подстроч. прим., с. 18–27.
9. Золотоносов М. Глиптократос. Исследование немого дискурса. Москва, 1999. — 220 с.
10. Ильенков Э.В. Что такое личность? // Философия и культура. — Москва, Политиздат, 1991. — 464 с.
11. Колбановский В.В. Как нам быть с Великой Октябрьской революцией? // Социологические исследования, 2013. — № 10, с. 40–50.
12. Колоницкий Б.И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году. Автореферат дис ... доктора исторических наук — Санкт–Петербург, 2002, 38 с.
13. Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и антибуржуйское сознание // Анатомия революции — 1917 год в России: массы, партии, власть.— Санкт–Петербург, Глагол, 1994, — с. 188–202.
14. Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры //Общественные науки и современность. — 1999, № 1, с. 159–172.
15. Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. — Москва, Прогресс — Традиция, 2011. — 1024 с.
16. Кривцун О.А. Смысл творчества и интерпретации художника XX века. (Знаки переходного сознания) // Переходные процессы в русской художественной культуре: Новое и Новейшее время — Москва, Наука, 2003, — с. 423–453.
17. Круглова Т.А. Произведения соцреализма как свидетельства «революции чувств» // Международный журнал исследований культуры (Политики культурной идентичности), 2010, № 1, с. 40 –50.

18. Кулик В.Н. Российские женщины в 1917 г. // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль: Материалы Всерос. Науч. конф, 14–15 ноября 1995 г., Москва / РАН, От–ние истории. Науч. совет «История революций в России» Ин–т рос. истории; редкол: П.В. Волобуев (отв. ред.) и др. — Москва, Ин–т рос. истории РАН, 1997. — 223 с.; 20 ст. — Библиогр. в подстроч. примеч. — с. 76–84.
19. Ленин В.И. Приветствие Баварской советской республике // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 38. Москва, 1963.
20. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Соч. Т. 26. — Москва, 1949.
21. Малышева С.Ю. Раннесоветская праздничная культура (1917–1920–е гг.): основные этапы и тенденции изучения // Вестник молодых ученых / Санкт–Петерб. Науч. центр РАН, Совет ректоров вузов СПб. — 2003, № 2. Серия: Исторические науки. Вып. 4, с. 3–15.
22. Миролюбова Л.Р. Революция и мировоззрение вещизма // Революция как цивилизационный феномен: история, уроки, современность / Материалы шестой Международной научно–практической конференции 9 ноября 2012 года — Балаково — Саратов: Издательский центр «Наука», 2013. 202 с., с. 61–67.
23. Михайлова О.Н. Философия современных революций // Революция как цивилизационный феномен: история, уроки, современность / Материалы шестой Международной научно–практической конференции 9 ноября 2012 года — Балаково — Саратов: Издательский центр «Наука», 2013. — 202 с., с. 21–26.
24. Николаев К.А. Теории революции: история и современность. // Революция как цивилизационный феномен: история, уроки, современность / Материалы шестой Международной научно–практической конференции 9 ноября 2012 года — Балаково — Саратов: Издательский центр «Наука», 2013. — 202 с., с. 6–17.
25. Правда, 1917 год, 25 мая.
26. Степанов А.И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора 1917–1922 гг. // Революция и человек. Социально–психологический аспект: Материалы Всерос. науч. конф, 28–30 нояб. 1994 г., Москва / РАН, Отд–ние истории. Науч. совет «История революций в России», Ин–т рос. истории; редкол.: П.В. Волобуев (отв. ред.) и др. — Москва, Ин–т Российской истории РАН, 1996. — 223 с., 20 с. Библиогр в подстроч. прим., с. 201–221.
27. Степанов А.И. «Классовый паек» и социальная мобильность творческой интеллигенции в годы революции и гражданской войны (по

- материалам личных дневников) // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль: Материалы Всерос. науч. конф, 14–15 ноября 1995 г., Москва / РАН, От–ние истории. Науч. совет «История революций в России» Ин–т рос. истории; редкол: П.В. Волобуев (отв. ред и др. — Москва, Ин–т рос. истории РАН, 1997. — 223 с ; 20 ст. — Библиогр. в подстроч. примеч., с. 116–124.
28. Терехова Т.В. Историко–антропологические аспекты Февральской революции 1917 г. в России // Вестник молодых ученых 4–2006 / С.–Петербург. науч. центр РАН, Совет ректоров вузов СПб. 2006, серия исторические науки, № 2, с. 116–120.
29. Травин Дмитрий. Россия на европейском фоне: причины отставания // «Звезда», 2015, № 3, с. 194–207.
30. Троцкий Л. Литература и революция // Минувшее: исторический альманах. Париж, 1989, № 8.
31. Херсонский. Веселая книжка про любовные делишки Конокрада–Гришки. Пг, 1917.
32. Хокинг С., Младинов Л. Высший замысел. — Санкт–Петербург, Амфора, 2012, с. 134.
33. «Цветные» и «бархатные» революции // <http://diplomba.ru/work/82112> (дата обращения — 26.01.2017).
34. Шендрик А.И. Культура в мире: драма бытия. Избранные работы по теории и методологии культуры, социологии культуры, социальной философии — Москва, Изд–во МГУ. 2007. — 704 с.
35. Эпштейн М. Постмодернизм в России. Литература и теория. Москва, Изд–е Р. Элинина, 2000. — 368 с.
36. Arend H. The Origins of Totalitarianism. London, 1958. P. 474.
37. Fueloep–Muller R. Geist und Gesicht des Bolschewismus.
38. Hobsbawm E. Man and Woman in Socialist Iconography // History Workshop 6 (Autumn1978), p.111 — 130.
39. Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental/life on the Russian Revolution Power. N.Y., Oxford, 1989.

Семиотика терроризма

11 сентября 2001 года весь мир был повержен в ужас террористическим актом в Нью-Йорке и Вашингтоне, когда были взорваны башни-близнецы. «В Америке грандиозно все, даже теракты... первый же иностранный теракт стал самым страшным за всю историю Западного мира: величайшее одномоментное истребление гражданских лиц со дня основания Соединенных Штатов» (4, 413–414). В результате этого события США получили новое положение и статус в мире. В ответ на полученную угрозу возник ответный терроризм. США умело использовали трагические события 11 сентября, приписав их только «исламскому терроризму». По официальной версии США 19 арабских террористов-самоубийц угнали четыре пассажирских лайнера, направив их на башни Всемирного центра торговли и на Пентагон. Один из самолетов упал на западе Пенсильвании. Правда, существуют и другие версии. Так, специалист по взрывчатым веществам Ван Ромеро считает, что после того, как самолеты врезались в башни, там сработали взрывные устройства, вызвавшие падение зданий. Вызывает подозрение также то, что незадолго до катастрофы Лерри Сильверстейн и израильтянин Фрэнк Лоуи заключили договор на аренду этих зданий на 99 лет. Страхование их было 3 млрд. долларов, превышая в 2 раза сумму инвестиций. Так как зданий 2, страховка увеличилась до 7 млрд. долларов (1, 258–259). Получается, что американцы постарались фальсифицировать реальные события. Таким образом, США получили возможность применять со своей стороны ответный террор. В итоге Россия оказалась в плотном окружении стран НАТО. США стали империей, стремящейся к установлению нового мирового порядка. «Ни одна страна в мире не в состоянии отвести угрозу американского государственного терроризма и нового передела мира» (30, 221).

11 сентября потрясло мир. Фредерик Бегбедер даже создал роман, посвященный этому событию, выразив «всепланетное отчаяние» (4, 129). Он пишет: «Никогда слова "сводное падение" не были так осмыслены» (4, 219). Каждый стал понимать, что "все эти чужие беды вдруг

коснулись лично меня"» (4, 163). Правда, не все воспринимали это покушение на жизнь безмерного количества ни в чем неповинных людей, как страшное и из ряда вон выходящее явление. Ведь в Нью-Йорке живут люди, говорящие на 80 языках и среди них представители разных конфессий, в том числе и мусульман. Жертвы теракта были люди 62 разных национальностей. Но в Палестине люди выходили на улицы, пели и плясали, радуясь столь разрушительным последствиям этого террористического акта. Такое поведение было столь неприемлемо и возмутительно для мировой общественности, что Ясир Арафат, сам приверженец террористических актов, попытался подавить открытое выражение торжества по этому поводу. Вот почему сегодня каждый должен понимать: «Говорить спасибо, все время помня, что по-английски "тегсу" значит "милосердие"» (4, 399).

Сегодня самым жгучим примером непримиримости является противостояние палестинцев и Израиля /См. об этом: (6; 7)/. Достаточно вспомнить мюнхенскую трагедию, когда олимпийская команда израильтян подверглась нападению и убийству палестинцами. Правда, тогда не случился такой мировой резонанс, как после нападения на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Ф. Бегбедер считает, что 11 сентября 2001 года показало следующее: «Есть коммунистическая утопия — эта утопия кончилась в 1989 году. И есть капиталистическая утопия — эта утопия кончилась в 2001 году» (4, 234). При этом остается непонятным, как все же 6 миллионов израильтян противостоят 100 миллионам арабов. На это И. Ефимов дает такой ответ: «боевой дух война» (14, 36).

В наше время ни один человек на земле не может быть спокоен, что он застрахован от попадания в ситуацию, связанную с террористическими актами. Когда 3 апреля 2017 года произошел теракт в Санкт-Петербурге, это оказалось слишком близко для людей, живущих здесь. До этого теракты были «где-то там». А теперь все понимают, что они касаются каждого. После этого события долго еще можно было видеть цветы у метро «Технологический институт» и «Сенная», где произошел теракт. Люди несли цветы в память о жертвах, выражая свое сочувствие, боль и сострадание.

Как правило, это акты противостояния мира ислама против немусульман: палестинцы выступают против Израиля, чеченцы — против русских, албанцы — против сербов и македонцев. Вызывала любопытство и в то же время возмущение фигура террориста № 1 — Осамы Бен Ладена. И хотя сейчас его уже нет, остались «Хезболла», «Хамас»,

«Аль-Каида» и другие джихадисты. «Исламский шахид, жертвующий жизнью за идею, доказывает тем самым, что у него нет никакого единства с теми, против кого направлена его борьба» (1, 255).

Террористические акты в наше время могут быть со стороны египтян, саудовцев, афганцев, кашмирцев, КНДР, Пакистана. Пакистанец Абдул Хан сумел собрать необходимые данные для обогащения урана и в мае 1998 года здесь успешно провели шесть взрывов атомных бомб. Пакистанские самолеты участвовали рейды в Северную Корею. КНДР обладает теперь ядерными боеголовками. Руководство страны гордо объявляет, что их целью легко могут стать Америка и Япония, не говоря уже о Южной Корее. В документальном фильме Виталия Манского «В лучах солнца» показаны особенности современной жизни этой страны. Те, кто жил в советское время, с дрожью воспринимают столь знакомые знаковые черты тоталитаризма, характерные и для нас. В картине также показано занятие в младшем классе школы, когда учительница говорит и требует повторить юного ребенка следующие фразы: «Америкашки — плохие. Они — наши враги. Япошки — плохие. Они — наши враги». Понятно, что Северная Корея становится страшным очагом возникновения мировой агрессии. В 2002 году были обнаружены следы активного обогащения урана в Иране. «Сколько приезжих студентов входят сегодня в аудитории американских и европейских университетов с единственной мечтой: сделаться "отцом атомной бомбы" — сомалийской, индонезийской, ангольской, марокканской, колумбийской, перуанской! Пакистанцы сумели — чем мы хуже?» (14, 297).

Не случайно Ф. Бегбедер считает: «Каждое десятилетие изобретает собственную болезнь. В 80-х это был СПИД. В 90-х — шизофрения. В 2000-х — паранойя. Один смертник в метро на «Таймс-сквер» — и начнется всеобщая паника» (4, 241).

Угроза так велика, что совсем неслучайно прозорливый писатель, написавший роман о наводнении на курортном острове за несколько лет до катастрофического потопа на всемирном и привлекательном для многих людей Таиланде, Мишель Уэльбек создал великолепное произведение «Покорность» всего лишь в 2016 году. Содержание его таково: в Париже на выборах президента победил мусульманин. И в стране сразу же произошли кардинальные изменения. Сюда хлынули деньги из богатых арабских стран. Все женщины-преподаватели были уволены из Сорбонны. Но те из профессоров, кто принял ислам, стали получать зарплату, намного превысившую ту, которую они получали до этого. Изменилась жизнь, изменились студенты. Ислам стал домини-

нирующим в обществе. Перемена состоялась даже без насильственных действий. Покорность оказалась повсеместной. Сегодня, как утверждает С. Хантингтон, «воинственный ислам» бросает вызов либеральной западной цивилизации (20, 68). Однако он считает, что большинство исламских экстремистских группировок лишены легитимности. Они амбивалентны и непоследовательны. Кроме того, придя к власти, такие группировки будут вынуждены отказаться от своих прежних установок. И, наконец, большинство режимов исламского мира заинтересованы в борьбе против собственных экстремистских организаций. Поэтому делается вывод, «что исламский радикализм не будет угрозой существованию системы глобального управления» (20, 70). Правда, для этого необходимо мирное арабо–израильское урегулирование, вывод Ирака из изоляции, интеграция в мировую экономику ведущих стран арабского мира. Но там мы видим неблагоприятную экономическую и социальную ситуацию. Низкий уровень жизни большинства /около 1 млрд. человек в 48 странах имеют доход менее 1 доллара в день, в то время, как в индустриальных государствах он в тысячу раз выше (30, 211)/. Жизнеспособность большинства цивилизационных структур исламского мира подорвана. Поэтому С. Хантингтон отмечал, что сопротивление и самоутверждение исламского мира будет длительной «головной болью Запада». К.В. Марков предлагает: «Для успешной борьбы требуется разрешение комплекса социально–экономических и психологических проблем мусульманских обществ. А для этого необходим пересмотр краеугольных элементов системы глобального управления» (20, 75). Г.И. Старченков не столь утешительно видит будущее. Во–первых, к середине XXI века будут исчерпаны запасы нефти в США, Канаде, России, хотя США потребляют больше всех стран мира нефти и газа. Во–вторых, полярное существование слабых и сильных стран усиливается, что приводит к сопротивлению обездоленных жителей. Этой борьбе способствуют процесс глобализации и СМИ, которые позволяют увидеть пропасть, разделяющую развитые и отстающие государства (30, 212–213). Как считает Э.А. Паин, современный исламизм — «своеобразный ответ на глобализацию и одновременно вызов глобализации» (24, 122).

Эти разрушительные страсти, связанные с ненавистью одних против других требуют изучения и анализа. Именно поэтому в последние годы появилось много исследований, посвященных феномену терроризма. Большинство влиятельных средств массовой информации Запада связывают терроризм лишь с исламской цивилизацией. Но это

не совсем так. «Терроризм отнюдь не является изобретением мусульман» (34, 30) — верно утверждает А.М. Хазанов. Он считает, что причина нынешнего бума «исламского терроризма» — попытка «Запада навязать мусульманскому Востоку чуждые ему ценности западной цивилизации» (34, 31), ибо для них вестернизация и глобализация совершенно чужды. Поэтому, по его мнению, «глобальный конфликт может быть предотвращен только в том случае, если Запад научится уважать культурную уникальность других цивилизаций» (34, 35).

Многие авторы обращают внимание на то, что террор существовал еще с древних времен. Это был специфический метод достижения политических целей.

И древние народы — египтяне, персы, греки, галлы, готы, славяне, монголы и другие использовали в своих противостояниях с другими народами террор. В истории человечества мы видим большое количество террористических актов.

Ф. Бегбедер пишет: «А вы знаете, что Вавилонских башен было две? ... к югу от Вавилона до сих пор высятся развалины Зиккурата ... Но была и вторая башня, чуть севернее ... Жили-были две Вавилонские башни-близнецы ... в Ираке» (4, 327–328).

В Библии описывается, как Аод — иудей, посланный с дарами к моавитскому царю Еглону, попросил о свидании с ним с глазу на глаз и тогда «Аод простёр левую руку свою, и взял меч с правого бедра своего, и вонзил в чрево его ...» (Судьи, 3:21. Цит. по: 14, 28). Зелоты прибегали к индивидуальному террору против римских завоевателей Древнего Израиля. В I веке нашей эры в Израиле действовала секта сикариев (сика — кинжал или короткий меч), которая уничтожала представителей еврейской знати и римлян. Любопытно наблюдение ведущего западного эксперта по проблемам современного терроризма Брюса Хоффмана, что большинство слов английского языка, которые описывают террор, относятся к древним или средневековым еврейским, мусульманским или индуистским религиозным сектам (13, 52).

Скифы, воинственный народ, нередко побеждавший оседлые государства Малой Азии и Двуречья. Они были грозными противниками для ассирийцев, греков, римлян. Огромная армия персидского царя Дария была побеждена отсталыми скифами. Однако, в конце концов, это грозное для многих государств племя все же исчезло. Одна из причин была отмечена еще греческим врачом Гиппократом. Он заметил, что для них была характерна постоянная верховая езда, что делает мужчину неспособным к половым сношениям. Современная медицина

подтверждает, что постоянная тряска повреждает яички, как и ношение теплых штанов, что было распространено у скифов. И то, и другое приводят к бесплодию. Зато именно у них женщины тоже были воинами (им приходилось брать в руки оружие, чтобы защитить себя в отсутствие мужей) и отнюдь не случайно местом обитания амазонок считалось Причерноморье, где локализовались скифы.

Столь же загадочна победа маленькой Македонии, ставшей повелителем мира.

Кельтские племена многожды побеждали римлян. А впоследствии становились там равноправными гражданами и даже могли достигать высокого социального положения. Такими же варварскими были племена готов. Так же, как и кельты, они причиняли немало невзгод Римской империи. «И если сегодня мы встретим на улицах Мадрида, Толедо, Барселоны блондина с голубыми глазами, скорее всего это будет отблеск визиготских генов, переживших полтора тысячелетия бурной испанской жизни» (14, 81). Связано это было с просачиванием диких племен в тело империи, но параллельно и затем были и вторжения, и агрессия. Как это похоже на современную ситуацию, когда толпы иммигрантов заполняют европейские города.

Неграмотный Мухаммед стал проповедовать нищим кочевникам монотеизм. Из этого впоследствии выросла огромная держава халифата, распространившаяся от Инда до современной Испании включительно, занимая весь Пиренейский полуостров. Военные успехи кочевников–арабов ошеломляют. В отличие от других кочевников, они бессмысленно не разрушали памятники культуры, а лишь богатели за счет торговли. «Эта держава не только создала тысячи памятников собственной культуры, но сумела сохранить для грядущих поколений многие произведения античного мира, которые либо дошли до нас в переводах на арабский, либо сохранились в арабских книгохранилищах» (14, 93). В Коране можно найти много отголосков Библии. Отношение к евреям отнюдь не было похоже на современное. В уставе Медины предусматривались равные права для представителей разных религий, в том числе иудеев. Одна из жен Мухаммеда — София — была еврейкой (24, 117).

Викинги были такой же формой вторжения в более высокую цивилизацию. При этом у норманнов поэзия, впрочем, как и у древних иудеев, греков, мусульман периода Мухаммеда граничила с религией и во многих случаях заменяла ее. Скандинавские племена, народы Севера завоевали и покорили земледельческую Европу. В это же время они

столкнулись с народами азиатских степей, которые сумели завоевать Арабский халифат, но при этом объединились под знаком полумесяца.

Монгольское нашествие на цивилизацию Европы обрушилось в XIII веке. Их военная стратегия была намного хитрее, чем у завоеванных стран. Они были чудовищно жестоки. Чингисхану приписывают такие слова: «Самая большая радость для мужчины — это побеждать врагов. Гнать их перед собой, отнимать у них имущество, видеть, как плачут их близкие, ездить на их лошадях, сжимать в своих объятьях их дочерей и жен» (3, 66). Их изощренные зверства особенно ярко проявились в знаменитой битве на Калке 1223 года: «Победители—монголы пировали на деревянном настиле, который положили на живых еще участников сражения, прежде всего на князей и вождей, умирающих людей...» (3, 44). Были они безжалостны — убивали всех подряд, но понимали, что необходимо использовать знания покоренных народов — поэтому из уцелевших они отбирали ученых, инженеров, опытных ремесленников, кузнецов. И империя росла. «Характер монгольских завоеваний должен ослабить надежду спастись путем капитуляции... монголы продемонстрировали... порыв... к тотальному уничтожению цивилизации...» (14, 120).

В Америке конфликты между завоевателями и аборигенами кишели примерами жестокости и непонимания, вызывавшего агрессию с обеих сторон. Впоследствии, начиная с XIX века, терроризм получил широкое распространение в Америке, проявившись в убийствах и покушениях на президентов.

Крестовые походы, Реконкиста, «святая инквизиция», владычество европейских держав в Азии, Африке, Латинской Америке изобилуют страшными примерами терроризма.

В Средние века действовали мусульманские секты исмаилитов, убивавшие префектов и калифов — инородцев из Сирии. То же мы видим и в католической церкви — Фома Аквинский и некоторые другие представители церкви допускали убийство правителей, враждебных народу.

В XVIII веке во Франции получил распространение революционный террор (31, 21).

Основоположником современного терроризма считается Карл Петер Гейнцен (Karl Peter Heinzen, 1809–1880), которого А. Герцен назвал «Собакевичем немецкой революции», опровергавшего моральные запреты на многократные политические убийства (31, 22). Его концепция получила развитие в трудах Михаила Бакунина /интересна в этом

плане новая книга, публикующая неизвестные работы отца русского анархизма (2)/ и Петра Кропоткина.

В Италии в начале XVIII века для борьбы с французской оккупацией возникли заговорщицкие организации, ставшие основой для зарождения организованной преступности «Козы остры» («Наше дело»). Это было первой формой сращивания организованной преступности с терроризмом. Именно после Италии организованная преступность в виде терроризма распространилась в Европе.

Первая мировая война дала новый импульс для развития терроризма. Вторая мировая война способствовала дальнейшему развитию терроризма. «Терроризм становится эффективным механизмом давления на власть через общественное мнение, через страх населения, через кровь граждан» (31, 26).

После войны в Европе появляются крупные сепаратистские движения ИРА (Ирландская республиканская армия) и ЭТА (Страна басков и свобода). «Левый терроризм» получил распространение в Испании («Коммунистическая партия Испании»), Италии («Красные бригады»), ФРГ («Фракция Красной армии»), Португалии, Франции (ОАС), Японии («Фракция красной армии»), США («Объединенная освободительная армия»).

Террор был характерен и для России. Первые попытки его проявления относят к XVI веку. Затем были разного рода подпольщики, которые стремились подорвать существующий строй. О закулисной борьбе и интригах в правящих кругах царской России, о провокаторах и революционерах повествует книга В.М. Жухрая (15). Появился народнический, революционный террор белый и красный, а также черносотенный. Интересна в этом плане книга Ларисы Миллер, посвященная злодеяниям революции и ее жертвам (22). К этому террору было двойственное отношение, связанное с российской ментальностью, и которую М. Цветаева выразила ярко и афористично: «Если я вижу насилие — я за жертву, а если насильник убегает — я дам ему убежище» (Цит. по: 31, 29).

Новый этап в развитии российского терроризма внесли Февральская революция и большевистский переворот. О ситуации в этот период, о многих, чьи имена вошли в историю русской смуты, написана книга Бориса Беленкина (5). Протестному движению рабочих в первые десятилетия становления советской власти посвящена книга Д.О. Чуракова (35). И позднее, в советское время мы продолжаем наблюдать Большой террор — только ГУЛАГ чего стоит. Замечательна книга Светланы

Оболенской, безыскусно описавшей, как были сломаны судьбы детей и членов семей репрессированных (23). Лишь в 60–80 годы XX века репрессии исчезли, но ненадолго, хотя и были единичные теракты. Во второй половине XX века они возобновились. Их связывают с высоким уровнем безработицы на Северном Кавказе, коррупцией, насилием со стороны правоохранительных органов, теневой экономикой.

Революционный террор, который был не только в России, но и в Европе и Америке, был не слабее современного джихада. С середины XIX века терроризм приобрел международный характер.

Тоталитарный режим фашистских и нацистских государств также характеризовался разгулом террора, описанного как в научной, так и художественной литературе. О них написано немало книг, исследований и разысканий. Назовем примечательную книгу А. Камю «Человек бунтующий» (17). Приведем также в качестве примера книгу Г. Уильямсона (33). Вот почему Бегбедер считает, что после 11 сентября 2001 года «Наше будущее исчезло. Наше будущее — это прошлое» (4, 394).

Терроризм сегодня понимается не просто как преступление, а «сверхпреступление». Это феномен новой эпохи, представляющий новые формы войны. В его основе лежат социальные противоречия. Это, по мнению С.М. Ермакова понятие, которое «является криминальным инструментом решения политических вопросов» (13, 60).

10–15 лет назад у нас писали о современном терроризме, имея в виду его распространение только за рубежом. Считалось, что у нас морально–политическое единство страны не может порождать такого рода явлений. Кроме того, в условиях тоталитарного режима переход к насильственным действиям тех, кто был оппозиционно к нему настроен, был невозможен. Но когда рухнул Советский Союз, положение с терроризмом резко изменилось. И все же показательно, что в статье В.В. Витюка 1993 года указывается, что «у нас нет пока террористического бума» (9, 74).

К сожалению, сегодня растет количество терророгенных факторов в мире. Для России это формирует разрастание террористических угроз. Этому способствуют:

- обострение социальной напряженности в нашей стране и мире;
- криминализация всех сфер жизни и деятельности;
- «чеченский фактор» с сепаратистскими и террористическими тенденциями;
- «исламский фактор» в подрывной деятельности иностранных террористических организаций;

— воинствующий национализм и экстремистская псевдорелигиозная идеология (ваххабизм);

— масштабный незаконный оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (25, 224–227).

Для современного терроризма характерно столкновение не столько цивилизаций, сколько антагонизм между богатыми и бедными странами, социальная несправедливость в мире, прямое и косвенное давление одних стран над другими, одних слоев общества над другими, одних народов над другими. Терроризм становится составной частью организованной преступности. Для борьбы с терроризмом сегодня характерна низкая эффективность. Понятно, что для террористов–смертников наказание не страшно. Но раскрываемость терактов находится всего в пределах 5–10–20% от зарегистрированных. В России в 2006 году было совершено 256 случаев терроризма. Нераскрытыми остались 218 (31, 7). По данным многих социологических исследований, в 2010 году Россия входила в десятку стран мира с самым большим количеством террористических актов, но к 2014 году наша страна отодвинулась на 11 место (24, 122). Правда, развитие джихадизма в нашей стране на первой стадии носило национальный, а не религиозный характер. Вторая стадия его связана с правящей идеологией «Имарата Кавказа». На третьей стадии у нас джихадизм стал составной частью международного, глобального террористического движения (24, 122–123). С прискорбием приходится констатировать, что в настоящее время «по мощи и масштабности вооруженного исламизма Россия уступает только Ближнему Востоку» (24, 125).

Формы терроризма могут проявляться у нас в стране в разного рода поджогах фермерских хозяйств, складов, офисов, декодируя агрессивную ксенофобию или протест против рыночной экономики. Порождением террористических актов могут быть этнополитические конфликты и геополитические характеристики СССР, утратившего бывшие территории, что и породило множество очагов террористической активности (9, 73).

Слово «террор» вошло в политический словарь европейской культуры в XIV веке. Но смысл его понимался в разные времена по-разному. Во время Французской революции понятие «террорист» имело положительную коннотацию. В 1848 г. немецкий радикал К. Гейнцген считал, что регулярным войскам, их силе и дисциплине может противостоять создаваемый небольшой группой людей хаос.

Термин «террор» происходит от латинского слова *terror* — страх, ужас. К середине XX века появилось разграничение понятий «террор»,

под которым понималась репрессивная государственная политика, и понятием «терроризм», обозначающим оппозиционные официальным властям террористические организации» (26, 668). Сегодня понятие терроризм стало более широким. «Терроризм — это любое насильственное действие, осуществляемое вне законодательства и культуры, основанное на угрозе и запугивании, при этом — непосредственные объекты насилия (так называемые «мишени») не являются главными целями исполнителей теракта и его заказчиков» (8, 15). Следует все же признать, что пока не существует единого понимания этого термина. Приведем некоторые из них: «систематическое устрашение, провоцирование, дестабилизация общества насилем»; «форма угрозы насилем или применение насилия по политическим мотивам»; «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей» (10, 19).

Н.Я. Лазарев показывает, что в западной литературе существует более 100 определений «терроризм». Он выделяет политический терроризм, в котором провоцируются вооруженные конфликты, политические убийства, создание хаоса в социальной жизни путем срыва систем связи, транспорта и т.п. (18, 77) Кроме того, он показывает, что в терроризме обязательно присутствует военно-технический аспект, использующий достижения современной техники и технологии. Он приводит выражение Б. Дженкинса: «Терроризм — это новый вид войны» (18, 78).

Однако современный терроризм коренным образом отличается от его старых форм. Современный терроризм идеологически мотивирован, отличаясь от уголовной преступности. Отличается он также от государственного террора и от массовых политических выступлений (9, 64). Терроризм, как правило, питают кризисные ситуации, разного рода социальные конфликты. «Можно утверждать, что в нашем веке возник новый, во многом беспрецедентный конфликтогенный контекст, обуславливающий подъем и развитие специфических форм политического насилия» (9, 67). Современные террологи выделяют социальный терроризм, терроризм националистический и религиозный (9, 65).

Эта агрессия вообще свойственна людям. Многие, оказывается, могут упиваться войной и убийством. Этот парадокс близок тому, что в католических странах руководство супружескими отношениями находится в руках тех, кто дал обет безбрачия. «Человек способен наслаждаться убийством как таковым, способен совершать его без всяких посторонних побудительных причин и мотивов» (14, 125). Известна история пастуха Авеля и землепашца Каина, убившего своего брата.

Авель не имел детей, а в нас текут гены Каина. Так продолжается на протяжении всей истории человечества. Главное — люди упиваются зрелищем убийств. Вспомним гладиаторские бои, публичные казни в Европе в эпоху Средневековья, упоение работой гильотины... Да и сейчас люди не стесняются признаться, что любят смотреть фильмы ужасов.

Но кто склонен к террору и терроризму? Люди, у которых психический склад таков, что эмоции владеют над разумом, у которых непосредственная реакция на действительность, низкий порог терпимости, отсутствие необходимого самоконтроля — легко и естественно сживаются с идеей насилия. Но так же легко с ним примиряются люди рационалистического склада, с завышенными самооценками, властолюбивые, презирающее людей и склонные к фанатизму (9, 66).

«Готовность к насилию вообще и к террористическому насилию, в частности, корнями уходит в органически присущую человеку склонность к агрессивности и разрушительным инстинктам» (9, 65).

Что же стимулирует терроризм? Вот что пишет по этому поводу И. Ефимов: «Завоевания норманнов, турок–османов, потом турок–сельджуков, монголов — все они должны стать сигналами тревоги для нас, предупреждением о возможной опасности: малозаметный народ, рвущийся на индустриальную ступень, может вдруг взорваться внутри и обрушить на остальной мир необъяснимую — непредсказуемую — военную мощь (например, найдя или украв дешёвый способ производства термоядерного оружия)» (14, 49). И предугадать сегодня, какой малозаметный народ может выдвинуть грядущего Аттилу — невозможно.

Возникает вопрос, что же движет людьми, отваживающимися на столь радикальные действия, нередко связанные с их смертью. Фредерик Бегбедер считает, что в наше время «Терроризм — это постоянный дамоклов меч, рассекающий здания» (4, 242). Он объясняет терроризм тем, что «Бог против глобализма» (4, 176). Так считают многие. Например, О.В.Зотов пишет, что «глобализованный терроризм» стал для России главным вызовом едва наступившего века... Глобализация — это унификация культур, народов и государств, экономик и цивилизаций...

Ее антипод — интернационализация, естественность международных связей во всем их разнообразии при сохранении самобытности культур и народов, самостоятельности их экономик и государств... Глобализация успела серьезно сказаться на безопасности всего мирового сообщества» (16, 36–37). Он считает, что «У глобалистов и террористов интересы и цели однотипны: сверхдоходы и сверхвласть» (16, 39). И приводит 8 причин предпосылок современного терроризма:

- 1) борьба группировок за власть;
- 2) межнациональные и межрелигиозные антагонизмы;
- 3) борьба за власть преступных группировок;
- 4) рост антагонизмов в обществах и их раскол;
- 5) распри во властных структурах;
- 6) размежевание в народе ключевых представлений о развитии общества;
- 7) борьба за раздел общественной собственности;
- 8) криминализация жизни в целом (16, 41).

О.В. Зотов показывает, что современный терроризм имеет 3 ипостаси: государственный, фашистский и правый и левый государств–агрессоров. Суперпреступность, терроризм и фашизм оказываются тесно переплетены, как это было в Италии, где действовали «Красные бригады». При этом криминал, терроризм и фашизм оказываются высокорентабельными.

Сегодня для терроризма характерен беспрецедентный масштаб. Количество террористических организаций растет, как и их разнообразие.

Обычно терроризм делят на государственный, международный и внутренний. Государственный терроризм осуществляется государством. При этом он может быть внутренним, свойственным диктаторским, фашистским, коммунистическим и религиозно–фундаменталистским режимам. Внешний — во время Второй мировой войны, после нее — в борьбе развитых стран против развивающихся в целях политической экспансии (31, 15), когда поддерживаются военные диктаторские режимы. И это уже международный терроризм. Между такими странами существуют различные формы сотрудничества.

Существует также уголовный терроризм — как правило, интернациональный, аполитичный и атеистический. Одиночный терроризм — в современных условиях — явление сравнительно редкое, не представляющий такой опасности, как общественный, национальный или транснациональный.

Сегодня ни одно государство не готово к эффективной борьбе с терроризмом — считает С.М. Ермаков (13, 49).

Он подчеркивает, что истоки мотивации современных террористов можно найти в постулатах средневековых иезуитов и в трудах Н. Макиавелли, считавшего, что «цель оправдывает средства» (13, 53). М. Бакунин выдвигал возможность борьбы настоящих революционеров с властью с помощью таких средств как «яд, нож и веревка». А П. Кропоткин также считал необходимым возбуждать общество с помощью «устного

и письменного ножа, винтовки и динамита». Именно в XIX веке терроризм стал постоянным фактором общественной жизни. Как и тогда, сегодня террористы—мусульмане окружены ореолом мучеников и борцов за веру (13, 54–55).

Интересную концепцию о причине терроризма высказывает Игорь Ефимов — русский писатель, историк, философ, публицист, с 1978 г. живущий в США. В отличие от Карла Маркса, выделившего 5 общественных формаций — общинно—родовой строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический, И. Ефимов предлагает делить историю человечества по уровню овладения силами природы. Первой ступенью овладения природой является охота и рыболовство — охотничий период. Второй — кочевое скотоводство (когда приручены и одомашнены животные). Третья ступень — оседлое земледелие. Четвертая ступень — машинно—индустриальное производство. И, наконец, пятая — компьютерно—электронная ступень (14, 16–17). Понятно, что не все народы одновременно находятся на одной ступени. Одни народы, их Ефимов называет Альфа, быстрее других осуществляют мучительный подъем на следующую ступень. Другие, их Ефимов называет Бета — отстают. И те, кто на более низкой ступени (бетинцы), всегда стремятся противостоять альфидам. В этих взглядах И.М. Ефимов не одинок. Б.В. Марков напоминает: «не секрет, что в истории более высокие культуры, более цивилизованные народы терпели поражение от варваров» (19, 92). Об истории развития террора и терроризма напоминает и В.А. Медведев (21, 103–105). И. Ефимов продолжает: «Народ—охотник, народ—скотовод, народ—земледелец, народ—машиностроитель — мы можем найти их всех на земле и сегодня, и отношения между ними часто бывают окрашены мучительными и неразрешимыми противоречиями» (14, 17). Однако судьба скифов все же внушает надежду, что такие агрессоры будут разобщены и разбросаны по другим странам.

И все же сегодня остается немало людей, ликующих, когда происходят теракты (например, в парижском метро в 1995 году). Взгляды безбожников—коммунистов и фанатично верующих мусульман сходятся во многих политико—социальных установках.

Каковы же знаковые черты терроризма?

Два его основных признака — насилие и устрашение. А они рождают массовую деморализацию населения, ибо жертвами терроризма становятся случайные люди. Например, массовая истерия была вызвана в 1985 году, когда американские авиатуристы вернули

в кассы агентств билеты из-за участвовавших террористических актов в Европе (18, 79). Для морально-психологического аспекта терроризма характерны жестокость, аморальность, неразборчивость в средствах, неуправляемость (18, 78).

Н.А. Грякалов показывал, что насилие и террор взаимосвязаны друг с другом, а террор «всегда дискурсивен, то есть символичен» (11, 8). В диссертации Грякалова утверждается, что террор всегда обладает символическим ресурсом благодаря именно насилию. Доминирующей становится модель обмена, которая определяется «через отношение к всеобщему эквиваленту». Модернистская символизация эстетизирует политику, «собирающую террористический Gesamtkunstwerk, который мыслится как синтез абсолютного знания и абсолютного действия, упраздняющий различие эксцесс/символизация». На современном этапе постмодернистского состояния, которое понимается как «закат эры взрыва», политическая «фиксированность террора заменяет диалектическую логику — катастрофической» (11, 9).

Государственный террор формирует беспредельный страх в обществе. А вот современный терроризм увеличивает этот страх, что «может привести к серьезным изменениям в массовом общественном сознании в сторону большей уязвимости и манипуляционным процессам», формируя массовую истерию (26, 669).

Страх рождает панику, иррациональный ужас — как правило, далеко за пределами места и времени теракта. Таким образом появляются «косвенные» жертвы, которые пытаются вскрыть символизм этих зловещих «посланий» (8, 15). Однако сделать это сложно, так как «в современном терроре доминирует абстрактная форма, в нем ужасно — отсутствие ужаса, сама эмоциональная редукция... (множественность свидетельств жертв российских терактов) говорит «о дистанцированности от самого себя и от насилия... о прогрессирующем обезличивании субъектов» (29, 97).

Пытаясь разобраться в семантических особенностях современного терроризма, А. Бадью в своей статье «Философские соображения по поводу нескольких недавних событий» (в книге «Мир в войне. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов». М., 2003, с. 27) считает, что «реакция на террор попадает в ловушку зеркальности. Война против терроризма и сам терроризм приходят к состоянию неразличимости. Поэтому представляется необходимым» прибегать к различению «способов символизации» (29, 94) В качестве примера Н.М. Савченкова приводит ситуацию с Заремой Муджахоевой. Она

передумала «взрываться» и сознательно не переключила тумблер взрывного устройства. Этим самым террористка–смертница спасла обреченных на гибель посетителей кафе. А обвиняемые вместе с ней утверждают, что взрыв не последовал по техническим причинам, так как она дважды переключала тумблер. Осужденная на 20 лет Зарема Муджахоева обещала «вернуться и отомстить» (29, 98). Н.М. Савченкова комментирует это так: «Описывать такую агрессию очень сложно», так как она оказывается «чуждой основному символическому измерению — речи... Наиболее интересным прецедентом реконструкции атмосферы и акта нигилистического насилия... является последняя работа американского режиссера Гаса Ван Сента» (29, 99). В этом фильме воспроизведен детский террористический акт. Мальчик–террорист накануне расстрела музицирует. И ничто не может помешать ему привести свой замысел в исполнение. «Общество не может защитить себя от индивидуальной воли, выпавшей из системы символических взаимоотношений» (29, 100).

Уже Ж. Бодрийяр показал в книге «Символический обмен и смерть», что террор — «единственный доступный современному субъекту радикальный способ символизации» (29, 96). Рене Жирар также показывает, что, так как насилие отвратительно, люди считают возможным мстить за него. Отсюда насилие и жертва оказываются в одинаковой ситуации. «Сходство делает операцию возможной, различие сохраняет ее символический смысл... Другими словами, речь идет об утрате в современном мире символических различий, о принципиальной «нехватке», нужде в символическом вообще. Р. Жирар предлагает мыслить сегодняшнюю ситуацию в терминах жертвенного кризиса» (29, 95).

Жертвами террористических актов легко можно манипулировать властной террорократической элитой. Жертвы террористических актов оказывают на людей длительное воздействие. Особенно это воздействие усиливается при использовании заложников. Заложники демонстрируют несколько типов поведения. Основные три: регрессия, инфантильность, автоматизированное поведение, депрессивное переживание; демонстративная покорность и приспособительная реакция и, наконец, хаотичные проявления протестных действий. Кроме того, возможно такое поведение, когда люди сохраняют контроль над своими действиями, добровольно помогая в преодолении беды. Есть также тип людей, которых можно назвать «притаившимися мстителями». Они трезво оценивают сложившиеся обстоятельства, понимают опасность открытого противодействия. Штурм экстремализует ситуацию. Спасатели–специа-

зовцы также становятся жертвами, все же являясь знаковыми фигурами борьбы с терроризмом. За пределами террористического акта сначала возникает растерянность, затем бессильная, беспомощная подверженность чужой воле. Но, с другой стороны, возникает ощущение оскорбленного достоинства, повышенная готовность к отражению угрозы. На этом фоне падают трудоспособность, получают пандемическое распространение слухи, широкую распространенность получает расстройство сна. Для тех, кто оказался вне группы заложников, возникает чувство вины, что их «миновала чаша сия». Появляются общие страхи и надежды. Для родственников потерпевших шоковый удар может оказаться даже более глубоким, чем для непосредственных жертв. Их сковывает страх неизвестности, стремление спасти, осознание своего бессилия. Организаторы же теракта стараются сфокусировать общественное мнение на негативном восприятии действительности. Для этой цели предпринимаются покушения специально с саморекламными целями, чтобы заявить или напомнить о своем существовании. Нередко у переживших теракт возникает «стокгольмский синдром» — оправдательные рефлексии по отношению к террористам, враждебное отношение к военным и властям. Объясняется это психологической защитой в критической ситуации, своеобразной истерией облегчения (26, 670–671).

Определенная часть террористов оказывается втянутой в террористическую деятельность пропагандой и провокационными средствами с помощью разного рода наркотических и психотропных снадобий, нейролингвистического программирования, с помощью интернета, охотясь за аутсайдерами, играя на проблемах человека. При этом часто используются женщины и дети. Их тоже можно отнести к жертвам террористических актов. Но многие террористы непосредственно жертвы изначально. Здесь используются национальные, конфессиональные, профессиональные слои (26, 672).

Терроризм — особая разновидность политической преступности.

В террористических актах гибнут сотни ни в чем не повинных людей. Кошунственно прозвучало признание бывшего обвинителя трибунала по Югославии Карлы дель Понте в ее книге «Охота: я и военные преступники», что руководство независимого Косово вывезли 300 молодых сербов в Албанию для изъятия внутренних органов (31, 13).

Убийство и причинение вреда людям — важный признак терроризма, сеющий постоянную угрозу неожиданного нападения неизвестно когда и где. «За период с 1991 по 2015 год в Российской Федерации в террористических актах погибло 2765 человек». Если же

учитывать всех пострадавших, то эта цифра увеличится до 15835 человек. Эту цифру следует увеличить в два или три раза, учитывая родственников пострадавших: «жертва терроризма — это человек или определенная социальная группа, подвергшаяся насильственному террористическому воздействию, сопровождающемуся непременным устрашением личности и социума (26, 667). Как видим, фактор устрашения — одна из ключевых знаковых характеристик терроризма. При этом он демонстрируется перманентно.

Для террористических актов важен общественный, политический и международный резонанс. Расцвет СМИ — одно из «условий интенсификации террора в мире и особенно в нашей стране» (31, 11). Поэтому СМИ — очень важный знаковый компонент терактов, так как «основной целью современного терроризма является дестабилизация общества, и не столько в результате самих терактов, сколько путем воздействия СМИ... Останутся ли СМИ этим «активным союзником» террористов? Не лукавят ли они, когда, отстаивая приоритеты свободы слова (а в равной степени — ориентацию на поддержание собственных рейтингов через легкодоступный «информационный повод») стократно транслируют и тиражируют, безусловно, психотравмирующие и устрашающие видеоряды?» (8, 16). Именно благодаря СМИ в результате терактов пострадавшими становятся все.

В наибольшей степени терроризм распространен на транспорте. Это могут быть: воздушный, водный, железнодорожный. Кроме того, он может быть распространен и в метро, в автомобилях, а также в трубопроводах.

В целом можно признать, что вспышки терроризма стали отличительной чертой нашего времени. Прав Б.В. Марков, считающий: «Современное общество, якобы старательно очищаемое от беспорядков, на самом деле представляет собой благодатную почву для террора. С одной стороны, сложные технологические структуры подвержены сбоям, и об этом свидетельствуют все более ужасные по своим последствиям технические катастрофы. С другой стороны, автономные индивиды, привыкшие к защите со стороны полиции, утратили не только бдительность, но и способность сопротивления в целом... Мне кажется полезным обратить внимание на специфику современного террора как медиума современных коммуникативных систем. Террор всегда сопровождается дискурсивным обоснованием и символическим пониманием» (19, 88).

Сегодня терроризм многолик. Его мишенями становятся посольства, фирмы, казармы, военные базы, штаб-квартиры иностранных войск, а также чиновники, бизнесмены, дипломаты и военные иностранных

войск. «Террористы различных национальных организаций... оказывают друг другу различные услуги, обмениваются опытом, предоставляют убежища.., вместе тренируются, а иногда и осуществляют совместные операции (9, 71). Он включает разного рода террористические акты — политические, идеологические, религиозные, сепаратистские и разовые криминальные акции. В большинстве случаев они «проистекают от нищеты, безысходности, бед и отчаяния, побуждающие некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен для притесняемых групп населения, а иногда и целых народов» (31, 12).

Наиболее распространен исламский терроризм. При этом следует понимать, что исламизм — это искажение ислама как мировой религии. Практически исламизм — это политическая идеология, прикрывающаяся религией. Доказательством этого служит внутренняя борьба между разными направлениями исламизма: исламистов шиитского направления — «Хезболла», и суннитскими джихадистскими организациями типа Аль-Каида и ИГ (24, 118).

Самое представительное его проявление — «Исламское государство» (ИГ, ранее именовавшееся ИГИЛ) — запрещено в России (24, 117). С удивлением и с недоумением приходится констатировать, что «в рядах ИГ воюют уже несколько тысяч (по разным оценкам от двух до пяти тысяч) российских граждан». Так что «война ИГ России объявлена» (24, 124). Основная идея исламизма — возрождение халифата. Исламизм связан генетически с другими формами тоталитарных идеологий, в первую очередь с фашизмом. Х. Арндт в книге «Истоки тоталитаризма» (1951 г.), рассматривая Холокост и ГУЛАГ, отмечает репрессивность фашизма, его тоталитаризм (24, 120). К этому же можно присовокупить и наблюдение В. Беньямина, написавшего еще в 20-е годы «Метафизику насилия». В этом своем произведении он уже предчувствовал приход фашизма, считая его расплатой за демократию. Так и сегодня — нравственный прогресс, гуманизация и рационализация жизни парадоксальным образом формируют всплески насилия и жестокости. «В широком смысле террор — следствие нашего мышления, сформировавшегося на парадигме войны и покорения природы, а также технология власти, опирающейся на насилие, ведущей к отчуждению людей» (19, 91). Это объясняет, почему и сегодня репрессивность также присуща современному терроризму, связывая его с фашизмом. Как уже указывалось, существует много направлений исламизма, борющихся за власть: «Братья-мусульмане» в Египте, «Джаамат-и-Ислами»

в Пакистане, «Хезболла» в Ливане, «ХАМАС» в Палестине и др. Как подчеркивает Э.А. Паин, «появление исламизма связано не столько с давней, глубинной исторической природой ислама, сколько с актуальными обстоятельствами современной жизни исламских стран» (24, 117). Вместе с тем нельзя упускать из виду и такой феномен, как массовая эмиграция в Европу и США из стран с другими радикальными культурными нормами. Эффект закона «третьего поколения», открытый М.Л. Хансеном в 1939 году, в наше время обнаруживает себя повсеместно. Он заключается в том, что в эмигрантских сообществах внуки стремятся вспомнить то, что старались забыть их деды и отцы, демонстрируя повышенный интерес к традициям родины или религии предков, формируя конфликт поколений и бунт исламской молодежи. Отсюда возникает рост традиционализма в диаспоральных группах, приводящих к эрозии национальных государств. Вот почему во второй декаде 2000 годов политики ведущих европейских стран забили тревогу по поводу мультикультурализма, а в 2010–2011 году лидеры Германии, Франции и Великобритании выступили с заявлениями против тех проявлений, которые приводят к нестабильности в их странах (24, 121–122).

Для исламизма характерны следующие знаковые черты:

возрождение понятия исламского джихада (священной войны);

фундаментализм — возвращение к традиционным основам ислама;

тоталитаризм — объединение всех сфер жизни на религиозной основе, подчинение человеческой жизни религии ислама;

теократизм — вытеснение светской жизни религиозным проявлением;

теономизм — «главенство законов Господа», когда светские права заменяются религиозными (шариатом);

терроризм — основное средство достижения политических целей (24, 115–116).

К этому можно присоединить то, что современные исследователи выделяют следующие характерные тенденции терроризма в мире:

«1. Интенсивный рост общественной опасности..;

2. Расширение социальной базы терроризма..;

3. Превращение терроризма в долговременный фактор..;

4. Рост организованности и управляемости террористических образований;

5. Создание блоков террористических организаций..;

6. Смыкание терроризма и организованной преступности;

7. Продолжение и ... усиление связей между государственным, международным и внутренним терроризмом» (31, 47).

Уверенно можно утверждать, что опасность терроризма сегодня интенсивно повышается, а экстремизм становится предтечей терроризма. При этом организациям терактов придаются символические факторы (26, 666).

Как явствует из приведенных тенденций, терроризм смыкается с организованной преступностью, радикальные течения, например, скинхеды в России, становятся предпосылками терроризма. А организованная преступность смыкается с идейными противниками и оппозиционерами властей. Следует понимать, что «половина преступных доходов идет чиновникам» (31, 54).

Очаги терроризма существуют более чем в 50 странах, расширяется их география. Каждый день СМИ сообщают о террористических актах. Нередко они становятся вольно или невольно пособниками террористов. Особенно страшны «живые бомбы», террористы–смертники. Зачастую в наше время это женщины и даже дети, поставка их подготовки получила развитие на поток. Появляются новые формы и методы террористической деятельности. Террористы противопоставляют себя властям. И даже государствам. Терроризм эволюционирует в новый вид глобальной войны. К сожалению, прогноз борьбы с ними пессимистичен (31, 74). Число жертв растет, а вот эффективность анти-террористической деятельности, увы, ничтожно мала. У нас в стране она составляет не более 10% (31, 64). «Среди европейских стран Россия становится самой террогенной зоной. По числу террористических актов на первом месте среди других государств, видимо, находится Ирак, на втором — Израиль, на третьем — Россия» (31, 59). Если раньше террористы обладали кинжалом или пистолетом, то теперь организованные террористические объединения обладают ракетами, взрывчаткой невиданной разрушительной силы, бомбами с дистанционным управлением и даже ядерным оружием. Несмотря на международные запреты, ядерным оружием обладают Израиль, Индия, Пакистан. «Наша гордость — высокие технологии, как оказалось, это в равной степени и гарантия нашей защищенности, и легкая доступность для террористов самых мощных орудий разрушения в нашем глубоком тылу. И мы вынуждены усиливать охрану этих несметных арсеналов «двойного назначения» (8, 16).

Они используют угон самолетов, захват посольств и правительственных зданий, компьютерные вирусы и т.п. Исполнителями террористических актов становятся теоретики–идеологи и практики. Весьма распространенное явление — главари исламских террористов в основном получили образование на Западе, хотя его ценности остаются для них чуждыми.

Практики подразделяются на следующие специализации: «по убийствам, диверсиям, угону автомашин, изготовлению фальшивых документов, ответственных за разведку, финансы, связь с прессой...» (9, 68).

Мотивации террора многочисленны. О них подробно пишет В.А. Медведев (21, 109–113). Столь же подробно он рассматривает антитеррористические стратегии. И особенно останавливается на особенностях языка террора. Террор, считает он, — это «мортальное запугивание» (21, 123). Оно имеет следующие смыслы:

приказ вернуться к традиционным для прошлого века планетарным страхам;

запрос на коренную модернизацию и взаимосогласование всей системы существующей социальной мифологии;

заставить сменить национальный стандарт организации социальной жизни на приоритет планетарных, общечеловеческих ценностей; демонстрация недостаточности ценностно-мотивационных подключений к социуму отдельных социальных слоев и групп;

прорыв к обретению «Я» в смерти (21, 121–129).

Все эти пункты пространно объясняются и доказываются. С некоторыми можно согласиться, другие не вызывают единодушия. Но, безусловно, следующее высказывание отражает суть современной семиотики терроризма: «Любая «великая национальная идея», ...суть патогенная основа очередной раковой опухоли планетарного организма, разрушающая его здоровье, а терроризм — это боль, указующая на необходимость по ее удалению» (21, 127).

Предложения А. Медведева по борьбе с терроризмом не могут быть приняты все безоговорочно. И пока никто не дал действенных рецептов в этой насущной проблеме.

Интересны характеристики террориста, предложенные С.Н. Ениколоповым (12) и профессором М.М. Решетниковым (28), которые можно также отнести к семиотике терроризма. С.Н. Ениколопов считает, что, например, для многих террористов знаковым было то, что они «не имели успеха в личной и профессиональной сферах жизни», хотя многие из них в последние годы хорошо образованы. Одни из них — такие, как анархические террористы в Германии и Италии разрушают «мир своих отцов», другие — этнические сепаратисты (ETA, IRA) «продолжают миссию своих отцов». Одни проявляют в акте террора «возмездие за реальные или мнимые обиды», другие — проявляют в акте насилия «возмездие обществу за обиды, нанесенные родителям» (12, 186). Для террористов характерен чаще всего «невысокий собственный соци-

альный статус, финансовые неудачи». Очень часто это «безработные, малообразованные, социально отчужденные индивидуумы» (12, 190). Для них характерен «депрессивный и ангедонистический аспект личности» (12, 187). Большинство террористов отличает фанатизм, который «можно рассматривать как одну из характеристик терроризма» (12, 188). Для всех террористов характерны комплекс неполноценности; низкая самоидентификация; самооправдание, считая себя спасителем людей, которым угрожает зло; личная и профессиональная незрелость (12, 189). Довольно часто «террорист–одиночка — это случай психически больного» (12, 187). С этим утверждением не согласен профессор М.М. Решетников: «Попытка изобразить террориста как психически больного неверна, по сути, и никуда не ведет» (28, 343). Наоборот, для террориста характерно «религиозное «обрамление» идей борьбы, мести или возмездия... определяет специфическую социальную связь между членами конкретной национальности или социальной группы... одним из важнейших факторов такого идейного слияния являются представления о смерти и загробной жизни» (28, 342). Такая «смерть считается героической и благородной жертвой» (28, 342).

Но детальное описание знаковых черт террориста и С.Н. Ениколоповым, и М.М. Решетниковым выходит за рамки избранной темы в область психологии и психопатологии.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Антипенко Л.Г. Параллельным курсом: «черные технологии» терроризма и «черные технологии» в формировании исторического сознания // Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. — М.: Институт востоковедения РАН, издательство «Крафт+», 2003. — 272с., с. 255–265.
2. Бакунин М.А. Интернационал, Маркс и евреи (*Polemique contre les Juifs*) / Пер. с франц. В.М. Смирнова. — М.: «Издательский дом «Вече», «Азъ» (Знатнов), 2008. — 320 с.
3. Басовская Н.И. Антигерои истории. Злодеи. Тираны. Предатели / Наталия Басовская — Москва: АСТ, 2013. — 320 с.
4. Бегбедер Ф. *Windows on the World*. Роман / Пер. с франц. И. Стаф. — М. Иностранка, 2005. — 430 с.
5. Беленкин Б. Пасынки революции. Савинков, Опперпут и др. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 352 с.
6. Брасс А. Палестинские истоки / А. Брасс. — М.: ООО ИД «Русь» — «Олимп»; ОЛМА–ПРЕСС Образование, 2004. — 347 с. — (Терроризм: история и современность).

7. Брасс А. Между Лениным и Арафатом / А. Брасс. — М.: ООО ИД «Русь» — «Олимп»; ОЛМА–ПРЕСС Образование, 2004. — 315 с. — (Терроризм: истории и современность).
8. Введение, // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб.: Восточно–Европейский Институт Психоанализа, 2004. — 352 с., с. 13–18.
9. Витюк В.В. Некоторые аспекты терроризма в контексте современных конфликтных ситуаций (соображения террологов) // Терроризм / Редкол.: Баньковская С.Н. и др. — М., 1993 — 125 с. (Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, типологии разрешения) РАН, Ин–т социологии, Центр конфликтологии; Вып. 4, с. 63–74.
10. Гишинский Я.И. Современный терроризм: кто «виноват» и что делать? // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб.: Восточно–Европейский Институт Психоанализа, 2004. — 352 с.
11. Грякалов Н.А. Террор: социально–философский анализ. Автореферат... канд. философских наук. СПб.: 2003. — 21 с.
12. Ениколопов С.Н. Современный терроризм и агрессивное поведение // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб.: Восточно–Европейский Институт Психоанализа, 2004. — 352 с., с. 181–193.
13. Ермаков С.М. Понятийные аспекты терроризма // Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. — М.: Институт востоковедения РАН, издательство «Крафт+», 2003. — 272 с., с. 49–61.
14. Ефимов И.М. Грядущий Аттила: Прошлое, настоящее и будущее международного терроризма. — СПб.: Издательский Дом «Азбука–классика», 2008. — 368 с.
15. Жухрай В.М. Террор. Гении и жертвы. — М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2002. — 368 с.
16. Зотов О.В. Глобализация и международный терроризм: генетическое родство // Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. — М.: Институт востоковедения РАН, издательство «Крафт+», 2003. 272 с., с. 36–48.
17. Камю Альбер. Человек бунтующий. Философия. Политика. Искусство. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.
18. Лазарев Н.Я. Некоторые аспекты терроризма в контексте современных конфликтных ситуаций (соображения террологов) // Терроризм / Редкол.: Баньковская, С.Н. и др. — М., 1993 — 125 с. (Социальные

конфликты: экспертиза, прогнозирование, типологии разрешения) РАН, Ин-т социологии, Центр конфликтологии; Вып. 4., с. 74–83.

19. Марков Б.В. Социально-культурные предпосылки терроризма // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. — 352 с., с. 87–92.

20. Марков К.В. Противостояние ислама и западной цивилизации. Сбудется ли прогноз Самюэля Хантингтона? // Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. — М.: Институт востоковедения РАН, издательство «Крафт+», 2003. — 272 с., с. 62–75.

21. Медведев В.А. Террор как основание коммуникативной культуры XXI века: от понимания к интерпретации // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. — 352 с., с. 102–180.

22. Миллер Л.П. Жертвы коммунизма. — М.: «Великий град», 2013. — 384 с.

23. Оболенская, Светлана. Дети Большого Террора. М.: Аграф, 2013. — 240 с.

24. Паин Э.А. Исламизм: социально-политическая сущность и новые угрозы России // Общественные науки и современность, 2016, №5, с. 115–127.

25. Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 224–227.

26. Петухов В.Б. Понятие «жертвы терроризма»: смысловые и классификационные нюансы // «Национальная безопасность», 2016, № 5. — с. 665–674.

27. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. — 352 с.

28. Решетников М.М. наброски к психологическому портрету террориста // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. — 352 с.

29. Савченкова Н.М. Террор: символический акт или абстрактная агрессия? // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под ред. проф. М.М. Решетникова. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. — 352 с., с. 93–101.

30. Старченков Г.И. 11 сентября 2001 года — новый этап геополитики США // *Терроризм — угроза человечеству в XXI веке.* — М.: Институт востоковедения РАН, издательство «Крафт+», 2003. — 272 с., с. 211–221.
31. *Терроризм в современном мире.* 2-изд. / под ред. В.Л. Шульца; Центр исслед. проблем безопасности РАН. — М.: Наука, 2011. — 603 с.
32. *Терроризм — угроза человечеству в XXI веке.* — М.: Институт востоковедения РАН, издательство «Крафт+», 2003. — 272 с.
33. Уильямсон Г. С. — инструмент террора / Пер. с англ. А.В. Бушуева, И.С. Соколова. — Смоленск: «Русич», 1999. — 416 с. («Мир в войнах»).
34. Хазанов А.М. Исторические корни терроризма // *Терроризм — угроза человечеству в XXI веке.* — М.: Институт востоковедения РАН, издательство «Крафт+», 2003. — 272 с., с. 30–35.
35. Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1939-е гг.) / Дмитрий Чураков. — М.: Вече, 2012. — 320 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Antipenko I.G. Parallel'nym kursom: «chernye tekhnologii» terrorizma i «chernye tekhnologii» v formirovanii istoricheskogo soznaniya // *Терроризм — угроза человечеству в XXI веке.* — М.: Институт востоковедения РАН, издател'ство «Крафт+», 2003. — 272s., s. 255–265.
2. Bakunin M.A. Internatsional, Marx I evrei: (Polemique contre les Juifs) / Per. s franc. V.M. Smirnova. — М.: «Izdatel'ckiy dom «Vecte», «AZЪ» (Znatnov), 2008. — 320 s.
3. Basovskaya N.I. Antigeroi istorii. Zlodei. Tirany. Predateli / Nataliya Basovskaya — Moskva: AST, 2013. — 320 s.
4. Begbeder F. Windows on the World. Roman / Per. s frants. I. Staf. — М.: Inostranka, 2005. — 430 s.
5. Belenkin B. Pasyunki revolutsii. Savinkov, Oppperput i dr. — М.: Yauza, Exmo, 2005. — 352 s.
6. Brass A. Palestinskie istoki / A. Brass. — М.: ООО ID «Rus'» — «Olimp»; OLMA–PRESS Obrazovanie, 2004. — 347 s. (Терроризм: istoriya i sovremennost').
7. Brass A. Mezhdue Leninym i Arafatom / A. Brass. — М.: ООО ID «Rus'» — «Olimp»; OLMA–PRESS Obrazovanie, 2004. — 315 s. (Терроризм: istoriya i sovremennost').
8. Vvedenie, prof. M.M. Reshetnikov // *Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora. Sbornik statey pod red. prof. M.M. Reshetnikova.* — SPb.: Vostotsno–Evropeyskiy Institut Psikhoanaliza, 2004. — 352 s., s. 13–18.

9. Vit'uk V.V. Nekotorye aspekty terrorizma v kontexte sovremennykh konfliktnykh situatsyi (soobrazheniya terrologov) // Terrorizm / Redkol.: Ban'kovskaya, S.N. i dr. — M., 1993 — 125 s. (Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tipologii razresheniya) RAN, In-t sotciologii, Tcentr konfliktologii, Vyp. 4, s. 63–74.
10. Gilinskyi Ya.I. Sovremennyyi terrorizm: kto «vinovat» i tsto delat'?' // Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora. Sbornik statey pod red. prof. M.M. Reshetnikova. — SPb.: Vostochno–Evropeyskiy Institut Psikhoanaliza, 2004. — 352 s.
11. Gryakalov N.A. Terror: Sotsial'no–filosofskiy analiz. Avtoreferat ... kand. filosofskikh nauk. SPb.: 2003. — 21 s.
12. Enokolopov S.N. Sovremennyyi terrorizm i agressivnoe povedenie // Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora. Sbornik statey pod red. prof. M.M. Reshetnikova. — SPb.: Vostochno–Evropeyskiy Institut Psikhoanaliza, 2004. — 352 s., s. 181–193.
13. Ermakov S.M. Ponyatyinye aspekty terrorizma // Terrorizm — ugroza chelovechestvu v XXI veke. — M.: Institut vostokovedeniya RAN, izdatel'stvo «Kraft+», 2003. — 272s., s. 49–61.
14. Efimov I.M. Gryadushchyi Attila: Proshloe, nastoyashchee i budushchee mezhdunarodnogo terrorizma — SPb.: Izdatel'skiy Dom «Azbuka–klassika», 2008. — 368 s.
15. Zhuchray V.M. Terror. Genii i zhertvy. — M.: AST–PRESS KNIGA, 2002. 368 s.
16. Zotov O.V. Globalizatsiya i mezhdunarodnyi terrorizm: geneticheskoe rodstvo // Terrorizm — ugroza chelovechestvu v XXI veke. — M.: Institut vostokovedeniya RAN, izdatel'stvo «Kraft+», 2003. — 272s., s.36–48.
17. Kamyu Alber. Chelovek buntuyushchyi. Filosofiya. Politika. Iskustvo. — M.: Politizdat, 1990. — 415 s.
18. Lazarev N.Ya. Nekotorye aspekty terrorizma v kontexte sovremennykh konfliktnykh situatsyi (soobrazheniya terrologov) // Terrorizm / Redkol.: Ban'kovskaya S.N. i dr. — M., 1993 — 125 s. (Sotsialnye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tipologii razresheniya) RAN, In-t sotciologii, Tcentr konfliktologii, Vyp. 4, s. 74–83.
19. Markov B.V. Sotcial'no–kul'turnye predposylki terrorizma // Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora. Sbornik statey pod red. prof. M.M. Reshetnikova. — SPb.: Vostochno–Evropeyskiy Institut Psikhoanaliza, 2004. — 352 s., s. 87–92.
20. Markov K.V. Protivostoyanie islama i zapadnoy tsivilizatsii. Sbudetsya li prognoz Sam'uelya Khantingtona? // Terrorizm — ugroza chelovechestvu

v XXI veke. — M.: Institut vostokovedeniya RAN, izdatel'stvo «Kraft+», 2003. — 272 s., s. 62–75.

21. Medvedev V.A. Terror kak osnovanie kommunikativnoy kul'tury XXI veka: ot ponimaniya k interpretatsii // Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora. Sbornik statey pod red. prof. M.M. Reshetnikova. — SPb.: Vostochno–Evropeyskiy Institut Psikhoanaliza, 2004. — 352 s., s. 102–180.

22. Miller L.P. Zhertvy kommunizma. — M.: «Velikiy grad», 2013. — 384 s.

23. Obolenskaya, Svetlana. Deti Bol'shogo Terrora. — M.: Agraf, 2013. — 240 s.

24. Pain E.A. Islamizm: sotcial'no–polititceskaya sushchnost' i novye ugrozy Rossii // Obshchestvennye nauki i sovremennost', 2016, № 5, s. 115–127.

25. Petrishchev V.E. Zametki o terrorizme. — M.: Editorial URSS, 2001, s. 224–227.

26. Petuchov V.B. Ponyatie «zhertvy terrorizma»: smyslovye i klassifikatsionnye n'uanzy // Natsional'naya bezopasnost', 2016, №5 — s. 665–674.

27. Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora. Sbornik statey pod red. prof. M.M. Reshetnikova. — SPb.: Vostochno–Evropeyskiy Institut Psikhoanaliza, 2004. — 352 s.

28. Reshetnikov M.M. Nabroski k psikhologicheskomu portretu terrorista // Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora. Sbornik statey pod red. prof. M.M. Reshetnikova. — SPb.: Vostochno–Evropeyskiy Institut Psikhoanaliza, 2004. — 352 s., s. 341–343.

29. Savchenkova N.M. Terror: simvolitceskiy akt ili abstraktnaya agressiya? // Psikhologiya i psikhopatologiya terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora. Sbornik statey pod red. prof. M. M. Reshetnikova. — SPb.: Vostochno–Evropeyskiy Institut Psikhoanaliza, 2004. — 352 s., s. 93–101.

30. Starchenkov G.I. 11 sentyabrya 2002 goda — novyi etap geopolitiki SSHA // Terrorizm — ugroza chelovechestvu v XXI veke. — M.: Institut vostokovedeniya RAN, izdatel'stvo «Kraft+», 2003. — 272s., s. 211–221.

31. Terrorizm v sovremennom mire. 2–e izd. / pod red. V. L. Shul'tsa; Tcentr issled. problem bezopasnosti RAN. — M.: Nauka, 2011. — 603 s.

32. Terrorizm — ugroza chelovechestvu v XXI veke. — M.: Institut vostokovedeniya RAN, izdatel'stvo «Kraft+», 2003. — 272s.

33. Uil'yamson G. SS — instrument terrora / Per. s angl. A.V. Bushueva, I.S. Sokolova. — Smolensk: «Rusich», 1999. — 416 s. («Mir v voynach»)

34. Khazanov A.M. Istoricheskie korni terrorizma // Terrorizm — ugroza chelovechestvu v XXI veke. — M.: Institut vostokovedeniya RAN, izdatel'stvo «Kraft+», 2003. — 272 s., s. 30–35.

35. Churakov D.O. Buntu'ushchie proletarii: rabochiy protest v Sovetskoj Rossii (1917–1930–e gg.) / Dmitriy Churakov. — M.: Veche, 2012. — 320 s.

Семиотика — модный бренд в культуре

(Опубликовано: *Мода в контексте культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Том 198, Вып. 5.* — СПб., Изд-во СПбГУКИ, 2013, 119 с., с. 33–38)

На рубеже XIX–XX столетий зародилась новая наука — семиотика. Эта наука о знаках вызрела в недрах лингвистики, когда с позиций лингвистики, т.е. выявления закономерностей языка, стали исследовать литературу и явления, входящие в ее рассмотрение. Вместе с методами лингвистики семиотика также активно стала использовать и методологию логики и математики. Итак, семиотика возникла на стыке нескольких дисциплин. Возникновение ее было случайным, спонтанным, но результаты оказались ошеломляющими. На основе семиотической методологии исследуемые объекты — в первую очередь явления литературы, мира вещей, анализируемых с позиций языка — стали по-новому осмысляться, явили миру новые, непознанные до времени грани. К тому же оказалось, что методология семиотики чрезвычайно близка кибернетике. Традиционно мышление и язык рассматривались как взаимосвязанные и определяющие друг друга явления. Язык рассматривался лишь как деятельность, сущность которой не тождественна ее объективированному продукту. Однако, начиная со второй половины XX века, стала происходить модернизация рационалистической модели знания. Теперь уже становится очевидным, что происхождение и эволюция языка приводят к социальному контексту, язык становится социализирующим фактором. Стало также очевидным, что функция языка как социализирующего фактора призвана описать многообразие социальных практик и отношений к окружающей действительности, становясь практическим сознанием в рамках социальной прагматики. Не случайно лингвистика, и соответст-

венно, семиотика, начинают пониматься как универсальный феномен социальной жизни, приобретая приоритетное направление, играющее важную роль в разрешении накопившихся проблем конца XX — начала XXI вв. Поэтому все гуманитарные науки, и в том числе философия, сталкиваются с проблематикой языкового значения как основополагающей в научном образовании. Оказалось, что язык стал социальной структурой, вложенной в модели действия и в интерпретации. Развитие семиотики в начале XX в. отразилось и на философских теориях. Примером может служить книга Бенедетто Кроче «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1902)⁴²⁵. Кроче подводит философию и эстетику под знаковое поле лингвистики: принцип выражения («*espression*») объединяет «общую лингвистику» и философию, поскольку и та, и другая в пределе «экспрессивно–бытийны». Именно с Кроче философы XX в. активно обращаются к универсуму искусства и проблематике языка. Впоследствии многие философы видели в языке как семиотическом феномене один из важнейших методов познания действительности. М. Унамуно предрекал «омоложение метафизики в металингвистике, которая является подлинной металогикой»⁴²⁶.

В конце XX в. философские концепции все больше обращают внимание на знаковость культуры, понимая, что предметом исследования поля многообразного художественно–эстетического опыта возможно лишь в его комплексном изучении на теоретическом, практическом и практико–теоретическом уровнях. Искусство XX–XXI вв. требует для его философского исследования отличных от традиционных форм и способов постижения, «конгруэнтных уровню их артбытия»⁴²⁷.

У нас в стране развитие семиотики пришлось на предреволюционные и первые годы после Октябрьской революции. Однако обилие течений и направлений, характерных для этого времени в России, как и в искусстве, так и в науке, в конечном итоге обернулось борьбой между ними. Потерпели поражение научные и художественные представления наиболее глубокомысленные, требующие широкого круга знаний и, как правило, оторванные от привязанности к сиюминутным задачам. И все они стали высмеиваться, а затем и преследоваться.

⁴²⁵ Кроче Б. Эстетика как наука о выражении как общая лингвистика. — М. 1920.

⁴²⁶ Цит. по: Башляр Г. Земля и грезы волн. — М., 2000, с. 19.

⁴²⁷ Корневище О.Б. Книга неклассической эстетики. М.: ИФРАН, 1998, 269 с., с. 112.

Так семиотика у нас в стране первый раз оказалась под запретом, в загоне вместе с социологией, впоследствии с кибернетикой, генетикой и другими передовыми научными направлениями. Многие представители семиотики преследовались (например, М. Бахтин), труды их оказались запрещенными (например, О. Фрейденберг), кто-то эмигрировал (наиболее яркий пример — Р. Якобсон).

Второй этап победоносного шествия и развития семиотики связан с годами «оттепели» у нас в стране. В 60–е годы, когда были реабилитированы многие безвинно пострадавшие, вместе с ними вернулись и те, кто занимался исследованиями в области семиотики. Стали публиковаться труды М. Бахтина, сыгравшие важную роль в развитии семиотических идей не только в нашей стране, но и на Западе. Публикуются труды О. Фрейденберг и др. К этому времени относится становление и развитие Московско–тартуской школы. Теперь уже предметом семиотического анализа становится не только литература, но и многие другие виды искусства — музыка, пластические искусства, кино. Семиотические аспекты анализа оказываются применимы и к другим сферам жизнедеятельности человека — быта, в том числе жилища, идеологии и политики. В это время появляются философские труды по семиотике, получает развитие семиотический анализ и в психологии, и в медицине. Однако в России открытое развитие семиотики длится недолго, как недолго просуществовала «оттепель». Наступает «застойный» период, датируемый мной 1967 годом. И в газетах начинается издевательство над семиотическими изысканиями, их терминологией, способами анализа. Многие представители семиотики вынуждены эмигрировать. Единственным оплотом семиотической науки остается Тартуский университет, вернее кафедра литературы во главе с Ю.М. Лотманом. В ответ на притеснения язык исследований становится еще более усложненным, именно в те годы возникает термин «вторичные моделирующие системы». В Тарту печатаются труды под названием «Летняя школа по вторичным моделирующим системам» (всего их вышло 5). Публикации по семиотике ждали и в России и за рубежом, но распространение идей оказывается замкнутым, аудитория искусственно ограничивается. Так снова развитие семиотики было извне сдержано, свернуто. И все же здесь интенсивно развивалась семиотика во взаимодействии с учеными из других городов СССР, в первую очередь из Москвы (почему эта школа называется «Московско–тартуской»). В трудные годы «застоя» это была един-

ственная база для такого рода исследований. Следует также иметь в виду, что на заре становления семиотики как науки ученые, работавшие в Санкт–Петербургском университете, приняли активное участие в разработке основных направлений и проблем этой философской дисциплины.

Перестройка чудесным образом все изменила в духовной жизни общества. Все ранее запретное стали печатать. Книги и статьи по семиотике стали обильно печататься, появились на книжном рынке. Новое издательство «Школа "Языки русской культуры"» интенсивно пропагандирует труды по семиотике. Начинается активная волна интереса к семиотическим исследованиям. Появляются новые диссертации, написанные под влиянием семиотических идей, и защита их уже не подвергается остракизму. Теперь уже диапазон семиотических исследований еще больше расширяется.

И вот возникает странная ситуация. С одной стороны, наиболее видные представители этой науки — В.В. Иванов, Б.М. Гаспаров, А.К. Жолковский, М.Б. Ямпольский, а также недавно ушедшие из жизни М.Л. Гаспаров, А.М. Пятигорский и многие другие интенсивно печатаются у нас, но живут и, как правило, преподают в западных университетах. При этом из уст некоторых из них раздаются замечания, что семиотика выдохлась, что дальше развитие ее возможно только, если вольются новые силы. И вот уже растет разочарование и неприятие идей семиотики как изнутри, так и вне ее. С другой стороны, увлечение семиотикой становится модой.

Как хорошо знают те, кто занимаются проблемами моды, влияние моды имеет двойные последствия. Поначалу она привлекает наиболее активных и ищущих людей. Довольно показателен пример Эрвина Пановского (Panofsky Erwin, 1892–1968)— американского искусствоведа. В 1910–х годах он изучал право во Фрайбургском университете. В 1915 в Берлине защитил диссертацию о художественной теории Дюрера. После защиты был приглашен в недавно открытый Гамбургский университет, где проработал до 1933 года. Начинал работу как приват–доцент, затем стал профессором (1926). С приходом нацистов к власти Панофский эмигрировал в Америку.

Научные взгляды Эрвина Панофского сформировались под воздействием классической немецкой философии, Я. Буркхарда и В. Дильтея. Как уже указывалось, для рубежа веков было характерно увлечение лингвистикой, когда зародилась наука семиотика, применявшаяся к разным областям знания. Не обошло это увлечение и искусствовозна-

ние. Историки искусства стремились найти такой язык науки, который мог бы адекватно выразить способы «репрезентации» художественных образов. Так возникла наука иконология. И так, мода на семиотику породила чрезвычайно интересный и значимый для науки феномен — труды Эрвина Панофского. В свою очередь, методология Панофского оказала сильное влияние не только на историю и искусствознание, но и на семиотику.

С другой стороны, семиотика стала модным брендом в культуре. Мода на семиотику породила огромное количество не только научных трудов, использующих терминологию семиотики, но и в самой повседневной жизни обращение к понятиям семиотики. Это и понятно. Ведь культура — это совокупность знаковых систем, с помощью которых человечество, или данный народ, поддерживают свою сплоченность, оберегает свои ценности и своеобразие своей культуры и ее связи с окружающим миром. При этом понятия и термины семиотики вульгаризируются, теряют свое научное значение.

И вот вы уже слышите сплошь и рядом: «это знаковое явление». Что за этим стоит? Всегда ли отдают себе отчет те, кто употребляет это выражение, что такое знак?

Знак — предмет или явление, репрезентирующий другой предмет или явление. Материализуя мысленные образы, знак дает возможность накапливать, хранить и передавать информацию. И столь распространенное в нашей жизни выражение «это знаковое явление» — увы, оказывается неточным и вульгаризированным.

Довольно часто мы видим, что многие отождествляют понятия «знак» и «символ». Между тем, между ними существует серьезная разница.

Символ довольно многозначное понятие. В одних случаях оно более широкое, нежели термин «знак», в других — один из видов знака, т.е., более узкое. И употребление этих понятий как синонимов отнюдь неверно.

Довольно часто мы слышим слово «дискурс», причем, с ударением на первом слоге, что неверно уже по произношению, так как этот термин произошел от французского *discours* — речь, что означает связанный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это

речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс» отличается от термина «текст».

Сегодня модным стало употреблять слово «симулякр». Часто из контекста высказываний становится понятным, что употребляющие этот семиотический термин люди отнюдь не представляют себе его семантический смысл. Слово *simulacrum* в латинском языке имеет три значения: 1) подобие, видимость; 2) образ, изображение, статуя; 3) тень, призрак, привидение. Термин этот Бодрийяр позаимствовал у Эпикура. Эпикур рассматривал это понятие как копию, образ вещи. Бодрийяр вводит это понятие для обозначения соотношения образа и реальности в современном постиндустриальном мире, который проходит четыре исторические фазы: 1) образ отражает реальность; 2) образ маскирует и искажает реальность; 3) образ указывает на отсутствие реальности; 4) образ не имеет никакого отношения к реальности. Причем, первые два этапа относятся к классической эпохе существования картины, в то время как третий связан с массовым репродуцированием образов в индустриальную эпоху и, соответственно, современный, четвертый, период, описанный через понятие симулякр.

Симулякр — знак без денотата, знак того, чего нет. Симулякры создают иллюзию заполненности мига, расширения пространства человеческих возможностей, иллюзию насыщенной и интенсивной жизни, характеризуя особенности современной потребительской цивилизации. Если в культурах прошлых веков существовали элементы иллюзорного расширения пространства, удвоение предметов (вспомним широко распространенные обманки в XVIII в.), то в современной культуре такого рода симуляции характеризуются всеобщностью и постоянством.

Столь же часто и так же неточно употребляют термины «код», «коннотат».

Код (франц. *code*) — совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания). Всякий код представляет собой систему закономерных связей между несущими информацию элементами плана выражения и передаваемыми с их помощью элементами плана содержания.

Коннотат — понятийное значение знака. Коннотативный знак всегда так или иначе встроен в знак денотативный.

В культурологических, искусствоведческих работах мы часто видим использование семиотической терминологии, хотя явно авторы не владеют основами теории семиотики.

Так, известный искусствовед пишет: «пустой иконический знак». Как может быть иконический знак пустым? Знак—изображение (иконический знак) воспроизводит в своей материальной структуре структуру денотата. Воспроизведение основано на принципе подобия, сходства с отображаемым предметом или явлением.

Примеры подобного рода можно продолжать и множить и множить.

Иронизируя по поводу тотального заполнения современной гуманитарной научной сферы терминами семиотики, Малькольм Брэдбери пишет эссе—пародию «Язык для своих»: карманный справочник структуралиста». Протестуя против того, что метаязык, мета—письмо и т.п. стали заполнять не только эстетику и философию, но и любую интеллектуальную деятельность, Брэдбери становится язвительным, выступая в памфлетах против этого новояза. В частности, он пишет: «на заре столетия появился Фрейд с новыми теориями о бессознательном, и теории эти полностью уничтожили невинность секса, а заодно, к счастью, и связанное с ним чувство вины. Фрейд доказал, что все вокруг — секс, поэтому даже кашлять или кататься на велосипеде стало гораздо интереснее. То же самое происходит сейчас и с языком. Он, как и секс, утратил невинность. И теперь семиотики доказали, что все вокруг — язык, включая и секс. Великий французский семиотик Ролан Барт продемонстрировал, например, что пища — тоже язык... на самом деле все, что мы выставляем напоказ, о чем подаем сигналы или чем обмениваемся, есть язык — будь то секс, пища, деньги, одежда, спорт или законные супруги. Все это система знаков, управляемая валютным курсом (неплохое, между прочим, название для современного романа). Я — язык, и вы — язык, хотя одни из нас в нем сильны, а другие — не очень. Вот так обстоят дела на сегодняшний день, но пусть это не повергает вас в суровое молчание. После того как секс потерял невинность, люди не перестали им заниматься. У них просто пропала охота притворяться, будто они не знают, что делают, когда занимаются сексом, который, оказывается, существовал независимо от их размышлений. Точно так же и с языком. Сегодня нам всем следует признать, что мы — взрослые «означающие», всегда участвовавшие в семиотической деятельности. Не нужно паниковать: мы уже в ней — здесь и сейчас. Поэтому я предложил бы то же, что и

Зигмунд Фрейд старушке Вене: «Прилягте на диван и расслабьтесь. Я здесь, рядом. И я вам помогу»⁴²⁸.

Модный бренд — семиотика сегодня испытывает давление вульгаризации и выхолащивания смыслов. Вот почему многие ученые стараются отойти от этой науки. Но, как всегда в моде, за широким распространением наступает забвение, а потом с новой силой возрастает интерес к забытому. Это и ждет науку семиотику, дающую много глубоких и ярких аспектов в изучении конкретных явлений культуры и искусств

---

⁴²⁸ Брэдбери Малькольм. Три эссе //Иностранная литература, 2002, № 12, с. 242.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Энциклопедия в современной культуре России

(Опубликовано: Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. — СПб.: Санкт–Петербургский Центр истории идей, 2004. — 421 с., с. 144–153)

Понятие «энциклопедия» возникло давно. Происходит оно от греческого слова *enkyklos paideia*, что означает круг знания. Как правило, в энциклопедиях те или иные сведения располагаются в алфавитном порядке. Тогда они называются алфавитными. Иногда они группируются в тематические гнезда и носят название систематических. Существуют универсальные энциклопедии, которые дают универсальный свод знаний, а также отраслевые и региональные энциклопедии. В зависимости от объема, они делятся на большие, малые, краткие и 1–3–томные словари. Но чаще и востребованнее в наше время — энциклопедии, посвященные какой–либо одной отрасли знания.

Впервые термин «Энциклопедия» был применен Иоахимом Рингельбергом в середине XVI века. Однако появились они много раньше. Считается, что первые энциклопедии были созданы в Китае. В конце X века здесь существовала энциклопедия, состоявшая из 1000 разделов. Это был период развитого средневековья, когда культура Китая оказалась на таком подъеме, который впоследствии уже никогда не был достигнут. Тем не менее, наука продолжала развиваться и в XVI в. здесь появилась новая энциклопедия, содержащая уже более 20 тысяч книг. Однако, к сожалению, из–за ее объема она была переписана всего в трех экземплярах, которые погибли во время войн. Сохранилось лишь 5020 томов третьей энциклопедии, изданной в 1723 — 1735 годах.

В античности наиболее полной и знаменитой была энциклопедия «*Historia naturalis*», созданная Плинием Старшим в I в. н.э. В эпоху средневековья в западноевропейской культуре значительными были энциклопедии севильского епископа Исидора «*Origines sive etymologiarum libri XX*» (Начала или этимологии 20 книг), приспособившего античные

знания к нуждам клерикального мышления (622–633 годы), майнцкого архиепископа Грабана Мавра «*De universo*» (О вселенной, 22 книги), основывавшегося на учении Августина Блаженного (закончена была в 847 г.). Позднее появилась работа францисканского монаха Гланвилля «*De proprietatibus rerum*» (О свойствах вещей, 1360 год). Далее, с развитием городов, стали появляться новые энциклопедии, расширяя постепенно круг знаний и областей, входивших в эти энциклопедии. Эти энциклопедии отражали развивавшиеся разносторонние знания.

Считается, что появились энциклопедии в Новое время. Само слово энциклопедия впервые было включено в заглавие в 1620 году. Это был философский труд Альстеда (*Alsted J.H. Cursus philosophiae enciklopaedia, Herborn*). Во второй половине XVIII в. вышла «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел («*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*») Дидро — Д-Аламбера (1751–1780 годы), которую стали называть «великой» и которая стала основой для последующих энциклопедических изданий как общего, так и отраслевого характера. Ее появление было крупнейшим общественно-политическим событием. Почти все крупные представители просветительской мысли были ее участниками. Перепечатки и переводы этой энциклопедии стали появляться в других странах еще до окончания ее полной публикации (35 томов) — так было велико влияние этого труда. Отдельные статьи этого издания стали печататься в русских изданиях, в Москве было создано общество, которое задалось целью издать переводы этой энциклопедии под редакцией Хераскова. А ведь возникло это издание из замысла парижского издателя А.Ф. Лебретона перевести на французский язык английскую двухтомную «Энциклопедию», или Универсальный словарь искусств и наук». Однако когда издатель обратился к Д. Дидро возглавить работу над энциклопедией, последний выдвинул смелый план совершенно нового издания. Вначале коллектив авторов состоял из 21 человека, но постепенно вырос до 160. В организационной работе принял участие Ж. Д-Аламбер (почему труд носит название Дидро — Д-Аламбера).

В Англии во второй половине XVIII века была издана Британская Энциклопедия («*Encyclopaedia Britannica or Dictionary of Arts and Sciences*»). Она выдержала ряд изданий в конце XVIII и в течение всего XIX века. Каждое новое издание значительно отличалось от предыдущего, включая накопившиеся к этому времени и разраставшиеся научные сведения, в конце концов, представляя как сборник научных трактатов по важнейшим разделам человеческого знания. Поздней-

шие издания Британской энциклопедии ставят перед собой задачу дать читателю популярное и законченное изложение предмета одним из крупнейших авторитетов науки, политики, искусства. В отличие от ряда энциклопедий того времени, «Британника» имела не систематическое, а алфавитное расположение материала. В ней богато представлены биографии. Начиная с 1938 года издается «Ежегодник Британской Энциклопедии», дополняющий сведения сведениями о событиях года.

В Америке была издана «Новая американская энциклопедия» в середине XIX в. («New American Encyclopedia») Риндлея и Дана. Впоследствии в Американской энциклопедии. В ней использовался словарь немецкого Брокгауза, который был взят издателями за образец, и, как и он, был рассчитан на широкий круг читателей.

В это же время во Франции наибольшим успехом пользовалась энциклопедия Пьера Ларусса в 15 томах («Grand Dictionnaire Universel du XIX–e siècle»). Современные издания Ларусса приспособлены к широкому потребителю, который может найти ответы на все интересующие его вопросы. Кроме большой энциклопедии, издается специальный «энциклопедический журнал», начавший выходить в 1907 году. Пользуется популярностью однотомный «Малый Ларусс», первое издание которого вышло в 1906 году,

В Германии приобрела популярность энциклопедия Брокгауза, первое 6-томное издание которой появилось в 1796 — 1808 годах. Тогда оно называлось «Conversations–Lexicon mit vorzuglicher Rucksicht auf die gegenwartigen Zeiten». Впоследствии она стала называться «Brockhaus Konversations–Lexicon». Наряду с большой энциклопедией, издательство Брокгауза выпускает 5-томный «Новый Брокгауз», двухтомный «Малый Брокгауз», однотомный «Народный Брокгауз».

В России первым предшественником энциклопедического издания была «Кормчая книга», включавшая в себя словарь иноземных слов. Составлена она была новгородским архиепископом Климентом в 1282 году. В 1431 году здесь же в Новгороде был создан другой словарь иноземных слов, который был приложен к рукописи книги «Иоанн Лествичник». В конце XVI и начале XVII веков в Московском государстве появляется множество азбуковников — рукописных справочников. В конце XVIII в. появляется большое количество словарей и справочников, посвященных специальным вопросам отдельных наук — ботанике, географии, медицине, юриспруденции, вплоть до «Танцевального словаря» (1793) В. Татищева и «Любовного лексикона» (1779 — перевод Храповицкого). Под влиянием Французской энциклопедии про-

светителей стали выходить разные энциклопедические издания, стремившиеся к полноте представляемых знаний. Самым значительным был изданный в начале 30-х годов «Энциклопедический лексикон» А. Плюшара. В нем главным редактором поначалу был Н.И. Греч, которого после выхода 4-го тома сменил Сенковский. Показательно, что приглашенный к участию А.С. Пушкин отказался сотрудничать с этой «воровской шайкой». В 1890 году начал выходить самый крупный из дореволюционных Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Первоначально он был задуман как перевод немецкого «Брокгауза». Широкое распространение и популярность приобрел однотомный энциклопедический словарь Ф.Ф. Павленкова, образцом для которого послужил «Малый Ларусс». Большинство рецензентов отмечает его поверхностный, популярный характер. Но благодаря дешевизне он получил распространение в малоимущих слоях населения. Как писали в перестроечных изданиях, желая уязвить интеллект В.И. Ленина, который пользовался этим изданием, этот словарь представал как характерное проявление интересов средней интеллигенции. Значительным был также последний дореволюционный Энциклопедический словарь, изданный Библиографическим институтом бр. Гранат.

В советское время начинается интенсивное издание словарей и энциклопедий. Первыми были отраслевые энциклопедии: сначала Крестьянская сельскохозяйственная энциклопедия, потом Торговая, Педагогическая, Медицинская, Техническая, Литературная энциклопедии и, конечно, Большая Советская энциклопедия.

Прослеживая историю становления энциклопедических изданий, можно с уверенностью констатировать, что постоянно расширяется круг изданий и уже к середине XX в. появляется большое количество универсальных энциклопедий, посвященных разным отраслям знания, в том числе и у нас в стране. Связано это в первую очередь с интенсивно расширяющимся в течение всего XX века кругом знаний. «Область применения энциклопедий стала особенно широка в наше время — в период необыкновенного ускорения исторического развития. Выделяются в самостоятельные все новые области знания, одновременно с этим возрастает взаимопроникновение наук; появляются новые понятия, термины. Большие изменения политического и экономического характера охватывают самые различные части земного шара, возникают новые государства, выходят на мировую арену новые лица»⁴²⁹. Эта

⁴²⁹ Гудовщикова И.В. Общие зарубежные энциклопедии. — Л., 1963, с. 4–5.

тенденция заметна и сейчас. Но если в течение XX века нарастали знания естественнонаучной сферы, становясь доминирующими в науке, их приоритет был неоспоримым, то теперь ситуация начинает меняться. Даже теоретики точных дисциплин начинают осознавать значение чувственных представлений человека, интуитивно–образных форм осмысления мира. Доминирование точных и естественных знаний в обществе в конечном итоге породило потребительскую цивилизацию, сформировавшую информационное общество и скачкообразное развитие компьютерных технологий, глобальную информационную сеть. Сегодня многие начинают понимать, что следует не забывать об интуитивно–эмоциональных качествах человеческого интеллекта, способных проникнуть более глубоко и более адекватно в сущностные проблемы осознания окружающей человека действительности. Постоянное соотнесение различных ипостасей знания помогает полнее представить себе картину мира. Таким образом, мы видим, что эти две тенденции получают непосредственное выражение в господствующих современных идеях и получают отражение в издающихся энциклопедиях.

Несмотря на обилие материалов в Интернете, постоянно выходят и издаются новые энциклопедии. После перестройки оказалось возможным обратить внимание на те области, которые ранее были запретными. Вот почему сейчас появилось множество энциклопедий, которые при советской власти не могли появиться. Это разнообразные сонники, работы, посвященные разного рода паранаучным явлениям, связанным с астрологическими представлениями. Кроме того, широко распространено внимание к энциклопедиям, освещающим разные конфессиональные области знания — православные, католические, исламские, буддистские, иудейские и другие словари и энциклопедии. По–новому, более полно и с новыми акцентами пересматриваются многие философские, исторические, психологические данные. Не могла, например, в советское время появиться книга, подобная книге Чхартишвили о самоубийствах писателей. В центре внимания появились такие темы, как танатология, а вместе с ней и проблемы тела, сексуальности, любви. Как мы помним, эти проблема стыдливо обходилась и замалчивалась совсем в недавние времена, что ярко получило воплощение в искусстве. Обнаженное тело художники изображали, либо показывая спортсменов, либо обращаясь к сценам балета. Но даже те области, которые были охвачены издательской практикой, скажем, посвященные искусству, теперь становятся по своему содержанию иными. Так, выходят энциклопедии, посвященные отдельным направлениям искусства — Энци-

клопедия символизма, Энциклопедия экспрессионизма, что в советское время представить себе было невозможно. Много энциклопедических трудов посвящено абстракционизму, искусству авангарда, что в советское время скрывалось под эвфемизмом «искусство революционных лет». Расширяющийся интерес публики к разного рода областям, которые раньше просто из-за чрезвычайной загнанности и сложности бытия не могли вызвать интерес, пробуждает публикации в таких областях, как кулинария, косметология, парфюмерия, драгоценности. И этот интерес удовлетворяется соответствующими изданиями. Кроме того, интенсивно расширяющиеся знания в области естественных и точных наук порождают спрос на соответствующие книги. Компьютеризация коснулась и содержательного раздела энциклопедических изданий — для дилетантов в этой области, простых пользователей, для специалистов разных направлений, для преподавателей и т.п.

Безусловно, каждое время накладывает свой отпечаток на все, в том числе и энциклопедические издания. Любопытно, что в Большой Советской, Энциклопедии, в 64 томе, выпущенном в 1933 году, подчеркивается и педалируется классовая составляющая энциклопедий. Любая энциклопедия, по мнению авторов, «и по подбору слов и еще более определенно по своему содержанию и своей трактовке тем является концентрированным отражением идеологии класса, из недр которого она вышла, и который, внедряя эту идеологию в сознание читателей, популяризирует ее и тем расширяет идеологическую базу своего господства (если он принадлежит к «правлящим») или вновь создает ее для себя в целях борьбы за господство (если он лишь «восходящий») ... важным орудием классовой борьбы»⁴³⁰. Казалось бы, при таком пристальном идеологическом давлении никаких вольностей быть не могло. Но существовали они всегда и даже в грозные годы тоталитаризма.

В марте 1990 года в «Книжном обозрении»⁴³¹ появилась заметка о 100-летнем юбилее Энциклопедии Брокгауза и Ефрона. И тогда вспомнилось, как начиналось мое сознательное и активное приобщение к культуре и науке. Мой научный руководитель Арнольд Наумович Сохор рассказал мне о статье «Безпамятная собака» в этой энциклопедии. Когда автор в очередной раз приходил к всесильному работодателю, он прикладывал руку ко лбу и восклицал: «Ах, я безпамятная собака», но денег старался так и не выдать. Правда, если в «Книжном

⁴³⁰ Большая советская энциклопедия — М., ОГИЗ РСФСР, 1933, т. 64. с. 475.

⁴³¹ «Книжное обозрение», № 10, 9 марта 1990 г.

обозрении» речь идет о метранпаже издательства Б.М. Айзенштадте, то Арнольд Наумович говорил, что статья посвящена И.А. Ефрону. «Только имейте в виду — «безпамятная» собака через «з». Действительно, в этой солидной энциклопедии помещен следующий комментарий: «Безпамятная собака — собака, жадная до азартности». Вот так отомстили на века авторы влиятельному, но алчному человеку, сумев за себя постоять, несмотря на материальную зависимость. Да, напечатанное слово — великая сила. И как надо серьезно относиться к тому, что пишешь. Так, чего доброго, по выражению Ф. Раневской, очень просто «плюнуть в вечность». И вот в трудные годы застоя, встретившись со своим учителем, я горько говорю ему: «А ведь в наше время при тотальной цензуре, такой казус, как «безпамятная собака» — невозможен». — «Ну что Вы! Посмотрите в Краткой Литературной энциклопедии» — он называет фамилию довольно плодовитого автора. Статья как статья. Довольно академично перечислены заслуги этого ученого литературоведа. Но, как пояснил мне Арнольд Наумович, основные его заслуги были в другом — он был причастен к преследованию, а в некоторых случаях и к уничтожению многих талантливых и серьезных людей и примечательная в этой статье подпись — Г.П. Уткин. Когда том вышел в свет, начался скандал. Автора с такой фамилией было не сыскать. А том этот вышел в 1935 году — самый разгар реакции, когда многих уже выслали, а сколько умерло, сколько оказалось в лагерях! А смелые люди все еще были и действовали.

Наше время не предполагает необходимости в смелых действиях. Простор способствует раскрепощению творческих сил. И в то же время современность в России характеризуется прорывом в новые области исследований. Неизвестный, неопознанный мир многомерных связей человека с социальной и природной средой, с реальной и нереальной действительностью рождает спрос на универсальные знания в разных областях — философии, психологии, социологии, истории и т.д. При этом старые представления уже оказываются не пригодными для описания этих новых горизонтов не только науки, но и психологии, и искусства. И появляются интересные энциклопедические издания. Часто они дублируют друг друга, но оказываются дополняющими и расширенно обрисовывающими свою область знания. Однако для современной науки характерно и неуловимое вращение вокруг каких-то не до конца выявленных проблем, не сформировавшихся установок теоретических построений, превалирование неосознанных доминант сознания. Это рождает окутанное туманом неизвестности большое количес-

тво скороспелых трудов, не внушающих ни доверия, ни интереса. Как констатировал Ю.Н. Солонин положение у нас в стране, «... нынешняя философия имеет, во-первых, ретроспективный характер, во-вторых, характер реплик на западную философию. Ее анахроничный характер не соответствует духу времени, ее стиль — комментаторство и перепев (мы иногда употребляем это грубое слово) того, что сделано западной философией лет сорок назад. Причем сами эти западные философы ушли дальше сделанного и сами пересматривают собственные предыдущие воззрения. Удел вторичности, выпавший нашей философии с конца XVIII столетия, продолжает, по моему мнению, оставаться главной особенностью нашей философии за очень редким исключением. Истинных, оригинальных философов крайне мало, куда меньше, чем гениев науки»⁴³². Таково положение не только в философии. Поиски, метания, нащупывание пути мы видим и в гуманитарных, и в точных науках. В этой же беседе Ю. Солонин утверждает: «Там, где нет высокой философии, там не может быть высокой литературы...»⁴³³. Усугубляется это и тем, что в современной ситуации в России человек оказался в ситуации «информационного шока», когда возникает ценностная дезориентация. Лавина хаотичной информации, в том числе из Интернета, не всегда проверенная и точная, замусоренная низкопробными и неверными данными, обрушилась в последнее время на россиянина. Не всегда она оказывается связанной с этическими нормами. Да и средства массовой информации усугубляют это состояние нестабильности, нагнетая агрессивность, насилие, невысокую значимость человеческой жизни. Мы с очевидностью наблюдаем критикуемую раньше у нас в стране широко распространенную манипуляцию сознанием людей в буржуазном обществе для достижения политического или экономического успеха. Между тем за долгие годы советской власти человек привык доверять печатному слову, верить экранному слову. Это касается не только массового потребителя, но и привыкшего осмыслять и прочитывать среди строк необходимую информацию специалиста. Сегодня же, когда поток энциклопедических изданий оказался столь мощным, разобраться в нем оказывается довольно сложно. Критерии отбора, адекватной интерпретации оказываются под мощным напором прежде всего коммерциализации. Сегодняшнее общественное сознание многообразно и эклектично. Смена культурных парадигм породила

⁴³² Б. Никольский — Ю. Солонин. Вопреки трагизму бытия...// Нева, 2002, 12, с. 122.

⁴³³ Там же, с. 129.

стремление к истине. Вот почему востребованы энциклопедии. Но пути к истине лишь нащупываются. Множественность инноваций, характерных для современной ситуации, требует адаптации их к практической жизни. Сегодня наступила новая эпоха, требующая стабилизации.

В последние 10–15 лет появилось много частных издательств, что связано с ростом читательской аудитории. Несмотря на постоянные стенания о том, что люди стали читать много меньше, чем в советское время, оказалось, что издательская деятельность — одна из самых доходных. Другой вопрос — критерии отбора этого чтения. Издатели и книготорговцы пытаются угадать запросы формирующегося рынка, удовлетворить потребности общества в разнообразной тематике. Все же серьезные издательства стараются создавать продукцию высокого уровня. И доверия к ним стараются не снизить. По сравнению с Интернетом эти издания более надежны в подаче фактов, интересующие человека данные проверены и точны.

О гармонии в дисгармоничном мире

(Опубликовано: Международный научно–исследовательский журнал
10 (29) 2014. Часть 1. Екатеринбург, с. 66–69)

Гармония — основное понятие человечества. Практически нет ни одной энциклопедии, в которой бы не указывался этот термин. Возьмем «Философскую энциклопедию», созданную в 1960 году. Тогда это был выдающийся памятник интеллектуальной культуры. Несмотря на идеологическое давление, этот знаменитый пятитомник выделялся интеллектуальной свободой и стремлением к объективной истине. Статья «Гармония» начинается следующим тезисом: «Гармония (от греч — связь, стройность, соразмерность частей) — категория, отражающая закономерный характер развития действительности, внутреннюю и внешнюю согласованность, цельность и соразмерность содержания и формы эстетического объекта»... (4, 323). Далее в статье описывается осмысление этой категории в истории философской мысли. Само собой разумеется, что основной упор в развитии понимания гармонии лежит в сфере эстетики.

В замечательном романе, удостоившемся премии «Русский Букер десятилетия» «Ложится мгла на старые ступени» его автор Александр Чудаков верно пишет: «Инстинктивное стремление человечества к охранению психики. Ведь живая природа не дает больших площадей интенсивного цвета: крыло бабочки, цветок, хвост павлина. Беспременно–маковое поле — изобретение наркотического воображения цивилизации. К тому ж и розовость фламинго. И ковер алых степных тюльпанов, и радуга уравниваются другими летними красками» (6, 427). В дневнике последнего года он записывает: «... Мир становится все абсурднее и хаотичнее, но писатель не должен рабски это отражать, а в душе своей держать идею сдерживающей *гармонии* (курсив мой — С.М.), чтобы все не рассыпалось уж совсем на куски» (6, 590). Понятно, что гармония получает наибольшее отражение в искусстве. Однако, больше, чем в других видах искусства, гармония более всего выявляется в музыке. Ни для кого не секрет, что наиболее полное и полноценное постижение музыки, в отличие от других видов

искусства, доступно лишь тем, кто изучал музыку профессионально и такие дисциплины, как гармония, сольфеджио, полифония, инструментоведение, анализ формы, теория и история музыки и т.п. Довольно показательно, что в телевизионной игре «Что, где, когда» самыми трудными вопросами для знатоков являются вопросы, посвященные музыке.

В плане нашей темы интересен документальный фильм об Алис Саммер «Долгая и счастливая жизнь». Фильм был создан в 2013 году. Алис Саммер снимали, когда ей уже было 109 лет. В этом фильме она рассказывает, что с сыном попала в Терезин и Аушвиц (Освенцим). Оказывается, там музыкантов не убивали. Она считает, что «музыка — это Бог». В Лондоне, где она живет одна (все близкие, и даже сын, ушли из жизни) она каждый день играет. Постоянно улыбаясь, Алис утверждает, что «жизнь — прекрасна. И даже когда плохо — это хорошо».

Именно после этого фильма я наконец-то поняла, почему отец хотел, чтобы я была музыкантом. Музыка, считал он, в любых условиях спасает. Что бы ни случилось — война, тюрьма — везде музыка позволяет выжить. Это был человек, переживший войну и все ее тяготы иммигрантской жизни. На войну его не взяли, ибо он был «чужак». А вот отправили в трудармию. Только потом я поняла, что это такое. Но он как музыкант (играл на трубе в оркестре Эдди Рознера) все перенес и пережил и сумел сохранить жизнь жены и ребенка (я родилась за 2 месяца до войны).

Гармония дает себя знать в музыке наиболее полно и всесторонне. Эту значимость музыки отмечали многие. Так, Томас Манн считал музыку барометром общемировых процессов, «квинтэссенцией культуры». Стефан Малларме считал, что музыка — модель моделей, тип музыкальной архитектуры, применяемый ко всем искусствам», репрезентируя искусство в целом. Жан-Поль Сартр считал музыку предельным выражением экзистенциальной природы искусства. (Подробнее об этом см.: 3). Только в музыке есть такой отдельный предмет ее изучения и осмысления как гармония. В замечательном «Музыкальном словаре Гроува», созданном на основе британской музыкальной энциклопедии, статья «Гармония» дает следующее определение: «Гармония (греч. — «созвучие», «соразмерность»). В широком философском смысле — один из атрибутов прекрасного. В применении к музыке термин «Г.» часто обозначает упорядоченную систему сочетания звуков (различаются Г. барокко, классицизма и т.п., гармонические систем отдельных композиторов, школ или направлений). Г. в более узком смысле — объединение музыкальных звуков в вертикальные конгломераты

(созвучия, аккорды) и объединение этих конгломератов в последования...» (2, 223). Далее идет музыковедческая теория.

И когда в каком-либо виде искусства увеличивается стремление к гармонии, мы подчеркиваем музыкальность того или иного произведения.

Примером такой музыкальности может служить роман Джеймса Джойса «Улисс». Во время перестройки, как многие помнят, в средствах массовой информации появилось много произведений, бывших под запретом, которые читались в самиздатских и тамиздатских публикациях. Официально были опубликованы Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Владимир Набоков и многие другие. К тому же стали печатать и то, что раньше совсем было недоступно советскому читателю. Так, в «Иностранной литературе» в течение целого года публиковали роман «Улисс» Джеймса Джойса. Структура романа довольно сложная. Он состоит из трех частей: «Телемахиада», «Странствия Улисса», «Возвращение». Всего 18 эпизодов, каждый из которых соотносится с Гомеровской «Одиссеей». Поэтому каждый эпизод имеет античное название. Так, например, первый эпизод «Телемак» соотносится со вступительными песнями I, II Гомеровской «Одиссеи». Второму эпизоду «Нестор» отвечает Песнь III. Песнь IV — третьему эпизоду — «Протей». Песнь V — сопоставима с 4 эпизодом «Калипсо». Однако уже с 5 эпизода места из «Улисса» перестают отвечать порядку «Одиссеи». Так, 5 эпизод «Лотофаги» больше соответствует Песни IX. Эпизоду 6 «Аид» соответствует песнь XI. А вот эпизоду 7 «Эол» соответствует начало Песни X. 8 эпизод «Лестригоны» точно следует за поэмой. Эпизод же 9 «Сцилла и Харибда» вообще не следует Гомеру, выполняя сложные задания отнюдь не Гомерова плана. Столь же самостоятельным оказывается эпизод 10 — «Блуждающие скалы». 11 эпизод «Сирены» связан с хрестоматийным приключением гомеровского героя. 12 эпизод — «Циклопы» вполне сопоставим с Песнь IX. 13 эпизод «Навсикая» напоминает Песнь VI. Однако аналогии не всегда просматриваются в романе. Эпизод 14 «Быки Солнца» весьма отдаленно связан с Гомером. 15 эпизод «Цирцея» связан с описанием у Гомера волшебницы Цирцеи, обращающей людей в свиней. В романе — это описание борделя. 16 эпизод «Евмей» соответствует Песни XVI. 17 эпизод «Итака», открывающий третью часть романа — «Возвращение» мало напоминает возвращение Одиссея, хотя точки соприкосновения явно видны. Последний эпизод — «Пенелопа» явно воплощает в волшебнице жену Леопольда Блума Молли.

Роман повествует об одном дне жизни Леопольда Блума. Начинается он первым эпизодом — «Телемак» в 8 часов утра. Далее Блум

встречает в городе разных людей. Эти персонажи имеют реальные прототипы, и их достаточно много. Как правило, это те люди, которых Джойс знал лично. Чтобы не запутаться в сюжете, Джойс составил план с разноцветными линиями, соответствующими тем или иным героям. Причем, очень часто Джойс расправляется со своими недоброжелателями тем, что герои, их воплощающие, носят отрицательные черты. В течение дня Блум проходит по городу, встречаясь и разговаривая с разными людьми. Наиболее полный портрет дан Стивену Дедалу—alter ego Джойса, который вобрал в себя многие его автобиографические черты. Жена Блума — Молли — явно является прообразом характера и стиля Норы — жены Джойса. При этом во всех похождениях Блума, сопоставляемых со странствиями гомеровского Одиссея, описывается Дублин. Сам Джойс писал, что если Дублин пропадет по каким-либо причинам, то его можно будет полностью восстановить по его роману. Сегодня наследники Джойса в Дублине, сотрудничающие в Центре Джойса, проводят пешеходные экскурсии по городу в соответствии с романом. Заканчивается роман последним эпизодом «Пенелопа» глубокой ночью. Таким образом, в романе довольно подробно дано существование Блума всего за один день.

Увы, читать его очень сложно и тогда, когда он впервые печатался на русском языке, я его не смогла полностью осилить. Было очень стыдно. Но когда я прочитала у любимого мною Хорхе Луиса Борхеса признание, что и он его не дочитал, несколько успокоилась. Однако впечатление было громадным.

И сейчас, думая о гармонии, я заставила себя дочитать до конца этот шедевр. Это было трудно, если честно признаться. Но нельзя не согласиться с переводчиком романа, что он чрезвычайно музыкален. И вполне правомерно сближение Виктором Ерофеевым этого романа с «Петербургом» Андрея Белого. Как мы знаем, Андрей Белый весьма тяготел именно к музыкальным формам.

Во-первых, сам Джойс был великолепным музыкантом. Недаром его жена Нора считала, что он больше музыкант, нежели писатель. У него был великолепный музыкальный слух, вокальный талант. В романе приводятся музыкальные нотные тексты.

Во-вторых, в его романе упоминается огромное количество музыкальных произведений. Это разного рода песенки. В эпизоде 8 «Лестригоны» приводится песня «Юный май и луна» Томаса Мура, патриотическая песня «Боже, спаси Ирландию» Т.Д. Салливана (1827–1914). В эпизоде 11 «Сирены» используются разные песенки — английские, ирландские, американские, датские.

Большое количество примеров из оперетт: в 8 эпизоде «Лестригоны» — оперетта «Пират Пензаса» (1880) Гилберта и Салливана, их же оперетта «Микадо» (1885). Несколько раз в разных эпизодах приводится оперетта «Гейша» (1896) С. Джонса. В эпизоде 11 «Сирены» — оперетта Гилберта и Салливана «Корабль «Фартук», или Возлюбленная моряка» (1878).

Вокальные эпизоды, как пишет С. Хоружий, в романе как нельзя к месту, так как для дублинцев, впрочем, как и для ирландцев в целом — характерна любовь к пению и их отличает вокальная даровитость. Закономерно, например, что уже с древних времен до нашего времени символ Дублина — арфа. И сегодня на многих дверях домов в Дублине можно увидеть изображение арфы, а многие продукты производства имеют знак арфы — к примеру, всем известная марка пива «Гиннес». На самолетах Ирландии также гордо красуется изображение арфы. Любопытно, что когда описывалось имущество какого-либо должника, можно было забрать все, кроме арфы.

Сам Джойс проявил немалый талант к музыке, профессионально играл на многих инструментах, но особенно ярко — к пению, и нередко выступал на концертах. Известно, например, что он выступал на концерте 14 мая 1904 года, устроенном Ассоциацией Ирландских Ремесел. Хорошо представляя себе особенности вокального исполнительства. Джойс прекрасно знал, что для многих вокалистов характерен такой широко распространенный недостаток, как плохая дикция, когда не разобрать, о чем поет певец. Вот почему одного из партнеров Молли называет «бас-бормотон». «Потому что когда он поет, половину звуков глотает и ни слова не разберешь». (1, 147).

Кроме того, он приводит огромное количество гимнов. Мы можем встретить католические гимны, разного рода пасхальные псалмы, современные и средневековые гимны, иудейские гимны и песнопения сакрального характера, сионистские гимны «Хатикава», «Надежда» (1878). Слова этого гимна — Нафтали Имбера, музыка Шмуэля Когена. В настоящее время это государственный гимн Израиля. Упоминает он также баптистские гимны. И здесь он проявляет неслыханную до сих пор толерантность.

Его сравнение Ирландии и Израиля сегодня, когда ракетами обстреливают мирных жителей городов Израиля (моя внучка, студентка университета, рядовой представитель гражданского населения, пережила летом 2014 года ракетные бомбардировки в Бершеве) чрезвычайно актуально и звучит призывом к гармонии. Вот что пишет в комментарии

С. Хоружий: «... главная нагрузка «Эола»... — историческая судьба Ирландии. Ключ к решению темы — формула, которой сам Джойс определил смысл эпизода: «ирония победы» или «обманчивость превосходства». Возникают исторические параллели: Ирландия и ее победитель Англия соотносятся между собой как Греция и Рим, как Древний Израиль и Древний Египет. Через эти параллели и раскрывается формула Джойса: их общее содержание — антиимперская идея, псевдопобеда грубой мощи грозных империй над хрупким духовным началом, дело которого всегда — «обреченное предприятие» (5, 721). Так пишет комментатор. А вот что можно прочесть непосредственно в романе: «Наличие гуттуральных звуков, диакритических придыханий, вставных и служебных букв в обоих языках; их древность, поскольку оба преподавались через 242 года после потопа на земле Сеннаар, в семинарии, основанной Фением Фарсахом, потомком Ноя, прародителя Израиля, и предком Эбера и Эремона, прародителя Ирландии; их археологическая, генеалогическая, агиографическая, экзегетическая, гомилетическая, топономастическая, историческая и религиозная литературы, в том числе писания раввинов и ирландских анахоретов, Тора, Талмуд (Мишна и Гемара), Массор, Пятикнижие, Книга Бурой Коровы, Книга Баллимот, Венец Хоута, Книга из Келлса; их рассеяние, преследование, выживание и возрождение; вытеснение их синагогальных и церковных обрядов в гетто (аббатство святой Марии) и в мирской дом (харчевня Адама и Евы); запрет их национального платья в уголовных кодексах и в указах об одежде евреев; восстановление царства Давидова в Ханаане и возможность политической автономии или передачи власти в Ирландии» (1, 592). (См. эпизод 17 «Итака»). Кроме того, в эпизоде 12 «Циклопы» он сближает древнюю Ирландию с древним Израилем. Двенадцать колен Израилевых он сопоставляет с 12 коленами Иаровыми, прародителями ирландцев, Иара, сына Миля. Это св. Патрик (V), Оун (II в.), Конн (123–157), Оскар, сын Осина (Оссиана) Фергус — сын Ройга — герой мифов, Финн, Кормак, св. Кевин (ум. 618), Куилте, по сказаниям жил более 300 лет — бард, воин из дружины фениев (1, 311; 5, 766). Любопытно, что когда у человека что-то из ожидаемого им, страстно чаемого не получается, говорят «еврейское счастье», а вот в Ирландии в таких случаях говорят «ирландское счастье».

В целом судьба Блума символизирует судьбу евреев в Ирландии.

В большом количестве используются имена выдающихся исполнителей, композиторов. Например, Анжелика Каталани (1779–1849) — знаменитая итальянская певица, Антонио Джуллини (1827–1865) —

итальянский тенор, имевший успех в Дублине. Упомянут Бенедетто Марчелло (1686–1739) — итальянский композитор, положивший на музыку 50 псалмов Давида. Автор упоминает не только итальянцев. Например, он приводит знаменитую американскую исполнительницу партии Кармен Минни Хок (1852–1929). Привнесены имя популярной певицы, контральто начала века Антуанетты Стерлинг (1850–1904), имя автора очень популярного сборника вокальных упражнений Джузеппе Конконе (1801–1861). Помимо оперных певцов, он обращает внимание и на представителей оперетты — например, упоминает английскую опереточную актрису Марию Кендалл, Карл Роза (1842–1889) — немецкий дирижер и скрипач. Он был руководителем оперной труппы, нередко выступавшей в Дублине, баритон из труппы Карла Розы Людвиг, имевший шумный успех в опере «Летучий голландец», но не всем известного Вагнера, а позабытого Дж. Родуэлла (1846), что весьма характерно именно для Джойса. Упоминается также одна из самых больших английских оперных трупп — Муди–Миннерс. Вносит он также имя английского композитора и лютниста Джона Дауленда (1563–1626), лондонского музыканта и мастера музыкальных инструментов Арнольда Долмеча (1858–1940), с которым Джойс состоял в переписке. Упоминаются Джайлз Фарнаби и его сын Ричард — английские музыканты XVI–XVII вв., Вильям Бёрд — крупнейший английский композитор, придворный музыкант королевы Елизаветы, Томкинсы — музыканты Лондона в XVI–XVII веках, английский композитор и исполнитель Джон Буль (1562–1628). Певцы труппы Артура Роузби, выступавшей в Дублине в 1890–х годах.

Симфоническая музыка, вокальная и оперная, народная большим массивом заполняют ткань произведения. Наряду с широко известными произведениями — например, Вольфганга Амадея Моцарта, Георга Фридриха Генделя и т.п., в тексте много обращений к забытым авторам, часто используются отсылки к ирландским композиторам. Так, в 5 эпизоде «Лотофаги» приводится вариация строки из арии Дона Хозе оперы «Маритана» ирландского композитора Вильяма В. Уоллеса (1813–1865). В 7 эпизоде «Эол» приводится опера немецкого композитора Фридриха фон Флетова (1812–1883) «Марта». Там же — ария кастильского короля из оперы «Роза Кастилии» ирландского композитора М.У. Уорфа (1808–1870). В 6 эпизоде «Аид» несколько раз приводится оратория Г.Ф. Генделя «Саул». В 8 эпизоде «Лестригоны» приводится ария из оперы «Гугеноты» Джакомо Мейербера (1791–1884), оратория «Мессия» Генделя (впервые была исполнена в 1742 году в Дублине), в «Сиренах» —

опера Джулиуса Бенедикта «Венецианская невеста» (1843), оратория Меркаланте. В эпизоде 11 «Сирены» приводятся оратории Генделя «Иуда Маккавей» (1747), «Иошуа» (1748), опера Гаэтано Доницетти «Дочь полка», «Сомнамбула» Винченцо Беллини. Кроме того. Используется ария Зарастро из оперы А.В. Моцарта «Волшебная флейта». В 15 эпизоде «Цирцея» приводится опера Рихарда Вагнера «Гибель богов».

Понятно, что все примеры использования музыкальной тематики привести просто невозможно. Но уже то, что здесь представлено, показывает музыкальную эрудицию Джеймса Джойса.

Наконец, сама ткань повествования построена музыкально. Приемы музыкального монтажа — яркий пример строения этого художественного произведения. В 7 эпизоде «Эол», описывая подъем Брайдена по лестнице, Джойс использует звуковую передачу зрительного образа. В 9 эпизоде «Сцилла и Харибда» тема имени развивает шекспировскую цитату из «Ромео и Джульетты», где обманчивость имен способствует проведению музыкально построенного текста, использующего лейтмотив Шекспира. В этом же эпизоде приводится слово Эпипсиходион — в вольном переводе с греческого — гармония душ (1, 182). Особенно это касается 11 эпизода «Сирены», построенного на словесном моделировании музыкальной материи и музыкальной формы. Когда писался этот эпизод, Джойс постоянно бывал в опере, в концертах. И текст этого раздела насыщен музыкальностью — разными звуковыми и музыкальными эффектами — глиссандо, стаккато и т.п.

Нельзя не согласиться с Хоружим, одним из переводчиков и комментатором романа: «В теме о музыке у Стивена намечается, а здесь (имеется в виду эпизод 15 «Цирцея») достигает ясности важный, парадигматический образ, лежащий в основе модели мира позднего Джойса: образ циклического развития, мыслимого как достижение «наибольшего возможного интервала... совместимого с финальным возвращением». Здесь образ прилагается к начатой в «Сцилле и Харибде» теме реализации личности: человек должен «идти на край света», максимально удалиться от себя, чтобы стать собою — как всеединством своих дел и творений, как «все во всем»... (5, 797).

Столь же ярко музыкально проявляется 16 эпизод «Евмей». «Здесь перед нами еще одна важная черта прозы Джойса. Она пишется со многих позиций, многими голосами, но в ней вовсе не выполняется привычное правило прозы традиционной — чтобы каждый голос принадлежал определенному, зримому лицу. Скорее здесь голоса инструментов оркестра: у каждого есть свое звучание (тон, окраска) и свое

положение в мире текста (темы и объем информации), но больше может ничего и не быть» (5, 807).

Несмотря на внешнее противоречие — сложность построения, иногда занудность изложения (чего только стоит эпизод 14 «Быки Солнца», где даны стили от древних времен до XX века и переводчики дают тексты от старославянского до всех изменений языка и его форм выражения вплоть до начала XX века — попробуй продрасться сквозь это!). Не лишена книга и элементов графоманства с разного рода повторами. Тем не менее. Вполне можно утверждать, что книга являет собой пример гармонии. Правда, написана она, как пишет Хоружий, «не для толпы, а для смекалистых» (5, 792).

А ведь так хочется быть такими. Не правда ли?

Литература:

1. Джойс Джеймс. Улисс: Роман / Джеймс Джойс. — СПб.: «Симпозиум, 2000. — 830 с.
2. Музыкальный словарь Гроува. Пер. с англ. — М.: Практика, 2001. — 1095 с.
3. Сиднева Т.Б. Искусство как метафора бытия: монография / Т. Сиднева. — М.: Прогресс–Традиция, 2013. — 320 с.
4. Философская энциклопедия. — М.: «Советская энциклопедия». Т. I, 1960.
5. Хоружий С. Комментарии / Сергей Хоружий // Джойс Джеймс. Улисс: Роман — СПб.: «Симпозиум, 2000. — 830 с.
6. Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени: Роман–идиллия. / А.П. Чудаков. — М.: Время, 2014, 640 с.

Образ Бабы–Яги в межкультурной коммуникации

(Опубликовано: Вестник Государственного института культуры, 2016, № 3)

Женщина в культуре — тема многозначная и не перестающая быть актуальной. Ибо положение женщины в обществе всегда, вопреки материалистическим представлениям о матриархате в первобытном обществе, было второстепенным. Несмотря на то, что Ф. Энгельс писал о том, что женщина фатально потеряла свое ведущее положение с развитием первобытного общества, когда на смену матриархату пришел патриархат, оно таким никогда все же не было, во всяком случае, подтверждений этому этнографы практически не находят. Интересны в этом плане быт и нравы папуасов маринд–аним, живших в каменном веке, не знавших глиняной посуды, обитавших в Западной Гвинее. Вот как описывает этнограф Г. Неверман тяжелое положение рано составившихся женщин: «На долю женщин приходятся все основные работы по дому. Они присматривают за детьми и готовят пищу — обычно из саговой муки с рыбой или мясом, — пользуясь для этого раскаленными кусками термитника. На женщинах лежит забота о свиньях — единственных кроме собак домашних животных, уход за посевами, который в основном сводится к прополке, приготовление муки из сердцевины саговой пальмы, а также плетение всевозможных украшений и предметов хозяйственного обихода: опахал для раздувания огня, шнуров для связывания хвоста, и т.п. Некоторые виды рыбной ловли также считаются женским занятием. Мужчины же берут на себя расчистку участков, рубку саговых пальм, изготовление лодок, постройку жилищ, ловлю рыбы при помощи лука и стрел, различного рода резьбу и меновую торговлю»⁴³⁴. Интересно, почему же мужчины занимаются рыбной ловлей, но некоторые ее виды оставляют женщинам. А вот почему:

---

⁴³⁴ Сыны Дехевая. Предания о демонах и рассказы об охоте ха головами. Собраны проф. Г. Неверманом в этнографической экспедиции на юг Новой Гвинеи / Неверман Г. Тусен, ахэ! (Обращение к читателю) // Мифы и предания папуасов маринд–аним. — М.: Главная редакция восточной литературы — 1981, 350 с. (сказки и мифы народов Востока), с. 192–193.

«У ската на придатке его длинного бичеобразного хвоста имеется шип со множеством крюков, который может тяжело ранить. Поэтому в глинистом мелководье позволяют ловить рыбу только старым женщинам, ибо «если наткнется на колючку ската старуха, это полбеды, а молодые нам еще нужны», как объяснял мне один шутник из Вамби»⁴³⁵. Г. Неверман комментирует: «... остается непонятным, чем могут привлечь мужчину эти изможденные работой и рано увядшие создания»⁴³⁶. При этом женщины поросят и ценят выкармливают своей грудью. О положении женщин ярко повествует следующий случай: «один мой знакомый из племени маклеуга, по имени Кебан, которого я знал как весьма добродушного человека, после острой перебранки со своей женой прибил ее поленом. Ее мясо было потом разделено между жителями деревни и съедено. На мой вопрос, что по этому поводу говорили в деревне, мне ответили возмущенно: «Она была твоей женой или женой Кебана? Или у вас в деревне (это значит — в Европе) все так бестактны, что вмешиваются в чужие семейные дела?»⁴³⁷. Как это похоже на то, что один англичанин в Древней Руси женился на русской женщине. Всем она была довольна. Но горевала, что он ее не бьет — значит, не любит. Когда англичанин об этом узнал, он стал ее поколачивать. И однажды ненароком убил. Это не вызвало ни у кого возмущения. «Любит как душу, бьет как грушу». Вот почему свою книгу о положении женщин в обществе Симона де Бовуар назвала «Второй пол». Современный анекдот демонстрирует вторичное положение женщины: когда Бог создал Адама, он подумал: надо сделать ему женщину, чтобы ему не было скучно. Вот откуда произошло выражение: «Не приведи, Господи!», которое произнес Адам, узнав об этом.

Дубравка Угрешич, известная хорватская писательница, книги которой переведены на более чем 20 языков и награждены престижными европейскими премиями, пишет: «мужская мизогиния (женоненавистничество) на протяжении веков осуществляла настоящий, культурный и символический геноцид над женщинами. Одним из самых мощных проявлений мужской мизогинии было преследование ведьм... Предполагается, что в Европе с 1550 по 1650 г. было сожжено несколько сотен тысяч ведьм»⁴³⁸.

⁴³⁵ Сыны Дехеая. Предания о демонах и рассказы об охоте ха головами. Цит. изд., с. 325.

⁴³⁶ Там же, с. 191.

⁴³⁷ Там же, с. 313.

⁴³⁸ Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко: роман / Дубравка Угрешич; (пер. с серб. – хорв. Л. Савельевой). — М.: Эксмо, 2011. — 448 с., с. 339.

Очень иронично пишет Угрешич: о содержании славянских сказок: «грязная, ленивая и глупая девица обычно бывает наказана скорой смертью. Богатство, трон и любовь могут достаться в награду только грязному, ленивому и глупому молодцу»⁴³⁹.

Особенно тяжелым является положение старых женщин. Если в молодости они привлекательны для мужского пола, то затем постепенно внешний вид их изменяется. Продолжают расти части тела, которые не должны увеличиваться. Растет нос, уши, живот. Тело грузнеет, теряет привлекательные формы. Ножки становятся кривыми, стопы обрастают выпирающими костями. Слух, обоняние слабеют. Волосы перестают расти на голове, женщины лысеют, зато обильно вырастают на подбородке, над верхней губой, в носу. Вместо овала лица — обвал. Очень язвительно показал эти изменения Гойя в своих многочисленных образах старых женщин. Все эти непривлекательные изменения связаны с ослаблением гормональной сферы. И становится женщина похожей на Бабу Ягу. Сегодня многие прибегают к разным косметическим ухищрениям: делают операции, используют трансфузию крови, применяют воздействие стволовых клеток. Увы, не всегда это приводит к желаемым результатам, а часто кончается ранней смертью. Конечно, так происходит не со всеми. Известно, что Диана де Пуатье, старше своего возлюбленного короля Генриха II на 10 лет, несмотря на ожидания завистников, не теряла своей привлекательности до конца жизни. В наше время Шарлотта Рэмплинг в преклонном возрасте может дать «фору» молодым моделям своей стройной фигурой. Да и наши актрисы — скажем, Вера Васильева и Элина Быстрицкая, в своих преклонных годах продолжают вызывать восхищение своей неувядающей женственностью. Примеры можно продолжить. Но они лишь подтверждают правило — с годами женщина теряет свою привлекательность. Вот так родился в народных сказках образ Бабы Яги.

Таким старым женщинам, ставшим похожими на сказочный образ Бабы Яги, посвящен роман Дубравки Угрешич «Снесла Баба Яга яичко». Роман делится на две части. В первой — рассказ о старой женщине и ее приятельницах, их быте, развлечениях, столкновениях с окружающей действительностью. Вторая часть — комментарий, где она пишет: «... конечно, она (имеется в виду Баба–Яга — С.М.) не Опра Уинфри и не принцесса Диана, но, тем не менее, и не анонимный мифический

⁴³⁹ Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко: роман / Дубравка Угрешич; (пер. с серб. – хорв. Л. Савельевой). — М.: Эксмо, 2011. — 448 с., с. 381.

персонаж. Ее имя носит центр шаманистики на севере Голландии, магазин настольных светильников где-то в Польше, польско-американский журнал («Baba Yaga's Corner»), дом престарелых, семейный пансион и курсы иностранных языков в Германии. Имя бабы Яги весьма популярно и у владельцев ресторанов, кондитерских и магазинов здоровых продуктов питания, что, учитывая гастрономические предпочтения этого персонажа, не лишено определенного юмора. Имеются фитнес-центры, носящие ее имя, видимо, потому, что их владельцы усматривают какую-то связь между Бабой Ягой и йогой?! «Баба-Яга» — это и название немецкого производителя дамской одежды, и голландского спиритуального веб-сайта (где заинтересованные лица могут приобрести магические колдовские шары и чайники), и одного женского хора, тоже голландского. Образ Бабы Яги послужил источником вдохновения для некоторых театральных и музыкальных групп, художественных проектов, кинорежиссеров, авторов комиксов и мультипликационных фильмов, графических и неграфических книг, порносайтов и сайтов ужасов, блогов и реклам. Так, например, один сербский рекламный слоган для автомобиля Порше «Carrera GT» звучит так: «Стремительен, как Баба Яга»⁴⁴⁰.

Как видим, образ Бабы Яги стал символом и знаком современной культуры в разных ее ипостасях. Он получил отражение в разных видах искусства, опираясь на разные мифологические представления. «Баба-Яга — это единый орально-текстуальный patchwork (мозаика, лоскутное одеяло (англ.), составленный из различных фольклорных и мифоритуальных традиций (шаманизма, тотемизма, анимизма, матриархата), так что ее статус, функция и полномочия меняются от сказки к сказке, от одной фольклорной зоны к другой, от рассказчика к рассказчице»⁴⁴¹.

И действительно, во многих мифах и сказках мы встречаемся с образом старой женщины, который напоминает нам Бабу-Ягу. В сербской сказке «Птица-девушка» старая баба с птицей на руках сидит на горе и подманивает молодых людей, превращая их в камни. Но если парень подойдет к ней сзади и грубо овладеет ею, она в итоге превратится в молодую красивую девушку, а парень избежит петрификации, т.е. символической импотенции. Уже упомянутый арха-

⁴⁴⁰ Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко: роман / Дубравка Угрешич; (пер. с серб.-хорв. Л. Савельевой). — М.: Эксмо, 2011. — 448 с., с. 318–319.

⁴⁴¹ Там же, с. 329.

ический мифологический комплекс представлений маринд–аним включает в себя образ мифической старухи Харау, «преобразившейся в прекрасную девушку и ушедшей в землю после оргиастического брачного обряда»⁴⁴². Широкое распространение таких образов мы видим во многих регионах мира: «Старухи, наделенные сверхъестественными способностями, являющиеся из иного (небесного или подземного) мира, приносящие различные культурные блага, матери–прародительницы, хранительницы различных предметов, огня и т.д. широко известны в мифологии разных этнических общностей Новой Гвинеи»⁴⁴³. У некоторых индейцев Северной Америки существует миф о том, что в вагине Страшной Матери находится рыба, пожирающая мужчин. И только если раздробить зубы этой страшной рыбы, можно избежать гибели. Впрочем, «*vagina dentate*» присутствует во многих народных сказках. На основе такой сказки придуман современный женский кондом «*Rarex*», оснащенный «рыбьими зубами» и помогающий защититься от изнасилований.

Дубравке Угрешич можно верить, потому что она не только всемирно известный писатель, книги которой издаются в разных странах мира, но и по образованию фольклористка, хорошо знающая фольклор разных стран Восточной Европы. При этом Дубравка Угрешич убедительно пишет: «... даже несмотря на довольно широкое (зло)употребление именем Бабы Яги, рискну предположить, что среднестатистический неславянский читатель знает о Баба Яге немного. Даже для большинства славянских читателей Баба Яга всего лишь некрасивая и злая старуха, которая крадет маленьких детей. И именно в этом кроется наша общая проблема. Вы скромно констатируете, что не имеете никакого представления о Бабе Яге, но при этом требуете от меня объяснить, какова связь между прозой вашего автора и мифом о Бабе Яге»⁴⁴⁴. Между тем Баба–Яга — это образ, который «является сильной мифической репрезентацией человеческой сексуальности»⁴⁴⁵: ступа — это символическое воплощение матки, а пест — олицетворение пениса.

⁴⁴² Путилов Б.Н. Предисловие // Мифы и предания папуасов маринд–аним. — М.: Главная редакция восточной литературы — 1981, 350 с. (сказки и мифы народов Востока), с. 17.

⁴⁴³ Вирцель П. Мифология отдельных тотемных сообществ // Мифы и предания папуасов маринд–аним. — М.: Главная редакция восточной литературы. — 1981, 350 с. (сказки и мифы народов Востока), с. 167.

⁴⁴⁴ Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко: роман / Дубравка Угрешич; (пер. с серб.–хорв. Л. Савельевой). — М.: Эксмо, 2011. — 448 с., с. 319.

⁴⁴⁵ Там же, с. 353.

Существовал славянский свадебный обычай одевать ступу в женскую одежду, а пест — в мужскую, и эту парочку водружали на стол пирующих. На русском лубке XVIII века изображена Баба-Яга, которая едет верхом на свинье сражаться с Крокодилом (староверы называли Петра Великого Крокодилом). Баба-Яга в одной руке держит поводья (мужское начало), в другой — прялку (женское начало). Сама Баба-Яга в славянских сказках окружена символами женской сексуальности: печка — матка, избушка на курьих ножках — женский живот, ступа — опять уже упоминавшаяся символическая репрезентация матки⁴⁴⁶. Женские символы Бабы-Яги — большая грудь, ступа, избушка, печь всегда дополняются мужскими: говорит басом, у нее длинный нос, не умеет готовить, да и костяная или железная нога скорее мужской атрибут, нежели женский. О двойственности Бабы-Яги говорит и Ю.С. Степанов. С одной стороны — она «баба», «женщина», с другой — воплощение негативных черт разных мифологических героев⁴⁴⁷.

Некоторые видят место Бабы Яги среди богинь. Такова, например, точка зрения Марии Гимбутас: «Богини, которые достались нам в наследство от старой Европы, такие как греческие Афина, Гера, Артемида, Геката, римские Минерва и Диана, ирландские Морриган и Бригита, балтийские Лайма и Рагана, русская Баба Яга, баскская Мари и другие, — это не «Венеры», которые несут плодородие и прогресс, они... гораздо более, чем только это. Перечисленные дарительницы жизни и вершительницы судеб являются «властительницами» (или «правительницами») и как таковые сохранились в индивидуальных верованиях очень долго, несмотря на то, что их сбросили с постаментов, милитаризировали и скрестили с индоевропейскими божественными невестами и супругами»⁴⁴⁸.

Ю.С. Степанов сближает образ Бабы-Яги с древнеиндийским Ямой, с древнеримским богом Янусом, с греческими эмпусами — мерзкими существами женского пола, дочерьми богини Гекаты⁴⁴⁹. Кроме того, он связывает образ Бабы Яги «с образами германской мифологии —

⁴⁴⁶ Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко: роман / Дубравка Угрешич; (пер. с серб.-хорв. Л. Савельевой). — М.: Эксмо, 2011. — 448 с., с. 360.

⁴⁴⁷ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с., с. 89–91.

⁴⁴⁸ Gimbutas Maria. The Language of the Goddess. London: Thames & Hudson, 2001. Цит. по: Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко: роман / Дубравка Угрешич; (пер. с серб.-хорв. Л. Савельевой). — М.: Эксмо, 2011. — 448 с., с. 332.

⁴⁴⁹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с., с. 89–91.

с фрау Холле и с Бертой (или Перхтой)»⁴⁵⁰. Наконец, убедительно показана связь этого образа с богинями древних ирландцев–язычников⁴⁵¹.

Как правило, с образом Бабы–Яги связаны гребень, полотенце, веретена, клубки и нитки. Ткать — это женское занятие. Во многих сказках, и русских, и румынских, и сербских, старухи ткут полотно для рубах парней, отправляющихся на войну, чтобы сделать их неуязвимыми от ранений. Столь же важно для Бабы Яги помело. Она на нем летает, замечает свои следы. Уборка квартиры — это важный экзамен, который сдает девушка, оказавшись во владениях Бабы Яги. В Мексике существуют торжества, связанные с культом богине земли Тетео Иннан, использующие именно метлу. Цель таких ритуалов — изгнать болезни и беды.

Столь же могущественным, универсальным, широко распространенным символом является яйцо. Во многих мифах мира — египтян, греков, тибетцев, индийцев, китайцев кельтов и мн. других — мир возникает из космического яйца. Не случайно поэтому в названии романа Д. Угрешич Баба Яга сопоставляется с яйцом.

Птица также играет ключевую роль во многих космогонических мифах. Она часто — символ духа и души. Во многих мифах мира птицы — распространенная метафора мужского или женского полового органа. Баба–Яга во многих народных сказках сидит на яйцах в гнезде на дереве в избушке на курьих ножках. Возможно, «именно эти архетипические фольклорные образы объясняют название произведения... «Снесла Баба Яга яичко»... картина женской креативности выглядит мрачной. Женщины, занимающиеся искусством, — это Бабы Яги, изолированные, заклеянные, исторгнутые из общественной среды (живут в лесу или на лесной опушке), опирающиеся исключительно на собственные силы и способности. Их роль, точно так же как роль Бабы Яги в сказках, маргинальна и лимитирована. С другой стороны, это же название может быть прочитано и как бодрая апология женской креативности»⁴⁵². Воистину — яйцо может иметь разные толкования. Например, весьма знаменательно, что в современном разговорном языке в Америке существует выражение «to lay an egg», что говорят когда хотят показать, что это скучно, давно известно.

Образ Бабы Яги связан также с осмыслением воды как важного атрибута жизни. Во всех космогонических мифах вода имеет значение начального хаоса и рождения

⁴⁵⁰ Там же, с. 92.

⁴⁵¹ Там же, с. 93.

⁴⁵² Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко: роман / Дубравка Угрешич; (пер. с серб.–хорв. Л. Савельевой). — М.: Эксмо, 2011. — 448 с., с. 410.

мира. Эти представления получили отражение в разных обрядах, ритуалах, принося и зло, и добро. В связи с этим баня — место, где совершаются обряды, связанные со свадьбой, родами и похоронами. Когда мы обращаемся к образу Бабы Яги — баня становится аналогом погребального ритуала, место ритуального умерщвления, когда проход в мир мертвых дает именно Баба Яга⁴⁵³. Столь же значимыми для этого образа являются ступни, ноги, причем не только в славянских мифах. «В Древнем Китае, в буддистском, исламском и христианском мире существовало верование, что следы эрозии на камнях — это отпечатки пальцев богов, героев, пророков и святых. Хоу Йи, мать основателя династии Жу, забеременела, когда встала ногой на отпечаток ступни Бога...». Отпечатки ступней могут быть не только богов, святых, пророков, но и фей, ведьм, великанов и дьяволов. «Подобные верования приникают даже и в наше время: например, на тротуаре перед Китайским театром Граумана в Голливуде, где кинозвезды — наши современные боги и богини — оставляют отпечаток своих ступней и ладоней»⁴⁵⁴. Сама Баба Яга воспринимается чаще всего одноногой, хотя это не совсем так. Как утверждает Д. Угрешич, «некоторые психоаналитики связывают женскую ступню как «missing penis», а из этого, соответственно, вытекает и мужской фетишизм, связанный с женской ступней и женской туфлей. В. Пропп объяснил давно, почему Баба Яга — костяная нога. Связывал он это с тем, что она воплощала переход от животного к человеку, так как во многих сказках в избушке вместо Бабы Яги лежит козел или медведь. Современные ходунки для пожилых людей (в романе «Баба Яга снесла яичко» с такими ходунками ходит героиня Пупа, а ее подруга Кукла — с большими ступнями) и есть олицетворение костяной или железной ноги Бабы-Яги. Длинный и тонкий нос — одна из примет Бабы-Яги. Это бывший птичий клюв. При этом нос — символ пронизательности и остроты ума. Не случайно именно первой массовой пластической операцией в косметологии стала попытка изменить форму носа.

Баба Яга — персонаж многих сказок — словацких — под именем Ежибабы (Енжибабы), в чешских Ягабабы (Янгабабы), у сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев мы также можем встретить Бабу Рогу, Бабу Егу, Гвоздензубу. У болгар — Баба Яга — это Горная мать, у румын — Мамападуреи, живет в избушке на курьих ножках — в переводе — лесная мама, у венгров — Васорру баба — старая женщина с длинным носом до колен, в литовской — Рагана. Примеры можно продолжить не только в Европе, но и в других странах Африки, в Азии, Южной Америке⁴⁵⁵. Столь же популярна Бобе Га в еврейских народных

⁴⁵³ См. об этом: Давидов И.П. Баня у Бабы Яги // Вестник Московского университета — Серия 7. Философия. — М., 2001. — № 6.

⁴⁵⁴ Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко: роман / Дубравка Угрешич; (пер. с серб.-хорв. Л. Савельевой). — М.: Эксмо, 2011. — 448 с., с. 369–370.

⁴⁵⁵ См об этом: там же, с. 422–430.

сказках, «родственница» Бабы–Яги. Валерий Дымшиц так это объясняет: «Евреи не только всегда рассказывали сказки и очень давно начали их собирать и записывать. Самые старые из этих записей, которые вошли в корпус Библии, прочел весь мир и пересказывает их до сих пор»⁴⁵⁶.

Как мы видим, образ Бабы Яги отнюдь не является прерогативой лишь славянских сказок и мифов. Справедливо пишет Д. Угрешич: «... славянская мифология является «славянской» всего лишь условно. Мифы, легенды и устные предания имеют природу вирусов. Похожие «истории» встречаются повсюду и в славянских лесах, и в африканских пустынях, и на отрогах Гималаев, и в эскимосских иглу — они существуют с древнейших времен и дошли до наших дней, проявляясь в массовой культуре: в телевизионном «мысле», в научно–фантастических сериалах, на интернет–форумах и в видеоиграх...»⁴⁵⁷.

Образ Бабы Яги как одной форм проявления ведьмы мы видим в разных современных видах искусства. Например, та же Д. Угрешич приводит фильм 1942 года Жака Тернера «Люди–кошки», где героиня, Ирена Дубровна, по происхождению сербка, хотя действие происходит в Нью–Йорке, превращается, согласно эпосу ее исторической родины, в пантеру, убивающую своих партнеров, обидевших ее⁴⁵⁸. В современном киберпространстве образ Бабы Яги циркулирует в историях многих анонимных авторов. Совсем закономерным можно считать тот факт, что Рустам Хамдамов снимает фильм, где Алла Демидова играет образ Бабы–Яги.

Итак, мы можем заключить, что один из символов в межкультурной коммуникации — образ Бабы–Яги распространен довольно широко. Почему так происходит, помогает понять высказывание М. Горького, с которым нельзя не согласиться: «Едва ли возможно сомневаться в том, что процесс заимствования и дополнения древних сказок особенностями быта каждой расы, нации, каждого класса играл значительную роль в развитии культуры, разума и народного творчества. Люди знакомятся с новыми вещами, не только непосредственно видя и осязая вещи, но и по рассказам о вещах»⁴⁵⁹.

⁴⁵⁶ Дымшиц В. Сказки евреев Восточной Европы // Еврейские народные сказки, предания, былички, собранные Е.С. Райзе / Составление, предисловие и комментарии В. Дымшица. — СПб.: Симпозиум, 2013, 568 с., с. 6.

⁴⁵⁷ Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко: роман / Дубравка Угрешич; (пер. с серб.–хорв. Л. Савельевой). — М.: Эксмо, 2011. — 448 с., с. 320.

⁴⁵⁸ Там же, с. 334.

⁴⁵⁹ Горький М. О сказках. Л., 1953. Соч. Т. 25, с. 87. Цит. по: афганские сказки и легенды. — М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972. — 280 с.

Эзотерика шаманизма и современность

Шаманизм — явление, вызывающее пристальное внимание современных ученых разных направлений и просто людей, интересующихся разными сложными явлениями духовной жизни. В прошлом все государственные институты и религиозные системы всегда видели в шаманизме нечто враждебное и относились к нему, как правило, лишь с позиций преследования и запрета. В последние годы отношение к шаманизму изменилось. Мистицизм шаманизма сегодня оказался востребованным, техники связи со сверхъестественными силами, левитация вызывают огромный интерес. И вот уже появляются книги, в которых как за рубежом, так и у нас пытаются использовать техники шаманов для обеспечения успеха, счастья, везения в практической жизни⁴⁶⁰. Шаманизм сегодня связывают со многими парапсихологическими явлениями — контактами с внеземными цивилизациями, с космическим разумом, деятельностью экстрасенсов, исследованиями уфологов. Президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов совершенно серьезно говорил о космическом полете с инопланетянами в феврале–марте 2001 г. И в современном искусстве многие видят в поведении художника черты шаманизма.

М. Элиаде рассматривает шаманизм как одну из архаических техник экстаза. Он так и писал: «... шаманизм — это техника экстаза»⁴⁶¹. Не все ученые с этим вполне согласны, считая, что шаманизм — «одна из наиболее древних форм религиозных представлений мира», который «служил креативным, антиэнтропийным целям упорядочивания мироздания, борьбы со вселенским хаосом»⁴⁶².

Шаманизм практикуется в разных регионах мира. Разные ученые сходятся в том, что наиболее представительным и типичным его про-

---

⁴⁶⁰ См., например: Стивенс Д., Седлетски–Стивенс Л. Секреты шаманизма: Как использовать древнюю мудрость для улучшения и обогащения вашей жизни. — М., Киев, 2001, 288 с.

⁴⁶¹ Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. — К., 2000. — 480 с., с. 20.

⁴⁶² Окладникова Е.А. В поисках истоков шаманистских представлений аборигенов Сибири // Фрайнкопф Герб. Вселенная шамана. — СПб., 1995, — 196. С. 159, 154.

явлением, наиболее чистым его феноменом является сибирский и центрально–азиатский шаманизм. Даже само слово «шаман» пришло из тунгусского языка. Вот почему в дальнейшем мы будем в качестве основных примеров прибегать к элементам в первую очередь сибирского и центрально–азиатского шаманизма как наиболее репрезентативных.

Как правило, действия шаманов представляют собой разного рода ритуалы, связанные с инициацией самих шаманов, лечением ими больных и сакральными действиями для привлечения удачи на охоте, хорошего урожая, свадебными и поминальными обрядами и т.п. Е.С. Сидоров дает такую классификацию шаманов: 1) шаман, который видит тайное и явное и оказывает помощь в пределах своего подворья; 2) — в пределах своего аласа или места расположения своего рода; в пределах Сибири и — вплоть до пределов всего мира, но этого уровня может достичь только «величайший шаман, который может появляться раз в столетие»⁴⁶³. В зависимости от силы, способности, он может добраться до первых суков дерева, до перистых облаков, до первого неба и т.д. Всего есть 9 небес.

Шаманство и шаманизм не обязательно сосуществуют синхронно у одного и того же народа. Шаманство представляет собой один из интереснейших аспектов традиционного быта.

Довольно широко бытует представление, что шаманы делятся на белых и черных шаманов. Т.М. Михайлов считает, что черные шаманы — плебейская часть, белые шаманы из аристократических родов и отрицает утверждение, что белые шаманы общались только с добрыми духами, а черные — только со злыми: и те и другие одинаково имели дела со всеми богами и духами пантеона, обладали одинаковыми функциями, различаясь в деталях⁴⁶⁴.

Шаманы — это люди, причастные к сфере сакрального, что недоступно остальным членам сообщества. Как правило, приобщение к этой сфере чаще всего связано с языком сновидений, которым в шаманизме придается чрезвычайно большое значение. «Именно в снах они воссоединяются с подлинной святой жизнью и восстанавливают непосредственные контакты с богами, духами и душами предков. В сновидениях также упраздняется историческое время и восстанавливается время мифологическое, что позволяет будущему шаману присутствовать при

⁴⁶³ Сидоров Е.С. Шаман: человек, религия. — Якутск, 1994, с. 6.

⁴⁶⁴ Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. — Новосибирск, 1987, с. 103–106.

начале мира и благодаря этому стать современником как космогонии, так и первичных мистических откровений»⁴⁶⁵. Примеров значения сна в инициации шаманов достаточно много. Так, в обряде рождения нового шамана у якутов сон оказывается важным этапом посвящения. «Перед тем, как стать шаманом, человек видит во сне, что сверху и снизу собираются духи шаманов... и начинают рассекать его тело, черпать колотушкой его кровь»⁴⁶⁶. И совсем в другом, далеком регионе, у племен Скалистых Гор Северной Америки передача шаманских возможностей также осуществляется через сон. «Передача осуществляется в сновидениях и содержит сценарий посвящения»⁴⁶⁷. М. Элиаде описывает сон одного шамана из племени павиотсо, который в пятидесятилетнем возрасте захотел стать «лекарем», ибо его «народ болен» и он хочет ему помочь. Все инструкции он получил во сне⁴⁶⁸. Причем, такая форма инициации присутствует у многих шаманов — юроков, винту, шастов (племена Северной Америки). Часто существуют учителя, инструкторы, которые обучают нового шамана. Посвящение все равно происходит через сны. Во время непосредственного посвящения кандидат поет шаманские гимны. «Это знак, что контакт с тем светом уже налажен»⁴⁶⁹. Именно сновидения часто становятся средством передачи духами дара. «Выдающийся казахский поэт и певец Джамбул верил, что его оберегает дух в облике тигра... Незадолго перед смертью Джамбул сказал навестившим его казахским поэтам: «Перед вашим приходом ушел от меня мой тигр. Я хотел воротить его, звал, но он не обернулся. Скрылся за холмом. Значит, я умру»⁴⁷⁰. Сновидение часто становится средством передачи духами дара — в описываемом Басиловым случае — дара музыканта. Следует отметить также на указываемую им связь шаманизма в Узбекистане с исламом.

При назначении нового шамана существенная роль принадлежит молнии — «она указывает на небесное происхождение шаман-

⁴⁶⁵ Элиаде М. Шаманизм... Цит. изд., с. 103.

⁴⁶⁶ Романова Е.Н. К интерпретации символики якутского шаманского обряда (путешествие за душой — «Кут» больного) // Шаманизм и ранние религиозные представления. Этнологические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам. Т. 1, — М., 1995, с. 112.

⁴⁶⁷ Элиаде М. Шаманизм... Цит. изд., с. 102.

⁴⁶⁸ Там же, с. 101–102.

⁴⁶⁹ Там же, с. 31.

⁴⁷⁰ Басилов В.Н. Посвящение во сне (Рассказ узбекского музыканта) // Шаманизм и ранние религиозные представления. Этнологические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам. Т. 1, — М., 1995, с. 37.

ских способностей... Молния нередко изображается на шаманском наряде»⁴⁷¹. У бурят, например, того, кого поразила молния, погребают как шамана. Связано это с тем, что огонь считался посланцем неба и представлялся как источник и символ чистоты. Если молния поразила человека (небесный огонь), и он остался жив, значит, такой человек получил шаманский дар.

Выбирают шаманов среди тех, кто обладает определенными специфическими особенностями. Как правило, это люди, в детстве склонные к размышлениям, нервным заболеваниям, с резкими изменениями настроения, быстрым переходом от раздражения к нормальному состоянию, от меланхолии к оживлению и наоборот. Очень часто это эпилептики, истерики, болезненные и слабые люди. Вместе с тем, шаманами становятся те, кто в интеллектуальном отношении часто превосходит окружающих, их умственные способности значительно более высоки, чем у большинства. Настоящие шаманы обладают сверхчувственными способностями, даром ясновидения на основе высокой концентрации нервно-психической энергии. Многие даже считают, исходя из современных представлений, что у них чрезвычайно сильное биополе. Шаманы обладают умением телепортации — «внезапно и ниоткуда добывали табак, пищу и другие предметы, иногда сами оказывались самым загадочным образом мгновенно где-то далеко от того места, где только что были и мн. др.»⁴⁷².

Они всегда имеют творческие задатки, хорошую память, воображение, дар импровизации: «... талант поэта и музыканта рассматривался как необходимая часть тех способностей, которыми наделяли шамана духи-покровители»⁴⁷³. Ибо шаманское камлание предполагает «... целый комплекс театрализованных культовых действий с использованием слова, музыки, пения, изобразительного искусства...». Привлекаются и средства эмоционального воздействия: «... благоволия, спиртного, света, огня и т.п.»⁴⁷⁴. Настоящими шаманами считаются как раз те, кто обладает экстрасенсорными свойствами.

Шаманская деятельность — бремя, к несению которого, как правило, кандидаты не испытывают первоначально тяготения (их выбирают, как мы видели, духи или шаманы). Но впоследствии, став шаманом, человек уже не в состоянии без этого существовать, точно так же, как твор-

⁴⁷¹ Элиаде М. Шаманизм... Цит. изд., с. 31.

⁴⁷² Сидоров Е.С. Шаман: человек, религия. Цит. изд., с. 37.

⁴⁷³ Басилов В.Н. Посвящение во сне (Рассказ узбекского музыканта) // Цит. изд., с. 36.

⁴⁷⁴ Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история... с. 60.

ческая личность, лишенная возможности реализовать свои потенции, заболевает, впадает в депрессию или запой.

В некоторых этносах шаманством занимаются женщины (например, у арауканов). Возможно, это свидетельство о древнем возрасте практики женского шаманства, предшествовавшего мужскому. Об этом свидетельствуют и космогонические мифы и шаманские легенды о мироздании шаманской практики аборигенов Сибири, где шаманки довольно широко распространены, хотя часто выполняют лишь некоторые низшие ритуалы. Нередко встречается ритуальный гомосексуализм шаманов (чукчи), травестиизм. «Стремление к бесполости, а, точнее, к объединению в себе двух полов (человек в физическом проявлении ослаблен биполовым разделением), приводит к идее «магического травестиизма»: присовокупление противоположности дает целостность»⁴⁷⁵. Связано это с бесполом существованием личности в энерго–информационном плане. «Исследователи часто сталкиваются с указанием на то, что большей шаманской или колдовской силой обладает человек, не ведущий (по физиологическим особенностям или намеренно) половой жизни»⁴⁷⁶.

Чтобы стать шаманом, надо обязательно пройти через болезнь, одиночество, враждебность окружающего мира, «шаманскую болезнь». Эти тяжелые испытания при инициации, да и сложная духовная и эмоциональная жизнь при исполнении социальной роли шамана приводит к тому, что обычно никто не хочет стать шаманом, однако уклонение от приказа духов может привести к смерти. Кроме того, в отличие от представления при советской власти о том, что шаманы — богатая эксплуататорская часть населения аборигенов Сибири, первые переписи народов Севера Сибири показали, что шаманы были бедняками. Служба духам для многих оказывалась разорительной. Это также одна из причин, почему «призываемые к служению шаманству стремились уйти от этого бремени, но шаманская болезнь обычно оказывалась сильнее желаний, воли людей»⁴⁷⁷. В большинстве случаев в период приобщения к высшим силам человек испытывает разные тяжелые испытания во время сна, которые имеют определенную закономерность. Сначала — расчленение тела, после которого происходит его обновление. Затем общение с богами или духами на Небесах (т.е. вознесение на Небо)

⁴⁷⁵ Харитоновна В.И. Сексуально–эротический элемент в магико–мистической практике // Шаманизм и ранние религиозные представления... Цит. изд., с. 233.

⁴⁷⁶ Там же, с. 232.

⁴⁷⁷ Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура) — М.: 1991, с. 280.

и разговор с душами умерших шаманов и богами Преисподней (т.е. нисхождение в Ад). В результате шаман получает разного рода откровения, которые дают возможность постичь тайны ремесла. Расчленение может длиться от 3 до 7 дней, во время которого кандидат в шаманы почти не дышит, находится в уединенном месте, и выглядит почти как мертвый. (3 и 7 — мистические числа, которые играют существенную роль в разных религиозных представлениях, в шаманизме они довольно широко распространены). У якутов существует представление, что при этом Мать–Хищная–Птица забирает его душу, заносит ее в преисподнюю до достижения шаманской зрелости и затем возвращает на землю, где духи разрывают тело на части, которые пожирают злые духи болезней и смерти. После съедения эта символическая птица складывает кости, и кандидат пробуждается от сна, но теперь все те духи, которым достался кусочек тела будущего шамана, обеспечивают ему способность лечить соответствующие болезни. Существуют и другие представления. Но мотив Птицы имеет довольно широкое распространение в североазиатском шаманизме. Это может быть Орел, интерпретируемый бурятами как признак шаманского призвания. Но всегда при инициации происходит расчленение тела, которое испытывает страшные мучения. У бурят его тело варят, у эскимосов обновляют органы, у ненцев тело испытывает долгие мучения в течение трех лет, когда ему откусывают голову, а тело, разделенное на куски, варят в котле. У австралийских шаманов духи внедряют в тело кандидата горные кристаллы (горные кристаллы — символы уранической, небесной силы), у австралийских племен лунга и джара магические силы возникают после того, как будущий знахарь входит в пруд, где обитают ужасные змеи, которые «убивают» его и т.д. Как правило, символика смерти и воскрешения происходит во сне или болезни, но чаще всего с представлением о расчленении тела — четвертовании, разрезании, вскрытии живота, сведении до состояния скелета. При этом женское существо помогает в успешном прохождении инициации.

Обряд посвящения имеет явные различия у бурят и маньчжур, у эвенков и тунгусов, у якутов и народов Америки, Австралии, Африки. Но всегда и везде в этом обряде мы найдем обилие семиотических элементов⁴⁷⁸.

Обряд посвящения представляет собой сложный комплекс знаковых элементов, семиотика шаманских действий очень насыщена. В пер-

⁴⁷⁸ Подробнее см. об этом: семиотика сакрально–религиозных представлений. — СПб., Алетейя, 2008, с. 15–16.

вую очередь — мировое дерево, символизируемое многими деревьями. Это может быть береза — чаще всего, но возможно также использование красной ивы (вербы), отождествляемой с тамариском (в Древнем Иране и Персии был священным деревом). Среди них выделяются «Мать–дерево» (луна) и «Отец–дерево» (солнце). Эти деревья могут быть осмыслены как Космическое дерево или Ось Мира. Нередко этим символом может служить и огонь, чудесным образом превращающийся в золотой столб. Красная крестовина на стволе шаманского «Мать–дерева» символизировала птицу, «алого сокола», доставляющего по этому дереву молитвы, жертвоприношения и душу шамана на Небо. Птица у сибирских народов представляет собой также активное начало в создании суши. Ныряя в воду, она выносит в клюве со дна океана кусочек суши. Танец, широко использовавшийся в ритуалах, служил дополнительным магическим средством, своего рода «крыльями». М. Элиаде усматривает в этих церемониях связь с митраическими мистериями⁴⁷⁹. Это соответствует гипотезе Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова, принятой многими представителями современной науки о том, что истоками шаманства являются общеиндоевропейские корни, переднеазиатской прародине индоевропейцев.

В разных регионах существуют свои особые элементы ритуала посвящения, но довольно часто он включает символическое восхождение на Небо, имеющее принципиальную, решающую роль. Это может быть восхождение на дерево, на гору, на помост. Некоторые шаманы могут взлетать как птицы на ветки деревьев. Если же такого умения нет, его символизирует орнитологический наряд (птица как символ полета). Один из важных элементов — радуга (ленточки), символизирующая Мост, соединяющий Землю и Небо. Кроме того, во время инициации шаман нередко обретает магические предметы, необходимые для лечения. Это могут полосатые, цветные или кварцевые камни и т.п. Иногда они внедряются в тело неопита (у австралийских знахарей). Процесс посвящения может быть длительным: у карибских шаманов Голландской Гвианы он длится 24 дня и 24 ночи. Посвящение зачастую включает символическую смерть и воскрешение кандидата.

Насколько мистическим является ритуал посвящения в шаманы, настолько же эзотеричен внешний вид шамана, шаманский наряд и бубен. Столь же значимыми оказываются шапка (колпак), пояс и другие магические предметы ритуального наряда. Это могут быть маски, зеркала,

⁴⁷⁹ Элиаде М. Шаманизм... Цит. изд., с. 125.

молот, меч, копье, дубинка, кнут и т.п. Как правило, одеяние шамана представляет собой развернутую семиотическую систему, а предметы, используемые им, имеют сложную символику и магические функции их разнообразны. М. Элиаде считает, что «...шаманское переживание не наступает, если шаман одет в обычную будничную одежду...»⁴⁸⁰.

Круг символических представлений, связанных с костюмом, «имел отношение к самым существенным мировоззренческим идеям». «Все создание костюма приравнивалось к акту творения макрокосма»⁴⁸¹. Шаманская одежда стремится создать образ «зверя–птицы». В.Р. Павлинская выделяет 5 групп кроя костюма шамана, каждый из которых имел свою семантику. Как правило, все они символизировали всю Вселенную и в то же время представляли важную сакральную ценность⁴⁸². Вместе с тем, плащ шамана служил ему щитом или кольчугой против неприязненных духов. Несмотря на общность семиотического назначения костюма шамана, он отличается не только в этническом отношении, но и по отдельным регионам.

В костюме сибирских шаманов много символов. Многочисленные подвески изображали разного рода духов–помощников, вооружение, предметы и атрибуты, необходимые для путешествия по различным мирам.

Но одним из самых главных атрибутов шамана был бубен и коло-тушка. Бубен был средством передвижения, сигнализации, а также использовался непосредственно как музыкальный инструмент. Бубен шамана «у саяно–алтайских народов считался его транспортным животным и символизировал крылатого оленя»⁴⁸³. У якутских шаманов он является символическим изображением животного (лошади), на котором шаман спускается в царство духов. Ударами бубна изображается «приход» и «уход» духов, в него шаман собирает злых духов. У кетских шаманов бубен выступал в нескольких семиотических ипостасях. Он выступал как живой организм, символизирующий жизненный цикл шамана. Кроме того, он был символом ездового оленя (быка) шамана. Интересна роль ровдуги при восприятии бубна в образе вселенной. Каждый раз, когда бубен «обновлялся» (всего таких обновлений должно быть 7), на него натягивалась сетка ровдужных ремешков. К ним прикреплялись 7 горизонтальных прутьев из кованого железа,

⁴⁸⁰ Элиаде М. Шаманизм... Цит. изд., с. 148.

⁴⁸¹ Павлинская В.Р. Некоторые дополнения к изучению шаманского костюма народов Сибири // Шаман и Вселенная в культуре народов мира. — СПб., 1997, с. 34.

⁴⁸² Там же, с. 25–33.

⁴⁸³ Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства ... Цит. изд., с. 83.

которые символизировали слои верхнего мира. Это наглядно давало представление о семиричном устройстве земного мира⁴⁸⁴. Звуки бубна во время камлания служили языком шамана, с помощью его сигнальных средств шаман давал задания духам–помощникам. Изображения на бубне, как правило, давали образ Вселенной, как ее себе представляли люди. Здесь были антропоморфные и зооморфные изображения, деревья, небесные светила, луна, солнце, земля с горами и морями и т.д. На мужской бубен натягивали шкуру животного самца, на женский, соответственно, шкуру самки. У каждого народа существовали свои определенные формы бубна⁴⁸⁵. Чем больше бубнов у шамана, тем выше он на иерархической лестнице. Обычно у бурятского шамана — от 3 до 5 бубнов. Но у выдающихся шаманов число их доходило до 27⁴⁸⁶.

Шаманская колотушка также представляет собой символическую единицу. Нередко на ней вырезано человеческое лицо, символизирующее какой–либо дух. Она выступает и как символ космического творения и в качестве ритуального атрибута. Колотушка участвует в лечении больных, используется как орудие гадания. «Совершение кругов колотушкой над головой шамана символически изображало преобразование Хаоса, движение от Хаоса к Гармонии»⁴⁸⁷.

Каждый шаман имеет близких духов–помощников. Эти духи–помощники выполняют разные функции. Они должны отыскивать путь, по которому злые духи тащат душу больного. Естественно, что они борются с этими злыми духами для того, чтобы освободить душу этого больного. Освободив душу, ее надо невредимой доставить больному. В то же время духи–помощники должны охранять самого шамана⁴⁸⁸. Духами–помощниками могут быть различные животные: собака, волк, бык, конь, северный олень. Кроме того, в качестве такого животного — покровителя может быть орел, лось, бурый медведь, тигр и т.д. Все зависит от ареала обитания. Однако многие животные присутствуют в разных регионах мира — например, широко распространен орел, у северных народов — олень и т.д. Но покровители могут появляться и в облике людей.

⁴⁸⁴ Алексеенко Е.А., Гришина Н.М. «Земля» и «земное» в мифологической традиции кетов // Шаман и Вселенная ... Цит. изд., с. 48–49.

⁴⁸⁵ См. об этом: Таксами Ч.М. Вводная статья // Фрайнкопф Герб. Вселенная шамана. Цит. изд., с. 6.

⁴⁸⁶ Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм... Цит. изд., с. 110.

⁴⁸⁷ Романова Е.Н. К интерпретации символики якутского шаманского обряда (путешествие за душой — «Кут больного») // Шаманизм и ранние религиозные представления... Цит. изд., с. 112.

⁴⁸⁸ Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение... Цит. изд., с. 92.

Музыкальные инструменты, входящие в атрибутику шамана, также приобретают знак сакральности. Их символика варьируется от культуры к культуре и приспособлена в каждом этносе к коллективной памяти.

Нередко используются изображения духов в виде различного рода фигурок или изображений — на ткани, коже, и т.д. Изображения духов чрезвычайно многообразны. У нанайцев изображенных болезнетворных духов, изготовленных в виде фигурок, хранили, регулярно кормили. Небесных духов нанайцы изображали на ткани, бумаге, но не в скульптуре. Шаманы «вселяли» в эти изображения духов. Эти духи помогали в охоте, на рыбалке помогали своим хозяевам в промыслах. С их помощью можно было избавиться от болезней. Они охраняли жилище от злых духов, изгоняли их. Души умерших у нанайцев и ульчей так же изображались в виде деревянных фигурок 12–15 см⁴⁸⁹. У бурят использовались онгоны, существовавшие в двух формах: в виде изображений богов и духов, напоминая христианские иконы и в виде животных, посвященных каким-либо богам — бык, козел, лошадь, реже — птица, рыба. Их полагалось кормить, ублажать⁴⁹⁰. Хранили их в кожаном мешочке или небольшом деревянном ящике⁴⁹¹.

Помимо обряда посвящения, широко были распространены свадебные обряды, обрядовые камлания, жертвоприношения богам, проводы души умершего, гадания. В круг обязанностей шамана входило лечение больных, благословение скота, детей, охотников. Е.С. Сидоров перечисляет следующие умения шамана. Он может находить исчезнувших людей, скот, вещи. Шаман старается способствовать удаче воина и охотника, отводить от своих любую беду и даже страшные бедствия.

У монгольских народов существуют десятки разных способов гадания. До сих пор распространены гадания по бараньей лопатке, которое может давать сто с лишним вариантов ответов. Эти гадания «использовались как один инструментов, с помощью которого люди пытаются открыть тайны жизни, своих отношений с миром, обществом и отдельными персонами»⁴⁹².

⁴⁸⁹ См. об этом: Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение ... Цит. изд., с. 81.

⁴⁹⁰ См. об этом: Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм... Цит. изд., с. 25–26.

⁴⁹¹ См. об этом: Скрынникова Т.Д. Традиционное мировоззрение бурят и шаманизм // Методологические и теоретические аспекты изучения духовной культуры Востока. Вып. 2: Сб. ст. — Улан-Удэ, 1997, с. 14.

⁴⁹² Тугутов И.И. Гадание и традиционная культура // Байкальские встречи III: Культуры народов Сибири: Материалы III Международного симпозиума. Т.1. — Улан-Удэ, 2001, с. 255.

Одна из основных функций шаманов — лечебное камлание. Оно включало широкий круг действий, направленных на выявление и изгнание злых духов, ставших причиной болезни. Основным элементом такого лечения — особый ритм ударов в бубен, который в современной медицинской литературе связывается с психотерапией. Так, например, звуки бубна, громкие, проникающие, создающие пульсирующие звуковые аккорды, могут гипнотически воздействовать и на больного, и на слушателей, и на самого шамана. А звучание погремущек из топорковых клювов (топорок — приморская птица *Alca arctica*), используемых тлинкитами (Южная Америка) настолько мелодично и приятно, что вполне могло вызывать психотерапевтический успокаивающий эффект⁴⁹³. Вместе с использованием разного рода музыкальных, шумовых инструментов, шаман пользуется выкрикиванием заклинаний, эхопраксией (подражательный автоматизм поведения по типу навязчивых импульсий), и другими действиями. Многие из того, что использовали шаманы, входит в современную психотерапию. Сеанс врачевания, несмотря на неповторимые приемы в разных регионах, как правило, имеет стандартные элементы. Камлание обычно проводилось в жилище больного. Время его выбиралось вечернее или ночное, т.е. темное (прием, применяемый современными психотерапевтами). Освещение жилища тоже предполагалось не яркое. Чаще всего действие было публичное, а, как известно, заражение эмоциями легче достигается при многолюдности. Все это соответствует современным представлениям, необходимым для проведения психотерапевтического сеанса. Шаман всегда являлся на камлание с набором магических атрибутов, в которые входили разного рода мази, настойки из трав, обладавшие целебными свойствами⁴⁹⁴. Сбор лекарственных растений также сопровождался ритуалами, так как считалось, если сбор будет проведен неправильно, они окажутся бесполезными. Нередко при лечении шаманы используют и различные лекарственные растения, многие из которых действительно оказывают целебное воздействие. В Национальный Фармакологический справочник США входит 170 фиторецептов, использовавшихся индейцами Северной Америки⁴⁹⁵. Число положительных результатов этих камланий довольно велико. С.М. Вайнштейн и Н.П. Москаленко выяснили, что у 49 наступило выздоровление или улучшение состояния из 57 опрошенных бывших больных, пациентов

⁴⁹³ Дзенискевич Г.И. Шаман–психотерапевт // Шаман и Вселенная... Цит. изд., с. 55.

⁴⁹⁴ Там же, с. 52.

⁴⁹⁵ Щетько А.П. Шаман — фитотерапевт (на материале индейцев равнин) // Шаман и Вселенная ... Цит. изд., с. 66.

шаманов⁴⁹⁶. Шаманское камлание включает в себя несколько символических блоков. У якутов, например, оно включало два этапа. Первый — «... поимка души у злых духов (шаман ловил душу ртом)». Второй — «... вознесение ее наверх (что говорит о путешествии шамана по трем мирам, где свой особый «язык» поведения)...» Е.Н. Романова интерпретирует это так: «Стадии переходного состояния шамана... можно рассматривать в семиотическом плане как обновление, как его смерть и рождение»⁴⁹⁷.

Надо отметить, что в Сибири, с приходом христианства, жреческие функции утрачиваются, сохраняются в основном функции целительства. Однако кроме целительства, некоторые магические действия оставались. Во всяком случае, Е.Г. Кагаров в 1929 г. описывает шаманский обряд прохождения сквозь отверстие у тунгусов. Он связан и с целительством⁴⁹⁸. Обычно такое прохождение через щель объясняется как символический переход. Одни его рассматривают как переход из болезни в чистое состояние, в передаче скверны стенкам прохода. Но во всех толкованиях этот переход — знак облегчения, очищения. И этот знак очищения используется перед началом охотничьего сезона или в случае неудачи на промысле. Охотник должен его пройти, ибо звери бегут от охотника, боясь нечистоты, приставшей к нему. Обряд таков. Срубают дерево, раскалывают его на две части, оставляя зеленую верхушку. Это дерево вбивают стоймя среди жердочек лиственницы. Убивают оленя и его кровью мажут расщепленное дерево. На следующее утро охотники с ружьями и собаками пролезают через р Кагаров Е. Г. Шаманский обряд прохождения сквозь отверстие // Доклады Академии Наук СССР. — М., 1929, с.190. асщеп. После этого «ножки» расщепленного дерева забрасывают ветвями и листьями. Помимо описанных выше, существуют и другого рода «лазейки», например, деревянный развил в виде циркуля, сделанный из обструганного ствола или изображение дочери духа охоты, между ног которой, изображенных согнутыми в дуги березовыми жердями, должен пролезть охотник.

В магико–мистической практике шаманизма присутствуют значительные сексуально–эротические и агрессивные компоненты. В.И. Харитоновна объясняет это близким расположением «сфер головного мозга, отвечающих за сексуальную деятельность, творчество

⁴⁹⁶ Вайнштейн С.И., Москаленко Н.П. Проблемы тувинского шаманизма: генезис, избранничество, эффективность лечебных камланий, современный ренессанс // Шаманизм и ранние религиозные представления. Цит. изд., с. 69–71.

⁴⁹⁷ Романова Е.Н. Цит. изд., с. 113.

⁴⁹⁸ Кагаров Е. Г. Шаманский обряд прохождения сквозь отверстие // Доклады Академии Наук СССР. — М., 1929, с. 190.

и агрессивные проявления»⁴⁹⁹. Кроме того, при переходе от обычного состояния сознания к необычному его состоянию, характерному для практики камлания, неизбежно повышается возбуждение сексуальных и агрессивных центров, когда происходит выброс скопившейся избыточной психической энергии. Вот почему происходит определенный парадокс в особенностях существования шамана: с одной стороны — преимущественно бесполое существование (см. выше), с другой — повышенная сексуально-эротическая сфера. Но именно эта сексуальная сила, управляемая шаманом, способствует выздоровлению.

Несмотря на поверхностное, очень выборочное описание различных проявлений шаманизма, мы можем сделать предварительные выводы. Шаманизм имеет общие закономерности и знаковые черты с другими эзотерическими представлениями и верованиями — каббалой, религией бон (древнекитайское язычество), митраическим культом, зороастризмом, религией Вед, буддизмом, даосизмом, исламом и т.п.

Сегодня в повседневной жизни мы видим использование техники шаманов. Даже поведение современных детей, обладающих необычными способностями — видеть внутреннее строение человека, восприятие предметов не с помощью зрения, умение двигаться — прыгать, бегать во много раз лучше, чем спортсмены, причем, без соответствующих тренировок — знак живучести техник шаманизма.

В реальной жизни шаманы во многих случаях могут помочь весьма действенно и эффективно. Мой муж перенес множество операций после анаэробной гангрены на ноге. Через несколько лет у него открылась рана. Врачи сказали, что это васкулит и лечится он очень сложно. В этот период из Улан-Удэ приехал сюда мастер, которого знала моя знакомая. Она привела меня к нему. Тот внимательно все расспросил и велел привезти молоко и водку. Конечно, я сразу же согласилась и привезла требуемое. Мастер дал какие-то таблетки растительные и велел их принимать определенным образом. Рана закрылась и врачи говорили: «Это чудо!» Так в наше время современные шаманы могут помочь. Надо просто иметь в виду, что под видом шаманов или других обладателей экстрасенсорных способностей часто встречаются шарлатаны, стремящиеся выкачать деньги из наивных и верящих в чудеса людей. А вот шаманизм — это очень древняя и глубокая практика, хотя владеют ею очень небольшое количество людей. Явление это надо продолжать изучать.

---

⁴⁹⁹ Харитоновна В.И. Сексуально-эротический элемент в магики-мистической практике // Шаманизм и ранние религиозные представления... Цит. изд., с. 230.

Эзотерика игры в мяч в древней Мезоамерике

(Опубликовано в соавторстве с Ф.Б. Дараганом: Герменевтика игры: поиски смысла в философии, теории культуры, музыкальной эстетике. Сб. статей — СПб., 2014, 465 с., с. 227–234)

«Игра — это культура, осознавшая свою глубинную эстетическую сущность и сознательно культивирующая эстетический опыт бытия в мире»⁵⁰⁰

Все мы знаем, какое большое значение приобрел футбол в наше время в жизни людей⁵⁰¹. Однако эта игра возникла задолго до ее современного распространения на территории Мезоамерики. И выполняла совсем иные функции в обществе. Она занимала особое место в культуре многих индейских народов — от Патагонии до Великих озер. Эта игра была распространена у горных племен майя–киче, у племен, живших в низменности, например, майя–кекчи, у тотонаков, ольмеков, тольтеков, народов побережья Мексиканского залива, горной Гватемалы. В эпосе майя–киче «Пополь–Вух», занимающем более 8500 страниц, эта игра описывается как элемент сакрального пространства. И действительно, игра эта носила в жизни индейцев сакральное значение. Она выполняла разного рода функции: инициационную, поминальную (в честь владык, царей). Была она связана с охотничьим культом. Игра в мяч была также развлечением для элиты.

Зародилась игра в мяч на территории мексиканского штата Веракрус около X в. до н.э. В этом районе было много деревьев, дававших каучук, из которого изготавливались мячи весом около 3 кг. У майя эта игра носила название «пок–та–пок». У ацтеков эта игра называлась «тлачтли». Вскоре эта игра получила распространение по всей территории Мезоамерики, а затем достигла араваков на Виргинских островах, Пуэрто–Рико и территории Доминиканской республики.

---

⁵⁰⁰ Бычков В.В. Художественный апокалипсис культуры: строматы XX века: в 2 кн. — М.: Культурная революция, 2008. — Кн. 2 — с. 544.

⁵⁰¹ Махлина С.Т. Словарь по семиотике культуры. — СПб., 2009, с. 535–548.

В игре участвовали две команды игроков. Необходимо было попасть мячом в поле противника. Но при этом нельзя было касаться мяча ни руками, ни ногами. Действовали коленями, локтями, бедрами. Так как мяч был увесистым, то эти места защищались кожаными наколенниками, поясами из кожи и дерева (обычно спереди они были снабжены резной деревянной фигурой). Кроме того, игроки снабжались перчатками, полушлемами. И все же игроки часто получали травмы и увечья. Игра эта имела эзотерический характер. Как писал Р.В. Кинжалов, «здание стадиона символизирует собой вселенную, мяч — светило: солнце или луну. У ацтеков небо рассматривалось как такой же стадион, где божества играют звездами как мячом...»⁵⁰².

В мифе майя–киче о героях–близнецах повествуется о том, что они вызвали гнев богов смерти владык преисподней Шибальбы, играя на дороге над их головами в мяч. Сама Шибальба — горная глубокая пещера, в которой находятся Дома испытаний. Игра в мяч над ней раздражала ее владык. Поэтому боги вызвали героев–близнецов на соревнование, пригласив спуститься под землю. Братья–близнецы прячут свое снаряжение для игры в мяч (сам «мяч, пояс–валик в форме ярма, протекторы для бедер и колен из толстой кожи, шлем и перчатки»⁵⁰³) и спускаются к владыкам преисподней. Там ночью они подвергаются разного рода испытаниям в специально для этого предназначенных домах, а днем играют с богами в мяч и, конечно же, боги их побеждают и убивают. Однако следующая пара близнецов обнаруживает снаряжение своих отца и дяди, в конечном итоге побеждают владык Шибальбы и превращаются в Солнце и Луну⁵⁰⁴.

Любопытно, что спускаются в «Шибальбу по холодной лестнице» с «очень крутыми ступенями» (т.е. по горному склону) на дно глубокого и узкого ущелья»⁵⁰⁵. У разных народов Мезоамерики существуют

⁵⁰² Кинжалов Р.В. Об одном игровом ритуале Месоамерики // Игра и игровое начало в культуре народов мира. — СПб., 2005, с. 15.

⁵⁰³ Бородатова А.А. Игра в мяч как путь в пещеру предков (К вопросу о семиотике ритуальной игры в мяч в Мезоамерике) // История и семиотика индейских культур Америки. М., 2002, с. 138.

⁵⁰⁴ Кнорозов Ю.В. Имена богов в рукописях майя // История и семиотика индейских культур Америки. Цит. изд., с. 23–97; Березкин Ю.Е. Мифология индейцев Латинской Америки и древнейшие фольклорные провинции (Анализ одного мифологического сюжета) // Фольклор и историческая этнография. М., 1983; Березкин Ю.Е. Мифы южноамериканских индейцев на сюжет обряда инициации // Фольклор и этнография: У истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984, с. 10–12.

⁵⁰⁵ Бородатова А.А. Игра в мяч... Цит. изд., с. 133.

вариации этого мифа, однако игра в мяч присутствует у многих из них. Это игровое противоборство моделировало дуально организованное общество⁵⁰⁶. Именно такие представления получили отражение на облике самого места для игры в мяч, на формах стадиона.

Стадионы представляли собой прямоугольные площадки, ориентированные на восток. Сначала их ограничивали двумя параллельно идущими стенами. На их вершине располагались площадки для зрителей. На внутренних сторонах этих стен, имевших скосы, укреплялись каменные изваяния. Само поле делилось на три зоны. В каждой зоне находились маркеры, представлявшие собой специальные плиты, на которых находились рельефные изображения.

Стадион представлял собой модель мировой пещеры. Именно дорога в иной мир ассоциировалась у майя с ритуальными пещерами, дверями в храм и родовым каналом, т.е. как священное перерождение⁵⁰⁷. Площадка для игры ограничивалась параллельными платформами. Стадион строился на дне гигантского колодца. Так выглядела главная площадь города, которую окружали со всех сторон храмами на пирамидах. Каждый элемент стадиона воспроизводил модель знаково организованной Вселенной. Через центр поля проходила вертикальная ось мира. Она репрезентировала ствол мирового дерева. Важное значение приобретал символ Змея. В концепции игры главной была идея пути, в первую очередь, пути в страну предков. Так, у ольмек в конце II тыс. до н.э. на побережье залива стадион представлял собой вытянутую площадь, ориентированную строго на север. Узкое игровое поле располагалось между двумя ступенчатыми платформами, что напоминало проход по дну ущелья, который вел к пещере. Такие же ассоциации вызывает стадион в Сан-Хосе в Белизе (ширина — 1 м, длина — 17 м) или в Сан-Антонио на Грихальве (ширина — 2,5 м, длина — 34 м). К стадиону ведут ступени. Число их различно. Но чаще всего их 6. И это не случайно. Так, в виде 6 ступеней представлены фасады Храма Кецалькоатля в Теотиуакане. У ольмек в их мифологии 6 карликов богини Луны, у майя — 6 богов, 6 демонов пещеры, 6 держателей неба, 6 струй крови, бьющей из тела игрока, у которого отрублена голова.

На стадионе устанавливались каменные маркеры — цели для удара мяча. Они вмуровывались у верхних ступеней платформ стадиона. Нередко они имели круглую форму, ассоциируясь с головой героя.

⁵⁰⁶ Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. — М., 1964.

⁵⁰⁷ Русс Альберто. Народ майя. — М., 1986, с. 255, 184.

Кроме того, использовались маркеры в виде деревянных столбов с диском на вершине.

Целью игры было проникновение внутрь пещеры. Игроки стремились прогнать мяч через кольцо. На открытых стадионах стремились попасть мячом в маркеры на стенах таким образом, чтобы мяч, отскочив, попал на середину поля. Таким образом центр стадиона, диск на столбе отождествлялись с входом в пещеру. Попав мячом в цель, игрок исполнял танец и гимн, приносил обязательную жертву. Проход мяча через кольцо ассоциировался как проход в пещеру. Тем самым устанавливалась связь с божеством, которому посвящалась игра на стадионе. Кольцо же ассоциировалось с вульвой и молодой богиней цветов Шочи-кецал (поздний вариант богини Луны). Таким образом, этот момент прохождения мяча через кольцо воспринимался как акт плотской любви.

Во время игры существовал ритуал обезглавливания игроков и культ голов–фетишей. Особенно ярко это проявилось у ольмеков, для цивилизации которых характерны гигантские, трехметровой высоты базальтовые мужские головы в игровых шлемах. Считается, что это портреты ольмекских вождей — капитанов команд, которых приносили в жертву. Они становились символом мяча–плода, служа залогом обильного урожая.

Жертвоприношение проводилось в центре стадиона. Это место отмечалось на стадионе лункой, кругом или плитой. Капитан команды победительницы обезглавливал или вырывал сердце у капитана проигравшей команды. Такие изображения довольно часто встречаются на рельефах стадионов, в связанных с ними храмах, на сосудах. Однако на самом деле в каждой команде для жертвоприношения был приготовлен посланник–пленник, добытый в военном походе, или раб, которого специально покупали для этой цели.

Главный атрибут игры — мяч. Выполняли такой мяч из каучука. На нем делались разного рода надписи, символы, наносились числа и даты. Символика этих чисел и дат до сих пор не выяснена. Некоторые считают, что числа эти связаны с числом выигранных очков. Вместе с тем эти числа обозначают количество засеянных полей, которые жаловали тому или иному храму. Л. Шиле и Н. Грюбе связывают эти числа с числом ступеней стадиона⁵⁰⁸. При этом наиболее часто встречается цифра «9», что говорит о ее значимости. На стадионе в Тенам–Росарио в Чьяпасе как раз находится 9 круглых маркеров. Возможно, это число

⁵⁰⁸ Schele L., Grube N. Six–Staired Ballcourts // Copan Note. 1990.#83, p. 44, 48.

ассоциировалось с девятью сферами преисподней, девятью «темными домами» Луны, с 9 периодами по 91 день каждый. Как показал Э. Томпсон⁵⁰⁹, 91 день — расстояние между равноденствующими и солнцестояниями в году, когда очищаемый призрак в Шибальбе проходил каждую из 9 ее сфер. У науа призраки умерших также проходили путь очищения и реинкарнацию через 9 сфер преисподней–пещеры.

Мяч воплощал душу–семя, призванную оплодотворить женщину. Представлял мяч также символ зрелого плода. Но главное — он был воплощением готовой к реинкарнации души умершего. Мяч ассоциировался также с душой живого человека. Ибо в живом человеке важным элементом была кровь. А каучук воспринимался как «кровь» дерева–каучуконоса. Кроме того, прыгучесть мяча из каучука символизировала ветер, приносящий дождь. А удары мяча, как и топот и прыжки играющих на поле были подобны раскатам грома, вызывающего дождь. Итак, вызывание дождя — важная эзотерическая символика игры в мяч. Не случайно поэтому перед севом многие индейские племена мезоамериканцев играли в мяч. Как убедительно пишет А.А. Бородатова, «мяч — воплощенная душа–кровь, символический эквивалент жертвенного сердца и отрубленной головы, служил объектом культа, использовался в игре и сжигался на алтарях: огонь освобождал душу... и она улетала с посланием к богам»⁵¹⁰.

Мяч также символизировал в мифе киче отрубленную голову героя, которую боги в Шибальбе вешают на бесплодное дерево, которое превращается в плодоносящее. Сама же голова превращается в плод, от слюны/капель белого сока/семени беременеет проходящая мимо девушка.

Игроки за спиной носят трофейные головы. Игровой пояс спереди украшен фигурными протекторами в виде отрубленных голов и черепов, тела игроков раскрашены в цвета войны, волосы уложены так, как идут в бой — торчат дыбом, в руках круглые диски–маркеры из перьев подобны военным знаменам.

Игра мыслилась как военный танец. Вместе с тем игра воспринималась и как жертвенный танец–очищение.

Одна из важных функций этой игры — обряд инициации. Как пишет А.А. Бородатова, эту игру можно интерпретировать как «своего рода иници-

⁵⁰⁹ Thompson J.E. Maya ball–game pok–ta–pok called tlathtli by the Aztecs // Middle American papers, Tulane Univ., New Orleans. 1932, p. 492, 495, 497.

⁵¹⁰ Бородатова А.А. Игра в мяч... Цит. изд., с. 147.

ционную мистерию... главная часть которой воспроизводила спуск героев в преисподнюю, их игру в мяч с антагонистами, которых представляла команда фратрии—соперницы...»⁵¹¹, когда после смерти герои становились мужчинами, «рождались во второй раз», обретая новый облик.

Этот обряд инициации включал в себя обязательное кровопролитие. Ю.В. Кнорозов сопоставил эту инициацию с поздним ритуалом на Юкатане в XVI веке на празднике Па—кум Чак, когда знатные мужчины и жрецы нанизывали участников на одну веревку через проколы в пенисах⁵¹².

Игра эта была связана также с охотничьим культом. Игроки носили маски зверей, олицетворяя охотников на тотемных зверей, как правило, на тотемного оленя, хозяина зверей в мифах майя.

Связана эта игра была и с поминальным культом. Именно дни поминовения отмечались торжественной игрой в мяч. Нередко поминальные обряды связывались с богиней Луны, взаимодействуя с обрядом инициации: «Луна универсально связывается с зачатием и развитием плодов живой природы... в ее лоне—пещере... очищались и реинкарнировались души, совершалось «второе рождение иницируемых подростков»⁵¹³. Майя устраивали торжественные игры в день возвращения из преисподней на землю готовых к реинкарнации душ, становясь оформлением перехода души в новое состояние ее возрождения. При этом во время таких пиров, сопровождавших игру в мяч, принимались наркотики, вводимые, как правило, с помощью клизмы. Такой наркотический транс позволял освобожденным душам участников обряда общаться с душой умершего, от которого можно было получить указания на будущее, разного рода советы.

Правда, в зависимости от мифологии, разные племена проводили игры в мяч в разное время: «ирокезы играли в мяч во время шести ежегодных праздников лунного календаря, а индейцы в низменностях Колумбии — по полнолуниям в начале сезонов года (лунных полугодов), когда в лесах созревали плоды; игроков уитото называли «людьми Луны» и считали, что игра в мяч способствует плодовитости женщин, животных и растений»⁵¹⁴.

В то же время игра эта была «важной частью жизни элиты, престижным, аристократическим занятием, главным спортивным состяза-

⁵¹¹ Там же, с. 140.

⁵¹² Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: 365—дневный год // С. Э., 1973, № 1, с. 71—76.

⁵¹³ Бордатова А.А. Игра в мяч... Цит. изд., с. 144.

⁵¹⁴ Там же.

нием, любимым развлечением знати (в эпосе также подчеркивается, что игра — привилегия богов и аристократов)»⁵¹⁵.

Интересную интерпретацию игры в мяч дает Джон Мейджор Дженкинс⁵¹⁶. В одной из групп исапских монументов, известной как поле для игры в мяч, галактическое выравнивание 2012 года увязано с мистической игрой, в которой заложен духовный урок. Астрономия, пророчество и духовное учение сплетены здесь в единой целое. Дженкинс увязывает игру в мяч с пророчеством о 2012 годе, называя ее «ядром» этих пророчеств. Важно понимать, как игра в мяч символизирует галактическое выравнивание. Если обратиться к общепризнанным символическим соответствиям между астрономией и иконографией этой игры, то с полной уверенностью можно сказать: поле — это эмблема Млечного пути, мяч — отсеченная голова бога Хун–Хун–Ахпу (синоним Тецкатлипоки у древних индейцев Исапы), то есть Солнце во время декабрьского солнцестояния, в которое нужно забросить мяч. Таким образом, мяч, попадающий в сакральное отверстие, — это «Темный провал» в Млечном Пути. Игроки участвуют в игре с мячом — священном ритуале, описанном в сакральной книге «Пополь–Вух» — мифе о сотворении мира. Мяч попадает в кольцо и Солнце исчезает в «Темном провале» — временной цикл завершается. Когда во время декабрьского солнцестояния 2012 года солнце будет на одной линии с «Темным провалом» в центре галактики, по мнению индейцев, мир возродится. Это действительно редчайшее астрономическое выравнивание, которое происходит один раз в 26 000 лет⁵¹⁷. Как пишет Дженкинс: «В этот момент старой эпохе заблуждений и обманов приходит конец, и на переднем плане оказывается обновленное сознание, преображенное светом высшей истины»⁵¹⁸. Исапские монументы, расположенные на поле для игры в мяч, содержат универсальное послание об этой мистической игре, которое было дано исапским астрономам как откровение из высшего источника. Послание следует осмыслять через ориентацию поля для игры в мяч к той стороне горизонта, где во время декабрьского солнцестояния восходит солнце, через роль восседающего на троне шамана, через подлинный смысл жертвоприношения, энергетическую динамику окончания эры (или начало новой эры) и отношения между

⁵¹⁵ Бородатова А.А. Игра в мяч... Цит. изд., с. 141.

⁵¹⁶ Дженкинс Дж.М. Первоисточник откровения о 2012 годе // 2012: окно возможностей. — М., 2010, с. 80–81.

⁵¹⁷ Клоус Питер. Космология, краткое введение. — М., 1986, с. 184.

⁵¹⁸ Дженкинс Дж. М. Цит. изд., с. 81.

человеческим эго и его божественным «Я». Действительно, древние астрономы индейских племен сумели заметить и просчитать будущую конвергенцию Солнца и Галактики, предсказав, что она случится в 2012 году, привязав к ней свой календарь и свою космологию с этой «конечной датой». Послание, содержащееся в монументах Исапы, дает нам необходимые ориентиры в виде трех методов. Первый — разновидность тантрического учения, угадывающегося в осмыслении выравнивания как союза космического отца и космической матери, где отец — Солнце, мать — Галактика. Второй — в виде шаманского целительства священными растениями и дыхательной медитации, помогающего вернуть и исцелить душу. залогом эффективности методов является жертвоприношение: способность уступать, открывающееся ключом смирения и сострадания.

Как видим, игра в мяч — отнюдь не была игрой для индейцев, а была действием, нагруженным множеством эзотерических смыслов.

Риторика тела индейцев Калифорнии

(Опубликовано: Семиотика культуры & искусства // Материалы международной научно–практической конференции «Семиотика культуры и искусства» — Краснодар, 2–6 ноября 2007 г. Т. 1., с. 77–82).

Обычно, когда говорят о риторике, в первую очередь имеют в виду красноречие, приемы и правила убеждения. И это верно, ибо первоначально риторика и была наукой именно о красноречии. Широко такая риторика была распространена в античности. Но на современном этапе существуют несколько независимых друг от друга теорий риторики, включающих науку о социально–символизирующей деятельности, науку о средствах аргументации, науку, связанную с герменевтикой. Наконец риторика — семиотический анализ исследования. Именно семиотическому анализу телесной кодировки и посвящена данная работа.

Семиотика — наука о свойствах знаков и знаковых системах⁵¹⁹. Возникла эта наука на рубеже XIX XX вв. в недрах лингвистики, но методология семиотики обогащает многие области исследования, в том числе и этнографические.

Знак — материальный, чувственно воспринимаемый объект, который символически, условно представляет обозначаемый им предмет, явление, действие или событие, свойство, связь и их отношения друг к другу. Он сигнализирует о предмете, явлении, свойстве и т.п., которое им обозначается. Наиболее полно и точно определение знака дал Л.О. Резников: «Знак есть материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), выступающий в процессе познания и общения в качестве представителя (заместителя) другого предмета (предметов) и используемый для получения, хранения, преобразования и передачи информации о нем»⁵²⁰.

Знаки образуют знаковые системы, языки, при помощи которых люди общаются, обмениваются мыслями, регистрируют и закрепляют

---

⁵¹⁹ См. подробнее об этом: Махлина С.Т. Семиотика культуры и искусства. Словарь–справочник в двух книгах. — СПб., 2003. Кн.2., с. 125–126.

⁵²⁰ Резников Л.О. Гносеологические проблемы семиотики. — Л., 1964, с. 9.

результаты мышления, систему норм, в соответствии с которыми происходит осмысление некоторых, специально для этого создаваемых носителей информации. В отличие от языка, системы знаков, знаковые конструкции представляют собой сложные образования, сочетая знаки одной языковой системы в некую сложную структуру. Именно к таким конструкциям и относятся знаки, определяющие риторику, семиотику тела.

Следует, однако, помнить, что семиотика тела в первую очередь связана с невербальной семиотикой, включающей в себя отдельные дисциплины, тесно связанные между собой. Это паралингвистика, изучающая звуковые коды невербальной коммуникации. Это кинесика — наука о жестах и жестовых движениях, жестовых процессах и жестовых системах. Они относятся к основным для невербальной семиотики. Кроме того, невербальную семиотику изучает окулесика — наука о языке глаз и визуальном поведении людей во время общения. Аускультуация — наука о слуховом восприятии звуков в аудиальном поведении людей в процессе коммуникации. В невербальную семиотику входят также такие науки, как гаптика — наука о языке касаний и тактильной коммуникации. Изучением невербальной семиотики занимается также гастика — наука о знаковых и коммуникативных функциях пищи и напитков, о приеме пищи, о культурных и коммуникативных снадобий и угощений. В круг наук невербальной семиотики входят также ольфакция, проксемика, хронемика. Ольфакция — наука о языке запахов, смыслов, передаваемых с их помощью и их роль в коммуникации. Проксемика — наука о пространстве коммуникации, его структуре и функциях, хронемика — наука о времени коммуникации, его структурных, семиотических и культурных функциях.

Понятно, что, говоря о риторике тела, не все перечисленные науки невербальной семиотики связаны с ее анализом.

В первую очередь на риторику тела влияет гастика. Понятно, что географические, климатические, природные условия влияют на круг продуктов, потребляемых людьми. И в разных ареалах они оказываются разными. Вот как описывал Ф.Ф. Матюшкин особенности использования растений, которые употребляли индейцы. «Когда совершенно смеркалось, имели мы весьма забавное зрелище: некоторое пространство земли поблизости селения было все в огне. Живущие в этих местах индейцы питаются некоторого рода дикими растениями, похожими на рожь, которая поселенцами нашими называется рожцею. Собравши

сию рожу, сжигают они обыкновенно всю оставшуюся траву; от сего рожу на следующий год бывает крупнее и вкуснее»⁵²¹. Помимо этой рожу, исследователи указывают, что индейцы употребляли в пищу дикий виноград. Высушенный на солнце, он составлял основную пищу индейцев зимой. Но основной растительной пищей индейцев были желуди. Работу по растиранию желудей исполняли обычно старые женщины, ибо эта работа была монотонной и трудной. При этом они громко пели, чтобы отпугивать злых духов с гор. Приготавливались желуди особым способом. Вот как это описывал П. Костромитинов: «Желуди, большие запасы которых собирают индейцы, являются их основной пищей. Способ приготовления следующий: после того как желуди собраны с дерева, их сушат на солнце, затем очищают и толкут в корзинах с помощью специально отесанных для этого камней. Затем в песке или где-нибудь в рыхлой земле выкапывают яму, желуди насыпают в нее и заливают водой, которую впитывает земля. Это промывание повторяется до тех пор, пока желуди не потеряют свойственную им горечь; после изъятия из ямы их варят в котлах, в которые бросают раскаленные камни. Если же хотят из них приготовить лепешки или своего рода хлеб, желуди толкут более крупно, и после того, как из них удалили горечь, их на некоторое время оставляют в ямах. Так получают своего рода тесто, которое нарезают кусками или в виде лепешек, заворачивают в широкие листья и пекут на углях. Этот хлеб всегда выглядит черным»⁵²².

Такую лепешку привез из Калифорнии И.Г. Вознесенский, собравший этнографические предметы, входящие в состав коллекции МАЭ, среди которых выделяются предметы охоты, культа, одежда и украшения.

Лепешка, привезенная И.Г. Вознесенским, имеет красноватый оттенок. При ее изготовлении в тесто добавляли не только золу, которая использовалась вместо соли, но и съедобные корни, ягоды, листья, орехи, что делало их довольно приятными на вкус. По свидетельству Ф.П. Литке, «...пища же их состоит только в дубовых желудях и рожу, а летом — что даст море. Первые они жгут, подобно как мы кофе, толкут, потом мешают с водой и согревают. Сия сладкая каша составляет главную их пищу. Место кастрюль заступают

⁵²¹ Матюшкин Ф.Ф. Журнал кругосветного плавания на шлюпке «Камчатка» // Шур Л.А. К берегам Нового света. — М., 1971, с. 136.

⁵²² Kostromitinov P.S. Bemerkungen uber die Indianer in Ober-Kalifornia // Wrangell F. Statistische und ethnographische nachrichten uber die Russischen Besitzungen an der Nordwestkuste von Amerika. St.petersburg, 1839, s. 83–86.

тростниковые или травяные корзины, в которые бросают раскаленные камни. Между ними корзинами и ртом своим не имеют они другого посредника, кроме пальцев, которые они макают в кашу, потом облизывают и таким образом утоляют свой голод. Хотя сей образ еды и не способен возбуждать в других аппетит, однако же я решился отведать и нашел, что сие кушанье есть не что иное, как горькая, довольно неприятная смесь... Кроме сего едят они всякие раковины и рыбу, но сей последней мало... Все приготовление состояло в том, чтобы их зарыть в горячую золу и, подержав немного, есть со всем: с кожей и с оставшейся на ней золою»⁵²³. Варили каши также из растертых каштанов. Использовали в еду также и траву, вкус которой, по мнению П. Костромитинова, «имеет некоторое сходство с подгорелой, высушенной овсяной мукой»⁵²⁴. В круг съестных продуктов входило также мясо (в первую очередь оленина, тушки птиц, реже — мясо морских млекопитающих), которое добывали взрослые мужчины. Знаком взрослого мужчины, способного охотиться, обязательно были лук и стрелы.

Таким образом, мы переходим от гастики непосредственно к семиотике тела. Ибо семиотика еды во многом определяет риторику тела — в первую очередь татуировку. Она наносилась индейкам на подбородок, в углах рта, на плечи. До сих пор в Сан-Франциско встречаются пожилые женщины, которым в молодости во время инициаций наносили татуировки. Нанесение полос на подбородке связано было с тотемной символикой. Любое отверстие в теле человека должно было быть защищено от воздействия злых сил и должно было изображать духа-покровителя. Изображение это делалось с разной степенью стилизации. Особенно важным представлялся рот, через который в организм проникала пища. Ф.П. Литке так описывал их татуировку: «...Некоторые из мужчин имели на груди насечку (tatouge) прямыми линиями и зигзагами, проведенными от одного плеча к другому; также мочки в ушах были проткнуты, а в отверстия были вставлены небольшие кусочки прозрачной части пера; женщины же не имели вовсе никаких украшений»⁵²⁵. У некоторых индейцев в ушах были серьги, сделанные из костей журавля. Церемониальная раскраска была более

⁵²³ Литке Ф.П. Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпке «Камчатка» // Шур Л.А. К берегам Нового света. — М., 1971, с. 154.

⁵²⁴ Kostromitinov P.S. Bemerkungen... S. 85.

⁵²⁵ Литке Ф.П. Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпке «Камчатка» // Шур Л.А. К берегам Нового света. — М., 1971, с. 160–161.

многообразной: «В то время как один был занят украшением груди, живота, бедер, другой раскрашивал его спину различными фигурами. Некоторые покрывали все обнаженное тело пушинками, за счет чего такой человек имел вид скорее обезьяноподобного животного, чем человека... Женщины между тем убирали себя в хижинах; все они одеты, как этого требуют приличие и нравственность, раскрашивают себе только лицо и шею, которую стараются по-своему украсить также предметами из раковин, перьев, кораллов и т.п.»⁵²⁶. В церемониальных ситуациях раскраска тела приобретают дополнительную смысловую нагруженность. Л. Хорис сообщал: «...По воскресеньям в миссиях был праздник... После службы индейцы отправлялись на кладбище и там исполняли военный танец с копьями. Они были расписаны черной, белой и красной красками, украшены перьями и булавками из птичьих перьев в волосах»⁵²⁷. В другом месте он подчеркивает разнообразие применяемых знаков кодировки тела: Так, в похоронных обрядах в момент погребения родственника, они обязательно расписывали лицо и тело черной и белой красками, что было проявлением траура⁵²⁸.

Следуя Ч. Пирсу, знаки классифицируются по трем типам: знаки-изображения (*icon*), знаки признаки (*index*) и условные знаки (*symbol*). Такая классификация основана на соотношении с денотатом — предметом или явлением, который кодируется этими знаками.

Знак-изображение воспроизводит в своей материальной структуре структуру денотата — предмета или объекта, который они обозначают. Такое воспроизведение основано на принципе подобия, сходства с отображаемым предметом или явлением. Однако степень сходства может быть различной. Она может быть полной, тождественной обозначаемому, но может быть очень условной. Важно при этом, чтобы обозначаемый предмет можно было узнать. Понятно, что узнать можно лишь то, с чем заранее был знаком. Поэтому многие знаки-изображения, легко декодируемые одним этносом, могут представлять как совершенно далекие для других народов, ибо отражаемые предметы или явления могут оказаться для них совершенно неизвестными. Вот почему наиболее легко декодируемые знаки-изображения

⁵²⁶ Langsdorff G. I. Bemerkungen auf einer Reife um die Welt den Jahren in 1803–1807. Frankfurt–am–Main, 1812. Bd. 2. S. 24. Tabl. XII.

⁵²⁷ Mahr A.G. The Visit of the «Rurik» to San Francisco in 1816 // Stanford University Publications. University Series. 1932. Vol. 2 N 2. P. 327.

⁵²⁸ Ibid. P. 359.

могут быть и не расшифрованы «чужаком» и представлять как условные, конвенциональные⁵²⁹.

Знаки–признаки для обозначения кодируемого объекта дают часть от целого, или его причину или следствие (дым— знак огня, чайка — знак моря и т.п.). Признаками могут быть всевозможные средства выражения эмоций — жесты, мимика, речевые интонации. Они возникают как природные, естественные, но часто в коммуникационных целях они имитируются. При этом они становятся искусственными, нередко отходя от своего прототипа⁵³⁰. Само название условных знаков говорит об их конвенциональности, договоренности, что какие–то определенные обозначения, принятые в том или ином сообществе символизируют какие–то отвлеченные понятия: крест — символ христианства, шестиконечная звезда — знак иудейства и т.п. Использование и понимание таких знаков ограничено обязательным условием — предварительным знанием его значения. «Произвольность знаковых систем по отношению к денотатам имеет принципиальное значение для многих знаковых систем, придавая связи знаков и обозначаемых предметов условный характер в том смысле, что одна и та же предметная область может обозначаться различными системами знаков»⁵³¹. Вместе с тем произвольность условных знаков по отношению к оригиналу не означает полной произвольности их выбора. Несмотря на то, что связь условных знаков не имеет объективных оснований, так как здесь не обязательны ни сходство знака и предмета (как в знаках–изображениях), ни их соотнесенность по принципу смежности или каузальности (как в знаке–признаке), важен все же принцип «договоренности» между людьми о его значении. И в риторике тела мы видим множество таких именно знаков, наряду со знаками–изображениями и знаками–признаками.

При охоте «индейцы в маскировочном костюме из шкуры оленя с рогами охотились в густой траве на оленей. Они близко подходили к животным и убивали их из лука стрелами»⁵³². Еще полнее описал индейский маскировочный костюм В.М. Головнин: «Из животных,

⁵²⁹ Махлина С.Т. Семиотика культуры и искусства. Словарь–справочник. — Цит. изд. Кн. 1, с. 100–102.

⁵³⁰ Махлина С.Т. Семиотика культуры и искусства. Словарь–справочник. — Цит. изд. Кн. 1, с. 134–135.

⁵³¹ Резников Л.О. Цит. изд., с. 250.

⁵³² Langsdorff G.I. *Vouages and travels in various parts of the World during the Years 1803–1807*. L., 1813. P. 197.

кроме рыбы и раковин, чаще всего добывают они диких оленей, ибо способ их убивать весьма легок и прост. Индеец привязывает к своей голове голову оленя и покрывается оленьей кожей. В таком одеянии подкрадывается он к стаду сих животных, которым в движениях и прыжках народ сей весьма искусно умеет подражать. Будучи же в стаде, ему нетрудно стрелами убить столько оленей, сколько хочет»⁵³³. Такое внешнее подражание поведению животных отметил и О.Е. Коцебу. «Они (индейцы — С.М.) привязывают к своим головам рога убитых животных, покрываются оленьими шкурами и, став на четвереньки, подкрадываются по высокой траве к стаду, точно подражая тем движениям, которые делает олень, поедая траву. Олень до тех пор продолжает принимать охотников за себе подобных, пока не начнут свистеть стрелы и не появятся первые жертвы»⁵³⁴. Такое подражание, изображение, имитацию поведения животных отмечает во время охоты и Лангсдорф: «Индейцы обладают искусством в высокой траве пастбищ подражать боязливому озиранию и естественной робости движений животных. Это позволяет им приблизиться к оленям с луком и стрелами на расстояние нескольких шагов и убить одного—другого так, что стоящие рядом звери ничего не замечают и не чувствуют угрожающей им опасности»⁵³⁵. Как нетрудно понять, наяву использование знаков—изображений не только в охотничьем костюме, но и в кинесике и проксемике.

Особое место в охотничьем костюме занимает головной убор. Часто уборы, использовавшие высушенную голову оленя, прикреплявшуюся на деревянный ободок, с деревянными рогами и воткнутыми в уши орлиными перьями, использовались не только для охоты, но и для исполнения обрядовых охотничьих плясок.

Цивилизация индейцев была связана с поклонением птицам. Птица рассматривалась как связующее звено между людьми и обитающими не небе духами — хозяевами природы. Основными среди них были кондор и красноголовый дятел, символизировавший культ бога Громовника. Перья птиц кондора, убитого во время церемоний, использовали для перьевых регалий. Из перьев красноголового дятла делались ритуальные атрибуты. Скальпы птиц шли на украшения деревянных длинных шпилек для волос, пояса. Из перьев делали

⁵³³ Головнин В.М. Сочинения. С. 360.

⁵³⁴ Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1981. С. 225.

⁵³⁵ Langsdorff G.I. Bemerkungen auf einer Reife um die Welt den Jahren in 1803—1807. Frankfurt—am—Main, 1812. Bd. 2. S. 27.

налобные ленты. Об этих налобных повязках из перьев дятла, на изготовление которых шли только хвостовые рулевые перья птицы, натуралист Г.И. Лангсдорф писал: «Прекрасные головные уборы сделаны из 2 срезанных хвостовых перьев златокрылого дятла (*Picus auratus*), который имеет богатый цвет раскраски. Перья с выстриженной опушкой были уложены рядом друг с другом и прошиты бечевкой. Выглядели изделия очень эффектно... Другой убор для танцев — из перьев грифа-индейки (*Vultus aureal*)»⁵³⁶.

Понятно, что в данном случае перья птицы мы можем идентифицировать как индексы — знаки-признаки, означающие через часть целое — перья символизируют почитаемых птиц.

Индеанки использовали шкуры морских бобров, каланов, кроликов для изготовления одежды. Из разрезанных на полоски выделанных шкур плели одеяла, которые использовались как зимняя одежда. Они накидывались на плечи в особо холодное время года. Женские передники шили из цельной шкуры бобра или калана. Но такой передник могла носить только та, которая прошла обряд инициации, т.е. девочка, достигшая половой зрелости. Такой передник родители дарили девочке, что означало ее переход во взрослость. Использовали шкуры животных и мужчины. «В зимнее время мужчины накидывали на плечи одеяла из шкур волка, оленя, кролика»⁵³⁷. Повседневный костюм, как правило, дополнялся головным убором, который имел знаковые отличия. Начальники носили головной убор с перьями (птицепоклонники), женщины носили простой убор из тростника. Женщины также носили ожерелья из маленьких раковин в Новой Калифорнии и жемчужные в Старой Калифорнии. Мужчины прокалывали ноздри и носили в них украшения. Как писал К.Т. Хлебников, мужчины также «вышивают тело и пятнают, чтоб вдыхать страх в своих неприятелей»⁵³⁸. Ритуальный костюм отличался от повседневного. В него входило большое количество украшений из перьев разных птиц, призванное символизировать особенности этих знаковых «посредников между человеком и небесными силами»: уборы, повязки, накидки, передники. Налицо и тут использование разного типа знаков. Дополнялся ритуальный костюм также раскраской тела, украшениями из бисера, ожерельями из раковинных бус и перламутровыми кулонами. В период инициации

⁵³⁶ Langsdorff G.I. *Voyages and travels in various parts of the World during the Years 1803–1807*. L., 1813. P. 166.

⁵³⁷ Головин В.М. *Сочинения*. С. 360.

⁵³⁸ Хлебников К.Т. *Записки о Калифорнии // Сын отечества*. 1829. Т. 8. С. 466.

мальчиков члены тайных мужских союзов изображали покровителя обряда — ворона, священную птицу Куксу. Такой костюм состоял из перьев ворона и покрывал полностью тело и голову, представляя собой своего рода плащ.

Помимо денотативного плана выражения, в семиотике широко применяется коннотативный план выражения. Коннотативные означающие принадлежат денотативному плану языка, но они не всегда совпадают с означающими единицами денотативной системы. Как правило, они включают в себя «вторичные смысловые эффекты»⁵³⁹. Если сами перья представляют собой знаки–признаки (перья как знак птицы), то коннотативный уровень представляет собой уже более обобщенный символ — священного покровителя Куксу.

---

⁵³⁹ Махлина С.Т. Семиотика культуры и искусства. Словарь–справочник. Цит. изд., Кн. 1, с. 248.

Масонские символы в русской культуре XVIII века

(Опубликовано в соавторстве с М.А. Карвелисом: Россия и гнозис. Труды Международной научной конференции «Судьбы религиозно–философских исканий Николая Новикова и его круга» в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино 15–17.10.2012. Т. II, — СПб.: Издательство РХГА, 2015. — 432 с., с. 362–375)

Масонство зародилось в среде средневековых вольных каменщиков в Европе. Зародились их представления среди архитекторов. Будущие архитекторы проходили сложную систему обучения. Сначала они знакомились с основами геометрии. Обучались либо в грамматических школах при монастырях, либо в школах при городских церквях (16, стр. 31). Здесь серьезно изучали латынь. Кроме того, существовал обязательный уровень познания «свободных искусств». Он назывался тривиум (грамматика, логика, риторика) (27, стр. 31). После окончания первой ступени обучения, надо было перейти для дальнейшего обучения в так называемые генеральные, главные школы, также находившиеся при монастырях и соборах. Здесь уже изучали круг предметов свободных искусств, который назывался квадривиум (математика, геометрия, астрономия, музыка). Важным элементом обучения были геометрические знания. Считалось, что астрономия рассматривает небесные тела как геометрические. В математике использовались геометрические методы доказательства. А музыка представлялась как гармония геометрических пропорций. Не случайно Боэций писал: «Польза геометрии тройная: служить знанию, здоровью и душе. Для первого она нужна механикам и архитекторам, для второго — врачам, для души — философам (27, стр. 32)». Таким образом, в средневековой картине мира получили претворение пифагорейские воззрения о сакрализации числа и геометрических форм. Небесная музыка сфер считалась основанием претворением именно геометрических знаний. Эти знания получили распространение в Европе XII–XIII веков через тамплиеров. Центральное место в этих знаниях занимала также легенда о Хираме. Помимо Хирама, царя Тира, был строитель Хирам–Абифф, медник, который изготовил все предметы для Храма Соломона. Этот знаменитый строи-

тель был важным действующим лицом в создании храма Соломона на горе Мория. Вместе с легендой о Хираме геометрия осознавалась как мистическое учение, став основой философии масонства.

В отличие от стереотипного представления о средневековой культуре как о культуре письменной, А.Я. Гуревич считает, что «изображение, видимый знак играли в средние века едва ли не большую роль, чем письменная культура» (3, стр. 12). Так, например, пеликан и сова означали символы Причастия и Распятия. Дьявол изображался как демон с головой и ногами козла. Сорока символизировала сплетни, пустую болтовню, дракон — символ Сатаны. Вместе с тем, эти изображения могли выражать и трансцендентные понятия. Например, крылатые бык и лев символизировали евангелистов Луку и Марка. Медведь мог символизировать добрую силу и защиту, но и жестокость и зло. Лебедь — символ Провидения и духовной чистоты. Изображение кабана и зайца считалось выражением похоти, животных страстей, обезьяны — дьявола, змеи и дракона — Сатаны. Изображение кошки было выражением лени и похоти, саранчи — болезни и пагубной страсти, мухи — греха и грязи. Духовную пустыню олицетворял кузнечик, но вместе с тем и покаяние. Дремлющая собака была символом преданности учителю и избранному делу. Таким образом, изображение животных всегда носило мистический смысл, было знаком иных сущностей. Дикий сокол был выражением дьявольских мыслей и чувств, ручной же — доброй воли Бога. Эти изображения всегда были связаны с геометрическими фигурами. Так, изображение человека всегда строилось на основе звезды, которая является графическим выражением цифры «5», что означало 5 христовых ран. Причем, изображение женщины олицетворяло землю и пространство, а образ мужчины мыслился как олицетворение божественного времени. Животные всегда вписывались в треугольник как в эмблему творческой силы Бога, четырехугольник же был знаком земного материального мира.

Эти мифологизированные и мистифицированные тайны архитекторов эпохи Средневековья затем привели к созданию политических обществ «вольных каменщиков».

Считается, что шотландцы в течение сотен лет создали то, что известно под именем масонства из смеси преданий, ритуалов, церемоний и различных институций (13, стр. 10).

В России масонство распространилось в XVIII веке сразу более чем в 40 городах, где существовало более 140 лож. Множество лож существовало в портовых городах, где было влияние иностранцев довольно

ощутимым (12). Массонство в России объединяло в основном представителей просвещенного слоя населения. Однако в состав масонских лож входили не только дворяне. Конечно, они занимали господствующее положение. В состав масонства входили также представители самых знатных российских семей, которые были представителями правящих классов. Но кроме них, в русское масонство входило купечество, представители «свободных профессий». Это могли быть банкиры, юристы, промышленники, владельцы питейных заведений. Были здесь и профессора, писатели, учителя, деятели искусств. Массонами были и ремесленники, прислуга. Представители низших сословий могли общаться с более знатными и могущественными братьями. Широкий диапазон социального состава масонства совпадал и с национальным разнообразием, что отражало космополитическую природу масонства. Кроме того, здесь были представители разных конфессий. Тем не менее, масонский орден принимал в свои ряды людей образованных и обеспеченных. Для черни двери лож были закрыты.

Следует заметить, что, несмотря на то, что масонство пришло в Россию из-за границы, но здесь, «приспособившись к потребностям российского общества и особенностям российского менталитета» (1, стр. 320), видоизменилось.

Массоны в России переводили и распространяли сочинения философов-мистиков. В этих сочинениях нередко использовались символы, выражавшие абстрактные понятия. Они считали, что «оккультное, мистическое, текстуально неясное может быть изображено и, следовательно, понято» (1, стр. 317). Например, И. Шварц использовал в своих объяснительных схемах центральный образ философии Роберта Фладда — взаимопроникающие пирамиды, обозначающие противоположность света и тьмы, формы и материи (1, стр. 317).

И.П. Елагин, обращаясь к ритуальным масонским книгам, стремился создать некий универсальный язык, код культуры, расшифровывавший тайное знание. «Категориями культурного «метаязыка» становятся «единица», «точка», «равносторонний и равноугольный треугольник», «свет», «круг», («кольцо», «шар»), соединяющиеся в образе «огневидного шара», «крест», «четвероугольник». Каждое из этих базовых понятий получает соответствующую интерпретацию и является отражением божественных свойств» (1, стр. 324).

Массоны осознавали свою деятельность как путь к самосовершенствованию. «Как дикий необработанный камень имеет неровную поверхность и острые края, так и душа человека обезображена и покрыта

рубцами необузданных страстей и желаний» (13, стр. 41–42). Но при этом исключительно важной задачей считали совершенствование всего общества. Исправляя самих себя, они стремились быть примером благочестия и добродетели для других (13, стр. 40).

У каждой ложи был свой набор уставов и положений. На вершине масонской ложи стоял Мастер, который наделялся максимальными полномочиями. Первый и второй Великие надзиратели помогали ему в проведении различных ритуалов. Кроме того, в ложе был секретарь. Ритор должен был подготовить кандидата к вступлению в орден или следующие степени. В любой ложе был казнохранитель. Иерархия масонских должностей была такова: Великий мастер — во главе ложи, два Надзирателя — секретарь и ритор, 7 офицеров, имевших особые знаки отличия (11, стр. 47). Правда, как уже отмечалось, первые масонские ложи имели в России разные направления, отличавшиеся в своей символике. Таковы были ложа Елагина союза, Рейхелева ложа, Андреевская ложа, созданная шотландцем Эндрю Рамзеем, основанные немцем графом Циннендорфом шведская и циннендорфская системы, и др. Все они вели борьбу друг с другом.

Существует несколько масонских степеней: ученическая («камень неотесанный»); товарищеская («камень, отесанный кубиком» или «камень, к положению в здание готовый»); мастерская («предначертание, план зданию»). На степень каждого масона указывает одеяние и специальный значок, особые заседания, на которые мог приходить тот или иной член сообщества. Высшие степени сопряжены с большей ответственностью, нежели более низкие, которые должны их почитать и слушаться. Новоиспеченный ученик получал ученическую лопатку, товарищ уже получал «полированную лопатку», а мастер — «златую лопатку» и пару белоснежных перчаток, что означало непорочную и чистую совесть. Все же каменщики первых трех степеней не многим отличались от немасонов. При этом завеса таинственности способствовала сакральному статусу существования тех или иных орденов и их членов. Зато посвященные в высшее масонство имели особую символику. При этом Вольные каменщики использовали геометрические знаки, которые обозначали горло, ноги, руки, грудь (11, стр. 199–200), особые приметы для опознания Вольного Каменщика (11, стр. 204).

Как правило, масоны встречались 2–3 раза в месяц. На этих заседаниях посвящались в масонский орден новые братья или возводились в новую степень старые члены сообщества. Обычно ложи заканчива-

лись обедом, на котором была обильная еда и на которых пели масонские песни. Особенно это было характерно для лож принятия.

Все обряды и ритуалы имели множество символов и аллегорий, которые должны были отделить масонов от остальных членов общества. Семиотическую систему масонства описывают Маргарет Джейкоб и Стефен Байер (25, р. 143–161; 23). Таким образом, братство вольных каменщиков было жестко отделено от остального общества (14, 86–95). Был выработан масонский язык (26, 133–154). Такова, например, была метафора «дикого камня». Образ «отполированного камня» был символом учтивости, благовоспитанности, смягчения грубых варварских нравов. Все низшие степени масонства имели собственный ковер с разными знаками и символами (15, 417–434). Так, на ковре ученической степени были изображены солнце, луна и звезды, напоминая ему, что он должен днем и ночью бдеть над своими действиями. Изображение циркуля означало, что свои действия он должен проверять разумом. Мастерок (или лопатка) означал «обработку дикого камня» — человеческого сердца. Но сердца, «изборожденного рубцами высокомерия, гнева, отчаяния, слабости и пороков» (13, стр. 44).

Существовал набор специальных жестов. Таково было знаменитое рукопожатие, которое помогало братьям опознать друг друга вне ложи.

Принятие в масоны символически оформлялось, так как оно должно было обозначать, по М. Элиаде, «коренную перемену онтологического состояния или общественного статуса» (21, стр. 115. Об обрядах см. также:2). Сначала, войдя в темную комнату, кандидат назывался «ищущим». Перейдя в преддверие ложи, кандидат нарекался «страждущим». Все это время на глазах его была повязка. Обойдя ложу по кругу три раза, ему развязывали глаза и ставили перед алтарем, на котором горела одна свеча. Это должно было означать, что ему показывали только «слабый свет». Затем ему снова надевали повязку, зажигали много свечей, и теперь, когда снимали повязку, «страждущему» открывался «полный свет». Он становился полноценным членом масонского братства. Этот ритуал как бы метафорически воспроизводил духовный путь человека, который хотел прийти к масонству. Таким образом как бы воспроизводился духовный путь человека, пришедшего к масонству. Схожим был ритуал посвящения в товарищи и принятие сана Мастера.

Все вольные каменщики, согласно «священному закону», были связаны узами взаимных обязательств, что подчеркивало их духовное и социальное единство.

Следует отметить, что символика русских масонов практически не отличалась от символики европейских масонов. Были здесь, однако, некоторые специфические особенности. М.А. Карвелис достаточно убедительно показывает, что в русской символике масонства использовались христианские, каббалистические, розенкрейцеровские знаки, а также знаки рыцарства, ремесленных союзов и даже языческих представлений (4, стр. 13, 15).

В масонской символике использование христианских символов довольно широко распространено. Так, масоны часто используют один из древнейших христианских символов — равносторонний треугольник с вершиной, обращенной вверх — символ Святой Троицы. Сама пирамида означает прочность и продолжительность, а триада означает целостность, включая прошлое, настоящее и будущее. Для масонов это было обозначение также начала — середины — конца, духа — души — тела, мысли — воли — дела. Многообразие символики треугольника дано в статье В.Н. Топорова «Геометрические символы» (17, стр. 272). Часто в масонской символике используется еще один подобный символ, когда над пирамидой (треугольником) находится Всевидящее Око. Такое частое использование треугольника масонами объясняется также тем, что цифра 3 использовалась и в церемониях: 3 градуса, 3 гроссмейстера, 3 главных должности членов масонских лож (ученик, учитель, мастер). В России в большей степени, нежели на Западе, особое внимание уделялось христианской символике. Например, об интерпретации треугольника И.Г. Шварц говорил следующее: «Действие света и мрачности удобно показать может следующая геометрическая фигура: Два треугольника, имеющие в середине круг, поставленный между Светом и мрачностью, изображают нам вышнее и нижнее, Свет и хаос. Круг, происходящий от центра, соединяющий два треугольника, вмещает в себе Свет и тьму, и изображает человека, который есть существо, поставленное между двух начал. Он есть последнее бытие из духовных тварей и первое из материальных. Он имеет в себе магнетическую внутреннюю силу, коею, по мере чистоты или мрачности оной, привлекать он в себя может оба начала, т.е. Свет и тьму» (20, стр. 15).

Звезда во многих культурах олицетворяет надежду. Однако есть у звезды и противоположное значение — потери, скрытой негативности. В христианской, православной традиции восьмиконечная звезда имеет следующие названия: Русская звезда, звезда Богородицы, Вифлеемская звезда. Она означала присутствие главного божества. Её изображение применяли на воинских стягах, на одежде, а также всех зна-

чительных предметах быта и культа. Эта звезда загорелась в момент Рождества Христова и привела Волхвов к колыбели Христа для поклонения. Она изображается на иконах Богородицы (6, стр. 67–76).

В масонском символическом ритуале звезда встречается с различным числом лучей. «Сияющая звезда была одной из неподвижных Драгоценностей Ложи, она располагалась посредине храма и ассоциировалась во-первых, со священным огнем, горевшем в Соломоновом храме; во-вторых, — со светом разума и благоразумия, и в-третьих, — со светом истины, который путеводительствует на пути к добродетели» (22, стр. 182).

В отличие от европейских христианских символов, русские масоны трактовали восьмиконечную звезду как значение будущего (5, стр. 7). Эта звезда довольно часто используется в иконописных изображениях, символизируя звезду, которая вела волхвов на поклонение Христу Младенцу.

Важным элементом масонской символики были каббалистические знаки. О связи русского масонства с каббалой говорит, например, Ю.М. Халтурин (см., например, его статью 18, стр. 249–256). В более ранней своей статье Ю. Халтурин верно утверждает, что идея русских масонов о том, что «каббала и масонство являются взаимопересекающимися символическими системами, получает воплощение в схеме масонского посвящения и структуры ордена, а также связывается с символикой масонского обряда и базовыми триадами масонской философии» (19, стр. 78). Здесь же он упоминает еще об одном символе, соотносящемся с каббалой — точке в круге. Этот символ в интерпретации русских масонов означает Орден, Сердце, Солнце и Золото. Однако, как отмечает Ю. Халтурин, эти же символы имеют и каббалистический характер (19, стр. 79).

Согласно рассуждениям русского масона И.А. Поздеева, ложа должна состоять из десяти членов (Мастер, два Надзирателя, казначей, секретарь, два собирателя милостыни, обрядоначальник, смотрящий за порядком, Ритор, страж) (19, стр. 80). Это является отождествлением с десятью сефиротами — десятью божественными силами, которые, по представлениям каббалистов, управляют миром.

Одним из часто встречающихся каббалистических знаков в масонстве является шестиконечная звезда. Как правило, это два пересекающихся треугольника — в круге или без него. Эта шестиконечная звезда имеет два значения — каббалистическое и розенкрейцеровское. Каббала представляет этот знак как выражение бесконечной сущности и сущность всего существующего. Кроме того, этот знак обозначает борьбу равных

сил Бога и дьявола. Многозначность этого знака сродни числу «6» (Подробнее об этом знаке см.: 17, стр. 272–273). Розенкрейцеры в этом знаке видели наличие особого покровителя из потустороннего мира.

Шестиконечная звезда могла заменяться в масонском ритуале пятиконечной звездой: «обе формы были распространены примерно в одинаковой степени и имели множество эзотерических интерпретаций» (18, стр. 250). Так, шестиконечная звезда изображалась на ковре. Здесь она была символом «всего творения, вселенной, и в то же время самого человека» (18, стр. 251). В то же время она имела каббалистический смысл: треугольник с вершиной вверх означала огонь, с вершиной вниз — воду. Кроме того, она означала Троицу и ее отражение в земном мире Премудрость — Софию. Еще один смысл этого знака — олицетворение женского и мужского начала.

Множество прочтений пятиконечной звезды также используется масонами. «Звезда с пятью лучами — символ шотландского мастера шведской системы — пять ран спасителя» (22, стр. 183). Пятиконечная звезда или пентаграмма у каббалистов — символ могущества и всемогущества разума. В зависимости от того, куда направлена вершина звезды, распознавали, что она означала — добро или зло. Известно и то, что пентаграмма в каббале имеет и другое значение — это знак микрокосма, вселенной в миниатюре, поскольку в пентаграмму вписывалась фигура человека.

Столь же распространенным и заимствованным масонами знаком является крест. Каббалистический крест — тетраграмму ставили на лоб посвящаемого в масоны ученика. Это должно было означать, что вновь вступающего благословляют на тернистый путь того, кто будет посвящен в масонскую тайну. В центре креста изображалась еврейская буква «шин» (означает в каббале число 300, символизирующее Дух Господа), а по бокам — еврейские буквы, в своем сочетании числовых значений дававшие имя Йеговы.

Масонский крест вписывается в круг, что означает святое место и космический центр. Сам крест означает Космическое Древо. Использовали масоны два типа креста: Латинский (католический) и греческий крест (крест св. Георгия). «Латинский крест представляет собой образ человека с распростертыми руками и являет прямой образ Страстей Христовых. Это так называемый *сгух imissa*, вертикальная ось в нем пересечена горизонтальной на $1/3$ от своей длины» (22, стр. 257–258). Греческий крест может быть вписан в треугольник вершиной вниз, символизирующий воду и женский принцип, символ постоянных

трансформаций и преобразований формы, что для масонов является существенным качеством в постоянном стремлении к нравственному совершенству. Кроме этого, использовали масоны и мальтийский крест, символизировавший целомудрие и восемь добродетелей.

В символах масонов непосредственно проявилась и связь с розенкрейцерами. Основными символами розенкрейцеров закономерно являются роза и крест, вписанные в треугольник. Роза — символ завершенности, женского начала, духовной любви, целомудрия. «Символ вечно меняющегося и открывающегося новыми гранями мира. С ней ассоциируется идея мистического центра (Роза мира), сердца, Венеры, сада Эроса, рая Данте, возлюбленной и т.п. <...> Роза оконных витражей ассоциируется с кругом, колесом или солнцем как символом Христа» (22, стр. 418). Но самое главное — роза — это знак духовной любви триады Любви, Терпения и Мученичества Богоматери (22, стр. 420). В отличие от розы — крест — символ мужского начала. Их соединение — символ вечного воспроизводства.

Важным атрибутом масонства является розенкрейцеровский запон — фартук. Обычно его делали из белой кожи с красной каймой, розой и оранжевым крестом. Белый цвет был символом чистоты, красный — означал кровь, жертвоприношение. Попутно отметим, что цвет у масонов также приобретал символическое звучание. Так, в зависимости от цвета мантии, которую должны были носить те или иные члены, различались степени масонов. Например, красную мантию носили розенкрейцеры V степени. Красный цвет символизировал кровь, жертвоприношение, был цветом мучеников, но в то же время означал цвет суверенной власти. Фиолетовую мантию должны были носить масоны VII степени. Фиолетовый цвет олицетворял траур, печаль, страх, трагизм жизни, и в то же время — равновесие мыслей тела и духа, почему это цвет царских одежд, императоров. Голубую мантию носили масоны III степени. Этот цвет соответствовал ученическому статусу масона. Правда, в елагинской ложе он был основным, почему она носила название голубой. На этих масонских фартуках часто изображались три гвоздя, символизировавшие страдания Христа, «присутствие полноты Бога в жизни в жизни посвященного и о привязанности души к физическому телу при жизни в материальном мире» (16, стр. 76).

К собственно масонским символам относятся циркуль и наугольник, наиболее распространенные и всем знакомые. Циркуль символизирует всемирность масонства и вечность, наугольник — символ закона и совести. Мастерок, один из предметов, используемый в ритуале и

изображаемый часто в масонских предметах и изображениях, означает орудие очищения человека от пороков, готовность масона бороться с высокомерием и гневом и быть снисходительным к другим. Важный знак масона — камень — символизирует человека, не прошедшего посвящения в масоны, а вот куб — это посвященный в масоны. Молоток — знак достоинства Мастера ложи. С помощью ударов молотка Мастер ложи открывает и закрывает собрание ложи (5, стр. 31).

Собственно масонскими символами являются также ковер, топор, фартук, стол, печать, масонские мантии, жезл.

Ковер расстлали перед заседанием. Каждой степени ложи соответствовал определенный символический рисунок на этом ковре. На ковре изображались две колонны (семантику их см. ниже), мозаичный пол, символизовавший чередованием белого и черного взаимодействие добра и зла, циркуль, молоток, книга масонских ритуалов. Важным для масонов был символ жезла Гермеса (Кадуцей) — знак равновесия добра и зла (7, стр. 153). Как известно, змеи символизируют мудрость, плодородие. Жезл — мировую ось, по которой возможно перемещение богов (греческого — Гермеса и римского — Меркурия) вверх и вниз, торговлю и дипломатию. «По герметической семиотике кадуцей — ключ от загробного мира: с его помощью Гермес открывает врата подземного царства и вводит туда умерших. Для масонов Гермес представлял особый интерес, поскольку именно он являлся автором ритуалов посвящения, который был заимствован масонами из Мистерий. Достаточно полно и ярко об этом символе писал В.В. Похлебкин (9, стр. 69).

Ложа изображалась в виде прямоугольника. Она символизировала Вселенную и совершенную человеческую жизнь, символ единения «братьев» всего мира. Ложа символизировала и самого человека, исходя из принципа единства макрокосмоса и микрокосмоса. Наконец, третье значение этого символа — Храм Соломона, который строили вольные каменщики. Одним из важных символов масонов являются две колонны, стоявшие на паперти Храма Соломона. Они могли символизировать два столпа⁵⁴⁰ или пассивное и активное начала, или крепость и силу церкви. В традиции русских масонов эти колонны наделяются еще и метафизическим значением, согласно которому все в мире создано двумя силами — Светом и Мраком. Идея разных начал отражает закон физического равновесия и равновесия метафизического. Это противо-

⁵⁴⁰ Первый столп — огненный, освещающий путь народу Израиля в пустыне, второй — облачный, скрывающий продвижение народа Израиля от врагов.

поставление различных начал и энергий отражено и в каббалистических сефиротах: Гвура (сила и строгость) и Хэсед (милосердие) (см. об этом подробнее: 8). Кроме того, нельзя обойти и эротический символизм этих изображений: единство женского и мужского, двух неугасимых семени, страждущего и действующего. «Круг с вертикальной чертой — Земля — Первый столб — Жена. Круг с горизонтальной чертой — Небо — второй столб — Муж». Исследователи считают, что эротическая семантика вообще первична по отношению к другим интерпретациям и взята она из древнесемитских культов Мелькарта и Астарты (10).

Символ трех свечей приобретает в русской масонской символике отличное от обычного семантическое значение. Обычно три свечи символизируют Св. Троицу, Солнце, управляющее Луной и мастером, три столпа — Мудрость, Красоту, Силу. В ритуалах русских масонов три свечи связывались с главными предметами масонского учения — Натурой, человеком и Богом и с тремя познавательными способностями — чувственностью, рассудком и разумом. Три свечи и три света как символы трех уровней познания превращаются в символы трех основных эзотерических «высших наук», составляющих корпус тайного масонского учения — магии, каббалы и теософии.

Описанные масонские символы были ментальными узелками семиотической системы, рассчитанной на восприятие только для посвященных. Это способствовало в русской культуре XVIII века их единению.

Список использованной литературы:

1. Артемьева Т.В. Британские мистики в России XVIII века. // Т.В. Артемьева. Философский век. Альманах 17. История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1 / Материалы Международной конференции 27–30 сентября 2001 г. — СПб, Санкт–Петербургский Центр исторических Идей, 2001.
2. Геннеп Арнольд ван. Обряды перехода. — М., 2002.
3. Гуревич А.Я. О новых проблемах изучения средневековой культуры. // А.Я. Гуревич. Культура и искусство западноевропейского средневековья. — М., 1981.
4. Карвелис М.А. Масонская символика в русской культуре XVIII — начала XIX вв.». Автореферат дис. ... кандидата культурологии. — СПб., 2010,
5. Лукин Ю.Н. В мире символов. — М., 2002.
6. Маланов С.В. Предметный образ, «гипотеза употребления» и генезис образа мира // Мир психологии. — 2009. — № 4.

7. Марчукова С.М. Медицина в зеркале истории — СПб., 2003.
8. Махлина С.Т. Словарь по семиотике культуры. — СПб., Искусство. — СПб., 2009.
9. Похлебкин В.С. Словарь международной символики и эмблематики. — М., 2008.
10. Пятигорский А.М. Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства. — М., 2009.
11. Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. — Пг., 1916.
12. Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001.
13. Смит Д. Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке — М., 2006.
14. Соколовская Т. Обрядность вольных каменщиков // Масонство в его прошлом и настоящем. — М., 1991, Т. 2.
15. Соколовская Т. Масонские ковры (Страничка из истории масонской символики) // Море, 1907, № 13–14.
16. Фуртай, Франциска. Записки средневекового масона. Альбом Виллара де Оннекура / Франциска Фуртай — СПб.: Алетейя, 2008.
17. Топоров В.Н. Геометрические символы // Мифы народов мира. М.: Энциклопедия, 1991. Т. 2.
18. Халтурин Ю.Л. Каббалистические интерпретации символа пламенеющей звезды в текстах русских масонов конца 18 — начала 19 веков // Символика в философско–культурологических исследованиях, этнокультурных и религиозных традициях. Материалы Международной научной конференции. — Пятигорск, 2010.
19. Халтурин Ю.Л. Каббала и орденская символика в интерпретациях русских масонов // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2009. — № 4(70).
20. Шварц И.Г. Лекции — Донецк, 2008.
21. Элиаде М. Священное и мирское / пер.с фр. Н.К. Гарбовского. — М., 1994.
22. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. — М., 2000.
23. Baehr Stephen L. Paradise Within: The Masonic Component of the paradise Myth // Idem. The paradise Myth in 18–th–Century Russia: Utopian patters in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, 1991.
24. Boetius. De geometriae. — Migne P. Patrologia Latina, vol. 63, AB, 1353, Paris, 1847. Цит. по: Фуртай Франческа. Записки ...

25. Jacob Margaret C. Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth–Century Europe. Oxford, 1991, p. 143–161;
26. Roberts Marie M. Masonics, metaphor and Misogyny: A Discourse of Marginality? // Languages and Jargons: Contributions to a Social History of Language / Ed. Peter burke and Roy porter. Cambridge, 1995,
27. Schelby L.R. The Education of medieval English Master Masons. — «Medieval Studies» XXXII, 1970. P. 1–26. Цит. по: Фуртай Франциска. Записки...

Мистика чисел в сакрально–религиозных представлениях

(Опубликовано: Мистико–эзотерические движения в теории практике. История. Психология. Философия. Сб. материалов Второй международной научной конференции. — СПб.: РХГА, 2009. — 334 с., с. 28–36).

Понятие «число» сначала зародилось как целое число, которое явилось результатом счета дискретных предметов. В дальнейшем число получило более широкие смыслы, являясь понятием математической величины. Постепенно числовые символы стали употребляться не только в процессе счета. В мифопоэтических системах они стали классом знаков, ориентированных на качественно–количественную оценку. С помощью чисел создавался особый числовой код, с помощью которого описывался мир, человек и система метаописания. Числа использовались в архаических культурах для придания им сакрального значения. Числа, таким образом, стали средством для периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления хаотических тенденций. Как правило, в тех культурах, где доминирует в сакральных текстах классификационный принцип, там числа приобретают символическое значение. В древнекитайской традиции считалось, что следование числу дает знание вещей и их начал. 1 — это небо, 2 — это земля, 3 — это человек. В Древнем Египте не случайно пантеон насчитывал 9 богов. В пифагорейской традиции утверждается, что Прометей изобрел числа для смертных⁵⁴¹.

Впоследствии числа стали основой нумерологии, в которой по их магическим и мистическим значениям определяют возможности и средства достижения успеха, особенности и коррекцию судьбы, подходящей профессии, карьеры и т.п. В наше время нумерология получила широкое распространение. В ней используются как представления

---

⁵⁴¹ См. об этом ст. В.Н. Топорова «Число» // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. — М., Сов. Энциклопедия, 1992, т. 2.

европейской, так и восточных школ, что породило большое количество разного рода и уровня изданий⁵⁴².

Большое значение числам придается и в религиозных воззрениях. При этом, можно согласиться с Г.В. Гриненко, которая пишет: «В каждой религии и в каждом эзотерическом учении использовались свои символы, и чем выше была степень посвящения человека в тайны учения, тем больше «слоев смысла» он понимал. И чтобы правильно понять сакральный текст, человек должен был понимать тайный смысл использованных в нем знаков»⁵⁴³.

Религии возникают отнюдь не случайно в том или ином регионе. В зависимости от природных условий возникают те или иные верования. Как считает Георгий Гачев, «склонение вер и религий происходит соответственно склонениям (климатам: «климат» — буквально — «склонение» угол наклона солнца, термин, введенный греческими географами) — недаром по поясам широтным и меридианным распределены мировые религии: на Севере — шаманизм, в умеренном поясе — христианство, южнее — ислам, еще южнее — зороастризм и индуизм, восточнее — буддизм и т.д.»⁵⁴⁴. В каждой религии существуют свои символические значения чисел. Основные священные числа в буддизме — 4, 8, при зарождении — 6. основное число — 8. Это «трудо–цивилизаторские» числа, в отличие от 3, 7, ведийских, природно космических чисел»⁵⁴⁵. По замечанию Г. Гачева, символика чисел с Востока на Запад идет ниспадающим каскадом.

Рассматривая мистику чисел в сакральных представлениях, можно утверждать, что эта мистика не всегда получает претворение в вербальных текстах: «...у ряда народов этнографы зафиксировали мифы, которые вообще не имели вербального выражения, а выражались исключительно через действия, позы, наряды и украшения участников и т.п.»⁵⁴⁶.

---

⁵⁴² Укажем лишь некоторые из них: Коровина Е.А. Нумерология успеха. Запусти Колесо Фортуны. — М.: ЗАО Центрополиграф, 2007. — 219 с.; Бауэр Дж. Нумерология для начинающих. — М.: ФАРИ–ПРЕСС, 2006. — 228 с. Хамон Луис. Шифр вашей судьбы. Числа правят миром. Научитесь управлять числом. — М.: Центрополиграф, 2006, 224 с.

⁵⁴³ Гриненко Г.В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико–семантический анализ вербальной магии. — М.: «Новый век», 2000, 448 с., с. 92.

⁵⁴⁴ Гачев. Г.Д. Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). — М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. — 390 с., с. 90.

⁵⁴⁵ Там же, с. 334.

⁵⁴⁶ Гриненко Г.В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико–семантический анализ вербальной магии. — М.: «Новый век», 2000, 448 с., с. 53.

Так, мистика чисел в шаманизме получает непосредственное претворение в обрядах.

Обряд посвящения имеет явные различия у бурят и маньчжур, у эвенков и тунгусов, у якутов и народов Америки, Австралии, Африки. Но всегда и везде в этом обряде мы найдем обилие семиотических элементов, связанных с числом. Так, у бурят, перед посвящением проходит обряд «водяного очищения». Шаман–отец и **9 (девять)** юношей приносят воду из **3 (трех)** источников, где обитают разные духи. Им оставляют в качестве жертвы молочную водку (тарасун). На обратном пути вырывают и приносят домой молодые березки. Кипятят воду с различного рода сопутствующими символическими действиями, в которой варят жертвенного козла и т.д. Цифра **9** — очень важная: в жертву приносят **9** животных, во время приготовления мяса которых отец–шаман возносится на Небо, что демонстрируется тем, что он взбирается на верхушку дерева и делает там **9** надрезов. Затем на березу взбирается кандидат, а за ним остальные шаманы. Есть и такой ритуал: сидящего на ковре кандидата (если это белый шаман — на белом войлочном ковре) **9** раз обносят вокруг берез, на которые он влезает и на каждой делает **9** надрезов на верхушках. Эти **9** надрезов символизируют **9** небес.

Существовало **9** степеней посвящения, из которых самый высший, самый важный и указывающий — IX. Правда, в конце XIX в. — начале XX в. таких уже не было⁵⁴⁷.

У маньчжурских тунгусов перед домом ставят два дерева, у которых отрублены толстые ветви, но оставлены верхушки. Их соединяют перекладинами, число которых **5, 7** или **9** (знаковые числа!). Церемония длится **3, 5, 7** или **9** дней. Этот ритуал имеет несколько символов: дорогу, обозначенную веревкой, восхождение на Небо. Посвящение у маньчжуров связано и с другим испытанием: кандидат должен вынырнуть через **9** вырубленных во льду прорубей, показывая, что его тело содержит «психическое тепло».

Мистика чисел характерна и для иудаизма, что проявилось в полной мере в каббале. Еврейские буквы, по учению каббалистов, соответствуют божественным законам. Их всего **22**. Это число соответствует Троице Божества, планетам и зодиаку: $3 + 7 + 12 = 22$. «Связь буквы и числа уходит корнями в традицию, существовавшую во многих стра-

⁵⁴⁷ См. о ритуале посвящения бурятских шаманов более подробно: Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. — Новосибирск, 1987; Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства... Цит. изд.

нах древнего мира, где имело место фонетическое (алфавитное) письмо, традицию обозначать цифры буквами... Каждая буква в древнееврейском алфавите имела определенное числовое значение, значение слова или текста определялось как сумма числовых значений букв в данном языковом выражении. Тогда все языковые выражения, имеющие одинаковое числовое значение, считались тождественными (или, по крайней мере, близкими) по значению... Такой способ обозначения цифр имел место у древних индусов, древних евреев, у древних греков, древних славян и многих других народов»⁵⁴⁸.

Например, древнееврейские слова «змей» и имя Мессии имеют одинаковое числовое значение. Поэтому каббалисты предельно сближают эти два символа. Этому сближению соответствуют слова Спасителя: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так же должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»⁵⁴⁹. Не случайно распятие змеи прежде всего символизирует распятие первородного греха. После исхода из Египта во время скитаний по пустыне, по указанию Яхве, чтобы защитить людей от ядовитых змей, сделал «медного змея и выставил его на знамя, и когда змей жалил человека, он, взглянув на медного змия, оставался жив»⁵⁵⁰. Недаром мусульманские суфии, следуя этому библейскому сюжету, считали Хадира Грюна повелителем змей, излечивающим от ядовитых укусов. Гематрии Каббалы имеют непосредственное основание в Библии, где каждое число имеет определенный статус в кодировании важных закономерностей Бытия. Эта семантика чисел, «располагая знанием о базовых элементах числового кода, связанного с излагаемыми событиями, их последовательностью и телеологией» позволяла носителям традиции обходиться «меньшим количеством необходимых характеристик для сохранения полной картины»⁵⁵¹. Таким образом, мнемонически числа давали обширную информацию, маркируя разные элементы Божественного вмешательства и коммуникации с Богом, продолжительности жизни праотцев. Используя символическую значимость чисел, кодировались общие представления об историческом времени. Мнемонические приемы опирались на базовые в повествовании числа. Но числовой код употреблялся не только как мнемотехнический, но и как эзотерический прием. Так,

⁵⁴⁸ Гриненко Г.В. Цит. изд., с. 129.

⁵⁴⁹ Ин. 3: 14–15.

⁵⁵⁰ Чис. 21: 9.

⁵⁵¹ Гриненко Г.В. Цит. изд., с. 78.

число 7, маркирующее неделю, является также половиной лунного месяца. Число 10 — 10 лунных месяцев — срок беременности и т.п.⁵⁵². Как считает А.Б. Островский, использование числового кода позволяло оперировать аналогиями и возможностью возводить этнологический объект, обычай к общим чертам мироздания (космологии), что соответствует чертам мифологического мышления. Числовая интерпретация сегодня дает нам возможность понять те представления об историческом времени, «которые заложены в кн. Бытия»⁵⁵³.

Идеи Каббалы находили отражение в различных религиозных системах, в том числе и христианской, и исламской традиции. «Мало кто осознает, какое влияние оказала Каббала на средневековую мысль, как христианскую, так и еврейскую»⁵⁵⁴. Так, древнерусская культура включает в себя символику чисел, которая оказывала огромное влияние на мышление людей того времени. Эти числа многообразными и хитроумными способами включались в средневековые тексты, раскрывая свои тайны лишь посвященным. Например, сквозь все «Житие Сергия Радонежского» проходят несколько чисел, имеющих множество смыслов: цифра 12 связывается с понятиями церковной службы и поучения, что должно было подчеркнуть роль Сергия как наставника и воспитателя монахов; цифра 7 связывается со Святым Духом, подчеркивая боговдохновенность святого и т.д.⁵⁵⁵.

Обратившись к поискам «надземного», П.Д. Успенский, вслед за Карлом Дюпрелем, утверждал, что «потусторонний мир есть только своеобразно созерцаемый мир посюсторонний»⁵⁵⁶. Он сознательно искал в представлениях древних ключи к познанию тайн мира: «Древние и новые мыслители оставили нам много ключей, которыми мы можем отпереть таинственные двери, много магических формул, перед которыми эти двери отворяются сами. Но мы не понимали ни цели

⁵⁵² См. Фролов Б.А. Происхождение календаря // Календарь в культуре народов мира. — М.: 1999, с. 22–23.

⁵⁵³ Островский А.Б. Алфавит и история. Числовой код космо–этногенеза в книге Бытия... Цит. изд., с. 88. Подробнее о числовых кодах см.: Вартанов Ю., Островский А. Библейская метаистория. Семиотика чисел в Еврейской библии. Российские исследования в гуманитарных науках. Т. 18. — Левинстон, Нью–Йорк, The Edwin Mellen Press, Ltd, 2000 – 657 с.

⁵⁵⁴ Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. — Новосибирск, 1992, с. 416.

⁵⁵⁵ См. об этом: Кириллин В. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI в.). — СПб., 2000. — 320 с.

⁵⁵⁶ Успенский П.Д. Tertium organum. Ключ к загадкам мира. — СПб., 1992, с. 95.

ключей, ни значений формул»⁵⁵⁷. Одним из таких ключей он считал числовую символику, правда, подчеркивая: «...математика конечных и постоянных величин нереальна, а математика бесконечных и текущих величин реальна»⁵⁵⁸.

Такие представления о мистике чисел характерны и для современных религий, например, Бразилии, где религия — своеобразный сплав африканских и индейских верований, а также католицизма и спиритизма.

Число 1 — это целое. В наиболее древних текстах число 1 встречается довольно редко. Но чаще всего 1 означает целостность, единство, присущие, в первую очередь, богу или космосу. В оккультизме 1 всегда больше других чисел. Все остальные числа — части одного. В Бразилии в сектах типа умбанды, макумбы, кимбанды и кандобле творец мира один. Он сотворил весь мир, в том числе и людей, перепоручив их богам — ориша. С каждым из семи ориша связана особая «Линия», каждая из которых делится на семь легионов, в свою очередь подразделяющихся далее на семь и так до бесконечности⁵⁵⁹.

Число 2 — в основе бинарных противопоставлений: мужское и женское как два значения пола, небо и земля, день и ночь, а также двойничество, близнечность. В ведийской традиции 2 — символ противопоставления, разделения и связи. В то же время 2 — первичная монада, защищающая человека от небытия, противостоя трансцендентному одному. В мистических учениях 2 — всегда раскол. Единое — целое и божественное делится на два враждебных. Так, единый Бог зороастрийцев Зерван рождает из себя двух братьев — Орвазда и Аримана, которые начинают непрерывную и линую войну между собой. В древнеславянских верованиях мы встречаем Белобога и Чернобога. Будде противостоит Маара. Широко известно противопоставление Бога и Сатаны в иудаизме. Единый Адам, созданный по образу и подобию Божию, разделяется на земного Адама и его жену Еву. Во второй книге Бытия сказано про Еву: «Создам Адаму помощника против него самого». И далее после грехопадения Бог говорит: «Положу вражду между семенем твоим и семенем жены». Два сына Адама являются также противоположными и враждебными началами — Каин и Авель. Только третий сын Адама Сиф, рожденный после смерти Адама, должен уравновесить их.

⁵⁵⁷ Там же, с. 180.

⁵⁵⁸ Там же, с. 175.

⁵⁵⁹ См. об этом: Гриненко Г.В. Цит. изд., с. 161.

Число 3 — основа основ, образ абсолютного совершенства, основная константа макрокосма и социальной организации. 3 высшие сферы вселенной, 3 высшие ценности божественной троицы — например, древнеиндийский Тримурти. Основа Христианства — Троица: Бог-Отец, Бог Сын, Бог дух Святой. Для того, чтобы конструкция была устойчивой, минимальное количество опор должно быть равно трем. Примером такой устойчивости является треножник, широко использовавшийся во всех мистериях и мистических обрядах. Многие мистики усматривают определенное негативное значение для существования нашей цивилизации опору на цифру 2, т.е. на противоположностях: «да» и «нет», Добро и Зло, Бог и дьявол, «0» и «1» — основа современных компьютерных технологий и т.п. Но число «2», как уже указывалось, — число раскола. Именно этим объясняется раскол сознания современного человека. Две противоположности, чтобы быть сбалансированными, должны всегда быть уравновешены третьим нейтральным компонентом. Уже в древности это знали. Мир представлялся стоящим на трех китах. В каббалистической книге «Сефер Йецира» — «Книге творения» описывается сотворение мира на основе еврейского алфавита, в начале которого было три Матери — буквы «Мэм», «Шин» и «Алеф». «Шин» — активный элемент, соответствующий огню. «Мэм» — пассивный элемент, соответствующий воде. «Алеф» — соответствующий воздуху, их уравновешивающий.

Этот же принцип лежал в основе построения Соломонова Храма. При этом древние толкователи Библии считали, что Храм Соломона является образом самого человека. Впрочем, любой храм является таковым, ибо тело человека создано по образу и подобию Божию, тем самым храм становится местом пребывания Бога подобно тому, как тело человека — храм его души.

Действительно, в человеке явственно выделяются три части — голова, грудь и нижняя часть тела с конечностями. С головой связана нервная и мыслительная системы, с грудью — ритмическая система и система органов чувств, с нижней частью — система обмена веществ. Первая и третья части — абсолютно противоположны друг другу. Середина их уравновешивает. В христианской эзотерике они изображаются как Орел (голова, нервная система) — мышление, Телец (система обмена веществ) — воление и Лев (грудь и ритмическая система) — чувствование.

Именно эти символы выражает собой Храм Соломона. Его символическое изображение часто встречается в оккультной символике. Это

две колонны. Правая, красного цвета — Иахин, колонна Силы. Левая, синего цвета — Бооз, колонна Мудрости. Посредине между ними — Красота, завеса, за которой находилась Святая Святых. Мудрость, Красота и Сила — те три кита, на которых строится западный оккультизм. Мудрость пребывает в мышлении, Красота — в чувствах, Сила — в воле. Между двумя колоннами находится либо завеса, либо солнце, либо треугольник с глазом. Такое изображение носит название Четвертой печати. И оно открывает тайну числа 4.

Число 4 — тайна числа 3, ибо находится за завесой, в Святая Святых. Число 4, в отличие от числа 3, которое символизирует динамическую целостность, является образом статической целостности. Поэтому в мифах о сотворении вселенной, ориентации в мире число 4 выступает основополагающим: 4 стороны света; 4 главных направления; 4 бога или 4 ипостаси бога (например, 4 Перкунаса в литовском фольклоре); 4 времени года (хотя так было не везде — у каббалистов 3 времени года); 4 ведийские эпохи.

Подобно тому, как 3 уравнивает противоположность 2, тремя уравнивающими элементами вызывается к жизни четвертый. Чтобы гармонизовать свое внутреннее существо, человек в своей жизни должен и призван восстановить равновесие между мышлением, чувствованием и волеием. Это равновесие выражается равносторонним треугольником. Центр этого треугольника является абсолютным символом равновесия сил. Если человек создаст в своей природе этот центр, он приведет его к равновесию мышления, чувствования и волеия, т.е., тогда к трем элементам прибавится четвертый. Этот четвертый трактуется в эзотерике как любовь. Таким образом, по представлению мистиков, любовь может развиваться только тогда, когда наступает абсолютное равновесие трех сил. (Заметим, любовь в данном случае понимается отнюдь не как чувство одного человека к другому, а как способность человека наряду с мышлением, чувствованием и волеием будут уравновешены и облагорожены).

Таким образом, троичность становится четверичностью. В Евангелии от Матфея приводится легенда о трех царях—Магах, пришедших с Востока, чтобы поклониться младенцу Христу. Таким образом, три царя склоняются перед четвертым царем. Тем самым как бы зашифрована основная миссия земного уравнивания трех, которые дают возможность прийти четвертому. Они приносят ему свои дары: золото, олицетворяющее свободное мышление, ладан — очищенные чувства, и смирну — облагороженную волю. Особую роль приобретало аллего-

рическое сопоставление Ветхого и Нового заветов и символика числа четыре как символа четырех Евангелий — источника вечной Жизни, четырех основных Добродетелей. Четыре — это также знак человека (четыре темперамента); времени (четыре времени года); природы (четыре ветра, четыре элемента естества, четыре райские реки); пространства (четыре стороны света).

Такое представление о числе 4 мы видим в мифологии разных народов мира. Как правило, трое убивают четвертого. Например, в греческих самофракийских мистериях три бога убивали четвертого, в германских сагах три брата убивают Зигфрида — мужа своей сестры. В более поздней масонской Храмовой легенде три подмастерья убивают Хирама⁵⁶⁰. Т.е., везде здесь говорится о смерти четвертого, который, подобно зерну, падшему в землю, умирает, чтобы в будущем прорасти, обновив и облагородив трех убийц. Четвертый не только уравнивает трех, но и собственно объединяет их. Так объединяет орла, льва и тельца фигура человека, частями которого они и являются.

Число 5 — знак пентаграммы. Известна классификация по 5 элементам. Канонизация числа 5 явилась эталоном в описании наиболее важных характеристик макро– и микрокосма. Вспомним хотя бы 5 органов чувств — на самом деле современная наука их насчитывает больше, 5 внутренних органов, 5 первых музыкальных нот, ставших основой пентатоники, 5 основных страстей. В Упанишадах 5 элементов, 5 аспектов бытия, 5 ликов Шивы и т.п. Это число используется в Библии. Иисус Христос накормил 5000 человек 5 хлебами и двумя рыбами. Здесь указывается на родственность между числом 2 и числом 5. 2 — это раскол. 5 — пентаграмма, означающая человека, опустившегося в материю. Перевернутая пентаграмма — знак человека, подпавшего злу. 5000 — указание на пятую эпоху, современными эзотериками рассматриваемую как наше время. 5 хлебов — это силы, посылаемые 5 ночными созвездиями, которые воспринимаются бессознательно⁵⁶¹. И в буддизме число 5 повторяется не раз. «В текстах тантризма — ветви буддизма — еще в 3 веке н.э. упоминается о «пяти татхагатах», или «пяти Буддах». В мифологии тантризма они составляют тело Вселенной, причем каждый из Будд мифически соответствует различным составным частям

⁵⁶⁰ О храмовой легенде см.: Нерваль Жерар де. Макбенах / История о царице Утра // Мистические фрагменты. — СПб., Изд-во Ивана Лимбаха, 2001 — 536с., с. 211–222; Штейнер Р. Легенда о Храме и золотая Легенда. — М.: «Философско–антропософское издательство», 1998. — 256 с.

⁵⁶¹ (Р. Штейнер).

космоса. Пять дхаяни–будд располагаются в мандале, символизирующей пять небесных сфер... Пяти дхаянибуддам последовательно соответствуют пять элементов: небесное пространство или эфир, вода, земля, огонь, воздух»⁵⁶².

Число 6 — число довольно важное в религиозных и сакральных представлениях: за шесть дней Бог сотворил мир, шесть — первое число, совершенное во всех своих частях. Половина его — три, треть — два, и шестая часть — единица. Единица, два и три вместе дают шесть. Тем самым, раз мир должен проявить себя в шести возрастах до достижения своего совершенства, то шесть ступеней, ведущих к трону, приглашают зрителя войти в Священный Город по пути благих деяний. Кроме того, Трон Соломона означает трон, приготовленный Отцом для Сына, нередко два льва у подлокотников трона — это Ветхий и Новый Заветы. Одни из основных космологических символов на тронах — звезда Давида и тетраграмма. Иудейская символика аналогична архитектурной символике. Число 6 также символ святого Грааля — таинственной чаши с кровью Христа, и самого Христа как второго Логоса (первый Логос — Отец, второй — сын, Третий — Святой дух) 6 также является числом Солнца и числом 6-ой сефироты — Красоты. Цифра 6, столь значимая для каббалистов, получила претворение в творчестве И.С. Баха, отразившем основные акустические закономерности, соответствующие 6 дням творения. Шестиугольник же (звезда Давида) — символ устойчивости структуры существования, символ познания, содержащий–сокрывающий в себе геометрию пространственно–временных закономерностей, с древнейших времен использовался в мировой культуре. Шестилепестковый узор довольно часто использовался в христианских храмах, вплоть до изображения на мандорле Христа (вспомним, например, тимпаны храмов Франции при воспроизведении сцен Страшного Суда и Апокалипсиса). В книге Л. Г. Бергер показано, как во всех мировых религиях шестиугольник выделяется и почитается как важный символический знак⁵⁶³. Загадочное число 666 — число зверя. Считается, что это также число человека. Одна из форм декодировки этого числа — заключается в том, что слово «зорат» — зверь состоит из 4 букв, имеющих следующие числовые значения: самех — 60, вав — 6, реш — 200, тау — 400. В итоге $60+6+200+400 = 666$.

⁵⁶² Буряты: традиция и культура — Улан–Удэ, Соёл–культура, 2003, с. 26.

⁵⁶³ Бергер Л.Г. Звук и музыка в контексте современной науки и в древних космических представлениях. Пространственный образ как модель художественного стиля. — Тбилиси, 1989, с. 77 и далее.

В сумме $6+6+6$ получается 18. Известно, что масоны придавали этому числу особое значение. Сальери, считая, что такой дар, который дарован Моцарту, транжирить беззаботно, как это делает Моцарт, нельзя. И отравил его ядом, который он 18 лет носил с собой. Сальери у Пушкина только символ, а не реальный виновник смерти Моцарта. Как считает Скоробогатов, Пушкин, творец, очень хорошо понимал природу творчества, не принижал Сальери, а только поставил его в фатальную ситуацию. Мистическая цифра 18 пронизывает это произведение, как и увертюру к «Фаусту» Антония Радзивилла. Кроме того, Моцарт родился в XVIII веке. Смерть его в 1791 году ($1+7+9+1=18$). Сам Моцарт увлекался цифрой 18. В его «Волшебной флейте» Скоробогатов видит претворение масонских ритуалов, считая ее насквозь проникнутой масонской символикой. Первое появление Зарастры связано с номером 18. Но Зарастра — магистр ложи. «Маленькая масонская кантата» написана Моцартом на 18 партитурных листах. Премьера кантаты (ирония судьбы!) состоялась 18 октября 1791 года. На следующий день Моцарт окончательно слег. И болел почти полгода (180 дней). Яд, которым был убит Моцарт, сулема, представляет собой смесь, в которую входит ртуть, в химической таблице значащейся под номером 18.

7 — мистическое число, которое выделялось еще в зороастризме, где было 7 высших добрых богов (ахуров) и семь злых богов (дэвов).

Число 7 представляет сумму $3+4$. Это число является магическим во многих культурах мира. Число дней недели, число праздников, количество цветов спектра, тонов в музыке (хотя уже указывалось, что первоначально было выделено только 5 тонов, откуда возникла пентатоника), число основных запахов.

Тайна числа 4 связана с тайной цифры 7. Ибо 4 развивается из трех. А везде, где речь идет о развитии, выступает категория времени — развитие происходит во времени. Поэтому 7 — число времени. 7 — самое знаменитое число. Оно особенно часто встречается в религиозных и мифологических документах. В Библии — 7 дней творения, за 7 дней до потопа Бог сообщает об этом Ионе, 7 дней ожидает Ной, выпуская птиц после потопа. Число 7 здесь прямо указывает на временные периоды. В Апокалипсисе Иоанна — 7 церквей, 7 труб, 7 печатей, 7 чаш гнева. Библейскому Иосифу, зная магию числа 7, было нетрудно трактовать сны фараона — 7 тощих коров — малоблагоприятные отрезки времени, соответствующие 7 годам голода и т.п.

Если взять натуральный ряд чисел от одного до 7 — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, то 5 будет повторять в новой форме 3, 6 — 2, а 7 — 1. Эзотерики считают,

что, прикладывая эти числа к собственной жизни, можно разобраться в ее событиях. Рудольф Штейнер считал, что такие числа — схема, с помощью которой можно систематизировать огромные промежутки времени, о которых пророчествует автор Апокалипсиса.

Все эзотерические учения делят эволюцию на 7 эпох. Каждой эпохе соответствует 2500 лет. «В эволюции существует некий закон. Он известен нам на примере развития человеческой личности, и мы часто о нем говорили. Вот этот закон. В промежутке времени от рождения до 6– или 7–летнего возраста у человека развивается тело физическое. Развитие эфирного тела осуществляется между 7–ю и 14–ю годами, астрального — между 14–ю годами и 21–м годом. Таков закон, в котором господствует число 7 и который управляет человеческим развитием»⁵⁶⁴. Такой закон характерен и для внешних оболочек души, и для развития Вселенной. Считается, что время в 2500 лет, за которое Солнце проходит знак Зодиака, которые сменяются «... в следующих друг за другом периодах, созидая все развитие», в котором «господствует число семь. Как подвигаются музыкальные тона от октавы к октаве, так вся эволюция протекает в октавах становления»⁵⁶⁵. Следует иметь в виду, что оккультные эпохи отнюдь не соответствуют астрономическим, ибо за середину земного развития оккультисты принимают воплощение Бога на земле, т.е. начиная с земной жизни Христа. Поэтому по астрономическим исчислениям мы живем в эпоху Водолея. По оккультным представлениям — в середине эпохи Рыб (5–ой по отношению к середине), которая началась приблизительно в 1250 году. И до эпохи Водолея (6–ой по счету) нам предстоит еще более 1700 лет. В Апокалипсисе эти эпохи изображены как Церкви. И послания 7 Церквям — это своего рода характеристики 7 культурных эпох. Автор Апокалипсиса говорит, что может быть удержано из наследия данной эпохи, а что может и должно измениться. Соответственно под 7 печатями, 7 трубными гласами и 7 чашами гнева понимаются более глобальные временные периоды. Они так же систематизируются по законам числа 7.

Семиричный состав в оккультизме имеет и человек. Он же тоже живет и развивается во времени. Человек по Тайной Доктрине состоит из физического тела. Это его минеральная составляющая. Эфирное тело — жизнь, оживляющая этот минерал. Эзотерики и антропософы считают, что эфирное тело — это сумма законов, по которым функцио-

⁵⁶⁴ Штейнер Р. Евангелие от Матфея. — М., Новалис, 2001. — 225 с., с. 61.

⁵⁶⁵ Штейнер Р. Апокалипсис Иоанна. — Калуга, «Духовное познание», 1999, 249с., с. 193.

нирует физическое тело. Следующий уровень — астральное тело, тело его чувств, эмоций и страстей.

4-й элемент, член — человеческая индивидуальность, «Я» человека.

5-й элемент, член суммы тел — очищенное астральное тело, над которым человек еще работает. В восточной традиции, этот член человеческого существа назван Манас, в частности, в киргизском эпосе — это герой.

6-м является преобразенное эфирное тело — Будхи.

7-м — физическое тело — Атман, до которого человек должен доработаться в земной эволюции.

Число 7 современные мистики прикладывают к историческим эпохам. И в целом получается, что такое приложение соответствует историческим процессам, правда, если их огрублять и немного подгонять под данную схему. Римская история. В ней выделяют 7 царей: I был Ромул — основатель города, создавший физическое тело государства; II — Нума Помпилий, большой мудрец, которого Тит Ливий назвал учеником Пифагора. Нума Помпилий создав законодательную систему, тем самым как бы оживив созданное Ромулом тело. При III царе Тулии Гостилии велось много войн. И это соответствует страстям и эмоциям астрального тела; IV был Анн Марций. О нем говорится, что он вобрал в себя лучшие черты трех первых царей, и это соответствует числу 4, которое уравнивает первых трех. Три последующих царя повторяют деяния трех предыдущих: V — Тарквиний Древний много воюет; VI — Сервий Тулий отличается завидной мудростью; VII — Тарквиний Гордый был не настолько хорош, как его предшественники. Он был свергнут восставшими римлянами и на нем кончается эпоха римских царей.

Если обратиться к нашему Отечеству, то современные антропософы трактуют его историческое развитие в советскую эпоху следующим образом: Первым правителем нового Советского государства был его создатель В.И. Ленин. Он создал физическое тело государства. Затем был И. Сталин. При нем тело это оживлялось (несмотря на то, что система была зверской, бесчеловечной и жестокой). Далее — Никита Хрущев — человек эмоциональный, страсти которого так противоречиво отразились на его времени. Следующий правитель — Леонид Брежнев. С ним связан застой, который уравнивал трех предыдущих. Так как в предшественниках Брежнева было так мало добра, то лучшим результатом их деятельности было полное бездействие. Пятый правитель должен был повторить на более высоком уровне деяния третьего. Но Андропову повторять было нечего. Шестой правитель, как и пре-

дыдущий, правил недолго. Черненко не мог развить добро, которого не было во втором правлении. И, наконец, седьмым стал Михаил Горбачев, закончивший эпоху советских правителей, упразднив это государство. Следующий этап — Борис Ельцин, Владимир Путин, Дмитрий Медведев. Вспомним стихотворение А.К. Толстого:

Ходить бывает склизко
нам по мосткам иным.
Поэтому о том, что близко,
мы лучше помолчим.

Отрицая соответствие числа 7 процессам времени, можно назвать радугу, состоящую из 7 цветов, которые никакого отношения ко времени не имеют. Но относительно цветового круга оккультизм говорит не о 7 цветах, а о 12. Только человек видит из них пока только 7. 5 принадлежат к так называемому ночному спектру. Их человек, по представлениям оккультистов, будет видеть в будущем.

В связи с числом 7 можно говорить и о 7 планетах. Но они полностью соответствуют семи этапам развития. Однако их надо рассматривать не в системе Коперника, а Птолемея. Они выстраиваются в следующий ряд: Земля, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн. Для духовного развития центром является земля, а не Солнце.

Число 8 в мистических учениях встречается довольно редко. Но все же мы видим претворение этого числа в символах розенкрейцеров — крест с семью розами и крест с восьмью розами. 8 — это 7 и 1. 7 — число планет, а под 1 надо понимать Зодиак, т.е. 12. Поэтому, если крест с 7 розами символ внутреннего развития человека, то крест с 8-ю розами указывает на внешнюю природу, на проникновение человека в макрокосм. Поэтому 8 часто является символом внешнего Божественного миропорядка.

Касаясь планетарной системы, мы переходим от числа 7 к числу 9. Ибо 7 планетам соответствуют 9 небес, которые олицетворяют собой 9 ангельских чинов трех Иерархий. Систему иерархий впервые описал Дионисий Ареопагит, но детально разработал Фома Аквинский. Поэтому она существует в латинских наименованиях. Между человеком и Богом существует 3 Иерархии по три ангельских чина в каждой. Первая Иерархия — это Серафимы, Херувимы и Престолы (Троны). Они непосредственно лицезрят Бога. Вторая Иерархия — это Кириотетес (Господства), Динамис (Силы), и Экскузияй (Власти). Третья Иерархия наиболее близка к человеку. В ней Архаи, Архангелы и Ангелы. От

Земли до Луны — небо Ангелов, от Луны до Меркурия (следует иметь в виду, что во всех древних астрономических системах сначала идет Меркурий, затем Венера) — небо Архангелов, от меркурия до Венеры — небо Архаев, от Венеры до Сатурна — Тронов. Далее следует Хрустальное небо неподвижных звезд. И от Сатурна до Хрустального неба сфера Херувимов, а само Хрустальное небо — сфера Серафимов. Таким образом, всего — 9 иерархий или небес, которые человек должен пройти, чтобы достичь Бога. Четвертой иерархией 10-ым числом является сам человек⁵⁶⁶. Уже в древнеегипетской мифологии число 9 имело сакральный смысл. Великая девятка богов возникла из 1 — Атум-Ра порождает Шу и Тернут (двоих), они рожают Геба и Нут (двоих), от них появляются Осирис, Исида, Сет и Нефтида (четверо). В итоге получается 9 богов.

Число 9 также представляет собой трехкратное повторение числа 3, что придает числу 9 еще большую значимость.

Система иерархий Дионисия Ареопагита соответствует древнееврейскому каббалистическому учению о 10 сефиротах. «Книга творения» («*Sepher Jezirah*») представляет собой книгу о творении, заключающемся в 10 сефиротах (свойствах) и 22 букв.

Зогар представляет собой каббалистическое толкование Пятикнижия. Бог — Творец вселенной. Но так как Он недостижим, то между ним и миром находится 10 сефиротов: Хохма (мудрость), Бина (понимание), Даат (знание), Хэсэд (добродетель), Гвура (твердость), Тиферет (красота), Нецах (вечность), Год (прославление), Йесод (основание), Малхут (царство). Первые три относятся к мозгу, последние семь относятся к сердцу. Девять сефиротов делятся на три троицы. Каждая из этих троиц содержит два противоположных начала и одно уравнивающее. 10-я сефирота представляет собой заключение всех и образует гармонию мира. Сефироты представляют собой 9 концентрических кругов, над которыми парит Эн-Соф. Сефироты, обозначаемые 10 буквами, выявляют соотношения между ними и иерархиями духов. Троица представляет собой прототип всех естественных знаков и характерна для всех религий и философских систем: Солнце — Луна — Земля; Брахма, Вишну и Шива; Осирис, Изида и Гор, Юпитер, Юнона и Вулкан; Отец, сын и Дух Святой.

⁵⁶⁶ См. об этом: Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. — СПб., Глагол, изд-во русского христианского гуманитарного института, Университетская книга. — 1997, 187 с., особенно — глава 7: «О серафимах, херувимах и престолах и о первой их иерархии», — с. 61–79.

В Каббале эта тройца предстает в виде трех сефирот: Хокма (Хохма), Бина, Кетер. Этот тернер развивается в септирот. Характерно это не только для Каббалы. В индуизме первые божественные Тримурти — Брахма, Вишну и Шива — переходят в 7 предтворческих могуществ (Майю, Аум, Харангербегах, Порш, Предианат, Пракрат и Пран).

Слово «сефира» можно перевести как нумерация или лучезарная видимость. Каббала различает внутри мироздания 10 членов, которые разделяются на 4 группы. Самый высший мир — мир эманаций. К нему относятся три высшие сефироты — Кетер (Корона), Хокма (Мудрость), Бина (Разум, понимание). К следующему разряду относятся Гвура (Строгость, твердость), Тиферет (Красота), Хесэд (Милосердие). Далее в мире образований располагаются следующие сефироты — Нецах (Победа, вечность), Год (Слава, прославление), Йесод (Покой, основание). В конце — мир реальностей и к нему принадлежит 10 сефира — Малхут (Царство). Это мир, который нас окружает. Он соединен с девятью высшими формами бытия, коими являются сефироты, но это наш реальный видимый мир. И путь человека к высшим мирам начинается из него, из 10. Поэтому 10 — это опять человек. А 9 — это 9 ступеней подъема к Божественному. Во всех посвячительных системах присутствует этот принцип (вспомним о значимости числа 9 в шаманизме).

Число 10 является значимым и в индуизме: там разработано учение о 10 аватарах Вишну.

Очень важным распространенным числом во всех мистических представлениях является **число 12**. Оно представляет собой произведение трех на четыре. 12 частей года, 12-членные пантеоны, всегда число Зодиака. И это число братства, ибо 12, будучи разными, всегда равны по значению между собой: 12 сыновей Иакова, 12 апостолов. И т.д. 12 делится на 7 и 5. Эти соотношения отображены в Евангельском рассказе о рыбах и хлебах. Он приводится в евангелиях от Матвея, Луки, Марка.

12 как счастливому числу противостоит число несчастливое число 13.

Безусловно, в данной работе намечены лишь наиболее известные и распространенные мистические толкования чисел. Понятно, что тема эта весьма обширна и является предметом осмысления многих сакральных и эзотерических представлений. Невозможно все эти представления осветить в небольшой статье, ибо материал этот поистине неисчерпаем. Кроме того, в мистике чисел присутствует специфический тип мышления, в котором проявляется особая логика. Отсюда сложности изучения и осмысления их. Однако, интерес к мистике чисел сегодня достаточно велик. Именно поэтому тема эта представляется весьма

актуальной и привлекательной и наметить в ней узловые моменты, на наш взгляд, весьма интересно и поучительно.

Гематрии Каббалы имеют непосредственное основание в Библии, где каждое число имеет определенный статус в кодировании важных закономерностей Бытия. Часто встречающейся цифре 7 в Библии особое внимание уделено в книге Бытия. Это 7 дней творения мира и предписанный день отдыха, а также 7 разделений в процессе космогенеза: отделение света от тьмы, разделение вод небесных и сухопутных, суши и моря, дня и ночи, зверей и птиц, животных и человека (Первая часть книги Бытия). За 7 дней до Потопа Бог сообщает об этом Ионе, 7 дней ожидает Ной, выпуская птиц после потопа (Вторая книга Бытия). 7 тощих и 7 жирных коров, 7 и 7 колосьев в снах фараона, толкуемых Иосифом, 70 душ потомства Иакова образуют израильский народ (Третья книга Бытия). Столь же часто встречается цифра 12. Оно многозначно, маркируя разные явления, но в первую очередь — последовательность поколений праотцев и патриархов. «Числа 7 и 12 маркируют не только начальный и конечный участок цепи поколений, но и способны символизировать, соответственно, Божественный и человеческий вклад в единый процесс этно–генеза»⁵⁶⁷. Последовательность поколений праотцев в книге Бытия уподоблена ивритскому алфавиту, а «числовой код, присущий этой последовательности, опирается на порядок, объективно присутствующий в алфавите»⁵⁶⁸.

В свою очередь число 12 состоит из 7+5. Число 5 также кодируется в книге Бытия. Оно — знак богоизбранности. Эта семантика чисел, «располагая знанием о базовых элементах числового кода, связанного с излагаемыми событиями, их последовательностью и телеологией» позволяла носителям традиции обходиться «меньшим количеством необходимых характеристик для сохранения полной картины»⁵⁶⁹. Таким образом, мнемонически числа давали обширную информацию, маркируя разные элементы Божественного вмешательства и коммуникации с Богом, продолжительности жизни праотцев. Используя символическую значимость чисел, кодировались общие представления об историческом времени. Мнемонические приемы опирались на базовые в повествовании числа. Но числовой код употреблялся не только как

⁵⁶⁷ Островский А.Б. Алфавит и история. Числовой код космо–этногенеза в книге Бытия // Метафизические исследования. Выпуск 8. — СПб.: «Алетейя», 1998. — 351 с., с. 74

⁵⁶⁸ Там же, с. 68.

⁵⁶⁹ Там же, с. 78.

мнемотехнический, но и как эзотерический прием. Так, число 7, маркирующее неделю, является также половиной лунного месяца. Число 10 — 10 лунных месяцев — срок беременности и т.п.⁵⁷⁰. Как считает А.Б. Островский, использование числового кода позволяло оперировать аналогиями и возможностью возводить этнологический объект, обычай к общим чертам мироздания (космологии), что соответствует чертам мифологического мышления. Числовая интерпретация сегодня дает нам возможность понять те представления об историческом времени, «которые заложены в кн. Бытия»⁵⁷¹.

---

⁵⁷⁰ См. Фролов Б.А. Происхождение календаря // Календарь в культуре народов мира. — М.: 1999, с. 22–23.

⁵⁷¹ Там же, с. 88. Подробнее о числовых кодах см.: Вартаков Ю., Островский А. Библийская метаистория. Семиотика чисел в Еврейской библии. Российские исследования в гуманитарных науках. Т. 18. — Левинстон, Нью-Йорк, The Edwin Mellen Press, Ltd, 2000 — 657 с.

Санкт–Петербург (Ленинград) — столица провинциальной культуры

(Опубликовано: *Studia culturae*. Выпуск 8. Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета СПб ГУ. — Санкт–Петербургское философское общество. 2005 — 336 с., с. 69–75)

Название статьи вызывает стойкое неприятие. Как–то один иностранный славист спросил меня, как я считаю, с какой темой можно выступить на конференции, посвященной российской провинции. Я с готовностью посоветовала написать о Петербурге. Но это тут же было бурно отвергнуто с явным возмущением. Думаю, что у многих моих соотечественников будет такая же реакция. Не случайно в нашем языке возникло понимание Санкт–Петербурга как второй столицы, культурной столицы и т.п. Но уже А.С. Пушкин с обычной для него пронизательностью и глубиной писал: «Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом»⁵⁷². И все же черты провинциальности в этом городе присутствуют. Здесь надо оговориться. Со времен Петра I, когда Санкт–Петербург стал строиться, эта новая столица отличалась от многого традиционного в стране. Западные традиции города проявлялись многообразно — и в планировке, и в зданиях, и в проживании людей разных национальностей. «Европейское» начало города подчеркивали и философы, и люди науки, и художественная интеллигенция. В автобиографическом романе Андрея Белого его отец, профессор Бугаев называет этот город «немецким». Конфессиональная терпимость отразилась на многообразии храмов, нередко соседствующих друг с другом. И, конечно же, до сих пор Петербург отличается от обычной провинции его официальное столичное прошлое.

Понятие провинция появилось в Древнем Риме. Тогда словом *provincia* (латинское — провинция, область) обозначали подвластные Риму

---

⁵⁷² Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. — М.; 1976. Т. 6. С. 336.

территории вне Италии. Эти области управлялись наместниками из Рима. Синонимом этого слова является периферия. В любом предмете или явлении можно выделить центр и периферию. Их взаимодействие определяется многими закономерностями. Как правило, нарастающие изменения в каком-либо процессе сначала захватывают периферийные области, и лишь затем охватывают центр, когда и происходят революционные изменения. Это особенно заметно в выразительных возможностях художественных произведений, языке искусства. В книге С.М. Даниэля «Картина классической эпохи»⁵⁷³ это хорошо показано на примере живописи.

Когда мы говорим о культуре в целом, то здесь взаимодействие провинции и центра (столицы) более многообразно и их взаимовлияние проникнуто центробежными и центростремительными силами. В любом государстве это взаимодействие довольно ярко себя проявляет. Правда, существуют страны, в которых несколько центров, столиц. Таковы, например, Соединенные Штаты Америки. Известно, например, что столицей кинематографии здесь является Голливуд, находящийся в Лос-Анджелесе, столицей разных областей науки — определенные университеты, разбросанные в разных городах страны, создавшие свои, зарекомендовавшие себя в сознании научной общественности, традиции. Политические решения подготавливаются в Вашингтоне, экономика зависит от Уолл-Стрита, театральная мода формируется на Бродвее. Во Франции же средоточием столичного начала является только Париж. И с давних времен провинциалы стремились покорить Париж — вспомним Стендалевского Сореля, да того же д'Артаньяна. В России, долгие годы в которой существовали и до сих пор существуют франкофильские традиции, столь же ярко проявляет себя доминирование столицы над провинцией. И в отличие от сформулированной вначале закономерности о накоплении новых элементов на периферии, все самое передовое, интересное, новаторское сначала появляется в столице, и потом постепенно доходит до провинции. Особенно наглядно это видно в моде на одежду. Но и в области идей провинция движется медленнее. Будучи распределена после окончания аспирантуры в город Петрозаводск на рубеже 60-х — 70-х годов, где было много москвичей и ленинградцев, по разговорам и темам можно было определить, в какие годы те или иные люди покинули родные Пенаты, выпестовавшие своих питомцев в модных идейных представлениях. Однако такое

⁵⁷³ Даниэль С.М. Картина классической эпохи. — Л.: Искусство, 1986. — 199 с.

разделение столичного и провинциального отмечает лишь поверхностные, brutальные проявления соотношения столицы и провинций. На самом деле они много сложнее, имеют различные градации и оттенки.

Когда мы говорим о провинции, то в первую очередь возникают ассоциации с провинциальностью. Провинциальность в стереотипном проявлении — это «одурь отупляющей жизни», неспешность, размеренность быта, стремление к уюту и спокойности существования. Действительно, в провинции, как правило, более замедленный темп жизни, большая зависимость от суждений окружающих, ибо круг людей общения более ограничен, и однажды выпав из каких-то принятых рамок, человек получает клеймо на всю оставшуюся жизнь. Поэтому провинциальный человек более робок, зависит от мнения окружающих, старается не выходить за рамки общепринятого. С другой стороны, не обученный проявлениям устоявшихся условностей, часто ведет себя так, что его поведение воспринимается как проявление грубости и невоспитанности людьми, выработавшими определенные, как правило, вызванные необходимостью, этикетные правила. Чаще всего это проявляется в костюме. Так, например, желая продемонстрировать впервые приобретенный жилет, один провинциальный соискатель явился на экзамен без пиджака, наивно считая, что такое одеяние подчеркивает его светскость.

Столица же всегда отмечена суетою, спешкой, бурлением страстей и появлением всевозможных новинок. Это ни в коей мере не противоречит тому, что именно на окраинах зарождаются новые тенденции. Новое явление должно пройти долгую обкатку, вызреть, совершенствуясь и шлифуясь. Именно зарождение нового чаще всего вызревает на периферии. Но внедрение и распространение его характерно для столицы. Именно в периферийных областях зарождается истинно новое, накапливаются те зерна необычного, не традиционного, что способствует, в конце концов, проявлению революционных изменений. Но проявить себя это новое часто может с трудом. Мартин Вальзер описал историю провинциального историка, так и не сумевшего опубликовать свои исследования, сделанные на основе скрупулезных разысканий, так как в столице экспертом профильного журнала, от которого зависела публикация, оказался человек, концепцию которого разрушала предлагаемая работа. Дело было в Германской Демократической Республике. Но и в ФРГ автору не удалось опубликовать свой труд, ибо его идеи воспринимались там как проникнутые коммунистической пропагандой. Так часто провинциальные новаторские идеи оказываются загубленными, потому что столица не всегда в состоянии их осмыслить и воплотить.

Провинция, безусловно, более консервативна, более косна, нежели столица. Но, с другой стороны, здесь есть возможность для более углубленного осмысления каких-то сторон действительности, ускользающих от столичного жителя, втянутого в водоворот стремительно несущихся событий, что особенно характерно именно для Москвы. Об этом писал В. Пяст, характеризуя особенности петербургской поэзии: «Ярмарочная суэта Москвы совершенно незнакома нашим петербургским поэтам»⁵⁷⁴. И в наши дни москвичи более энергичны, более подвижны, нежели петербуржцы. Особенно это видно со стороны, иностранным гостям. Как пишет Джон Николсон, пока петербуржец сиднем сидит, не вылезая из своей квартиры, москвич в минувшие три дня «продал квартиру (дважды), купил три новых машины, женился, развелся, сформировал новую политическую партию, еще раз женился и развелся и написал в постмодернистском духе отчет о полутора часах, проведенных в вашей запертой комнате»⁵⁷⁵.

Но можно ли все же Санкт-Петербург назвать провинцией? В дореволюционном Петербурге чувствовался столичный лоск, холодность и светскость, чопорность и отстраненность, многократно отраженные в произведениях искусства. Все стало изменяться в советское время. И в этом были как отрицательные, так и положительные черты. С тех пор, когда в советское время столица была перенесена в Москву, в Петербурге происходили многообразные изменения. Уже переименование в город Ленинград не прошло бесследно. Имена имеют некое мистическое воздействие. Беспримерный подвиг горожан во время второй мировой войны наложил вторичный отпечаток на этот город и во всем мире слово «ленинградец» имеет дополнительный героический смысл, придающий величественный отблеск людям, жившим в нем. Однако неотвратимые изменения в городе происходили не только из-за переименования. Сразу после Октябрьской революции большинство дворян, чиновников, определявших столичный облик жизнедеятельности и взаимоотношений людей, по разным причинам покинули город. В их квартиры вселились рабочие окраин и крестьяне, теперь представители господствующих классов. Носителями светскости, хороших манер стали лакеи, прислуга. Оставалась, правда, еще и интеллигенция, сохранявшая традиционные ценности, в том числе и столичные. Но, увы, сокрушительные репрессии выкорчевывали из города носи-

⁵⁷⁴ Пяст В. Поэзия в Петербурге // Петербург, 1922. № 7. С. 15.

⁵⁷⁵ Николсон Джон. Другой Петербург. Записки англичанина. — СПб., 1995, с. 20.

телей подлинной культуры, зачастую связанной с культурой столицы. Усугубила этот процесс война с гитлеровцами. Как известно, на войне гибнут лучшие. И город опять понес урон. В дальнейшем многочисленные миграционные процессы пополняли город провинциалами, число которых стало превышать количество коренных жителей, которые гордо стали себя называть «коренными ленинградцами», понимая, что они — носители чего–то неповторимого и своеобразного. Кроме того, приезжие провинциалы, как правило, более жизнедеятельны, более активны, нежели коренные жители. Не имея протекции, родственников, им приходится прилагать больше усилий, чем тем, кто здесь жил, чтобы достичь поставленных целей. Поэтому укореняются в городе только самые энергичные, стойкие, умные и смелые провинциалы. В то же время следует отметить, что, попадая в Ленинград–Петербург, люди начинают стремительно изменяться соответственно его удивительной красоте и строгости, стройности и четкости зданий. Пространство города влияет на облик людей, проживающих в нем. Легко отличить жителя города от всех других — и не только по речи, словарному запасу, но и по кинесике, жестам, мимике, по манерам, по внешнему облику. Приезжие мигром чувствуют свою непохожесть на коренных горожан, отличие от них, и вскоре начинают подражать тем, кто вызывает если не восхищение, то понимание их более высокой цивилизованности. В перестроечный и постперестроечный период в городе появилось много людей из южных окраин страны, которые стали продавать различные товары на наших рынках — в первую очередь на Сенном и в Апраксином дворе. Оказываясь с ними в маршрутном такси, пришлось увидеть определенную закономерность. Если сначала они очень странно для жителя города оповещали о необходимости остановки — чаще всего у этих рынков, то со временем в своих просьбах водителю они перестали отличаться от всех остальных. И все же, как мы видим, доля тех, кто был носителем «столичности», постоянно уменьшается. Эмиграция, повышенная смертность также способствуют этому. Таким образом, население города в целом становится все больше и больше провинциальным. Провинциальность Петербурга, все более нарастающая, проявилась и в необычной для города растущей в последнее время ксенофобии. Потрясшие страну убийства в Петербурге в начале XXI века на почве национальной неприязни отнюдь не являются традиционными для города, изначально отличавшегося терпимостью и толерантностью к людям, принадлежащим к разным этническим и конфессиональным группам.

С другой стороны, существовало и существует множество процессов, в советский и постсоветский период, как общегосударственного масштаба, так и более мелких уровней, низводивших и низводящих город в статус провинциального. Это и политические, и экономические, и административные факторы.

Как правило, столица притягивает все самое яркое и интересное из провинции. Самые выдающиеся ленинградцы и потом петербуржцы постепенно стали москвичами. Более редки случаи, когда москвичи перебираются в «северную столицу». Конечно, это не общее правило. Но все же в этом процессе много перекличек в проявлении взаимоотношений Древнего Рима и выходцев из Древней Греции, пополнявших Рим в качестве наставников и учителей. В книге «Грузинский альбом» А. Битов описывает, как он ехал из Москвы в Ленинград с московским писателем (описывались события середины 70-х годов). Договорившись заранее о поездке, Битов, привыкший к тому, что перед отъездом может не оказаться билетов в кассе, заблаговременно купил два билета. Как подчеркивает писатель, в Ленинграде, как правило, билетов (да и всего остального) меньше, чем в Москве. Его попутчик, москвич, пришел на вокзал за несколько минут до отправления поезда, и тут же без очереди купил два билета в СВ. Так на четырех билетах они и поехали в Ленинград. И публика в вагоне оказалась совсем не та, к которой привык писатель, пассажир второго класса, как он себя назвал, ставший недавно перед этим столичным жителем, и с необходимостью перенимая столичные манеры.

Связано это с тем, что все государственные учреждения сосредоточены в столице. Поэтому близость к ним помогает более быстро и просто внедрять свои новаторские идеи. И наиболее активные и инициативные люди стремятся быть ближе к этим источникам быстрого внедрения их творческих концепций. С другой стороны, и столица заинтересована в носителях инновационных процессов, почему и привлекает их. Таким поставщиком неординарных личностей, талантливых людей является именно провинция. Так, И. Смоктуновский, провинциальный актер, сначала заблистал в Ленинграде, а затем стал москвичом. Примеров таких уйма.

Различного рода конкурсы, соревнования, как правило, выделяют в первую очередь столичных жителей, ибо, как правило, большинство в жюри представляют столичные профессионалы. Даже тогда, когда победителями становятся провинциалы, столица их привлекает, превращая в своих жителей. Здесь возникает определенная закономерность.

Провинция пестует своих питомцев. Неспешность жизни, отсутствие суеты позволяет углубиться в проблемы, интересующие серьезного человека. Это способствует его профессиональным успехам. Но как только он их достиг, ему необходим простор для самореализации. Простор этот предоставляет столица — с ее обилием разного рода учреждений, позволяющих внедрить нововведение. И провинциал отправляется в столицу. Здесь его ждут разного рода испытания. Выдерживают самые стойкие и энергичные. Возможен и другой путь. Молодой провинциал, не ощущая подпитки в своей интеллектуальной и духовной интенции, отправляется «покорять столицу». Удастся это немногим, но самым талантливым и предприимчивым. И они становятся столичными жителями, сливаясь с ними и нередко достигая завидных вершин.

Как провинциальный город, Петербург — Петроград — Ленинград — Петербург все же выделяется среди всех остальных городов России. Здесь много центров — культурных, научных, творческих, сформировавшихся еще со времен основания этой столицы. И часто именно этот город оказывался более притягательным для провинциалов, привлекая отсутствием отрицательных черт, присущих столице. Петербург становится кузницей кадров. Особенно это заметно в наше время, когда президентом стал петербуржец. Таким образом, Петербург все же можно назвать столицей провинциальной культуры, подпитывающей и способствующей славе России.

Америка и американцы глазами россиян конца XX века

(Опубликовано: Философский век. Альманах. Вып. 31.

Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 1 — СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей. 2006. — 326с., с. 268–279)

Америка всегда привлекала внимание россиян. Причем, внимание это всегда было двойственным. С одной стороны — восхищение и даже зависть, что жизнь там устроена так удобно и приятно, что «вы чувствуете, как воспаряет ваша иссушенная избыточно богатой Америкой душа»⁵⁷⁶. Вспомним клич Н.С. Хрущева, поставленный перед нашей страной: «Догнать и перегнать Америку». Интерес к Америке так велик, что еженедельно по каналу «Культура» передают цикл передач «Прогулки по Бродвею». На Олимпийских играх наши журналисты постоянно сравнивают количество медалей у наших спортсменов и спортсменов Америки. И это совсем не случайность. Сегодня мы часто с сожалением вздыхаем, что Америка могла быть русской. Дело в том, что когда в 1848 году в Калифорнии было найдено золото, именно тогда был куплен у русских форт Росс, находившийся там, довольно хорошо укрепленный и поддержанный аляскинскими гарнизонами и тихоокеанскими кораблями. Но к этому времени русские истребили морскую выдру, которую они добывали для китайских мандаринов, а про золото ничего не знали. И с легкостью продали территорию. А ведь история могла повернуться совсем по-иному!?

Каждый год в Америку свозят почти все Нобелевские премии, правда, получают их отнюдь не всегда их коренные жители. Несмотря на то, что американцы сильны в науке и технике, но глобальные открытия, изменившие жизнь человека XX века, сделаны европейцами. Даже «беглый взгляд на список американских нобелевских лауреатов поражает: немецкие, французские, японские имена... недавно кинокритики с изумлением отметили: из пяти режиссеров, выдвинутых на премию Оскара, не было ни одного гражданина Соединенных Штатов»⁵⁷⁷.

---

⁵⁷⁶ Вайль П., Генис А. Американа. — М.: СП «Слово», 1991. — 319 с., с. 145.

⁵⁷⁷ Там же, с. 131.

Все же это свидетельствует о том, что Америка имеет возможность достойно платить ученым и художникам из разных стран мира. Элементарный комфорт, благосостояние, прекрасные огромные супермаркеты вызывали восхищение и понимание, что достичь этого для России, с ее очередями за дефицитом — далекая мечта. «Просто живут американцы, без надрыва. И как-то все у них получается. Нобелевские премии хватают. Машины делают. Хлеб выращивают. ... График у них душевный не тот, что ли. Не настроенный на трудности, чтоб через тернии к звездам. Звезды — есть, а терниев нету»⁵⁷⁸.

Сегодня Америка стала страной, на которую равняются все остальные государства. Как пишут П. Вайль и А. Генис: «Сыграли свои роли Афины — исток цивилизации, Иерусалим — хранилище святынь, Рим — завязь государства, Париж — культурный полигон. Сейчас — время Нью-Йорка»⁵⁷⁹.

Но россиянина при этом поражает мещанство и малая интеллектуальность, духовная не информированность американцев. В стандартный американский гарнитур отнюдь не входят книжные полки, студенты гуманитарных вузов не только не знают всемирную литературу, но даже американскую литературу знают по программе. Когда в Америку приехал Евгений Евтушенко, у кинотеатра толпились любители автографов. Проходившие четыре молодых негра поинтересовались, зачем толпа. Когда они узнали, что ждут знаменитого русского поэта, они сразу среагировали: «Пушкина?»⁵⁸⁰. Как пишут П. Вайль и А. Генис: «Разве владелец собственного дома стал нравственно и интеллектуально лучше, выше, чем тот, кто живет в бараке?.. Декларация независимости провозгласила право на счастье, которое выродилось в право на комфорт»⁵⁸¹. Впрочем, так было и раньше. Не понравилась Америка В. Маяковскому, не понравилась М. Горькому. С другой стороны — русские всегда довольно скептически относились ко многим теневым сторонам жизни в Америке и, в первую очередь, в восприятии наших соотечественников сквозило разочарование в людях, их совсем отличной от русских ментальности, которая часто ставила в тупик и вызывала не только негативное, но и совершенно пренебрежительное отношение к американцам. Совсем недавно я услышала такой анекдот русских об американцах: «Амери-

⁵⁷⁸ Вайль П., Генис А. Американка. — М.: СП «Слово», 1991. — 319 с., с. 92.

⁵⁷⁹ Там же, с. 39.

⁵⁸⁰ Там же, с. 37.

⁵⁸¹ Там же, с. 11–12.

канский студент приходит в магазин и просит продать ему бейсболку. Но просьба его такова: чтобы козырек был сзади».

В последней четверти XX века появилась возможность для многих русских воочию увидеть эту страну, эмигрировать в нее. И, соответственно, появилось множество разного рода откликов на увиденное — в виде эссе, романов, повестей и т.п.

Из большого числа письменных источников — романов, повестей, рассказов, эссе, монографий и т.п. кажется вполне репрезентативным произведение П. Вайля и А. Гениса «Американа»⁵⁸². В дальнейшем, ссылаясь на эту книгу, в тексте будут указаны лишь ее страницы. Петр Вайль и Александр Генис уехали в Америку в 1977 году, однако связь с русской культурой не порывали и их восприятие вполне можно считать русским взглядом на Америку. Но при этом они вполне одолели возможность изучить язык, что является камнем преткновения для многих, ибо «язык в самом широком понимании, как средство социальной интеграции»⁵⁸³ — важный элемент проникновения в чужую культуру.

Как у состоявшихся литераторов, их труд написан довольно основательно — в отличие от восторженных или, наоборот, не приемлющих Америку людей. И сразу же они показывают противоречивость Америки. «Когда смотришь на Америку со стороны, особенно из России, она кажется прекрасной. Но вблизи, в тесном, непосредственном контакте, американская жизнь представляется упрощенной, выхолощенной»⁵⁸⁴. Американцы оказываются для русских скучными и неинтересными людьми. Жизнь американца предопределена до мельчайших деталей. «Вся она — цепочка причинно-следственных связей. Учеба — чтобы зарабатывать, жена — чтобы семья, банк — чтобы на старость»⁵⁸⁵. Поэтому студенты «предпочитают изучение хлебных профессий». «В сегодняшней Америке бедность непопулярна»⁵⁸⁶.

Многие, приехав в Америку, посчитали своим долгом возвеличивать эту страну, «видят в поклонении Соединенным Штатам свой моральный, если не материальный, долг. В газетах они пишут белый дом с больших букв, а Кремль — с маленькой. Их дети не говорят по-русски. На столе у них стоит виски и звездно-полосатый флажок»⁵⁸⁷.

⁵⁸² Вайль П., Генис А. Американа. — М.: СП «Слово», 1991. — 319 с.

⁵⁸³ Там же, с. 10.

⁵⁸⁴ Там же, с. 14.

⁵⁸⁵ Там же.

⁵⁸⁶ Там же, с. 44.

⁵⁸⁷ Там же, с. 9.

Названа их книга «Американа». Как объясняют это название авторы, оно взято из толкового словаря Уэбстера, где дается такое определение: «Американа — собрание материалов, имеющих отношение к Америке, ее культуре и цивилизации»⁵⁸⁸.

Авторы этой книги констатируют, что «у каждой страны есть «свой конструктивный символ... Британия — Парламент, Греция — Парфенон, Италия — собор Св. Петра, Мексика — сомбреро... Вообще — то сама Америка предпочитает в качестве своего символа статую Свободы... На самом деле... статуя Свободы — это второсортная Европа, а вовсе не Америка»⁵⁸⁹. В качестве такого символа они избрали главное сооружение Питсбургского университета, Cathedral of Learning (Собор Познания), который они называют более привычным для русского уха Храмом Науки. «Храм Науки в Питсбурге высится памятником простодушным филантропам, создавшим эту страну. В нем вся "Американа" — гигантский размах, зависимость от европейской культуры, религиозные чувства, неколебимая вера в науку и разум, пошлость, смелость, простота, самоуверенность, гордость, инфантильность. Такой цельной Америка уже не будет никогда»⁵⁹⁰.

Можно просто разделить положительное и отрицательное отношение в восприятии русскими современной Америки и американцев.

Самое привлекательное качество Америки, что страна эта очень богата. «Америка настолько богата, что в ней есть место даже для тех, кто богатым быть не хочет, — Вермонт»⁵⁹¹. Здесь, в этом штате полно русских, которых привлекает сюда дешевизна жилья. В Норвичском университете готовят будущих офицеров. А летом здесь собирают будущих славистов. И русский язык здесь — государственный⁵⁹². Понятно, что слависты — это и будущие шпионы, и будущие государственные служащие.

«Америка — страна людей, искавших убежища от истории»⁵⁹³. Но это убежище оказывается довольно дискомфортным. К нему надо привыкать и его надо осваивать. «Как в загробном мире, в Америке реализуется мечта о втором рождении, только на этот раз на свет — в Новом

⁵⁸⁸ Вайль П., Генис А. Американа. — М.: СП «Слово», 1991. — 319 с., с. 7.

⁵⁸⁹ Там же, с. 175.

⁵⁹⁰ Там же, с. 179.

⁵⁹¹ Там же, с. 241.

⁵⁹² Там же.

⁵⁹³ Там же, с. 258.

свете — появляешься в результате свободного, осознанного выбора: там, где хотел»⁵⁹⁴.

Но отличает эту страну все же повышенная комфортность. «Построить американский город можно так же быстро, как и описать. Все они одинаковы до безобразия, потому что у всех одна цель — удовлетворить одни и те же потребности человека в комфорте. В американском маленьком городе можно найти даже буколическую романтику, поэзию, покой, душевное равновесие. Нет тут только города. Город — штучный товар. Он невозможен без индивидуальности»⁵⁹⁵.

Наиболее полно, по мысли П. Вайля и А. Гениса эту страну выразил Фолкнер. «В основе Нового света лежит миф о пионере, первопроходце. Это не только голливудский штамп, но и глобальная мировоззренческая концепция... Свобода от прошлого — это бегство из истории политической в историю фамильную. Американская история по-настоящему должна ограничиваться семейной сагой. Как раз такой, какую писал Фолкнер»⁵⁹⁶. Если в России речь идет о национальном, то это коллективный завет святого народа-богоносца с матерью — землей. Для Фолкнера же «если дух национализма проникнет в литературу, она перестанет быть литературой»⁵⁹⁷. И еще один парадоксальный вывод Фолкнера подчеркивают критики: «единственный благородный поступок, который можно совершить на войне, — это проиграть ее»⁵⁹⁸.

Страна Америка населена людьми со всех концов мира. И здесь можно встретить совершенно экзотические смешения рас, этносов, народов, религий и верований. «В Пенсильвании есть островок богобоязненных меннонитов, которые пересекли прогресс на стадии конной тяги. И даже в бразильской сельве до сих пор живет племя обрезанных индейцев, которых в иудаизм обратили во времена конкистадоров. Поэт Игорь Гарик воспел вождя этого гордого племени, который вошел в историю под именем Монтигомо Неистребимый Коган»⁵⁹⁹.

Все, пишущие об Америке, подчеркивают тотальность американской улыбки. Многим она представляется проявлением их неискренности и фарисейства. На самом деле это не так. «Мы привыкли считать, что люди улыбаются, когда у них хорошее настроение. А здесь наоборот:

⁵⁹⁴ Там же, с. 251.

⁵⁹⁵ Там же, с. 312.

⁵⁹⁶ Там же, с. 255.

⁵⁹⁷ Там же, с. 257.

⁵⁹⁸ Там же.

⁵⁹⁹ Там же.

хорошее настроение — результат улыбки... Бодрость, которые иностранцы принимают за наивность — национальная черта. И улыбка сама по себе воспроизводит эту самую бодрость в достаточном для всей страны количестве»⁶⁰⁰. Сама речь американцев поэтому отличается от нашей. «Поэтому в американской речи преобладают восклицательные знаки вместо наших вопросительных, которые к тому же всегда готовы дополниться саркастическим многоточием»⁶⁰¹.

Уникально отношение американцев к природе. «Америка — единственная из развитых стран, где не утрачена актуальность этого вопроса... Для Америки противостояние человека и природы хранит остроту конфликта»⁶⁰². Неудивительно поэтому, что именно здесь были созданы романы Германа Мелвилла «Моби Дик», затем через сто лет «Старик и море» Хемингуэя. Ведущая американская идея — вызов. Для американской культуры очень важен опыт пионеров. В американской истории званий нет более почетного, «чем «первопроходец» и «поселенец». Это и есть те неповторимые образы, возвращенные миру Новым светом и закрепленные в шедеврах его культуры»⁶⁰³. Связано это с тем, что «Америка сумела сохранить свежесть цельного восприятия жизни, когда битва идет не с общественной несправедливостью или личным несовершенством, а сразу со всем миром — с горами, морями, холодом, зноем»⁶⁰⁴. Тема противостояния человека и мира природы стала основой, «на которой развивалась не только самобытная культура, но и сам человеческий тип американца»⁶⁰⁵. Это особое отношение к природе выразилось в том, что в основном американцы предпочитают селиться не в городе, а за городом. «Пригородный — по-нашему, дачный образ жизни, и есть то кардинальное отличие Америки от Европы, которое должно было бы поражать приезжих. Если этого и не происходит, то лишь потому, что выходцы из Старого света не могут принять пригородную Америку за настоящую, предпочитая верить, что вся она живет в одном небоскребе»⁶⁰⁶.

Всесилие рекламы в Америке привело к поразительным результатам. Понятно, что «реклама стала эстетическим фоном в жизни западного

⁶⁰⁰ Вайль П., Генис А. Американа. — М.: СП «Слово», 1991. — 319 с., с. 284.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² Там же, с. 54.

⁶⁰³ Там же, с. 56.

⁶⁰⁴ Там же, с. 55.

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ Там же, с. 96.

человека»⁶⁰⁷. Как пишут Вайль и Генис, «реклама выполняет грандиозную функцию социального организатора. Тут проявляется ее идеологическая природа. Собственно, реклама является новым видом искусства, которое ведь всегда ставило своей целью пропаганду высоких идеалов. Греческая статуя, готический собор, ренессансная мадонна — все это способы «продать» социальный и нравственный идеал»⁶⁰⁸. С одной стороны — реклама — бездуховна, что и порождает в восприятии русских, по мнению наших авторов, идиотизм носителей американской ментальности⁶⁰⁹. Но, с другой стороны, несмотря на то, что западный человек — продукт рекламных манипуляций, позитивная картина мира рекламы привела к тому, что, начиная с 20-х годов XX века, «американцы избавились от комплекса беспомощности и безнадежности», что привело в конечном итоге уменьшению смертности в США⁶¹⁰. Реклама производит «самый ценный продукт Америки — оптимизм» (с. 203). Пример этому — Диснейленд. «Здесь детей убеждают: вы рождены, чтоб сказку сделать былью. И делают это с тем же пылом, что и в России, но с гораздо большими основаниями» (с. 207). Именно на рекламе выросло искусство Энди Уорхола, который создал «иконы современности», уничтожил границу между серьезным элитарным искусством и абсолютной тривиальностью, между вкусом и безвкусицей, между художественным шедевром и фабричной поделкой» (с. 67). Отмечая трагичность современности Уорхола, авторы доказывают, что «Уорхол отразил те главные черты массового сознания, которые растекаются по всему миру, мало обращая внимания на государственные границы и политические системы. Стереотипы, певцом которых был Уорхол, лишены родины. Они — примета времени, а не пространства» (с. 70).

Во всех областях культуры и искусства Америка — страна, продолжающая то, что было сделано другими. Но есть одна область, в которой приоритет принадлежит только Америке. Область эта — джаз. Мало кто знает при этом — даже наши джазисты удивленно вскидывали на меня взоры, когда им приводилась следующая цитата: «Не следует забывать, что слово jazz означало и означает по сей день не что иное, как половой акт. Креольские негры произносили именно то, что хотели сказать» (с. 161). И это отнюдь не натяжка. «Публичные дома неразрывно связаны с историей джаза, как и похороны,

⁶⁰⁷ Там же, с. 66.

⁶⁰⁸ Там же, с. 27.

⁶⁰⁹ Там же, с. 23.

⁶¹⁰ Там же, с. 25.

что опять—таки подтверждает карнавальную сущность человеческой жизни. И уход в небытие, и кратковременный провал туда же способствуют активизации творческого начала. Так или иначе, если похороны дали джазу духовые инструменты, то с публичными домами утвердилось фортепиано» (с. 159–160). Однако великие музыканты и великие предприниматели, каким был Дюк Эллингтон, сумели поднять джаз на недостижимую высоту. Оказывается, «Эллингтону было дано сугубо американское дарование предприимчивости... Не он, а его тромбонист Хуан Тисол написал «Караван», но лучшие классические режиссеры включают его в репертуар своих симфонических оркестров как пьесу Эллингтона...» (с. 132). Но именно Эллингтон аранжировал это произведение. И сделал это блестяще. В итоге это имя — золото национального достояния. «Дюк Эллингтон — один из тех немногих людей, имена которых первыми приходят на ум, когда речь заходит об американской культуре... он один из символов Америки» (с. 130). Попутно делаются и более глобальные наблюдения. Так, например, хорошо известно, что в разные эпохи разные виды искусства становятся доминирующими и ведущими. В наше время таким видом искусства стала музыка. «Музыка позволяет общаться на внезаковом уровне — напрямую... Впрочем, современная музыка и есть религия. Причем самый древний ее вид. Знаменитый этнограф Клод Леви—Стросс писал: «Музыка сохранила целостное отражение мира, свойственное мифу» (с. 86–87). И американские музыканты сумели сплотить людей разных стран. «Майкл Джексон и Принц — два короля поп—музыки — сломали не только барьер между людьми разных стран. Они уничтожают вообще все различия между людьми как биологическими особями» (с. 88).

Предварительное представление об американцах у русских возникло по книгам. И, конечно же, это должно было находить подтверждение в конкретной жизни. «Мы в Нью—Йорке сразу поразились его сходству с книгами Драйзера и с тех пор нашли здесь и Сэлинджера, и О. Генри, и Вашингтона Ирвинга. Скотта Фицджеральда мы обнаружили в Новой Англии...» (с. 118). Как правило, в Америку ехали за свободой, которая может быть дана богатством. И многим посчастливилось: «неограниченная свобода неограниченного обогащения», которая возникла в Америке благодаря «золотой лихорадке» (с. 121).

Поразительна для русских демократичность американцев, проявляющаяся повсеместно. Так, придя на мейерхольдовскую постановку «Ревизора», наши поднаторевшие в демократизме литераторы все же

были удивлены, узнав, что девушка с метлой, подметавшая небольшое пространство зрительного зала и оказалась режиссером (с. 77). И при этом спектакль поставлен был хорошо, смешно, изобретательно, лихо. По этому поводу довольно справедливо замечено: «Как легко рушатся удобные и приятные схемы: у них — деньги, у нас — дух». Но «такое разделение проходит не по государственной границе и национальной принадлежности... То, что большинство из нас не знают такой Америки и таких американцев — наша беда и вина» (с. 79).

Конечно же, особенность американской жизни — автомобиль, который, по известному изречению Ильфа и Петрова — не роскошь, а средство передвижения. «Для нас автомобиль — дополнение к радостям жизни, для американцев — необходимость, без которой жизнь теряет основную ценность: свободу и независимость» (с. 97). Но вместе с тем машина становится не только демонстрацией престижа, «это манифестация личности во всей ее душевной и телесной полноте» (с. 97). Посетив выставку «Автошоу-90», на которой подводились итоги 80-х и ориентиры конца XX века, наши гиды по Америке сделали следующие выводы: «Только сев за руль, начинаешь вникать в тайны американской души... машина — средоточие американского духа, основа национального характера, символ страны, главное содержание ее цивилизации, форма, которую приняла ее душа... Машина идеально соответствует национальному характеру потому, что она дает свободу и относительное одиночество: ни рельсов, ни случайных попутчиков» (с. 94–95). Но даже у нас в стране ощущается, что перенасыщенность машинами рождает всякого рода издержки: длительные пробки в часы пик, невозможность вовремя приехать на деловое свидание и т.п. И поэтому «машины в Америке доживают свой век. Страна, как насыщенный раствор соли, достигла предела: она не может позволить беспрепятственно плодиться автомобильному стаду» (с. 99).

«Эстетика машинного века, как все в Америке, кроме кока-колы, пришла сюда из Европы... Но только в эмиграции все эти пестрые течения нашли тучную почву, чтобы прорасти тот стиль жизни, который теперь во всем мире называется «американским» (с. 136). Тяга к технике, комфортабельности жилья привела к поразительным результатам: «В Америке быстрее, чем где бы то ни было, теории пророков машинного века превращались в повседневную реальность, становились бытом. Прогресс входил в жизнь американца исподтишка — через гараж, ванную, кухню... Вещи обживали, от них стали требовать человечности, мягкости, меньшей прямолинейности. Так машинный век

открыл новую идею — обтекаемость... не потому, что так было удобнее, а потому, что так было красивее» (с. 139).

Казалось бы, такое изобилие, такие широкие возможности порождены каким-то особым трудолюбием. Но нет. Для очень многих уготован совсем другой путь — скептически и иронично замечают писатели: «Если рядовой человек исповедует плоскую мораль "упорство и труд все перетрут", то читатель какой-нибудь "Стар" знает, что достаточно за шесть долларов купить амулет, все: богатство, здоровье, счастье у него в кармане (результат гарантирован)» (с. 126). И часто в жизни оказывается, что американцы работают не намного лучше, чем наши соотечественники. Наши авторы с юмором описывают, как заказали книжные полки. К назначенному сроку их даже не начали делать, а когда изготовили, оказалось, «что столяр пользовался не эвклидовой геометрией, а геометрией Лобачевского» (с. 149), «верхние полки не влезали, а нижние выпадали» (с. 148–149), а «дырки для креплений были разбросаны с романтической прихотливостью» (с. 149).

Особенно волнуют наших современников проблемы культуры и искусства. Именно Америка поставляет образцы низкого вкуса, пошлости, да еще таким образом, что они внедряются повсеместно. Однако это ведь не безобидно. Обратившись к Г. Гессе, авторы «Американцы» пишут: «Гессе считал, что, когда люди читают только комиксы, смотрят только боевики и ценят только ту интеллектуальную деятельность, которая приносит немедленные барыши, дело кончается не только гибелью не только утонченной культуры, но и вообще всякой цивилизации» (с. 152). Объяснение феномену победного шествия массовой культуры дано в анализируемой книге довольно точно и не согласиться с ним нельзя: «...исключительную популярность Джеймса Бонда нельзя объяснить просто удачной эксплуатацией мифа. Ничем другим и не занимается массовая культура. Любой детектив, вестерн, боевик, любовный роман (из тех, что продают в супермаркетах) построен на стандартной комбинации архетипов. Любой из них укладывается в схему, подобную той, что мы использовали для Бонда. Потому дешевка и популярна, что миф в ней обнажен, не замаскирован сверхсложной символикой Кафки, Маркеса или Феллини» (с. 106). Конечно, у нас в годы советской власти все было по-другому. У нас можно было купить в булочной в провинции замечательную книгу Белова. Часто раскупались отнюдь не низменные продукты искусства широкого потребления, ибо таких было совсем немного. Фильмы делались добротные, несмотря на загруженность их идеологическими догмами. Но

наш поднаторевший человек легко схватывал аллюзии, которыми автор насыщал все те проходные элементы, чтобы его произведение могло прийти к публике. Ну и, конечно, общая неподготовленность, несмотря на обилие в советский период «Университетов культуры». Остроумно наши авторы придумали вместо эрудиции теорию, «согласно которой невежество плодотворнее знаний. В самом деле, только отсутствие специального образования позволяет человеку обо всем судить широко, размашисто и безответственно, то есть парадоксально. Только круглый невежда считает, что он обо всем располагает достаточными сведениями... Невежество вообще более творческое состояние, потому что для этого занятия необходимо хамство. А у кого его больше, чем у человека, с легкой душой утверждающего, что лучший роман в мире — «Три мушкетера» (с. 84–85). А ведь на самом деле, как вполне справедливо указывают авторы, герои книги А. Дюма — «люди они неприятные и малоинтересные. Атос — скучный угрюмец, его сдержанность, нелюдимость и неразговорчивость делала его почти стариком». «Тщеславный и болтливый» фанфарон Портос. Арамис, про которого сказано: «он был самым дурным мушкетером и самым скучным гостем за столом. Знаменитые мушкетеры начисто лишены интеллектуальных интересов или духовных порывов» (с. 107). Конечно, все же в нашей стране люди вынуждены были соприкасаться с подлинным искусством, ибо для досуга ничего другого не было. А теперь появилось много гламурных источников, вполне заменяющих истинные ценности. Поэтому и у нас, и на Западе, и в Америке так широко распространяется массовое искусство. «Массовое общество постепенно поглощает индивидуальность художника. Мы как бы возвращаемся к временам первобытного фольклорного сознания (об этом писал тот же Маклюэн, который назвал рекламу аналогом пещерной живописи). Искусство перестает делиться на производителя и потребителя — оно вторгается прямо в жизнь, моделирует ее по своим законам» (с. 30). И в этом отношении катализатором становится именно Америка. Засилье рекламы и у нас в стране меняет мирозерцание людей, клиповое сознание диктует характерные особенности создания и восприятия современных произведений искусства. Порой кажется, что ничего хорошего уже ждать от культуры и искусства нельзя. «Нам кажется, что реклама в лучших образцах позволяет заглянуть в будущее современной культуры. Мы живем в век массового общества. Это вопрос не количества, а нового качества жизни. Привыкнуть к этому трудно. Мы часто думаем, что культура умирает, что она задыхается в толпе посредственности. Но

вообще—то любая эпоха считала себя декадентской. В любые времена нарождающиеся художественные формы казались, да и были, варварскими» (с. 29). На самом же деле всегда, как и сегодня, в этом потоке обязательно кристаллизуется что—то своеобразное, яркое и неординарное. Достаточно вспомнить так перевозносимый нами Серебряный век, когда сами его представители провозглашали в будущем пришествие Хама, рассматривали свою эпоху как глубоко кризисную. И авторы делают парадоксальный вывод о том, что «в мире торжествующего большинства, в эпоху всеобщего стереотипа, бунт против массовой культуры осуществляет самый банальный из штампов — агент 007. И в этом бунте человек толпы на стороне воинствующей индивидуальности. «Большой» человек Джеймс Бонд противостоит «маленькому», но последнему лестно ассоциировать себя с первым. Зрители бондианы — это толпа, презирающая самое себя» (с. 109). Справедливости ради авторы подчеркивают, что при всех недостатках — «Три мушкетера» — великая книга. «Приключенческие закладывают основу личности. Если хорошо покопаться в нашей трезвой философии жизни, то на дне мы обязательно найдем индейцев, пиратов, шоколадных туземок. С годами растет гора прочитанных книг. Мы учимся посмеиваться по поводу авторов, у которых добродетель торжествует над пороком самым незатейливым способом. Но в глубине души всегда сравниваем толстые, умные книги без картинок с теми, что читали в детстве. И, отдавая предпочтение первым над вторыми, не можем удержаться от горького вздоха. Еще бы! Жить во вселенной Жюль Верна куда уютнее, чем в мире Кафки... То—то в Лондоне сразу узнаешь город Шерлока Холмса, а не Форсайтов. В Париже первым делом вспоминаешь не Бальзака, а Дюма. И только Питер намертво связан с Достоевским, да и то потому, что наша литература не благодетельствовала русских детей приключенческими книгами отечественного производства» (с. 286–287).

Для русских американцы скучны. На их однообразных «парти» мужчины говорят преимущественно о машинах, женщины о диете (с. 32). Как правило, студенты нацелены на изучение хлебных профессий. «Как правило, адаптировавшийся американец — это бизнесмен, юрист, врач» (с. 53). Поэтому сборы на лекции по экономике много выше, чем «семинар по поэтике Платонова» (с. 45). При этом происходят довольно забавные ситуации. Так, Саше Соколову отказали в гранте написание нового романа, зато американскому ученому, собирающемуся писать о творчестве Саши Соколова, такой грант дали (с. 46).

Поразительными для российского восприятия оказались свободные нравы американцев. Так, встретив на Восьмой авеню даму, одетую в рыбацкую сеть с довольной крупной ячеей женщину, под которой была только сама дама, можно представить себе ощущения наших соотечественников. Характерная особенность нью-йоркского населения, поразившего новоприбывших туда русских интеллигентов — панки, разукрасившие собой город. «Самое привлекательное в панках — готовность превратить себя в объект эксперимента. Заметим — себя, а не других, что встречается куда чаще» (с. 35). Вместе с тем, в Америке постоянно сквозит то, что давно было освоено в Европе. Уже Менделеев писал: «В Новом свете людские порядки остались те же — старосветские. Там просто повторяют на новый лад все ту же латинскую историю» (с. 83). Однако это повторение приобретает в Америке своеобразные черты. «В свое время Есенин, которому Соединенные Штаты не понравились, рассказал о том, как встретил американца, убеждавшего его: «Я видел Парфенон. Но все это для меня не ново. Знаете ли вы, что в штате Теннесси у нас есть Парфенон гораздо новей и лучше?» Это смешно, но любопытно соображение, которое тут же приводит Есенин: «Европа курит и бросает, Америка подбирает окурки, но из этих окурков растет что-то грандиозное» (с. 132).

Как пишут наши авторы, «Демократия и обнаженность шагают нога в ногу. Чем меньше в каком-нибудь государстве свободы, тем закутаннее женщины этой страны. Возьмем Иран для примера» (с. 142). Но при этом тело становится товаром, и чем красивее, тем более дорогим товаром. «Чем стремительней поступь прогресса, тем быстрее спадают одежды с раскрепощенного женского тела» (с. 142). Вот почему девушки мечтают попасть на обложку «Плейбоя», несмотря на то, что нравы в Америке ханжеские.

Несмотря на то, что все стараются быть красивыми — не только девушки, культура еды в Америке довольно на низком уровне. Нет здесь утонченности Франции, изобилия Фландрии, притягательности Италии и т.п. «Мимо основной массы Америки прошли восхитительные крайности культуры. В том числе — культуры еды. Когда американец хочет поесть, он берет хот-дог, когда хочет поесть хорошо — два хот-дога, когда роскошно — три» (с. 180). Результаты нам хорошо известны. Нигде в мире нет столько толстых людей, как в Америке. При этом забота о диете у них один из важнейших сюжетов беседы. «Больше всего о еде говорят американцы. Но не о том, что съесть, а том, чего не есть» (с. 181).

При всем при том, что «американские свободы не сравнить с советскими», в Америке эти свободы нередко ставят в тупик нашего гражданина. «Но на уровне рядовой, обыденной жизни в России было проще обойти и государство, и закон... Законопослушность американского общества приводит к тому, что здесь не осталось места для привычного нам полуполицианского поведения: или ты преступник, или лояльный гражданин, «тварь дрожащая». За всю жизнь в США мы ни разу не видели, чтобы кто-нибудь пролез без очереди» (с. 216). Поэтому россиянам оказывается зачастую трудно в стране, где все определено законами, и никто никогда не вникнет в какие-то необычные обстоятельства, конкретные форс-мажорные события, так важные для наших сердобольных соотечественников, способных судить «по-людски». «Правовое сознание — это возвращение из царства универсального добра к нашей земной жизни, где закон есть закон, а не инструмент созидания светлого будущего» (с. 218). Для россиянина посему жить в Америке — довольно сложная задача. «Мы давно уже поняли, что российскому человеку за пределами России надо жить в Нью-Йорке. Только он сопоставим с нашей родиной масштабами безумия, в котором нет системы» (с. 244).

Америка — ханжеская страна. Ханжество проявляется по-разному. Один из элементов ее проявления — невозможность пить спиртные напитки на улице. За это могут отвести в тюрьму. «С другой стороны, ни один полицейский не посмеет нарушить ваше право на тайну и не спросит, что вы там прячете в коричневом пакете» (с. 220). Итак, пить нельзя, но если вы сосуд обернули в пакет, то можно.

В целом американцы — народ консервативный. Проявляется это особенно в провинции. Вот как это описывают наши «чичероне» по Америке: «Провинция — это скелет нации... Речь идет о глубинах мировоззрения, которое выражается не в принадлежности к партии, а в обоях в голубой цветочек, в громадных, как в «Чиполлино», тыквах, выставленных у крыльца, в стеганых лоскутных одеялах, в конкурсах на лучшее варенье, в свитерах домашней вязки, в ярмарках народных промыслов, во всем обывательском укладе жизни, настолько укорененном в многовековой, еще старосветской традиции, что изменить его может только водородная бомба» (с. 185). И совсем нелицеприятно они описывают породу американцев, которые считаются костью нации — водители грузовиков. Они «грузные, мускулистые, обильно татуированные «реднеки» (красношеи — *С.М.*), которые не выходят из дома без вязанки пивных банок, национальны, как яблочный пирог и бей-

сбол. Эти настоящие американцы твердо знают свое место в мироздании и искренне презирают любое другое» (с. 253).

Закljučают книгу рассуждения о том, что Америка — страна для средних людей. Америка «возвела в культ нормальную здоровую жизнь и в целом сумела обеспечить ею всех, кто к ней стремился. Однако Америка оставила альтернативу и для других — для нищих, сумасшедших, фанатиков, для поэтов, философов, художников, для битников, хиппи, панков и проповедников конца света» (с. 317).

Понятно, что Америка и американцы много разнообразнее и полнее представленного здесь описания. Это великая страна и великий народ. И сама книга, которая подверглась анализу, показывает ее шире и многоаспектнее. Однако основная задача — преодолеть стереотипность представлений и доказать, что многие распространенные суждения скороспелы и ошибочны. Вот почему не иссякает у россиян интерес к этой неоднозначной стране и ее людям.

Язык и культура

(Опубликовано: Роман с Клио: Сборник научных статей и юбилейных материалов, посвященный 60-летию С.Н. Полторака, — СПб, «Европейский дом», 2016, 424 с., с. 342–353)

Язык — средство, при помощи которого люди общаются, обмениваются мыслями, регистрируют и закрепляют в словах результаты мышления. Без языка, вне языка невозможно само мышление, невозможно его появление. Вне языка невозможна обобщающая деятельность мышления. В данном случае речь идет о естественном языке как форме выражения мыслей и средстве общения между людьми. Но существуют и искусственные языки, изобретенные людьми. Примером может быть символический язык математической логики. В культурологии термин язык понимается как выработанная в культуре система норм, в соответствии с которыми происходит осмысление некоторых, специально для этого создаваемых носителей информации.

В свою очередь под естественными языками понимается словесный, вербальный язык. Термин этот стал общеупотребительным, но некоторые ученые, например Л.О. Резников, предлагают термин «исторически сложившийся язык». Л.О. Резников предложил такое название оттого, чтобы отличить естественный язык от искусственных языков. Под искусственными языками понимаются знаковые системы, создаваемые для использования в тех областях, где применение естественного языка менее эффективно или невозможно.

В XVII–XX вв. было создано около 1000 международных искусственных языков, но только единичные из них получили реальное использование (волапюк, эсперанто).

Первый искусственный язык, получивший реализацию в общении, — волапюк (создан И.М. Шлейром в 1879; Германия). Практика показала сложность использования такой системы. Эсперанто — наиболее распространенный из международных искусственных языков. Он был создан в 1887 варшавским врачом Л.Л. Заменгофом. Сесар Вальехо, перуанский поэт и прозаик писал в 1926 г.: «Эсперанто мало-помалу

прокладывает себе путь. В прошлом году Министерство народного образования Франции рекомендовало изучение этого языка во французских школах. В Японии только что сделали то же самое. В общем, эсперантские заведения приумножаются в Соединенных Штатах, в Германии, в России, в Скандинавских странах. С каждым днем растет потребность в международном языке»⁶¹¹. Однако широко распространенным языком эсперанто так и не стал.

Значительно меньшее распространение имели языки идо (реформированный эсперанто — создан в 1907 во Франции), латиносине-флексионе (создан итальянским математиком Дж. Пеано в 1903) и др.

Специализированными искусственными языками различного назначения являются символические языки науки (языки математики, логики, лингвистики, химии и др.) и языки человеко-машинного общения.

Началом создания и применения специализированных искусственных языков можно считать использование в Европе с XVI в. буквенной нотации и символов операций в математических выражениях.

К искусственным языкам относятся и формализованные классификационные информационно-поисковые языки, предназначенные для индексирования документов и информационных запросов посредством понятий и кодов какой-либо классификационной системы.

Понятие классификационных систем используется для обозначения библиотечно-библиографических систем классификации, которые прошли несколько этапов в своем развитии. Возникнув в глубокой древности для выполнения простейших функций учета и упорядочения библиотечных фондов по содержанию, классификационные системы совершенствовались вместе с развитием библиотек, увеличением их фондов, уровнем развития знания и философскими концепциями составителей. На каждом этапе истории классификационной мысли усложнялась структура классификационных систем, ее технические и технологические возможности. С развитием структуры усложнялась и система обозначений — индексация, являющаяся внешним выражением структуры классификационной системы⁶¹². Классификационные системы используются для индексации книг, периодических изданий, магнитных записей, фильмов, картин и для организации фондов различных видов документов.

⁶¹¹ Вальехо С. Парижские хроники // Иностранная литература, 1999, № 2, с. 225.

⁶¹² См. об этом: Сукиасян Э.Р. Классификационные системы в их историческом развитии: проблемы типологии и терминологии / Э.Р. Сукиасян // Научные и технические библиотеки. — 1998. — № 11. — С. 5–16.

В России национальной классификационной системой является библиотечно–библиографическая классификация (ББК). Она была разработана 80 лет тому назад и, несомненно, требует определенной модернизации. Используется в России и «Десятичная классификация» М. Дьюи (ДКД), а также международная комбинированная система — УДК, созданная в 1905–1907 гг.

В настоящее время актуальным является вопрос о создании международной классификационной системы. По мнению специалистов, она должна быть международной с функциональной точки зрения и универсальной с содержательной и структурной точек зрения.

В культурологии язык — выработанная в культуре система норм, в соответствии с которыми происходит осмысление некоторых, специально для этого создаваемых носителей информации. «Язык — чистая конвенция и чистая потенция, он может сказать что угодно, если есть желающие так говорить и способные это понимать»⁶¹³. Язык — это одна из центральных структур, которые репрезентируют наиболее ярко специфику национального характера. Б.Л. Уорф писал: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы видим в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном, совсем не потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается и, тем не менее, мы участники этого соглашения; мы вообще не сможем говорить, если только не подпишемся под систематизацией и классификацией материала, обусловленной указанным соглашением»⁶¹⁴.

Позднее Михаил Эпштейн писал: «Тенденция развития современных языков — «рост аналитизма, когда единицы значения существуют независимо друг от друга и свободно сочетаются, а не сливаются в одно

⁶¹³ Эпштейн М. Слово как произведение: о жанре однословия // Новый мир, 2000, № 9, с. 206.

⁶¹⁴ Whorf, Benjamin Lee. Language thought and reality. Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. New–York. Wiley, 1956, p. 213.

целое; ... есть множество явлений, для которых не создано отдельных слов, — и можно образовать множество слов, для которых не найдется соответствующих явлений. Действительность голодает по языку, язык голодает по действительности, и тем самым между ними поддерживается эротическая напряженность, взаимность желания, которому суждено остаться неутоленным ... Избыточность языка — это мера его потентности: он рассеивает миллиарды семян, чтобы из них взошли и остались в словаре только единицы. Словарь — это как бы книга регистрации плодovitых браков между языком и действительностью!»⁶¹⁵.

Помимо смысла речь имеет иллокутивный акт. Иллокутивный акт — реализация целеустановки говорящего. Перлокутивный эффект — внеположенный эффект речи. Например, поздоровавшись с кем-то, мы, кроме прочего, информируем свидетелей о своем знакомстве с адресатом. «В теории речевых актов различается значение высказывания как продукт языка и как осуществление речевого высказывания. Речевой акт не обязательно реализуется грамматически безукоризненным выражением, и наоборот, не все грамматически правильные предложения в одинаковой степени легко интерпретировать как высказывания, реализующие («конституирующие») какой-либо речевой акт»⁶¹⁶.

Отметим, к иллокутивным актам относят речевые высказывания, с помощью которых что-то сообщается. К перлокутивным актам относят те высказывания, с помощью которых говорящий хочет вызвать какой-либо эффект у слушающих. Иллокутивный акт — это высказывание, при котором высказывается некоторое положение дел. Но при этом высказывание существует в виде приказа, признания, обещания, предупреждения, т.е. иллокутивный акт — двойной. В одной части определяется характер полагания, во второй — нечто сообщается. Именно иллокутивные акты делают коммуникацию безграничной.

Современная наука стала обращать внимание не только на смысл речевого акта, но и стала выявлять стратегии речевого воздействия.

Все мы существуем в некоей языковой среде, которая носит как индивидуальный, так и надличностный характер, бесконечно перетекая во взаимных проекциях и репроекциях. Мы способны принять кем-то созданные высказывания в свой языковой мир, приобщенные к некому общему «цитатному фонду». Например, Р. Рорти рассматривает кате-

⁶¹⁵ Эпштейн М. Слово как произведение: о жанре однослова // Новый мир, 2000, № 9, с. 207.

⁶¹⁶ Деменков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце 20 века // Язык и наука конца 20 века. — М: Институт языкознания РАН, 1995, с. 287.

горию языковой игры в контексте лингвоцентризма как основы либерально-коммуникативной теории общества с приоритетом прагматического речевого действия как центра социально-ориентировочной модели солидарности.

На рубеже 60-х — 70-х годов XX в. сформировалась прагматика как область лингвистического исследования. Английский лингвист и философ Дж. Остин прочитал курс лекций в Гарвардском университете в 1955 году и написал книгу «Как совершать поступки с помощью слов» в 1962 году. Американский философ Дж.Р. Сёрль в 1969 году издал книгу «Речевые акты». В основе таких взглядов — идеи Л. Витгенштейна о «языковой игре», в свое время не до конца оцененные и понятые. В общем виде эта языковая игра может быть описана в коммуникации действующего лица в игре (строителя) и его подручного. Так, выкрикивая команды — плита, куб, он дает знать своему подручному, чтобы тот подал соответствующие предметы. Затем в коммуникацию вводятся числительные, что становится новым типом инструмента. Затем включаются имена собственные, на следующей ступеньке подключаются слова и жесты, указывающие на место. В своей динамике языковая игра постепенно усложняется, над простейшими значениями постепенно надстраиваются все новые игры, усложняя сам язык, и моделируется нарастание его возможностей. Реальное состояние языка — динамика, действие, практика коммуникации. Без нее звуковая, письменная, печатная речь мертвы. Людвиг Витгенштейн одним из первых обратил внимание на множественность и разнообразие типов связей между языковыми знаками и выражениями и тем, что они обозначают или выражают. К.О. Апель пишет о трансцендентальной языковой игре как основанной на условиях возможности и значимости диалога.

Идеи Л. Витгенштейна породили лингвистическую прагматику, выразившуюся в утверждении Дж. Остина «слово есть дело», ибо, произнося высказывание, мы совершаем определенное действие, направленное на адресата.

Современная культура мозаична. Она требует новых форм коммуникации. А это в свою очередь диктует новые способы обращения с текстами. В современном мире характерен отказ от принципа конструктивного единства и упорядоченности как идеального конечного состояния, к которому моделирующая мысль прорывалась через хаос бытия. Наоборот, утверждается необходимость игрового отношения к смыслу. Ж. Деррида даже выдвинул принцип «диссеминации», рассеивания, множества дифференцированных оттенков смысла. Он считал, что

различие должно уступить место различению, тем самым прекращая господство одних смыслов над другими. И действительно, в современной жизни мы наблюдаем эклектизм, непоследовательность. В языке это получает претворение в отрывочности описаний, заведомой неокончателности результатов, что перестало быть отрицательным свойством. Напротив. Именно последовательное проявление «логоцентрического порядка» в научных рассуждениях и в художественном творчестве воспринимаются с недоверием и скептицизмом. Ценятся же многосоставность, соприсутствие разнородных и разноречивых компонентов, тенденций, голосов. Множественность, полисемия в искусстве и акцент на читателя в процессе интерпретации текста — основные темы современной социокультурной традиции. Текст предлагает поле возможностей, актуализация которых зависит от стратегии его интерпретации. «Каждый из типов повторения не ограничивается только масс-медиа, но встречается в любом виде художественного творчества: плагиат, цитирование, пародия, ироническая реприза, игра в интертекстуальность присущи любой художественно-литературной традиции»⁶¹⁷. Текст как бы выходит за собственные пределы, становясь гипертекстом и средой взаимодействия разнообразных дискурсивных практик. Одним из составляющих элементов Р. Барт выделил лексии: «Мы станем членить исходное означающее на ряд коротких, примыкающих друг к другу фрагментов, которые назовем лексиями, имея в виду, что они представляют собой единицы чтения... Объем каждой лексии будет колебаться от нескольких слов до нескольких предложений... Лексия — это всего лишь оболочка семантической емкости, краж множественного текста, который подобен донному основанию — средоточию возможных (и вместе с тем упорядоченных, удостоверенных самой систематичностью процесса чтения смыслов»⁶¹⁸. По Р. Барту реальное, непосредственное употребление языка приобретает разнообразные формы, существуя на границе социума и текста. Разнообразные идеологии функционируют в рекламе, масс-медиа, политике. Они репрессивны так же, как и в художественном произведении. При этом он рассматривает уровни денотации и коннотации. Денотация представляет собой буквальное значение знака, коннотация указывает на социокультурные и персональные ассоциации. Денотация — первый уровень. Это знак, имеющий означающее и означаемое. Второй уровень — коннота-

⁶¹⁷ Эко У. Инновация и повторение /Философия эпохи постмодерна. — М., 1997, с. 69.

⁶¹⁸ Барт Р. S/Z. — М. 2001, с. 40.

тивный — приписывая знаку свое означаемое. Коннотация более конвенциональна. Примером могут служить слова «квартира» и «хата». С денотативной точки зрения они тождественны. Но с коннотативной точки зрения второе слово имеет жаргонный смысл, т. е. денотативный знак (означающее + означаемое) сам служит означающим для коннотативного означаемого (жаргонность). Проблема знака неотделима от его реального использования. Повседневность — это процесс обучения и жизни в знаках.

Морфологический порядок формирует языковое сознание. Он прорастает из способа жизни конкретного языкового носителя (этноса, народа, нации), природных территориальных условий и из того, как этот конкретный носитель сообщает реальности смысл. Поэтому «для решения наиболее фундаментальных проблем человеческой культуры знание языковых механизмов и понимание процесса исторического развития языка, несомненно, становятся более важными, чем более изощренными становятся наши исследования в области социального поведения человека. Именно поэтому мы можем считать язык символическим руководством к пониманию культуры»⁶¹⁹. В начале XX века К. Фосслер считал, что познание языкового феномена должно отталкиваться не от статуарных форм грамматики, а от «языковой пульсации», «энергии языка», определяющей грамматические контуры⁶²⁰. Органичный национальный язык воспроизводит национальный Логос. Уже Пушкин заметил, что для того, чтобы воссоздать национальный «язык мысли» необходимо обратиться к тому каков «разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг, и, слава Богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке). Как он подчеркивает, «простые люди» говорят удивительно чистым и правильным языком»⁶²¹.

К сожалению, сегодня эта картина кардинально изменилась. В 2013 году первокурсники журфака СПбГУ написали проверочный диктант. Результаты оказались ошеломляющими. Из 229 первокурсников на страницу текста 82 % , в том числе тех 15 %, кто получил 100 баллов по ЕГЭ, практически в каждом слове сделали по 3–4 ошибки. Они написали: «Рыца (рыться), поциент (пациент), удастса (удастся), врочи

⁶¹⁹ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993, с. 262.

⁶²⁰ Фосслер К. Грамматика и история языка. // Эстетический идеализм. Избранные работы по языкознанию — Серия «История лингвофилософской мысли». — М.: ЛКИ. 2007, с. 46, 47.

⁶²¹ Пушкин А.С. Опровержение на критики. // Пушкин А.С. Дневники. — СПб.: Азбука-классика, 2008, с. 177.

(врачи), незнаю (не знаю), генирал (генерал), через—чюр, оррестовать». Как видим, многие слова просто невозможно понять. Происходит это из—за «олбанского» интернет—языка, из—за того, что читать стало не обязательно, из—за чудовищных пробелов в основополагающих знаниях. Вот что по этому поводу пишет преподаватель русского языка СПбГУ: «Ведь люди, которые не могут ни писать, ни говорить, идут на все специальности: медиков, физиков—ядерщиков. И это еще не самое страшное. Дети не понимают смысла написанного друг другом. А это значит, что мы идем к потере адекватной коммуникации, без которой не может существовать общество. Мы столкнулись с чем—то страшным... Убивая русскую речь, нынешние расейские «элитарии» убивают русскость. Они порождают уродливый воляпюк — видимо, «российский язык». Следующая ступень деградации русского языка и превращение его в «россиянскую мову» — насыщение уголовными словечками... Нынешних молодых в Интернете вычисляешь мгновенно: по режущим глаз ошибкам, по воляпюковскому написанию слов. «От куда» вместо откуда, «за чем» вместо зачем. Если видишь такое: ясно — пишущий годков рождения от второй половины 1980—х и дальше. Безграмотность вопиющая. «Не» везде пишется у них отдельно. «Не вкусный» вместо «невкусный», «не даром» вместо «недаром». Разницы между «в течение» и «в течении» они не ведают. Про все эти «разочерования», «извените», «циган», «девченка», «вкусно» даже говорить не хочется... Чувство языка полностью утрачено... Переводные книги, издающиеся в РФ, невозможно читать без карандаша — надо править ляпы на каждой странице... На прилавке стояло немецкое вино «Молоко любимой женщины» — если верить ценнику. Блин, кретины — это же «Молоко Богородицы» (Либенфраумильх)! Немцы, хотя народ своеобразный, женщин доить еще не додумались... Тупость нынешних переводчиков и СМИ—шников торчит на каждом углу... Старого седого дядьку, правящего в Монако, называют принцем. А его дочь — поп—певицу — принцессой Монако. Болваны, они не принц и не принцесса — они князь и княжна. Ибо слово prince — это не только принц, но и князь. Ведь Монако — это княжество. Но ведь это — всеобщая дурость в РФ... О чем все это говорит? О том, что разрушение собственно русского языка в Эрэфии привело к разрушению и общей лингвистической культуры. К гибели отличной школы русского перевода, коими славились и Российская империя, и СССР. К гибели самой культуры и знания. Это говорит о том, что в РФ разрушают все — не только науку, промышленность, образование, инфраструктуру и ЖКХ,

но и сам наш великий индоевропейский язык. Что школы и вузы РФ начали штамповать брак, незнаек и невежд. Полуграмотных «узкоспециализированных» дебилов⁶²².

К сожалению, явление это отнюдь не только отечественное. И. Хасан писал по этому поводу: «... большинство из нас с горечью признают, что такие понятия как Бог, Царь, разум, История и государства, некогда появившись, затем канули в лету как принципы несокрушимого авторитета и даже Язык — самое младшее божество нашей интеллектуальной элиты — находится под угрозой полной немощи — еще один бог, не оправдавший надежд»⁶²³.

В культурах, свободных от санаии опыта мысли, язык (плоскость символического) располагается на территории «женского» и совпадает с атрибутами «женского тела». В сравнении с «маскулинными» культурами, он получает статус иного, нерационального, неразумного. За метафорой «мужское» скрывается «запрет», «разделение», «отделение», «внешнее», «видимое», «явное». «чистое», «дневное». Поэтому мужскому соответствует структурность, системность в организации мысли. «Женское» же, напротив, — «темное», «ночное», «пластичное», сопоставляемое с Инь, в отличие от мужского Ян, фиксируя «ауру души», «дыхание момента», реконструируя сакральное криком, пением, молчанием. С именно «женским» в языке соотносим орнаментально представленный Логос. В языке — любом — всегда есть соотношение женского и мужского начал. Женское — поэтическое, непосредственно–пластичное, мужское — формально–механистичное. Г. Башляр выделяет две фигуры философии и философствования: философию, описывающую реальность как наличное положение дел. Такая философия представляет собой мужскую сущность с жесткой логикой, а отсюда негибкими конструкциями описания и понимания. Второй тип философии, проникающей в мысль, в сущность реальности можно назвать женской органикой сущности. Это — нежная, обволакивающая, принимающая «мир» и мысль в их единстве философия, распознающая их как грезу, текучую субстанцию. Но эти два типа философии непосредственно отражаются в организации мысли, в языке как инструменте этой организации мысли, выбирающей тот

⁶²² Ludmila Shtern, Resident Scholar Women's Studies Research Center Brandeis University. Как разрушают язык. <http://www.brandeis.edu/wsrc/scholars/profiles/shtern.html>

⁶²³ Цит. по: Кривицкая–Барабаш Н.А. Постмодернизм: история любви и разочарований (Литература. Театр. Телевидение. Знаки и символы). — М., Серебряные нити, 2007. — 216 с., с. 38.

или иной принцип. Г. Башляр отдает приоритет женскому типу организации мысли, близкому к истоку, когда слова «исходят из самой глубины грез»⁶²⁴. Перформанс, как правило, стремится создать смену осуществленной, завершенной, но уже неработающей формы. Вот почему удержание языка в состоянии перформанса (незаконченного и принципиально незакончиваемого смысла), ущербного без телесного плана исполнения, делает стихийность слова свободной от конвенциональных, институционально закрепленных содержательных схем.

Следует иметь в виду, что языки по своему строю делятся на аналитические и синтетические. Ярким примером аналитического типа языка могут служить немецкий и английский языки. Примером синтетического типа языка могут быть славянские языки. В морфологии славянских языков много флексий (приставок, суффиксов, окончаний). Они придают языку множество нюансов. Многие лингвисты усматривали в этом силу языка. Так, А.А. Реформатский, развивавший идеи Московской лингвистической школы, в первую очередь Ф.Ф. Фортунатова и Д.Н. Ушакова, считал, что слово синтетических языков самостоятельно и полноценно и лексически, и грамматически. В аналитических же языках слово выражает только лексическое значение, а грамматическую характеристику получает лишь в составе предложения⁶²⁵. Поэтому в них морфология не вовлекается интенсивно в процесс артикуляции мысли. Поэтому в синтетических языках ощущается хаос архаики. Не случайно Хлебников выделял в своих текстах органику предзаданного смысла живой мысли. Так, он вскрывал механизм исчисления, он выводил формулу: Время, судьба, письмо являются одновременно и репрезентантом, и субститутотом судьбы и времени. И художник может просчитать и предугадать события на этой основе. Архаический хаос зазывается звуком, так как «слово имеет тройственную природу: слуха, ума и пути для рока»⁶²⁶. Единение трех потенциальных сил (звука, мысли, Времени) проясняет свою возможность в числе. Звуки понимаются Хлебниковым как семена слова, а словотворчество — это «взрыв языкового молчания, глухонемых пластов языка»⁶²⁷. Язык он рассматривал весьма оригинально. Письмо, по Хлебникову — это своего рода клинопись, вбирающая в себя водоразделы судьбы. «Истина разна понимается поколениями. Понимание ее меняется у поколений,

⁶²⁴ Башляр Г. Избранное: Поэтика грез. — М.: РОССПЭП, 2009, с. 30.

⁶²⁵ См. об этом: Реформатский А.А. Введение в языкознание. — М., 1947.

⁶²⁶ Хлебников В. «Воин не наступившего царства» // Соч. в 6 т. — Т. 6 (1), — М., 2005, с. 204.

⁶²⁷ Хлебников В. Наша основа // Соч. в 6 т. — Т. 6(1). — М., 2005, с. 168.

рожденных через 28 лет; ... это время есть число лет, равное частному месяца и суток ... Для этого берутся года рождения борцов, мыслителей, писателей, духовных вождей народа многих направлений, и, сравнивая их, приходишь к выводу, что борются между собой люди, рожденные через 28 лет, то есть через это число истина меняет свой знак и силы за отвлеченные начала выступают в борьбу от поколений, разделенных этим временем»⁶²⁸. У вавилонян священным считалось число 365. Хлебников это подтверждает: «число 365 есть основное число на земном шаре, его "число чисел"»⁶²⁹. Но, кроме него, он также выделяет священное число 413, так как, по его мнению, «года между началами государств кратны 413»⁶³⁰. Различие жизненных ландшафтов обуславливает различие в мироощущении разных народов, а также в Логосе, в его проявлениях и способах бытования. Женская логика в языке — дионисийская, раскрепощенная, стихийная, выявляющая себя через эмоции, формирует энергичное поле, из пространства которого разворачивается мысль.

Слово «ничего!» — то, что выводит из непрозрачности к свету (См., например, «Ничего, выберемся!» — утешал заблудившегося в пургу на медвежьей охоте Бисмарка мужик («лес, болото, никуда дороги. Он считал себя погибшим»). Это заметил Бисмарк, побывав в России послом. Он из таких слов сделал заключение, что тело русской (славянской) нации — женское. Как писал Розанов, несмотря на то, что такие слова непрозрачны, в их импульсивности «красота и будущность русского языка, будущего в России». Здесь Розанов цитирует статьи Т. Ардова⁶³¹. Таких слов в русском языке, как «ничего!» — много. Вспомним словосочетание — просто так. В. Биbihин замечает: «Слова такие, какие они существуют тысячелетиями, потому что они давно стали и продолжают быть узлами, сгустками, через которые проходят силовые линии того, что Гумбольдт называл духом (нем. Geist, запущенное, устремленное к цели) ... Не значит, что "язык", тем более в его грамматике и словаре, направляет и руководит: но для сути, которая правит человеческой историей, тысячелетиями установились эти вот внутренние формы, внутренние формы духа, слова»⁶³². В другом месте

⁶²⁸ Хлебников В. Закон поколений // Соч.: в 6 т. Т. 6 (1). — М., 2005, с. 74.

⁶²⁹ Хлебников В. Время — мера мира // Соч. в 6 т. Т. 6 (1). — М., 2005, с. 106–107.

⁶³⁰ Хлебников В. Учитель и ученик (О словах, городах и народах. Разговор). // Соч. в 6 т., с. 39.

⁶³¹ Розанов В. Возле «Русской идеи» // Среди художников. — М.: Республика, 1994, с. 348–351.

⁶³² Биbihин В. Внутренняя форма слова. — СПб.: Наука, 2008, с. 402.

В. Биbihин пишет: «"Так" разрушает предварительно выстроенный из последовательных линий пейзаж объяснения, "помогает развалиться мыслительным постройкам", в результате чего обнаруживается парадоксальная странность: когда мы помогаем развалиться мыслительным постройкам, то не теряем ничего кроме своих цепей, но люди так цепко держаться за них и так сцепились вместе (в проектах, программах) вокруг этих цепей, что разрушаются, наоборот, вещи, которые не вмещаются в проекты». Через такие структуры как русское «так» к человеку «прикасается голая правда языка». И «многие лексикографы не знают что с ним (этим "так" — С.М.) делать, оно им кажется каким-то пустяковым, незначительным, маргинальным, причудой языка необязательной. Однако в этом "так" «язык словно выносит нас тут с размахом куда-то, где очень просторно. Кажется, что это "так" предполагает мысль о «прорехе, где в языке вдруг открывается щелочка в трансценденцию. Это свойство именно синтетического языка. Правда, такие обороты есть и в аналитических языках (немецкий, английский), но в сравнении с синтетическими языками более зажаты, репрессированы нормой и этосом кодификации»⁶³³. Такие «пустые слова» как «так» открывают путь к экспрессии слова, открывая «немотствующий язык чувств», приводят к философии, расплавленной в языковых пустотах, философии как «испытанию предела возможного»⁶³⁴.

Язык оказывается средством магии. Магия из греческого — действие, управление процессом. К. Кастанеда считал язык магией⁶³⁵.

⁶³³ Биbihин В. Грамматика поэзии. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009, с. 456.

⁶³⁴ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. — М.: Академический проект, 2008, с. 116–117.

⁶³⁵ Кастанеда К. Искусство сновидения. — Киев, 2003.

Отцы и дети в культуре

(Опубликовано: Материалы круглого стола / Философия культуры и культурология: вызовы и ответы. — СПб.: Санкт–Петербургское философское общество, 2007 — 367 с., с. 203–213)

С самого раннего становления человечества возникло противостояние поколений. Практически это всегда было противостояние старых и молодых.

В молодости люди всегда максималисты. Не имея опыта жизни, многие вопросы решаются скоропалительно, все кажется легко решаемым и доступным. Но очень скоро вдруг оказывается, что человек достиг порога старости, которая страшит и ужасает. Со старостью у нас связаны представления о немощи, распаде тел. Обычные претензии к старости: консервативность, нетерпимость, слабоумие. Все эти претензии с разными вариациями можно проследить во всей истории культуры. Но если молодость была в меру серьезной, разумной, то плоды жизни в старости — сладкие и притягательные. А вот столь вождеденная молодость не так уж и безоблачна.

Как правило, общество старается отодвинуть «стариков», дать дорогу «молодым». Не всегда это удается сделать гармонично. Проблема «отцов и детей» исторически изменяет свои границы. Старость изгоняется из общества, когда оно не имеет достаточных производительных сил, чтобы прокормить тех, кто не способен трудиться. С другой стороны, когда уровень производства возрастает, люди осознают преимущества опыта и прибегают к нему. Так родился институт старейшин. Постепенно человечество осознает, что в любом обществе необходимо равновесие между «отцами» и «детьми». Сегодня мы пожинаем плоды так называемого бэбби–бума 60–х годов XX века. И эти общественные особенности непосредственно отражаются на конкретной семье.

Как правило, в архаических семьях живут совместно несколько поколений. Здесь есть как положительные, так и отрицательные стороны. Страдают в таких семьях, как правило, молодые, «дети». В Европе, а затем и по всему миру, начиная с Нового времени, распространилась

нуклеарная семья. И здесь есть свои плюсы и минусы. Но чаще в такой семье страдают старики, «отцы».

Представляя себе все эти механизмы, можно постараться найти ту равновесную черту, которая сможет установить в обществе мирное сосуществование «отцов» и «детей».

С самого раннего становления человечества возникло противостояние поколений, проблема отцов и детей осознавалась еще в давние времена, когда только лишь формировались коллективы людей, переходившие в разные типы общества. Практически это всегда было противостояние старых и молодых. И, как правило, старшее поколение всегда было недовольно подрастающим. Уже в Древнем Египте сохранились следы такого недовольства. В самых древних захоронениях сохранились надписи о том, что молодые не хотят работать, хотят срывать плоды наслаждений, не вкладывая взамен труд и терпение, не думают о будущем и многое, многое другое, что всегда во все времена разделяет «отцов» и «детей». И возникает повторяющееся из поколения противостояние старших и сменяющих их поколений. И вот уже старшие с горечью вспоминают свою молодость, которая кажется им намного лучше, чище, радостнее, прекраснее той, которую они наблюдают в тех, кто следует за ними. И возникают сентенции, типа: «В нашей молодости и сахар был слаще, и вода была мокрее». И вызывают такие сентенции лишь иронию и смех. Молодые же, как правило, не принимают отцов, стараются выйти из-под их опеки, часто справедливо, а много раз и несправедливо предъявляя им разного рода обвинения и стараясь как можно быстрее сместить их с жизненной магистрали на обочину жизни. И это явление повторяется постоянно.

В чем же причина неприятия старыми, зрелыми людьми юности, и непонимание и невнимание юных к старшим?

Здесь есть определенная закономерность.

В молодости люди всегда максималисты. Не имея опыта жизни, многие вопросы решаются скоропалительно, все кажется легко решаемым и доступным. Не случайно Милош Кундера писал: «Молодость страшна: это сцена, по какой ходят на высоких котурнах и во всевозможных костюмах дети и произносят заученные слова, которые понимают лишь наполовину, но которым фанатически преданы. И страшна история, ибо столь часто становится игровой площадкой для несовершеннолетних; площадкой для игр юного Нерона, площадкой для игр фанатичных орд детей, чьи заимствованные страсти и примитивные роли вдруг превращаются в реальность катастрофически реальную. Когда я думаю об

этом, в голове опрокидывается шкала ценностей: я проникаюсь глубокой ненавистью к молодости и, напротив, — каким-то парадоксальным сочувствием к преступникам истории, в чьей преступности улавливаю лишь ужасное неполноценное несовершеннолетия»⁶³⁶.

Но юность пробегает чрезвычайно быстро, и часто почти незаметно для человека. «До сих пор он пребывал в той поре безмятежной ранней юности, когда дорога, по которой шагаешь с детства, кажется бесконечной: годы текут медленно и легко, как-то незаметно. Шагаешь себе спокойно, с любопытством поглядывая по сторонам, и нет никакой надобности торопиться, никто тебе не наступает на пятки, никто не ждет; товарищи твои идут рядом так же бездумно, часто останавливаясь, чтобы пошутить, посмеяться. Взрослые с порога добродушно приветствуют тебя и с многозначительной улыбкой указывают куда-то за горизонт; и тут твое сердце начинает биться от сладостных мечтаний и предвкушения героических дел, ты уже предчувствуешь все то замечательное, что ждет тебя впереди; ничего пока еще не видно, нет, но ты уверен, ты абсолютно уверен, что придет время и все сбудется»⁶³⁷.

Но вдруг оказывается, что молодой человек уже оказался за чертой юности, и общество предъявляет к нему совсем новые требования, не прощая тех промашек, что были допустимы раньше. Все те проступки, за которые общество, посмеиваясь, применяло лишь легкие нотации, да и то, не у всех старших, за которыми не следовало никаких серьезных последствий, вдруг стало совсем иным для одного и того же человека. Но при этом «...время промчалось до того быстро, что его душа не успела состариться»⁶³⁸. Душа-то не состарилась, а вот люди уже относятся к вам совсем по-другому. «Но в какой-то момент, почти инстинктивно, мы оглядываемся назад и видим, что ворота у нас за спиной прочно закрыты и обратного пути нет. Вот тогда и замечаешь: что-то переменялось, солнце уже не кажется неподвижным, а быстро катится по небу: не успеешь полюбоваться на него, как оно, увы, уже стремительно приближается к горизонту; облака не плавают больше в лазурных заводях неба, а торопливо наползая друг на друга, куда-то несутся; и тут начинаешь понимать, что время проходит, и твоя дорога рано или поздно должна кончиться... все хорошее осталось позади, далеко позади, а ты прошел мимо, не зная этого. Да, возвращаться уже

⁶³⁶ Кундера Милош. Шутка. Роман — СПб.: Азбука-классика, 2005. — 416 с., с. 122.

⁶³⁷ Буццати Дино. Татарская пустыня / Буццати Д. Избранное. Сборник. Пер. с итал. — М.: Радуга, 1980. — 424 с., с. 49.

⁶³⁸ Там же, с. 125.

слишком поздно, за спиной нарастает топот множества людей, идущих следом, подстегиваемых теми же иллюзиями, тем же миражем, пока еще невидимым на белой пустынной дороге»⁶³⁹.

И человек оказывается на пороге старости, которая страшит и ужасает. «Старость — не только жизненный этап. Так же, как и детство, молодость, зрелость, она — определенное состояние, пребывание в качественно своеобразном пространстве и времени. Старость ассоциируется с близостью смерти, исчерпанием сил, болезнями, угасанием физиологических функций»⁶⁴⁰. И вызывает старость, как правило, неприятие, ибо, как известно, «старость — не радость». А почему? Со старостью у нас связаны представления о немощи, распаде тел. И это страшит. Но еще больше страшит духовное оскудение, «впадение в детство», маразм. Общество стремится скрыть старость, ибо она кажется непристойной и непрезентабельной, а часто глупой и безответственной. Хотя на самом деле безответственность чаще сопутствует именно молодости. «Время между тем проносится быстро. Неслышно, но все более стремительно отмеряет оно течение нашей жизни, и невозможно задержать даже мгновение — просто для того, чтобы оглянуться назад. Хочется крикнуть: "остановись, остановись!" Бесплезно. Все, все уносится назад: люди, весны и зимы, облака, — зря мы цепляемся за камни, за верхушку какой-либо скалы: уставшие пальцы разжимаются, руки безвольно падают, и все дальше несет нас река времени, с виду вроде бы медленная, но безостановочная»⁶⁴¹.

Оказывается, что жизнь очень коротка, хотя в молодости это отнюдь не осознается. Внезапно, где-то в середине жизни, обычно человек испытывает кризис среднего возраста. Он начинает ощущать, что «... обычная человеческая жизнь со своим скупым даром — короткой молодостью — годы ее по пальцам можно перечесать, и пронесутся они так быстро, что и не заметишь»⁶⁴², приводит к тому, что приходится во многом отказываться от тех иллюзий, которые дарила нам молодость. «Время непонятным образом все ускоряло свой бег, проглатывая день за днем. Не успеешь оглянуться — наступает ночь, солнце огибает землю с другой стороны и поднимается снова, чтобы осветить засыпанный снегом мир»⁶⁴³. Итак, старость приходит внезапно, страшит и

⁶³⁹ Там же, с. 50.

⁶⁴⁰ Шор Ю. По следам творящего духа. — СПб.: изд-во «Чистый лист», 2005, 206с., с. 48.

⁶⁴¹ Буццати Дино. Татарская пустыня. Цит изд., с. 122.

⁶⁴² Там же, с. 63–64.

⁶⁴³ Там же, с. 119.

угнетает. При этом возникают многие негативные представления о старости, в разных регионах и разных исторических эпохах по-разному представляемые, но всегда связанные с отрицательными сторонами человеческой жизни. Причем, в большинстве случаев отнюдь не соответствующих реальности. В чрезвычайно интересном романе Орхана Памука «*Меня зовут красный*», описывающем особенности взаимоотношений в средневековой арабской мастерской по созданию рукописных книг с миниатюрами, отчего автора называют турецким Умберто Эко, есть совершенно точные представления о старости. Он пишет от лица одного из старых художников, руководителя такой мастерской, о том, как совершенно неверно представляют себе старость окружающие: «Я хочу, чтобы вы знали, какие именно стандартные слова, сказанные в наш адрес, не имеют ничего общего с действительностью.

1. Ничто новое нам не нравится, потому что под нашим началом не создается ничего, что в самом деле могло бы нравиться.

2. Мы обращаемся с большинством людей, как с дураками, потому что у нас расстроены нервы и мы несчастливы или в чем-то ущемлены, а не потому, что большинство людей и есть дураки. (Мы обращались с ними лучше, чем следовало бы, и это было с нашей стороны проявлением тонкости и ума).

3. Я путаю лица и имена художников — кроме тех, кого полюбил со времен ученичества и лично воспитал, — не оттого, что их лица и имена лишены красок и блеска, достойных, чтобы их помнить, а оттого, что у меня старческое слабоумие»⁶⁴⁴.

Как видим, здесь обычные претензии к старости: консервативность, нетерпимость, особенно к молодым, слабоумие. Все эти претензии с разными вариациями можно проследить во всей истории культуры. Ну, а самое важное — старость страшит не только интеллектуальным, но, в первую очередь, физическим увяданием.

Почему же так происходит? Почему так страшит старость? Даже в наше время, когда медицина может во многом помочь преодолеть многие неприятные стороны старости?

Впрочем, представления о старости большей частью стереотипны и не совсем отвечают реальности. Многие современные ученые, медики, на основе обширных статистических выкладок показывают, что зрелый возраст отнюдь не связан с потерей интеллекта и физических сил. Как любой другой орган, мозг требует постоянной тренировки. И если он

⁶⁴⁴ Памук Орхан. *Меня зовут красный*. — СПб.: Амфора, 2005. — 479с., с. 272–273.

натренирован, он служит дольше и эффективнее. Давно уже замечено, что люди интеллектуального труда дольше сохраняют живость ума, интерес к жизни. Связано это в первую очередь с тем, что постоянная тренировка заставляет мозг интенсивно функционировать. А так как мозг — центральный орган, влияющий на весь организм, то и вся жизнедеятельность человека сохраняется. В том числе и такие функции, которые, казалось бы, с годами утрачиваются, и что многих очень и очень страшит. Это, во-первых, сохранить способность самостоятельно обслуживать себя, и, не в последнюю очередь — сексуальная сфера. Однако реальная жизнь показывает, что при правильном обращении со своим организмом, он сохраняет свои функции в необходимом объеме долгие и долгие годы. И даже физическую привлекательность. Чарльз Сноу в романе «Лакировка» показал, что только искушенные селадоны знают, что тело престарелой женщины отнюдь не теряет в своей привлекательности. Но молодые по большей части этого не знают, а если и знают, то утрируют негативные стороны старости. Конечно, когда 18-летний Фонвизин женился на богатой 80-летней старухе, это был геройский поступок молодого человека, стремившегося таким образом погасить карточные долги старшего брата⁶⁴⁵. Вместе с тем, «любви все возрасты покорны», и жизнь дает этому разнообразные примеры. При этом значение имеет достаток. Когда-то Лидия Гинзбург писала, что старость сама по себе неприглядна, но особенно непрезентабельна бедная старость. Со старостью связывают неопрятность, дурной запах и тому подобные отвратительные физиологические признаки распада физического тела. Однако постепенно человечество научилось так заботиться об организме человека, что следы этого распада постепенно отодвигаются. Так, если раньше зубы вываливались, как правило, у большинства людей к 40 годам, то сегодня медицина даже по отношению к людям небогатым оказывается милосердной. Есть протезы, которые даже самые бедные в состоянии себе заказать, даже в нашем сегодняшнем, увы, довольно жестоком к бедным людям обществе. И это одно из революционных завоеваний человечества. Конечно, для богатых ассортимент услуг и шире, и доброкачественнее. И именно они становятся потребителями новых медицинских технологий, таких, например, как инъекции стволовых клеток. Но именно в силу достижений медицины жизнь человеческая не только продлевается, но и отодвигается старость, не только для богатых, а и для бедных. И становится старость

⁶⁴⁵ См. об этом: Климонтович Н. Последняя газета. — М.: Вагриус, 2000, 444 с., с. 212.

часто не только страданием, горечью, трагическими переживаниями, но человек начинает пожинать плоды своей юности. И если она была в меру серьезной, разумной, то плоды жизни — сладкие и притягательные.

Можно даже утверждать, сколь парадоксально это ни звучит, что старость приносит многие и многие блага. Уже не нужно заботиться о месте под солнцем. Оно уже определилось. Взамен беспокойству и терзаниям приходит успокоение, осознание временности горестей и невзгод, понимание ценности удач и радостей жизни, приходит с опытом мудрость. Так что старость отнюдь не страшна во многих своих ракурсах и аспектах. Понятно, что во многом утрачивается свежесть впечатлений, возникает некая грусть по утраченным возможностям. Но в старости мы становимся, по выражению Александра Кушнера, «добрее, мудрее. На чай даем брадобреям».

А вот столь вождеденная молодость не так уж и безоблачна. Совсем не легко быть молодым. И часто молодость стоит перед очень трудными решениями, в которых ждать помощи неоткуда. Именно в период молодости впервые возникают вопросы о смысле жизни и выборе жизненного пути. Как правило, взрослые, всегда столь внимательно и нередко назойливо пытающиеся внедриться в жизнь молодых, в самых главных решениях отступают и отдают эти глобальные решения вступающим в жизнь людям, нередко мотивируя столь трусливое поведение лишь желанием не навредить. Или, наоборот, препятствуя твердым намерениям будущих профессионалов, ясно увидевших особенности своих дарований, и нередко калеча судьбу своим активным вмешательством. Но дарования эти не всегда отчетливо проявляются. Понять и осмыслить их довольно трудно. А правильно выбрать профессию оказывается очень и очень сложно. Сколько разбитых, не сложившихся судеб мы знаем из-за того, что именно в молодости был выбран неправильный путь. Как часто молодые девушки мечтают стать актрисами или топ-моделями и потом с горечью осознают, что это совсем не их жизненная стезя. А юноши как часто рисуют себе романтические иллюзии, отнюдь не всегда имеющие реальную основу в действительности. Отсюда многочисленные разочарования и горечь, нередко отравляющая всю оставшуюся жизнь. Старшее же поколение часто берется учить совсем не в тех вопросах, которые актуальны для молодого человека. Как правило, больше поучают те, кто сам в молодости натворил неисправимые ошибки, которые гложут и мешают получать наслаждение от старости.

В молодости часто приходится решать и другую немаловажную задачу — поиск и выбор спутника жизни. И здесь взрослые почти

всегда оказываются не в меру активными, часто коверкая судьбу молодого человека.

Конечно же, в жизни существуют одинаковые невзгоды и для молодых, и для старых. Чаще всего они связаны с непониманием, с одиночеством: «...мы считаем, что вокруг нас люди, такие же, как мы, но вместо них только холод, только камни, с их непонятным языком. Хочешь пожать руку друга, но твоя протянутая рука безвольно опускается, и улыбка гаснет: оказывается, рядом — никого и ты одинок»⁶⁴⁶. Потому что «люди, какими бы близкими ни были их отношения, в сущности, всегда чужие друг другу: если человеку плохо, боль останется только его болью, никто другой не сможет взять на себя хотя бы малую ее толику; если человек страдает, другие этих страданий не чувствуют, даже если их соединяет с ним настоящая любовь. И это порождает в жизни одиночество»⁶⁴⁷. Чаще всего одиночество связывают со старостью. Но в старости одиночество легче преодолеть, чем в юности. В старости легче преодолевается эгоизм. Делать добро другим — легче. И в таких случаях, как правило, одиночество отступает. Конечно, когда наступает полная немоть, тогда все приводимые доводы становятся смешными. Но, как правило, полная немоть не так уж часто и распространена. А пока человек в состоянии двигаться и в состоянии себя обслужить, все тяготы старости преувеличены. Понятно, что с годами уходит физическая сила. Вот почему физические работы нагрузки становятся с годами все труднее, и люди с необходимостью должны выходить на пенсию. Быть грузчиком, шахтером в старости практически невозможно. Но и умственные нагрузки оказываются часто довольно утомительными. Вот почему многие с благодарностью воспринимают уход на пенсию. Но для многих — это почти непереносимый стресс. Часто уход на пенсию сопровождается приходом болезней — инсульт, инфаркт, чаще всего спровоцированных стрессом перехода от нормальной жизни к непривычному, многими ожидаемому, но для большинства неприемлемому «сладостному ничегонеделанию». Как правило, общество старается отодвинуть «стариков», дать дорогу «молодым». Не всегда это удается сделать гармонично. Всегда есть перекосы то в одну, то в другую сторону. Когда избавляются от тех, кто способен еще многому научить и многое показать, и передают его функции молодому и неумелому, страдает сообщество, сотворившее такую несправедливость. Но

⁶⁴⁶ Буццати Дино. Цит. изд., с. 64–65.

⁶⁴⁷ Там же, с. 123.

и тогда, когда «старики» остаются на своих местах, уже не соответствуя по своим характеристикам занимаемой должности, общество также страдает. Вспомним череду старцев, занимавших командные высоты перед распадом советской власти, что и ускорило ее падение.

Следует все же помнить, что именно старость способствовала интенсивному развитию человечества, его интеллектуальному росту. Так как только человек теряет с возрастом репродуктивную способность, оказалось, что для человечества это великое благо. Бабушки и дедушки начинают нянчить детей — внуков. И это содействовало быстрому усвоению в детстве накопленного многими поколениями опыта, развивая и интенсифицируя интеллект подрастающих поколений. Таким образом, именно старость способствовала прогрессу человечества, что не характерно ни для одного сообщества животных, что именно отличает человеческое общество от сообществ животных.

Итак, противостояние «отцов и детей» мы наблюдаем повсеместно. Впрочем, так было везде, но не всегда. Ибо история культуры свидетельствует, что, во-первых, проблема «отцов и детей» исторически изменяет свои границы. Наверное, многие с удивлением обнаружили, перечитав во взрослом состоянии роман И.С. Тургенева «Отцы и дети», что «отцам» всего по сорок лет!?! В наше время это считается средним возрастом, и до старости еще ох как далеко! И удивляешься, когда читаешь романы XIX века о 50-летней старушке со следами былой красоты. Опять же в наше время с помощью различных косметических ухищрений некоторые умудряются и в 60 лет сохранить облик юной девы. Сегодня даже иными стали градации человеческого возраста. Сегодня 60-летние отнюдь не считаются стариками, а людьми зрелого возраста. А после 80 — пожилыми.

И в истории культуры мы видим, как часто старость изгоняется из общества. Так было в первобытном обществе. Так было всегда, когда общество не имело достаточных производительных сил, чтобы прокормить тех, кто не способен вносить в общий доход лепту результатов своего труда. Конечно, малышам приходилось нянчить, кормить, ибо они были основой существования рода. Но уж стариков — нет. Будущее их — смерть. И ее можно и нужно было приближать во имя выживания всего сообщества. Какого бы общества мы ни коснулись, эти особенности характерны для всех. Так было в Японии — вспомним рассказы Ясуси Иноуэ, когда стариков-родителей дети уносили в горы, чтобы там они погибали. Такая же неприглядная старость была характерна и для русской общины, где к старикам подчеркнуто относились как к людям, не приносящим выгод для живущих и всячески притесняя

и попрекая куском хлеба и постоянно помыкая, помещая «за печкой». И сегодня мы видим, что гляцевые журналы стараются не показывать старость. Она изгоняется из них, как нечто ненужное и непристойное. В гламурных изданиях царит культ молодости. Стариков нет. Даже тогда, когда показывают людей зрелого возраста, удивляются тому, что она может быть привлекательной. Удивляются 58-летней Шарлотте Рэмплинг, которую Франсуа Озон снял обнаженной в фильмах «Под песком», «Бассейн»⁶⁴⁸. Мода на молодость заставляет уже 53-летних называть стариками. На самом деле это отнюдь не так.

С другой стороны, когда общества достигали некоего уровня производства, оставлявшего возможность прокормить немощных, люди стали осознавать преимущества опыта и прибегать к нему. Так родился институт старейшин, которых стали уважать и прибегать к их советам в трудных ситуациях. Особенно это характерно для стран Востока.

И в истории культуры мы видим, как постепенно человечество осознает, что в любом обществе необходимо равновесие между «отцами» и «детьми». Для общества желательно количественное соответствие тех и других. К сожалению, разного рода стихийные бедствия, войны, и т.п. нарушают это равновесие. И когда стариков становится слишком много, обществу приходится за это расплачиваться. Сегодня мы пожинаем плоды так называемого бэбби-бума 60-х годов XX века. Те дети сегодня стали стариками, в семьях которых рождался чаще всего один ребенок. И вот сегодня стариков становится намного больше, чем молодых. Отсюда сегодня столь негативное отношение к старости. И неслучайно у нас в стране сегодня так стали уделять внимание молодым семьям, стимулируя рождаемость, ибо количество стариков начинает катастрофически превалировать над трудоспособным населением. И такое неравновесное состояние общества характерно не только для нашей страны, но многих развитых стран мира.

И эти общественные особенности непосредственно отражаются на конкретной семье.

Как правило, в архаических семьях живут совместно несколько поколений. Здесь есть как положительные, так и отрицательные стороны. Страдают в таких семьях, как правило, молодые, «дети».

В Европе, а затем и по всему миру, начиная с Нового времени, распространилась нуклеарная семья. И здесь есть свои плюсы и минусы. Но чаще в такой семье страдают старики, «отцы».

⁶⁴⁸ Смотри, например, журнал *Madame Figaro*, апрель 2006.

Особое соотношение имеют в семье поколения, не следующие друг за другом. Так, уже говорилось о том благотворном воздействии, которое оказывают дедушки и бабушки в семье. И отношение к ним различно — дети противостоят им, внуки прибегают к их помощи.

Представляя себе все эти механизмы, можно постараться найти ту равновесную черту, которая сможет установить в обществе мирное сосуществование «отцов» и «детей», которое будет благотворно для тех и других.

В данной статье все ссылки в основном приводились из художественных произведений. Связано это с тем, что именно художественная культура в полной мере отражает и утверждает основные особенности образа жизни людей, что и было предметом анализа в давней статье автора⁶⁴⁹.

---

⁶⁴⁹ Махлина С.Т. Художественная культура как отражение и утверждение образа жизни людей // Эстетические аспекты социалистического образа жизни. Межвуз. сб. / Урал. гос. ун-т. — Свердловск, 1981. — С. 128–134.

Музей и постижение языка изобразительного искусства

(Опубликовано: Произведение искусства в образовательном процессе
// Международная научно–практическая конференция 5–7 апреля
2000 года, — СПб., 2000)

Если раньше по отношению к искусству термин «язык» употреблялся метафорически, то постепенно в науке утвердилось понимание искусства как языка особого рода, семиотической системы, особого кода, имеющего свои закономерности и особенности. И.С. Болотина даже говорит о языках живописи, а не об одном языке искусства: «Наша путаница в разных типах искусства, неумение расчленить системы и языки (особенно в популярной критической литературе, в искусствоведческом фольклоре) оборачивается и смешиванием языков в современной живописи, порою совершенно сознательно, и эта худшая из эклектик опирается на современную теорию искусства, хотим мы этого или нет»⁶⁵⁰. Книга Л.В. Мочалова «Пространство мира и пространство картины» имеет подзаголовок «Очерки о языке живописи»⁶⁵¹. Сегодня уже стало трюизмом осознание того факта, что каждый вид искусства представляет собой «язык». Правда, на уровне интуитивного осознания. До сих пор существует очень большое количество людей, считающих, что понятие «знак» по отношению к искусству выхолащивает его суть, ничего не прибавляет к его постижению. В первую очередь это относится к сфере пластических искусств. Пусть не современного периода, а их традиционных форм. И возникают из-за этого следующие представления: все современные направления никакого отношения к искусству не имеют, а «настоящие» художественные произведения имеют непосредственный доступ к «сердцу» человека, «говорят» с ним сокровенным языком потаенного, душевного, обращаясь через эмоции к внутреннему миру человека, минуя специальные образовательные

---

⁶⁵⁰ Болотина И.С. Проблемы русского и советского натюрморта. — М., 1989, с. 43.

⁶⁵¹ Мочалов Л.В. Пространство мира и пространство картины. — М., 1983.

ступени подготовки к их восприятию. Большинство представителей такого подхода к искусству, как правило, прошли обучение в советской школе и вершиной мирового искусства считают творчество передвижников, действительно являющихся важным этапом в развитии русской художественной культуры, однако в мировом масштабе этот вклад оказывается скромнее.

На самом деле, конечно, такие взгляды, несмотря на их распространенность, глубоко неверны. Правда, в защиту такой точки зрения следует сказать, что выделить художественные знаки достаточно сложно, а составить их «алфавит» невозможно. Тем не менее, каждый вид искусства, безусловно, представляет собой специфический язык, который, как всякий язык, требует знания, освоения, учебы для постижения его специфики. Мы этого не замечаем, говоря на родном языке (ибо в детстве, когда обучаемся ему, мы и талантливее, и обучение проходит неосознанно), но когда приходится осваивать иностранный язык, мы начинаем чувствовать это в полной мере.

В каждую эпоху, в каждом ареале возникают свои особенности выразительных средств, которые делают систему языка закрытой для непосвященных. В этом отношении весьма показателен художественный язык Средневековья. Ведь для того, чтобы его воспринимать глубоко и полноценно, надо многое знать из того, что для современного человека абсолютно неизвестно. Конечно, эмоциональное воздействие остается, но не в той мере, в какой оно могло бы на нас воздействовать, будь оно поддержано необходимыми знаниями. И если человек знаком с работой Б.А. Успенского «О семиотике иконы»⁶⁵², то, естественно, его восприятие иконы будет более точным и более верным, не умаляя, а, наоборот, прибавляя эмоциональный накал при ее восприятии.

Довольно широко распространено представление, что изображения в западноевропейских соборах были «Библией для неграмотных». Однако эти изображения всегда были многоуровневыми и несли разную информацию для простецов (*idiotae*), мудрецов и монахов.

Столь же многоуровневым языком является искусство барокко, где символика чрезвычайно насыщена и своеобразна, без знания которой полноценное восприятие невозможно.

Современное искусство во многом схоже с памятниками Средневековья. Не случайно Умберто Эко написал статью о современной культуре под названием «Средневековье уже началось». Близким оказывается

---

⁶⁵² Успенский Б.А. Семиотика искусства. — М., 1995.

современное искусство и эпохе барокко. Для его понимания оказывается так же необходима подготовка и обучение.

Так было всегда. За время существования человечества художественная культура сформировалась как система элементов, ведущую роль в которых играет искусство. Но само искусство также многоэлементно, как и художественная культура. Постепенно, вырастая из единого синкретичного целого, из искусства стали выделять отдельные виды. Каждая эпоха рождала, с одной стороны, становление и выделение новых видов искусства, их трансформацию, углубление, расширение выразительных средств, языка искусства, а с другой — их слияние, взаимодействие взаимовлияние. В переходные этапы активизировался поиск новых средств, нащупывание новых путей развития искусства. Сопутствующее развитие культуры развитие техники также обогащало искусство, определенным образом воздействуя на выразительные возможности искусства.

В современном искусстве довольно часто нивелируется понятие авторства, на передний план выносятся понятие «текст» художественного произведения, в котором равнозначную роль играют как автор, так и воспринимающий. Сегодня широко распространены инсталляции, хеппенинги и т.д. Компьютерные технологии вносят свой вклад в обогащение выразительных возможностей языка искусства. И все это осложняет возможность его постижения.

Новое искусство всегда пробивало себе путь через непонимание современниками новых кодов, которые открывались передовыми художниками. Этот конфликт новых средств выразительности, вводимых в сферу искусства, существовал всегда. И, как правило, последующие поколения всегда удивлены, как это могли не воспринимать творчество Рембрандта, как это импрессионисты отвергались и т.п. Но удивление должно вызывать не то, что новый язык непонятен, а то, что все искусство не может быть осмыслено, воспринято в полной мере, если не знать его языка. Даже тогда, когда, казалось бы (что в принципе невозможно) таких конвенциональных элементов в художественном произведении нет, как это ярко видно в произведениях далеких от нас эпох и ареалов, постижение содержания оказывается трудоемкой работой, требующей специальной подготовки.

Особую, ничем не заменимую роль в постижении языка искусства играет музей. В работе над хранящимися в музее произведениями много уровней и направлений.

Один из них — научное осмысление выразительных средств, присущих какому-либо этапу в истории изобразительного искусства. Как

правило, даже хорошо известное художественное произведение при исследовании в новом ракурсе и в новом контексте с применением усовершенствованной методологии, инструментария, присущего более точному и глубокому анализу, оказывается, открывает новые грани как бы уже всеми понятого содержательного среза.

Конечно, в исследованиях такого рода много значит мода. Кто-то изучает то, что не представляет интереса для большинства образованной публики (причины отсутствия такого интереса могут быть различными). Потом, в силу политических, социальных, экономических причин предмет интереса оказывается более массовым, что, как правило, наиболее передовых ученых заставляет отказываться от таких тем. Так, М.Л. Гаспаров записал, что Ю. Левин «отказался делать доклад о Мандельштаме, потому что Мандельштам уже не ворованный воздух»⁶⁵³. Вместе с тем, в художественном музее есть научные отделы, в которых люди по роду своей «приписанности» к ним, должны заниматься определенным регионом, периодом и т.д. Как правило, серьезная работа в конечном итоге вырабатывает любовь к своему объекту изучения, а это, в свою очередь, дает мощный импульс и к открытиям, и к новым прочтениям.

Однако в музее работа имеет двунаправленный характер. С одной стороны (имеется в виду в первую очередь музей изобразительного искусства, вернее, шире — пластических искусств, включающих скульптуру, архитектуру, прикладные искусства и сопутствующие им формы и жанры) — стремится выявить все наиболее художественно ценное в культуре. Его отбор, хранение и изучение — важная, но не единственная сфера деятельности музея.

Работа с посетителями столь же важна и почетна, что не всегда осознается в полной мере. В этой работе с посетителями много аспектов. Сама подготовка экспозиции всегда направлена на то, чтобы максимально полно помочь посетителю выявить семантику экспонатов. Работа над экспозицией всегда многоцелевая, имеет много задач, но эта — ведущая. И всегда предполагает многоуровневость восприятия разных посетителей.

В раскрытии, постижении языка искусства один из важных элементов работы — экскурсии. В этом направлении работы всегда необходимо так же учитывать, как и в экспозиционной деятельности, специфические особенности воспринимающих — их тезаурус, ориен-

⁶⁵³ Гаспаров М.Л. Записки и выписки. — М., 2000, 31 с.

тированность предпочтений, половозрастные характеристики и многое другое. Экскурсовод в первую очередь должен на очень высоком уровне владеть языком анализируемого искусства, вместе с тем обладая многими другими качествами — хорошим литературным слогом, хорошими манерами, умением вызвать доверие, актерским дарованием, и, раскрывая перед посетителями тайны искусства, понимать, что язык искусства может иметь разные уровни постижения — от приобщения до проникновения в самые глубокие закономерности. Долгое время этому не учили. Экскурсоводами становились люди, имевшие специальную профессиональную подготовку, соответствующую профилю музея. Вот уже 10 лет, как Санкт–Петербургский Государственный университет культуры и искусств готовит таких специалистов и теперь настала пора теоретического обоснования специфики этой деятельности.

Наконец, различного рода образовательные институты при музеях в конечном итоге призваны обучать языку искусства. Чрезвычайно яркий и интересный опыт накоплен Государственным Русским Музеем и Государственным Эрмитажем, получивший отражение во многих публикациях и в эффективных достижениях на практике.

Резюмируя, следует отметить, что без музеев постижение и осмысление языка изобразительного искусства невозможно: от наиболее тонкого, профессионального постижения, до приобщения к нему широкого круга посетителей. Оба эти уровня (от высшего до низшего) имеют огромный диапазон, многоступенчатый спектр проникновения в суть произведения и все они взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга. Без специального, профессионального осмысления языка искусства невозможна музейная педагогика, но и без нее невозможен полноценный анализ теории искусства.

Значение Эдварда Саида в современной культуре и культурологии

(Опубликовано: Вестник русской христианской гуманитарной академии. — Т. 12, выпуск 1, 2011, с. 78–83)

Доминантным аспектом современной культуры является глобализация. Конечно, это явление имеет черты двойственности. Противники глобализации указывают огромное количество ее отрицательных черт. И они совершенно правы. Но, с другой стороны, в глобализации много прогрессивного и положительного. В этом есть свои определенные закономерности. Не случайно, например, в сказках народов мира очень много одинаковых сюжетов, отражающих архетипические представления, общие для всех землян. Это свидетельство того, что современная глобализация — закономерное явление сближения людей разных рас и цвета кожи, и, в конечном итоге, возможность понимания и диалога культур.

Основные особенности глобализации очень ярко воплотились в судьбе и творчестве Эдварда Вади Саида (1 ноября 1935 г. — 25 сентября 2003 г.). И жизнь, и творчество его настолько двойственны, что отражают все противоречия глобализации.

Родился он в арабской семье — очень богатой, образованной и уважаемой. Вероисповедание родителей — протестантизм, хотя можно было бы предположить, что арабская семья должна была бы исповедовать ислам. Даже имя свидетельствует об этой противоречивости. С одной стороны — Эдвард (имя английское), с другой — Вади (имя арабское). Но... родился мальчик в Иерусалиме. Семья жила в северной части Иерусалима, где жили богатые нееврейские семьи. Примечательно, что этот район был куплен православной церковью, но после революции 1917 года церковники из-за нехватки средств вынуждены были сдать землю в концессию и в аренду, но сдавали обязательно не мусульманам. Понятно, что уже одно это способствовало двойственности его положения. Его окружали арабы, но христиане. И в этом тоже некоторая двойственность. Вместе с тем, район, где он жил, граничил с районом, где жили евреи и они были его ближайшими соседями.

В 1948 году семья не смогла вернуться в Иерусалим из очередной каирской поездки. Тогда в первой арабско–израильской войне Израиль победил, а дом родителей был потерян.

Когда мальчику исполнилось 8 лет, семья переехала в Каир. Здесь юный Эдвард получил очень хорошее всестороннее образование. У него были хорошие учителя по разным предметам, в том числе музыке (он стал прекрасным пианистом) и гимнастике. С детства он говорил на арабском и английском языках. Причем, первым был английский, что не раз вызывало ассоциации с Владимиром Набоковым⁶⁵⁴. Но европейское элитарное образование прерывалось летом, когда, по настоянию отца, несмотря на протесты Эдварда, он должен был жить в маленькой ливанской деревне жизнью простого деревенского крестьянина, с ее грязью, вонью и тяжелой работой. Это доводило изысканного интеллектуального мальчика, по его собственным воспоминаниям, до психического истощения. После окончания престижного Виктория–Колледжа в Каире, в 1951 году Саид отправляется в Америку. Закончив престижный частный колледж в Массачусетсе, получив в Принстоне степень бакалавра, а затем в Гарварде степень доктора философии, он поступает в 1963 году в Колумбийский университет, где остается впоследствии профессором (с 1978 года) до конца жизни. Следует отметить, что жизнь в Америке так же преподнесла ему близкий контакт с евреями. В Колумбийском университете состав преподавателей был одним из самых «еврейских». Его учителя и научные руководители были евреи, друзьями были евреи — Наум Хомский, Даниэль Баренбойм, с которым он написал книгу⁶⁵⁵ и основал оркестр⁶⁵⁶, Жак Деррида. Был он в неплохих отношениях и с Исраэлем Шамиром, политическим деятелем, министром иностранных дел Израиля. Конечно, учителя и друзья не отражают того, является ли человек антисемитом. Известно, что генерал Макашов говорил, что у него есть друзья евреи, а заподозрить его в отсутствии антисемитизма — трудно. И все же назвать вульгарным антисемитом Саида нельзя. Когда террористическая группа Абу

⁶⁵⁴ Как и Набоков, он преподавал литературу в американском престижном университете, как и Набоков своей «Лолитой», вызвал скандальную бурю своей книгой «Orientalism. Western conceptions of the Orient». Как и Набоков, семья уехала из того места, где он родился и которое он, как и Набоков, воспринимал его «потерянный рай».

⁶⁵⁵ «Parallels and Paradoxes. Exploration in Music and Society» by Daniel Barenboim and Edward Said.

⁶⁵⁶ «West–east Divan orchestra» — «Западно–Восточный Диван», с успехом до сих пор гастролирующий по всему миру, где оркестранты — молодые люди разных национальностей и где рядом сидят палестинцы и евреи.

Аббаса захватила итальянский лайнер «Акилле Лауро» и сбросила за борт старого еврея–туриста в инвалидной коляске, Саид назвал Абу Аббаса «дегенератом».

Противоречивость его как человека и ученого проявляется и здесь. С одной стороны — он безукоризненно европейски, даже лощено выглядит. По воспоминаниям Тарика Али: «В отличие от всех нас (арабов), он был безупречно одет; каждая деталь одежды была вдумчиво выбрана, вплоть до носков»⁶⁵⁷. Он владеет не только английским, но и французским, испанским, немецким, итальянским и знает латынь. Т.е., он — высшего уровня западноевропейский интеллектуал. Но, с другой стороны, он не может себя отделить от арабского мира. Как Конрад, считавший себя поляком в изгнании, чувствовал себя, несмотря на то, что в молодости разорвал связи с Египтом и Ливаном и даже разделял западные предрассудки с пылом неопита против арабского Востока, ощущал свою принадлежность к арабам.

Война 1967 года, которая стала известна как «шестидневная война», оглушительная победа Израиля над неизмеримо более превосходившей (втрое по численности и вдвое по вооруженности) арабской армией «перевернула» жизнь Саида. Он стал ощущать себя палестинским беженцем.

Был он человеком очень мужественным и сильным духом. В течение 12 лет он боролся с самой страшной болезнью на земле, не переставая работать до самых последних лет. После себя он оставил более 20 книг и сборников, множество статей и эссе. Круг его интересов был очень широк: и культуролог, и историк литературы, и оперный критик, и... критик сионизма. К тому же он был неплохим пианистом. Был он широко известен и как журналист, став телезнаменитостью.

Эдвард В. Саид в течение 20 лет был известным профессором Колумбийского университета (уже одно это говорит о высоком престиже его достижений). Между тем о высоком признании его научной деятельности говорит и тот факт, что он был президентом Американской Лингвистической академии, членом Американской Академии наук и искусств, Королевского Литературного Общества, Американского Философского Общества, а также обладателем многочисленных почетных научных званий.

Вместе с тем он был палестинским активистом, членом Палестинского национального совета, главным консультантом по делам Палестины в США.

⁶⁵⁷ Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга // Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб.: Русский Мир, 2006, с. 609.

Его первая книга, вышедшая в 1966 году, посвящена Джозефу Конраду, где исследуется связь между беллетристикой и мемуарным жанром. Эта книга — филологического характера, которая позволила ему встать в ряд интеллектуалов.

В 1969 вышла его книга «Палестинский опыт», где он оказывается полностью погруженным в палестинские дела.

Следующая его книга — переработанная диссертация была издана в 1975 году «Beginnings» («Начала»), за которую он получил награду от Колумбийского университета и в 1978 году стал профессором английской литературы и сравнительного литературоведения. В ней он анализирует романы наиболее значимых писателей XX века — Марселя Пруста и Томаса Манна.

Именно с выходом в свет «Начал» начинается рост политического влияния Саида. В 1975 году он выступает на заседании американского подкомитета по международным делам, где публично произносит обвинения в адрес Израиля, превратившего палестинцев в чужаков в собственной стране. Впоследствии эти обвинения станут развиты и обоснованы различными примерами. Как пишет К. Крылов: «Здесь культурология, наконец, находит свое применение в качестве политического инструмента»⁶⁵⁸.

В 1977 году Саид был избран в члены руководства Палестинского Национально Совета (PNC) — статус которого — палестинский парламент в изгнании.

В 1978 году выходит нашумевшая книга «Ориентализм. Западно-европейские концепции Востока», подвергшаяся нападкам как со стороны западных интеллектуалов, так и со стороны арабских политиков. Книга эта написана совершенно безупречным языком, вызвавшим восторг интеллектуалов. В ней показывается, что еще с античных времен Запад воспринимает Восток как вечный образ противника и добычи. «Нечего смотреть географические карты — тут важна семантика. Для европейцев Восток — это сложно устроенный мир, воротами в который является Ближний Восток, прежде всего Левант. В семантическом пространстве это точка пересечения нескольких систем предрассудков»⁶⁵⁹. В этой книге он стремился показать, как «власть, науки и воображение Европы и Америки на протяжении двухсот лет представляли себе

⁶⁵⁸ Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга // Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб.: Русский Мирь, 2006, с. 618.

⁶⁵⁹ Там же, с. 632.

Средний Восток, арабов и ислам»⁶⁶⁰. При этом он считает, что понятия «Восток» и «Запад» не соответствуют устойчивой реальности. Главное для него — показать, как воспринимают ислам, который представляется особо опасным воплощением Востока, выявить ксенофобию национализма и отвратительный шовинизм. При этом он считает, что искажения как приверженцев ислама, так и их противников весьма опасны для современного мира. Он стремится доказать, что Запад взирает на Восток издалека и как бы сверху. Книга эта стала бестселлером и была переведена на многие языки мира. Всеми ощущаемая противоречивость в мире, претворяющаяся в трагических коллизиях, стала основным содержанием этого нашумевшего труда, но оценки Эдварда В. Саида весьма неоднозначны, почему и получила противоречивую оценку данная книга.

Еще более усугубила эту ситуацию книга «Палестинский вопрос», вышедшая в следующем, 1979 году. Положение его в арабских кругах стало двусмысленным. Он выламывался из традиционных рамок арабских политических представлений, и его взгляды казались его соплеменникам сомнительными и неудобными для политической практики. Но и европейские интеллектуалы вменяли ему в вину его антиссионистские взгляды.

В 1980 году он написал книгу⁶⁶¹, в которой критикует западное отношение к исламу. И опять — книга вызвала нападки как со стороны мусульман, так и со стороны европейских представителей.

С одной стороны, он не разделял идеалов арабского и палестинского национализма, что стоило ему места в палестинском Национальном Совете, в котором он был членом с 1977 до 1991 года. Конфликт с Ясиром Арафатом послужил необходимости выйти из него. Его книга «Палестинский вопрос»⁶⁶² не переведена на арабский язык до сих пор.

С другой стороны, именно он сыграл огромную роль в том, что палестинцы стали осознавать себя отдельным народом.

Его политическая деятельность достигла апогея в 1988 году, когда он стал участником подготовки декларации ПНС. Саид пытался найти исторический компромисс. Он стал занимать все более критическую позицию по отношению к политике ООП и вышел из Совета в 1991 году, не согласившись с позицией Арафата, поддерживавшего Саддама

⁶⁶⁰ Саид Эдвард В. Ориентализм: Западные концепции Востока. Цит. изд., с. 509.

⁶⁶¹ *Covering Islam* (Покрывающий ислам).

⁶⁶² «The Question of Palestine», 1979.

Хусейна, правильно считая, что действия палестинского лидера могут привести к ухудшению положения палестинцев в мире, что и случилось на самом деле.

В 1992 году, когда проходили в Норвегии в г. Осло переговоры представителей Израиля и представителей ООП, он обвинил соглашение между ними в предательстве интересов палестинцев, что вызвало крайнее раздражение палестинского лидера. В 2002 году он стал участником создания партии Палестинская национальная Инициатива, призывавшей к созданию двуединого арабо–еврейского государства, выступавшей против ФАТХ (Движение за национальное освобождение Палестины) и ХАМАС (Исламское движение сопротивления — террористическая организация), к которому Саид относился с отвращением, правда, взаимно.

Он выпустил также еще две книги о палестинской проблеме: «Политика выселения» («The Politics of Dispossession», 1994) и «Конец мирного процесса» («The End of The peace Process», 2000). Его выступления становятся все более жесткими и критичными по отношению к американскому империализму.

В своей поздней книге «Размышления об изгнании и другие заметки» он писал: «Национальное самосознание — это притязание на принадлежность к некоему народу и некоей культуре, на право считаться где–то «своим». Его ключевое понятие — Родина, понимаемая как общность языка, культуры и обычаев; тем самым оно сопротивляется изгнанию, противодействуя его губительному натиску»⁶⁶³. Но при этом он презрительно отзывается о «квазисвященных» текстах национализма, жестком разделении на «своих» и «чужих». И, несмотря на это, он воспринимался интеллектуальной витриной палестинцев как нации. Правда, Константин Крылов едко пишет по этому поводу: «Но все–таки не ее «человеческим лицом», или, того хуже, «совестью». Саид никогда не позволял манипулировать собой до такой степени, которая требуется для исполнения этих постыдных ролей (подч. мною — С.М.). Из Саида не получилось сделать ни «палестинского Сахарова», ни «палестинского Солженицына», ни даже «палестинского Исаяю Берлина»⁶⁶⁴.

В итоге ему приходилось отбиваться и от сионистов, и от арабской палестинской позиции. Взаимоотношения народов, живущих на одной территории или по соседству, всегда складываются отнюдь не бескон-

⁶⁶³ Reflections on Exile and Other Essays: by Edward W. Said. Harvard University press, 2003.

⁶⁶⁴ Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга // Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб.: Русский Мир, 2006, с. 612.

фликтно. Вспомним ирландцев и англичан, англичан и шотландцев, сербов и хорватов, азербайджанцев и армян, взаимоотношения славянских народов между собой — русских и поляков, русских и белорусов, русских и украинцев. Список этот бесконечен. И напоминают эти отношения людей в коммунальной квартире. Не случайно уже экзистенциалисты заметили, что в тесном пространстве другие — это ад. Всегда оказывается, что у каждого есть своя правда, а вот найти путь к гармонизации отношений оказывается отнюдь не просто.

С одной стороны, после его смерти в статье Зеева Хейфеца в «New York daily news» было написано, что книги Саида «послужили делу джихада лучше, чем батальон Осам бин Ладенов». А вот в «Village voice» о нем было сказано: «Самый блестящий интеллектуал за последние пятьдесят лет»⁶⁶⁵, что, несомненно, соответствует истине.

В современном мире, где явно ощущается тенденция к единению, столь сложные противоречия получают отражение и в бытовой жизни, и в духовной сфере. Фигура Эдварда Саида весьма показательна для современной эпохи и, несомненно, значима для современной культуры и культурологии.

---

⁶⁶⁵ Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга // Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб.: Русский Мирь, 2006, с. 598.

Восток на Западе

(Опубликовано: Диалог культур в условиях глобализации /
XI Международные Лихачевские научные чтения 12–13 мая 2011 года
Т. 1. доклады. — СПб., 2011, 592 с., с. 352–361)

Восток и Запад — две формы цивилизации, постоянно взаимодействующие и взаимовлияющие друг на друга. Однако это сопоставление одного с другим отнюдь не является бесконфликтным и гармоничным. Из-за этого возникают разного рода перекосы в оценке их взаимного одновременного притяжения и отталкивания. Показательна в этом отношении весьма спорная, но глубокая и хорошо фундированная книга, демонстрирующая эрудированность и тонкость ума Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока»⁶⁶⁶. Книга эта была написана в 1978 году, но актуальность и интерес к ней продолжают привлекать внимание многих авторов. Однако, в основном эту работу критикуют — как западные исследователи, так и представители Востока. Правда, сам автор пишет, что «хотя в исследовании затронут широкий круг авторов, книга далека от того, чтобы быть исчерпывающей историей или общим обзором ориентализма»⁶⁶⁷. Несколько ранее, он подчеркивает, что, «несмотря на значительное число упоминаемых мною книг и авторов, гораздо большее их число пришлось оставить без внимания. Для моей аргументации, однако, не так уж важны ни исчерпывающий список имеющих отношение к Востоку текстов, ни четко очерченный список текстов, авторов или идей, в совокупности образующий канон ориентализма»⁶⁶⁸. Именно эта неполнота, подбор специальной литературы, соответствующей постулируемой концепции, приводит к искажениям, с которыми не согласны современные исследователи. Конечно, связано это, в первую очередь, с особенностями личности автора. Эдвард Саид прямо указывает: «Большая часть из

---

⁶⁶⁶ Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб: «Русский Миръ», 2006, 637 с.

⁶⁶⁷ Там же, с. 41.

⁶⁶⁸ Там же, с. 12.

личных инвестиций в это исследование происходит из осознания моей собственной принадлежности к «Востоку» в качестве ребенка, росшего в двух британских колониях... Мое исследование ориентализма было такой попыткой построить список оставшихся на мне, *восточном человеке*, следов культуры, чье доминирование являлось таким мощным фактором жизни для всех людей Востока»⁶⁶⁹. Он верно пишет: «Еще никому не удавалось отделить ученого от обстоятельств его жизни, от его причастности (сознательной или бессознательной) к определенному классу и набору убеждений, социальной позиции, или же просто от его включенности в общество»⁶⁷⁰. Все это с несомненностью отразилось в книге Эдварда Вади Саида. По сути верно показано взаимовосприятие этих двух цивилизаций в терминах Своего и Чужого: «выявлению различий между знакомым (Европа, Запад, "мы") и незнакомым (Восток, "они")»⁶⁷¹.

В книге четко разделяются понятия восток и Восток: «Определенные ассоциации с востоком (East) — не столь уж невежественные, но и не вполне грамотные — неизменно группируются вокруг понятия Востока (Orient)»⁶⁷². При этом Восток, как правило, отождествляется с исламским Востоком: «Если термин «Восток» (Orient) понимали как-то иначе, нежели как синоним азиатского востока (East) в целом или как общее обозначение всего далекого и экзотического, то наиболее строгое его понимание касалось именно исламского Востока (Orient)»⁶⁷³. Верно говорится о том, что «Восток — это идея, имеющая историю и традицию мышления, образный ряд и свой собственный словарь, обусловившие их реальность и присутствие на Западе и для Запада. Таким образом, эти две географические сущности поддерживают и до определенной степени отражают друг друга»⁶⁷⁴.

Анализируя историю освоения Западом Востока, Саид постоянно подчеркивает чувство собственного превосходства европейских исследователей, выражающееся в их описаниях «восточного» человека, который «иррационален, развращен, ребячлив, он «другой», тогда как европеец рационален, добродетелен, зрел, «нормален»⁶⁷⁵. Несмотря на рост

⁶⁶⁹ Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб: «Русский Мирь», 2006, с. 44 (курсив мой — С.М.).

⁶⁷⁰ Там же, с. 20.

⁶⁷¹ Там же, с. 68.

⁶⁷² Там же, с. 88.

⁶⁷³ Там же, с. 117.

⁶⁷⁴ Там же, с. 12.

⁶⁷⁵ Там же, с. 62.

систематического знания о Востоке, в описаниях европейских исследователей всегда звучит позиция силы и господства. Все это подтверждается обильными ссылками. И выглядит довольно убедительно, ибо доля правды в этом действительно есть. Он постоянно подчеркивает «чувство конфронтации»⁶⁷⁶.

Эдвард Саид разделяет отношение к Востоку европейцев и американцев. Для европейцев — «Восток (Orient) — это почти всецело европейское изобретение, со времен античности он был вместилищем романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний»⁶⁷⁷. Восприятие Востока европейцами Саид называет ориентализмом — «определенным способом общения с Востоком, основанном на особом месте Востока в опыте Западной Европы. Восток — это не только сосед Европы, но еще и место расположения ее самых больших, самых богатых и самых старых колоний, это исток европейских языков и цивилизаций, ее культурный соперник, а также один из наиболее глубоких и неотступных образов Другого... Ориентализм выражает и репрезентирует эту часть культуры и даже идеологически как вид дискурса с соответствующими ему институтами, словарем, ученой традицией, образным рядом, доктринами и даже колониальными бюрократиями, колониальным стилем»⁶⁷⁸. Этот ориентализм приобретает, по мнению Саида, отнюдь не положительные черты, в нем много именно отрицательного. Ориентализм — это термин, с помощью которого Саид пользуется «для описания западного подхода к Востоку... как к предмету познания, открытия и практики... непрерывного и безраздельного доминирования Запада»⁶⁷⁹. По его мнению, «реальность ориентализма одновременно и антигуманна, и устойчива»⁶⁸⁰, в нем проглядывает «определенное чувство превосходства»⁶⁸¹ Запада перед Востоком. Для него ориентализм — «это отношение силы, господства, различных степеней комплексной гегемонии»... «ориентализм скорее ценен как знак европейско-атлантической власти над Востоком»⁶⁸². Саид оказывается заиклен на указании стремления власти Запада над Востоком: «это своего рода интел-

⁶⁷⁶ Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Цит. изд., с. 310.

⁶⁷⁷ Там же, с. 7.

⁶⁷⁸ Там же, с. 8.

⁶⁷⁹ Там же, с. 115.

⁶⁸⁰ Там же, с. 69.

⁶⁸¹ Там же, с. 103.

⁶⁸² Там же, с. 14 (выделено мною — С.М.).

лектуальная *власть* (authority) западной культуры над Востоком⁶⁸³. При этом «сущность ориентализма заключена в неискоренимом разделении западного превосходства и восточной неполноценности»⁶⁸⁴. Он подчеркивает, что «ориентализм можно считать своего рода регламентированным письмом, видением и исследованием, в котором доминируют императивы, перспективы и идеологические предпочтения, очевидно, предназначенные для Востока»⁶⁸⁵.

Ориентализм, по мнению Саида, связан «с высокомерным административным отношением европейского колониализма XIX — начала XX века... Ориентализм — это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии «Востока» и (почти всегда) «Запада»⁶⁸⁶. Ориентализм по Саиду — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»⁶⁸⁷. Как правило, ориентализм — «это распространение геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты. Это разработка базового географического различия (мир состоит из двух неравных половин — Востока и Запада...)»⁶⁸⁸. В связи с этим «идея европейской идентичности как превосходства над всеми другими неевропейскими народами и культурами» породила представление о том, что существует «превосходство Европы над восточной отсталостью»⁶⁸⁹. Объясняет это Саид следующим образом: «Для человеческого сознания совершенно естественно сопротивляться воздействию неведомого и чужого, а потому все культуры склонны существенным образом трансформировать другие культуры, воспринимая их не такими, какие они есть, но такими, какими они должны быть (к выгоде воспринимающего)»⁶⁹⁰. Поэтому, делает вывод Саид, «из-за ориентализма Восток не был (и не является до сих пор) свободным предметом мышления деятельности»⁶⁹¹. Тут следует заметить, что такое видение отнюдь не характеризует отношение России к Востоку. Но Саид, имея в виду в первую очередь Францию, Британию и Германию, именно

⁶⁸³ Там же, с. 35.

⁶⁸⁴ Там же, с. 66.

⁶⁸⁵ Там же, с. 313.

⁶⁸⁶ Там же, с. 9.

⁶⁸⁷ Там же, с. 10.

⁶⁸⁸ Там же, с. 23–24.

⁶⁸⁹ Там же, с. 16.

⁶⁹⁰ Там же, с. 107.

⁶⁹¹ Там же, с. 10.

поэтому делает вывод, что «европейская культура выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному «Я»⁶⁹², видя в ориентализме комплекс «восточных идей». Это: «восточный деспотизм, восточная роскошь, жестокость, чувственность». Кроме того, ориентализм включает «множество восточных сект, философий и премудростей», адаптированных «для местных европейских нужд»⁶⁹³. Поэтому, считает Саид, ориентализм связан «с представлениями о том, что такого делаем «мы», чего «они» не могут ни сделать, ни понять»⁶⁹⁴. Конкурирующие колонизаторы Востока Англия и Франция видели в нем прежде всего инертность и женственность⁶⁹⁵. Но в итоге и те, и другие должны констатировать «непрятие Востока»⁶⁹⁶.

Это явная натяжка, хотя в ней и есть доля истины. Вот что по этому поводу писал Григорий Померанец: «Великие коалиции культур, возникшие вокруг Главной Книги, принципиально равноправны Мир ислама, индуистско–буддийский мир Южной Азии и конфуцианско–буддийский мир Дальнего Востока не могут быть полностью вестернизированы. Процесс вестернизации, сперва односторонний, давно перешел в диалог. Диалог начался в XIX в., когда Толстой и Достоевский, овладев западной формой романа, сумели преобразить ее и сказать Европе то, чего она раньше не знала. Он продолжался и в XX в., когда европейски образованные индийцы, японцы, мусульмане начали миссионерскую работу на Западе»⁶⁹⁷. Правда, здесь мы уже касаемся вопроса Запада на Востоке, но это уже иная проблема, не входящая в круг рассмотрения данной работы.

У американцев же «Восток не вызывает такого чувства, поскольку для них Восток прежде всего ассоциируется с Дальним Востоком (преимущественно с Китаем и Японией)»⁶⁹⁸. Но если для Британии и Франции Восток до начала XIX века — лишь Индия и библейские земли, то с начала XIX века и до конца Второй мировой войны Франция и Британия доминировали на Востоке. После Второй мировой

⁶⁹² Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Цит. изд., с. 11.

⁶⁹³ Там же.

⁶⁹⁴ Там же, с. 24.

⁶⁹⁵ Там же.

⁶⁹⁶ Там же, с. 346.

⁶⁹⁷ Померанец Г. Выбор XXI века // Григорий Померанец. Выход из транс — М.: Юрист, 1995. 575 с. — (Лики культуры), с. 560.

⁶⁹⁸ Саид Э. Цит. изд., с. 8.

войны их сменила Америка на Востоке, именно в плане доминирования над ним. Но и здесь — ориентализм — нечто более значительное, «чем простое нагромождение лжи»⁶⁹⁹. Итак, показывая, что «Ноам Хомский изучал инструментальную связь между вьетнамской войной и понятием объективности в гуманитарном знании в том его виде, как оно использовалось для сокрытия субсидируемых государством военных исследований», Саид делает неправильный вывод о том, «что он подходит к Востоку прежде всего как европеец или американец, и лишь затем как индивид... и что более важно, он принадлежит к той части света, которая имеет определенную историю вовлеченности в дела Востока чуть ли не со времен Гомера»⁷⁰⁰. Тем самым, заведомо определяется необъективность ученого. Переходя к современности, Саид отмечает, например: «И традиционные ориенталисты..., и Киссинджер представляют себе разницу между культурами, во-первых, как разделяющий их фронт, во-вторых, как предложение Западу контролировать, обуздывать или каким-либо иным образом управлять Востоком (через посредство более совершенного знания и соответствующей власти)»⁷⁰¹. Анализируя работы современного американского ученого Гарольда У. Глиддена, Саид показывает квинтэссенцию его концепции: «С одной стороны, есть западные люди, и, с другой, есть восточные люди, арабы. Первые (порядок не важен) рациональны, миролюбивы, либеральны, логичны, способны придерживаться реальных ценностей, лишены природной подозрительности; последние не обладают ни одной из этих черт»⁷⁰². Как правило, для европейцев «восточные народы, равно как и африканцы, — это прежде всего представители подчиненной расы, а не обитатели определенной географической среды»⁷⁰³. Правда, справедливости ради, надо отметить, что Саид отмечает «кризис ориентализма в XX веке и возрождение культурной силы на востоке»⁷⁰⁴. Однако все же настаивает на том, что для XIX века было характерно подчеркивание «чувственности, склонности к деспотизму, спутанной ментальности, привычки к неаккуратности, отсталости...»⁷⁰⁵.

⁶⁹⁹ Саид Э. Цит. изд., с. 15.

⁷⁰⁰ Там же, с. 21–22.

⁷⁰¹ Там же, с. 75.

⁷⁰² Там же, с. 77.

⁷⁰³ Там же, с. 144.

⁷⁰⁴ Там же, с. 317.

⁷⁰⁵ Там же.

Различая скрытый и явный ориентализм, Саид говорит о том, что, желая подчеркнуть нечто хорошее о Востоке, говорят «мудрость Востока», но при этом ислам воспринимается «никудышным, пустым и тривиальным»⁷⁰⁶.

Действительно, такие представления возможны и распространены на Западе. Но обобщать все же не стоит. На Западе отношение к Востоку у разных авторов различно, и, конечно же, мы можем найти восторженное восприятие Востока в целом, и искусства, в частности. Таково, например, восприятие Востока французским историком Д. де Ружемонном, который систематизировал символы Востока и Запада, рассеянные в литературе от Платона до европейских романтиков: «Восток — заря, утро, верх, правое, предельная утонченность, ангел откровения, дух, интуиция, мудрость, возрождение, просветленное знание, отчизна души». В сопоставлении с Востоком «Запад — закат, вечер, низ, левое, непрозрачная плотность, сумерки, демон утилитаризма и слепого могущества, забвение высших ценностей души, телесность и материальность, беспорядочная активность, ложное, отяжеленное материей знание, страна изгнания»⁷⁰⁷.

Да и у самого Саида мы можем найти следующее утверждение: «значительное число крупнейших писателей XIX века были восторженными поклонниками Востока»⁷⁰⁸. Или об ученых: «не так уж редко появлялись исследователи, которые относились к Востоку с симпатией и с неподдельным интересом...»⁷⁰⁹.

Но в целом «западный ориентализм процветал на фоне униженного положения Востока или восточного человека в качестве объекта исследования»⁷¹⁰. И это относится не только к писателям, исследователям, но и философам.

Таковы, например, взгляды Фридриха Шлегеля. Или Фридриха Ницше, утверждавшего «символ превосходства современности (и европейской культуры)»⁷¹¹. То же относится и к Марксу: «стародавние оппозиции «Европа» — «Азия», «Запад» — «Восток» — за чрезвычайно широкими ярлыками скрывают все возможное человеческое многообразие, сводя его в итоге к одной — двум итоговым собирательным

⁷⁰⁶ Саид Э. Цит. изд., с. 321.

⁷⁰⁷ Rougemon D. de. *L'aventure occidentale de l'homme*. Paris, 1957, p. 25.

⁷⁰⁸ Саид Э. Цит. изд., с. 83.

⁷⁰⁹ Там же, с. 150.

⁷¹⁰ Там же, с. 151.

⁷¹¹ Там же, с. 205.

абстракциям. И Маркс здесь не исключение»⁷¹². Нельзя все же не отдать должное справедливым оценкам Саида в анализируемой проблеме. Так, он уважительно и с одобрением говорит о книгах: «Западно–восточном диване» Гете и «О языке и мудрости индийцев» (*Über die Sprache und Weisheit der Indier*) Шлегеля⁷¹³. И в то же время пишет: « «Большая часть из расистских элементов, присутствующих в упреках Шлегеля в адрес семитов и других «низших» восточных народов, была широко распространена в европейской культуре»⁷¹⁴. И далее: «хороший» Восток — это всегда классический период какой–нибудь древней Индии, тогда как «плохой» Восток связан с нынешней Азией, частично Северной Африкой и повсеместно — с исламом»⁷¹⁵.

Эдвард Саид ограничивается анализом британского, французского и американского ориентализма. И в первую очередь касается контакта с арабами и исламом, что отнюдь не верно, если мы говорим об отношении Запада к Востоку, подчеркивая популярность «антиарабских и антиисламских предрассудков на Западе»⁷¹⁶. Безусловно, в этом есть правда. «К сожалению, иногда столкновение интересов коренных европейцев и мусульман приводило к серьезным конфликтам, поэтому в последнее десятилетие отношение к исламу со стороны большинства коренных жителей Старого света стало крайне негативным»⁷¹⁷. Но и в отношении к исламу мы находим передержки в анализируемой книге Эдварда Саида. Правда, перед этим он дает эскизно историческое описание Запада к Востоку — начиная с эпохи античности. Но уже даже в Древней Греции он видит не естественное изображение Востока, а его репрезентацию. Так, уже в драме Эсхила «Персы» «Восток превращается из весьма далекого и зачастую опасного Иного в фигуры более привычные (в случае Эсхила — в рыдающих азиатских женщин)»⁷¹⁸. Анализируя античную литературу, Саид приходит к следующему выводу: «Азия говорит через и благодаря воображению европейцев, которые представлены победителями Азии, — того лежащего за морем враждебного "другого" мира"» ... «Восток, и в особенности Ближний

⁷¹² Саид Э. Цит. изд., с. 243.

⁷¹³ Там же, с. 34.

⁷¹⁴ Там же, с. 154.

⁷¹⁵ Там же.

⁷¹⁶ Там же, с. 46.

⁷¹⁷ Садыкова А.А. Проблемы этноконфессиональных отношений в западноевропейской арабской публицистике. — СПб., Изд–во СЗАГС, 2009. — 204 с., с. 6.

⁷¹⁸ Там же, с. 37.

Восток, еще со времен античности воспринимался на Западе как его великая комплементарная противоположность»... «отношение к Востоку в целом со стороны Запада колеблется между презрительным отношением к нему как к чему-то известному и трепетом восхищения его новизной (или даже страхом перед ней)»⁷¹⁹. В дальнейшем, анализируя европейских литераторов, писавших о Востоке, он постоянно видит негативное восприятие всего Востока, и в первую очередь ислама. Отождествляя Восток с исламом, Саид пишет: «Ислам недаром олицетворял собой ужас, опустошение, демонические орды ненавистных варваров»⁷²⁰. Поэтому, начиная с эпохи Наполеона, по Саиду, европейцы стремились «приблизить Восток к Европе и тем самым поглотить его полностью и — что особенно важно — устранить, или по крайней мере смягчить его чужеродность, а в случае ислама — и враждебность»⁷²¹. Такую позицию можно видеть и в художественном творчестве, особенно в литературе, внесшей «существенный вклад в построении ориенталистского дискурса. Сюда входят труды Гете, Гюго, Бертона, Шатобриана, Кинглейка (Kinglake), Нерваля, Флобера, Лэйна, Бертона, Скотта, Байрона, Виньи, Дизраэли, Джорджа Элиота и Готье. Позднее, в конце XIX — начале XX века к этому ряду можно добавить Даути (Doughty), Барраса, Лоти, Т.Е. Лоуренса, Форстера...

К концу XIX века все эти достижения получили материальное подкрепление в виде европейской оккупации всего Ближнего Востока (за исключением отдельных частей Оттоманской империи, поглощенных после 1918 года)»⁷²².

Для европейцев, по книге Эдварда Саида, характерно «небрежное, сколь и распространенное смешение арабского с санскритом (как, например, в «Шагреновой коже» Бальзака роковой талисман покрыт арабской вязью, названной санскритом)...»⁷²³. И уж, конечно, обойти фигуру Киплинга Саид не мог⁷²⁴.

Эти утверждения довольно подробно и ярко аргументируются в книге, выискивая и подчеркивая в творчестве указанных писателей только негативное отражение Востока, нередко с явными передергиваниями. Это же характерно и для современного ориенталиста, который,

⁷¹⁹ Саид Э. Цит. изд., с. 89, 92–93.

⁷²⁰ Там же, с. 94.

⁷²¹ Там же, с. 137.

⁷²² Там же, с. 155.

⁷²³ Там же, с. 217.

⁷²⁴ См., например, с. 349–352.

по мнению Саида, «далек от объективности»⁷²⁵. Упоминает он и американских писателей — Марка Твена, Фитцджеральда, но и у них находит «общий шаблон»⁷²⁶.

Конечно, умная и глубокая книга достаточно ярко описывает определенные аберрации в сознании современных обывателей. «Вероломные китайцы, полуголые индийцы и пассивные мусульмане представляются исключительно как стервятники, зарящиеся на «наши» щедрые дары...например, считается, что арабы ездят на верблюдах, что все они террористы, что у них нос крючком, что они продажные распутники, а их незаслуженное богатство — это оскорбление подлинной цивилизации»⁷²⁷.

Безусловно, во многом Эдвард Саид прав. С сожалением приходится констатировать вслед за Даниилом Андреевым: «Религия дискредитировала себя своей вековой беспомощностью...»⁷²⁸. Он говорит о том, «что многие считают, что «религиозная эра в человечестве завершилась»⁷²⁹. Между тем, Андреев уверенно предрекает, что в наше время «зреет predeterminedенная к рождению всечеловеческая интеррелигия»⁷³⁰, когда она превратится «вместо сочетания разрозненных лепестков целокупным и единым духовным цветком, Р о з о ю М и р а»⁷³¹. В религии будущего, по его мнению, будет «Культ Единого, Культ Солнца Мира».

В современном мире стереотипное восприятие ислама на Западе связано с терроризмом, воинственностью и агрессивностью. Причины этого коренятся не только в ориентализме, но еще и в том, что они стали мощной диаспорой в Европе, нередко вызывая отрицательные эмоции чуждым бытом, одеждой, нравами. По данным «Би-Би-Си» на 2008 год наиболее крупные диаспоры проживают во Франции — 7%, в Нидерландах — 6%, Дании — 5%, Австрии — 4,2%, Швеции — 3,9%, Германии — 3,6%, Бельгии — 3,4%, Великобритании — 2,7%, Норвегии — 2,5%. Проживают мусульмане и в Италии, Финляндии, Люксембурге. Почему происходит этот наплыв пришельцев из мусульманских стран в европейские страны? «Подавляющее их большинство — трудовые эмигранты. Это они сменили в богатых западноевропейских странах

⁷²⁵ Там же, с. 163.

⁷²⁶ Там же, с. 303.

⁷²⁷ Там же, с. 169.

⁷²⁸ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 17.

⁷²⁹ Там же, с. 12.

⁷³⁰ Там же.

⁷³¹ Там же, с. 14.

преобладавших там ранее бедняков из Италии, Испании, Португалии, Греции, либо вернувшихся к своим очагам вследствие улучшения жизни на родине, либо несогласных работать за низкую плату. Приехавшие им на смену афроазиаты (преимущественно выходцы из арабских стран, Турции, Ирана, Пакистана, Индонезии, Малайзии и прочих государств ислама), убедившись в преимуществах общества массового потребления, не спешили покинуть процветающий Запад, даже если им приходилось туго, ибо на родине было еще труднее»⁷³².

При этом сталкиваются интересы коренных европейцев и мусульман, что нередко приводит к кровавым столкновениям. Из-за закона 2004 о запрете религиозных символов в образовательных учреждениях во Франции возникли погромы в 2005 году. Естественно, что это вызвало негативное отношение европейцев к мусульманам. Понятно, что это искаженное и неверное представление. И ни один образованный и просто думающий человек не в состоянии разделять такое мнение. Ибо ислам — религия, как и любая другая, отнюдь не связанная с агрессией. Наоборот. Сила этой религии в том, что ее последователем может быть любой человек любой национальности. Д.Л. Андреев приводит весьма резонный пример того, почему возникают разногласия в религиях: «как если бы несколько путешественников поднимались с разных сторон на одну и ту же гору, видели и обследовали различные ее склоны, а по возвращении заспорили бы о том, кто из них видел реально существующее, а кто — причуды собственного воображения; причем каждый рассуждал бы, что гора именно такова, какой она оказалась с его стороны, а свидетельства других путешественников о других ее склонах — лживы, абсурдны и являю собой западню для душ человеческих. Таким образом, первый вывод, вытекающий из сопоставления междурелигиозных разногласий, заключает в себе путь к устранению тех из них, которые основаны либо просто на недоразумении, либо на несовпадении объектов религиозного познания в различных рядах опыта...»⁷³³. Мы хорошо понимаем, что все религии в конечном итоге говорят об одном и том же. Хорошо это ощущают творческие люди. Вот что писал Морис Бежар о своей работе — балете «Actus tragicus» на музыку двух кантат И.С. Баха, которая была поставлена им вскоре после балета «Победители», в котором была заложена, по словам хореографа, «благочестивая верность буддизму»: «Христианские медитации

⁷³² Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. — М., 2005, с. 43.

⁷³³ Там же, с. 47.

о смерти — так я выражал свою принадлежность к той же цивилизации, что и Боссюэ! Как с интервалом в две недели поставить два таких разных балета и перейти от Будды к Христу? Не думаю, чтобы разница была так уж велика. Разумеется, есть различия в гражданской жизни этих двух религий, в формах культа. Но на определенном уровне проступает единство»⁷³⁴.

Внимание к исламской культуре по вполне понятным причинам в наше время актуально и важно. В 2000 году в Государственном Эрмитаже проходила выставка «Земное искусство — небесная красота». Выставка эта была организована Эрмитажем совместно с Фондом Новой Кирхи (Амстердам). На ней были представлены не только коллекция Эрмитажа, но и произведения из собраний Музея Бенаки (Афины), Британского музея (Лондон), коллекции Насера Л. Халили (Лондон), Музея Метрополитен (Нью-Йорк), Дома рукописей (Сана). Выставка эта была подготовлена при непосредственном участии М.Б. Пиотровского, глубокого знатока языка искусства ислама. Эта выставка была незабываемой и вызвала резонанс во всем мире. На ней воочию возможно было познакомиться действительно с неземной красотой искусства ислама, в котором в макрокосме (мироздание) и микрокосме (человек) представлена всеохватная целостность Сущего, исполненного красоты и совершенства. Весь мир в исламе отождествлялся с телом человека.

Саид анализирует отношение Запада к Востоку Средиземноморья с XVII века⁷³⁵. Но ведь взаимодействие Запада и Востока в этом регионе началось много раньше. Справедливости ради стоит отметить, что Саид, конечно же, знает об этом. Он пишет: «С конца VII века ... ислам в его арабской, оттоманской или северо-африканской, или испанской форме доминировал над европейским христианством или вполне реально угрожал ему»⁷³⁶. Но сосредоточивает свое внимание на доминировании Запада над Востоком, на том, что в исследованиях «ориенталистов» проявляется «замаскированный этноцентрический предрассудок»⁷³⁷.

В 711 году арабо-берберские войска омейядских халифов вторглись на Пиренейский полуостров из северной Африки и разгромили королевство вестготов. Так Испания стала провинцией Дамасского халифата. Затем один из Омейядов подчинил себе все мусульманские

⁷³⁴ Бежар М. Мгновение в жизни другого. Мемуары. — М.: В/О Союзтеатр СТД СССР, Главная редакция театральной литературы, 1989, 237 с., с. 187.

⁷³⁵ Саид Э. Цит. изд., с. 31.

⁷³⁶ Там же, с. 116.

⁷³⁷ Там же, с. 235.

владения и основал Кордовский эмират с центром в городе Кордова. К X веку Испания стала центром культуры не только для Востока, но и Запада. В Кордовском университете учились студенты из многих европейских стран — Англии, Франции, Германии. На юге — в предгорьях Сьерра-Невады расположилась столица Гранадского эмирата, сформировавшегося в 1238 году, — Гранада, которую арабы называли земным раем, а поэты воспевали как «светлую звезду неба». Однако и испанским мусульманам приходилось бороться с аналогом крестовых походов — реконкистой. Успехи реконкисты привели к тому, что Кордова пала в 1238 году, Гранадский эмират удержался еще два столетия, но, в конце концов, и он пал в 1492 году.

Когда мы говорим об искусстве ислама, следует иметь в виду, что оно весьма разнообразно, ибо подразумевает искусство разных народов, исповедующих ислам. Так как ислам исповедуют очень разные народы, то естественно, что в разных регионах, в разных этносах мы видим определенные отличия. Однако для всего искусства ислама характерна определенная общая семантика, объединяющая разные направления, связанные с этническими особенностями. Ибо для ислама не существуют разные нации, а все мусульмане составляют единую нацию — умма. Искусство ислама выработало свой особый неповторимый язык. В нем есть черты, которые можно найти и в христианском искусстве. Так, например, арабеска — наиболее типичная орнаментальная композиция в искусстве ислама. Впоследствии этот орнамент широко распространился в европейском искусстве под тем же названием.

При Аббасидах была основана переводческая коллегия «Дом мудрости», где переводились древнегреческие и эллинистические книги. Труды античных авторов мы знаем как раз по арабским переводам. В свою очередь арабские труды были переведены на латынь. А арабская поэзия оказала сильнейшее влияние на последующую литературу не только Востока, но и Запада. В книге Саида об этом говорится мимоходом⁷³⁸. И в этом неприятие идей Саида не только на Западе, но и на Востоке. Ведь не только на Востоке, но и на Западе с восторгом воспринимается творчество таких известных классиков, как Омар Хайям, Низами, Фирдоуси, Маарри, Хафиз. Да и в наше время Нобелевская премия справедливо присуждена Орхану Памуку. Интерес к творчеству Салмана Рушди вызван не только всколыхнувшим скандал произведением «Сатанинские стихи», но и его романом «Стыд», и многих

⁷³⁸ Саид Э. Цит. изд., с. 121.

других произведений, в том числе интересными наблюдениями о положении турецких гастарбайтеров в Германии. Впрочем, современные писатели Дальнего Востока широкой пользуются известностью не только у себя в стране, а иногда и вопреки их неприятию на Родине, во всем мире. Вспомним Кавабату, Ясуси Иноуэ, Мураками. А как писал о Востоке Г. Гессе. Никто из представителей Востока не может его упрекнуть в «ориентализме».

Мудро и с состраданием пишет о восприятии Запада исламом и ислама Западом Г. Померанц: «По ряду причин ислам оказался болезненно чувствителен к крайностям западного плюрализма. Тут имеет значение многое: и жесткая связь истины со словом, с арабским словом, услышанном Мохаммедом; и напряженное переживание соблазнов пола. Дальний Восток, с его образом туманного, невыразимого Пути и относительным равнодушием к сексу легче входит в современность. Фундаментализм ислама — болезненная реакция на вызов современного Запада; но эта реакция на действительное зло»⁷³⁹.

Однако Восток для европейцев отнюдь не ограничивается только миром ислама, о котором преимущественно пишет Эдвард Вади Саид. И Восток отнюдь уже не является миром слабого, подопечного, над которым Запад осуществляет свою власть. «В современном диалоге западный интеллеktуал, как правило, стоит ниже своих оппонентов. Образованный индиец знает Европу; образованный европеец имеет довольно туманное представление о Востоке и смешивает в понятии Востока совершенно разные миры. С европоцентристской точки зрения непонятно, почему страны Дальнего Востока обгоняют динамичный Запад в своем динамизме, а в мире ислама поднялась волна контр-модернизации»⁷⁴⁰.

В основном Эдвард Саид концентрирует свое внимание на литературе. Начиная анализ с античной литературы, он затем анализирует творчество Данте, Шекспира в аспекте избранной темы, затем писателей Нового и Новейшего времени.

Однако Восток на Западе предстает во всех видах искусства. Так, сегодня в области архитектуры мы видим выдвижение восточных архитекторов в когорту наиболее знаменитых и известных, востребованных не только на Востоке, но и на Западе.

⁷³⁹ Померанц Г. Выбор XXI века // Григорий Померанц. Выход из транс — М.: Юрист, 1995. 575 с. — (Лики культуры), с. 555.

⁷⁴⁰ Там же, с. 560.

Только в одном месте Саид говорит о восточных мотивах в творчестве Моцарта. «Его «Волшебная флейта» (в которой масонские коды перемежаются с образами благословенного Востока) и «Похищение из сераля» помещают исключительно благородный вид человечества именно на Востоке. И это обстоятельство в гораздо большей степени, чем модные тогда «турецкие» музыкальные мотивы, заставляет Моцарта смотреть на Восток с симпатией»⁷⁴¹. На самом деле, конечно же, мы видим музыкальное воздействие Востока на Западе в разных национальных культурах и в разные периоды, ибо в каждой национальной музыкальной культуре всегда можно найти специфические черты. Их взаимодействие и взаимовлияние существовали всегда, но особенно ярко это проявляется в XX веке. «Три основные составляющие звукового бытия нации: речевая интонация вербального языка, которая может быть включена в виде компонента в художественное целое и воздействовать особенностями своего интонационного и ритмического содержания на структуру музыкального текста; национальная традиция музицирования, включающая в себя фольклор и светскую устную или устно–письменную профессиональную традицию; музыка церковного ритуала, породившая свою традицию»⁷⁴².

Бела Барток писал: «Изучение крестьянской музыки имело для меня решающее значение, так как привело к мысли о возможности полного освобождения от всевластия нынешней системы мажора и минора... и к совершенно свободному распоряжению каждым отдельным тоном нашей хроматической двенадцатитоновой системы»⁷⁴³. Это стремление приводит в конечном итоге к тому, что он использовал фольклор не только венгерский, не только соседних регионов — Румынии, Словении, Болгарии, но и турецкие, арабские и другие восточные национальные элементы музыки. Нередко в его творчестве используется архаичная пентатоника, полиладовая гармония.

Музыка XX века вобрала в себя ориентализм в широком спектре философских, эстетических идей Востока. Кроме того, используя выразительные средства музыки Востока. Вспомним Дебюсси. Позже эти идеи получили развитие у Мессиаана, Пендерецкого, Лютославского, Штокхаузена. В слуховой кругозор европейских

⁷⁴¹ Саид Э. Цит. изд., с. 182.

⁷⁴² История зарубежной музыки XX века. — М., Музыка, 2007. — 576 с., с. 11.

⁷⁴³ Bartok B. Weg und Werk. Schriften und Briefe. Budapest, 1957, s. 145.

композиторов входит музыка стран Африки, Азии, Америки, включая арабский мир, а также Индию, Китай, Японию, Цейлон, Индонезию — Юго-Восточную Азию и Дальний Восток. Так, японские гагаку мы найдем у Мессиана, яванский гамелан — у Дж. Кейджа, индийский рагсангит — у Ф.Р. Херфа. Дьёрдь Лигети для создания «новых модальных и хроматических музыкальных идиом стремился к интернациональным средствам выразительности⁷⁴⁴. В творчестве Софьи Губайдуллиной чувствуется стремление к органичному объединению свойств искусства Запада и Востока. Она считает, что «связь между жизнью и высотой идеальных установок и абсолютных ценностей, постоянное воссоздание legatoжизни»⁷⁴⁵ — есть истинно религиозное восприятие действительности. Но оно требует уважительного отношения ко всем религиям. В «Ночи Мемфисе» проявилась дзэн-буддистская идея растворения своего «я» в окружающем мире.

Знаменитый современный певец Леонард Коэн 5 лет провел в буддистском монастыре под именем Джикаи — молчание.

Наоборот — на Востоке мы видим влияние Запада. Там музыканты находятся в ситуации двойного диалога — с одной стороны — со своей национальной культурой, с другой — с европейской культурой. Одни в национальную фактуру включают элементы современного музыкального языка, другие, изучая европейский авангард, соединяют его средствами национальной музыки. Тем самым Восток и Запад создают единую музыкальную культуру. Однако тема Запад на Востоке — совсем другой поворот от нашей проблемы и потому она остается за скобками.

Во второй половине XX в. возникает тенденция в музыке обращения к истории искусства в целом. Отдаленные периоды этой истории переживаются как цветущие и зовущие. Эkleктика соединения несоединимого становится предпочтительной. Описывая XX столетие, А.С. Соколов констатирует, что «в художественной культуре разразились два качественно разных кризиса. Один связан с авангардом, другой — с постмодернизмом. В них, впрочем, есть и общие признаки Времени. В обоих случаях можно говорить о кризисе культуры текста. Высочайшая информационная насыщенность текста в авангарде (структурализм) и постмодернизм (полистилистика) перекрываются вторже-

⁷⁴⁴ Ligeti G. Begegnung mit Kurtag in Nachkriegs. Budapest, In [^]Musik der Zeit. Dokumentation und Studien. — Bonn, 1986, s. 15.

⁷⁴⁵ Холопова В.Н. Софья Губайдуллина: путеводитель по произведениям. — М., 2001, с. 3.

нием бесписьменной культуры (рок, хепенинг, электронная музыка и т.д.), живущей по своим законам»⁷⁴⁶.

Сегодня все больше появляется выдающихся исполнителей с Востока. Напомним лишь такие имена, как пианисты Ланг Ланг, Юджа Вонг, Юнди Ли, скрипачка Маюко Камио, дирижер Кеннет Ногано.

Советская власть стремилась развивать культуру народов, входивших в состав СССР. Для этого изучалась культура, на основе которой создавались новые произведения профессиональными музыкантами из России. Этот процесс совершался повсеместно в республиках Средней Азии и Балтии, Кавказа и Приполярья, Поволжья и Сибири. Организовывались декады национальных культур, проводившиеся в Москве. Шел активный процесс направления импульсов от центра к периферии. Музыканты из Москвы и Ленинграда посылались в национальные республики, закладывая там композиторские школы, основы музыкального образования. Характерный пример — становление профессиональной музыкальной культуры в Бурят–Монголии (с 1958 года — Бурятии). Первая декада была проведена в 1940 году.

Формированию национальной композиторской школы способствовало изучение мировой музыкальной классики и вместе с тем знакомство с оригинальным ориентальным материалом.

Так, Б.П. Сальмонт собрал 229 напевов, в которых 176 были бурятскими. Он сделал ряд обработок бурятских народных песен, многие из которых вошли в репертуар таких известных исполнителей, как Ирма Яунзем в передачах Всесоюзного радио⁷⁴⁷. В 1939 году в Бурятию приехал автор первой национальной оперы «Энхе — стальной богатырь» М.П. Фролов, который записывал мелодии бурятской музыкальной культуры. Опера Л.Н. Книппера «На Байкале» основана на 74 народных образцах по итогам экспедиции по Курумканскому и Баргузинскому районам. Опера «Мэдэгмаша (У подножия Саян)», балет «Свет над долиной» С.Н. Ряузова также основаны на записях фольклора по Кабанскому району. В 1956–1957 году была поставлена опера в Улан–Удэ Б. Ямпилова «У истока родника». Опера Д. Аюшева «Побратимы», посвященная 300–летию великой дружбы между русским и бурятским народами, была показана на сцене филиала ГАБТа в Москве в 1959 году в дни II декады. В этой опере воспроизведен

⁷⁴⁶ Соколов А. Какова же она — «форма» музыкального XX века // Музыкальная академия, 1998, № 3–4, с. 2–8.

⁷⁴⁷ Гуревич П.С. Оперный театр Бурятии. — Улан–Удэ, Бурят. кн. изд–во, 1964, 191 с., с. 25.

ориентальный колорит в картинах массового народного празднества. В 1967 году была создана опера «Прозрение». Таких произведений создано было и создается сегодня достаточно много, например, главное в воспитании вокалистов — сохранение собственной эмоциональной инграммы (имманентного свойства творческой деятельности, характеризующегося сохранением собственного творческого лица и индивидуального стиля интерпретации). В конечном итоге, бурятские вокалисты стали выступать в западноевропейских операх, привнося в них ярко выраженный восточный элемент. Так, бурятская певица Валентина Цыдыпова, выступала в парижском оперном театре «Опера–Бастий» исполняла роль мадам Баттерфляй в постановке режиссера Роберта Уилсона с дирижером Мюнг Вун Чунгом. Ее исполнение вызвало положительные отзывы: «помимо многочисленных достоинств парижской постановки «Мадам Баттерфляй» отметил и настоящее чудо в лице исполнительницы заглавной партии — солистки Мариинского театра, имевшей феноменальный успех у публики и очаровавшей самых взыскательных меломанов⁷⁴⁸». Этот успех хорошо понимали у нас в стране: «Три арии Чио–чио–сан певица–актриса превратила в настоящую монооперу, а созданный ею образ идеально смотрелся в ряду самых выдающихся исполнительских версий⁷⁴⁹». Столь же ярким результатом стала ее работа в 1997 году на гастролях Мариинского театра в Риме в партии Турандот, где она была воплощением восточной красавицы с завораживающими интонациями и нежнейшим *pianissimo*, переняв такую трактовку у Монсеррат Кабалье.

Монгольская и бурят–монгольская песня лишена жестких метрических рамок и потому непривычна для восприятия теми, кто привык к европейской ритмически обусловленной музыке. Особенно это характерно для архаичных материалов. Там после произвольно протяжного звука с текстом следует ритмический отрезок вокальной мелодии, затем снова растянутая звучность и так несколько раз. Как считают многие, это обусловлено характером хозяйственной деятельности номадов, не обусловленной лимитом времени, когда скотовод передвигается на коне по степи, гармонично проводя быт на фоне природы.

Ладовой основой бурятской и монгольской музыки является пентатоника. При этом лимитированный звукоряд все же не препятст-

⁷⁴⁸ Игнатов В. Мадам Баттерфляй из Улан–Удэ // Советская культура, 1994, 12 февраля, с. 12.

⁷⁴⁹ Бабалова М. Моноопера из трех арий // Коммерсант, 1995, 2 декабря, с. 12.

вует выражению экспрессивных возможностей выражения. При этом в музыке восточных бурят попадаются неожиданные для европейского слуха скачки на малую, большую септиму или октаву. Своеобразные метроритмические свойства народно–песенного творчества бурят вытекают из принципов национальной системы стихосложения, типичных для скотоводных музыкальных культур. Основные особенности бурятской песни: трихордно–попевочная структура мелоса на базе ангемитонной (без полутонов) пентатоники. Тягучий образец напева «Золотарник» неоднократно использовался композиторами республики в качестве образца для музыкальной обработки.

На XIII международном фестивале *Earlymusic*, проходившем с 5 по 30 сентября 2010 года в Санкт–Петербурге, наряду с европейской, была представлена корейская музыка. На этом фестивале была также исполнена турецким ансамблем *Golden Horn* музыка Дмитрия Константиновича Кантемира, много сделавшего для связи русской и турецкой культур. Любопытно, что во времена императрицы Елизаветы Петровны, как известно, талантливой музыкантши, при дворе был ансамбль турецких музыкантов⁷⁵⁰.

Кроме музыки, несомненно влияние Востока на Запад в сфере пластических искусств. Эдвард Саид пишет только о том, что «в некоторых случаях репрезентации Востока можно связать с тюрьмами Пиранези, в других — с роскошью Тьеполо, в третьих — с экзотической величественностью живописи конца XVIII века. Похоже, в XIX веке, в работах Делакруа и в буквальном смысле дюжины французских и английских художников восточная живопись придала этим репрезентациям визуальное выражение ... Восток ... в Европе конца XIX века превращается в нечто поистине хамелеонообразное под названием (в качестве прилагательного) «восточный» (ориентальный)»⁷⁵¹. В то время, когда распространилась в Европе мода на шинуазри и тюркери, повсеместно строились китайские павильоны. Не беда, что китайского в них почти ничего не было. Так, для королевы Норвегии был выстроен китайский дворец, где крыши были изогнуты, но, увы, совсем не так, как это характерно для китайских пагод. Да и в России в пригородах Петербурга в комнатах, посвященных Востоку, полно ошибок, не соответствующих первоисточнику. Так, на полу изображены драконы — священные существа, высоко почитаемые и потому никак не могущие быть попи-

⁷⁵⁰ Буклет XIII международный фестиваль *EARLYMUSIC* с 5 по 30 сентября 2010, с. 13.

⁷⁵¹ Саид Э. Цит. изд., с. 183.

раемы. Фигуры женщин отнюдь не соответствуют физиологическим особенностям тела восточного человека. Они на изображениях разводят руки — что для приличной женщины в Китае было недопустимо. Кисти рук их обнажены — признак распущенности и бесстыдства.

В последующем обращение к Востоку становится все более широким и всеобъемлющим. Достаточно широко известен факт воздействия японской гравюры на импрессионистов. Творчество А. Матисса связано непосредственными узами с искусством Востока, что отразилось в его исканиях выразительных средств языка пластических искусств.

В России ярким примером обращения к Востоку может служить работы К. Петрова–Водкина: «его творчество можно уподобить зеркалу, смотрясь в которое Запад узнает в себе Восток, а Восток — Запад»⁷⁵². Сегодня постоянно проходят выставки восточного искусства в ведущих музеях мира, в том числе у нас в городе. Достаточно вспомнить выставки только в 2010 году корейского искусства в ГЭ, японского искусства в ГРМ.

Если мы обратимся к современной архитектуре, то увидим, что многие выдающиеся архитекторы — выходцы из стран Востока. Не только в самих странах Востока, но строят они и в Европе, и их произведения вызывают восторг всех.

Что же касается литературы, то здесь несть конца примеров, когда западные писатели обращаются в своих произведениях к Востоку. Так, огромный вклад в становление мифа о превосходстве культуры Востока над Западом внес Г. Гессе во всемирно известных романах «Степной волк», «Сиддхартха». До сих пор появляются романы, в которых воспевается искусство Востока. Бестселлером стал роман Хелен Девиитт «Последний самурай» (у нас он издавался дважды — в 2004 году и в 2010). Не говоря уже о распространении произведений писателей, родившихся и относящихся к культуре Востока. Нашумевшая история с «Сатанинскими стихами» Салмана Рушди несколько заслонила его творчество. Между тем им созданы прекрасные романы, например, роман «Стыд», опубликованный у нас на русском языке, интереснейшие исследования о положении турецких гастарбайтеров в Германии и т.д. Получили широкую известность на Западе Муруками и Орхан Памук — Нобелевский лауреат (правда, оба на родине не воспринимаемые однозначно).

---

⁷⁵² Даниэль А.М., Даниэль С.М. Запад и Восток в творчестве К.С. Петрова–Водкина // Советское искусствознание. — М, 1989. Вып. 25.

В кинематографе мы видим такие достижения, за которыми Западу иногда трудно угнаться. В Индии налажено производство огромного количества фильмов, намного опередив Голливуд. Если же мы хотим обратить внимание на глубину и тонкость содержания произведений этого вида искусства, то, конечно же, японские фильмы Акиры Куросавы и Нагиса Осимы стали классикой XX века. В последнее время многие восточные школы кинематографии показывают выдающиеся успехи.

Столь же значительны успехи представителей науки. Недавно Нобелевским лауреатом стал представитель Японии.

Столь же значительны взаимовлияния Востока на Запад и Запада на Восток в области еды. Это ли не признание Западом равноправия с ним Востока?

Между тем, Саид пишет: «Один из аспектов электронного мира пост-модерна состоит в том, что стереотипы, через которые смотрят на Восток, получают определенное подкрепление. Телевидение, кино и все прочие медиаресурсы сводят всю информацию к более или менее стандартизированным формам»⁷⁵³. В этом есть доля истины, но она относится только к массовому искусству. Когда же мы обращаемся к наиболее серьезным произведениям, то всегда здесь присутствует тонкое, почтительное и глубокое постижение особенностей культуры Востока. Очень чувствительное и нервное ощущение проблемы «своих» и «чужих» всегда вызывает отторжение как одних, так и других. Не случайно обращение к книге Эдварда Саида, ибо она отражает чувства многих людей Востока, ощущающих несправедливое к ним отношение — как к Другим. И это рождает ответное чувство агрессии и жестокости. Безусловно, модернизация Востока должна состояться без его вестернизации, что удается не всегда.

Вполне можно согласиться с кредо Григория Померанца: «Я верю в возможность мировой цивилизации, где европейский принцип диалога наций («концерта наций») будет дополнен диалогом великих культурных коалиций, диалогом подступов к единому Богу. Но для того чтобы дух победил, нужно великое обновление... и в каждом из нас идет борьба духа любви с духом раздора и гибели. Вопрос о будущем всегда открыт»⁷⁵⁴.

⁷⁵³ Саид Э. Цит. изд., с. 45.

⁷⁵⁴ Померанц Г. Выбор XXI века // Григорий Померанц. Выход из транса — М.: Юрист, 1995. 575 с. — (Лики культуры), с. 561.

Будущее России по «Розе мира» Даниила Андреева

(Опубликовано: Культура как стратегический ресурс России.
Сб. ст. — СПб., 2011 — 424 с., с. 225–238)

Будущее определить достаточно сложно. Как говорят румыны, «Ziua se cunoaste de diminyatca» (День узнается по утру). Однако будущее очень трудно предсказать. Как сложится судьба человека, даже если он очень талантлив — практически невозможно. В годы борьбы с космополитизмом в Ленинградский государственный университет поступал мальчик с золотой медалью. Но неудобной в те годы национальностью. В приемной комиссии ему сказали, что с золотой медалью без экзаменов принимают только тех, у кого погиб отец на войне. Абитуриент с радостью закивал, что отец его погиб на фронте. На что ему ответили: «Нет. Имелось в виду, что оба родителя погибли». «Но у меня и мама погибла на войне». Ну, хорошо. Тогда Вам придется сдавать только экзамен по специальности, по математике». И дали ему задачу, в которой заведомо не было решения. Но наш brave абитуриент справился с этим и задачу решил. В итоге он был принят. После окончания он был распределен в глухомань, где его убили. Можно ли было предположить такую судьбу столь подававшего надежды юноши? Еще сложнее определить будущее страны. А ведь это так интересно, так хочется заглянуть в будущее. Вот почему испокон века широко были распространены астрологи, гадалки, ведуны. Но не всегда их предсказания оправдывались. Правда, в истории культуры встречаются визионеры, которые умеют увидеть будущее. Таким визионером был Вольф Мессинг. Впрочем, ему это счастья не принесло.

В этом отношении довольно большой интерес представляет книга Даниила Андреева «Роза мира»⁷⁵⁵. Сам Даниил Андреев пишет о своей книге: «Я тяжело болен, годы жизни моей сочтены. Если рукопись будет уничтожена или утрачена, я восстановить ее не успею. Но если

---

⁷⁵⁵ Андреев Д.Л. Роза мира / Сост. и подгот. текста А.А. Андреевой. — М.: Иной мир, 1992. — 576 с.

она дойдет когда-нибудь хотя бы до нескольких человек, чья духовная жажда заставит их прочитать ее до конца, преодолевая все ее трудности, — идеи, заложенные в ней, не смогут не стать семенами, рождающими ростки в чужих сердцах»⁷⁵⁶.

Следует иметь в виду, что книга продумывалась в очень сложных условиях, в тюрьме, и то, что удалось ее собрать после выхода из тюрьмы и подготовить до смерти — это чудо. Умер Даниил Леонидович Андреев в 1959 году. А рукопись датируется 24 декабря 1950 года — 12 октября 1958 годом.

В своей книге Андреев предупреждает о двух опасностях, грозящих человечеству: «с опасностью физического уничтожения человечества вследствие войны — и опасностью его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании. Книга направлена, прежде всего, против этих двух зол»⁷⁵⁷. Эту опасность ощущали и ощущают многие люди, обладающие тонким восприятием мира. Морис Бежар в своей мемуарной книге приводит слова Бодлера из записей, которые он делал для себя под названием «Наметки», считая, что эти строки, написанные до него «более ста лет тому назад.., все еще могут быть напечатаны в любой момент на первой полосе наших ежедневных газет»: «Механика нас так американизирует, прогресс до того вытравит в нас всякое духовное начало, что любая из кровавых, святотатственных или противозаконных фантазий утопистов померкнет рядом с его практическим результатом... Однако не в политических институтах как таковых проявится всеобщая разруха или всеобщий прогресс, называйте, как угодно, но — в низости сердец. Есть ли мне еще нужда говорить, что та малость, которая останется от политики, будет мучительно отбиваться, зажатая в тисках всеобщего озверения, и что правителям, дабы удержаться и создать видимость порядка, придется прибегнуть к средствам, от которых содрогнулось бы сегодня человечество, несмотря на свое огрубление»⁷⁵⁸.

Понятно, что такую опасность ощущал и Даниил Андреев. «Ближайшей к нам во времени великой дилеммой, нависшей над нами как дамоклов меч, является выбор между третьей мировой войной и всеобщим мировым сосуществованием...Связано это с тем, что всемирное единство, о котором мечтает человечество, может обернуться демонической стороной». Андреев пишет: «достижения науки сами по себе не в состо-

⁷⁵⁶ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 4.

⁷⁵⁷ Там же.

⁷⁵⁸ Бежар Морис. Мгновение в жизни другого. Мемуары. — М.: В/О Союзтеатр СТД СССР, Главная редакция театральной литературы, 1989, 237 с., с. 195.

янии провести человечество между Харибдой и Сциллой — тираниями и мировыми войнами», ибо: «К этой деятельности допускались все. Независимо от уровня их нравственного развития», а поэтому «Наука превращается в... послушную служанку»⁷⁵⁹ разных политических деспотий.

При этом он с сожалением констатирует, «что именно религиозные конфессии, раньше всех провозгласившие интернациональные идеалы братства, теперь оказываются в арьергарде всеобщего устремления к всемирному»⁷⁶⁰. Между тем, Андреев приводит весьма резонный пример того, почему возникают разногласия в религиях: «как если бы несколько путешественников поднимались с разных сторон на одну и ту же гору, видели и обследовали различные ее склоны, а по возвращении заспорили бы о том, кто из них видел реально существующее, а кто — причуды собственного воображения; причем каждый рассуждал бы, что гора именно такова, какой она оказалась с его стороны, а свидетельства других путешественников о других ее склонах — лживы, абсурдны и являю собой западню для душ человеческих. Таким образом, первый вывод, вытекающий из сопоставления междурелигиозных разногласий, заключает в себе путь к устранению тех из них, которые основаны либо просто на недоразумении, либо на несовпадении объектов религиозного познания в различных рядах опыта...»⁷⁶¹. Мы хорошо понимаем, что все религии в конечном итоге говорят об одном и том же. Хорошо это ощущают творческие люди. Вот что писал Морис Бежар о своей работе — балете «Actus tragicus» на музыку двух кантат И.С. Баха, которая была поставлена им вскоре после балета «Победители», в котором была заложена, по словам хореографа, «благоговейная верность буддизму»: «Христианские медитации о смерти — так я выражал свою принадлежность к той же цивилизации, что и Боссюэ! Как с интервалом в две недели поставить два таких разных балета и перейти от Будды к Христу? Не думаю, чтобы разница была так уж велика. Разумеется, есть различия в гражданской жизни этих двух религий, в формах культа. Но на определенном уровне проступает единство»⁷⁶². С сожалением приходится констатировать: «Религия дискредитировала себя своей вековой беспомощностью...»⁷⁶³. Он говорит о том, «что многие счи-

⁷⁵⁹ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 8.

⁷⁶⁰ Там же, с. 7.

⁷⁶¹ Там же, с. 47.

⁷⁶² Бежар М. Мгновение в жизни другого. Мемуары. Цит. изд., с. 187.

⁷⁶³ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 17.

тают, что "религиозная эра в человечестве завершилась"⁷⁶⁴. Между тем, Андреев уверенно предрекает, что в наше время «зреет predeterminedенная к рождению всечеловеческая интеррелигия»⁷⁶⁵, когда она превратится «вместо сочетания разрозненных лепестков целокупным и единым духовным цветком, Розою Мира»⁷⁶⁶. В религии будущего будет «Культ Единого, Культ Солнца Мира, ... мужского духовенства этот культ не должен знать ... Лишь исключительная ясность сознания и очищенность души могла бы быть порукой, что священник никогда не внесет ... капли тонкого душевного яда ...»⁷⁶⁷. Он объясняет: «Это не есть замкнутая религиозная конфессия, истинная или ложная. Это не есть и международное религиозное общество вроде теософического, антропософского или масонского, составленного, наподобие букета, из отдельных цветов религиозных мыслей, эклектически сорванных на всевозможных религиозных лугах. Это есть интеррелигия или панрелигия в том смысле, что ее следует понимать как универсальное учение, указующее такой угол зрения на религии, возникшие ранее, при котором все они оказываются отражением различных пластов духовной реальности, различных рядов иноматериальных фактов различных сегментов планетарного космоса»⁷⁶⁸. Этот планетарный космос Андреев видит совсем нетрадиционно. В него, по мнению Даниила Андреева, входят различные материальности, имеющие различное число пространственных и временных координат, образующие множества небесных тел, в том числе и Земли, разные, как он их называет, брамфатуры. Брамфатура Земли, по Андрееву, называется Шаданакар (Шаданакар — собственное имя брамфатуры нашей планеты. Состоит из огромного числа (более 340) разноматериальных слоев, инопространственных и иновременных). В книге подробно описываются структуры Шаданакара. Автор показывает, как соотносятся эти структуры в различные эпохи России — начиная от Древней Руси и заканчивая нашим временем.

Для нас интересно то, что в этом обзоре уделяется время и будущему. Конечно, сказать о нем во всей полноте практически невозможно. «Во всей своей определенности и во всей своей полноте Грядущее ведомо только Всевышнему. Перед нами же оно предстает как непрерывно вет-

⁷⁶⁴ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 12.

⁷⁶⁵ Там же.

⁷⁶⁶ Там же, с. 14.

⁷⁶⁷ Там же, с. 525.

⁷⁶⁸ Там же, с. 16.

вящаяся цепь дилемм. Каждое звено этой цепи двойственно: оно составляет пару взаимоисключающих возможностей»⁷⁶⁹. Но можно выделить «некоторые узловые события больших процессов», которые «пребывают в грядущем как бы незыблемо—предрешенными точками. Но их чрезвычайно мало, да и они, осуществляясь в истории, могут принять тот или иной вид, ту или иную степень желаемой полноты»⁷⁷⁰.

Конечно, «Никто, кроме Господа Бога, не знает, где и когда затеплился первый огонь Розы Мира. Страна — Россия — только предуказана; еще возможны трагические события, которые осложнят совершение этого мистического акта и принудят перенести его в другую страну. Эпоха — шестидесятые годы нашего века — только намечена; возможны гибельные катаклизмы, которые отодвинут эту дату на длительный ряд лет»⁷⁷¹.

Если война будет развязана, «человечество будет отброшено так далеко вспять, а демонические полчища так усилятся вследствие изобилия гаввах⁷⁷², что со временем станет возможной даже четвертая миро-

⁷⁶⁹ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 486.

⁷⁷⁰ Там же, с. 487.

⁷⁷¹ Там же, с. 15.

⁷⁷² Гаввах — тонкоматериальное излучение человеческого страдания, выделяемое нашим существом как при жизни, так и в нисходящем посмертии. Гаввах восполняет убыль жизненных сил для многих категорий демонических существ и самого Гагтунгра. Гагтунгр — имя планетарного демона нашей брамфатуры. Он обладает тремя лицами, как некоторые другие из крупнейших иерархий. Первая ипостась Гагтунгра — великий мучитель. Брамфатура — почти каждое небесное тело обладает рядом разноматериальных слоев, образующих взаимосвязанную и взаимообусловленную систему. Брамфатурами называются такие системы, объединенные общностью процессов, протекающих в их слоях. В большинстве брамфатур нашей галактики основной процесс, объединяющий слои каждой из них, есть процесс борьбы Провиденциальных и демонических сил. Имеются, однако, и такие брамфатуры, которые полностью подпали под демоническую власть, и такие, которые уже полностью от нее освободились. Уицраоры — могущественные разумные и крайне злобные существа, обитающие в слоях, смежных со шрастрами. С точки зрения человека, — это демоны великодержавной государственности. Их очень немного. В метаистории уицраоры играют огромную роль, противоречивую и двойственную. Шрастры — инопространственные материальные слои, связанные с некоторыми зонами в физическом теле планеты земля, а именно с «компенсационными выступами» материков, опрокинутыми остриями к земному центру. Обиталища античеловечества, состоящие из двух совместно живущих рас — игв и раруггов. В шрастрах имеются своеобразные огромные города и очень высокая демоническая техника. Игвы — главная из рас античеловечества. Высокоинтеллектуальные демонические существа, обитатели «изнанки мира». Раругги — вторая из рас античеловечества, представляющая собой существа, до стадии которых развились великие хищники древних геологических эр, пройдя через бесчисленные воплощения в слоях демонической материальности.

вая война и физическое самоубийство человечества, либо нескончаемая цепь более локальных войн и переворотом, либо, наконец, объединение мира под эгидой американского или еще какого-нибудь из уицраоров»⁷⁷³.

Несмотря на то, что книга писалась в середине XX века, Андреев дальновидно предполагает то, что сейчас получило название «глобализация». Он пишет о том, что в XX веке характерно «стремление ко всемирному. Внешний пафос различных движений нашего века — в их конструктивных программах народоустройств; но внутренний пафос новейшей истории — в стихийном стремлении ко всемирному... На что указывает это знамение времени? Не на то ли, что всемирность, перестав быть абстрактной идеей, сделалась всеобщей потребностью? Не на то ли, что мир стал неделим и тесен, как никогда? Не на то ли, наконец, что решение насущных проблем может быть коренным и прочным лишь при условии всемирных масштабов этого решения?»⁷⁷⁴.

Андреев считает, что «пафосом тех эпох⁷⁷⁵ будут возрастание духа любви — во-первых; творчество, точнее, Бого-сотворчество во множестве видов и форм — во-вторых; просветление Природы — в третьих; разрушение преград между физическим миром и другими мирами — в-четвертых; радость жизни, кипящей и в Энрофе и во многих других мирах, — в-пятых; и высшие формы богопознания — в-шестых»⁷⁷⁶.

Будущий культ будет лишен всех догматических вековых напластований: «ветхозаветность — это как раз тот элемент в христианстве, который ждет своего пересмотра прежде всего... невозможно забыть также, что планы таких миров, как небесная Россия, романо-католический Эдем, византийский рай, Монсальват, сотворены великими духами, известными нам под именами апостолов Андрея и Петра, Иоанна Крестителя и легендарного, запечатленного только в эзотерических сказаниях Титурэля... Кто дал нам право держать под семью печатями головокружительную радость от знания о неизбежно грядущем "тысячелетнем царстве", когда миллионы просветленных взшедших, восходящих и долженствующих взойти

⁷⁷³ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 487.

⁷⁷⁴ Там же, с. 6.

⁷⁷⁵ Имеется в виду то будущее, когда человек вмешается в жизнь Природы, чтобы бороться с демонизмом в ней, и установит с ее светлой стороной теснейшее взаимодействие. — С.М.

⁷⁷⁶ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 493.

в затомисы⁷⁷⁷ метакультур, возродятся на преображенной Земле и когда начнутся те тысячелетия, смысл которых — спасение всех павших в нижние слои Шаданакара, воссоединение с ними, борьба за обращение демонических сил на восходящий путь, просветление всех слоев брамфатуры и искупление самого Противобога? Все это и многое другое не может долее оставаться не отраженным в культуре Спасителя Христа, об этом не смеем мы долгие молчать в богослужении Логосу»⁷⁷⁸.

Автор убежден, что «Роза Мира возникнет неизбежно и неотвратимо, сперва в одной демократической стране, потом в других и оселит собою постепенно все земли мира...»⁷⁷⁹. При этом он хорошо понимает: «Метаисторическое познание современности лишено возможности опираться на знание необходимого количества исторических фактов. Поэтому, хотя ему иногда удастся теми или иными методами восполнить эти пробелы и понять те силы, которые движут человекоорудиями наших дней, но незаполненных пробелов остается еще больше, и общая картина ни в коем случае не может претендовать на ту полноту, которой отличаются метаисторические картины некоторых прошлых эпох»⁷⁸⁰.

В человеке будущего будут характерны непрерывно растущая жажда знания. Счастливое восхищение Прекрасным, деятельная доброта к окружающим, знание религиозных форм прошлого и настоящего, и внешний его облик будет гармоничным и прекрасным⁷⁸¹. В будущем будут Триумфальные Сады. «Представить себе будущую Москву, например, без Триумфальных Садов нашим потомкам будет так же трудно, как нам — вообразить нашу столицу, лишенной Кремля»⁷⁸². Канут в вечность распри между народами и расами. «В сознании людей XXI века с каждым десятилетием будет стираться память о гранях между культурами и народами. Москву, например, тех эпох нельзя представить без памятников Платону и Копернику, Шекспиру и Рафаэлю, Вагнеру и махатме Ганди в той же мере, как

⁷⁷⁷ Затомисы — высшие слои всех метакультур человечества, их небесные страны, опора народоводительствующих сил, обители Синклитов. Вместе с созидательной Аримой — затомисы Розы Мира — их общее число достигает тридцати четырех, Синклиты — обитающие в затомисах метакультур сонмы просветленных душ людей.

⁷⁷⁸ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 528.

⁷⁷⁹ Там же, с. 485.

⁷⁸⁰ Там же, с. 475.

⁷⁸¹ Там же, с. 494.

⁷⁸² Там же, с. 515.

Москву наших дней — без монумента Минину и Пожарскому»⁷⁸³. Правда, препомом на пути познания прекрасного является власть техники. Он пишет: «Психика людей, повседневно работающих в технике, над техникой, с техникой, приучается ко всему на свете подходить с критерием практической полезности. Если человек не сумеет сам заметить эту опасность, если он не отгородит глухой стеной ту сферу своей жизни и деятельности, где властвует техника, от остальных сфер своей жизни и души, он превращается в духовного калеку, духовного импотента, духовного слепца. Нет лучшего способа угасить в себе проблески чего бы то ни было духовного, нет более верного пути к выхолащиванию психики от понимания искусства, от любви к природе, от тяготения к религии, от тоски по мировой гармонии, от жажды любви. В нашей зоне развитие техники неизбежно. Неотвратимо и оправдано потому, что без него невозможно ни объединение человечества, и установление того всеобщего материального уровня, который достоин человека. Но горе тем, кто позволит технике властвовать над душой»⁷⁸⁴.

Будущее будет прекрасным и удивительным: «объединение земного шара в Федерацию государств с этической контролирующей инстанцией над нею, распространение материального достатка и высокого культурного уровня на население всех стран, воспитание поколений облагороженного образа, воссоединение христианских церквей и свободная уния со всеми религиями светлой направленности, превращение планеты — в сад, а государств — в братство»⁷⁸⁵. Это будет время, когда «всякому человеку без исключения должны быть обеспечены занятия, отдых, досуг, спокойная старость, культурное жилище, пользование всеми демократическими свободами, удовлетворение основных материальных и духовных потребностей...»⁷⁸⁶. Тогда все станет так, как нам бы хотелось в наших мечтах. «очертания интеллигенции совпадут с очертаниями человечества. Развитие новых и новых средств связи, их общедоступность, их комфорт фактически уничтожат проблему международного и межкультурного пространства. Рабочий день, сокращаясь все более, высвободит новые резервы времени. Физиология разработает аппаратуру, помогающую человеческому мозгу быстро и прочно запоминать воспри-

⁷⁸³ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 515.

⁷⁸⁴ Там же, с. 430.

⁷⁸⁵ Там же, с. 18.

⁷⁸⁶ Там же, с. 28.

нимаемые им сведения. Досуг станет возрастать»⁷⁸⁷. Искусства расцветут, творчество станет ведущим в деятельности людей. При этом те, кто «эту культуру созидали здесь, продолжают свое творчество и в посмертии»⁷⁸⁸.

Чрезвычайно важна роль России в подготовке такого будущего для всего человечества. Вот как пишет об этом один из adeптов Андреева: «Именно Россия была создана высшим промыслом для реализации этой Идеи. С тех пор уже в течение двух тысяч лет, еще до того как Андреем первозванным был поставлен крест на одном из холмов будущего Киева, идет жестокая борьба между Силами света и тьмы, пытающимися помешать выполнению России ее провиденциальной роли ... Ее движение из Космоса в небесные Миры Земли идет, согласно «Розе мира» уже в течение многих тысячелетий, и воплощение Ее в небесном Мире России является завершающим этапом движения»⁷⁸⁹. Конечно, для этого необходима чрезвычайно кропотливая повседневная работа, и в первую очередь — покаяние. Не только государственных структур, РПЦ, но каждого конкретного человека. «Покаяние это лишь первый этап подготовки людей к реализации Розы Мира. Следующим этапом, очевидно, должны быть действия, которые могут привести страну к более высокому уровню культуры и духовности ..., чтобы она могла стать центром возникновения Великого Человеческого Духовного Братства — Розы Мира»⁷⁹⁰

Не так-то просто будет прийти к этому. «Сколько усилий, какая авторитетность и даже самопожертвование потребуются хотя бы для того, чтобы ослабить застарелые антагонизмы — англо-арабский, например, русско-польский или армяно-турецкий! Каким поведением заслужат немцы, англичане, русские или американцы забвение той вражды, которую они возбудили к себе в стольких нациях? Какие воспитательные средства потребуются для того, чтобы разрушить комплекс ущемленного самолюбия, мешающий многим малым и средним нациям дружественно относиться к своим соседям и перерастающий в агрессивные мечты о достижении собственного величия за счет величия других?»⁷⁹¹.

⁷⁸⁷ Там же, с. 29.

⁷⁸⁸ Там же, с. 36.

⁷⁸⁹ Штеренберг М.И. «Роза мира» Даниила Андреева и современность. — М.: Полиграфресурсы, 2000, 238 с., с. 197–198.

⁷⁹⁰ Там же, с. 212.

⁷⁹¹ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 27.

Учение Розы Мира обращается «к одному сверхнароду, к людям одной культуры»⁷⁹². Понятие сверхнарода у Андреева отнюдь не похоже на какие-то расистские представления. «Когда мы имеем в виду мир образов, столь же идейно-насыщенных и тоже, быть может, связанных, хотя и не тесно, с идеями религиозного и нравственного порядка, но не сложившихся в стройную систему отражающих ряд общих нравственных, трансфизических, метаисторических или вселенских истин в связи именно с данностью и с долженствованием вот этой культуры, мы имеем перед собой общие мифы сверхнародов. Таковы мифы юго-западного — романо-католического сверхнарода, сверхнарода северо-западного — германо-протестанского, сверхнарода российского»⁷⁹³. Сам Даниил Андреев подчеркивает: «под термином «сверхнарод» понимается совокупность наций, объединенных общей, совместно создаваемой культурой, либо отдельная нация, если ее культура создавалась ею одной и достигла высокой степени яркости и индивидуальности... Понятие сверхнарода можно было бы не вводить в настоящую концепцию, если бы оно не обладало, наряду с историческим, также и метаисторическим значением. А метаисторическое значение его в том, что своеобразие сверхнарода не ограничивается культурной сферой в Энрофе, но сказывается также во многих иноматериальных слоях как восходящего, так и нисходящего ряда, поскольку некоторые участки таких слоев охватываются воздействием лишь одного данного сверхнарода»⁷⁹⁴.

Будущее России, понятное дело, зависит от того, как будут обустривать его люди на земле. Но расстановка сил во многом зависит и от Небесной России. Эмблематический образ ее — многохромный розово-белый город на высоком берегу над синей речной излучиной. По своим очертаниям небесная Россия, или святая Россия связана с географией трехмерного слоя. Здесь есть, по мысли Андреева, Синклиты Украины, Грузии, Армении. К ним примыкает Синклит народа болгарского. В небе и воздухе этого мира появляется демиург Ярослав. Пока здесь нет Навны — Идеальной соборной Души народа русского, ее сестер — соборных Душ других народов. Навна объясняется Даниилом Леонидовичем так: «То, что объединяет русских в единую нацию; то, что зовет и тянет отдельные русские души

⁷⁹² Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 529.

⁷⁹³ Там же, с. 98.

⁷⁹⁴ Там же, с. 97.

ввысь и ввысь; то, что овекает искусство России неповторимым благоуханием; то, что надстоит над чистейшими и высочайшими женскими образами русских сказаний, литературы и музыки; то, что рождает в русских сердцах тоску о высоком, особенном, лишь России предназначенном долженствовании»⁷⁹⁵. Об этом мире поет русская церковь, когда провожает новопреставленных в невозвратный путь, дабы Господь упокоил их в «месте светлом, месте злачном, месте покойном, иде же несть ни печали, ни въздыхания, но жизнь бесконечная»⁷⁹⁶. Автор перечисляет имена деятелей русской культуры и истории, которые вступили в Небесную Россию за последние сорок лет. Набор имен, по современным представлениям, довольно странный: там есть, конечно же, Леонид Андреев. Но нет ни Мусоргского, ни Рахманинова, хотя там есть Римский–Корсаков, нет и многих других, кого бы хотелось туда поместить. Но вот что он пишет: «пусть смеется кто хочет над этим сообщением. Да и к репутации сумасшедшего мне не привыкать»⁷⁹⁷.

По мнению Андреева, в близком будущем мировое водительство перейдет к демиургу сверхнарода Российского, а затем к демиургу Индии⁷⁹⁸. Удивительно, что он выделяет именно русский и индийский народ. Может быть потому, что себя Даниил Андреев видел как жившего в прошлом в Индии, где он был женат, а в посмертии встретил свою жену в облике той юной девушки, в которую влюбился.

В конечном итоге человечество придет к идеальному народоустройству, когда человечество превратится в Братство⁷⁹⁹. Но при благоприятном решении ряда исторических дилемм не будет деспотизма государств, войн, революций, голода, эпидемий. «Насколько я могу различить — хотя это и удивляет меня, — постоянной столицы мира, то есть города, постоянно остающегося резиденцией верховных наставников и верховного собора Розы Мира, не возникнет. Кажется, при каждом новом понтификате столица мира будет переноситься в главный город той страны, которая выдвинула данного верховного наставника. Во всяком случае, Дели и Москва окажутся столицами по два раза»⁸⁰⁰. При этом верховные наставники преемственно воспослед-

⁷⁹⁵ Там же, с. 176.

⁷⁹⁶ Там же, с. 124–125.

⁷⁹⁷ Там же, с. 128.

⁷⁹⁸ Там же, с. 118.

⁷⁹⁹ Там же, с. 264.

⁸⁰⁰ Там же, с. 537–538.

дуют друг за другом, но начинать этот ряд будут русские и индусы. Правда, Роза Мира не будет бесконечной. Ее заменит эпоха гонений, Роза Мира подвергнется запрету. Правительства смогут осуществлять контроль над психикой людей земного шара. В итоге — катастрофа. Но затем вступит в свои права вторая эра, цель которой — спасение всех без исключения. «Ни человеческого рождения, ни болезней и смерти, ни страданий души, ни вражды и борьбы не будет знать Вторая эра»⁸⁰¹. Однако и это не конец. Но далее предсказана весьма туманная картина. Все же: роль России, по Андрееву, к возвышению Розы Мира чрезвычайно высока.

Сложно все это представить. В книге М.И. Штеренберга приводится множество доказательств, подтверждающих пророчества Даниила Андреева⁸⁰². Впрочем, у великой страны, действительно, должно быть великое будущее.

---

⁸⁰¹ Андреев Д.Л. Цит. изд., с. 560.

⁸⁰² См.: Штеренберг М.И. «Роза мира» Даниила Андреева и современность. Цит. изд., с. 43–52.

Педагогика и образование

Болонский процесс и художественное образование в России

Болонский процесс победно шествует по Европе. 19 июня 1999 года 29 европейских стран подписали соглашение о сотрудничестве в области высшего образования. С тех пор это соглашение получило название «Болонский процесс», так как документ был подписан в г. Болонья. Соглашение это было создано с целью интеграции европейских стран в единое целое образовательное пространство. Не осталась в стороне от этой тенденции и Россия. Российские власти рассчитывают узаконить уже весной 2005 года двухуровневую систему образования, вписывающуюся в стандарты Болонского процесса. Предполагается, что система заработает к 2008 году, а реализация ее должна быть проведена в 2010 году. Делается это для того, чтобы Россия в области образования интегрировалась в общую европейскую образовательную систему.

Действительно, глобализация коснулась всех сторон жизни. Не может она обойти и такую важную область как образование. Если Россия войдет в это единое пространство, не будет сложностей с нострификацией дипломов (их признание и приравнивание независимо от страны получения). Специалисты разных стран легко смогут предъявлять свои дипломы в любом регионе, и их не придется подтверждать дополнительными испытаниями. Предполагается, что в российское образование будет введена система зачетных единиц (European Transfer Credit System), показывающая, насколько студент интенсивно изучил тот или иной предмет. Кроме того, российский диплом о высшем образовании будет иметь приложение (Diploma Supplement), аналогичное европейскому диплому и будет переведено на английский язык.

Такая перспектива у многих вызывает эйфорию. Особенно среди тех, кто близко не знаком с отечественной системой образования. На первый взгляд все кажется очень удобным и правильным, соответствуя современным тенденциям общественной жизни.

Однако очень многие преподаватели высших учебных заведений активно выступают против вступления в Болонский процесс, несмотря

на то, что уже многие высшие учебные заведения подписали этот договор и на правительственном уровне уже сделаны принципиальные шаги в данном направлении. Для того, чтобы понять сложность ситуации, следует в ней достаточно серьезно разобраться.

Противники вхождения в Болонский процесс настаивают на том, что сложившаяся система образования у нас в стране неоднократно показывала свою высокую эффективность. Не секрет, что в Америке используют с большой охотой наших специалистов в области компьютерной техники, электроники, физики, химии, биологии и других науках. Не стоит и говорить о том, что наши музыканты и представители балета ценятся во всем мире. И если вы встречаете выдающегося исполнителя в этих видах искусства за границей, то обязательно окажется, что он каким-то образом имел возможность соприкоснуться с нашей отечественной школой. Даже в давние времена оказалось, что Вэн Клайберн, лауреат первого конкурса им. П.И. Чайковского, учился у эмигрантки, получившей образование в России. Не стоит распространяться о завоеваниях в области балета, о которых все знают. Не случайно это отразилось в шлягере, где пелось о том, что «в области балета мы впереди планеты всей». Правда, были. Сегодня ситуация оказалась довольно сложной. И в этом следует опять-таки разобраться.

Несмотря на то, что процесс уже начался и весь мир движется, вопреки протестам, иногда в агрессивной форме — к глобализации, она вызывает подчас яростное сопротивление. С одной стороны, глобализация формирует транснациональное культурное пространство, создавая единое поле реальных и виртуальных разноуровневых межкультурных взаимодействий. Однако это может привести к потере национальной идентичности, что волнует очень многих. Причем здесь оказывается, что проблема эта носит ярко выраженный социальный характер. Для культурной элиты глобализация — благо, ибо она легко вовлекается благодаря ей в транснациональное культурное пространство, что способствует ее развитию и духовному обогащению (к тому же способствуя и укреплению их материального статуса). К этой элите могут относиться художники разных видов искусства, ученые, юристы, экономисты, политики и т.п. Но есть очень много людей, связанных преимущественно с локальным бытием национальных культур. Для них глобализация предстает как разрушающая национальную самобытность. Она грозит унификацией и обезличиванием. К тому же велика опасность «вестернизации» мировой культуры, что также не может не вызывать протеста. Но, как бы ни подходить к этой проблеме, она

непосредственно проявляется в жизни. Интенсивное наступление глобализации ощущают все. Следует только учитывать, что, как всякое прогрессивное явление, она связана не только с достижениями, но и серьезными потерями. И важно постараться в этом процессе не упустить чего-либо ценного и важного.

Особенно это касается области образования. Ибо образование — это то, что, в конечном итоге, формирует качество и уровень жизни на планете. Не случайно ЮНЕСКО провозгласило XXI век «Веком образования». Именно образованию принадлежит ведущая роль в развитии культурного транснационального пространства. И глобализация непосредственно затрагивает эту сферу духовной жизни. Это понимают очень многие. Нередко образование в этой ситуации становится выгодным бизнесом, заимствуя рыночные практики в своей деятельности. Законодателями в нем становятся деловые круги, определяя качество и содержание образования. При этом гуманитарная составляющая для них становится не столь значимой, ибо слабо влияет на экономические взаимосвязи и взаимозависимости. Зачастую в современном высшем образовании непосредственно проявляются рыночные практики. Они проявляются в том, что учебное заведение становится источником определенных образовательных услуг, а студенты становятся его клиентами. В такой ситуации возникает конкуренция между университетами, выбор падает на те, кто оказывается более конкурентоспособным по рыночным меркам. К такому заключению пришла С. Слотер, изучавшая состояние национальных систем в Канаде, США, Австрии и Великобритании. К аналогичным выводам приходят многие ученые, занимающиеся этими проблемами. Высшая школа все более вовлекается в рыночные отношения. И процесс этот становится неотвратимым. Таким образом, следует иметь в виду, что в высшую школу приходит алгоритм рыночных отношений. И это одна из важных причин, которая породила тенденцию к интеграции, унификации высшего образования. Это один из очень важных моментов, который нельзя упускать из вида. Однако при этом следует стремиться к тому, чтобы эта тенденция не нарушила многообразие фундаментальных ценностей, характерных для национальных школ, и в первую очередь именно тех положительных и эффективных традиций, характерных для отечественной художественной культуры. Выйдя на глобальный рынок, следует все же постараться сохранить высокий рейтинг в мире нашего художественного образования.

Итак, рассмотрим, что же входит в основополагающие положения Болонского процесса, какие положительные результаты он может нести

и что в нем вызывает протест и как можно избежать отрицательных сторон такого переворота в жизни человечества в целом, а для нас важно — для образования, в частности.

Для реализации Болонского процесса предполагается перейти на многоуровневую систему подготовки — бакалавров и магистров. Такое членение позволяет легко конвертировать возможности применения специалистов в глобальном масштабе. Таким образом, унифицируя методы оценки качества разнообразных систем образования, возникает возможность мобильности как преподавателей, так и студентов. Бакалавр должен обучаться 3–4 года и по выходе станет специалистом среднего уровня. Но у нас в художественном образовании для этого есть училища. Допустим, после училища в консерватории специалист будет учиться 4 года. Кого можно подготовить за это время? Талантливый человек, конечно, получит очень много. Но все же окончательного блеска и высокого профессионализма достичь трудно. Значит, полноценными специалистами будет немногие. И заведомо ухудшается результат такого образования. Впрочем, экономические критерии и не преследуют такой цели. Нужны крепкие средние специалисты в большом количестве и система бакалавриата их может поставлять в необходимом объеме. Итак, с этим можно согласиться.

Но вот второй уровень — магистратура требует выбора и конкурса среди бакалавров. Предполагается, что лишь треть бакалавров может остаться в магистратуре. В первую очередь это рождает экономические проблемы. Государство тем самым сразу освободится от очень большого количества преподавателей. Тем самым сократятся расходы на преподавательско-профессорский состав. Для государства это очень и очень выгодно. Можно будет повысить зарплату, которая сегодня просто не требует комментариев, ибо она так мизерна, что стыдно об этом говорить. Но выгодно ли это современной высшей школе. Ведь в области преподавания художественного творчества у нас и так остались одни энтузиасты. И если мы постараемся освободиться от них, вполне могут прерваться те великие традиции, которыми славится отечественная школа.

Далее. Конкурсы при переходе из бакалавров в магистратуру часто включают показатели отнюдь не творческого характера. Так, как когда-то в советское время, учитывается общественная активность. Но мы все хорошо знаем, что талант и организаторские способности очень часто не совмещаются в одной личности. Вот почему существуют менеджеры, продюсеры, которые могут формировать процессы

бытования искусства в обществе. Итак, по показателям талантливый человек может уступить человеку более активному, но менее яркому. Магистратура насчитывает 1–2 года. За это время можно написать квалификационную теоретическую работу. Но мы все хорошо знаем, что в некоторых специальностях теоретического характера это предполагается характером профессии. Действительно, музыковеды, хореографы, менеджеры, продюсеры, критики должны уметь владеть словом. Для них написать диплом — подготовка к будущим разысканиям и исследованиям. И так было всегда, до вхождения в период глобализации. Но ведь певец, пианист, скрипач, балерина именно своим искусством проникая в глубины творчества, выражают в своей исполнительской практике те свои обобщения, которые отнюдь не выразить письменно. Здесь возможно пойти по пути, который существовал в Академии Художеств. Там после окончания аспирантуры при защите картины присваивалось звание кандидата искусствоведения без предъявления теоретического исследования. Возможно, и для исполнительских специальностей ввести экзамен для получения звания магистра без создания исследовательского труда. Оставить его для теоретиков, педагогов, менеджеров — т.е. тех, кто по роду своей деятельности должен будет заниматься теорией и наукой.

Болонский процесс предлагает разработать четкие критерии оценки качества высшего образования. Эти критерии должны соответствовать единым государственным стандартам, но в то же время они должны соответствовать и зарубежным стандартам. В дипломе должно быть указано количество часов изученных дисциплин. Причем само количество дисциплин должно быть определенного объема. В данных критериях Болонского процесса ничего угрожающего для нашего образования нет, ибо количество и объем традиционно изучаемых предметов у нас всегда были хорошо продуманными и сбалансированными. Но вот структура построения преподавания у нас отличается от зарубежной. У нас в теоретических курсах большое и решающее значение придается лекциям. За рубежом доминантным признается проверка знаний не в конце семестра, а в период его прохождения. Поэтому вводится тестирование. У нас тестирование применяется редко, хотя опыт такого метода преподавания есть. Понятно, что создание тестов — довольно большой труд для преподавателя. Это с одной стороны. Но, с другой — они дают возможность следить за равномерной работой студентов в течение семестра, а не только в период подготовки к зачетам и экзаменам. Впрочем, через несколько лет необходимо тесты кардинально

менять. К тому же проверяется объем заученных сведений, а отнюдь не интеллектуальных представлений. Поэтому наряду с тестированием широко применяется использование семинаров, обсуждений, на которых студенты должны демонстрировать свое знакомство с первоисточниками по изучаемой дисциплине. Кроме того, студенты должны писать работы по изучаемым темам. Такое многообразие методов обучения стоило бы использовать и в нашей высшей школе. Но вот что касается обучению профессиональных навыков в художественной сфере, у нас здесь есть определенный приоритет, который не стоило бы ломать.

Болонский процесс предполагает ввести систему зачетных единиц — кредитов. В них исчисляется объем знаний и трудоемкость учебной работы. Для того, чтобы получить высшее образование, необходимо набрать определенное число таких кредитов. Пожалуй, такую систему внедрить в наше образование не представляет особой сложности. Она предполагает определенную свободу студентов в выборе дисциплин, которые они считают важными для приобретения избранной специальности. Таким образом можно расширить число предлагаемых студентам дисциплин, среди которых должны быть обязательные и определенное количество свободно выбранных из некоторого числа предлагаемых.

Таким образом, перейдя на эти принципы, наше образование станет более конкурентоспособным на международном рынке. Это позволит также специалистам разных стран сотрудничать на международном уровне, повысит мобильность обучающихся, которые смогут посещать высшие учебные заведения разных стран, найдя что-то, близкое направлению их таланта. Следует только представлять себе все негативные стороны западноевропейского образования и постараться их избежать. В первую очередь это связано именно с профессиональной подготовкой. Так, именно российская школа остается ведущей в мире по подготовке в области реалистического рисунка. Могут возразить, что сегодня реалистическое умение отразить предметный мир совсем и не обязательно для современного художника. Информационные технологии вполне могут заменить профессиональные навыки. Увы, это иллюзия. Без такой базы художнику сложнее себя выразить. То же и в области профессиональных навыков в области исполнительских искусств. Они требуют не только тренажа, длительных и изнурительных экзерсисов, но и большого количества часов работы с педагогами. Причем зачастую индивидуальных. Современные критерии болонского процесса их устраниают. И поддаваться этому нельзя. Индивидуальная работа преподавателя с учеником не только способствует

передаче технических навыков, но зачастую формирует полноценную личность воспитуемого. И здесь необходимо вопреки ведущей линии нивелирования процесса образования во всех странах, его унификации, настаивать на сохранении того самобытного, найденного в течение долгих десятилетий, что присуще отечественной школе. Всем хорошо известно, как в странах Запада востребованы наши преподаватели — и в области исполнительских искусств, и в области балета, и в области театра. Сохранить достижения, не потерять накопленные ценности — наша задача.

Как мы видели, болонский процесс имеет множество позитивных результатов. Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать: Болонский процесс несет ряд положительных изменений. После долгого отделения России от мировой культуры, после падения «железного занавеса» стало возможным свободное общение, контакты стали более частыми и эффективными. Болонский процесс — следующий рывок в этом движении. Многие направления образовательной системы на Западе могут быть взяты на вооружение нашим высшим образованием. Вместе с тем те достижения, которые характерны для отечественной школы, ни в коем случае упускать нельзя. Наоборот. Ими вполне можно поделиться с западными преподавателями. В целом интеграция, выход на международные контакты, конвергенция национальных образовательных программ вполне положительно повлияют и на отечественное образование, и вполне могут обогатить европейское образование. Остановить процесс глобализации невозможно. Отражением ее в сфере образования является Болонский процесс. Но необходимо при этом минимизировать негативные последствия, заложенные в этом противоречивом процессе.

Проблемы художественного образования в России на современном этапе

(Проблемы искусства в XXI веке: задачи школы. Сб. ст. по материалам Международной научно–практической конференции (Санкт–Петербург; 22–23 ноября 2010 г.) / Под научн. ред. О.Б. Островского — СПб.: Полторак, 2010. 450 с., с. 196–203)

Наше высшее образование во всем мире пользуется заслуженным уважением. Не секрет, что в Америке используют с большой охотой наших специалистов в области компьютерной техники, электроники, физики, химии, биологии и других науках. Не стоит и говорить о том, что наши музыканты ценятся во всем мире. И если вы встречаете выдающегося исполнителя за границей, то обязательно окажется, что он каким–то образом имел возможность соприкоснуться с нашей отечественной школой. Даже в давние времена, когда контакты были запрещены, и железный занавес отделил наше искусство от Запада, оказалось, что Вэн Клайберн, лауреат первого конкурса им. П.И. Чайковского, учился у эмигрантки, получившей образование в России.

Российская школа остается ведущей в мире по подготовке в области реалистического рисунка. Могут возразить, что сегодня реалистическое умение отразить предметный мир совсем и не обязательно для современного художника. Информационные технологии вполне могут заменить профессиональные навыки. Увы, это иллюзия. Без такой базы художнику сложнее себя выразить.

Не стоит распространяться о завоеваниях в области балета, о которых все знают. Не случайно это отразилось в шлягере, где пелось о том, что «в области балета мы впереди планеты всей». Правда, были.

Несмотря на некоторые подвижки, все же уровень профессиональной подготовки в области искусства у нас в стране по–прежнему остается высоким. Всем хорошо известно, как во всем мире востребованы наши преподаватели — и в области исполнительских искусств, и в области балета, и в области театра.

Тем не менее, сегодня ситуация оказалась довольно сложной. И в этом следует разобраться.

Отечественная система образования в области художественной культуры стала складываться довольно поздно. Начиная с эпохи Петра I, ей стали уделять серьезное внимание. Поначалу ездили учиться за границу. Постепенно формировалась и стала складываться система, которая сохранилась до сего времени. Многие были почерпнуто у немцев, французов. И это было благотворно для отечественного образования, ибо бралось на вооружение лишь самое прогрессивное и наиболее эффективное. Так всегда: побежденный побеждает. Именно так формулировал Ж.-П. Сартр повторяющееся в истории явление в пьесе «Затворники Альтоны». Отставание в области образования стимулировало быстрое становление яркой и гибкой ее системы.

Способствовало выработке наиболее правильных принципов и отставание в области политического устройства. Поздняя отмена крепостного права сохранила в учениках привычку к рабскому труду. Большинство учащихся на первых порах были выходцы из самых обездоленных слоев, крестьянские дети. Как известно, занятия любым видом искусства обязательно требуют трудоемкого тренажа, длительных и изнурительных экзерсисов. Андрей Битов в своей книге «Грузинский альбом» как раз настаивал на том, что успехи в области балета как раз связаны с привычкой к рабскому труду. И не только сама система образования, но и ученики способствовали становлению столь успешной системы образования.

Но жизнь движется вперед. Очень часто проявляется стремление без излишних усилий прийти к успеху. Наряду с достижениями отечественной школы, многое было достигнуто и за рубежами нашей страны. И этого отрицать нельзя. Здесь следует иметь в виду не только методические разработки, но и экономические условия. Как известно, при всех сложностях и недостатках социалистической системы, деятели искусства находились в тепличных условиях. Существовавшие творческие союзы — писателей, художников, композиторов, театральных деятелей давали возможность творческому человеку заниматься своим делом и не зарабатывать на хлеб насущный посторонними занятиями. Да, конечно, чтобы стать членом творческого союза, необходимо было создавать произведения, соответствовавшие идеологическим нормам. И изучая историю искусства, можно видеть, как блек и тускнел талант некоторых выдающихся художников в условиях советского строя, не могших поставить свое дарование на службу тоталитарному строю.

И все же очень многие научились обходить цензуру, высказать не в прямой форме, а потому более выпукло и в то же время завуалировано, все, по крайней мере, правду, не приукрашивая ее, и не высказывали того, чего не хотели, но требовали условия игры того времени. Не могли стать членами союзов люди, обладавшие безусловным дарованием, но не вписывавшиеся в рамки социалистического реализма. Так возник андеграунд. И люди, остававшиеся за пределами официального искусства, вели нищенскую жизнь, работая кочегарами, сторожами и т.п. После перестройки все изменилось. И вопросы образования стали чрезвычайно актуальными. Чему учить, как учить — это уже не только вопрос образования, но и условие для выживания искусства. Интеграция с западными формами обучения становится насущной задачей.

Болонский процесс победно шествует по Европе. 19 июня 1999 года 29 европейских стран подписали соглашение о сотрудничестве в области высшего образования. С тех пор это соглашение получило название «Болонский процесс», так как документ был подписан в городе Болонья. Соглашение это было создано с целью интеграции европейских стран в единое целое образовательное пространство. Не осталась в стороне от этой тенденции и Россия. Российские власти рассчитывают узаконить уже весной 2005 года двухуровневую систему образования, вписывающуюся в стандарты Болонского процесса. Предполагается, что система заработает к 2008 году, а реализация ее должна быть проведена в 2010 году. Делается это для того, чтобы Россия в области образования интегрировалась в общую европейскую образовательную систему.

Действительно, глобализация коснулась всех сторон жизни. Не может она обойти и такую важную область как образование. Если Россия войдет в это единое пространство, не будет сложностей с нострификацией дипломов (их признание и приравнивание независимо от страны получения). Специалисты разных стран легко смогут предъявлять свои дипломы в любом регионе, и их не придется подтверждать дополнительными испытаниями. Предполагается, что в российское образование будет введена система зачетных единиц (European Transfer Credit System), показывающая, насколько студент интенсивно изучил тот или иной предмет. Кроме того, российский диплом о высшем образовании будет иметь приложение (Diploma Supplement), аналогичное европейскому диплому и которое будет переведено на английский язык.

Такая перспектива у многих вызывает эйфорию. Особенно среди тех, кто близко не знаком с отечественной системой образования. На первый

взгляд все кажется очень удобным и правильным, соответствуя современным тенденциям общественной жизни.

Однако очень многие преподаватели высших учебных заведений активно выступают против вступления в Болонский процесс, несмотря на то, что уже многие высшие учебные заведения подписали этот договор и на правительственном уровне уже сделаны принципиальные шаги в данном направлении. Ситуация сложилась сложная и противоречивая.

Противники вхождения в Болонский процесс настаивают на том, что сложившаяся система образования у нас в стране неоднократно показывала свою высокую эффективность. И они, безусловно, правы, так как результаты и показатели художественного образования у нас действительно чрезвычайно впечатляющие. Но при этом очень часто подготовленные высокопрофессиональные кадры оказываются вне художественной жизни, применить свои дарования они не в состоянии, ибо вхождение в официальное пространство искусства требует жесткого конкурсного отбора, в котором только профессионализм часто оказывается фактором не самым важным. Не случайно это явление отразилось в произведениях искусства. Лауреат Букеровской премии Алексей Слаповский в романе «Качество жизни», описывая светское торжество в современной России, замечает: «Обязательно, для демонстрации широты интересов виновников торжества, присутствуют и как бы не попсовые, а как бы серьезные, но вполне светские художники, музыканты, актеры, писатели и прочая, как говорили в советское время, творческая интеллигенция; эти творцы раньше своих гордых, но нерасторопных коллег смикитили, что товаром своим надо делать не картины, скульптуры, музыку, книги, не свои оригинальные телодвижения, если ты танцор или артистка балета, а — самих себя в комплексе». Чтобы добиться успеха в современной художественной культуре, часто оказывается, что нужны совсем не те критерии, которые для советских людей были заданы априорно. В этом же романе мы находим следующее рассуждение, отвечающее современным принципам бытования искусства: «в этом мире лучше быть крепким и незамысловатым, как дубовый пень: больше шансов добиться успеха, лишние мозги не только не приветствуются, но могут быть приняты другими как обида и оскорбление. Надо просто понимать, что это их работа. Они наряжаются, визжат и целуются, позируют перед камерами — это все их работа, они торгуют собой не в каком-то метафорическом смысле, а в самом прямом. Главный их продукт — не песни, не клипы, не концертные программы, шоу и т.п., а — они сами. Чем больше интереса к персоне,

чем больше вокруг шума, тем успешней сбыт и вторичного продукта, то есть песен, видео, шоу и т.п. именно потому, к примеру, певец такой—то является на каблуках, в дамском платье с декольте, поэтому он закатывает глаза и капризно надувает губы...». Понятно, что такая ситуация не может нравиться людям, привыкшим видеть в искусстве не развлечение, легкий довесок к праздности, а серьезную сферу духовной жизни общества. Вот почему вопрос о том, как готовить будущих деятелей искусства становится не просто узкоспециальной проблемой, а приобретает основополагающее значение. Ибо качество искусства, его духовные горизонты влияют на культуру общества, определяя в конечном итоге и саму жизнь людей в этом обществе. Образование и искусство оказываются в единой связке, определяя то, как живет в данном обществе. Так что проблемы художественного образования оказываются не просто одним из аспектов культуры, но серьезной общественной проблемой.

Вхождение в мировую систему может способствовать исправлению некоторого стремления к доминанте развлекательности в искусстве, ее легкости и доступности, достижений широты и массовости за счет глубины и серьезности. Ибо в мире существуют уже накатанные способы выживания подлинного искусства, а не только развлекательных его жанров. Если мы сможем интегрировать в мировую систему наше художественное образование, это поможет мастерам без неприятного для творческой личности дополнительного фиглярства войти в мировую систему художественной жизни. Тем более, что глобализация коснулась всех сторон жизни, в том числе и искусства.

Несмотря на то, что процесс уже начался и весь мир движется, вопреки протестам, иногда в агрессивной форме — к глобализации, она вызывает подчас яростное сопротивление. С одной стороны, глобализация формирует транснациональное культурное пространство, создавая единое поле реальных и виртуальных разноуровневых межкультурных взаимодействий. Однако это может привести к потере национальной идентичности, что волнует очень многих. Причем здесь оказывается, что проблема эта носит ярко выраженный социальный характер. Для культурной элиты глобализация — благо, ибо она легко вовлекается благодаря ей в транснациональное культурное пространство, что способствует ее развитию и духовному обогащению (к тому же способствуя и укреплению их материального статуса). К этой элите могут относиться художники разных видов искусства, ученые, юристы, экономисты, политики и т.п. Но есть очень много людей, связанных преимущественно с локальным бытием национальных культур. Для них

глобализация предстает как явление, разрушающее национальную самобытность. Она грозит унификацией и обезличиванием. К тому же велика опасность «вестернизации» мировой культуры, что также не может не вызывать протеста.

Как бы ни подходить к этой проблеме, она непосредственно проявляется в жизни. Интенсивное наступление глобализации ощущают все. Следует только учитывать, что, как всякое прогрессивное явление, она связана не только с достижениями, но и серьезными потерями. Хорошо известно, что открытие книгопечатания было чрезвычайно прогрессивным процессом. Однако безвозвратно ушли в прошлое замечательные рукописные книги, написанные прекрасными шрифтами с неповторимыми заставками, изобиловавшие уникальными иллюстрациями.

На данном этапе важно постараться в неоспоримо развивающемся процессе глобализации не упустить чего-либо ценного и важного. И особенно это касается области образования. Ибо образование — это то, что, в конечном итоге, формирует качество и уровень жизни на планете. Не случайно ЮНЕСКО провозгласило XXI век «Веком образования». Именно образованию принадлежит ведущая роль в развитии культурного транснационального пространства. И глобализация непосредственно затрагивает эту сферу духовной жизни. Это понимают очень многие. Нередко образование в этой ситуации становится выгодным бизнесом, заимствуя рыночные практики в своей деятельности. Законодателями в нем становятся деловые круги, определяя качество и содержание образования. При этом гуманитарная составляющая для них становится не столь значимой, ибо слабо влияет на экономические взаимосвязи и взаимозависимости. Зачастую в современном высшем образовании непосредственно проявляются рыночные практики. Они проявляются в том, что учебное заведение становится источником определенных образовательных услуг, а студенты становятся его клиентами. В такой ситуации возникает конкуренция между университетами, выбор падает на те, кто оказывается более конкурентоспособным по рыночным меркам. К такому заключению пришла С. Слотер, изучавшая состояние национальных систем в Канаде, США, Австрии и Великобритании. К аналогичным выводам приходят многие ученые, занимающиеся этими проблемами. Высшая школа все более вовлекается в рыночные отношения. И процесс этот становится неотвратимым. Таким образом, следует иметь в виду, что в высшую школу приходит алгоритм рыночных отношений. И это одна из важных причин, которая породила тенденцию к интеграции, унификации высшего образования.

Это один из очень важных моментов, который нельзя упускать из вида. Однако при этом следует стремиться к тому, чтобы эта тенденция не нарушила многообразие фундаментальных ценностей, характерных для национальных школ, и в первую очередь именно тех положительных и эффективных традиций, характерных для отечественной художественной культуры. Выйдя на глобальный рынок, следует все же постараться сохранить высокий рейтинг в мире нашего художественного образования.

Итак, рассмотрим, что же входит в основополагающие положения Болонского процесса, какие положительные результаты он может нести и что в нем вызывает протест и как можно избежать отрицательных сторон такого переворота в жизни человечества в целом, а для нас важно — для образования, в частности.

Для реализации Болонского процесса предполагается перейти на многоуровневую систему подготовки — бакалавров и магистров. Такое членение позволяет легко конвертировать возможности применения специалистов в глобальном масштабе. Таким образом, унифицируя методы оценки качества разнообразных систем образования, возникает возможность мобильности как преподавателей, так и студентов. Бакалавр должен обучаться 3–4 года и по выходе станет специалистом среднего уровня. Но у нас в художественном образовании для этого есть училища. Допустим, после училища в консерватории или для других аналогичных видов искусства высших учебных заведениях специалист будет учиться 4 года. Кого можно подготовить за это время? Талантливый человек, конечно, получит очень много. Но все же окончательного блеска и высокого профессионализма достичь трудно. Значит, полноценными специалистами будут лишь те, кто пойдет учиться дальше, т.е. немногие. И заведомо ухудшается результат такого образования. Впрочем, экономические критерии и не преследуют такой цели. Нужны крепкие средние специалисты в большом количестве и система бакалавриата их может поставлять в необходимом объеме. Итак, с этим можно согласиться. Однако здесь есть некий подводный камень, который сразу же увидели противники Болонского процесса.

Второй уровень — магистратура требует выбора и конкурса среди бакалавров. Предполагается, что лишь треть бакалавров может остаться в магистратуре. В первую очередь это рождает экономические проблемы. Государство тем самым сразу освободится от очень большого количества преподавателей. Отсюда вытекает, что сократятся расходы на преподавательско-профессорский состав. Для государства это очень

и очень выгодно. Можно будет повысить зарплату оставшимся. Зарплата преподавателей Вузов сегодня просто не требует комментариев, ибо она так мизерна, что стыдно об этом говорить. Но выгодно ли это современной высшей школе? Ведь в области преподавания художественного творчества у нас и так остались одни энтузиасты. И если мы постараемся освободиться от них, вполне могут прерваться те великие традиции, которыми славится отечественная школа.

Далее. Конкурсы при переходе из бакалавров в магистратуру часто включают показатели отнюдь не творческого характера. Так, как когда-то в советское время, учитывается общественная активность. Но мы все хорошо знаем, что талант и организаторские способности очень часто не совмещаются в одной личности. Вот почему существуют менеджеры, продюсеры, которые могут формировать процессы бытования искусства в обществе. Итак, по показателям талантливый человек может уступить человеку более активному, но менее яркому. Магистратура насчитывает 1–2 года. За это время можно написать квалификационную теоретическую работу. Но мы все хорошо знаем, что в некоторых специальностях теоретического характера это предполагается характером профессии. Действительно, музыковеды, хореографы, менеджеры, продюсеры, критики должны уметь владеть словом. Для них написать диплом — подготовка к будущим разысканиям и исследованиям. И так было всегда, до вхождения в период глобализации. Такие навыки не будут лишними и для тех, кто готовит себя к преподавательской деятельности в избранном виде искусства. Но часто они в практической работе не применяются. Выдающийся танцор показывает то, что он понял за свою творческую жизнь на сцене (то же и для других специальностей). Но ведь певец, пианист, скрипач, балерина именно своим искусством проникая в глубины творчества, выражают в своей творческой практике те свои обобщения, которые отнюдь не выразить письменно. Здесь возможно пойти по пути, который существовал в Академии Художеств. Там после окончания аспирантуры при защите картины присваивалось звание кандидата искусствоведения без предъявления теоретического исследования. Возможно, и для творческих специальностей ввести экзамен для получения звания магистра без создания исследовательского труда. Оставить его для теоретиков, педагогов, менеджеров — т.е. тех, кто по роду своей деятельности должен будет заниматься теорией и наукой.

Болонский процесс предлагает разработать четкие критерии оценки качества высшего образования. Эти критерии должны соответствовать

единым государственным стандартам, но в то же время они должны соответствовать и современным зарубежным стандартам. В дипломе должно быть указано количество часов изученных дисциплин. Причем само количество дисциплин должно быть определенного объема. В данных критериях Болонского процесса ничего угрожающего для нашего образования нет, ибо количество и объем традиционно изучаемых предметов у нас всегда были хорошо продуманными и сбалансированными.

Болонский процесс предполагает ввести систему зачетных единиц — кредитов. В них исчисляется объем знаний и трудоемкость учебной работы. Для того, чтобы получить высшее образование, необходимо набрать определенное число таких кредитов. Пожалуй, такую систему внедрить в наше образование не представляет особой сложности. Она предполагает определенную свободу студентов в выборе дисциплин, которые они считают важными для приобретения избранной специальности. Возможно, для этого придется расширить число предлагаемых студентам дисциплин, среди которых должны быть обязательные и определенное количество свободно выбранных из некоторого числа подготовленных, количество которых будет предварительно зафиксировано.

Но вот структура построения преподавания у нас отличается от зарубежной системы образования. На Западе распространены триместры — у нас обучение разделяется на полугодия. Возможно, более дробное деление на промежутки, позволяющее повысить число испытаний, и более верно, и более закономерно. Широко бытуют на Западе Летние школы, Летние курсы, когда студент, который хочет в более сжатые сроки получить необходимое число кредитов, может получить дополнительные знания и сдать те зачеты, которые обязательно будут потом свидетельствовать о его готовности к магистратуре или получению звания бакалавра или магистра.

У нас в теоретических курсах большое и решающее значение придается лекциям. За рубежом доминантной признается проверка знаний не в конце семестра, а в период его прохождения. Поэтому вводится тестирование. У нас тестирование применяется редко, хотя опыт такого метода преподавания есть. Тестирование имеет ряд преимуществ в преподавании. Тесты дают возможность следить за равномерной работой студентов в течение семестра, а не только в период подготовки к зачетам и экзаменам. Проверкой оказываются охвачены все, и это стимулирует работу студента. Кроме того, такая проверка исключает какие-то субъективные моменты в оценке знаний. Есть и негативные стороны в такой проверке знаний. В первую очередь это касается того, что про-

веряется объем заученных сведений, а отнюдь не интеллектуальных представлений. Понятно, что создание тестов — довольно большой труд для преподавателя. А каждые 2–3 года необходимо их необходимо кардинально менять. Наконец, для использования тестов необходима высокая компьютерная оснащенность учебного заведения, чего нет еще в наших самых престижных университетах и институтах.

Наряду с тестированием широко применяется использование семинаров, обсуждений, на которых студенты должны демонстрировать свое знакомство с первоисточниками по изучаемой дисциплине. Кроме того, студенты должны писать работы по изучаемым темам. Такое многообразие методов обучения стоило бы использовать и в нашей высшей школе. (Впрочем, это было всегда, но не в такой разграниченной форме).

Но вот что касается обучению профессиональных навыков в художественной сфере, у нас здесь есть определенный приоритет, который не стоило бы ломать. Уже указывалось на то, что профессионализм в области художественной культуры требует многих часов работы над своим физическим аппаратом — будь то скрипач, пианист, балерина.. Все хорошо понимают, что нельзя добиться успехов, не проводя многие часы занятий на скрипке, фортепиано, стояние у станка... Недаром великий учитель Чистяков говорил своим ученикам: «нарисуешь раз со сто, получится просто». А многие музыканты знают, как говорил А. Рубинштейн: «Если я день не позанимаюсь, это услышу только я, если два — только специалисты, но если я не позанимаюсь три дня — это услышат все». То же и в области профессиональных навыков в области любых видов искусства. Подготовка художника в то же время требует и большого количества часов работы с педагогами. Причем зачастую индивидуальных. Современные критерии Болонского процесса их устраняют. И поддаваться этому нельзя. Индивидуальная работа преподавателя с учеником не только способствует передаче технических навыков, но зачастую формирует полноценную личность воспитуемого. И здесь необходимо вопреки ведущей линии нивелирования процесса образования во всех странах, его унификации, настаивать на сохранении того самобытного, найденного в течение долгих десятилетий, что присуще отечественной школе. Сохранить достижения, не потерять накопленные ценности — наша задача.

И все же. Нельзя отрицать те закономерности, которые несет с собой развитие истории. Отойти от принципов Болонского процесса полностью уже невозможно. Перейдя на эти принципы, наше образование станет более конкурентоспособным на международном рынке. Это

позволит также специалистам разных стран сотрудничать на международном уровне, повысит мобильность обучающихся, которые смогут посещать высшие учебные заведения разных стран, найдя что-то, близкое направлению их таланта. Уже сегодня многие пробуют себя в разных учебных заведениях мира. Практика показывает, что многие студенты возвращаются домой в Россию, ибо сравнение показывает, что профессиональное обучение, например, музыке, более эффективно на родине, выше и качественнее. Так что в выработке критериев и принципов художественного образования в свете Болонского процесса у нас в стране следует только представлять себе все негативные стороны западноевропейского образования и постараться их избежать. В первую очередь это связано именно с профессиональной подготовкой.

Как мы видели, болонский процесс имеет множество позитивных результатов. Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать: Болонский процесс несет ряд положительных изменений. После долгого отделения России от мировой культуры, после падения «железного занавеса» стало возможным свободное общение, контакты стали более частыми и эффективными. Болонский процесс — следующий рывок в этом движении. Многие направления образовательной системы на Западе могут быть взяты на вооружение нашим высшим образованием. Вместе с тем те достижения, которые характерны для отечественной школы, ни в коем случае упускать нельзя. Наоборот. Ими вполне можно поделиться с западными преподавателями. В целом интеграция, выход на международные контакты, конвергенция национальных образовательных программ вполне положительно повлияют и на отечественное образование, и вполне могут обогатить европейское образование. Остановить процесс глобализации невозможно. Отражением ее в сфере образования является Болонский процесс. Но необходимо при этом минимизировать негативные последствия, заложенные в этом противоречивом процессе.

Восток в современном гуманитарном образовании

1. В художественной культуре конца XX века усилился культ Востока, родины принципиально отличных от утвердившихся в западном сознании идеалов — жизненных и творческих.

Французский историк Д. де Ружемон предложил своеобразную систематизацию символов Востока и Запада, рассеянных в литературе от Платона до европейских романтиков: «Восток — заря, утро, верх, правое, предельная утонченность, ангел откровения, дух, интуиция, мудрость, возрождение, просветленное знание, отчизна души. Запад — закат, вечер, низ, левое, непрозрачная плотность, сумерки, демон утилитаризма и слепого могущества, забвение высших ценностей души, телесность и материальность, беспорядочная активность, ложное отяжеленное материей знание, страна изгнания».

Огромный вклад в становление мифа о превосходстве культуры Востока внес Герман Гессе своими книгами «Степной волк» и «Сидхаркха». Матисс был связан ближе других своих современников с искусством Запада.

В творчестве К.С. Петрова–Водкина мы находим синтез традиционно противопоставляемых систем Запада и Востока. Полотна его наполнены своеобразной по–русски звучащей музыкой (в чем опосредованно проявляется связь с русской иконой). Космологизация человека в его картинах представляет собой не претворение европейских традиций, а именно проявление принципов, укорененных в традиции Востока. Как точно подметили А.М. Даниэль и С.М. Даниэль, «его творчество можно уподобить зеркалу, смотря в которое, Запад узнает в себе Восток, а Восток — Запад». Сплетение западно–европейских и восточных художественных традиций особенно ярко проявлялось на выставке «Париж — Москва» (Центр Помпиду, Париж, 1979 г.) и «Москва — Париж» (ГМИИ, Москва, 1981 г.), где проявилось единство искусства. Встреча и столкновение систем Востока и Запада рождает Тайну, скрывающую ответ на вопрос — гибель или созидание несет это столкновение.

В современной музыке этот синтез дает себя знать повсеместно. «Звуковые картины», «звуковые видения» связаны часто с представлениями о музыкальной медитации. Широкие звуковые плоскости такого рода, «интуитивная импровизация» характерны для таких произведений, как «Мантра» Штокхаузена, «Transitions» Кагеля, «Apparitions» Лигнети, «Tantologus» Ферари, «звуковые пространства» К.Пендерецкого, Альдо Клемменти и т.д.

2. Но не только в художественной культуре видим мы взаимодействие Востока и Запада. XX век стал веком глобализации мира. Выявилось, что планета наша очень невелика, и события в одном регионе опосредованно отзываются в другом. Если на заре возникновения человечества плотность населения была 1 человек на 23 000 м² и люди, естественно, селившиеся коллективно, ничего не знали о тех, кто жил в других местах, то в XX веке мир стал единым.

Какой бы области культуры мы ни коснулись, мы видим взаимодействие и взаимовлияние Востока и Запада. Коснемся ли мы религии, мы увидим взаимопроникновение в сознание людей разных регионов сформировавшихся в разных концах света представлений: на Западе ширится распространение исконно восточных — буддизма, индуизма, ислама и т.д. В то же время на Востоке широко распространено христианство. Возникло даже стремление объединить все имеющиеся религии в одно целое — бахаизм.

То же мы видим в экономике. Азиатский способ производства изучается современными учеными и экономическая наука демонстрирует стремление выявить наиболее эффективные средства достижения положительных показателей во всех странах мира. Современные Япония, Китай (в прошлом закрытые в целом от европейцев) включены в единый экономический процесс.

Нельзя не сказать о политических течениях. Все они теперь связаны с единой глобальной системой и ни одна страна мира не в состоянии отчленить свое развитие от единой геополитической системы.

В области образования мы видим те же тенденции.

В целом, все сферы культуры испытывают стремление к взаимодействию Востока и Запада. Компьютеризация все эти процессы усилила и убыстрила.

Как известно, художественная культура представляет собой один из элементов культуры. Но, как это ни парадоксально, будучи одним из элементов культуры, художественная культура представляет собой самоосмысление, зеркало, мировосприятие культуры. Вот почему

столь значительное место в современных образовательных стандартах у нас в стране заняла такая дисциплина, как «История мировой художественной культуры», в вузах теперь получившая название «История искусств». И это действительно правильно и своевременно.

3. В последнее время в связи с этим получили широкое распространение разного рода учебники и учебные пособия — на школьном и вузовском уровне, посвященные данному предмету изучения. Но, к сожалению, в большинстве своем их отличает европоцентризм. Восток, как известно, за редким исключением, изучается очень схематично и достаточно вскользь. Между тем, как мы видим, современная ситуация требует более полного и глубокого усвоения еще с юных лет культуры Востока. Это могло бы предотвратить многие негативные явления и в политике, и в бизнесе и во многих областях культуры, происходящие из незнания специфики Востока.

Вот почему в нашем вузовском учебном курсе я веду раздел «История искусств древнего и средневекового Востока». Для более углубленного его изучения мною подготовлены тесты.

Тестирование — совсем не новая система проверки знаний. У нас в стране интерес к новым технологиям в образовании присутствовал всегда, особенно в высшей школе. Но в одни периоды он увеличивался, в другие — в какой-то степени стихал.

Современное обучение за рубежом пронизано различного рода тестами. Но, безусловно, увлечение сплошь тестированием совсем не означает, что эффективность его стопроцентная. Как один из элементов обучения он может быть применен, но только в контексте всех тех методов воздействия на студентов, которые имеют длительные традиции и отработаны и отшлифованы практикой. Ведущими здесь являются лекции и такое воздействие преподавателя, которое будет провоцировать его слушателей на самостоятельное изучение необходимых материалов.

В курсе «История искусств» тесты могут выявить круг памятников, авторов, художественных институтов, относящихся к той или иной эпохе, выявить знание тех или иных особенностей, приемов, выразительных средств, присущих произведениям искусства в разных ареалах и в разные периоды, принципы взаимодействия и взаимовлияний разных видов искусства и т.д.

Во-первых, тестирование повышает дисциплинированность студентов. Они приучаются не опаздывать, дорожат лекциями, чтобы не пропустить читаемый материал, более осознанно понимают, что, воспринятые знания получают непосредственное отражение очень быстро

в заполненных тестах, да и положительные ответы по всем темам могут освободить время в сессию.

Во-вторых, уровень усвоения знаний, несомненно повышается. Появляется некий спортивный азарт, в обучение привносится элемент игры (что делает это обучение более привлекательным).

В-третьих, тесты дают возможность наиболее полно и справедливо оценить знания студентов. Нет здесь никаких привходящих обстоятельств влияющих на оценку.

И, наконец, последнее, но достаточно важное обстоятельство. Тесты дают возможность преподавателю выявить те вопросы, которые он не сумел донести до слушателей. Неправильные ответы по каким-то проблемам у всех студентов становятся индикатором для преподавателя, показывают, что именно этот раздел не усвоен и необходимо на нем сконцентрировать внимание.

Все же, несмотря на столь большое число положительных факторов, сопутствующих введению тестирования в процессе обучения, следует помнить, что этот прием один из многих, но не единственный. Быстрый рост компьютеризации дает новые методы, которые должны и могут сопутствовать тестированию как одной из форм оптимизации обучения в высшем учебном заведении. Опубликованные мною тесты по древнему и средневековому искусству Востока⁸⁰³ могут стать основой для более глубокого изучения истории искусств Востока, что в наше время и актуально и важно.

---

⁸⁰³ Махлина С.Т. Тесты по истории искусства древнего и средневекового Востока. — СПб., СПбГУЕИ, 2000, 388 с.

О подготовке новых методических материалов в условиях перехода на двухуровневую систему образования: сложности перехода

От уровня образования в высшей школе во многом зависит будущее. Будущее не только в нашей стране, но и во всем мире. Это понимают очень многие люди. Не случайно, что в конце XX века — начале XXI века появилось много романов, посвященных высшей школы. Это и романы Малькольма Брэдбери, который был профессором Кембриджского университета, и Йозефа Рота, да и у нас в стране пример тому — недавний роман Татьяны Соломатиной. Да, все названные авторы пишут о том, как происходит общение профессуры с коллегами и студентами и аспирантами, но по существу — все о том, как поставлено именно обучение. Не случайно патриарх всея Руси Кирилл высказался столь категорично: «Образование так же важно, как оборона, и точно так же может быть только общенациональным делом. Образование готовит людей, способных работать в условиях современной наукоемкой экономики».

Все коллеги, работающие сегодня в высшей школе, хорошо знакомы с тем, как было поставлено обучение в советское время. Даже те, кто тогда не учился. Их учили профессора, сформировавшиеся в советское время. Это было сложное время. Но обучение было поставлено совсем неплохо. Несмотря на то, что идеологические рамки требовали определенной эквилибристики, преподаватели умели их обойти. Так, необходимо было показать критику современных буржуазных теорий. Эта критика выливалась в их показ и изложение. А критиковать всегда возможно любую теорию, как бы она ни была хороша. Существовали разного рода требования, предписывавшие определенные каноны в преподавании той или иной дисциплины. Министерствами утверждались программы по всем читавшимся курсам. Писали эти программы преподаватели высших учебных заведений. Даже мне, рядовому доценту того времени, пришлось участвовать в создании такого рода программ. И, конечно, они учитывали и возможности студентов, и необходимые

темы, и новые серьезные научные разработки. Правда, идеологическое давление продолжало во многом ограничивать преподавание.

Свидетельством жизнеспособности этой системы образования стала востребованность наших специалистов за рубежом, когда началась перестройка. Но сама перестройка принесла в наше образование множество проблем. С одной стороны — рухнули все идеологические требования. Каждый с этого времени мог вести свой курс, как считал нужным. Многие темы идеологического направления можно было опустить. Конечно, это стало фактором, продвинувшим вперед науку. Но, как известно, прогресс всегда связан с некоторыми потерями. Вместе с утратой идеологического диктата поколебалась и дисциплина. А вот это уже стало мешать педагогическому процессу.

Сегодня некоторые утверждают, что в перестройку лучшие преподаватели уехали, а осталась лишь посредственность. На самом деле это отнюдь не так. Действительно, в перестройку зарплата преподавателей оказалась мизерной, выжить стало очень сложно. И поэтому многие уехали. Но существуют такие понятия, как патриотизм, как любовь к своим близким, как привязанность к своему дому, быту. И многим оказалось невозможным порвать со всем этим. Так что огульно предполагать, что остался лишь «балласт», было бы совершенно неверно. Да и те, кто остался, не забудем, были воспитанниками все той же советской школы, которая сумела выпестовать выдающиеся таланты, востребованные во всем мире.

После перестройки прошло 20 лет. Наступило новое время. И, как всегда, новое время несет новые проблемы. Принимать новое всегда сложно. За прошедшее время были наработаны новые стереотипы, возникли новые формы работы. Реформы образования — вопрос сложный и деликатный. Новые образовательные стандарты могут быть приняты в зависимости от того, «насколько они будут служить делу гуманизации, интеллектуальной и нравственно–психологической безопасности нации — все это зависит от государства и здравого смысла чиновников от образования». И вот снова нужно применяться к опять изменившимся условиям, к новым требованиям. Одно из них — создание учебно–методических комплексов, причем, чего раньше не было, в двухуровневом варианте: для бакалавриата и магистратуры. Это очень важно, и, как представляется, весьма разумно и актуально.

На первый взгляд создать эти новые учебные комплексы достаточно сложно и кажется трудновыполнимым. На самом деле основное содержание этих учебных комплексов у всех преподавателей давно сделано.

Ибо никто не читает лекции и не ведет занятия, не имея учебной программы, которую мы ежегодно обновляем и пополняем новой литературой. Иногда возникает ложное впечатление, что ничего нового в науке нет. На самом деле ученые продолжают работать, сегодня очень много новых возможностей появилось из-за того, что мы оказались не изолированными от всего мира. Контакты с зарубежным опытом стали более активными, и это во многих случаях даже опосредованно влияет на учебный процесс.

Однако нельзя сказать, что нет сложностей при переходе на новые стандарты, когда обучение стало делиться на бакалавриат и магистратуру.

Одна из сложностей — создание тестов. После перестройки мне выпала возможность ознакомиться с методами преподавания за рубежом. Одна из поразивших меня методик — создание тестовых программ. И я уже тогда — много лет тому назад — решила использовать это в своей работе. Ибо перестройка дала возможность свободному варьированию методов преподавания.

Приступая к созданию тестов, я вспомнила случай, который произошел со мной на заре преподавания. Однажды, придя на семинарское занятие, вдруг выяснилось, что у меня пропал голос. Я могла говорить только шепотом. Срывать занятие не хотелось. И я попросила одного из студентов сесть рядом со мной и вести занятие. Шепотом я его направляла. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что студент стал вести занятие более жестко, чем это делала я, более строго и более требовательно. Мне это понравилось и с этих пор, даже тогда, когда голос вернулся, мы стали назначать ведущих на последующие занятия. Студенты это восприняли с удовольствием. Теперь ведущий должен был быть подготовлен ко всем вопросам и ориентироваться в теме семинарского занятия более полно, нежели остальные. Дальше мы стали усложнять задания. Решили устроить игру типа «Что, где, когда». Группа делилась на две части и каждая к семинарскому занятию готовила вопросы, на которые должна была отвечать другая половина. Энтузиазм был очень высок и, главное, студентам это очень нравилось.

Когда я решила подготовить тесты, я вспомнила свой опыт семинарских занятий и предложила студентам придумать по темам прочитанных лекций вопросы и варианты ответов — верные и неверные. Оказалось, что студенты блестяще справились с этим заданием. Мне осталось только все это оформить, отбросить неудачные и ненужные вопросы, и тесты были созданы, потребовав намного меньше усилий,

если бы я это делала без их помощи. Поэтому я считаю, что в создании тестов можно учесть такой опыт. Конечно, полностью уповать на то, что студенты сделают все за преподавателя — безусловно — утопия. Вместе с тем следует помнить о том, о чем сетует Т.В. Черниговская в интервью «Новой газете»: сегодня приходят учиться «с такой подготовкой, с какой раньше университеты заканчивали. Но чисто человеческое начало выражено слабо». Вот и следует обратить внимание на это «человеческое» начало. Правда, справедливости ради, я должна подчеркнуть, что тесты не очень эффективны в гуманитарном образовании и гуманизации студентов. Тесты дают возможность закрепить некоторый объем необходимых исходных данных, что, например, в медицине очень важно, но, увы, не способствуют развитию мышления, умению анализировать те или иные явления в русле изучаемой науки, умению сопоставлять данные и делать профессиональные выводы. Не случайно многие сетуют на то, что тестовое образование приводит к убеждению о том, что «ученик должен знать тот ответ, который ожидает от него учитель, натасканный на готовые и окончательно сформулированные знания, отработанные умения и навыки. Именно в этом суть дидактики формального образования».

Вторая сложность, с которой приходится встретиться автору учебно-методического комплекса — рекомендуемая литература. Хорошо было бы рекомендовать те издания, которые имеются у нас в библиотеке. Как известно, наш ВУЗ готовит очень высокого уровня библиографов и библиотековедов, библиотекарей. Они пользуются популярностью во всем мире. И это показала перестройка, когда все наши выпускники, оказавшиеся за границей, по этой специальности оказались тут же приняты на работу — в США, Израиле, странах Европы и т.д. и именно наши выпускники работают в нашей университетской библиотеке. И работают хорошо. Но, проработав наши библиотечные каталоги, приходится констатировать, что рекомендовать литературу по своим дисциплинам приходится, отнюдь не во всем ориентируясь на наш библиотечный фонд. Многие считают, что это и не нужно. Ведь есть Интернет, и студенты могут им свободно пользоваться. Это ошибочное мнение. Многие серьезные книги в Интернете можно скачивать лишь за деньги. А это несправедливо по отношению к студентам. То же, что находится в свободном доступе, часто не безупречно и зачастую не всегда достоверно. Так что Интернет пока — не панацея для полноценного обучения. И здесь предстоит большая работа по совместному пополнению фонда — преподавателей и сотрудников библиотеки,

безусловно разумному и экономному, не перегружая балластом вновь поступающие издания. Те книги, которые издаются нашими преподавателями, должны обязательно пополнять нашу библиотеку и, понятное дело, пополняться бесплатно. Справедливости следует подчеркнуть, что наше руководство это хорошо понимает и библиотечный фонд пополняется хорошо. Но при этом необходима активность преподавателей, которые должны рекомендовать необходимую литературу для новых поступлений.

Наконец, есть такой раздел в новых учебно–методических комплексах — рекомендации для преподавателя. Когда я спросила, зачем нужен этот раздел, я получила ответ: «Если Вы, например, заболели, Вашу лекцию может прочитать по этим рекомендациям другой преподаватель». Это неразумное представление. Недавно ушел из жизни Даниил Натанович Аль. Не знаю, написал ли он рекомендации для чтения своих лекций. Но ни по каким рекомендациям ни один человек не сможет прочитать такие же лекции, как этот выдающийся, уникальный человек. Каждый преподаватель — целая Вселенная, как говорил в своих лекциях Юрий Михайлович Лотман. С годами возникает опыт, умение общаться с аудиторией, наработан свой собственный корпус материалов, да и манера изложения формируется индивидуальная. Поэтому сохранять профессорский состав — одна из важных и насущных задач. Это важно и полезно для студентов. Поэтому необходимо разумное сочетание опытных педагогов и молодых начинающих преподавателей, что, на мой взгляд, и делается у нас в университете, во всяком случае, на кафедре теории и истории культуры. Мы должны помнить, что в Постановлении правительства РФ говорится: Сегодня в образовании следует решить следующие задачи: «1) совершенствование содержания и технологий образования; 2) развитие системы обеспечения качества образовательных услуг; 3) повышение эффективности управления в системе образования; 4) совершенствование экономических механизмов в сфере образования».

Дистанционное образование в современной музыкальной педагогике

(Опубликовано: Дистанционное образование в музыкальной педагогике. Музыкальное образование и воспитание в России, странах СНГ и Европы в XXI веке. Состояние и перспективы. СПб., СПб консерватория, 2008, 374 с. // III международная конференция 26–27 октября 2007 г., с. 205–212)

Дистанционное образование — явление новое. Оно представляет собой «комплекс образовательных услуг, предоставляемых широким слоям населения в стране и за рубежом с помощью специализированной информационно–образовательной среды, базирующейся на средствах обмена учебной информацией на расстоянии»⁸⁰⁴. В настоящее время анализом возможностей дистанционного обучения заняты многие исследователи. Например, Е.С. Полат так объясняет это явление: дистанционное обучение — это «обучение на расстоянии, когда преподаватель и обучаемый разделены пространством»⁸⁰⁵. В России на современном этапе получил распространение: термин «дистанционное (или дистантное) обучение», что означает обучение без отрыва от основной деятельности и без физического перемещения к месту расположения учебного заведения, основанное на использовании информационных технологий. Эти технологии обязательно должны включать такие формы и методы обучения, которые предоставляют возможность исключить постоянный непосредственный контакт преподавателя с учащимся, независимо от природы примененных технических и прочих средств. В качестве основного признака дистанционного обучения — именно расстояние между учителем и учеником выделяет и Е.В. Рябцева. По ее мнению — дистанционное образование — это система взаимосвязанных средств, организованных форм, методических приемов взаимодействия объектов образовательного процесса на

---

⁸⁰⁴ «Концепция создания и развития системы дистанционного образования в России» — М., 1995 г.

⁸⁰⁵ Полат Е.С. Дистанционное обучение: организационный и педагогический аспекты // Информатика и образование. — 1996, № 3, с. 87.

расстоянии. Конечно, при этом увеличивается роль самостоятельной работы учащегося. Но суть такого обучения заключается в том, что оно не должно терять своих конечных целей. Поэтому чрезвычайно важна, как она подчеркивает, специальная система подготовки учебно–дидактических материалов, их комплексное соотношение в соответствии с современными методиками⁸⁰⁶. И все же до сих пор существуют разночтения в понимании дистанционного обучения. Некоторые считают, что дистанционное обучение — это только то, которое не просто на расстоянии дает возможность обмениваться информацией учителю и ученику, но обязательно использует специфические образовательные технологии, базирующиеся на современных методиках обучения, использующих технические средства и способы передачи информации⁸⁰⁷.

Дистанционное обучение на современном этапе получило многообразные возможности благодаря развитию компьютерных технологий. Современный этап развития культуры в целом и образования, в частности, характеризуется повышением роли информатизации. Это способствует возникновению новой формы дистанционного обучения, однако оно не подменяет собой полностью традиционных форм образования. Лишь в единстве с веками отработанными методами контактов учитель — ученик дистанционное обучение может дать плодотворные результаты. Вместе с тем, дистанционное обучение позволяет обеспечить связь учащихся и преподавателей, не могущих по каким–либо причинам (удаленность местожительства, невозможность оплаты и т.п.) непосредственных контактов, компенсируется через Интернет, через разнообразные электронные средства связи, расширяя возможности и учащихся и преподавателей приобщения к мировым информационным ресурсам. Поэтому учащиеся могут получить в свое распоряжение лучшие разработки в изучаемой области, не выезжая в какие–либо далекие страны и, находясь в своем жилище, почувствовать дыхание мировой цивилизации на наиболее совершенном и высшем профессиональном уровне.

Одна из сложностей построения методики такого типа образования — разработка приспособленных к информационным технологиям соответствующих им стандартов, что достаточно сложно, особенно в художественном образовании. В настоящее время уже создана межна-

---

⁸⁰⁶ Рябцева Е.В. Промежуточный тестовый контроль в дистанционном обучении иностранному языку (на материале английского языка) Автореферат дисс. ... канд. пед. наук. — Тамбов, 2002. — с. 3.

⁸⁰⁷ Богданова Д.А., Федосеев А.А. Проблемы дистанционного обучения в России // Информация и образование. — 1996, № 3, с. 94–95.

циональная информационная среда в интеграции учреждений образования, в которых постоянно идет совершенствование системы подготовки и переподготовки преподавателей в освоении новых информационных технологий. Такие информационные методы обучения предусматривают участие преподавателей и созданных на основе их разработок ресурсных системах в международных программах.

В современном мире появилась очень широкая сеть центров дистанционного обучения. Они существуют во Франции, Англии, Нидерландах, Австралии, Израиле. Существуют такие центры и в России: в основном, в Москве, но есть и в других городах, например, в Мурманском государственном техническом университете.

При всей новизне подхода и возможностей использования, дистанционное обучение, по-английски Distance Education имеет в русском языке эквивалент «заочное образование». Заочное образование в России имеет уже давнюю историю. Правда, следует вспомнить, что когда вводили заочное образование в сферу музыкальной педагогики, это вызывало протест и сомнения у очень многих и многих преподавателей. Однако, как показала жизнь, такая форма образования прижилась и показала, что при правильной постановке она может быть и эффективной и целесообразной. Однако новые технологии, компьютеризация вносят в этот уже устоявшийся тип обучения свои коррективы. Следует все же подчеркнуть, что в любом традиционном обучении обязательно присутствуют элементы заочной формы. Но использование современных технологий, несомненно, этот процесс оптимизируют.

Такой тип обучения чрезвычайно актуален для нашего времени. Он дает возможность приобщиться к образованию разным категориям граждан (не только богатым), ибо эта экономичная форма может быть доступной для широкого круга лиц. Такое образование могут получить люди, независимо от возраста, пола, состояния здоровья. Принадлежность к социально-профессиональным, территориальным, культурным, правовым общностям не могут препятствовать такому обучению. Кроме того, такая система позволяет отслеживать обновление знаний в изучаемых областях, важных для деятельности конкретного специалиста. Постоянно увеличивается значение дистанционного обучения в современном мире. Это связано со многими причинами. Самая главная — в том, что вложенные средства — создание программ, курсов и т.п. — довольно сложная и трудоемкая работа — быстро окупается. Это связано также и с тем, что можно сделать неограниченный набор учащихся, но при этом контингент преподавателей может быть неболь-

шим. Стоимость такого обучения невысока, что создает демократические предпосылки для его получения и доступность для широких масс. В то же время такое обучение может снять неравенство образовательных возможностей на всех этапах жизненного пути. Человек в состоянии получить образование на всех этапах жизненного пути, независимо от социального, материального положения, физического состояния. Мотивации получения такого образования могут быть различными, интересы и ценности человека могут изменяться. Дистанционное обучение не ставит никакие препоны для получения образования. К тому же человек может получить образование без отрыва от производства в любом возрасте. Он может быть инвалидом, не имеющим возможности перемещаться и при этом получить образование в престижном вузе. Создание учебных материалов и возможность их получения учащимися во многом облегчаются с помощью новых технологий, а оперативность, темпы прохождения курсов, обмен информацией возрастает. Таким образом, для учащихся создается не декларируемая, а на деле проявляемая свобода выбора места и времени обучения, форм и методов его содержания и выбора вариантов предъявляемой учебным заведением информации. Кроме того, каждый занимающийся, в зависимости от возможностей, может построить индивидуальный график, который соответствует максимальной реализации личности, его интеллектуальному, эмоционально-волевому развитию.

Дистанционное обучение может и должно выполнять следующие задачи:

В первую очередь давать знания в необходимом объеме. В то же время дистанционное обучение способствует тому, что у учащегося формируются представления о том, как добывать эти знания более широкие, нежели в традиционном образовании, чему способствует интерактивное общение с преподавателем. Это связано и с тем, что обратная связь в данном методе обучения более интенсивна, нежели в традиционном обучении. Кроме того, это способствует более раннему становлению профессионального мышления, способностью выработать умение планировать профессиональное становление в избранной специальности. Для преподавателя же эта форма обучения позволяет использовать автоматизированную систему четкого учета успеваемости, при условии создания системы идентификации⁸⁰⁸. Однако понятно,

⁸⁰⁸ См. об этом: Минзов А.С. ДО: взгляд изнутри // Дистанционное и виртуальное обучение. — 2002. — № 2. — с. 29.

что дистанционное образование не может заменить полностью традиционное образование. Оно лишь обогащает и дополняет его. Вместе с тем оно помогает развивать культуру личности, формируя ее мотивационно–ценностные отношения, развивая при этом познавательную деятельность. Но для этого дистанционное обучение необходимо предполагает использование разнообразных психолого–педагогических и организационно–педагогических условий, учитывающих в первую очередь личностный аспект обучающегося. В первую очередь дистанционное обучение должно использовать общедидактические принципы. Здесь надо иметь в виду возможности познавательной деятельности учащихся по усвоению, творческому применению полученных знаний, умений и навыков для выбранной цели. Этому способствует интерактивность дистанционного обучения, позволяющая избежать многие сложности традиционных методов обучения. Таких, например, как использование комплекса системных методов, необходимых для достижения какой–либо одной задачи. Дистанционное обучение снимает такую необходимость, так как позволяет преподавателю активно вмешиваться в предлагаемую программу, строить тактику использования определенного пособия в зависимости от подготовки учащегося. Понятно, что каждый учащийся имеет разный начальный уровень материала, различную мотивационную заинтересованность, особые, характерные лишь для него психофизиологические особенности познавательной деятельности. Обычными средствами обучения не всегда возможно это учитывать. Дистанционное обучение снимает этот недостаток. Преподаватель имеет возможность дойти до каждого в зависимости от его индивидуальных особенностей. Кроме того, при таком способе обучения легче интегрировать знания из различных областей знания для решения конкретной задачи, более доступными становятся возможности для наблюдений, моделирования и анализа явлений микро– и макромира, недоступных при традиционных методах педагогического воздействия. В дистанционном обучении появляется возможность ставить посильные задачи для конкретного обучающегося, соответствующие его уровню и способностям. В конечном итоге это повышает результативность обучения. Способствует дистанционное взаимодействие педагога и ученика обучению и овладению научными методами, раскрывая потенциал проблемных исследовательских методов.

Меняется и организация форм обучения. При таком способе обучения главными становятся не лекции, семинары, когда ведущая роль принадлежит преподавателю, а повышается роль самостоятельной

работы учащихся. Учитель становится при этом не просто хранителем информации, которая выдается, не учитывая подготовку обучаемого, а выступает уже в роли советчика в ходе учебного процесса. Это способствует росту ответственности обучающегося, активизируя его роль и превращая обучение в творческое сотрудничество преподавателя и ученика.

Методы дистанционного обучения используют традиционные формы обучения. Но в них есть своя специфика. Так, вместо личных встреч здесь могут быть использованы электронные средства общения. Таким образом, географические изолированные участники способны активно общаться, как в традиционном обучении. Это, однако, не мешает непосредственному контакту учителя и ученика. Но дистанционное образование позволяет учащемуся иметь дополнительную информацию, которой в традиционном общении нет или она требует дополнительных затрат времени. Можно констатировать, что дистанционное обучение представляет собой комплексный метод, когда из каждого средства обучения берутся его преимущественные стороны, способствующие прогрессу образовательного процесса.

Успешной реализации дистанционного обучения способствуют следующие условия: возможность доставки учебной информации учащимся, обеспечение обратной связи с преподавателем, тщательный отбор учебного материала и разработка заданий, инструкций и т.п. Возможно это осуществить с помощью простой почты, но в наше время в нашей стране это может быть связано с потерями и длительным сроком ее получения. Уже указывалось, что радио и телевидение могут участвовать в этом обучении, но такая форма дает более широкий охват при менее профилированном и углубленном целевом назначении. Самая удобная форма — телекоммуникативная связь (информация располагается на удаленных серверах). Интернет способен не только хранить и передавать информацию в виде текстов, но также графики, звуков (речь и музыка), видеоизображений и компьютерных программ.

Для организации дистанционного обучения необходимо создать технологическую карту обучения. Она должна включать перечень дисциплин, тем, порядок их освоения по каждому курсу и, конечно же, учитывать в первую очередь использование современных технических средств. Необходимо создание учебных материалов, разработка заданий по темам и критерии их оценки, учитывающих современные технологии.

В современной мировой практике дистанционное обучение базируется на следующих моделях:

1. по типу экстерната;
2. университетское обучение — по типу заочного обучения. Но здесь используются, помимо традиционных печатных изданий, аудио— и видео—кассеты, разработанные преподавателями данного учебного заведения;
3. в подготовке образовательных программ могут кооперироваться несколько учебных заведений;
4. может быть создано специальное автономное учреждение для дистанционного обучения, где разрабатываются мультимедийные курсы. В таком учебном заведении модно проверять знания учащихся и проводить их аттестацию;
5. телевидение и радио программы также могут проводить такого рода обучение (что в наше время довольно часто используется).

Сложность реализации такого обучения состоит в том, что необходимо обеспечение учебного процесса компьютерами и серверами (как учебного заведения, так и учащихся). Необходимо разработать разного рода программы (сетевые системные программы, обучающие компьютерные программы, создать инструментальную среду для формирования обучающих программ). Кроме того, традиционные конспекты лекций должны быть переведены на новые носители. Должны быть созданы электронные учебники, практикумы, справочники и т.п. Методические рекомендации должны быть разработаны не только для учащихся, но и для преподавателей, так как наиболее зрелые и интересные профессионалы имеют слабую техническую подготовку в современной информационной области. И, наконец, необходимо разработать организационно—педагогические основы такого обучения с учетом конкретных социально—экономических, культурологических и демографических условий региона и вуза.

Понятно, что такая система подготовки в первую очередь подходит при изучении технических специальностей. И в первую очередь получила распространение в технических ВУЗах. А как же быть с формами музыкального образования? Уже сегодня многие пользуются этими средствами. Так, никого уже не удивляет, что для прослушивания возможностей абитуриента многие учебные заведения используют зафиксированные на цифровых носителях исполнительские или композиторские работы абитуриентов и по полученным кассетами или сидиромам отбирают из абитуриентов набор студентов, которые будут учиться в данном образовательном учреждении. И, как правило, такой выбор оказывается вполне обоснованным и справедливым. Кроме того, он

позволяет лучше структурировать время приемной комиссии, избавляет от томительного ожидания испытуемого, который может себя представить в наилучшей и выгодной форме.

Но вот как же быть с формами обучения. В 2004 году моя ученица из Южной Кореи защитила диссертацию по данной теме⁸⁰⁹.

Понятно, почему именно представитель из Южной Кореи заинтересовался опытом музыкального образования России. Сегодня, как известно многим, для Южной Кореи характерен бум музыкального образования. А так как лучшая школа музыкальной педагогики все еще остается ведущей именно в России, то очень многие музыканты из Южной Кореи либо проходят здесь у нас в стране обучение, либо, что тоже довольно широко распространено, правительство и административные органы образования Южной Кореи приглашают наших преподавателей к себе.

Чун Су Чжин по специальности пианистка (окончила консерваторию по классу проф. Е. Шишко) и потому в основном в своей работе уделила внимание образовательным программам для класса фортепиано. Ею были записаны видеоуроки инструктивного материала — разного уровня сложности этюды, пьесы, произведения крупной формы, для которых были приглашены видные профессора и педагоги Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова и музыкального училища при консерватории. Таким образом, был разработан видеоучебник в области фортепианного исполнительства. Кроме того, она перевела весь вербальный текст на корейский язык, и эти кассеты стали основой для эксперимента на ее родине. Представленный проект имеет свой сайт в сети Интернета⁸¹⁰.

Оказалось, что показанный материал был великолепно принят не только учащимися, но и самими преподавателями, для которых это был неоценимый вклад, помогающий их педагогической деятельности. Эти кассеты можно использовать не только в Корее, но в разных странах и на разных уровнях.

Кажется, что сегодня внедрение таких методов в современную музыкальную педагогику отнюдь не актуально. Ведь затраты в компьютерные пособия чрезвычайно энергоемки и экономически требуют весьма ощутимых затрат. Тем более в наше время, когда существование музыкантов академического направления отнюдь не переживает наиболее

⁸⁰⁹ Чун Су Чжин. Дистанционный метод в реализации Российского музыкального образования в современной Южной Корее. // Автореферат диссертации... Кандидата педагогических наук. — СПб., 2004, 21 с.

⁸¹⁰ www.ruart21.com

яркие времена. Наоборот, быть сегодня музыкантом академического профиля достаточно сложно, трудно, и, увы, не очень коммерчески выгодно. А ведь это один из важных современных стимулов. И все же — создание возможностей такого образования поможет вывести современную музыкальную культуру на более высокий уровень, поможет создать широкую аудиторию, публику, понимающую все тонкости и сложно музыкального языка.

Сегодня, когда время предъявляет серьезные требования к педагогам всех уровней образования — от начального до высшего, использование форм информационного обеспечения профессионального образования весьма и весьма актуально. Такой подход может позволить выйти из того кризиса, в котором оказалось сегодня подлинное искусство и его творцы и деятели.

Курс «Семиотика и лингвистика» в подготовке культурологов

От уровня образования в высшей школе во многом зависит будущее. Будущее не только в нашей стране, но и во всем мире. Это понимают очень многие люди. Не случайно, что в конце XX века — начале XXI века появилось много романов, посвященных высшей школе. Это и романы Малькольма Брэдбери, который был профессором Кембриджского университета, и Йозефа Рота, да и у нас в стране пример тому — недавний роман Татьяны Соломатиной. Да, все названные авторы пишут о том, как происходит общение профессуры с коллегами и студентами и аспирантами, но по существу — все о том, как поставлено именно обучение. Не случайно патриарх всея Руси Кирилл высказался столь категорично: «Образование так же важно, как оборона, и точно так же может быть только общенациональным делом. Образование готовит людей, способных работать в условиях современной наукоемкой экономики» (Цит. по: 3, 98).

Закономерным стало введение в классификационный перечень дисциплин, необходимых для подготовки философов и культурологов семиотики культуры и лингвистики. И это отнюдь не случайно, ибо влияние семиотики на развитие современной культуры чрезвычайно высоко. Не случайно, показывая влияние семиотики на современную культуру, Малькольм Брэдбери в романе «Сокращения» выводит литераторов, на книги которых повлияли Эко и Эндо, а также упоминает роль, которую оказал Ролан Барт на современную культуру в целом и художественную в частности (1, 175; 180).

По мнению законодателей современного образования, подготовка культурологов вне семиотики невозможна. При преподавании этой дисциплины мы должны помнить, что в Постановлении правительства РФ говорится: Сегодня в образовании следует решить следующие задачи: «1) совершенствование содержания и технологий образования; 2) развитие системы обеспечения качества образовательных услуг; 3) повышение эффективности управления в системе образо-

вания; 4) совершенствование экономических механизмов в сфере образования»(4).

Выполнить эту рекомендацию сегодня оказывается сложно. Оказывается, что, с одной стороны, уровень общей подготовки студентов в большинстве случаев достаточно невысок. И объясняется это тем, что общая атмосфера в обществе не способствует этому. Книги часто выходят без корректорской правки. Поэтому по книгам, как это было раньше, стать грамотным человеком достаточно сложно. Уровень культуры в средствах массовой информации зачастую требует серьезной корректировки. А ведь молодые люди во многом именно отсюда черпают информацию. Все это можно отнести и к Интернету. Наряду с нужными и важными материалами, здесь можно увидеть много пустого и неверного.

Но, с другой стороны, информативная наполненность молодых людей очень высока, иногда даже намного выше, нежели их преподавателей. Кстати. Сегодня как раз отрывочные данные именно о семиотике и лингвистике становятся довольно распространенными. Правда, используются они часто совсем невпопад. И примеров таких можно привести множество, особенно из средств массовой информации.

Иронизируя по поводу тотального заполнения современной гуманитарной научной сферы терминами семиотики, Малькольм Брэдбери пишет эссе-пародию «"Язык для своих": карманный справочник структуралиста». Протестуя против того, что метаязык, мета-письмо и т.п. стали заполнять не только эстетику и философию, но и любую интеллектуальную деятельность, Брэдбери становится язвительным, выступая в памфлетах против этого новояза. В частности, он пишет: «на заре столетия появился Фрейд с новыми теориями о бессознательном, и теории эти полностью уничтожили невинность секса, а заодно, к счастью, и связанное с ним чувство вины. Фрейд доказал, что все вокруг — секс, поэтому даже кашлять или кататься на велосипеде стало гораздо интереснее. То же самое происходит сейчас и с языком. Он, как и секс, утратил невинность. И теперь семиотики доказали, что все вокруг — язык, включая и секс. Великий французский семиотик Ролан Барт продемонстрировал, например, что пицца — тоже язык... на самом деле все, что мы выставляем напоказ, о чем подаем сигналы или чем обмениваемся, есть язык — будь то секс, пицца, деньги, одежда, спорт или законные супруги. Все это система знаков, управляемая валютным курсом (неплохое, между прочим, название для современного романа). Я — язык, и вы — язык, хотя одни из нас в нем сильны,

а другие — не очень. Вот так обстоят дела на сегодняшний день, но пусть это не повергает вас в суровое молчание. После того как секс потерял невинность, люди не перестали им заниматься. У них просто пропала охота притворяться, будто они не знают, что делают, когда занимаются сексом, который, оказывается, существовал независимо от их размышлений. Точно так же и с языком. Сегодня нам всем следует признать, что мы — взрослые «означающие», всегда участвовавшие в семиотической деятельности. Не нужно паниковать: мы уже в ней — здесь и сейчас. Поэтому я предложил бы то же, что и Зигмунд Фрейд старушке Вене: «Прилягте на диван и расслабьтесь. Я здесь, рядом. И я вам помогу» (2, 242).

У нас в стране развитие семиотики пришлось на предреволюционные и первые годы после Октябрьской революции. Однако обилие течений и направлений, характерных для этого времени в России, как и в искусстве, так и в науке, в конечном итоге обернулось борьбой между ними. Потерпели поражение научные и художественные представления наиболее глубокомысленные, требующие широкого круга знаний и, как правило, оторванные от привязанности к сиюминутным задачам. И все они стали высмеиваться, а затем и преследоваться.

Так семиотика у нас в стране первый раз оказалась под запретом, в загоне вместе с социологией, впоследствии с кибернетикой, генетикой и другими передовыми научными направлениями. Многие представители семиотики преследовались (например, М. Бахтин), труды их оказались запрещенными (например, О. Фрейденберг), кто-то эмигрировал (наиболее яркий пример — Р. Якобсон).

Второй этап победоносного шествия и развития семиотики связан с годами «оттепели» у нас в стране. В 60-е годы, когда были реабилитированы многие безвинно пострадавшие, вместе с ними вернулись и те, кто занимался исследованиями в области семиотики. Стали публиковаться труды М. Бахтина, сыгравшие важную роль в развитии семиотических идей не только в нашей стране, но и на Западе. Публикуются труды О. Фрейденберг и др. К этому времени относится становление и развитие Московско-тартуской школы. Теперь уже предметом семиотического анализа становится не только литература, но и многие другие виды искусства — музыка, пластические искусства, кино. Семиотические аспекты анализа оказываются применимы и к другим сферам жизнедеятельности человека — быта, в том числе жилища, идеологии и политики. В это время появляются философские труды по семиотике, получает развитие семиотический анализ и в психологии,

и в медицине. Однако в России открытое развитие семиотики длится недолго, как недолго просуществовала «оттепель». Наступает «застойный» период, датируемый мной 1967 годом. И в газетах начинается издевательство над семиотическими изысканиями, их терминологией, способами анализа. Многие представители семиотики вынуждены эмигрировать. Единственным оплотом семиотической науки остается Тартуский университет, вернее кафедра литературы во главе с Ю.М. Лотманом. В ответ на притеснения язык исследований становится еще более усложненным, именно в те годы возникает термин «вторичные моделирующие системы». В Тарту печатаются труды под названием «Летняя школа по вторичным моделирующим системам» (всего их вышло 5). Публикации по семиотике ждали и в России и за рубежом, но распространение идей оказывается замкнутым, аудитория искусственно ограничивается. Так снова развитие семиотики было извне сдержано, свернуто. И все же здесь интенсивно развивалась семиотика во взаимодействии с учеными из других городов СССР, в первую очередь из Москвы (почему эта школа называется «Московско-тартуской»). В трудные годы «застоя» это была единственная база для такого рода исследований. Следует также иметь в виду, что на заре становления семиотики как науки ученые, работавшие в Санкт-Петербургском университете, приняли активное участие в разработке основных направлений и проблем этой философской дисциплины.

Перестройка чудесным образом все изменила в духовной жизни общества. Все ранее запретное стали печатать. Книги и статьи по семиотике стали обильно печататься, появились на книжном рынке. Новое издательство «Школа "Языки русской культуры"» интенсивно пропагандирует труды по семиотике. Начинается активная волна интереса к семиотическим исследованиям. Появляются новые диссертации, написанные под влиянием семиотических идей, и защита их уже не подвергается остракизму. Теперь уже диапазон семиотических исследований еще больше расширяется.

Однако у нас в стране происходит довольно странная ситуация. Наиболее видные представители этой науки — В.В. Иванов, М.Л. Гаспаров, Б.М. Гаспаров, А.К. Жолковский, А.М. Пятигорский, М.Б. Ямпольский и многие другие интенсивно печатаются у нас, но живут и, как правило, преподают в западных университетах. При этом из уст некоторых из них раздаются замечания, что семиотика выдохлась, что развитие ее возможно только, если вольются новые силы. И вот уже растет разочарование и неприятие идей семиотики как изнутри, так и вне ее.

С уверенностью можно прогнозировать, что, несмотря на кризисы и спады, семиотика входит важным компонентом в систему современного научного знания и в будущем ее, несомненно, ждут великие открытия и завоевания. Сегодня семиотические исследования широко распространены во всем мире.

Согласно теории культуры, разработка которой началась в Советском Союзе в 60–70-х гг., культура — это совокупность знаковых систем, с помощью которых человечество, или данный народ, поддерживают свою сплоченность, оберегает свои ценности и своеобразие своей культуры и ее связи с окружающим миром. Эти знаковые системы, обычно называемые вторичными моделирующими системами (или «языками культуры») включают в себя не только все виды искусства, различную социальную деятельность и модели поведения, господствующие в данном обществе (включая жесты, одежду, манеры, ритуал и т.д.), но также традиционные методы, с помощью которых сообщество поддерживает свою историческую память и самосознание (мифы, история, правовые системы, религиозные верования и т.д.). Каждый продукт культурной деятельности рассматривается как текст, порожденный одной или несколькими системами.

Одним из элементов культуры является художественная культура. Ее ядром является искусство. И семиотика искусства получила довольно широкое распространение. Рубеж веков ознаменовывается поисками новых выразительных средств в искусстве. Практически нельзя обойтись без семиотического анализа при изучении современной художественной культуры, как и культурологии в целом. Семиотический аспект становится все более и более используемым методом в современной культурологии. Сегодня этот предмет ведется во многих ВУЗах. Следует заметить, что большинство учебных заведений ведут этот курс по подготовленным программам педагогов, читающих такой курс. Ознакомившись со многими программами этого курса, можно сделать ряд выводов. Как правило, такой курс ведут люди, имеющие солидную научную базу и хорошо знакомые с данной дисциплиной. Большинство изученных программ имеют четкую логику построения, хорошо дают представление о предмете и возможностях его применения. В каждом читаемом курсе учитывается специфика профессиональной ориентации студентов. Читать такой курс и сложно и просто. Сложно, потому что дисциплина эта требует очень серьезной подготовки. Просто прийти с общими знаниями и начать преподавать семиотику невозможно. С другой стороны, на современном этапе появилось множество

работ, посвященных семиотике. Лишь освоив этот массив, можно, безусловно, подготовить интересный цикл лекций, дающий возможность познакомить студентов с наукой, которая сегодня востребована в разных областях знания.

Сегодня создано много антологий, собраний текстов по семиотике. Много книг по культурологии выходит явно с семиотическим уклоном.

Однако накопленный этой наукой материал сегодня оказался столь обширным, что необходима некая матрица для структурирования предмета, столь важного и значимого для подготовки современных специалистов. Закономерно, что уже несколько лет во многих ВУЗах этот предмет ведется. Все же можно говорить о неких общих предпосылках, которые должны отличать курс семиотики. Безусловно, открываться такой курс должен освещением вопроса о предмете и задачах курса. Далее, на наш взгляд, следует студентам дать представление об истории семиотики. Несмотря на недолгий этап ее становления, она чрезвычайно насыщена не только именами, работами, но и событиями, особенно в нашей стране. И здесь следует обратить внимание на терминологию, которая часто в ходу в обществе, но с размытыми семантическими смыслами.

Представляется немаловажным раздел, посвященный семиотике повседневности. Как известно, проблемы повседневности сегодня — один из важных элементов культурологии. И без рассмотрения семиотики повседневности такой курс был бы обеднен. Но и за пределами повседневности есть много сфер, включающих семиотический аспект, который должен быть раскрыт перед студентами. Так, например, вопросы семиотики кризиса, семиотики скандала, семиотики войны мы уже включаем в читаемый курс.

Особый раздел, безусловно, должен быть посвящен семиотике культуры. Здесь существует множество трудов, которые могли бы помочь преподавателю. И в качестве дополнения, вероятно, возможно выделить еще один раздел — семиотику искусства. Ибо сегодня произведения искусства без знания терминологии семиотики практически до конца понять невозможно. Как полагает У. Эко, даже иконический знак, по своим параметрам наиболее полно отражающий свое означаемое, не обладает никакими общими свойствами со своим объектом, является полностью произвольным, конвенциональным, немотивированным (5, 77).

Такое членение курса подготовлено в программе по семиотике культуры в Санкт–Петербургском государственном университете культуры

и искусств. Дополнена эта программа тестами по семиотике и развернутым списком тем для рефератов. Однако тесты могут выявить только повторенный за преподавателем материал. Студент не может с их помощью выявить свои креативные способности. Поэтому тестовые задания необходимо обязательно совмещать с другими формами работы.

Как видим, внимание к данной проблематике остро актуально и важно для подготовки современных культурологов.

Использованная литература:

1. Брэдбери Малькольм, «Отражения» // ИЛ, 2002, № 12, 161 с. — 225 с.
2. Брэдбери Малькольм. Три эссе // Иностранная литература, 2002, № 12, 226 с. — 271 с.
3. Патриарх Кирилл раскритиковал реформу образования (фактограф) // «Вопросы культурологии», № 11, 2011, с. 98. Источник: http://www.seninauku.ru/news/page_27749.htm
4. О Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 гг. Постановление правительства РФ от 23 декабря 2005, № 803.
5. Усманова А. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. — ЕГУ, Пропилеи, 2000, 200 с.

Изучение «Мировой художественной культуры» в современной системе высшего образования

Мы живем в тяжелый период кризиса. Это сложно, жить в такую эпоху трудно, но не следует отчаиваться.

К. Маркс одним из первых обратил внимание на кризисы. В своем знаменитом «Манифесте Коммунистической партии» он писал: «Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая предшествующим эпохам показалась бы нелепостью, — эпидемия перепроизводства. Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, — и почему? Потому, что общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей...»⁸¹¹. К. Маркс показал, что каждый последующий кризис выше предыдущего. Кризис — это движение к прогрессу. Кризисы полезны, т.к. они стимулируют поиски правильного пути развития. При этом кризисы неизбежны. Они расчищают устаревшее в культуре и отмирающее в обществе. Кризисы постоянны. Свергая что-то негативное, ненужное в обществе, возникают новые заторы, которые порождают новые кризисы.

Николай Дмитриевич Кондратьев дополнил К. Маркса. Он считал, что кризисы порождают энергию открытия. Таких открытий в эпохи кризиса много, но они, как правило, ложатся под сукно. По Кондратьеву, который выдвинул теорию длинных циклов кризисов, известные в науке как «циклы (волны) Кондратьева, накладывающихся на все стороны жизни, каждые 48–55 лет возникают системные кризисы, определяющие застой в науке, в культуре. При этом надо иметь

---

⁸¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. Т. 4. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955, с. 422.

в виду, что временная дистанция смены поколений по представлению Ортеги-и-Гассета — 30 лет: 15 лет становления и 15 лет правления⁸¹².

Длинные волны кризисов имеют повышательную и понижательную форму. Именно Кондратьев выдвинул два типа циклов — понижающиеся и повышающиеся. Причем, периоды колебаний отдельных данных совпадают между собой весьма близко. Расхождение точек перелома по отдельным кривым лишь в единичных случаях превосходит 5 лет. При повышающихся циклах появляется множество открытий, порождается энергия, но при этом появляются войны, революции. При понижающихся циклах внедряются открытия, которые при повышающихся циклах ложатся под сукно, но нет войн, характерны скачки производительности труда, повышение уровня жизни. В своем докладе в Институте экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук в 1926 году он говорил: «Начало подъема совпадает с моментом, когда накопление и аккумуляция капитала достигают такого напряжения, при котором становится возможным рентабельное инвестирование капитала в целях создания основных производительных сил и радикального переоборудования техники... Понижение темпа хозяйственной жизни обуславливает, с одной стороны, усиление поисков в области усовершенствования техники, с другой — восстановление процесса аккумуляции капитала в руках промышленно-финансовых и других групп в значительной мере за счет сельского хозяйства⁸¹³».

Вот почему, какой быть культуре XXI века решается уже сейчас.

В наше время одна из важнейших задач — формирование будущего поколения, способного осуществлять грандиозные задачи, стоящие перед современным обществом. Не случайно в Обращении Президента Федеральному собранию Владимир Владимирович Путин уделил внимание именно формированию молодых специалистов, способных справиться с теми проблемами, которые встают перед нами.

Что же необходимо сделать? Ясное дело — формировать высшие учебные заведения так, чтобы они соответствовали современ-

---

⁸¹² Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея // Избранные труды. — М, Весь мир, 1997, с. 233–403.

⁸¹³ Доклад Н.Д. Кондратьева в феврале 1926 года в Институте экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) // Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики. — М.: 1928. Цит. по тексту книги: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989, с. 172–226.

ным задачам. Следует помнить при этом, что у нас сложился весьма вредный стереотип, что наше высшее образование никуда не годится. Недавно на выставке Самохвалова (она открылась в Государственном Русском музее 28 ноября 2014 года) я разговорилась с молодой симпатичной женщиной. Что-то в ее суждениях мне не понравилось, и я спросила, какой институт она окончила. Она гордо вскинула головку и ответила, что училась за границей. Да и в обсуждении Обращения Федеральному собранию Путина в программе Владимира Соловьева по горячим следам сразу после выступления Владимира Владимировича Путина многие высказывались о том, что наше высшее образование никуда не годится. Тогда возникает вопрос: почему зарубежные страны с таким удовольствием принимают наших специалистов, а мы говорим об «утечке мозгов». И разве недавние лауреаты Нобелевских премий, получившие признание — не выпускники наших ВУЗов? Просто там им предоставили лучшие условия для жизни и работы, но учились-то они у нас. Всемирно известно имя **Вячеслава Полунина**. Мало где упоминают, что он выпускник нашего ВУЗа. Сегодня **А. Могучий** — один из востребованных режиссеров — тоже наш выпускник. 29–30 ноября у нас проходила конференция, посвященная гармонии в культуре. На ней выступали маститые ученые из Франции и Литвы, увенчанные престижными наградами. Доклады наших профессоров им отнюдь не уступали, а во многом были и глубже, и серьезнее.

Это утверждение отнюдь не означает, что все хорошо в ВУЗовской практике. Модернизация российского высшего образования во многом противоречива и должна стать эффективной и создавать задел для основания будущего. Однако в раже перемен мы можем «вместе с водой выплеснуть ребенка». «Современное быстро меняющееся, наукоемкое производство требует подготовки профессионалов качественно нового уровня. И если в технологическом плане многие проблемы, связанные с решением этих инновационных задач, активно исследуются и успешно решаются, то политические и социально-культурные аспекты развития российского образования исследованы недостаточно»⁸¹⁴.

Одна из важных задач — повсеместное введение курса «Мировая художественная культура». Можно подумать, что «каждый кулик хвалит свое поле». Это отнюдь не так. Как известно, ядром мировой

⁸¹⁴ Качайнова Н.Б. Модернизация российского образования в контексте глобализации. // Education's Role in Preparing Globally Competent Citizens. Bulgarian Comparative Education Society, Conference Books, Volume 12, Sofia, Bulgaria, 2014. — P. 541.

художественной культуры является искусство. Не стоит утомлять всем известным воздействием и функциям искусства в обществе. Ограничимся лишь их перечислением: это воспитательная, познавательная, коммуникативная, прогностическая, агитационно–пропагандистская, гедонистическая и т.п. функции. Однако главное, что дает познание искусства — это формирование эвристических способностей. Именно они важны для современного специалиста. Ему необходимо в современных условиях постоянно проявлять творческие, креативные умения ориентироваться в новых условиях. Когда меня спрашивают, для каких специалистов необходим этот курс? Я отвечаю, что для всех — и для представителей точных наук, и для естественников, и для практиков, не говоря уже о гуманитариях. А где же взять деньги на это? А вот необходимо учитывать первостепенные задачи и отпускать именно на них средства. Гуманитарная оснащённость специалистов приводит с собой гуманизм, столь необходимый для современного общества, в котором черты агрессии, ксенофобии, нетерпимости столь велики. О гуманитаризации и гуманизации современного образования высшей школы говорят многие современные исследователи и преподаватели⁸¹⁵. Так, например, А.В. Гончарук утверждает, что «культурология нравственно–эстетического творчества, эмоционально–образные неопозитивы шедевров художественного творчества выполняют как компенсаторную по отношению друг к другу, так и творчески стимулирующие функции»⁸¹⁶.

Важно при этом учитывать, что курс этот должен включать изучение отечественной истории художественной культуры. Как известно, она во многом предопределила развитие всех известных художественных школ. Не случайно Анри Матисс, побывавший в России, заметил, что русским художникам, у которых есть русская икона, ничему ни у кого не надо учиться. А русский авангард начала XX века — явление, предопределившее все развитие мировой культуры.

При этом, безусловно, нельзя замыкаться только на своей культуре. И у нас очень хорошо поставлено изучение западной культуры. Однако европоцентризм в современных условиях отнюдь недопустим. Сегодня

---

⁸¹⁵ См, например: Складнева В.В. Специфика воспитания и образования казачества в условиях ВУЗов (на примере МГУТУ им. К.Г. Разумовского) // *Education's Role in Preparing Globally Competent Citizens. Bulgarian Comparative Education Society, Conference Books, Volume 12, Sofia, Bulgaria, 2014.* — P. 518.

⁸¹⁶ Гончарук А.Ю. Парадигмальные измерения в областях гуманитарных наук в свете авторской системы социокультурно–педагогической эмотивации // *Международный научно–исследовательский журнал, Екатеринбург, часть 1, 10 (29), 2014, с. 100.*

без изучения истории мировой художественной культуры Востока совершенно невозможно строить такой курс. Известно, что на Востоке средневековье длилось до XVIII, XIX, а в некоторых странах даже до XX века. Может возникнуть представление, что страны эти далеко отстали от европейской культуры. Это не так. Не случайно Умберто Эко назвал одну из своих статей «Средневековье уже началось». Ибо наша эпоха во многом близка именно средневековью.

Восток и Запад — две формы цивилизации, постоянно взаимодействующие и взаимовлияющие друг на друга. Однако это сопоставление одного с другим отнюдь не является бесконфликтным и гармоничным. О давнем противостоянии Востока и Запада — роман Ф. Гримберг «Небесная дорога любви или Арахна». В предисловии она пишет: «и Арахна, и ее отец, красильщик тканей, — люди этого античного Востока, мастера Малой Азии ... И значит ... вызовы, брошенный Арахной богине Афине, покровительнице одноименного с богиней города–государства, — это ... вызов, брошенный Востоком Европе ... тема соперничества, «дружбы–вражды» Европы и Востока заставила обратиться к самым разным материалам, версиям, теориям...»⁸¹⁷.

Из–за этого противостояния Запада и Востока возникают разного рода перекосы в оценке их взаимного одновременного притяжения и отталкивания. Показательна в этом отношении весьма спорная, но глубокая и хорошо фундированная книга, демонстрирующая эрудированность и тонкость ума Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока»⁸¹⁸. Книга эта была написана в 1978 году, но актуальность и интерес к ней продолжают привлекать внимание многих авторов. Эдвард Саид прямо указывает: «Большая часть из личных инвестиций в это исследование происходит из осознания моей собственной принадлежности к «Востоку» в качестве ребенка, росшего в двух британских колониях ... Мое исследование ориентализма было такой попыткой построить список оставшихся на мне, *восточном человеке*, следов культуры, чье доминирование являлось таким мощным фактором жизни для всех людей Востока»⁸¹⁹. Он верно пишет: «Еще никому не удавалось отделить ученого от обстоятельств его жизни, от его причастности (сознательной или бессознательной) к определенному классу

⁸¹⁷ Гримберг Ф. Небесная дорога любви, или Арахна. Роман. — М.: РИПОЛ классик, 2005. — 320 с., с. 5.

⁸¹⁸ Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб: «Русский Мирь», 2006, 637 с.

⁸¹⁹ Там же, с. 44 (курсив мой — С.М.).

и набору убеждений, социальной позиции, или же просто от его включенности в общество»⁸²⁰. Все это с несомненностью отразилось в книге Эдварда Вади Саида. По сути верно показано взаимовосприятие этих двух цивилизаций в терминах Своего и Чужого: «выявлению различий между знакомым (Европа, Запад, "мы") и незнакомым (Восток, "они")»⁸²¹.

Доминантным аспектом современной культуры является глобализация. Конечно, это явление имеет черты двойственности. Противники глобализации указывают огромное количество ее отрицательных черт. И они совершенно правы. Но, с другой стороны, в глобализации много прогрессивного и положительного. В этом есть свои определенные закономерности. Не случайно, например, в сказках народов мира очень много одинаковых сюжетов, отражающих архетипические представления, общие для всех землян. Это свидетельство того, что современная глобализация — закономерное явление сближения людей разных рас и цвета кожи, и, в конечном итоге, возможность понимания и диалога культур. Основные особенности глобализации очень ярко воплотились в судьбе и творчестве Эдварда Вади Саида (1 ноября 1935 г. — 25 сентября 2003 г.). И жизнь, и творчество его настолько двойственны, что отражают все противоречия глобализации.

Вот почему современный курс «Мировая художественная культура», учитывающий все стороны исторического развития, столь важен и необходим для изучения студентами всех направлений и специализаций, позволяющий готовить специалистов, достойных нашей великой Родины.

---

⁸²⁰ Там же, с. 20.

⁸²¹ Там же, с. 68.

Арнольд Наумович Сохор — ученый и Учитель (воспоминания об учителе)

33 года тому назад, 1 сентября 1966 года нас, первых аспирантов по специальности эстетика в Ленинградской Ордена Ленина консерватории (Ионаса Брувериса и меня) познакомили с Арнольдом Наумовичем Сохором.

Заведующая аспирантурой Галина Николаевна Токарева (человек необыкновенный, интеллигентный и добрый, которой замечательно удалось сохранить эти качества, работая чиновником), предупредила нас, что наш научный руководитель — молодой доктор наук. Мы с Ионасом переглянулись. Поступление в аспирантуру было сложным и драматичным. Место было одно, а претендентов трое. Причем, один из претендентов, самый грозный соперник, был выпускник ленинградской консерватории. В итоге Ионас Бруверис получил из Министерства культуры целевое место для Литвы. Уезжали мы по домам аспирантами, уверенными, что нашим научным руководителем станет А.И. Новиков, профессор, принимавший участие в комиссии на вступительных испытаниях, экзаменах и собеседованиях. Знающие люди объяснили нам, что с таким научным руководителем, как Новиков, защита обеспечена. И вдруг оказывается, что руководителем будет совсем не маститый ученый (так мне казалось тогда, а потом выяснилось, что А.Н. Сохор защитил докторскую диссертацию и раньше А.И. Новикова, и раньше М.С. Кагана и всех корифеев науки своего поколения), а только что защитивший докторскую диссертацию Арнольд Наумович Сохор. Непосредственное знакомство не совсем сняло (во всяком случае у меня) некоторую растерянность. В назначенное время (следует отметить, что Сохор всегда во всем был точен и очень дорожил временем) в кабинет заведующей аспирантурой быстрой, летящей походкой зашел молодой мужчина, очень бедно одетый (и это профессор?!), но стройный, красивый (на мой взгляд), на лице его выделялись прекрасные темные глаза, которые подчеркивались бледной кожей лица. Познакомившись, Арнольд Наумович тут же предложил нам начать занятия. Оказалось, что он уже позаботился об

аудитории для занятий, она называлась в консерватории — классе. Мы с Ионасом, внимательно и настороженно глядели на нашего научного руководителя. Выслушав наши сообщения о темах, которыми мы собираемся заниматься, Арнольд Наумович сразу же стал диктовать нам выходные данные книг, которые каждому из нас следует в первую очередь протудировать. Так как молодые аспиранты были иногородними, Арнольд Наумович подробно объяснил дорогу в Публичную библиотеку. Напоследок он с улыбкой рассказал анекдот о том, как два мальчика играют в кабинете отца одного из них. И вот хозяйский сын говорит своему приятелю: «Хочешь, я покажу тебе папиного первого пациента?» Он открывает шкаф и показывает стоящий внутри скелет. «Вы у меня тоже первые аспиранты», — добавил наш научный руководитель. На прощание он назначил следующую встречу. Дней было дано совсем немного, и я сразу же отправилась в библиотеку. Книга, которая мне была рекомендована, оказалась для меня очень сложной: А. Моль. «Эстетическое восприятие и эстетическое моделирование». Я сидела над этой книгой, пытаюсь разобраться в неизвестных мне математических значках, и думала: «Хороший у меня руководитель. Знает литературу, явно широко образованный человек. Но вот сможет ли он меня научить заниматься научными исследованиями? Неужели я буду его первым «скелетом»? Очень старалась вникнуть в содержание прочитанного, записывая все показавшееся наиболее интересным и нужным для моей темы. К назначенному для встречи дню с научным руководителем — урок одолела, но пришлось признаться учителю, что разобраться во всем не смогла, не все оказалось под силу. В ответ услышала: «Если бы Вы сказали, что все понятно, мне было бы страшно с Вами работать». Это звучало ободряюще.

Вскоре Арнольд Наумович пригласил меня на свои лекции по эстетике. Читал он очень интересно, но слушать его было трудно. Материал был насыщенный, речь быстрая, не совсем четкая. Студентам консерватории казалось все это не очень нужным для их профессионального образования. В аудитории стоял гул. Но по содержанию лекция отличалась глубиной и выпуклой, легко схватываемой на слух структурной выстроенностью.

Далее встречи назначались там, где у шефа образовывалось «окно». Он приглашал меня для занятий и в Союз композиторов, и в Институт театра, музыки и кинематографии (это именно тот институт, под грифом которого я прочитала столько книг и смутно представляла себе, что каким-то образом должна быть с ним связанной).

Считая, что мне необходимо углубленное изучение эстетики, мой научный руководитель послал меня прослушать лекции М.С. Кагана, по книгам которого я изучала этот предмет до поступления в аспирантуру. Вероятно, чтобы мне было проще обратиться к Кагану и попросить разрешения посещать его лекции, Сохор дал мне рукопись с просьбой передать Моисею Самойловичу. Таким образом, помог мне познакомиться с ведущим ученым и приобщиться к эстетике на самом высоком уровне. Свидетельствовало это также и том, что Сохор понимал и ценил заслуги своих современников. Такие качества в людях, к сожалению, встречаются достаточно редко. Мы скорее склонны после смерти воздавать должное заслугам наших современников, но при жизни это случается редко.

Был Арнольд Наумович человеком открытым. Со своими аспирантами общался как с друзьями, и нередко приглашал не только для научной работы, но и на праздники и в дни рождения. Я ходила к нему в гости с мужем и даже дочкой. Семья у Арнольда Наумовича была дружной. Отношение его к родственникам было поучительным и даже образцовым. Отдавалось должное маме, читавшей на днях рождения сына свои стихи. Привязанность и любовь к жене, Валентине Артемьевне, проскальзывали в каждом движении и реплике и становились примером для всех, посещавших этот дом. Валентина Артемьевна относилась к ученикам Арнольда Наумовича как к членам своей семьи. Дети её были хорошо воспитаны и любимы в семье, где воспитание было мягким, но строгим. Дом был гостеприимным и привлекал талантливых и ярких людей, поэтому стал одним из центров художественной жизни города.

С руководителем занимались мы часто, хотя Арнольд Наумович был чрезвычайно занятым человеком: в консерватории читал лекции, вел аспирантов, в Институте театра, музыки и кинематографии был заведующим секции эстетики и социологии, в Союзе композиторов — членом Правления, секретарем партийной организации и заведующим секцией музыковедения. На каждой должности было огромное количество обязанностей. (После смерти Арнольда Наумовича я подсчитала, что его работу стали вынуждены были выполнять шесть человек).

Ко времени, когда мы начали заниматься, Арнольд Наумович был уже автором работ, составляющих солидный список. Широта его научных интересов поражала. Здесь были строго музыковедческие исследования, посвященные анализу творчества разных композиторов — от Глинки, Бородина (монография о котором была материалом докторской диссертации) до Свиридова и многих начинающих авторов. Так, Сохор первым написал о творчестве Валерия Гаврилина и предрекал ему славу выдающе-

гося представителя современной музыкальной культуры (чем впоследствии очень гордился, ибо его предсказания очень быстро сбылись). Это ли не доказательство правильности его методологического анализа!

Много внимания уделял Арнольд Наумович исследованию массовой песни, что стало источником обращения не только к канонизированным ее формам, а и к таким новым ее модификациям, как поп-музыка. Обращение к бытовым формам музыки объясняло интерес и к общим проблемам музыкальной эстетики и социологии.

Его книга «Музыка как вид искусства» является до сих пор одним из фундаментальных трудов на эту тему. (Теперь, правда, появилась книга с точно таким же названием, где в списке литературы этого труда книга мэтра даже не упоминается, хотя использование его мыслей несомненно).

А. Сохором сделано было немало. Многие музыковеды прибегали к его помощи и советам. Надеюсь, что Г. Арановский, Э. Барутчева, Д. Дараган, И. Земцовский, Л. Данько, А. Климовицкий и многие другие подтвердят это с благодарностью.

Арнольд Наумович впервые выделил самодеятельное искусство в иерархии разных форм бытования музыки в общественной жизни. Обычно выделяют академическую, «серьезную» музыку и народный пласт (фольклор). Арнольд Наумович убедительно показал, что в этих пластах присутствуют профессиональное и самодеятельное творчество. Проблема жанра в искусстве сама по себе достаточно сложна. Но в приложении к музыке она становится еще более сложной. Без трудов Арнольда Наумовича современный исследователь этой проблемы обойтись не может. Пионером был Сохор и в семиотическом анализе музыки, показав, что искусство — семиотическая система особого рода. Исследуя музыку как вид искусства, он анализирует ее под углом зрения семиотики, получившей в это время возможность существования после репрессивного ее преследования с конца 20-х — начала 30-х годов. Но это была не дань моде, а очень глубокое и продуманное обращение к методам, помогающим более тонко и точно выявить специфику музыки.

Много внимания уделял он социологическим проблемам музыки.

Получившее широкое распространение в своё время исследование проблем эстетического воспитания, в трудах А.Н. Сохора отразилось не традиционно и глубоко.

В то время проблемы реализма, отражения действительности в искусстве, классовости, партийности и национальной специфики в эстетике марксизма-ленинизма были центральными. И без использования ленинской теории отражения труды ученых рассматривались как буржуазные,

ревизионистские и антинаучные. Но если серьезно вчитаться в наследие ученого, можно увидеть, что он максимально отдалялся от догматизма и начетничества. Безусловно, время накладывало отпечаток на официальную духовную жизнь общества. В трудах Сохора непредвзятый ученый увидит и глубину, и самостоятельность мышления, и смелость противодействия устоявшимся догмам и, что скрывать, даже изворотливость и хитрость говорить со своим читателем о том, что было в то время под запретом. Это был акт гражданской храбрости и героизма.

В ленинградском отделении издательства «Музыка» моим учителем была основана серия книг под общей рубрикой «Вопросы теории и эстетики музыки», он же был и редактором первых выпусков. Жизнеспособность этого издания подтвердилась тем, что и после того, как не он стал редактором, вышло еще несколько выпусков этой, основанной им, серии.

М.К. Мамардашвили, рассказывая о философии, подчеркнул, что выбор темы во многом характеризует автора. И тематика работ А.Н. Сохора вполне показывает широту его взглядов и эрудицию, провидческую интуицию в выделении истинно значимого и необходимого в науке. Его труды были переведены и изданы в Болгарии, ГДР, Чехословакии, Румынии, Австрии, ФРГ, и сегодня его имя хорошо знают за рубежом.

Став преподавателем по эстетике в Ленинградской Ордена Ленина Государственной Консерватории, Сохор организовал научный кружок по музыкальной эстетике и даже сочинил для него гимн. Мы с коллегой были учеными секретарями этого собрания. Занятия в кружке были столь плодотворны, что многие студенты, члены этого научного общения, выбрали впоследствии исследовательскую ориентацию в своем профессиональном становлении: А. Милка, Н. Южанин, Ю. Капустин, А. Резников, А. Лукьянов, С. Волков, Ю. Кочнев и многие другие.

Четкость в распределении рабочего времени позволяла Арнольду Наумовичу многое успевать, (в метро по эскалатору он спускался и подымался бегом), консультации зачастую проходили на ходу — при переходе из Союза композиторов в Институт театра, музыки и кинематографии или в консерваторию. Он учил меня: «Надо много спать, много отдыхать, много есть и... много работать». Казалось бы, парадокс. Но когда главным в жизни становится работа, оказывается, она ритмизирует всю жизнь, заставляя в нужное время отдыхать, есть и спать. И жизнеописания великих людей это, как правило, доказывают. Каково было мое удивление, когда много лет спустя я прочла у Н. Берберовой, что П.И. Чайковский поражался, как много удается ему одновременно работать, спать и отдыхать.

Каждый день я видела Арнольда Наумовича в «Публичке». Когда он рекомендовал мне какую-то книгу, обычно он знал, где она находится — в новых фондах, на показе, в подсобном отделе того или иного зала, в хранилище, в отделе редкой книги и т.д. Вспоминается такой эпизод. Мы стоим у гардероба консерватории, одеваясь, чтобы бежать в Публичную библиотеку. Навстречу нам идет молодой преподаватель, недавно принятый на работу в консерваторию. Он здоровается с нами и говорит Арнольду Наумовичу: «Читали ли Вы книгу такого-то, изданную в издательстве «Наука»?». — «Да, — отвечает Арнольд Наумович, — только она издана в издательстве «Мысль». — «А в журнале «Вопросы философии» напечатана его статья» — демонстрирует молодой неофит свою осведомленность. — «Конечно. Но она опубликована в «Философских науках». И не в номере пятом, как вы говорите, а в шестом», — поправляет его Арнольд Наумович. И так продолжается минут пятнадцать. И нет в лице и в голосе Сохора ни язвительности, ни иронии, ни превосходства, ни капли раздражения (хотя он очень торопился). Здесь просто явное стремление только к точности и верности высказанного, но нет и тени подчеркивания своей значительности и эрудиции. Для меня это очень поучительно, факт подлинной культуры, воспринятый мною с удивлением и восторгом.

В 1972 году, когда вышло постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», А.Н. Сохор первым стал читать курс по музыкальной критике. Читая теперь многочисленные рецензии в журналах и газетах, приходится сожалеть, что их авторы не слушали его лекций. Он учил, что критик пишет не только для современников, но и для будущих исследователей. Поэтому очень важно указать, где, когда и кем было исполнено описываемое критиком художественное произведение. Критические статьи самого Арнольда Наумовича позволяют очень хорошо восстановить атмосферу бытования художественного произведения, им анализируемого. И вполне могут служить пособием для молодых критиков.

Многообразие интересов Сохора получило отражение в интересах его учеников. Обычно учитель учит тому, что им освоено и разработано. Как правило, ученики — последователи идут по его стезе, развивая его идеи и углубляя и расширяя его достижения. Только у талантливых педагогов ученики работают разнообразно и самобытно. К примеру, никто из учеников И.Е. Репина не подражал мастеру. А сколько у него было учеников, и какие! Валентин Серов, Константин Коровин ... Ряд этот велик и широко известен.

Сохор же, как подлинно великий учитель, подготовил питомцев в разных сферах научного знания: музыковедения, эстетики, социологии, философии.

Первым его учеником—музыковедом был Ионас Бруверис, ныне профессор Вильнюсской консерватории. Известными музыковедами стали его ученики Александр Белоненко, один из вдохновителей и организаторов фестивалей русской музыки, директор музея им. Г. Свиридова, Геннадий Британов, доцент Университета культуры профсоюзов, интересный и яркий преподаватель. Много музыковедов в стране, которые могут с гордостью назвать себя учениками Сохора — и в Москве, и в Петербурге, и в Петрозаводске, и в Екатеринбурге, и в Казани, и в Ростове — на — Дону, и в Баку.

Многие музыковеды могут причислить себя к его ученикам, хотя непосредственно не были записаны в его соискатели или аспиранты.

Порой наступали сложные времена.

Занятия семиотикой во второй половине 60-х годов уже вызывали упреки в ревизионизме. Мне приходилось выслушивать, что я использую «хлам науки». Арнольд Наумович всегда был не только учителем, научным руководителем, но и бесстрашным и отважным защитником подлинно научной мысли, порой рискуя своим положением.

Все новые направления в науке были интересны Сохору. Работа его ученика Н. Южанина по аксиологии музыки до сих пор цитируется исследователями. Думаю, успех С. Волкова как музыкального критика во многом обусловлен влиянием на его становление А.Н. Сохора.

Ю. Кочнев посвятил свое исследование проблеме исполнительства в музыке. Сегодня он один из ведущих дирижеров страны. И в его успехе явно заложены влияния и труды Арнольда Наумовича.

Несмотря на сложности, интриги, предательства (будучи к тому времени автором более ста публикаций), учёный не прошел по конкурсу на звание профессора, в то время как очень «толерантный» доцент, опубликовавший за 5 лет три небольшие работы, был избран на должность единогласно.

Однако, в конце концов, справедливость была восстановлена. Еще в 1966 году Сохор начал работать в консерватории. Лишь в 1970 получил звание профессора, уже имея не только большое количество публикаций, но и защитивших диссертации учеников. Арнольд Наумович продолжал вести аспирантов, и к нему тянулись не только выпускники Ленинградской консерватории, но и университета и других гуманитарных высших учебных заведений со всей страны. Такими были его уче-

ники М. Колесов (выпускник философского факультета ЛГУ) и Лагутенко (выпускник Института культуры, ныне Заслуженный работник культуры РФ) и многие другие из разных городов и стран.

Многим помог А.Н. Сохор найти свой путь при изучении социологии музыки, приоритетном в последние годы направлении его научного творчества. Юрий Капустин, Елена Бурлина стали видными учеными, труды которых известны в среде профессионалов.

Сегодня к школе Арнольда Наумовича Сохора можно причислить не только его непосредственных учеников, не только тех его коллег, которые пользовались его советами, рецензиями, отзывами, но уже и учеников его учеников.

Арнольд Наумович Сохор прожил очень короткую жизнь. Он родился 7 апреля 1924 года. 7 апреля я хорошо помню, потому что часто бывала на днях его рождения, и после смерти при жизни его вдовы мы, его друзья и ученики, в этот день собирались в его доме в память об учителе.

Жизнь Сохора была сложной и насыщенной. К 1941 году Арнольд Наумович успел окончить школу и поступить в консерваторию. С 1943 года он был солдатом в действующей армии до конца войны. После возвращения окончил консерваторию, поступил в аспирантуру Института театра, музыки и кинематографии. Параллельно закончил в 1954 году философский факультет Ленинградского университета. А дальше — интенсивная и многообразная деятельность. Часто ему сопутствовали успехи, удачи, победы, но были и невзгоды. Особенно удручало то, что люди, недостаточно образованные, завистливые, мешали серьезной, целенаправленной работе. И сердце не выдержало. Умер он 12 марта 1977 года, не дожив до 53 лет, после обширного инфаркта. Перед самой смертью он сам себе поставил правильный диагноз, и здесь проявив трезвость ума, знания, эрудицию и самообладание.

После 22-летнего периода с того горестного дня имя его пытаются замалчивать, пользуясь его идеями и теориями. Происходит это от того, на мой взгляд, что нередко, сразу же после смерти выдающегося деятеля культуры, его достижения окружает зона молчания.

Лишь потом, через некоторое время, если повезёт и если наследие действительно значительно, личность может занять своё место в истории культуры.

Наука сама по себе бесстрастна и добросовестный исследователь (а именно таким был Арнольд Наумович Сохор и такими учил быть своих учеников) увидит, как велико и значительно наследие этого ученого, оставившего много благодарных учеников.

Светлана Махлина. Автобиография

«Жизнь — игра со многими правилами, но без рефери. Мы узнаем, как в нее играть, скорее наблюдая ее, нежели справляясь в какой-нибудь книге, включая Священное Писание. Поэтому неудивительно, что столь многие играют нечестно, столь немногие выигрывают, столь многие проигрывают» — так начал свою «Речь на стадионе» перед выпускниками Мичиганского университета в Анн Арборе в 1988 году Иосиф Бродский. Действительно, жизнь во многом похожа на игру. Однако я всегда старалась в ней играть честно. Так случилось, что в детстве мне не приходилось лгать — и я этому не выучилась. Иногда все же приходится жалеть, что нет мастерства в этом плане — жизнь часто ставит в такие условия, что умение сказать неправду — спасительно. Что же касается выигрышей и проигрышей — очень сложно в каждый конкретный момент понять — выигрыш или проигрыш означает то или иное событие. Очень часто оказывается, что то, что ты считал проигрышем — величайшее счастье — и наоборот.

Я заметила парадоксальное явление — все победы и неудачи почему-то совпадают с положением в стране и мире. Но в любой игре — важна удача. А мне во многом повезло. Повезло с родителями. Они были очень хорошими, талантливыми людьми, мужественными и стойкими в любых житейских бурях, но с очень сложной судьбой. И очень меня любили. Их любовь меня всегда спасала в самые мои трудные и горькие минуты, даже тогда, когда они ушли. Мне повезло с мужем, который был мне не просто мужем, но соавтором, творческим вдохновителем и учителем. Повезло с дочерью, с детских лет и до сих пор являющейся для меня примером серьезности и глубокомыслия, смелости самостоятельности суждений, целеустремленности, воли и безмерной доброты.

Обычно по отношению к женщинам стараются не говорить о годах. И правильно делают. Но я, видимо из-за войны, всегда стремилась к самостоятельному образу жизни и никогда не скрывала свой возраст. Я родилась 16 апреля 1941 года за два месяца до Великой Отечественной

войны в городе Кишиневе. От радости папа привел под окошко роддома в день моего рождения оркестр, в котором играл. А потом, когда началась война, отец по работе (а работал он на железной дороге — его организация называлась Молджелдорурс, и по этому поводу в семье много раз иронизировали) был эвакуирован под Челябинск. Мама со мной окольными путями добиралась до него. С началом побед Советской армии железнодорожники шли вслед за нашими войсками, очищавшими землю от захватчиков, и чинили железнодорожные пути. И нередко попадали под бомбежки. Так что бомбежки я помню. Как только освободили Кишинев, мы в него вернулись. Я выучилась читать по надписям на домах: «Проверено — мин нет. Проверил лейтенант (или какой-то иной чин) и затем фамилия».

Отдали меня учиться в специальную музыкальную школу при консерватории в 1948 году. Так как у нас не было инструмента, в школе мне выдали на дом фортепиано. Но надо было платить за его амортизацию. В те времена за хорошую учебу нам платили стипендию с первого класса. Мне необходимо было учиться хорошо, чтобы получать стипендию. Моих стипендиальных денег хватало не только на плату за инструмент, но, в то время для меня — самое важное и первичное, — за облигации государственного займа, чем я очень гордилась. Так с первого класса жизнь научила меня очень серьезно относиться к учебе, делу, которым занимаюсь. Когда я окончила школу в 1959 году (у нас школа тогда была 11-летней), по полученным отметкам меня вынуждены были представить к серебряной медали. Но в тот год вышло постановление, что если в годовых отметках есть «4», то медаль не выдается. А у меня как раз по математике годовая оценка, не входившая в аттестат (экзамен же был сдан на «отлично»), была «4». И школа послала ходатайство в ГОРОНО для выдачи мне медали, так как, писалось в этом прошении, по всем музыкальным предметам у меня всегда были отличные оценки, что было правдой. Для поступления в консерваторию вместо аттестата мне выдали бумажку, на которой было написано, что я представлена к медали. Так я поступила в консерваторию в класс фортепиано без аттестата. Потом моя учительница по музыке, Татьяна Александровна Войцеховская принесла мне аттестат из ГОРОНО, сказав, что там спросили: «А мама ученицы учительница? Нет? Тогда зачем ей давать медаль?». Я оскорбилась и в консерваторию аттестат не вернула. А через год поехала в ленинградский Институт живописи, скульптуры, архитектуры им. И.Е. Репина, куда подала свой аттестат вместе с необходимыми документами для поступления.

(Учиться и жить в Ленинграде — это ли не счастье?). Естественно, консерваторию я не собиралась бросать. Поэтому оставалось поступить на заочное отделение. Для этого я пошла работать. Конкурс был большой — 9 человек на место, но конкурс удалось выдержать. Так я стала работать и учиться в двух институтах, что по тем временам было противозаконно. Вскоре консерваторию реорганизовали в Институт искусств им. Г. Музыческу и закончила я в 1965 году уже не консерваторию, хотя поступала в нее. Распределили меня на работу в свой же Институт искусств, (во всяком случае, именно такое распределение я подписала), но в начале учебного года оказалось, что почему-то в мое отсутствие было перераспределение и я направлена на работу в музыкальное училище им. Ш. Няги. А это означало для меня, что научная работа, которая влекла меня еще со школьных лет, будет лишь моим личным делом. И я стала усиленно готовиться в аспирантуру по эстетике при Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории. В Ленинград мне все равно надо было ехать, так как предстояло еще заканчивать учебу в ленинградском Институте им. Репина.

Опять конкурс, опять удача — меня приняли. Предполагалось, что моим научным руководителем будет Авраам Израилевич Новиков. И все знающие люди меня поздравляли — с таким научным руководителем кандидатская диссертация обязательно будет написана и защищена. Действительно, Авраам Израилевич был красив, добр, излучал своими жгучими черными глазами всепонимание и мудрость. Могла ли я предположить, что через много лет этот «небожитель» для меня, растерянной и неуверенной в себе аспирантке, предложит мне написать совместно книгу? Опять, как это часто со мной случалось, когда я приехала к началу нового учебного года в 1966 году, оказалось, что мои ожидания не оправдались.

По каким-то неведомым мне причинам, научным руководителем оказался Арнольд Наумович Сохор, молодой доктор наук, только что защитившийся. Предполагавшаяся неудача обернулась большим везением. Арнольд Наумович был замечательным педагогом, учившим не только потому, что этому обязывало положение научного руководителя, но и собственным примером. Он много работал в Публичной библиотеке. Я всегда могла там с ним посоветоваться, если возникали какие-то проблемы. Были у нас занятия в консерватории, и он разрешал ходить к нему на лекции, которые были для меня очень важными и во многом предопределили мою собственную преподавательскую деятельность. Нередко на занятия с ним мы — мой соученик Йонас

Бруверис — сегодня известный литовский ученый и я — приходили в Институт театра, музыки и кинематографии, где А.Н. Сохор заведовал сектором. Часто мы с Йонасом встречались с Арнольдом Наумовичем в Доме композиторов, где Сохор был членом Правления, заведующим секцией музыковедов. Все эти должности он совмещал, полностью отдаваясь каждой и честно выполняя необходимые обязательства. Это было очень поучительно. Приглашал он и домой — не только на занятия, но и на свои дни рождения. У него была замечательная жена — Валентина Артемьевна, которая всегда нас, аспирантов, вкусно кормила и была настолько радушна, что первое смущение очень быстро прошло, и мы приходили к ним как в родной дом.

Арнольд Наумович послал меня слушать лекции Моисея Самойловича Кагана. В те годы на лекции к нему в университет стекались слушатели со всего города. Я старалась не пропустить ни слова. Все было ново и так ярко, увлекательно. Я была примерной слушательницей и усердно записывала все. Многие в его лекциях еще не было опубликовано и это всегда было свежо и очень логично и четко выстроено. Восхищало, что Каган умел вовремя поставить точку на последнем предложении, точно уложившись во время, всегда помнил, на чем остановился на прошлом занятии. Мастерство лектора было завидным и недостижимым.

Три года аспирантуры пролетели быстро. К этому времени я закончила в 1969 году и Институт Репина. Мне это очень помогло с работой. Опять меня ждало распределение. Меня распределили в Петрозаводский филиал Ленинградской консерватории, где я читала лекции не только по эстетике, но и по истории искусств. Мой муж и дочка поехали вместе со мной. Там мне как молодому специалисту дали квартиру. Жизнь складывалась прекрасно. Были там замечательные ученые, музыканты. Город красивый и культурный. Но оказалось, что ностальгия — это страшная болезнь. Муж мой просто бредил Ленинградом. Любя меня, он, конечно, согласился ехать со мной. Но видеть его страдания вне своего родного Ленинграда, где дождь — дождик, где промозглая погода — такая умиротворяющая и приятная, по его мироощущению — было невыносимо. И через три года, в 1972 году мы вернулись в Ленинград.

К окончанию аспирантуры я закончила работу над диссертацией. Но я не хотела быть кандидатом искусствоведения, а претендовала на степень кандидата философских наук. Таким образом, как мне тогда представлялось, я могла соединить свои знания по музыке и изобразительному искусству. Это было в диковинку. Защищаться надо было

в Ленинградском Государственном университете им. А.А. Жданова. Но такой переход — готовить философскую диссертацию в консерватории представлялся нелепым. Да и в консерватории мою работу посчитали ревизионистской. Семиотический анализ оказался к тому времени уже не в чести, а он был доминирующим в моей работе, а использование работ А. Зиновьева по логике, хотя именно в те годы он стал известен своими художественными произведениями, один из рецензентов назвал «хламом науки». Долго не хотели принимать у меня документы в университете. Пришлось выполнять все новые и невообразимые требования, чтобы работу приняли на рассмотрение. Препоны были со стороны работников аспирантуры, разного рода девочек, секретарей, которые могли себе позволить человека чужого (а я для университета была чужой) выгнать, бросить диссертацию на пол и всячески унижать.

Но когда работа попала на кафедру этики и эстетики, все пошло как по маслу. Тут уже смотрели ее ученые, преподаватели, читали с интересом и, в конце концов, в 1974 году я защитилась, по искомой мною степени кандидата философских наук. Это была большая победа благодаря моему терпению и упорству. Однако сложности продолжались.

В Ленинграде оба мы — и муж, и я оказались без работы. Ох, и трудная это была работа — искать работу. Конечно, места для работы были. Но как только брали в руки личный листок по учету кадров, где пункт пятый был в то время тяжелым испытанием, находились причины, часто нелепые, чтобы от наших услуг отказаться. В одном месте прямо сказали: «Кадры для Израиля не готовим», в другом — «То, что вы окончили два института, вас не красит, а лишь говорит о нецелеустремленности», «Вот если бы Вы не были кандидатом наук, мы могли бы взять Вас на работу» и т.п. Так долго я мыкалась, на часах преподавая эстетику то в Лесотехнической Академии, то в Сельскохозяйственном институте в г. Пушкине. Везде работали приятные люди, но пойти против тех правил, установившихся в стране, никто не мог. С тех пор познакомилась и осталась в добрых отношениях с Сергеем Михайловичем Некрасовым, теперь известным доктором наук, профессором, директором музея-квартиры Пушкина. Было много серьезных ученых, замечательных коллег, которые поддерживали и помогали преодолеть трудности.

И вот однажды я встретила на улице Авраама Израилевича Новикова. Тогда он был заведующим кафедрой философии в Институте культуры им. Н.К. Крупской. «Не знаете ли, где требуется преподаватель по эстетике?», — спросила я у него. «Мне на кафедре нужен преподаватель, но Вы ведь понимаете, как это сложно взять Вас на работу,

тем более мне». В тот же вечер к нам в гости пришел друг мужа Святослав Петрович Кузнецов, как мы его всегда называли — Славочка. Оказалось, что он — председатель ГЭК в этом Институте культуры. Он привел меня к ректору — Евгению Яковлевичу Зазерскому, — и тот принял меня на работу на кафедру к А.И. Новикову. Это был смелый поступок по тем временам. И я навсегда ему благодарна. Обретение работы сразу сделало мою жизнь стабильной и спокойной. Случилось это в 1975 году.

Многому научилась я на кафедре. В первую очередь — дисциплине. Часто у нас были кафедральные прослушивания лекций преподавателей. И так как все читали хорошо, приходилось быть на их уровне. Но, конечно, сравниться с лекциями А.И. Новикова не мог никто. Он давал понять, чего надо добиваться в своей работе. Не упускалась из виду и научная работа. Все старались писать статьи, методические пособия. И мне не хотелось отставать от других. Но все проходит.

На кафедре была секция этики и эстетики. В ней работали В.Д. Лелеко, И.К. Москвина, Е.С. Протанская, Н.Н. Суворов и я. Елена Сергеевна Протанская стала зав. кафедрой педагогики и психологии. Все остальные — читавшие эстетику, были переведены на кафедру теории и истории культуры к Светлане Николаевне Иконниковой. И атмосфера на кафедре была более комфортной и дружной. Безусловно, это было связано с тем, что кафедра была небольшой. Но был в этом и авторитет заведующей. И очень высокий научный уровень. В первую очередь восхищал Эльмар Владимирович Соколов. Его суждения всегда были неординарны, всегда с каким-то новым видением и выбивавшиеся из обыденных, устоявшихся традиционных представлений. А его книги были всегда событием в научной жизни. Сергей Николаевич Артановский — полиглот, эталон настоящего профессора дореволюционной закалки, всегда благожелательный и готовый прийти на помощь. Столь же теплым и мудрым оказался Леонид Васильевич Петров, несколько позднее защитивший докторскую диссертацию, но такой же, как и названные профессора, знаток и эрудит. И более молодые — Ольга Ивановна Даниленко, Галина Викторовна Скотникова. Молодые-то молодые, но пример старших не давал возможности топтаться на месте, способствовал научному росту. И мы, вновь пришедшие, должны были соответствовать кафедре. Ибо над всеми царила Светлана Николаевна Иконникова, подготовившая огромное количество кандидатов и докторов наук, но успевавшая и сама писать книги и статьи, известные не только в нашей стране, но и за рубежом. Следует отме-

титель, что кафедра была пионером в области культурологии, одной из первых в стране интенсивно разрабатывавшей это направление в науке.

И стали мы работать на новом месте, включившись в научные диспуты, конференции, конгрессы, не забывая о преподавании. Обсуждения на кафедре способствовали росту и методических, и научных резервов каждого из нас. В этот период я решила, что свое второе образование надо реализовать. И стала писать вместе с мужем статьи о художниках. В итоге в 1983 году я была принята в Союз художников, позднее став членом Международной ассоциации критиков искусства (АИСА).

Впоследствии кафедра пополнилась новыми членами. После смерти Эльмара Владимировича Соколова к нам на кафедру пришел Валерий Павлович Большаков. Это было ценное приобретение на кафедре. Он бессменный организатор новых монографий, учебных пособий. Именно благодаря ему удалось собрать многие труды, созданные на кафедре. Неценима его помощь в подготовке диссертационных исследований, подготовленных на кафедре. Интересна деятельность Татьяны Федоровны Ляпкиной, трудоголика, постоянно заботящейся о том, чтобы кафедра выполняла все новые и новые требования, возникающие в области современного высшего образования. Не отстают от старших и молодые сотрудники — кандидаты наук Ольга Прокуденкова и Любовь Сидорова. И, конечно же, сотрудники кафедры — Ирина Николаевна и Мариночка, всегда помогающие в повседневной деятельности. Все они вызывают мое восхищение и благодарность за тонкое и умное сотрудничество.

Именно благодаря поддержке кафедры, и особенно Светланы Николаевны Иконниковой, удалось создать концепцию научной работы. В 1992 году я подготовила докторскую диссертацию. И защита прошла легко и просто. А вскоре после этого стала и профессором. Но за этой простотой и легкостью лежала огромная работа не только моя, но и всех членов кафедры, терпеливо читавших варианты диссертации, подсказывавших, что доделать, что подкорректировать, что прочитать, что изменить, на чем сделать акценты и т.д.

В 1993 меня назначили проректором по научной работе. Эта должность показала мне сотрудников института, ставшего сначала академией, а потом и университетом, с новой стороны. Как много хороших, умных, тонких ценителей искусства, просто порядочных людей я узнала! Но, конечно, я хорошо отдаю себе в этом отчет, по роду своих природных возможностей я не гожусь в начальники. И закономерно,

что в 2001 году проректором по научной работе стал доктор филологических наук, профессор В.В. Головин.

Снова я оказалась на родной кафедре. Впрочем, я никогда и не отрывалась от нее, хотя большую часть времени приходилось проводить в ректорате, на разного уровня совещаниях и собраниях. Сейчас жизнь стала более соответствовать моим наклонностям и природным задаткам.

Однако ничто не стоит на месте. Изменились условия работы. К нам пришел новый ректор — молодой, привлекательный и благожелательный Александр Сергеевич Тургаев. Как и предыдущий ректор — Павел Алексеевич Подболотов — доктор исторических наук. Будучи проректором по научной работе, мне часто приходилось общаться с Павлом Алексеевичем. И я очень хорошо поняла, что история — наука, влияющая на личность, ею занимающейся, весьма и весьма положительно. Павел Алексеевич научил меня сдерживать порывы гнева, весьма мне свойственные, быть по отношению к окружающим спокойным и мягким. Когда пришел Александр Сергеевич Тургаев, сменились многие руководители разных подразделений. Новое руководство потребовало новых форм работы. Так, необходимо было создать новые учебно-методические комплексы. Поначалу это вызывало во мне внутренний протест. Однако постепенно я пришла к выводу, что это связано с переходом на новую систему — бакалавриат и магистратуру. И эти требования — отнюдь не прихоть нового руководства, а явление, характерное для всего высшего образования в стране. И, как всегда, оказалось, что такая работа весьма полезна в педагогической деятельности. Но, чтобы суметь выполнить все требуемые формы, мне во многом помогли студенты. Они с радостью стали составлять по изучаемым со мной дисциплинам тесты.

Всю мою профессиональную жизнь яркими переживаниями и вспышками внутреннего удовлетворения сопровождалось мое общение со студентами, а позднее — с аспирантами. Я никогда не относилась к ним как к несмышленишкам, которых я призвана обучать. С самого начала работы преподавателя я воспринимала их как младших коллег. Возможно, это случилось потому, что начала я работать в возрасте, не намного превышавшем возраст моих слушателей. И они всегда воздавали сторицей мое отношение к ним. Многому научили меня студенты. Часто они придумывали чрезвычайно интересные темы. Часто помогали придумать очень неординарные, но чрезвычайно полезные формы работы. Например, по эстетике мы проводили на семинарских занятиях игру «Что, где, когда», в которой сложные вопросы придумывали сами студенты. И всегда они знакомили меня с интересными новинками не

только в научной области, но и в художественной сфере. В сложный период перехода на новые формы работы студенты всегда были поддержкой, даря ощущением ценности и эффективности общения с ними.

Столь же плодотворным было всегда сотрудничество с библиотекой и ее сотрудниками. У нас, в нашей университетской библиотеке сотрудники в основном выпускники нашего ВУЗа. Только бывший директор библиотеки, Екатерина Степановна Бондаренко — выпускница Московского института культуры, что подчеркивает родственность и близость наших учебных заведений. Как правило, общение с нашими библиотекарями всегда выводило на новые неординарные пути в осмыслении интересовавших научных проблем, знакомило с интересными новинками, помогало в расширении кругозора. Да и подготовить список своих работ без помощи Людмилы Ивановны Вороновой у меня не получилось бы.

В 2002 году я была удостоена награды «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». Кафедра по-прежнему придает мне силы. Когда в декабре 2002 года умер муж, я не ожидала такого теплого сочувствия и понимания со стороны очень многих людей нашего ВУЗа. Но именно коллеги по кафедре помогли пережить мое горе, суметь продолжить работу и вновь обрести силы для дальнейшего существования.

Жизнь продолжается, несмотря на горе, утраты, сложности и потери. Выходили и выходят статьи, книги. Когда я готовила словарь по семиотике в издательстве «Композитор», редактор сказала мне, что у меня будет много книг. Я изумилась, ответив: «В этой книге все, что я знаю. Мне кажется, что больше я никогда ни строчки не напишу». Редактор меня заверила: «Поверьте моему опыту. Я же вижу, что Вы будете писать». Конечно, я не поверила. Но потом оказалось, что, действительно, у меня возникли многие идеи, которые как-то само собой воплотились в жизнь. Надеюсь, что многие свершения еще впереди. Во всяком случае, научных планов у меня много.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Семиотика культуры	
Семиотика животных в мифах Ближнего Востока	9
Семиотика смерти в мифах Ближнего Востока	22
Знаковость вещей	38
Сады и парки как коды культуры	50
Семиотика материнской любви	73
Семиотика свадьбы в диалоге культур	92
Семиотика скандала в культуре Востока и Запада	120
Семиотика тюрьмы	132
«Чтец» Бернхарда Шлинка как отражение знаковости войны	151
Семиотика кризиса	158
Семиотика революции	167
Семиотика терроризма	189
Семиотика — модный бренд в культуре	217
Культурология	
Энциклопедия в современной культуре России	227
О гармонии в дисгармоничном мире	236
Образ Бабы–Яги в межкультурной коммуникации	245
Эзотерика шаманизма и современность	254
Эзотерика игры в мяч в древней Мезоамерике	267
Риторика тела индейцев Калифорнии	275
Масонские символы в русской культуре XVIII века	284
Мистика чисел в сакрально–религиозных представлениях	297
Санкт–Петербург (Ленинград) — столица провинциальной культуры	315
Америка и американцы глазами россиян конца XX века	322
Язык и культура	337
Отцы и дети в культуре	349
Музей и постижение языка изобразительного искусства	360
Значение Эдварда Саида в современной культуре и культурологии	365
Восток на Западе	372
Будущее России по «Розе мира» Даниила Андреева	393
Педагогика и образование	
Болонский процесс и художественное образование в России	407
Проблемы художественного образования в России на современном этапе	414
Восток в современном гуманитарном образовании	425
О подготовке новых методических материалов в условиях перехода на двухуровневую систему образования: сложности перехода	429
Дистанционное образование в современной музыкальной педагогике	434
Курс «Семиотика и лингвистика» в подготовке культурологов	443
Изучение «Мировой художественной культуры» в современной системе высшего образования	450
Арнольд Наумович Сохор — ученый и Учитель (воспоминания об учителе)	456
Светлана Махлина. Автобиография	464

Махлина Светлана Тевельевна
Знаки, символы и коды культур Востока и Запада

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Е. А. Виноградова*

Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 86 А, оф. 536

Тел. +7-921-951-98-99, Савкина Татьяна Михайловна,

+7-911-820-22-47, Галина Михайловна, склад

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

«Фаланстер», М. Гнездиновский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.

Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₁₆. Усл. печ. л. 29,6. Печать офсетная.

Заказ №